

	СОДЕРЖАНИЕ СОБРАНИЯ ТРУДОВ ХАН-ГИРЕЯ	
	К читателю	
	ЖИЗНЬ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ХАН-ГИРЕЯ (Жемухов С.Н.)	
I.	ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ	
II.	ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ И БЕЛЛЕТРИСТИКА	
1.	ЧЕРКЕССКИЕ ПРЕДАНИЯ	
2.	ВЕРА, ПРАВЫ, ОБЫЧАИ, ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕРКЕСОВ	
3.	КНЯЗЬ КАНБУЛАТ	
4.	МИФОЛОГИЯ ЧЕРКЕССКИХ НАРОДОВ	
5.	НАЕЗД КУНЧУКА	
6.	БЕСЛЬНИЙ АБАТ	
7.	КНЯЗЬ ПШЬСКОЙ АХОДЯГОКО	
III.	ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ	
1.	Докладная записка флигель-адъютанта Хан-Гирея (19 мая 1837 г)	
2.	Проект об управлении горскими народами (1837)	
3.	Краткое изложение о предварительных мерах к устройству Закубанских мирных племен (1838)	
IV.	НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ФРАГМЕНТЫ, ЧЕРНОВЫЕ АВТОГРАФЫ	
1.	Сераскир Султан Мугаммед-Гирей	
2.	Наезд Кунчука	

3.	Бесльный Абат	
4.	Официальный доклад о положении горцев 1837 – 1840 годах и о мерах к умиротворению их	
	ПРИЛОЖЕНИЯ	
	Историко-литературные очерки. Археографическая характеристика и источниковедческий анализ документов	
	Комментарии	
	Список источников и литературы	
	Список сокращений	

К читателю

Настоящее издание приурочено к 200-летию со дня рождения выдающегося представителя адыгской интеллектуальной элиты и политического деятеля Султана Хан-Гирея (1808-1842).

В своих трудах Хан-Гирей предстает как историк, этнограф, религиовед, лингвист, писатель-беллетрист, дипломат, автор ряда значимых политических трактатов. Все эти многочисленные ипостаси Хан-Гирея нашли отражение в настоящем собрании его трудов, включающем как уже публиковавшиеся работы, так и доселе неизвестные не только широкой читающей публике, но и специалистам. Так, наряду с «Записками о Черкесии» и другими историко-этнографическими трудами в сборник вошли политические проекты 1837-1838 гг.: ранее других осознавший неизбежность прочного утверждения России на Кавказе, Хан-Гирей стремился донести до военно-политического руководства страны сценарии максимально бескровного вхождения адыгов в состав империи. Небезынтересным для исследователей станет и знакомство с черновыми автографами уже публиковавшихся работ.

Некоторая кажущаяся эклектичность данного сборника объясняется стремлением добиться предельно полного охвата творческого наследия Хан-Гирея, и сегодня поражающего диапазоном своих интересов, универсальностью дарований и масштабом свершений.

В рамках настоящего проекта подготовка к печати «Записок о Черкесии» осуществлялась по архивным первоисточникам, а историко-этнографической беллетристики – по газетным и журнальным публикациям 1840-х – 1910-х годов.

Редколлегия сочла своим долгом сопроводить работы Хан-Гирея историко-литературными справками, а также представить источниковедческий анализ и археографическую характеристику публикуемых архивных документов. Не менее важной частью работы были научное комментирование и подготовка научно-справочного аппарата. Пользуясь случаем, считаем своим долгом упомянуть наших старших коллег и предшественников – В.К. Гарданова, Г.Х. Мамбетова, Р.Х. Хашхожеву, в свое время не только проделавших масштабную работу по публикации произведений Хан-Гирея, но и принявших на себя непростой труд по их научной обработке. Целый ряд подстрочных сносок и комментариев, принадлежащих перу этих специалистов, сохранен в настоящем издании в силу их точности и исчерпывающего характера.

Следует также отметить, что перед нами не стояла задача откомментировать абсолютно все заслуживающие внимания аспекты из трудов Хан-Гирея. Ясно, что это – задача для последующих исследователей. Но уже сейчас, по нашему мнению, можно говорить о целесообразности издания специальной работы «Словарь Хан-Гирея», в котором были бы разъяснены не только термины из сферы культурной лексики, но и переложены на современную адыгскую графическую основу весь

ономастикон, зафиксированный автором с помощью разработанной им системы записи. Этим, отчасти, и объясняется принципиальный отказ редколлегии настоящего проекта от составления указателей – именного, географического и пр.

Тексты архивных документов воспроизводятся нами по правилам современной орфографии, но с сохранением особенностей написания слов.

Заведомые орфографические ошибки, допущенные автором или переписчиками, нами исправлены.

Знаки препинания отображены в авторской редакции; в случае явных ошибок и описок, они расставлены в соответствии с современными правилами пунктуации. Сокращения раскрываются только в случаях малоупотребляемости их в современной литературе.

Все прочие случаи нашего вмешательства в авторский текст оговорены особо в подстрочных сносках в соответствующих местах.

Отдельные слова и фрагменты текста, выделенные в рукописях Хан-Гирея или в его опубликованных трудах, в настоящем издании набраны полужирным курсивом (в разделах I – III). Система воспроизведения черновых автографов при помощи различных начертаний шрифта в разделе IV оговаривается в соответствующем месте.

Воспроизведение в настоящем сборнике нескольких видов подстрочных сносок (редакторские, авторские, а также принадлежащие редакторам изданий, публиковавших труды Хан-Гирея, и др.) обусловило введение нами различных графических символов для их разграничения.

***

Считаем своим приятным долгом выразить искреннюю признательность коллегам, замечания и оценки которых способствовали выходу в свет данного издания.

Особую благодарность за содействие в реализации нашего проекта хотелось бы выразить руководству и сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), и, прежде всего, директору РГВИА Гаркуше И.О., зам. начальника отдела информационного обеспечения и публикации документов РГВИА Бурмистровой Т.Ю., а также палеографу ОПИ ГИМ Петрову А.А. – за ряд исчерпывающих научных консультаций.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

ЖИЗНЬ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ХАН-ГИРЕЯ

Изучение наследия Хан-Гирея. Личность С. Хан-Гирея (1808-1842) привлекла внимание уже его современников, среди которых выделяется петербургский писатель В. Бурнашев [22]. О Хан-Гирее писали В. Миллер, Дж. Белл, Ф. Торнау и др. Существуют литературно-критические отзывы о его первых произведениях.

При жизни Хан-Гирея увидели свет его повесть «Черкесские предания» [148] (отрывок из которой в том же году опубликован в немецком переводе [1]) и этнографический очерк «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» [137], фрагмент из которого был в 1846 г. издан редакцией газеты «Кавказ» под заголовком «Мифология черкесских народов» [145].

После его смерти появились в печати повести «Князь Канбулат» [142], «Наезд Кунчука» [146], и биографические очерки «Бесльный Абат» [136], «Князь Пшьской Аходягоко» [143].

Хан-Гирей в свое время получил известность благодаря своим «Запискам о Черкесии», представленным российскому императору, который запретил их публикацию. Впоследствии этот труд был надолго забыт, и в 1958 г. заново обнаружен В.А. Дьяковым [43]. По инициативе М.Г. Аутлева была изготовлена машинописная копия главного сочинения Хан-Гирея [7, с. 200].

Первое научное изучение его наследия было предпринято М.О. Косвеном, написавшим в 1961 г. статью «Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей» [76].

Впоследствии началось активное изучение жизни и творчества Хан-Гирея и опубликование его трудов. В 1968 г. вышла монография о жизни и деятельности Хан-Гирея, написанная Т.Х. Кумыковым [81].

В 1974 г. избранные произведения Хан-Гирея изданы Р.Х. Хашхожевой [141], и переизданы в 1989 г. [149]

Впервые «Записки о Черкесии» были опубликованы в 1978 г. В.К. Гардановым и Г.Х. Мамбетовым [138] к 170-летию со дня рождения автора. Второе, расширенное издание 1992 г. (с добавлением заключительной главы, обнаруженной М.Б. Нагоевым в 1984 г. [89]), было приурочено к 150-летию со дня смерти Хан-Гирея [139]. Не так давно (к 200-летию юбилею Хан-Гирея) увидело свет третье издание этого труда [140].

В 1994 г. Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт выпустил сборник статей, посвященный памяти Хан-Гирея [30].

В 1997 г. вышла монография С.Н. Жемухова, в которой исследуется мировоззрение Хан-Гирея [46].

Неизвестная работа Хан-Гирея о своем отце была обнаружена в 1998 г. М.Н. Губжоковым [38].

В 2003 г. А.Д. Вершигора написал монографию, основанную на новых данных о жизни Хан-Гирея [28].

Кроме этих специальных работ существует еще большое количество статей, диссертационных исследований и глав в монографиях, посвященных

жизненному пути и творчеству Хан-Гирея.

В настоящее собрание сочинений Султана Хан-Гирея вошли его работы, известные на сегодняшний день - это изданные ранее научные труды и художественные произведения, а также до этого не издававшиеся проекты, неоконченные произведения и черновики. Издание приурочено к 200-летию со дня рождения великого адыгского мыслителя.

1. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ХАН-ГИРЕЯ

Происхождение и детство. Султан Магмет-Гиреевич Хан-Гирей родился в 1808 году в бжедугской семье, имевшей социальный статус хануко (султанов) и относившейся к числу наиболее знатных фамилий Черкесии, возводившей свою родословную к Гиреям – правящей династии Крыма.

Еще в XVII в., когда бжедуги жили около Туапсе и Сочи, предки Хан-Гирея переехали из Румелии в Туапсе – это были его прапрадед Ислам-Гирей и прадед Сагат-Гирей.

Во время переселения бжедугов с берегов Черного моря в долину Кубани, с соплеменниками переселился и его дед Аслан-Гирей. Один из влиятельных политиков своего времени, лично представленный турецкому султану, Аслан-Гирей состоял на турецкой службе и погиб в сражении за крепость Анапу в 1790 г. Перед смертью он завещал сыну Магмет-Гирею принять русское подданство, если Россия завладеет Анапой. Хан-Гирей писал, что его дед отличался религиозностью.

После русско-турецкой войны 1787-1791 гг. правобережье р. Кубань оказалось в сфере влияния России, а левобережье – Турции. Через посредство своих эмиссаров османское правительство активно поддерживало «демократические» субэтносы Черкесии – абадзехов, натухайцев и шапсугов. В такой обстановке «аристократические» бжедуги пытались заручиться поддержкой России. В 1808 г., в год рождения Хан-Гирея, его отец был награжден золотой медалью «За усердие». Магмет-Гирей выкупил из черкесского плена десять казаков, а также солдат и женщин, и безвозмездно передал их российской стороне. Это произвело впечатление на генерал-губернатора Ришелье дю Плесси, и 24 октября 1811 г. Магмет-Гирей с частью своих подвластных переселился на правый берег Кубани и основал хутор около Павловского кордона (несколько ниже современной плотины Краснодарского водохранилища) [122].

Двое других сыновей - Шаган-Гирей (1805 - 1835) и Сагат-Гирей (1809 - 1856) не переселились с Магмет-Гиреем и остались жить в родовом ауле на левобережье Кубани. Кроме братьев у Хан-Гирея было пять сестер – Милексултан Ахеджакова, Алимкосетан Айтекова, Ханефи Могукова, Черихан и еще одна сестра, чье имя неизвестно. Позже родился самый младший Адиль-Гирей (1819 – 1876).

Хан-Гирея с малых лет готовили к деятельности политика. Особое внимание в своих трудах он уделяет Шапсугии, где провел детские годы, по обычаю аталычества находясь на воспитании. Хан-Гирей писал о своем

аталыке: «По черкесскому обыкновению, я был отдан на воспитание в дом почетного старшины, одного из самых замечательных народных предводителей шапсугских того времени, пробыл там три или четыре года, и теперь хорошо помню то глубокое уважение, которое оказывали ему все приезжавшие к нам и патриархальную его власть над большим и богатым своим семейством. Он всегда был угрюм; огромный рост, большая палка, волчья шуба шерстью вверх, молчаливость и нависшие брови придавали этому народному предводителю какую-то дикую мрачность» [149, с. 205]. Годы аталычества в демократической Шапсугии воспитали в нем гибкость в подходе к социальным проблемам. Будучи уже крупным политическим деятелем, он умел если и не принять, то, во всяком случае, понять устремления простого народа – подобная широта взглядов есть следствие воспитания и детских впечатлений Хан-Гирея.

В 1817 г. отец Хан-Гирея делает окончательный выбор в пользу России и поступает на службу в Черноморское казачье войско с чином войскового старшины. Турецкое правительство также делало Магмет-Гирею весьма лестное предложение «принять на себя начальствование над всеми закубанскими народами» [76, с. 184], но он его отклонил. Подобная альтернатива, стоявшая перед его отцом, явилась впоследствии одной из причин доброжелательного отношения Хан-Гирея к Турции.

Отец Хан-Гирея был ярким представителем новой эпохи и примером для сына. Как справедливо отмечают исследователи, Магмет-Гирей во многом отошел от привычного образа жизни адыгского феодала XVIII в. После переселения с нестабильного левобережья Кубани на более спокойную российскую территорию, он активно занялся сельским хозяйством и торговлей [28, с. 21]. Сохранился любопытный перечень товаров, которые Магмет-Гирей отправлял в левобережную Черкесию: парусина, холсты, крашенина, серебряная мишура, китайка, карманные платки, шелк в нитях, юфть, косы, синька, иголки, наперстки, замки, гребешки, зеркала, ножницы, перстни и др. [104, с. 117]. Экономические проекты впоследствии занимали важное место в деятельности Хан-Гирея. Опыт отца наглядно показал, насколько важен мирный образ жизни для развития экономики.

5 апреля 1821 г. после продолжительной болезни ушел из жизни отец Хан-Гирея, и 13-летний мальчик фактически стал главой семейства, состоявшего из мачехи и трех сестер. В следующем году Хан-Гирей переселяется с крестьянами в Гривенский аул. 1 сентября 1822 г. генерал М.Г. Власов, относившийся к юноше с большой личной симпатией, приезжает к нему в аул и с неудовольствием отмечает, что он на новом месте «бедствует, а самое главное – он не учится, и молодые годы могут уйти безвозвратно» [28, с. 42]. В этом возрасте Хан-Гирей еще не знал русского языка, и общался с русскими военными через переводчика.

В том же году он был определен в Екатеринодарское войсковое учебное заведение. Через два года, ко времени получения воинского чина, Хан-Гирей уже знал русский язык, умел читать и писать. Он также владел турецким языком, которому обучался с детства. Отечественное участие русского

генерала в судьбе черкесского мальчика наложило отпечаток на дальнейшей деятельности последнего. И будучи молодым императорским флигель-адъютантом, он наивно пытался пробудить подобные чувства в покровительствовавшем ему российском самодержце, призывая его отечески позаботиться о просвещении всех черкесов.

Начало военной службы. 20 января 1825 г. Хан-Гирей в возрасте 17 лет начал службу сотенным есаулом в Черноморском казачьем войске. Однако первые боевые раны он получил не в сражении, а от своих крепостных. Ночью 1 мая 1826 г. двое крестьян забрались в дом к спящему Хан-Гирею и нанесли ему 8 кинжальных ранений, но раны оказались не опасными, и юноша быстро поправился.

Благодаря связям отца и своим личным качествам он в короткий срок сделал блестящую карьеру. Жизнь его была наполнена сменявшимися с головокружительной быстротой событиями. Хан-Гирею не было еще 20 лет, когда он принял участие в русско-персидской войне 1826-1828 гг. и за храбрость получил солдатский Георгиевский крест и офицерский чин. Позже, льстя Николаю I, Хан-Гирей писал об этой ныне малоизвестной войне, что для России было возможно «покорение государства Персидского в 1827 году, если бы великодушные монарха не удержало оружие своих воинов» [139, с. 326].

Одним из поворотных моментов в судьбе Хан-Гирея стало назначение его в мае 1827 г. ординарцем генерала К.Х. Бенкендорфа, который позже рекомендовал его своему брату - влиятельнейшему политику николаевской эпохи А.Х. Бенкендорфу. (В одном конном полку с Хан-Гиреем в том же чине сотенного есаула служил в это время его старший брат Шаган-Гирей.) Затем Хан-Гирей участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. в должности адъютанта главнокомандующих войсками А.С. Меншикова и В.Н. Перовского, был произведен в поручики и получил награды за храбрость.

Многочисленные эпизоды биографии Хан-Гирея показывают, что он пользовался большой симпатией и покровительством людей, от которых напрямую зависела его судьба. Личные качества ярко выделяли его среди соратников. Командованию, не раз награждавшему его, импонировала храбрость Хан-Гирея, свидетельством которой были и ранения – несколько раз даже пикой, что свидетельствует об участии в жестоких атаках лицом к лицу с врагом. Его служебную дисциплинированность характеризовала безукоризненная исполнительность. «Заслужить хорошее внимание начальства я поставлял всегда первейшею целью моей жизни» [139, с. 52], - писал Хан-Гирей.

Первый политический опыт. Другой важнейший эпизод в жизни Хан-Гирея произошел после его возвращения с русско-турецкой войны. В конце 1829 г. Хан-Гирей был отправлен в Петербург и на короткое время зачислен в лейб-гвардии Черноморский казачий эскадрон. 13 января 1830 г. он был переведен в Кавказско-горский полуэскадрон, а через неделю

отправился обратно на Кавказ. В Петербург с собой он повез прошение к российскому императору о принятии бжедугов в подданство и о назначении самого Хан-Гирея правителем бжедугов.

В Бжедугии это прошение вызвало крупный политический скандал, в котором против 21-летнего Хан-Гирея выступил влиятельный хамышеевский князь Алхас Хаджимуков.

Освещавший события 1829 г. по прошествии десятилетий, последний потомок правящего дома хамышеевцев Темтеч Хаджимуков (1848 - 1907), расценил их как попытку свержения хамышейских князей Хаджимуковых [134, с. 57]. Предыстория этих событий такова: бжедугские владельцы, находясь в неприязненных отношениях с «демократическими» адыгами, традиционно тяготели к России, в то же время желая сохранить максимум властных полномочий. Резкий политический крен бжедугских князей в сторону России в немалой степени был вызван усилением угрозы извне в ходе продолжавшейся русско-турецкой войны и желанием при помощи кордонных властей стабилизировать общественные отношения, расшатанные межсословным конфликтом 1828 г. При этом, заявив о желании перехода в российское подданство и готовности делегировать властные полномочия молодому хану, князья вскоре отказались от собственного же предложения «состоять под началом» Хан-Гирея. Тем самым, возникла серьезная угроза для репутации Хан-Гирея, однако последовавшая проверка отменила сомнения в подлинности письма.

Этот случай характеризует молодого Хан-Гирея как энергичного и честолюбивого политика, хотя еще и не совсем уверенного в себе. Активное участие в войнах и политике позволило ему рано постичь военное искусство и понять механизмы власти черкесского общества.

В этом жизненном эпизоде проявилась и другая яркая черта характера Хан-Гирея – его склонность к компромиссам. В конфликтных ситуациях он совершенно не умел отстаивать свою позицию или даже защищаться – он соглашался на все. Многочисленные биографические факты говорят о том, как легко Хан-Гирей умел подкупать людей своей открытостью, благожелательностью и услужливостью. Но мы не знаем ни одного факта, когда он являлся бы инициатором или победителем конфликта. Счастливчик и баловень судьбы, он привлекает к себе нескрываемую ненависть Алхаса Хаджимукова, но не может открыто противостоять ему, и лишь позже дает выход своим эмоциям, негативно описывая «кровавую жизнь этого старца, воина не слишком отважного, но интригана смелого и коварного» [149, с. 277].

Стремительная карьера. Вернувшись в Петербург, Хан-Гирей продолжил службу в Кавказско-горском полуэскадроне. 9 декабря 1830 г. он отправился в Польшу. Кавказско-горский полуэскадрон был разделен на две части, в одной из которых под командованием Хан-Гирея служили Ш.Б. Ногма и С. Казы-Гирей. Будущие светила адыгской мысли отличились в боях. «Черкесы украшают себя примерным поведением, похвальным

соблюдением военного порядка, что приписываю как врожденному мужеству, так и в особенности распоряжениям храброго и благоразумного их начальника поручика Хан-Гирея, покрывшего себя тремя славными ранами» [28, с. 72], - отзывалось о них начальство.

9 июля 1831 г. Хан-Гирей произведен из поручиков в штабс-ротмистры и представлен к наградам*. 28 февраля 1832 г. полуэскадрон вернулся с Петербург.

13 ноября 1832 г. Хан-Гирей назначается командиром Кавказско-горского полуэскадрона, а в следующем году получает чин ротмистра.

1 января 1837 г. Хан-Гирею присвоен чин полковника.

18 апреля 1837 г. он получил придворное звание флигель-адъютанта российского императора.

Позже советские историки писали, что царские чиновники желали подготовить из него активного проводника колониальной политики царизма [76, с. 186].

Главный секрет стремительной карьеры молодого бжедугского хануко заключался в том, что российское правительство пыталось инкорпорировать кавказскую элиту (в лице Хан-Гирея и его сослуживцев) в российскую, предпринимая, таким образом, попытку мирного присоединения Кавказа к Российской империи. Это прекрасно понимали как в Петербурге, так и на Кавказе. Эта идея, впервые упомянутая в грамоте Александра I кабардинским владельцам от 20 января 1812 г.*, получила воплощение уже в 1828 г. с началом формирования особой воинской части, вошедшей в состав конвоя Николая I и включавшей в себя представителей горской знати.

Кавказско-горский полуэскадрон был в ведении «паши мундиров голубых» графа А.Х. Бенкендорфа, ставшего личным покровителем Хан-Гирея. В петербургском высшем обществе одновременно были приняты несколько Гиреев, как писал современник, «посланные в С.-Петербург для получения образования, и, будучи там, пользовались самым добрым родительским расположением со стороны императора и императрицы» [2].

В петербургском высшем обществе. Хан-Гирей был, несомненно, одним из самых ярких выходцев с Кавказа, служивших в Петербурге. Он стал неким

---

* Хан-Гирей награжден прусским орденом Красного Креста 3-й степени, орденом Св. Станислава 3-й степени и Знаком отличия Польского ордена «За военные заслуги». Казы-Гирей произведен из юнкеров в корнеты и награжден золотой медалью «За храбрость». Шора Ногма произведен в чин юнкера и награжден Георгиевским крестом и Знаком Польского ордена за военные достоинства 5-й степени. Был удостоен Знака отличия Военного ордена и оруженосец Сагат-Гирей - брат Хан-Гирея.

* В Грамоте от 20 января 1812 г. говорилось: «Соизволяем Мы отныне впредь иметь при Высочайшей особе Нашей, из почетнейших владельческих и узденских фамилий ваших, в виде особой Гвардии Нашей, по 100 человек конных, вооруженных по обыкновению вашему, для коих составлен будет особый штат, с назначением достаточной суммы на содержание, позволяя вам при том сменять их, по воле вашей, чрез каждые 3 года или 5 лет другими такими ж, которые будут состоять, под собственным Высочайшим Начальством Нашим, наравне с другими Лейб-Гвардии Нашей полками» [97, с. 151].

образцом для своих соотечественников, демонстрирующим, как может быть принят в столице Российской империи «питомец кавказских гор». Высокий чин, покровительство А.Х. Бенкендорфа, а также «светская образованность, столь развитая в нем, что его можно было ставить в пример многим гвардейским офицерам, милый характер и приличный в высшей степени тон» - все это открывало Хан-Гирею двери наиболее престижных салонов Петербурга. Он был лично знаком с Николаем I, а царица Александра Федоровна «на небольших придворных балах постоянно удостаивала Гирея выбором в мазурке... Одним словом, *Le charmant Circassien*^{*}, вовсе не искавший не только славы, но и известности, громко прославлялся в столице» [22, с. 38], - восторженно писал о нем современник.

Хан-Гирей попал в среду, где царил дух приобщения выходцев из горской знати к мировой и русской культуре. Повышенный интерес российской творческой интеллигенции того времени к Кавказу пробудил у Хан-Гирея, как и у многих других его образованных передовых соплеменников, желание собирать материал по этнографии и истории черкесов, пробовать свое перо. Благодаря целеустремленному характеру и поразительной работоспособности он развил в себе исследовательский и литературный талант, что позволило ему за короткую жизнь написать серьезные этнографические труды, увлекательные художественные произведения и соответствующие кавказским реалиям политические проекты.

Вот как красочно описал появление Хан-Гирея в одном из известных салонов С.-Петербурга его современник: «Неожиданно среди разнокалиберного сборища, в котором преобладали статские сюртуки, фраки, вицмундиры, явился молодой человек, статный, тонкий, грациозно-гибкий, среднего роста, с маленькою головкою, имевшею симпатичное лицо, несколько смугловатое, при томных карих глазах, при шелковистых русых усиках, при каштановых, остриженных под гребенку волосах. Что-то необыкновенно живое, доброе, привлекательное развито было в этом новом госте. В выражении лица, во всем его облике и в самих манерах гостя было что-то грустное, застенчивое, но далеко не боязливое, и глаза его, постоянно томные, метали по временам искорки, выражающие однако не гнев, а энергию. Этот гость был одет в вице-форму лейб-гвардии Горского полуэскадрона, то есть на нем был красивый синий чекмень, перетянутый ремнем и покрытый серебряными галунами на груди, полах, патронницах и круглом воротнике, из-под которого виден был голубой бешмет из шелковой тармаламы, обшитый также галуном. На плечах были пышные полковничьи эполеты с царским вензелем; с правого плеча спускался серебряный аксельбант, что означало звание флигель-адъютанта. На шее по голубому бешмету были орденские ленты, станиславская и анненская, поддерживавшие ордена, дававшиеся мусульманам, то есть без изображения ликов святых, а с государевым вензелем с короною. Кто же был этот молодой

---

* Очаровательный черкес (фр.).

черкес, гвардии полковник и флигель-адъютант? То был Хан-Гирей» [22, с. 36-37].

В Кавказско-горском полуэскадроне в 1830-х гг. служила целая плеяда выдающихся деятелей, вошедшая отдельной страницей в историю адыгской мысли. В том же году, что и Хан-Гирей, в полуэскадрон были зачислены Шора Ногма, на основе филологических трудов которого российское правительство будет позже рассматривать вопрос о введении письменности в Кабарде, а его книга по истории адыгов переведена на немецкий, арабский и шведский языки. С ними начал службу в столице и С. Казы-Гирей, чьи очерки были встречены похвалами А.С. Пушкина и В.Г. Белинского. Еще до них туда прибыл А.М. Мисостов, будущий автор «Истории несчастных черкесов», представленной в 1844 г. в С.-Петербургскую академию наук.

«Записки о Черкесии». Хан-Гирей много читал, собирал полевой этнографический материал, но до 1836 г. все это не носило систематического характера. Поводом к упорядочению занятий Хан-Гирея послужило поручение императора. Николай I собирался лично посетить Кавказ, чтобы ознакомиться с положением дел и самим фактом посещения оказать влияние на ход колонизации.

А.Х. Бенкендорф во время одной из встреч с Хан-Гиреем сказал ему: «Из разговоров твоих, Гирей, заметно, что ты таки порядочно знаком с историей горских кавказских племен. Государю императору угодно ехать на Кавказ будущим летом. Может быть, он возьмет тебя в свите своей; но это еще не верно, а верно то, что государю угодно, чтобы ты написал собственно для него записку о горских племенах, о которых, как слышно, ты кое-что уже имеешь у себя написанное. Надо, чтоб такая записка была у государя не позже, как через два месяца или даже через шесть недель» [22, с. 40].

«Записки о Черкесии» вылились в серьезнейший энциклопедический труд, вобравший в себя описание всех сторон духовной и материальной культуры адыгов первой половины XIX в. Редактором «Записок о Черкесии» выступил крупнейший филолог того времени Н.И. Греч; заметим, что он являлся автором «Начальных правил Русской грамматики», методология которой легла в основу «Начальных правил Кабардинской грамматики» Ш.Б. Ногма.

Из-за того, что сочинение было подготовлено в невероятно короткое время – менее чем за два месяца, – ученые выдвигают различные гипотезы о том, что «Записки о Черкесии» были уже почти готовы к тому времени, когда А.Х. Бенкендорф предложил Хан-Гирею их написать, и в эти недели работа сводилась к редактированию и переписыванию рукописи; или даже, что «Записки о Черкесии» были написаны за год до этого, а царю представлено совсем другое сочинение, меньшее по объему и не дошедшее до нас. Тем не менее, главный факт заключается в том, что на обложке самой рукописи «Записок о Черкесии» стоит дата – 1836 г.

Ознакомившись с «Записками о Черкесии», император остался

доволен, и стал называть Хан-Гирея *Le Caramsine de la Circassie**.

Дипломатическая миссия на Северный Кавказ. В первое время после написания «Записок о Черкесии» все складывалось для Хан-Гирея как нельзя лучше. Весной 1837 г. была организована дипломатическая миссия на Северный Кавказ. Было решено во главе миссии поставить местного человека, и выбор пал на Хан-Гирея, как и намекал ему А.Х. Бенкендорф, поручая написать записку для царя. Выбор был не случаен; судя по всему, Хан-Гирея давно готовили к этому, и звание императорского флигель-адъютанта ему присвоили для «солидности».

Хан-Гирею поручалось установить контакт с «демократическими» субэтносами Черкесии - натухайцами, шапсугами и абадзехами - и вести с ними переговоры от своего имени (но не от имени русского правительства). Ему также было вменено в обязанность составление различных проектов положений об управлении мирными горцами; эта часть поручения была дана Хан-Гирею в силу присущих ему способностей к составлению подобного рода документов, что продемонстрировали уже «Записки о Черкесии».

Миссии Хан-Гирея должен был оказывать содействие командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, который разослал начальникам линий и другим своим подчиненным уведомление о прибытии Хан-Гирея, и обратился к горским народам со следующей прокламацией: «Счастливейшее для кавказских народов событие ниспосылается небом. Великий могуществом и отеческими попечениями о благе подданных ему народов, обожаемый ими император посетит Кавказ в продолжение будущей осени. Главная цель Его Императорского Величества при этом посещении состоит в том, чтобы короче узнать положение и нужды верноподданных его кавказских горцев: чтобы положить прочное основание будущему их благоденствию. Для того посылает он флигель-адъютанта своего полковника Хан-Гирея, питомца кавказских гор» [81, с. 33].

29 мая 1837 г. члены миссии тронулись в путь и через 15 дней прибыли через Тамань в Екатеринодар (ныне Краснодар).

14 июля Хан-Гирей прибыл в Кабарду вместе с командующим Отдельным Кавказским корпусом бароном Розеном. Собрав в укр. Урухском князей и дворян Большой Кабарды, Хан-Гирей объявил им о предстоящем приезде на Кавказ русского императора. Затем Хан-Гирей отправился в крепость Налчик и собрал там сельских старшин Большой Кабарды. Из посещения Кабарды Хан-Гирей сделал вывод, что «волнения, произведенные английскими агентами, встревожили несколько и кабардинцев, они будто бы сомневаются в миролюбивых отношениях России к Турции и к другим европейским державам» [81, с. 36].

В начале августа он прибыл к закубанским черкесам, побывал у себя на родине - в Бжедугии. Узнав о приезде Хан-Гирея в Шапсугию, на

---

* Черкесский Карамзин (фр.).

Ольгинский кордон на встречу с ним сразу же прибыла делегация шапсугских старшин, которые стремились к сближению с Россией, но не были поддерживаемы народом в этом стремлении. Переговоры с ними не имели положительного результата.

В ходе выполнения своей миссии Хан-Гирей вступил в конфликт с А.А. Вельяминовым. В ожидание приезда Николая I было составлено прошение «черкесских и ногайских дворян и всего народа», в котором был неожиданно поставлен пункт, где подвергалась критике местная власть. Просители писали, что если черкесы воюют против могущественного государя, то в этом вина и царских чиновников, «управлявших нами, которые не стремились к государственной пользе, но действовали для личных выгод». Российская военная администрация на Кавказе посчитала, что такая резкая критика нашла отражение в просьбах закубанских черкесов под влиянием Хан-Гирея.

Со своей стороны кавказская военная администрация обвинила Хан-Гирея в отсутствии должного усердия, в силу чего возложенная на него миссия не получила ожидаемого императором завершения. Престарелый генерал А.А. Вельяминов не скрывал своей антипатии к молодому императорскому адъютанту и открыто выступил против него, так же как в свое время старый князь Алхас Хаджимуков настроил против Хан-Гирея бжедугское высшее общество.

К обвинениям местных властей присоединились и чиновники военного министерства. В этой схватке между флигель-адъютантом С. Хан-Гиреем и генерал-лейтенантом А.А. Вельяминовым победил последний. Хан-Гирей даже не защищался и не оправдывался – он согласился на все и молча принял все обвинения. В сентябре Хан-Гирей заболел лихорадкой, и болезнь была единственным аргументом, который приводился в оправдание провала «высочайшего поручения».

Дипломатическая миссия Хан-Гирея по подготовке общественного мнения черкесов для встречи российского самодержца была признана неудачной, и это вызвало разочарование у императора и в высших петербургских кругах.

22 сентября 1837 года в Геленджик прибыл Николай I. Оттуда он отправил Хан-Гирея в Абадзехию для переговоров по освобождению находившегося в плену у черкесов известного русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау, впоследствии автора «Воспоминаний кавказского офицера», в которых он писал: «Покойный император из Геленджика отправил флигель-адъютанта Хан-Гирея сказать кабардинцам, что он повелел, наконец, меня выкупить за деньги, если они умерят свое требование. В ответ разбойники изъявили свое согласие «сделать уступку» и вместо пяти четвериков серебра, взять столько золота, сколько во мне окажется весу. Подобная уступка отняла охоту далее вести с ними переговоры; попытки Хан-Гирея, как и все предыдущие старания возратить мне свободу, остались без результата» [121, с. 309].

Затем император побывал в Тифлисе, где приказал за злоупотребления

публично снять с полковника князя Дадиани флигель-адъютантские аксельбанты и предать его суду. При выезде из Тифлиса экипаж императора опрокинулся, и Николай I упал на краю обрыва, но остался цел и невредим. 13 октября император прибыл во Владикавказ, куда для встречи с ним приехал А.А. Вельяминов. На следующий день царь принял представителей кабардинских, кумыкских, чеченских, балкарских и осетинских феодалов. 18 октября император прибыл в г. Ставрополь, где ему было вручено прошение «черкесских и ногайских дворян и всего народа», в котором был вышеупомянутый пункт с критикой кавказской администрации.

Как отмечает современник этих событий Г.И. Филипсон, путешествие императора «по Закавказскому краю было неудачное и оставило в нем неприятное впечатление... было много... перемещений и удалений по военному и гражданскому ведомствам. Погром был общий» [131, с. 254-255]. Погром коснулся и Хан-Гирея. Он получил от царя указание остаться на Кавказе с ограниченными полномочиями в распоряжении А.А. Вельяминова.

На Хан-Гирея возлагалась задача написать проект об устройстве покоряемых горских народов. Он со своей задачей справился блестяще. Однако А.А. Вельяминов отрицательно отозвался о проекте и сделал к нему ряд замечаний. Но после смерти А.А. Вельяминова, его преемник П.Х. Граббе, не воспринимавший Хан-Гирея в качестве соперника, остался доволен его деятельностью и одобрил созданный им в 1838 г. новый проект «Краткое изложение о предварительных мерах к устройству закубанских мирных племен».

Конец политической карьеры. Видимо, этот положительный отзыв кавказского командования и дал возможность А.Х. Бенкендорфу вызволить Хан-Гирея из «ссылки на родине» и перевести его обратно в С.-Петербург.

В ожидании разрешения вернуться в столицу, Хан-Гирей поехал в родной аул. В его честь было устроено традиционное игрище, о котором он позже вспоминал: «Это общее веселье, которому виной было мое возвращение из Петербурга, после семи или восьми лет отсутствия, вовсе меня не занимало, и я был бы рад отклонить его, если бы это можно было сделать, не возбуждая неудовольствия. Чтобы избавиться, по крайней мере, от шума, я расположился в самой отдаленной и глухой комнате, и тут записывал содержание одной, по-видимому, очень древней песни».

Тогда же к нему приехал погостить его зять 60-летний черчанейский князь Пшекуй Ахеджаков, который, увидев его душевное состояние, сказал: «Ты слишком ленив - это признак преждевременной старости; вот я уже и стар и больной, но еще не устаю» [149, с. 273].

За это время он не только записывал старинные песни, но и завершил повесть «Черкесские предания» - первое опубликованное им произведение.

После возвращения в С.-Петербург ему стало ясно, что он уже не *Le charmant Circassien*, и что общественный и политический интерес к нему заметно снизился. Если раньше он получал предписания непосредственно от

военного министра, то теперь получал их только через начальников соответствующих отделов министерства. Ко всему этому ухудшилось здоровье Хан-Гирея, сказались его многочисленные ранения и сырой петербургский климат. Понимая, что отношение к нему в корне изменилось, Хан-Гирей принял решение перевестись на Кавказ.

В этом частном эпизоде жизни Хан-Гирея есть глубокий символический смысл. Перед поездкой Николая I на Кавказ колонизационные методы России были смешанными - использовались как мирные, так и военные средства. Хан-Гирей же как раз и являлся символом этой политики: он тоже считал, что нужно сочетать военные и мирные методы колонизации, постепенно переходя к последним. Однако после посещения Кавказа, Николай I убедился, что мирная колонизация этого края невозможна и сделал однозначный выбор в пользу силового утверждения России в регионе. И в такой политике Хан-Гирею не нашлось места. На наш взгляд, отставка Хан-Гирея символизирует окончательный переход России к использованию исключительно военных методов колонизации Кавказа.

В этот критический период жизни Хан-Гирея большую моральную поддержку ему оказал «паша мундиров голубых» граф А.Х. Бенкендорф. Говоря словами Хан-Гирея, «утешительные надежды, внушенные ему внимательностью, с которой граф выслушал его в Царском Селе, так сильно, так благородно высказанные им чувства, - были единственным сиянием, озарившим печальные дни последних двух-трех годов жизни... он с успокоенной надеждами душой возвращался из Петербурга на родину свою, обязанный всем его доброте и снисходительности» [149, с. 245]. И хотя эти слова сказаны им применительно к истории Бесленея Абата, они отчетливо характеризуют общий душевный настрой Хан-Гирея на закате петербургского периода его жизни.

Литературная деятельность. После того как Хан-Гирей понял, что его политическая карьера завершена, его жизненные ценности существенным образом изменились. Общечеловеческие ценности всегда имели для него важное значение, но раньше в его мировоззрении преобладали ценности политические - политика была призмой, через которую он воспринимал мир. Теперь же важнейшее значение для него приобретают ценности общечеловеческие. Эта переориентация ценностей происходила в нем вместе с переориентацией от политики к литературе. После завершения своей блестящей карьеры Хан-Гирей характеризовал себя как человека, «для которого величайшее благодеяние на земле - независимость от воли своих недоброжелателей, который литературу избрал целью остальной жизни своей» [149, с. 241].

В своих занятиях литературой Хан-Гирей сначала пошел по модному тогда пути - написал романтическую повесть о Кавказе «Черкесские предания» и опубликовал ее в 1841 г. в журнале «Русский вестник». В том же году отрывок из нее был опубликован в немецком переводе.

В следующем году он опубликовал очерк «Вера, нравы, обычаи и образ

жизни черкесов», являющийся незначительной переработкой части «Записок о Черкесии». При жизни Хан-Гирея увидели свет только эти два произведения.

Хан-Гирей впоследствии оставил романтический художественный стиль и решил написать серию биографических и этнографических произведений, которая называлась «Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов» - из этой серии до нас дошли два законченных очерка «Бесльный Абат», «Князь Пшьской Аходягоко», а также и незавершенный очерк «Сераскир Мугаммед-Гирей». В них он описал биографии людей, оказавших большое влияние на черкесскую историю, о которых он много слышал и с которыми был лично знаком. Однако он не успел до конца воплотить в жизнь свою идею, которая стала бы неоценимым вкладом в адыгскую культуру.

Кроме того, до нас дошли две исторические повести «Наезд Кунчука» и «Князь Канбулат».

Последние два года жизни Хан-Гирей прожил в своем родовом имении в 10 верстах от Екатеринодара. Вернувшись из С.-Петербурга, он женился. Незадолго до женитьбы, он писал о будущей жене: «Я переключил бы платье моей будущей жены на европейский лад... только, признаться, боюсь, что она вздумает, как дама европейского света, где так привольно жить попугаям, в двадцать четыре часа делать сорок восемь визитов, от чего Боже сохрани и помилуй меня, грешного! Хочу, чтобы моя жена занималась воспитанием моих детей - здесь первая ее обязанность - хочу и настою на своем! Я хорошо знаю глубокомысленный закон, который повелевает правоверным держать жену, или, переводя буквально, жен своих, под замком» [149, с. 63]. Жену Хан-Гирея звали Джавигул. Вскоре у них родился сын, которого назвали Мурат-Гиреем.

Хан-Гирей умер в конце 1842 г. Первые биографы считали, что его отравили политические враги [22, с. 42], что вполне вероятно, учитывая факт покушения на него в юности, а также то, что через два года после его смерти в его родовом ауле произошли волнения крестьян против его зятя (и бывшего опекуна) Пшекуя Могукурова, известного своей жестокостью в обращении с подвластными [104, с. 200-208]. В то же время, несмотря на молодость, здоровье Хан-Гирея было серьезно подорвано многими боевыми ранениями и губительным для кавказского горца петербургским климатом, и ряд исследователей допускает возможность, что он умер собственной смертью.

«Что за жалкое создание человек, Боже мой! Он сдвигает в уме своем громады событий и надеется видеть минуту их свершения, - и что же? Смерть следит по его пятам, и вот - его не стало. Сегодня он уже бесчувственная глыба земли, а вчера в нем кипели надежды, волновались желанья и в одно мгновение, создание, всесильное на земле, исчезло, как тень! «Умер» - это такое простое, обыкновенное слово, что даже не поражает нас торжественностью минуты, в которой совершается таинственный процесс, но больно его слышать, когда оно напоминает нам, что не стало человека, в голове которого рождались и развивались светлые мысли и

могущественные идеи!» [149, с. 243] - писал он перед своей смертью.

Хан-Гирей умер в возрасте 34 лет. Его сыну в то время исполнилось два месяца.

2. МИРОВОЗЗРЕНИЕ ХАН-ГИРЕЯ

Отношение к колонизации Кавказа. Размышления Хан-Гирея над проблемой будущего политического статуса и внутреннего устройства Черкесии демонстрируют взгляд убежденного государственника. Это взгляд российского колониального чиновника, хотя и имеющего черкесское происхождение.

По мнению Хан-Гирея, место адыгов – только в составе России, которая должна осуществить внутренние преобразования в Черкесии по общеимперскому образцу. Впрочем, Хан-Гирей допускал и учет местной специфики – «умение действовать, соображаясь с понятиями народа» [139, с. 321] он считал главным качеством человека, осуществляющего колониальную политику России на Кавказе. Не случайно, что одним из главных своих достоинств в качестве кандидата на высокие посты в кавказской администрации Хан-Гирей считал достаточную осведомленность о крае: уже в период создания «Записок о Черкесии» он стал использовать свои обширные этнографические познания в политических целях.

Главной трагедией Черкесии Хан-Гирей считал отсутствие централизованной власти, что, по его мнению, было несовместимо с прочной государственной системой. Столетиями существовавший в Черкесии политический строй он считал нестабильным и основанным на праве сильного. Исходя из этого, необходимо, чтобы одно из соседних государств – Турция или Россия – подчинило Черкесию. Естественно, что, находясь на русской службе, Хан-Гирей отдавал предпочтение проектам российской колонизации Кавказа, впрочем, не отвергая при этом и наработанный политический опыт турецкого присутствия в Черкесии.

Показательно, что Хан-Гирей употреблял термин «Черкесия» не в политическом, а в географическом смысле. Земли черкесов, в его представлении, это невозделанный государственною участком, своего рода «политическая целина». Он сравнивал колонизацию Черкесии Россией с колонизацией Индии Англией.

В вопросе о покорении Черкесии Хан-Гирей солидарен с официальной точкой зрения, неоднократно высказывавшейся его высокими покровителями. В своих трудах Хан-Гирей озвучивает три основные причины российской колонизации. Во-первых, она рассматривается им как шаг к просвещению черкесского народа. Вторая причина – необходимость кардинального решения проблемы защиты своих границ от горцев посредством прочного распространения на них российской власти. Третья причина – «освободительная» миссия империи, защищающей горские народы от притеснений черкесов (и особенно – Кабарды). При этом, что немаловажно, Хан-Гирей, разделяя российский взгляд на проблему, осуждает

черкесов за их гегемонистские устремления в отношении других кавказских народов, не приводя при этом аргументов в пользу права России лишать свободы самих черкесов.

Термин «колонизация», часто употребляемый Хан-Гиреем, имел тогда иное значение, чем в наше время. Если в XX в. колония - это «страна, насильственно захваченная и эксплуатируемая империалистическим государством (метрополией), лишенная государственной самостоятельности» [98, с. 245], то в XIX в. колонизация официально преподносилась как приобщение дикости и варварства к просвещению и цивилизации. Вплоть до начала развала колониальной системы в XX в., считалось, что «под к[олонизацией] обыкновенно разумеется массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства» [17, с. 736].

Теша себя иллюзиями по поводу цивилизаторской миссии империи на Кавказе, Хан-Гирей считал, что такое «просвещенное» государство как Россия не может довольствоваться «обеспечением счастья» только для своих граждан. Оно готово заботиться обо всем человечестве и, в частности, о народах Кавказа: «Человеколюбие монарха, мудро устроившего счастье подданных, изливает великодушные щедроты и на полудиких горцев, чтобы их соделать счастливыми гражданами» [139, с. 326], – с характерным для него пафосом восклицает Хан-Гирей.

Проблема допустимости средств покорения черкесов, поднятая Хан-Гиреем, демонстрирует его двойственное отношение к колонизации. С одной стороны, как российский политик, он оправдывал колонизацию Черкесии, но с другой стороны, как черкес, он старался смягчить методы покорения, в то же время, понимая, что эти два побуждения, возможно, несовместимы. Особо подчеркивая, что Россия в силах покорить Кавказ и исключительно военными методами, Хан-Гирей много писал о «кротких мерах», считая, что мирные средства должны доминировать над военными. По замыслу Хан-Гирея, «кротким мерам» должны предшествовать военные действия, по поводу чего он неоднократно сокрушается: «По горестной необходимости прольется и не одна капля человеческой крови» [139, с. 327].

Анализируя состояние черкесской экономики и оценивая ее потенциальные возможности, Хан-Гирей прогнозировал черкесское экономическое чудо, возможное при стабилизации внутри- и внешнеполитической обстановки в крае. Этот фактор, в свою очередь, приводился им в качестве одного из доводов в пользу колонизации как в отношении Черкесии, которая разбогатеет, так и в отношении России, которая приобретет богатую провинцию.

Социально-политические теории. Социально-политические взгляды Хан-Гирея – это довольно стройная система. Он выделял три движущие силы общественной жизни – аристократию, духовенство и народ. У Хан-Гирея имеются три политические концепции, практическим назначением которых является колонизация Черкесии Россией.

Князя – исторические создатели и носители власти. Согласно *теории власти* Хан-Гирея, черкесские князья посредством института покровительства (т.е. добровольного подчинения слабых сильным) управляли многочисленными конфедеративными племенами. Главный изъян в этой системе - отсутствие государственно-экономических рычагов власти (за исключением эффективного механизма штрафования). С одной стороны, черкесская аристократия не имела прямых источников дохода, достаточных для накопления богатства; с другой стороны, институт покровительства, создававший прецедент добровольности подчинения власти, делал социальную взаимозависимость различных слоев общества опосредованной. Это являлось причиной внутривнутриполитической нестабильности в Черкесии. Хан-Гирей считал, что Россия должна централизовать власть в черкесском обществе путем прямого подчинения российскому государственному аппарату всех политических партий и эшелонов власти в Черкесии, и тем самым навести в них порядок.

Черкесское духовенство Хан-Гирей характеризовал как исторически более молодую политическую силу, уже отвоевавшую у аристократии судебную ветвь власти. Краеугольным камнем *теории управления общественным сознанием* Хан-Гирея ставит аксиому о том, что человек по природе своей имеет «естественное благоговение к величию Творца вселенной». Духовные особы являются проповедниками законов Творца, благодаря чему пользуются у черкесов «величайшим уважением». Используя это естественное, исходящее из существа человека уважение, духовенство имеет «владычество над умами народа». Таким образом, не обладая исполнительной властью, духовенство, тем не менее, представляет мощную силу, так как делает ставку на управление общественным сознанием, или, грубо говоря, на раздувание общественного недовольства черкесов властью своей аристократии и русской колонизацией. «Эфендий, кадий и мулла с книгою в руках с исступлением красноречия буйного фанатизма и с душою властолюбивою может более преуспеть в несколько месяцев в этой стране, нежели несколько тысяч воинов с оружием в руках в несколько лет» [139, с. 120], - писал Хан-Гирей. Огромная опасность для России происходила от непонимания черкесским духовенством того факта, что колонизация не имеет целью искоренение ислама. Хан-Гирей предлагал российскому правительству реально поддержать политические амбиции черкесского духовенства. Сняв антиколониальную направленность духовенства, он хотел обратить на пользу России антифеодальную направленность общественного сознания черкесского общества, которым духовенство умело манипулирует. Управление общественным сознанием или, как он писал, «умение действовать на умы народа» - излюбленный проект Хан-Гирея, его политическая мечта.

Народ - это наименее управляемая политическая сила, согласно *теории динамичности социально-экономических процессов* Хан-Гирея. Исторически молодой народный институт соприсяжничества (т.е. добровольного объединения свободных крестьян) оказался сильнее аристократического

института покровительства и, в результате общественной революции, три закубанских черкесских субэтнуса демократизировали систему власти. «По странному стечению обстоятельств, одновременно с французской революцией конца XVIII в. такая же революция вспыхнула в глухих и далеких кавказских горах» [134, с. 50], - писал об этом другой адыгский просветитель. Однако Хан-Гирей ограничивал динамизм социальных процессов историческими рамками, считая, что социальная активность характерна лишь для народов, не имеющих государственности, что это инстинкт, «преимущественно проявляющийся у независимых народов» [149, с. 200]. Суть изменения отношений между аристократией и крестьянством заключалась в сокращении степени различия в ценности их жизни и собственности. Впоследствии шариат, провозгласивший равенство всех людей в исламе, окончательно уравнивал их в правах. Хан-Гирей не видел внешних изъянов демократической власти и не знал, что предложить России в борьбе против закубанских демократических субэтносов. Он только констатирует, что эти субэтносы не подчинились Турции, не подчиняются и России, что свидетельствует об их большей внутри- и внешнеполитической устойчивости по сравнению с аристократическими субэтносами.

Литературная эстетика. Хан-Гирей рассматривал свои этнографические изыскания как вспомогательный материал в своей литературной деятельности. Он жил и творил в период золотого века русской литературы. «Бог даровал мне беспокойную охоту писать, а таланта - ни драхмы, и притом я пишу для чужих» [149, с. 52-53], - скромно говорил о себе Хан-Гирей, как и многие просвещенные люди той эпохи не избежавший участи писателя.

Хан-Гирей соединил в своем творчестве две тенденции русской литературы того времени: романтическое обращение к Кавказу и к истории. В результате этого и сформировалась основная тема его литературного творчества - история и этнография Черкесии. В лучших традициях романтической прозы Хан-Гирей использует привычный сюжет романтиков: черное и белое в борьбе друг с другом. Однако добро и зло у него легко переходят друг в друга. И в этом проявилось противоречие прагматического мировоззрения Хан-Гирея и его романтического стиля. Стремясь к созданию образа сильной личности, автор часто жертвует цельностью художественного портрета литературного героя [151, с. 30]. Исследователи отмечают типологическое сходство его художественных произведений с творчеством А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Художественное наследие Хан-Гирея разнообразно по своему жанровому составу. Он писал в жанре повести («Черкесские предания»), рассказа («Наезд Кунчука»), художественного жизнеописания («Беслый Абат» и «Князь Пшьской Аходягоко»), очерка («Вера, нравы, обычаи и образ жизни черкесов»). В «Черкесских преданиях» присутствуют также элементы драматического произведения (диалоги и ремарки).

Значимость творчества Хан-Гирея определяется тем, что в его

произведениях отражен тип мышления народа, к которому он принадлежал - эпико-мифологический. «Черкесские предания», вбирая в себя традицию цикличности героических преданий (объединение преданий в циклы вокруг одного героя - Андемиркана, Жабаги и т.п.) переходят в эпический жанр [123, с. 79]. Благодаря следованию этой традиции, Хан-Гирей вырабатывает мастерство создания композиционно сложного, но органичного художественного сплава из нескольких народных преданий (так, два из них – «О мести молодого горца» и «Перекасти-поле» – использованы в «Черкесских преданиях») [135, с. 180-181].

Художественный стиль Хан-Гирея - это героическая романтика с ориентацией на русского читателя, развлекаемого черкесской экзотикой. Художественно-эстетическая ценность его произведений особенно проявляется в исторических зарисовках и свидетельстве жизни черкесов в конце XVIII- начале XIX вв.

Этнографические позиции. Подход к этнографии с политических или даже прикладных позиций – одна из характерных черт творчества Хан-Гирея. Сам Хан-Гирей отводил этнографии не самое важное место в своей деятельности, однако современная наука более ценит его как этнографа.

Главный труд Хан-Гирея «Записки о Черкесии» построен преимущественно на этнографическом материале (на базе собственных наблюдений за жизнью соотечественников), а также полевых фольклорных записях, осуществленных при помощи составленного им самим черкесского алфавита на кириллической основе. Кроме непосредственного политического назначения, в них Хан-Гирей ставил и этнографические задачи. Он писал о «Записках о Черкесии» как о «сочинении, преимущественно посвященном настоящему состоянию в нем описываемого народа». При первом же знакомстве с его трудом видно, что наибольшую ценность представляет именно этнографическая сторона его творчества.

Уникальное значение имеют сведения о материальной культуре адыгов, содержащиеся в работах Хан-Гирея, широко использующиеся в кавказской этнографической литературе. Он одним из первых обратил внимание на большое значение в общественной жизни адыгов таких институтов как куначество, аталычество, гостеприимство, покровительство, соприсяжничество, военное воспитание. Описания одних и тех же элементов материальной и духовной культуры адыгов в творчестве Хан-Гирея встречаются дважды, в двух разных жанрах. То, что он сжато, обзорно, энциклопедично разбирает в «Записках о Черкесии», затем подробно, в деталях, художественно встречается в его рассказах и повестях.

Несомненной заслугой Хан-Гирея является объективность в описании нравов, обычаев, материальной культуры адыгов. Как писал М.О. Косвен, Хан-Гирей был «совершенно чужд какой-либо идеализации» [76, с. 208].

Его интересовали все стороны жизни, и ему удалось в своих произведениях дать энциклопедическое описание адыгского общества.

Просветительские взгляды. В адыгской мысли первой половины XIX в. были наиболее распространены три научные школы: гуманизм (И. Атажукин, С. Адыль-Гирей, А. Мисостов), просвещение (С. Казы-Гирей, С. Хан-Гирей) и романтизм (Ш. Ногма, Л. Кодзоков).

Философия просветительской историографии предуготовила Хан-Гирею заниматься политической этнографией и отвратила от занятий историей. Он считал невозможным исследовать древнюю и средневековую историю черкесов, также как и других «непросвещенных» народов. Прошлое черкесов, по мнению Хан-Гирея, не представляет «собой историку ясных и удовлетворительных материалов». Хан-Гирей начинает исторические изыскания с XVI в., характеризуя историю до этого времени как «эхо баснословных преданий», которое «едва доходит до позднего поколения, почему составить общую систематическую историю здесь описываемого народа есть дело, превосходящее мои познания» [139, с. 89].

Центральным моментом развития человечества для Хан-Гирея является рассвет современного ему научного знания. До этого все было суеверием и мраком, заблуждением и обманом. Хан-Гирей воспринимает эту главную установку просветительской историографии даже на личностном уровне. Он считает, что только приезд в С.-Петербург благодаря российскому правительству позволил ему отринуть былые предрассудки и ступить на стезю просвещения. «Русские книги рассеяли туман суеверия, некогда меня окружавшего» [149, с. 242], - пишет он о себе. И главная мысль «Записок о Черкесии» заключается в том, что он просит российского императора помочь черкесам пройти тот же путь, какой в свое время проделал он: просветить черкесов, пусть даже помимо их воли. Хан-Гирей уверен, что после того, как на них прольется «свет просвещения», черкесы поймут и оценят, какое благо они получили, и будут благодарны «просвещенному монарху», даже если до этого они ожесточенно сопротивлялись российской экспансии.

Просвещение Хан-Гирей считал процессом воспитания законопослушной личности. Как профессиональный политик, во все просветительские мероприятия Хан-Гирей вкладывает больше политического, чем просветительского смысла. Высказывания о вере в силу просвещения характерны для Хан-Гирея. Однако, на самом деле, в политике он не принимал силу просвещения в расчет, отводя ей место в будущем.

Просветительские меры Хан-Гирея ограничивались двумя сферами, ориентированными в будущее: просвещением мулл и детей наиболее влиятельных черкесов - с тем, чтобы воспитать их «людьми, несколько просвещенными и воспитанными в чувствах преданности русскому правительству» [147, л. 88]. То есть он рассматривает просвещение преимущественно как политическое средство, хотя искреннее пожелание соотечественникам стать просвещенными ему не чуждо. Просвещение Хан-Гирей понимал как государственную идеологию, обеспечивающую стабильность в обществе: «Просвещенные подданные, постигая невозможность искоренить зло, так сказать в природе человеческой, переносят безропотно притеснения, которым часто подвергаются от

несправедливости частных начальников и других лиц, будучи в душе уверены, что, когда их притеснения дойдут до сведения правительства, немедленно справедливость восторжествует над клеветой и злобою неправедных» [139, с. 330], - вот его политическая утопия.

Религиозные воззрения. В мировоззренческом плане Хан-Гирей яснее и актуальнее воспринимал суеверие, и считал, что оно порождается невежеством и в общественном плане вполне безобидно. Среди адыгских общественных деятелей, пожалуй, только С. Сиюхов (1887-1966) может сравниться с ним в ясной постановке и глубине анализа проблемы суеверия. В какой-то период жизни Хан-Гирея его мышление европеизировалось. Это было ощутимой для Хан-Гирея вехой в его духовном становлении, и этому он придавал большое значение. Суеверие, от которого он освободился с европеизацией своего мышления, - одна из тем, к которым Хан-Гирей подходил на основании личного опыта. Оригинальность и глубина подхода Хан-Гирея заключается в том, что он рассматривал суеверие как специфическую форму непросвещенного сознания, от которого может избавить только просвещение.

Хан-Гирей не отождествляет язычество с суеверием. Язычество он определяет как многобожие, а суеверие как веру в приметы. Исследуя черкесское язычество, он отмечал, что оно содержало в себе некоторые положительные монотеистические элементы, т.е. веру в Единого Бога (Тхашко).

В отличие от многих своих современников, Хан-Гирей не считал, что у христианства есть сколько-нибудь сильные корни в черкесском народе, и писал, что слабые зачатки христианства греческого толка, воспринятые черкесами, со временем трансформировались в язычество и окончательно исчезли с введением ислама.

Об исламе Хан-Гирей рассуждал больше не как человек религиозный, а как политик. Указывая на давние и глубокие корни ислама у черкесов, он подчеркивал его человеколюбие по сравнению с ушедшим язычеством. Принятие ислама, и особенно введение шариата, активизировало социально-политические процессы в черкесском обществе: в противовес аристократии, как носителя системы ценностей, основанной на обычном праве, на социально-политическую арену выдвинулось духовенство, как носитель новой системы ценностей, основанной на законах шариата. Опровергая бытовавшее в то время в российском обществе (и Западной Европе) мнение о возможности обращения черкесов в христианство, как одном из методов колонизации, Хан-Гирей писал, что это вредная утопия, и, наоборот, Россия должна поддерживать исламское духовенство и использовать его для колонизации Черкесии.

Хан-Гирей был мусульманином. Как российский политик он также видел выгоду от сближения с исламским духовенством. Однако как представителю черкесской аристократии ему было неприятно, что религия подрывает влияние его сословия. Для преодоления этого противоречия он

предпринимал теолого-юридические изыскания, ссылаясь на то, исповедуемый черкесами ислам ханафитского толка предполагает широкое функционирование местного обычного права. Наряду с двойственностью в выборе средств колонизации, сословно-религиозная двойственность также является одним из важнейших внутренних противоречий мировоззрения Хан-Гирея.

В теологическом плане Хан-Гирей предстает перед нами как деист, воспринимающий божество не более как в роли первотворца. Наибольшее значение он придавал не религиозным чувствам, а уму и деятельности. Если религиозные люди говорят, что вера горами движет, то Хан-Гирей говорил, что «ум сокрушает и самые граниты препятствий» [139, с. 143]. Он считал, что Творец (как он чаще всего называл Бога) один для всех народов, и все религии могут и должны сосуществовать.

Заключение

Султан Хан-Гирей внес крупный вклад в адыгскую культуру. Его талант наиболее ярко проявился в областях социально-политической мысли, этнографии и литературы, где его творчество по сей день сохраняет свою актуальность. Исходя из критерия профессионализма, Хан-Гирей является одним из самых выдающихся адыгских общественно-политических деятелей. Он имел достаточно полные и ясные суждения о многих сторонах общественной жизни своего времени, и по кругу затрагиваемых проблем среди адыгских мыслителей XIX в. ему нет равных. Слово «гражданин», так часто им употребляемое, для него не простой звук. Ему до всего было дело. Мы можем не соглашаться с ним по многим вопросам, но должны признать, что он нетривиален в своей серьезности в подходе к жизни, смешанной с чувством удовлетворения от существования.

Хан-Гирей жил в уникальную для адыгов эпоху. На его глазах совершался переломный исторический процесс присоединения Кавказа к Российской империи. До этого Кавказ был политически «многополярным» регионом, в котором зримо присутствовало влияние России, Турции и Ирана, а через них Англии и Франции. И в новом «однополярном мире» менялся не только жизненный уклад адыгов, складывавшийся веками, но также менялась социальная идентичность нации. Если в предыдущие эпохи адыгское мировоззрение испытало на себе влияние различной интенсивности от ближневосточного, малоазиатского, средиземноморского, европейского и дальневосточного культурных каналов, то новая эпоха характеризовалась доминированием одного, и поэтому самого мощного по воздействию культурного вектора – российской цивилизации.

Адыгская мысль первой половины XIX века отмечена интенсивными поисками новых исторических концепций, которые могли бы объяснить происходящие изменения. В этих условиях Хан-Гирей очень тонко уловил сущность эпохи, и в своих трудах заложил основы литературной и историографической традиции западных адыгов, так же, как его современник

Шора Ногма – восточных адыгов. Эти два гиганта адыгской мысли, которые не дожили до окончательного становления «однополярности» Кавказа, смогли распознать признаки новой исторической реальности, в которой предстояло развиваться национальному самосознанию и истории адыгов в составе России.

Ни Хан-Гирей, ни Шора Ногмов не могли предвидеть столь масштабного по своей трагичности процесса «расширения границ» адыгского мира после вынужденного выселения большей части народа и рассеивания ее по территории десятков государств. Соответственно, они не задумывались о таком варианте складывания национальной идентичности адыгов, и заложенные ими основы национальной самоидентификации ограничены рамками части адыгской нации, оставшейся жить на исторической родине. Однако Хан-Гирей, который сосредоточился на всестороннем изучении этно-политических процессов своего времени (и в этом его уникальность среди плеяды выдающихся современников), оставил нам в наследие достаточно объективный и детальный социальный портрет черкесского мира первой половины XIX века, когда этот мир был еще единым и компактным.

В реалиях мирового процесса глобализации, разбросанная по миру черкесская нация вновь осознает себя как единый этнический организм. В то же время, современный черкесский мир еще в большей степени фрагментирован. Адыги сегодня живут в период конструирования новой единой этничности, что является сложнейшим процессом, и, прежде всего, предполагает консолидацию культурной и исторической идентичности. И в этом смысле, изучение наследия Хан-Гирея имеет важнейшее значение для современного черкесского мира, которому необходимо вернуться к своим единым корням.

Новая эпоха ставит свои задачи, и даже заставляет нас переосмыслить многие фундаментальные и казавшиеся незыблемыми стереотипы. Данное издание, являющееся первым полным собранием сочинений С. Хан-Гирея, также несет на себе отпечаток новой эпохи и реалий XXI века. До сих пор творчество Хан-Гирея условно делилось на этнографическую и художественную части. Это отражало методологический подход к изучению его наследия как основы для формирования литературной и историографической традиции западных адыгов. Соответственно, его главный этнографический труд «Записки о Черкесии» и сборники художественных произведений издавались отдельно друг от друга, а прочие работы Хан-Гирея оставались в архивном формате. Предшествующие хангирееведы проделали большую работу по изучению и изданию его творчества. И на современном этапе развития адыгской науки и общества творчество Хан-Гирея нуждается в переосмыслении и рассмотрении с иных, комплексных, позиций. В контексте новой исторической реальности наследие Хан-Гирея может послужить в качестве культурно-исторической основы, на которой будет формироваться в новых условиях единая национальная идентичность современных адыгов.

Жемухов С.Н., канд. ист. наук

РАЗДЕЛ I.
ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ

	ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ	
	ОГЛАВЛЕНИЕ I-й ЧАСТИ	
	Отделение первое	
	Глава I. Положение, границы и наружный вид страны	
	Глава II. Климат	
	Глава III. Воды: реки, озера и море*	
	Глава IV. Источники: минеральные, соленые и нефтяные*	
	Глава V. Селитра и сера	
	Глава VI. Металлы	
	Глава VII. Произрастания	
	Глава VIII. Животные четвероногие	
	Глава IX. Птицы	
	Глава X. Рыбы	
	Глава XI. Насекомые	
	Глава XII. Достопамятности*	
	Глава XIII. Исчисление рек и речек*	
	Отделение второе	
	Глава I. Народнонаселение	
	Глава II. Наименование	
	Глава III. История*	
	Глава IV. Язык	

* В отличие от оглавления, в тексте «Записок о Черкесии» эта глава имеет название: «Воды» (Ред.)

* В тексте эта глава имеет название: «Источники» (Ред.)

* В тексте эта глава имеет название: «Достопамятности в черкесских землях» (Ред.)

* В тексте эта глава имеет название: «Исчисление рек и речек, орошающих черкесские земли» (Ред.).

* В тексте эта глава имеет название: «Взгляд на общую историю» (Ред.).

	Глава V. Религия	
	Глава VI. Физические свойства	
	Глава VII. Грамота и просвещение	
	Глава VIII. Врачебное искусство	
	Глава IX. Исчисление времени	
	Глава X. Меры и способы определять количество вещей	
	Глава XI. Об астрономии и метеорологии	
	Глава XII. Поэзия и музыка*	
	Отделение третье	
	Глава I. Разделение народного состояния на классы	
	Глава II. Права и обязанности классов	
	Глава III. Образ управления	
	Глава IV. Образ судопроизводства	
	Глава V. Главнейшие законы	
	Отделение четвертое*	
	Глава I. Предварительное понятие об общем разделении племен	
	Глава II. Владения Кабардинские	
	Глава III. Владение Бейсленейское	
	Глава IV. Владение Меххошское	
	Глава V. Владение Тчемргойское	
	Глава VI. Владение Ххатиккоайское	
	Глава VII. Начало Бжедугского поколения	
	Глава VIII. Владение Черченайское	
	Глава IX. Владение Ххмшийское	

* В оглавлении первой части за названием главы XII перечислены названия музыкальных фрагментов, ноты которых приложены к тексту главы: «Ноты: №1-й Напев *плачевной* песни о разорении русским отрядом аула *Керемзаё*. №2-й Напев *жизнеописательной* песни Солоха. №3-й Напев *колыбельной* песни *Бехгарсока*. №4-й Напев *плясовой* песни, называемой *камляль* и употребительной при больших плясках (Смот. 2-й част. отд.3. глав.)» (Ред.).

* В тексте это отделение имеет общее заглавие: «Обозрение в особенности каждого из племен, составляющих черкесский народ» (Ред.).

	Глава X. Колена: Вепнское, Хеххгадчское и Жанинское*	
	Глава XI. Племя Абедзахское	
	Глава XII. Начало племен Шапсеегского* и Натххоккоадьского	
	Глава XIII. Племя Шапсхгское	
	Глава XIV. Племя Натххоккоадьское	
	Глава XV. Причины падения княжеских владений и усиление племен, имеющих народное правление*	
	Глава XVI. Колена, обитающие между черкесами*	
	Примечания первой части «Записок о Черкесии»*	
	ОГЛАВЛЕНИЕ II ЧАСТИ	
	Отделение первое*	
	Глава I. Жилища	
	Глава II. Утварь	
	Глава III. Пища и питье	
	Глава IV. Одежда и вооружение	
	Глава V. Одежда женщин	
	Глава VI. Препровождение времени	
	Отделение второе*	
	Глава I. Земледелие	

* В тексте эта глава имеет название: «Колена: а) Вепсне, б) Хехгадч и в) Жане, или Жанинское» (Ред.).

* В тексте употреблен другой, более характерный для авторского написания термин: «Шапсхгского» (Ред.).

* В тексте эта глава имеет название: «Замечания о причинах разрушения и ослабления княжеских владений и усиления племен, не зависящих от власти князей или имеющих народное правление» (Ред.).

* За главой XVI в тексте оглавления идет глава XVII: «Описание крымских ханов, живущих между черкесами», к которой автором сделано следующее примечание: «Сия последняя глава не вошла в состав сочинения по неполучению необходимых для сего сведений; с получением же оных, что, вероятно, воспоследует вскорости, немедленно будет присовокуплена» (Ред.).

* В оглавлении подлинника отсутствует упоминание о примечаниях к первой части «Записок», хотя в тексте такое заглавие имеется (Ред.).

* В тексте отделение первое второй части имеет общее заглавие: «Образ жизни» (Ред.).

* В тексте это отделение имеет общее заглавие: «Промышленность» (Ред.).

	Глава II. Скотоводство	
	Глава III. Пчеловодство	
	Глава IV. Звероловство	
	Глава V. Рыбная ловля	
	Глава VI. Рукоделия и мастерства	
	Глава VII. Торговля	
	Глава VIII. Доходы	
	Отделение третье*	
	Глава I. Рождение	
	Глава II. Имена	
	Глава III. Воспитание	
	Глава IV. Празднества, игры, пляски и телесные упражнения	
	Глава V. Женидьба и свадебные обряды	
	Глава VI. Взаимные отношения в супружестве и обоих полов	
	Глава VII. Общепринятые условные знаки вежливости и приличия	
	Глава VIII. Гостеприимство, покровительство и дружество	
	Глава IX. Образ воевания	
	Глава X. О содержании раненого	
	Глава XI. Погребение и поминки	
	Глава XII. Анекдоты	
	Отделение четвертое ^A	
	Глава I. Замечания о важности черкесского народа между народами Кавказского края	
	Глава II. Замечания о причинах неприязненности черкесского народа к России	
	Глава III. Замечания о пользе просвещения горцев вообще	

* Отделение третье в оглавлении, как и в тексте, имеет общее заглавие: «Нравы и обычаи», которое нами в целях унификации в оглавлении опущено (Ред.).

^A Это отделение самое последнее, хотя и принадлежит к сей части, но будет переплетено отдельною тетрадью, так как оно еще не вполне окончено (Прим. автора).

	Глава IV. Заключение: некоторые мнения о мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданственное состояние краткими мерами с возможным избежанием кровопролития	
	Примечания второй части «Записок о Черкесии»*	

---

* В оглавлении отсутствует упоминание о примечаниях ко второй части «Записок», хотя в тексте они имеются под названием: «Примечания ко второй части «Записок о Черкесии» (Ред.).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Обязанности мои по службе, в течение пребывания моего здесь, в С.-Петербурге, доставляли мне неоднократно случай быть свидетелем тех пожертвований, которые правительство делает здесь для блага Кавказского края, с такою отеческою кротостию им управляемой. С одной стороны, это обстоятельство, с другой – совершенная мне *известность* Черкесии вменяют мне в священную обязанность представить высокому моему начальству о гражданственном устройстве сей страны мои *мнения*, которые заключаются – или почти заключаются – в последней главе сего сочинения; но дабы вместе с тем доставить начальству и возможность яснее рассмотреть этот предмет, и притом будучи убежден совершенно, что *познание* законов, нравов, обычаев этого народа и им занимаемой страны, весьма мало Европе известных, сколько любопытно каждому образованному человеку, столько же и необходимо для просвещенного начальника, желающего мудро управлять этим краем, я присовокупил полное описание народа черкесского¹, описание, которое составлено мною со всевозможною добросовестностью и без всякого притязания на литературную известность.

Не знаю, будут ли когда-нибудь изданы в свет здесь предлагаемые «*Записки*»*: я их писал не для публики. Почему, не распространяя это предисловие на все предметы, которые я почел бы нужным пояснить, издавая в свет мое сочинение, не могу, однако ж, умолчать о некоторых его недостатках.

Мои «*Записки*», по незнании моем грамматических правил русского языка, не могли быть представлены в таком виде, в каком они вышли из-под слабого пера моего, и потому все погрешности в них противу грамматики исправлены двумя моими знакомыми², которым изъявляя чувствительнейшую мою благодарность, долгом почитаю их оградить от упрека, который читатель мог бы сделать им, найдя неясность в описаниях любопытных предметов, сказав здесь, что они, исправляя единственно погрешности в правописании, не прибавляли ничего собственного; следовательно, все темные места и вообще недостатки, как равно буде читатель найдет что-либо заслуживающее внимания, принадлежат мне одному. Такое строгое объяснение не должно показаться странным: истина и справедливость, в важных, как и в маловажных делах одинаково священные, сего требуют.

Относительно географических и вообще ученых сведений, равно и некоторых других предметов, я с признательностью пользовался сочинениями: Дебу и, в особенности, Броневского, и все заимствованное из этих сочинений старался оставить в первоначальном виде там, где это можно было сделать*: желания, побудившие меня трудиться, чужды чувства,

---

* Здесь и далее в тексте Хан-Гирея названия его рукописного труда и использованных им источников большей частью приводятся без кавычек (Ред.).

* Хан-Гиреем имеются в виду следующие работы этих авторов: [Дебу И.] О Кавказской

заставляющего людей нередко, описав чужие труды другими словами, выдавать за собственные произведения³.

Если высокое мое начальство удостоит труд, который я имею честь представить, лестным для меня вниманием, то почту себя вполне вознагражденным за долговременные занятия, посвященные мною на сочинение «*Записок о Черкесии*». Заслужить хорошее внимание начальства я поставлял всегда первейшею целью моей жизни и буде не всегда успевал в том, то недостаток усердия к службе государя и нерадение к исполнению обязанностей, на меня начальством возлагаемых, не были тому причиною; душевное в этом убеждение будет оставаться величайшим для меня утешением.

линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. С.-Пб., 1828; [Броневский С.] Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Кроме того, Хан-Гирей неоднократно ссылается и на труды других авторов (И.А. Гильденштедта, С. Сестренцевича-Богуша, Н.М. Карамзина, П.П. Зубова, А.И. Левшина). В настоящем издании мы постарались выявить все цитаты, использованные Хан-Гиреем, с указанием их авторов и местоположения в первоисточниках, а также, по мере принципиальной важности, степень трансформации этих текстов Хан-Гиреем (Ред.).

ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ
[ЧАСТЬ I] ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ
СОДЕРЖАНИЕ

Положение, границы, и наружный вид страны. Климат, Воды. Источники. Селитра и сера. Металлы. Произрастания. Животные четвероногие. Птицы. Рыбы. Насекомые. Достопамятности. Исчисление рек и речек, орошающих черкесские земли.

**ГЛАВА I. ПОЛОЖЕНИЕ, ГРАНИЦЫ
И НАРУЖНЫЙ ВИД СТРАНЫ**

Черкесские земли лежат между 55° и 63° долготы от острова Ферро и между 45° и 44° северной широты и, следовательно, простираются в длину слишком на 600 верст, начиная от устья Кубани вверх по этой реке, а потом по Куме, Малке и Тереку до границ Малой Кабарды, которые простирались прежде до самого слияния реки Сунжа с рекою Тереком. Ширина различна и заключается от вышеупомянутых рек на полдень по долинам и по скатам гор в разных кривизнах, имеющих от 20 до 100 верст расстояния, составляя таким образом длинную узкую полосу, которая, начиная от восточного угла, образуемого слиянием Сунжи с Тереком, то расширяется, то опять стесняется, следуя на запад вниз по Кубани до берегов Черного моря. Черкесские земли граничат к северу с землею черноморских казаков и Кавказскою областью; к западу с Черным морем; к востоку с землями, занимаемыми аксаевскими кумыками, Брагунскою деревнею и чеченцами; к югу с землями кистов, осетинцев, балкарцев и абхазцев, неопределенною чертою.*

Название *горцев*, даваемое и черкесам в числе прочих кавказских народов, не должно подавать мысль, что земли черкесов заключаются в одних горах, ущельях и небольших долинах, между кряжами гор лежащих, ибо и половина земель черкесских не покрыта горами, а прочие части состоят в пространных и прекраснейших равнинах, лежащих с северной стороны гор, начиная с запада от берегов Черного моря, где река Кубань впадает в него, на восток до самой границы, т.е. до слияния рек Сунжи с Тереком. Равнины эти, по беспокойному образу жизни туземцев⁴ остающиеся почти без всякой пользы, также не состоят из единообразных утомительных для глаз степей, и путнику не встречается там бесплодных долин; напротив того, во многих местах здешние долины покрыты лесами и перерезываются высокими холмами, да и вообще они волнисты и испещрены курганами. Берега многих рек, их орошающих, утесисты и величественны. По местам находятся болота

---

* Хотя в оригинале данный абзац не взят Хан-Гиреем в кавычки, он представляет собой значительно переработанную (в т.ч. имеющую ряд вставок) цитату из труда С. Броневского [18, ч. 2, с. 40-41]. Видимо, указав в предисловии, согласно нормам научной этики, С.М. Броневского в качестве основного источника «географических и вообще ученых сведений», Хан-Гирей счел возможным в первом отделении своего труда исключить какие-либо подробные ссылки на конкретные тексты «Новейших известий о Кавказе» (Ред.).

с растущим в них камышом, и вся страна покрыта растениями. Вообще наружный вид прекрасной этой страны, облагодетельствованной природою, превосходит: передовые горы увенчаны дремучими лесами, из-за них возвышаются до облаков снежные вершины горделивых белков, этих Альп Кавказа; сотни речек и ручьев, с шумом вытекая из гор, напояют ущелья и равнины, и все это представляет глазам пленительную и величественную картину, которая заставляет просвещенного путника сожалеть о народе, чуждом хозяйственного трудолюбия и не наслаждающемся прелестями роскошной природы, не умея пользоваться благотворными ее дарами⁵.

ГЛАВА II. КЛИМАТ

По общему систематическому разделению, климат в Черкесии находится в умеренной полосе, говорит г. Броневский, который полагает причиною его суровости значительное возвышение равнин от морского горизонта. Во многих местах, отстоящих одно от другого не в дальнем расстоянии, примечаются большие перемены в атмосфере, так, что на одной стороне возвышенного кряжа, среди довольно суровой зимы табуны лошадей и овец пасутся без нужды на подножном корму; между тем как в то же время на другой стороне свирепствуют бури и стужи. Эту перемену приписывают различным переломам гор, направлениям ущельев, низменным и болотистым местам, влиянию моря и морских ветров*. Так полагают по правилам географии. Судя же сообразно с понятиями самих жителей туземцев, вообще климат этой страны, кажется, было бы прилично разделить примерно на три полосы, а именно: на суровую или холодную, на сурово-умеренную и на умеренную. К первой полосе должно отнести высокие хребты гор; к второй – возвышенные равнины, отстоящие далеко от берегов моря, и гористые места, где летом обыкновенно пасутся табуны лошадей и овец и не бывает жаров; к третьей – принадлежат берега Черного моря, низкие долины внутри гор и ущелья, защищенные от ветров и несколько отдаленные от снежных вершин. Из этого расположения по полосам не видно еще, чтобы в Черкесии находились места, подлежащие жаркому климату, однако во всех равнинах, исключая гористых возвышений, летом бывают сильные жары, от которых делаются на земле большие трещины; иногда и рабочий народ принужден бывает укрываться от нестерпимого зноя, хотя здесь жары и не доходят до такой степени, как в Моганских и других степях Закавказского края.

Впрочем, в какой части страны, черкесами занимаемой, до какой именно степени простираются жары и стужи, еще не исследовано надлежащим образом, и все замечания относительно этого предмета, здесь помещаемые, сделаны лишь по тому влиянию, какое чувствуют жители, которые не имеют и понятия о том, каким образом определять должно состояние атмосферы, и суть не что иное, как предположения, дающие, однако, и понятия о тех местах, которые более других избираемы туземцами

---

* Данный фрагмент, посвященный климату в Черкесии, является переложением соответствующего раздела труда С. Броневского [18, ч. 2, с. 41-42] (Ред.).

для жительства: на местах, подведенных под первый разряд, не селятся без величайшей нужды; места, под второй разряд подведенные, более предпочитают для пастбищ летом, нежели для жительства по причине стужи; места же третьего разряда в особенности избираются для жительства.

ГЛАВА III. ВОДЫ

Воды прекрасной страны, занимаемой черкесами, состоят из трех главнейших рек, множества речек, трех небольших озер и одного моря.

а) Р е к и

Ниже этого я поименовал в особенной статье (см. сего отд. глав. 13)* все реки и речки, орошающие земли здесь описываемого народа, с кратким примечанием о том, какие из мест, омываемых ими, заслуживают особое внимание; описание же главнейших рек, более подробное, здесь предлагается.

Главнейшие реки Черкесии суть: 1) Терек, 2) Кума и 3) Кубань.

1. Терек

Терек есть одна из величайших рек кавказских; река эта берет свое начало из восточной стороны снеговых гор, служащих подножием и протяжением *Эльбруса*, и течет на восток до Коби; оттуда поворачивает на север и выходит через ущелье, называемое собственно Кавказским, у Владикавказской крепости на обширную равнину и, протекая по ней, извивается разными кривизнами, поворачивая большею частию на северо-запад до совокупления с Малкою у Екатериноградской станицы, потом направляет течение свое на юго-запад до принятия в себя реки *Сунжи*, наконец, обращается на северо-восток и в этом направлении вливается в Каспийское море многими рукавами в 60 верстах от Кизляра. Течение Терека заключает в себе не более 400 верст*. От выхода из гор до принятия реки Сунжи Терек течет через земли черкесов, разделяя Большую и Малую Кабарды, до принятия в себя Малки; потом отделяет земли последней от Кавказской области до принятия в себя Сунжи; дальнейшее же течение Терека от устья Сунжи не имеет более связи с землями народа черкесского.

Терек в течении по Черкесии принимает множество рек, из коих важнейшие а) Сунжа и б) Малка.

а) *Сунжа* (по-черкесски – Сунтчь) берет свое начало от Кавказских известковых гор, между которыми течет более к северу и потом в средних горах и близ оных – к северо-востоку и впадает подле Шадрина в Терек с правой стороны, весьма приметно его наводняя. В дни могущества кабардинцев Сунжа служила настоящею границею на восток между Черкесиею и землями кумуков и чеченцев.

---

* Здесь и далее – авторские примечания, отсылающие читателя к определенным главам; в тексте оригинала заключены в круглые скобки. Текст примечаний нами унифицирован, поскольку в оригинале используются различные варианты сокращений слов, а также бессистемно применяется как арабская, так и латинская нумерация глав (Ред.).

* Данный фрагмент, посвященный р. Терек, является переложением соответствующего раздела труда С. Броневского [18, ч. 1, с. 119] (Ред.).

б) *Малка* (по-черкесски – Балк) вытекает из северной подошвы Эльбруса не в дальнем расстоянии от истоков *Кумы* и *Кубани*. Сначала течет на северо-восток, потом поворачивает на с[еверо]-с[еверо]-в[осток] и, приняв в себя несколько речек, сливается с Тереком ниже Екатеринограда, где не уступает этому последнему своею величиною*.

2. Кума

Вершины Кумы находятся у северного подножия Эльбруса между источниками Малки и Кубани. Кума разливается по беспредельным равнинам, лежащим на севере гор, и, соединяясь с Малою *Кумою*, течет мимо достопамятных развалин, называемых *Большие Маджары*. При *Нижних Маджарах* разделяется на многие рукава и болота, опять соединяется в одну желобину, потом опять разливается на болота и озера; наконец, в 15-ти верстах от Каспийского моря теряется в песках, разливаясь на многие озера, которые во время вешних вод при высокой морской воде сообщаются с заливом Каспийского моря, называемым *Кумский култук*. Озера, преимущественно почитаемые за устья Кумы, суть: Худоцкое, Малая и Средняя Кума. Длина течения Кумы содержит в себе более 400 верст*.

Вершины Кумы, по выходе ее из Черных гор, славятся местами, превосходными для пастбищ, куда сгоняют табуны свои кабардинцы, абазинцы, алтикесекские и тахтамышские ногайцы*, если опасность от набегов тому не препятствует. Лес растет в вершинах ее в изобилии. Однако ж, несмотря на все эти выгоды земель черкесских, по вершине *Кумы* лежащих, они не заселены по причине частых набегов. Одни лишь пастухи там наслаждаются в летнее время прекрасным воздухом.

Г. Броневский полагает, что народ куманы, или половцы, который до XIII столетия кочевал на равнинах, в окрестностях Кумы лежащих, от этой реки и получил это название*.

Сарматы называли Куму Удоном*, черкесы именуют ее Кумшсхо (Большая Кума) для различия от Малой Кумы, впадающей в нее. В Куму также вливаются разные речки, но главнейшее свое приращение получает она от Малой Кумы, называемой русскими Подкумок, а черкесами *Кумъцкор*, т.е. Малая Кума.

Малая Кума, или Подкумок (по-черкесски – Кумъцук*), выходит из одного края с Большою Кумою, но восточнее этой последней и почти

---

* Данный фрагмент, посвященный р. Малка, является переложением соответствующего раздела труда С. Броневского [18, ч. 1, с. 125-126] (Ред.).

* Данный фрагмент, посвященный р. Кума, является переложением соответствующего раздела труда С. Броневского [18, ч. 1, с. 130-131] (Ред.).

* Так в тексте. Должно быть: «абазинцы алтикесекские и тахтамышские ногайцы».

* См. у С. Броневского: [18, ч. 1, с. 132] (Ред.).

* См. у С. Броневского: [18, ч. 1, с. 131] (Ред.).

* Так в оригинале. Здесь и далее в силу неустоявшейся у автора системы записи этнических терминов, написание одних и тех же объектов (гидронимов, этнонимов и т.д.) может варьироваться. Мы старались максимально точно следовать тексту оригинала (Ред.).

смежно с ее источниками, потом выливается на северные равнины и, обошед Бештовские горы, впадает в Большую Куму, приняв в себя несколько речек, и в том числе *Нартсан*, своим названием напоминающий черкесам о славных нартах или богатырях-героях народных их преданий⁶ (см. прим. 1)*.

3. Кубань

Эта река, в древние времена у разных народов под разными названиями известная (см. прим. 2), есть важнейшая и величайшая из всех рек Черкесии. Она берет свое начало из северо-западного подножия горы Эльбруса и выходит на северные равнины, делая разные кривизны в разных направлениях и постепенно наклоняясь к западу, отделяет черкесов, исключая черкесов Большой и Малой Кабарды, от Кавказской области и Черноморского казачьего войска.

Таким образом, составляя в настоящее время границу, Кубань, протекши около 500 верст от своего истока, вливается одним главнейшим или юго-западным рукавом в Черное море, где образует обширный залив под названием *Кизильташского* лимана, известного у греков под именем *Синдикос* лимана; а посредством одного из северных рукавов, начиная от Капыла, сообщается с Азовским морем, а другим – с Темиргойским лиманом. Это разделение Кубани образует острова, известные под общим именем Тамана (см. прим. 3).

Кубань всякую зиму замерзает, вскрывается же в марте месяце; в верховьях своих она быстра, далее же к своему впадению в море имеет течение тихое. Река эта довольно глубока и во время своего половодья (особенно весною) выходит из берегов и в это время представляет удобное плавание и для больших плоскодонных судов на 200 и более верст; во время же мелководия (обыкновенно осенью) и на этом расстоянии находятся на ней во многих местах броды.

Северный берег Кубани, говоря вообще, безлесен, напротив, южный – изобилует лесом. Кубань принимает в себя все реки Закубанской Черкесии, вытекающие из гор на северные равнины. Из числа этих рек главнейшие, начиная с востока к западу, суть следующие:

1) *Большой Зеленчук* (по-черкесски – Инчидьшхо) – быстрая и каменистая река; она впадает в Кубань у Невинного мыса, туда же впадает при Старом Окопе и Малый Зеленчук (по-черкесски – Инъчидьзий).

2) *Уоарп* количеством вод и длиной своего течения знатнее обоих Зеленчуков. Река эта течет разными кривизнами и вливается в Кубань между Западного поста и Прочно-Окопа. При выходе из гор в самых вершинах желобина Уоарпа образует глубокое и неприступное ущелье.

3) *Лаба*. Эта река есть важнейшая из кубанских рек; она имеет в длину более 200 верст и образуема двумя реками, из коих восточная называется

---

* Здесь и далее – авторские ссылки на примечания; в тексте оригинала заключены в круглые скобки. Текст ссылок нами унифицирован, поскольку в оригинале используются различные варианты сокращений слов, а в большинстве случаев автор (или переписчик) ограничивается только номером примечания (Ред.).

Малая Лаба и западная – *Большая Лаба*, которые по взаимном слиянии получают собственное свое название и впадают у Усть-Лабинской крепости в Кубань, которой доставляют величайшее приращение, ибо сами принимают в себя множество речек.

В вершинах Лабы, между утесистыми берегами есть мрамор, также в изобилии растет тисовый, или негнойный, лес, в особенности между обеими Лабами.

4) **Шххакоаше** не менее знатная и чрезвычайно быстрая река; она в 25-ти верстах от устья Лабы впадает в Кубань против Воронежского редута, имея течение на северо-запад.

5) **Пшишь** и 6) **Псекупс** тихие свои воды вливают в Кубань; первый – противу Константиновского, второй – Павловского кордонов в Черноморском казачьем войске. Берега их покрыты дремучими лесами. Если бы оказалось удобным запрудить устья этих рек и соединить с ними текущие в окрестностях их речки, то они, наполняя свои берега обильными водами, могли бы открыть с горами водяное сообщение, которое принесло бы ту пользу, что черноморские казаки могли бы получать от черкесов строевой лес и камень по дешевым ценам.

7) **Афипс**. Эта река гораздо значительнее двух предыдущих и впадает в Кубань повыше Велико-Лагерного кордона, что в Черноморском же казачьем войске.

8) **Адекум** весьма значительная река. По выходе из гор на северо-восток круто поворачивает на северо-запад и течет параллельно с Кубанью. Одним протоком она соединяется с рукавом Кубани, называемом **Кара-Кубань**, а пониже – правым берегом принимает отделение Кара-Кубани, называемое Ерлы, и в то же время, приняв с обеих сторон множество малых речек, которых взаимное совокупление производит множество островов, озер и болот, впадает в юго-западное устье Кубани*.

Здесь упомянутые кубанские реки, можно сказать, служат рукавами, через которые множество речек и ручьев, напоящих ущелья и равнины, с северной стороны гор лежащие, вливаются в Кубань.

Во время пребывания турок в Анапе нередко черкесы, живущие вверху Кубани, водою по этой реке доставляли в Анапу произведения своей земли для продажи; и ныне, при водворении в этом крае тишины и порядка, водяные сообщения, при маловажных трудах и издержках в сравнении с теми, которые употребляются для рытья каналов, могли бы способствовать торговой деятельности, и нет сомнения, что во время обширной торговли черкес и кубанских татар с Крымом (см. 2-й части отд. 2, глав. 7) Кубань служила величайшим для этого облегчением.

Таким образом, Терек, Кума, наконец, и Кубань, поглощая в себя реки, орошающие северные равнины Кавказа, несут их воды в моря Черное и

---

* Раздел, посвященный бассейну р. Кубань, является переложением соответствующего раздела труда С. Броневского [18, ч. 1, с. 135-143], за исключением адыгских топонимов (Ред.).

Каспийское.

б) Озера

Несмотря на множество вод, орошающих земли черкес, там нет значительных озер. Впрочем, три небольших озера, находящихся в пределах Кабарды, заслуживают внимание по свойству их вод. Озера эти:

1) *Етдакко-Коль.*

Вода в этих небольших двух озерах, одно подле другого находящиеся, имеет вкус соленый, почему и служит лишь пойлом для скота.

2) *Демхгетле-Коль.*

Вода здешняя имеет такое же свойство, как и предыдущая.

3) *Тамбий-Коль.*

На этих двух озерах, одно от другого не в дальнем расстоянии отстоящих, иногда садится соль; вода в них служит также для напоения скота. Грязь, на дне их находящаяся и называемая *сас*, привозима бывает и в дома, ибо она содержит соляные частицы и заменяет употребление соли, но только для скота.

4) *Абрахго.*

Это озеро находится близ берегов Черного моря в пределах натхокоадьского племени⁷. Оно заслуживает внимания лишь по прелестному своему положению среди прекрасных и плодоносных гор. Ширина его простирается на расстояние пушечного выстрела, а в длину еще более; речка, вытекаемая из озера под ее же названием, впадает в Черное море; в ней вода пресная. Кроме этих озер есть еще несколько ничего не значащих озер, образуемых рукавами некоторых рек; озера эти не заслуживают особенного внимания.

Море

Черное море по естественному своему положению входит в систему вод Черкесии, но надлежащее описание моря было бы здесь неуместным, да оно и превосходит мои познания; однако ж я почитаю неизлишним сказать несколько слов о пристанях, находящихся у берегов Черного моря, прилежащих к Черкесии.

Анапа. Крепость и пристань, лежит в 30-ти верстах от западного устья Кубани (Бугаз) при впадении в море речки *Бгхур*. Крепость расположена на скате предгория, несколько впадавшего мысом в море на северо-запад от гор, начинающихся в расстоянии около одной версты на юго-восток от крепости, которая примыкает стенами своими к самому морю и в окружности имеет около трех верст. Крепостное строение и ров от одного берега моря до другого одеты камнем; со стороны же моря высокий утесистый берег служит лучшею защитой. Пристань Анапская есть открытый рейд. На южной и юго-западной стороне от крепости морской берег состоит из высоких известковых скал; тут морская глубина весьма значительна. К северу и северо-западу берег понижается вполовину, море становится мельче и показываются отмели наружу*.

---

* Данный абзац является переложением соответствующего раздела труда С. Броневского

Осада и покорение Анапы во время последней войны с турками (1828 год) есть один из блистательных подвигов российского оружия. Малочисленный наш отряд⁸ должен был вести правильную осаду противу крепости, довольно хорошо укрепленной и снабженной военными и съестными припасами, крепости, в которой сильный и вдвое превосходивший числом российское войско гарнизон защищался с упорностью, свойственною туркам при выдерживании и самой страшной осады. В то же время осаждающий отряд, можно сказать, с другой стороны был сам осаждаем. Многочисленная и лучшая в мире для партизанской войны черкесская конница неоднократно угрожала ворваться в самый стан наших войск, и, несмотря на удачные ее отражения, мы принуждены были от быстрых и неожиданных нападений черкес оградить тыл нашего лагеря разными земляными укреплениями. Кавалерия же наша была безопасна лишь среди наших пехотных колонн. Однако ж глубокое познание в военном искусстве вождя русских войск, храбрость воинов, его примерным и ласковым обхождением поощряемых, удачное действие артиллерии преодолели все опасности и все преграды. Анапа пала, и флаг победителей водружен был на сокрушенном бастионе крепости после упорной осады, подтвердившей слова знаменитого Суворова: «Порядок и устройство все побеждают»⁹.

Сунжук-Кале – четырехугольный замок с кирпичными стенами, имеющий в каждой стороне не более ста сажен, лежит в 35 верстах сухим путем от Анапы на юго-восток. Сунжукская гавань почитается за изрядную; она углубляется в берег на 5 верст длины и на 3 версты ширины; с южной стороны прикрыта высокими утесами. В нее впадает речка **Цемез**. От Сунджук-Кале на расстоянии около 5-ти часов езды на юго-восток лежит Геленчикский залив, довольно обширный, но мало посещаемый. От этого залива на юго-восток же расстояние до границы Черкесии с Абхазиею простирается около 30 верст^{*10}.

Г Л А В А IV. ИСТОЧНИКИ:

а) *Теплые*

На землях, ныне населяемых черкесами, или им принадлежащих, кроме Павловских теплиц, находящихся в Малой Кабарде и уже известных из ученых исследований г. Гильденштедта*, есть еще два теплых источника на реке Псакупсе, что за Кубанью в горах, занимаемых абедзахами.

Эти теплицы состоят из двух источников, один подле другого находящихся. Края обоих обложены срубленными дубовыми досками; один из них имеет в окружности около 4 сажен, другой еще меньше, однако ж в последнем вода более горяча, нежели в первом. Впрочем, состояние и

[18, ч. 1, с. 289-290] (Ред.).

* Материал о Сунжук-Кале является переложением соответствующего раздела труда С. Броневского [18, ч. 1, с. 290-291] (Ред.).

* См. у И. Гильденштедта: [34, с. 26] (Ред.).

составные части этих теплиц еще не исследованы; истекающая из них вода вливается в реку Псекупсе (см. сего отд. глав. 13).

К этим источникам привозят больных, одержимых ломотою и прочими болезнями, и уверяют, что действие их чрезвычайно целительно¹¹.

б) *Соленые*

Черкесы, как известно, ни в одном из произведений природы не имеют столь большого недостатка, как в соли, и потребность ее есть главнейшее обстоятельство, принуждающее их сблизаться с соседями в торговом отношении¹²; но из этого еще нельзя заключать, чтобы их страна была вовсе лишена этого произведения земли; напротив того, на многих местах, населенных черкесскими племенами, находятся соляные источники. Исследование свойства и составов этих источников, оставив времени и трудам ученых людей, объясним здесь пользу, извлекаемую из них туземцами.

Весною и осенью сгоняют к соляным этим источникам табуны лошадей, овец и рогатого скота для поила, что совершенно заменяет потребность соли для скота и тем много облегчает владельцев. Для домашнего же употребления также пользуются с большею выгодой солью, которую вываривают, кипятя воду в котлах, но тем не менее средства, доставляемые жителям этими источниками, для удовлетворения ежедневных нужд народа вовсе недостаточны, хотя, быть может, при умении извлекать из них соль по тем правилам, которые употребляются в Европе, соль эта заменила бы ту, которую ныне черкесы для большего числа жителей из других стран добывают.

в) *Нефтяные*

Черкесы из нефтяных источников не делают никакого почти употребления, исключая малого числа окрестных жителей, которые иногда употребляют нефть для смазки осей в арбах, т.е. в двухколесных своих телегах, а некоторые лечат нефтью коросту на лошадях и на рогатом скоте.

Места же, где находятся эти источники, показаны при исчислении рек, напоящих Черкесию¹³ (см. сего отд. глав. 13).

ГЛАВА V. СЕЛИТРА И СЕРА

В горах, на вершинах многих рек есть пещеры, внутри которых находится песок, имеющий блестящий цвет и содержащий в себе селитряные частицы. Песок этот варят в воде и, когда дадут остыть, оказывается на поверхности воды осадок селитры.

На вершинах же рек в горах находятся также и серные ключи. Вещества эти употребляются преимущественно на приготовление пороха.

ГЛАВА VI*. МЕТАЛЛЫ

Железо есть важнейший металл, добываемый у себя черкесами; на некоторых вершинах рек и в кряжах гор находят камень, имеющий железные

---

* В оригинале ошибочно обозначено: «Глава IV» (Ред.).

частицы; этот камень, говорят, мелок, имеет цвет темно-красноватый. На верху собранной кучи камней этого рода складывают целые сажени дров удобно для сгорания, потом зажигают их, и тогда от влияния огня складенные камни приходят в такое состояние, что их можно разбить в мельчайшие куски, которые потом кладут в лечь, для этого нарочно приготовленную, и выплавливают их с томошью угольного огня и мехов.

Кроме железа, свинец есть металл, находимый на землях черкесов и добываемый из камней таким же образом, как и железо.

Однако ж, несмотря на возможность приобретать эти металлы, черкесы имеют в них большой недостаток: малое количество, ими добываемое с таким трудом, не удовлетворяет потребность жителей, которые без всякого сомнения имели бы у себя много железа и свинца, быть может, и других металлов, если б знали способ, как обрабатывать металлы (см. прим. 4).

ГЛАВА VII. ПРОИЗРАСТЕНИЯ*

а) *Хлеба*

Три рода пшеницы, жито или рожь, ячмень и три рода проса – суть главнейшие хлеба, из числа которых просо есть продукт столько же необходимый в Черкесии, как пшеница и рожь в других странах¹⁴.

б) *Огородные овощи*

Капуста, свекла, редька, морковь, перец, горчица, лук, чеснок, бобы, тыква, арбузы, дыни, огурцы составляют главнейшие огородные овощи.

Сверх этих произрастаний достойна примечания конопля, разводимая в изрядном количестве в иных местах. В лесах растет много хмеля, но из него черкесы не делают никакого употребления.

в) *Деревья и фрукты*

Целые леса состоят из дубов, лип, тополей, клена, ясеней, ольхи, березы, сосны и ели; эти три последних рода растут в особенности в горах. Сверх этого в горах же есть много таких деревьев, которые названия на русском языке мне не известны. Деревья эти суть:

Пчьё. Из этого дерева делают столы. *Хешай*, из которого преимущественно делают ложки и другие домашние утвари. *Хгоапххь*, будучи выварено, дает прекрасную желтую краску. Еще замечательно негниющее дерево, или тисс, имеющее темно-красный цвет и называемое черкесами *пххемифи*.

Баргамоты, яблоки, сливы, персики, абрикосы, черешня, вишни, грецкие орехи, каштаны и виноград в изобилии растут в горах. В лесах же, на горах и равнинах, во множестве произрастают: дикие сливы и виноград, кизил, кислица, груша, орехи, калина, ягоды лесные и степные и проч.¹⁵ Шелковичные или тутовые деревья произрастают вдоль по берегу Черного моря: бабочек шелковичных здесь не водится. Без всякого сомнения, это дерево могло бы быть разводимо в значительном количестве во всех местах, черкесами занимаемых, и народная промышленность могла бы из этого

---

* Так в оригинале (Ред.).

предмета извлечь огромные выгоды, если бы беспечность жителей этой страны, одаренной щедро природою, не упускала из виду всех этих даров, столь драгоценных для народного богатства¹⁶.

г) Травы

Травы в низменных местах растут большие; в степях же и возвышенных местах обыкновенно не так высокие. В болотистых местах и стоячих водах растет камыш или тростник в большом количестве и нередко водяные орехи. Вообще земли черкесов изобилуют травою, и нигде нет бесплодных мест, какие встречаются в других странах и за Кавказом.

Все то, что мы говорили о произрастаниях на землях черкес, показывает, сколько почва их удобна как для земледелия, так и для скотоводства. Если к этому присовокупим, что там рука попечительного земледельца не заботится об удобрении нив, готовых принять семена и с избытком принести плоды; и дальновидная заботливость владельца не ограждает леса от губительных пожаров и не очищает корни плодовых деревьев, чтобы ветви их развивались под влиянием благотворного неба, и что благодетельное правительство не поощряет народную промышленность и выгоды торговли, заграничной или внутренней, не привязывают жителей к земледелию, тогда можно себе представить, какое изобилие разлилось бы в этой роскошной и прекрасной стране при благотворительной помощи устройства и трудолюбия.

ГЛАВА VIII. ЖИВОТНЫЕ ЧЕТВЕРОНОГИЕ

а) Домашние

Домашние животные у черкесов суть: лошадь, корова, буйвол, овца, коза, лошак и осел.

Последние две породы плодятся лишь в горах, где они необходимы для перевоза тяжестей, а на равнинах весьма редки и так, что иной житель равнин даже никогда не видывал их.

б) Дикие

Главнейшие дикие животные четвероногие суть: олень, коза, тур, дикий бык (см. прим. 5), попадающийся изредка в горах. Зайцы водятся также в большом числе. Медведь и куница находятся в горах, а волк, лисица, дикая кошка – повсюду, чакалы же – на берегах Черного моря; выдры и бобры водятся в воде и на берегах. Вепри в болотистых местах, барсуки – большею частью на равнинах и проч.

ГЛАВА IX. ПТИЦЫ

а) Домашние

Из домашних птиц куры составляют необходимость каждого хозяина и приносят чрезвычайную пользу. Индейки, утки и гуси также плодятся, в особенности же последние у жителей, обитающих на берегах рек.

б) Дикие

Главнейшие из диких птиц, которых мясо употребляют черкесы в пищу, суть: лебеди, гуси, утки, водящиеся в местах, где находятся стоячие

воды; фазаны, тетерева, дрохвы, или дудаки, журавли, перепелки и многие другие. Вообще дичь изобильна во всех черкесских землях.

Из хищных птиц главнейшие: орел, живущий в горах и лесах, коршун, сокол, ястреб и проч.

ГЛАВА X. РЫБЫ

Все порядочные реки в землях черкесов изобилуют мелкою рыбою разных пород: в реках с каменистым дном водятся форели, а в других – сазаны, щуки, лини, карпы, усачи, сомы и проч. В устьях же Кубани находятся в большом количестве те же самые породы рыб, которые свойственны Черному морю; в верховье же этой реки до самой Кавказской крепости, равно как и **Терека** до Моздока, заходят из Черного и Каспийского морей не в большом количестве осетры, севрюга, лососи, стерляди, далее же попадает лишь мелкая рыба.

ГЛАВА XI. НАСЕКОМЫЕ

Пчелы дикие во множестве водятся в горах и лесах, а домашние – как в горах, так и по всему пространству черкесских земель.

Из числа вредных насекомых примечательна саранча, производящая иногда губительные опустошения, но мустик, тарантула, скорпион и тому подобные, водящиеся в Персии, Индии и некоторых местах за Кавказом, к счастью жителей, здесь не водятся.

Черепахи и змеи разных пород во множестве водятся, в особенности в болотистых местах. Последние, говоря вообще, ядовиты. Обыкновенный огородный червь причиняет много вреда овощам.

ГЛАВА XII. ДОСТОПАМЯТНОСТИ В ЧЕРКЕССКИХ ЗЕМЛЯХ

«Древность, – говорит г. Броневский, – не оставила здесь великолепных памятников, но исследователи происхождения народных найдут в стране сей довольно предметов для любопытства»*. Действительно, много на землях черкес находится любопытных мест, которые служат основанием народных песней и повестей, сочиняемых туземцами, повестей и песен, само по себе разумеется, изустных и обыкновенно большею частью баснословных. Все эти остатки описать было бы полезно для исследования многих темных понятий о племенах, в этом краю в разные эпохи обитавших, но это составило бы огромное занятие, требующее долговременных исследований, почему и помещаю здесь лишь некоторые известия относительно этого предмета.

На вершине Кубани, на высотах, **Ушь-Куль** называемых, с восточной стороны реки находится гробница одного из предков фамилии Тагановых, ногайских мурз, по имени **Мрзбека**. Время построения этой гробницы

---

* У С. Броневского: «Хотя древность не оставила здесь великолепных памятников, но исследователи происхождения и повести народов могут довольно предметов найти для упражнения своего любопытства» [18, ч. 2, с. 53] (Ред.).

определяют до ста лет, но тело, там положенное, по сие времени лежит невредимо так, что даже волосы на голове, усы и брови находятся в прежнем состоянии. Черкесы, посещающие эту гробницу, бросают на тело по одной тряпке, в которой бывает завернута пуля; не соверша сего обряда, никто не выходит из гробницы. Причины этого странного обыкновения, предрассудками выдуманного и невежеством поддерживаемого, неизвестны. Рассказывают нелепую сказку, что в прежние времена ежегодно обрезывали ногти на ногах и руках этого существа мертвеца, у головы которого стоит маленький каменный гроб, в котором положено тело дочери одного крымского хана, которую Мрзбек воспитывал. Никогда и ни одному черкесу не приходила мысль исследовать, отчего бы могло это тело сохраниться невредимо столь долгое время. Притом надобно заметить, что хотя черкесы и приписывают ищеление тела сверхъестественному действию, но не имеют к останкам этим никакого уважения; напротив того, некоторым образом гнушаются, полагая, будто бы тело это не тлеет по причине грехов покойника.

Остатки старинного города *Татар-Туна* в Большой Кабарде, находятся на западном берегу Терека. Кабардинцы много рассказывают об них чудес. Время же построения этого города неизвестно. По названию и народным поверьям, относят к временам владычества татар; гора же, подле сих развалин возвышающаяся, также называется *Татар-Тупом* и в ее пещере кабардинцы во времена грубого их язычества совершали клятвы¹⁷.

Около Пятигорска на ручье *Етакко* находится каменный поясной истукан, вышиною в 8 футов 8 дюймов. Он называется *Дуукко-хе-ясин*, имеет надпись, которой буквы схожи с греческими или с славянскими, и испещрен разными изображениями людей и зверей, высеченными на подножии его. Надпись не могут разобрать, и кому воздвигнут памятник, неизвестно^{18*} (см. прим. 6).

За Кубанью между речками *Пс-ф* и *Нь-п-лль*, лежит четверугольное земляное укрепление, валом и рвом обнесенное, с четырьмя выходами, наподобие римского лагеря. Это древнее укрепление имеет в окружности около трех верст; оно на восток к первой, а на запад ко второй из упомянутых речек примыкает. В окрестностях видны насыпные курганы, издали походящие на укрепления. Место это именуется *Шанхрское* старое укрепление (Шанх-р Кеисзе-р). Г. Броневский замечает, что тут был город тчемиргойского владельца по имени *Шанджир* и что место это почитают, упомянутые и другие колена, за древнюю свою родину*.

Близ минеральных источников на реке Псакупсе, сказывают, находятся высеченные на граните шахматные доски и изображение конских копыт, сабель и проч., а на вершине Кубани действительно есть огромный камень,

---

* Текст данного абзаца за исключением адыгского написания топонимов представляет собой переложение текста С. Броневского [18, ч. 2, с. 54] (Ред.).

* Текст данного абзаца за исключением адыгского написания топонимов представляет собой переложение текста С. Броневского [18, ч. 2, с. 59] (Ред.).

на котором высечены разные фигуры, подтверждающие народные предания черкес о нартах, некогда там живших (см. прим. 1).

Часто при обрушении берегов рек и раскапывании возвышений находят человеческие остовы и при них исполинские древние оружия, равно как каменную и иногда металлическую посуду разного рода¹⁹. Остовы, оружие и вещи предания приписывают принадлежавшими упомянутым *нартам*.

Гробниц с греческими надписями и разными изображениями много встречается; с такою же надписью известен столб на берегу Большого Зеленчука за Кубанью, а на вершине той же реки находится каменная церковь.

Во многих местах встречаются поясные истуканы, принадлежащие, как полагают, к ламайскому идолопоклонству и доказывающие пребывание здесь монголо-татар, до принятия ими магометанской веры*.

На вершинах Кубани есть величайший истукан, воздвигнутый, как полагают, в честь *нарта* Ерешхеу.

Кроме каменных памятников, в Закубанских горах находятся на каждой реке вековые дубы, рощи, пещеры, которые служили святынею для жителей тех мест во времена грубого их язычества. Исследование этих предметов, вероятно, способствовало бы отчасти к открытию того, в какие времена эти племена принадлежали какому исповеданию.

ГЛАВА XIII. ИСЧИСЛЕНИЕ РЕК И РЕЧЕК, ОРОШАЮЩИХ ЧЕРКЕССКИЕ ЗЕМЛИ

Подробное и верное описание рек и речек, орошающих черкесские земли, было бы любопытно и полезно человеку, желающему иметь о стране, здесь описываемой, удовлетворительные во всех отношениях сведения; но приобретение столь пространных и не подверженных сомнениям сведений требует долговременных исследований на самих местах, через которые эти реки и речки протекают. Сведения же, в следующей таблице предлагаемые, собранные мною наскоро, по разным показаниям – неудовлетворительны; лица, которые сообщали мне эти сведения, во многом между собою противоречили, а из этого следует заключить, что впадения некоторых рек и речек показаны неверно. Однако ж я почел не излишним здесь поместить эти сведения в той надежде, что они принесут сколько-нибудь пользы просвещенным путешественникам, посещающим Черкесию, где, посвятив свободные часы полезным изысканиям, они составят более полное описание рек и таким образом удовлетворят справедливое любопытство публики.

Порядок, который я имел в виду при исчислении рек и речек, черкесские земли орошающих, состоит в следующем. Все реки и речки, здесь поименованные, распределены на четыре отделения: *в первом* – заключаются

---

* Два последних абзаца представляют собой переложение текста С. Броневского [18, ч. 2, с. 54] (Ред.).

находящиеся между Сунжем (р. № 1) и Малкою (р. № 72), *во втором* – протекающие чрез земли, лежащие между этою последнею и Кубанью (р. № 140). *В третьем* – от вершин Кубани до ее устья, напоющие равнины, на южной ее стороне лежащие. При исчислении рек и речек, находящихся в этих трех отделениях, сперва поставлены, начиная от востока на запад, те из них, которые берут свое начало из подножия снежных и передовых гор, а потом прописаны речки, получившие свое начало на равнинах из болотистых мест, начиная же с востока. Наконец, и *четвертое* заключает в себе впадающие в северо-восточный берег Черного моря, прилежащего к Черкесии.

Места, находящиеся на этих реках и речках и заслуживающие почему-либо особенное внимание, отмечены.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия рек и речек, орошающих черкесские земли,
с примечаниями, куда впадают и какие места, лежащие в их окрестностях,
заслуживают особенного внимания

№ п/п	Названия рек и речек	Куда впадают	Примечания
1	Сунжа	Терек	См. выше глав. 3. Сказывают, что близ его берега стоит гробница, в коей лежит нетленное тело
2	Несран	Сунжа	
3	Ххунбелей	»	
4	Ашьликко	Не доходя Терека, теряются на равнинах. Полагают, что имеют подземельное сообщение с Терекком	
5	Псхгоабже		
6	Курп	Терек	Вода этой реки солоновата
7	Ккс-кем	Курп	
8	Жеман Ккул	»	
9	Деипс	Аккбашь	
10	Аккбашь	Женече-у	
11	Женече-у	Терек	
12	Куян	Теряется на равнинах	Грунт имеет вязкий. За исключением первых трех*, вытекающих из Черных гор, прочие берут

* По смыслу (и как можно догадаться из примечания к р.№72) здесь имеются в виду рр.№№1-3 (Сунжа – Ххунбелей) (Ред.).

			свое начало из темного леса, покрывающего кряж, называемый Асеккоай, который возвышается среди равнин Малой Кабарды.
13	Терек	В Каспийское море	См. выше глав. 3
14	Биеккан	Терек	
15	Архоан	»	
16	Кьццль	»	
17	Арден	»	
18	Пцезжиякко	Псхужь	Между ними находятся развалины старинного города Татар-Тула, тут и гора под сим именем. См. предшеств. главу
19	Псхужь	Терек	
20	Бзжхуцикко	»	
21	Шоколь	»	
22	Урух	»	
23	Ххорзжине	Урух	
24	Шекер	»	
25	Лескен	»	
26	Аргудан	Терек	Действительно сия река находится в Кабарде, хотя г. Броневский сомневался в том*, опровергая упоминание о сей речке, сделанное Гильденштетом*
27	Мархгушее	Аргудан	
28	Вхгетцикко	Псконпсу	Во время командования полковника Коцера отрядом в Кабарде на сей реке происходило сражение ²⁰
29	Псконпсу	Шередь	
30	Жемтххале	Псконпсу	
31	Ккдеххурт	Шередь	
32	Шередь	Терек	На вершине ее находящееся неприступное место называется <i>Ккошкеттау</i> ²¹ , где стоит каменный дом,

* См. у С. Броневского: [18, ч. 1, с. 124] (Ред.).

* См. у И. Гильденштедта: [34, с. 139] (Ред.).

			построенный князем Асланбеком Ккаитокковым, подвиги которого кабардинцы с удивлением и ныне рассказывают
33	Шедем хахо	Шередь	
34	Ккересу	»	
35	Ххь-у	»	
36	Пскеху	Нальчик	
37	Мшьххидь	} Арвань	На ее берегу построена крепость Нальчик, где находится и Кабардинский временный суд *
38	Нальчик		
39	Шеккофпс	Шххаликко	
40	Кенже	»	
41	Шххальккошхо	Арвань	
42	Шххальккоцуко	Шххальккшхо	
43	Шекем	Баххсен	
44	Кшьбечь	»	
45	Фенд-кко	Кишьбечь	
46	Ккардентххалé	Баххсен	
47	Афехго	»	
48	Ерхгиикко	»	
49	Лашкудте	»	
50	Късант	»	
51	Баххсен-шхо	Малка	
52	Баххсенижь	Баххсен-шхо	
53	Ккульккужьн	Оканчивается лиманом	Между ею и Малкою есть источник <i>Ккайтико</i> , протекающий пространство около 2-х верст и сделавшийся знаменитым для кабардинцев гибелью лучшего их воинства в сражении, проходившем между ними и русским отрядом. В песне, посвященной этому событию, под названием «Ночное нападение»,

* Так в оригинале. Данный текст должен относиться только к р. Нальчик (Ред.).

			выразительно изложены подвиги кабардинских воинов ²²
54	Ккръ-Укко	Кулькужинъ	
55	Сермакк	Малка	
56	Кизжькъ-тъ	Баххсен	
57	Хурхужян	»	
58	Ххалкко	»	
59	Табшьнъ	Кунделен	
60	Кунделен	Баххсен	
61	Урды	Кунделен	
62	Екехпщакко	Малка	
63	Ккурратé	»	
64	Меззьхе	»	
65	Кертмен	»	
66	Кедмшх	»	В вершине ее находят селитру и серу
67	Ккендяльцико	»	На вершине ее выплавляют свинец, железо и селитру
68	Ккендямшхо	»	
69	Тзиль	»	
70	Хгелеххукко	»	
71	Жъварген	»	
72	Малка	Терек	См. выше глав. 3. Выше поименованные реки, начиная от Терека (р. № 13), берут свое начало из Черных или из Передовых гор и по разным направлениям текут на северные равнины
73	Озередь	Терек	
74	Туменикко	»	
75	Бенеапже	Шередь	
76	Ешерикко	»	
77	Ккеххун	»	
78	Пженикко	»	
79	Нальчикиж	Арванъ	
80	Кяш	Баххсен	
81	Жеманизжь	»	
82	Дедиакко	»	
83	Жеманъ-су	»	
84	Етдехужь	Малка	

85	Ккенезжикко		»	
86	Ккеретедь	Малка		
87	Шоккой		»	
88	Шеке-межжь	Шекем		
89	Мамккшие	Арвань		
90	Мрзерххо		»	
91	Зекече-ý		»	Эти последние, начиная от Озередя (р. № 73), все берут свое начало из болотистых подножий кряжа и возвышений на равнинах и болотах в лесах
92	Ххарб-з	Малка		На вершине ее истекаемый источник
93	Кецрхгэн		»	
94	Мушьт	Ххесаут		У ее устья есть кислый источник
95	Ххесаут	Малка		
96	Леххрэн-шхо		»	
97	Леххрензже		»	
98	Псбхгунжь-шхо	Кшь балкк		
99	Псбхгунжье		»	
100	Кишь-боллк	Малка		Древнее земляное укрепление. Огромная скала, называемая Жерпежеже . Могила знаменитого в преданиях черкес воина Пнакокко Тетершава , последнего нарта
101	Ккашликко		»	
102	Пцеликко (крайний)	}	Подкумок	
103	Пцеликко (средний)			
104	Пцеликко (третий)			
105	Пентчекко	Пцеликко		Иногда высыхает
106	Етдеккошхо	}	Подкумок	
107	Етдеккоцико			
108	Дьцу (крайний)	Подкумок		
109	Дьцу (средний)	Дьцу (большой)		
110	Дьцу (большой)	Подкумок		Здесь находится большой источник, называемый Пснехгоахго
111	Жемжи-кко	Дьцу		

112	Нартъсан	Подкумок	На ней стоит Кисловодская крепость
113	Кковв	»	
114	Емнакко	Нарт-сан	
115	Ешко-кон	Подкумок	
116	Ххаташтé	»	
117	Брухг-санът	»	
118	Кумцико (Малая Кума, или <i>Подкумок</i>)	Кумшхо (Большая Кума)	} См. выше глав. 3
119	Кума (Кумашхо)	Каспийское море	
120	Шъххе-кко	»	
121	Ссенти-го	Подкумок	
122	Хгурмтчь	»	
123	Бъ-хе-кко	Кума	
124	Шокогор	»	
125	Пскефх	»	
126	Танльек	»	
127	Ккумашь-кко	»	
128	Шебертé	»	
129	Ккойдан	Кубань	
130	Дяккнес	»	
131	Деготе	»	
132	Етдерккешь	Деготе	На ее берегу стоит каменный женский истукан, называемый <i>Етдерккешó</i>
133	Ушь-Ккулль	Кубань	
134	Мере	»	
135	Ххумерен	»	
136	Кошехгехи	»	На ней стоит каменный женский истукан, называемый <i>Кошехгéхги</i>
137	Мердесен	»	
138	Дьлан-Кколь	»	
139	Ххъ-цеко	»	На сей реке есть страшный спуск в пропасть. Все поименованные реки, начиная от Малки (р. № 72) берут свое начало из Черных гор или из подножий их и наполняют прекрасные равнины,

			лежащие между Малкою и Кубанью
140	Кубань	В Черное море	Закубанскую Черкесию отделяет от Кавказской области и Черноморского войска. См. выше глав. 3
141	Тейберди	Кубань	
142	Шьоне	»	
143	Ккуб-шь	»	
144	Шьпшьрхиот	»	
145	Кказденидь	Инчидьзие	
146	Ххесаут	»	
147	Марухх	»	
148	Инчидьзие (Малый Зеленчук)	Кубань	
149	Инчидьшо (Большой Зеленчук)	»	
150	Кефер	Уарп	
151	Пзьжгон	Кефер	
152	Уарп	Кубань	
153	Кковве	Уарп	
154	Етчепцакко	Лаба (Малая)	
155	Кунчь	»	
156	Ккелемшакко	»	
157	Лебецико (Малая Лаба)	Лаба (Большая)	См. выше глав. 3
158	Шередь	»	
159	Ошххоц	Шередь	
160	Ккузжабе	Лаба (Большая)	
161	Лебешхо (Большая Лаба)	Кубань	См. выше глав. 3
162	Федз	Лаба (Большая)	
163	Шедокко	»	
164	Пефр*	Фарз	
165	Хгупс	Федз	
166	Арден	»	
167	Ошххамефакко	Лаба	
168	Педидь	»	
169	Демшакко	»	
170	Ашедаркко	»	
171	Псбхгундь	Уарп	

* Может быть прочитано и как «Псфр» (совр. – Псефирь) (Ред.).

172	Лзжиикко	Лаба	
173	Оккоарт	Шальбийкко	
174	Шальбийкко	Оккоарт	
175	Ххарс	Шальбийкко	
176	Етдакко (первый)	Ххарс	
177	Етдакко (второй)	»	
178	Алерехгудидь	Деден	
179	Деденишхо	Уарп	
180	Деден-зжие	»	
181	Пцезжиякко	Деден-зжие	
182	Тередемакко	Уарп	
183	Фарз	Лаба	Служит границею между абедзахами и абазинскими (абхазскими) коленами. На восточной стороне ее нет значительных мест, обитаемых первыми
184	Кконааккта-у	Лаба	
185	Финтор*	Шххакоаше	
186	Камликка	»	
187	Шххакоаше	Кубань	См. выше глав. 3
188	Детчжезехгакко	Фарз	
189	Ввиди-кко	Шххакоаше	
190	Ххатккокотц	Курдь-пс	На ней находится прекрасная равнина <i>Чьбзиннэ</i> и огромный дуб <i>Цацеитчиг</i>
191	Курдь-пс	Шххакоаше	
192	Тххетц	Курдь-пс	
193	Дзже	Пчхха	Между сими р.р. лежит равнина, называемая <i>Хгох-ннэ</i> . На западе последней равнина <i>Анбаш</i> и <i>Биеккание</i>
194	Пчхха	Шххакоаше	
195	Тхъхго	Пчхха	На ее вершине есть возвышение: <i>Нехгойшико</i> , где выплавляют железо
196	Цьцэ	»	
197	Дакго	»	
198	Кубашь	Ххъ-дзжь	
199	Ххъ-дзжь	Пшишь	
200	Тфшепс	»	
201	Ккойпсикко	»	На ней находится соленый

* Может быть прочитано и как «Финтф» (совр. – Фьютф) (Ред.).

			источник
202	Шальбий	»	
203	Сшепс	»	
204	Дьньдьфпс	»	
205	Шххаллико	»	
206	Шоизжь	»	
207	Зпс-зжь	»	
208	Пшишь	Кубань	Значительная река; по обеим сторонам ее верховья лежат равнины: <i>Шедькаре</i> , <i>Дферкоокк</i> и <i>Шекесиль</i> ; ближе к ее устью, между ею и Шххакоашем находится дремучий лес, называемый <i>Ккурхгу</i>
209	Азжьхе	Пшишь	На ней находятся нефтяные источники
210	Хгоакко	»	Большой соляной источник находится на сей речке
211	Пс-дидь	»	
212	Оцепс	»	На ней лежит соляной источник
213	Ххатрамекко	Оцепс	
214	Етркко	Пшишь	
215	Бжеххоакко	»	
216	Цъ-се	»	Близ ее течения лежит равнина <i>Тоххошекко</i>
217	Кутеккакко	»	
218	Пххефль	»	
219	Ккейдчих	»	
220	Дхгузжьбекка	»	
221	Псеякко	»	
222	Адяй	»	
223	Псмхгор	»	
224	Течеххунакко	»	
225	Бедзепс	Цъ-це	На вершине ее находится известная гора, под названием <i>Ххотх</i>
226	Сшьипс	Псеккупс	
227	Ххотипс	»	
228	Мематé	Птчасшь	

229	Феникко	»	
230	Птчасшь	Псекупс	На ней находится возвышение, называемое Псь-Унь
231	Шьпс-лль		На этой речке есть большой соляной источник
232	Ошьхьоахго		
233	Псеккупс	Кубань	На вершине ее находятся две теплицы (см. выше глав. 4), тут же есть скала из прекрасного белого песка, ломкого или каменного. При ее выходе на северные равнины лежит долина <i>Дченип</i> . При впадении в Кубань большой лес, <i>Ххамтефии</i> называемый. Близ устья, с запада находится низменная равнина, среди которой стоит уединенный курган, на котором возвышается гробница (из белого камня) Султана Мгамет-Гирея и его жены – отца и матери сочинителя этих записок. На большой дороге, мимо кургана проложенной, стоит и каменный памятник покоящихся в сей гробнице
234	Джепси	Псеккупс	
235	Ххоарз	»	
236	Тъ тоаптчь	»	
237	Дишь	»	
238	Лебекко	»	
239	Онеубат	Тъ тоабхго	
240	Дуаххо	»	
241	Уличь	»	
242	Дчьбий	»	
243	Суп	»	
244	Фетеутакко	Суп	
245	Декоай	Шебжь	Служит границею между абедзахами и шапсххгцами
246	Псккабе	»	Здесь есть соленый источник, из коего добывают соль
247	Адгакко	»	
248	Етчепцакко	»	

249	Шебжь	Афипс	
250	Бедзепс	Шебжь	
251	Дчерпе-у́	Бедзепс	
252	Нъ-хг-пс	Афипс	
253	Афипс	Кубань	Знатная река (см. выше глав. 3), на вершине ее находится соленый источник. Вышеупомянутые реки, начиная от Кубани (№ 139)*, берут начало свое из Черных, или из Передовых, гор и по разным направлениям текут на северные равнины; в вершинах их живут и абедзахи и шапхгцы, а на некоторых и абхазцы; равнины же, где многие из сих рек протекают, заняты княжескими владениями
254	Ккель	Кубань	
255	Пснефихг	Лаба	
256	Дяде	»	
257	Пспецер	Шххакоаше	
258	Дехгу	Лаба	
259	Улль	»	
260	Ар-м	Улль	Эти последние р.р., начиная от Ккель (№ 262)*, берут свое начало от болотистых подножий. Холмы на равнинах и болоты* в лесах
261	Кудер	Сералё	
262	Сералё	Фарз	
263	Дендю	Шххакоаше	
264	Ккур-хгу	Пшишь	
265	Кканлихг	»	
266	Дчет-укко (первый)	В лиман, называемый	

* Описка, Кубань в таблице стоит под № 140 (Ред.).

* Описка, р. Ккель в таблице стоит под № 254 (Ред.).

* Так в оригинале (Ред.).

267	Дчет-укко (второй)	Ть-Тоабхго	
268	Ккорехгукко	Афипс	
269	Такке-икко	»	
270	Штеутчакко	»	
271	Мешекоккоай	Убин	
272	Кка-мликко	»	
273	Нефеякко	»	
274	Тххамефельякко	»	
275	Мвведзьбзже	»	
276	Кетчиикко	»	
277	Пцеликко	»	
278	Убин	Афипс	Знатная река, при ее впадении в Афипс есть большой соленый источник; на берегах сей реки назад тому около 40 лет происходило между Российским отрядом и черкесами сражение ²³ , знаменитое потому, что это происшествие соделалось у туземцев эпохою ²⁴ .
279	Ккурхгенер	Убин	
280	Дчиукакко	Ииль	
281	Битемрь якко	»	
282	Дчеонадте-р	»	На ней находится знатный соленый источник, из коего вытекающий ручей называется <i>Хгонезикко</i> . Пониже сего ручья находятся нефтяные источники. Между сею рекою и Убином лежит прекрасная равнина под названием <i>Эмтххатчь</i>
283	Ииль	Аушедз	
284	Шккешхкко	Ииль	
285	Датчяххо-у	»	
286	Ххаппеякко	»	
287	Зерьдь	Эзжипс	} На многих из этих
288	Бь-хгоай	»	
289	Эзжипс	Аушедз	
290	Ххарьбзё	Эзжипс	

291	Ккъ-тчеххурц	Ххаплизи	речек находятся соленые источники, а на некоторых плавится и железо
292	Ххаплль	Аушедз	
293	Мезмаф	Ххаплль	
294	Отчецакко	Антхх-р	
295	Пемхгузжь	»	
296	Ххаплътейор	»	
297	Антххр	Пшедцизж	
298	Тчепедяф	Антххир	
299	Бжххакуладь	Убин	
300	Етчепцакко	Бехгундр	
301	Бехгундришхо	} Теряются в лиманах, лежащих на южном берегу Кубани, Аушедскими называемых	
302	Бехгундръ-зжие		
303	Аушедз		
304	Чеохийкко	Абин	
305	Хгутчефаякко	»	
306	Кушенешхоу	»	
307	Штеутчакко	»	
308	Ккomezуяпсин	»	
309	Абин	Теряется в лиманах на южном берегу Кубани	Значительная река
310	Сшххабадий	Адеоахго	
311	Адеоахго	Абин	
312	Азеепс	»	
313	Бехгиикко	»	
314	Шузжиякко	»	
315	Псччетикко ²⁵	»	
316	Ввешххаффечер	»	
317	Етдехгоакко	Оаф	
318	Оаф	Шебидь	
319	Шебидь	Шьпс	
320	Шьпс	Адекум	
321	Шпсхгур	Шепс	
322	Бехгехги	Ибедяй*	
323	Нбедяй	Адекум	
324	Тчшизжьккуладь	»	
325	Адекум	На южном берегу Кубани, разливается в обширные лиманы и	Весьма значительная река (см. выше глав. 3), служит границей между

* Может быть прочитано и как «Нбедяй» (Ред.).

		одним рукавом сообщается с Кубанью	шапсхгцами и натххиккаадьцами с северной стороны гор
326	Беккен	Адекум	Значительная река. Около сей реки есть подъем, называемый <i>Птчихгользнь</i>
327	Даутчен	Беккен	
328	Мвветчишь	»	
329	Зейкорикко	»	
330	Атедчей	»	
331	Пдчяякко	»	
332	Зе-змез	Кечп-сн	
333	Мечере-тикко	»	
334	Кечпсн	Оканчивается лиманом на южном берегу Кубани и при мелководии сообщается с оною	
335	Шххаликко	Кечпс-нь	
336	Кудаккошхо	»	На берегу первой есть нефтяной источник, от чего оба получили и названия ²⁶ . На всех сих реках живут большею частью шапсхгцы, но как натхоккоадьцы заняли восточнее их лежащие места до Адекума (р. № 325), то сия река почитается, как сказано выше, границею между сими обоими коленами, со стороны северных равнин
337	Кудаккозжи	»	
338	Ошххадтсаркко	Кечпс-н	
339	Пс-ф	Оканчивается лиманом	
340	Бжтцзай	Псѣ-фѣ	
341	Пснешакко	»	
342	Дюбат	Вливаются в большой лиман на южном берегу Кубани, соединяющийся с Кубанью разными протоками во время	
343	Зжехгесш-н		
344	Нѣ-п-лль		
345	Ежеоашхх-Псбепс		

		полноводия	
346	Шешь	Псбепс	
347	Декосшь	Чийлем-дь	
348	Шхго		
349	Джькупс		
350	Шеккон		
351	Фемай	Нарт-Псиахо	
352	Остьхгай	»	
353	Унепсуххрай	»	
354	Тххавпшь	»	
355	Нарт-псххо	Пс-эфв, который образует род озера у устья Кубани	
356	Кумадтр	Мезтчаххе	
357	Ккопсшахх	»	
358	Педчахх	»	
359	Чийлем-дь	»	
360	Циеккоай	»	
361	Б-дь	»	
362	Шь-мь	»	
363	Зеепсн	»	
364	Мез тчахх	Бхгур	
365	Бхгур	В Черное море	У ее устья стоит крепость Анапа (см. выше глав. 3)
366	Хидрий	Сшкко	
367	Сшкко	В Черное море	
368	Нь одырь	»	На ее вершине есть дремучий лес, от которого она получила и название; сказывают, что он годен для кораблестроения
369	Дрфэ	В Черное море	
370	Абрахго	»	Она вытекает из озера <i>Абрахго</i> (см. выше глав. 3)
371	Бедяхго	Озередь	Между вершинами сих рек
372	Озередь	В Черное море	находящаяся гора называется <i>Срхгей</i>
373	Бжелакко	»	
374	Мстеххакко	»	
375	Цемэз	»	При устье ее стоит крепость Сунжук-Кале (по-черкесски – Цьхгдчуэ). См. выше глав. 3

376	Добе	»	
377	Ацезжибхгу	»	
378	Ххульзжий	В Геленчикский залив	Около устья сей реки стоит на прекрасном лугу <i>Геленчикское</i> укрепление
379	Мезибе	В Черное море	
380	Адрбѐ	»	
381	Коакузжь	»	
382	Фендчезжь	»	
383	Пшад	»	
384	Сшепс	Пшад	
385	Ввепсь-нъ	В Черное море	Полагают, что ввепснцы получили свое наименование от названия одной из этих рек (см. отд. 4, глав. 10)
386	Ввепси	»	
387	Ххолеехъ	»	
388	Дъубхго	»	Большая часть рек, впадающих в море, от Багура (р. № 375) до Дъубхго (399)*, берут свое начало из гор, называемых <i>Мер-Коргх</i> и <i>Кецахгур</i> с юж[ной] или ю[го]-з[ападной] их стороны. Здесь по берегу моря, по южной отлогости горы <i>Меркотх</i> , лежит нагорная дорога на 5 часов езды, где растет лес, а по местам прекрасные луга, всюду орошаемые журчащими источниками
389	Шайпсххо	В Черное море	Полагают, что шапсхгское племя получило свое наименование от сей реки
390	Дефи-н	Шайпсххо	
391	Коаво	»	
392	Нъ-депсххо	В море	
393	Дтуо́	»	
394	Шепс	»	
395	Тдоапс	»	Древнее обиталище бже-

* Следует читать: 365 и 388 (Ред.).

			духгского поколения (см. сей части отд. 4, глав. 7)
396	Акуé	»	
397	Шепс	Тдоапс	
398	Небхго	В Черное море	
399	Пчия-кко	»	
400	Аше́	»	
401	Аше (другая)	»	
402	Псф-оэ	»	
403	Остхгедчей	»	
404	Ххолеех	»	
405	Ввххуль	»	
406	Сшъмдеккодепсер	»	
407	Шахе	»	На ее вершинах живут абхазцы, а при устье шапсхгцы и натххоккоадыцы
408	Буо	»	Все три в совокупности называются <i>Хзепогуишер</i> ; на вершинах их живут абхазцы, а при устьях шапсхгцы и натххоккоадыцы
409	Ххазжие	»	
410	Хзé	»	
411	Орданé	»	На этой реке живут смешанно шапсхгцы, натххоккоадыцы и абхазцы; река эта служит настоящей границей на берегу Черного моря между Черкесией и Абхазией, хотя и предшествующие три реки считаются таковыми

Если присовокупить к этому числу рек все безименные реки и речки, во множестве в Черкесии находящиеся и туземцами вообще называемыми черными водами (пспце), равно как и прекрасные небольшие источники, которых число чрезвычайно велико, то легко себе представить, как страна эта богата текущими водами, которых извилистые берега и прелестные окрестности восхищают зрение.

СОДЕРЖАНИЕ:

Народонаселение. Наименование. Взгляд на общую историю. Язык. Религия. Физические свойства. Просвещение. Поэзия и музыка.

ГЛАВА I. НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

В следующей таблице, означая число народонаселения в племенах, составляющих Черкесию, я руководствовался лишь предположениями, основанными на сведениях, мне сообщенных несколькими из тех же племен лицами, которые между соотечественниками своими пользуются уважением, доверенностью и почитаются многосведущими. Однако ж сведения эти нельзя выдавать за достоверные, и они подвержены еще большим сомнениям: владельцы *аулов* (см. прим. 7) и старшины *собратств* (см. ниже отд. 4, глав. 15)* тогда только приводят в известность число семей или дворов своих подвластных и соположенников, когда важные обстоятельства принуждают их делать раскладки обязанностей и платы посемейно, но о числе душ в семействах никогда не знают; даже число воинов не иначе бывает определяемо, как при поголовном вооружении для нападения на противников или для защищения себя от них, что почти никогда не может случиться в племенах, имеющих народное правление (см. сей части отд. 4, глав. 1), по причине значительности пространства, ими занимаемого. Также княжеские владения по причине непрерывных волнений постепенно уменьшаются, междоусобная и всегдашняя война, часто поглощая целые деревни, приводит в слабость владельцев. Таким образом, эти владения находятся в беспрестанной тревоге, что уменьшает постепенно их населенность. Следствием этих обстоятельств, верное исчисление народонаселения Черкесии делается не только затруднительным, но даже невозможным. Однако ж, предположив, что с уменьшением числа семей в одном племени не происходит никакого или, по крайней мере, значительного уменьшения в общей населенности всей Черкесии (как оно на самом деле и есть: ибо семейства, составляющие* по обстоятельствам свои племена, переселяются к другим, где находят защиту, почему с уменьшением народонаселения в одном племени оно увеличивается в другом), можно думать, что исчисление общей населенности всей Черкесии, если не совершенно верное, то, по крайней мере, весьма приблизительное, есть дело возможное при продолжительном исследовании этого предмета на самых местах жительства черкесских племен или на границах русских с землями, им сопредельных. Здесь должно заметить, что при таком предприятии благоразумие требует большой осторожности, дабы изыскание столь любопытных и полезных сведений не обратилось во вред, ибо большая часть этих полудиких племен, расположенных вообще к подозрению, может быть приведена в волнение одним словом *«перепись»* не менее киргизцев (см.

---

* В оригинале эта сноска представлена в виде подстрочной ссылки (Ред.).

* Так в оригинале. Вероятно, должно быть: «оставляющие» (Ред.).

прим. 8). Ни досуг, ни обстоятельства не позволили мне во время нахождения моего на Кавказе собрать подробнейшие сведения о населенности Черкесии таким образом, как это должно бы было делать по всей строгости отчетливого собирателя статистических сведений о крае малоизвестном; здесь же, в Петербурге, находясь в отдаленности, не имел я возможности удовлетворительно пополнить материалы, прежде мною собранные относительно населенности Черкесии, почему и счел за лучшее представить народонаселение этой страны в виде уменьшенном противу мнения лиц, уже писавших об этом предмете, и других, может быть, преувеличенных известий. Это, мне кажется, есть средство не впасть в грубые погрешности, потому что, по моему мнению, лучше представить в меньшем размере предмет большой, нежели преувеличить и через то ввести читателя в значительную погрешность, показав ему несуществующее в огромном виде.

В таблице показано: в аулах княжеских владений по 40, в племенах же, имеющих народное правление, в каждом собратстве по 150 дворов или семей, а в семье по 5 душ обоого пола круглым числом.

Название владений и племен	Число			Отметки
	аулов	домов	душ	
1				
Колена, зависящие от власти князей				
Большая Кабарда	94	3 760	18 800	По показанию г. Броневского, во всей Кабарде 13 000 дворов*; следовательно, в одном этом поколении 65 000 душ обоого пола, полагая на каждый двор по 5 душ круглым числом, и это показание должно быть весьма приблизительно, судя по тому, что этот писатель мог иметь верные сведения о кабардинцах чрез пограничное начальство
Малая Кабарда	20	800	4 000	
Кабардинцев, переселившихся за Кубань	62	2 480	12 400	
Бейсленийское*	34	1 360	6 800	
Меххошское	10	400	2 000	
Тчемргойское	28	1 120	5 600	
Ххатиккоайское	15	600	3 000	
Черченайское	34	1 360	6 800	
Ххмшийское	21	840	4 200	
Жанинское	1	40	200	
Вепнское	1	40	200	
Хехгатское	1	40	200	
Итого:	383	15 328	76 640	

* См. у С. Броневского: [18, ч. 1, с. 58] (Ред.).

* В оригинале – «Бейскенийское» (Ред.).

2				
Племена, имеющие народное правление	Собратств			
Абедзахское	69	10 350	51 750	
Шапсхгское	86	12 900	64 500	
Натххоккоадьское	54	8 100	40 500	
Итого:	209	29 350	156 750	
3				
Колена, обитающие между черкесами				
Абхазские		1 420	7 100	
Ногайские		2 000	10 000	
Итого:		3 400	17 000	
Всего:		48 078	250 445*	

Так как в Черкесии нет мужчины, который не имел бы оружия, а, по крайней мере, в четвертой части домов считается несколько вооруженных людей, то можно полагать число хорошо вооруженных примерно до 60-ти тысяч человек. Если же положить в каждом семействе по 6-ти душ круглым же числом, то выйдет число народонаселения 298 523 души обоего пола. И это исчисление будет близко к сведениям новейших собирателей статистических данных о кавказском крае, которые насчитывают населенность Черкесии до 300 000 душ²⁷. Допустив же такое увеличение населенности, должно полагать и число вооруженных примерно около 72 тысяч человек.

ГЛАВА II. НАИМЕНОВАНИЕ

Племена, составляющие здесь описываемый народ, в настоящее время имеют два общих главнейших наименования: *адгхе* и *черкесы*. Первыми они сами себя именуют, разумея под этим колена, говорящие одним черкесским языком, несмотря на различие наречий оного. Второе дают им: россияне, турки, грузины и другие народы. Кроме этих наименований, осетинцы и абхазцы, поколения, с ними соседственные, называют их: первые «кассах» и последние «ауккадо».

Рим, дававший вселенной законы, дал и народное имя римлянам; много ли народов, которых, подобно этому, источник наименования истории нам

* В итоговых подсчетах ошибки. Да и общая численность адыгов значительно приуменьшена (Ред.).

изъясняет? Итак, не станем отыскивать верных источников этих наименований: они покрыты мраком неизвестности, и все, что любопытство может предполагать по этому предмету, уничтожается истиною заключения знаменитого историографа России, сказавшего, что «малейший случай, малейшее обстоятельство, совсем неизвестное по летописям, рождает иногда народное имя, которого никакая историческая ученость изъяснить не может»*.

ГЛАВА III. ВЗГЛЯД НА ОБЩУЮ ИСТОРИЮ

История народов есть предмет важный: его изучать не только любопытно, но даже необходимо, чтобы иметь об них удовлетворительные понятия. Но, к сожалению, этот предмет, священный для потомства, которое в нем одном познает бытие и деяния предков, у народов непросвещенных погружен в мгле неизвестности, из мрачной пучины которой обманчивое эхо баснословных преданий едва доходит до позднего поколения, почему составить общую систематическую историю здесь описываемого народа, не только не просвещенного, но даже не имеющего и тени понятия об этом источнике блага человечества и, следовательно, не представляющего собою историку ясных и удовлетворительных материалов, есть дело, превосходящее мои познания; притом в сочинении, преимущественно посвящаемом настоящему состоянию в нем описываемого народа, неуместно входить в слишком отвлеченные изыскания; однако ж, пользуясь достойными трудами г. Броневского, почитаю неизлишним помещения здесь выписки относительно истории черкес из сочинения этого писателя, тем более, что я должен и в других случаях ссылаться на эту выписку.

«Сколько можно проникнуть с вероятностию в древнейшую историю сих мест, вначале обитали между Доном и Кубанью многие народы под названием скифов и сарматов. Около устья Кубани, купно с другими народами, вероятно происходящими из поколения фраков или кимвров, жительствовавали синдры. Берега сии наидревнейше посещаемы были финикиянами и кориянами, а после греками. Около 600 лет до Р. Хр. ионияне и еолияне, перешед из Малой Азии к устьям рек Дона и Кубани, построили в разных местах города и купеческие гавани, из коих главнейшие были Танаис, Фанагория и Гермонасса; первый на Дону, где ныне Азов, другие на островах реки Кубани. Чрезвычайное изобилие рыбных промыслов в сих реках, равно как и в морях Азовском и Черном, а паче способное сообщение между селениями и выгодная торговля с соседственными народами сделали сии города вскоре цветущими и богатыми. За 480 лет до Р. Хр. лежащие по Кубани города вместе с Крымскою Пантикопеею подпали под власть Архианактидов, кои родом были лезбияне, поселившиеся в Гермонассе. Спартакх после того управлял ими 42 года, а потом преемники его, короли Босфорские, имели их во власти своей до времен Великого Митридата. Сын

---

* Идентифицировать цитату, предположительно принадлежащую Н.М. Карамзину, не удалось (Ред.)

его и отцеубийца Фарнас, утвержденный римлянами в царстве Босфорском, вскоре от них отложился, взял голодом город Фанагорию, который от Помпея получил название республики, и с помощью аорсов и сираков прошел в Малую Азию; наконец, при городе Зеле побежден был Юлием Цесарем. Аппиан в жизни Митридата упоминает, что Фарнас, в наказание ему непослушных скифов, затопил их поля, прокопав правый берег Кубани, коей воды стекли на низкие равнины и произвели своим стоянием вредные испарения. Сей проток, соединяющийся с Азовским морем, и донныне называется Черным протоком (Кумли Кубань, Кара-Кубань?)*, места, около него лежащие, от болот почти непроходимы и весьма нездоровы.

За пять лет до Александра Великого сарматская земля, из коей большая часть жителей перешла в Европу, обитаема была яксаматами или язаматами, народом, славившимся своим могуществом даже за несколько сот лет после его кончины. За ними показались в этих местах разные малочисленные народы, происходящие от разных колен и говорящие различными языками, под именем аланов.

Знатнейшие из сих народов были аорсы, поселившиеся на Дону и потом рассыпавшиеся по всей Европе, и сираки, занимавшие места пониже аорсов на полдень, между Азовским морем и Волгою. Около 19 года после Р. Хр. различные черкесские колена мало-помалу овладели лежащими на полдень от Кубани странами, то есть *цихи* или *джихи* (ассы, язы, адиги), землями *синдров*, *лазов* и *керкетов*; *абазги*, нынешние *абазы* или *абхазы*, страну *генихов*, *санигов* и проч. Что же касается до побежденных народов, то они или все перешли в Колхиду, или малое число их осталось, скрываясь в неприступных убежищах.

Нашествие гуннов в 375 году по Р. Хр. есть не менее важная эпоха для кавказских народов. Множество аланов прогнаны были в Европу, остальные подались ближе к подошве Кавказа или укрывались по ущельям. Босфорское царство уничтожилось. Через 90 лет за гуннами последовали *онгры* и *булгары*, которые с сей стороны покорили Крым и лежащие между Доном и Днестром земли. *Утигуры*, одна из онгрских орд, возвращаясь из покоренных мест обратно в Азию, вывели с собою множество крымских готфов и поселили на острове Тамане; сами же остались на степи между Доном и Кубанью. Прокопий называет землю их Евлизию. Прежде половины шестого столетия они лишились некоторой части своих владений от *равиров*, а потом и вовсе были покорены *варами* и *хунами* (аварами). В последующие времена они подпали под власть Куврата, владельца *европейских онгров* и *булгаров*, который освободил их из-под ига варов и хунов в 635 году. Котраг, один из сыновей его, царствовал над утигурами. Но в 679 году *хазары* покорили все обитавшие по морскому берегу между Азовским проливом и Доном народы и распространили потом свои завоевания от Каспийского моря даже до Днепра. Основанное ими царство продолжалось 336 лет.

---

* «Кара-Кубань?» вписана в текст С. Броневского Хан-Гиреем (Ред.).

В то время христианский закон утвердился между *чихами* и *абхазами*, наипаче в царствование Юстиана Великого. В 536 году *чихи* имели уже у себя епископа в Никопсисе. В 840-м году сие епископство было переименовано в архиепископство и перенесено в Тамань (Метраха) в конце одиннадцатого века; а в четырнадцатом названо митрополиею. Служба там отправлялась на греческом языке и по обряду греко-восточной церкви, но попы были такие невежды, что христианское служение обезобразили многими языческими обрядами. В начале владычества хазаров греческие города по Кубани все еще существовали, и в сие то время впервые видим мы упоминаемое имя города Тамана, по-гречески Томе.

В числе подвластных земель византийским императорам находилась и *Чихия*; но действительную власть там имели хазары до 1016 года. Россияне, соединясь с византийскими греками, напали на хазаров и, при помощи волновавшихся жителей, изпровергли хазарское владычество и учредили на острове и в городе Тамане российское княжество под именем Тмутараканского, коему хазары и чихи (язы) пребыли некоторое время данниками. Должно думать, что и прежде сего великие князья Киевские имели уже там довольно важную власть посредством тесных связей с коренными жителями, ибо мы находим в Несторовой летописи, что при разделении уделов Владимиром между сыновьями в 989 году княжество Тмутараканское досталось сыну его Мстиславу, который и действительно княжил там в начале одиннадцатого века.

Междоусобия удельных князей были причиною, что сие княжество отпало от России в конце одиннадцатого столетия. На северо-восточную страну Кубани напали куманы или половцы, а на южную и западную – *чихи* и другие черкесские колена, кои распространились на северной стороне Кавказа, подвигаясь все далее к северу в степь между устьями Дона и Волги. Однако Азов и Тамань, чаще под именем Матриги упоминаемый, посещаемы были даже до 1204 года итальянскими купцами.

Нашествие монголо-татар в 1221-м году есть знаменитейшая эпоха в происшествиях сей страны. Необъятная сила сих варваров истребила в 1237 году *команов*; но кубанские *чихи* противостояли им весьма упорно и не прежде были укрощены, как в 1277 году ханом Мангу-Тимуром и славным Ногаем. Таким образом монголы сделались владетелями Азова и Тамана, равно как и многих областей внутри Кавказа, однако покорность черкесов всегда была сомнительна или на крепких уговорах. Они сохранили независимость свою даже в рассуждении гор и лесов, в их землях находящихся; а живущие по открытым местам признавали над собою татарскую власть не иначе, как будучи к тому принуждены силою. Они удержали за собою восточный берег Азовского моря до Дона, овладели Керчею в Крыму, делали частые набеги как в сем полуострове, так и в других странах Европы. От них произошли сии шайки козаков, в то время появившиеся²⁸, они же основали в Египте славную династию султанов под именем *Боржитов* или *Черкасов*, коих родоначальником был султан *Баркок*²⁹.

Французские монахи ввели между *чихами* католическую веру. Верзахт, один из *чихских* князей, в 1333 году принял римско-католический закон, а в 1439 году имели уже сии народы одного католического архиепископа в Тамане (Матриге) и двух епископов в *Сибе* и *Лукуке*, однако большая часть черкесов осталась в греческом исповедании.

В 1395 году* Тимур-Ленг, разбив на Тереке соперника своего Токтамыша, хана кипчакского, напал на черкесские земли, разграбил их селения, разорил город Кубань (Тамань?)* и страшное учинил опустошение, но черкесы при том не ослабевали и защищали свою вольность упорно.

В 1484 году, после совершенного разрушения власти геноуэцев в Крыму, что последовало со взятием *Кефы* (в 1475 году), турки Оттоманского колена не встретили большого затруднения занять города и крепости Тамань, Темрюк, Ачук, при устье Кубани лежавшие, и даже подвергли при сем случае игу своему остатки таманских готфов; но не могли покорить черкесов, хотя, впрочем, должно думать, что турки главнейше домогались обладания Азовским проливом, не имея в предмете дальнейших в черкесские земли походов.

С начала владычества оттоманов в сих областях, крымские ханы не имели никакой власти над Кубанью; но астраханские ханы или цари присвоили себе власть над черкесами, основываясь на предлоге, что между ними смешанно обитали кочевые татары ногайского колена, по временам туда перешедшие.

Из крымских ханов Магмет-Гирей был первый, который начал в сию сторону расширять свои пределы; преемники его последовали ему в сем предприятии и угнетали черкесов больше и больше, замещая опустевшие места многочисленными поколениями астраханских ногайцев, то во время войны в плен захваченных и на Кубань переселенных, то во время падения царства Астраханского добровольно под покровительство крымского хана приходивших. Наконец, умножившиеся притеснения от крымцев принудили черкесов просить защиты от царя Ивана Васильевича Грозного и покориться его державе в 1552 году³⁰*.

Отсюда почтенный автор переходит к истории кабардинцев, одного из сильнейших в прежние времена колен черкесских, и мы, следуя его примеру, прервем здесь общую историю черкес и постараемся при описании племен, составляющих сей народ, каждого в особенности, поместить исторические

---

* «Так как мы последовали здесь Академическому известию о Кубане, помещенному в месяцеслове на 1791 год, то и летосчисления, там показанного, держались, хотя Шерифедин в жизни Тимур-Ленга полагает то же происшествие десятью годами позже и относит оное к 1405 году. Смотри: *Histoire de Timur-beg, traduit par Petit de la croix. Delft. 1723*» (прим. С. Броневского; воспроизведено Хан-Гиреем. – Ред.).

* Слово «Тамань?» вписано в текст С. Броневского Хан-Гиреем (Ред.).

* Обширный отрывок из труда С. Броневского [18, ч. 2, с. 44-53] приведен Хан-Гиреем с незначительными отступлениями и вставками в авторский текст. Фактология и датировка событий, приведенных С. Броневским, прокомментирована И.К. Павловой в примечаниях к полной научной публикации этого труда [19, с. 389-390] (Ред.).

сведения об них, находимые в известных на русском языке сочинениях; равно и любопытные народные исторические предания, не допускаемые, однако, за пределы вероятности, о событиях, ознаменовавших эти племена.

Между тем заметим здесь, что некоторые черкесские колена, согласно с народными преданиями, полагают предков своих старожилами, или первобытными, то есть коренными, древнейшими обитателями ныне ими занимаемой страны; в то же время, почитая предков других пришлецами, в позднейшее время к первым присоединившимися. Приняв же за достоверную основательность выше приведенную выписку из сочинения писателя, пользовавшегося важными историческими источниками, кажется, можем с вероятностью предположить, что та часть предков черкесских колен, почитаемая за древнейшую, происходит от *аланов*; и эта часть получила важнейшее приращение от венгров и в особенности от хазаров, которых царство, более трех веков процветавшее между морями Черным, Каспийским и Азовским, будучи сопредельно с Черкесиею, владычествовало и над черкесами, обитавшими на северных равнинах Кавказа; но горные черкесы не подвергались тягостному игу иноплеменников, следовательно, и скрывавшиеся к ним в горы пришлецы могли водворяться там и смешавшись с туземцами, впоследствии составить один с ними народ.

ГЛАВА IV. ЯЗЫК

Черкесский язык делится на два главнейших наречия, из коих первое, которым говорят кабардинцы и бесленейцы, почитается за чистейшее, в особенности последних, для песнопения. Второе есть общее у всех прочих племен, составляющих черкесский народ, и называется наречием *низовым*, т. е. которым говорят низовые черкесы. Это разделение можно уподобить разделению русского языка на наречия *великороссийское* и *малороссийское*. Эти два главнейших наречия еще подразделяются на многие так, что наречие каждого племени имеет свои отличительные свойства. Вообще же язык черкесский есть коренной и не имеет никакого сходства ни с каким другим, но в абазинском или абхазском языке употребляются черкесские слова, которые, вероятно, приняты абазинцами от черкесов. В древние времена черкесский язык лучше был обработан, или, так сказать, был возвышеннее в красноречии, нежели как в настоящее время. Это доказывается тем, что ныне в разговоре язык этот не богат красноречием, между тем как древние песни неистощимы красотой слога и силою выражений. Впрочем, превосходство поэтического языка перед разговорным, конечно, произошло от того, что *певцы* (см. сего отд. глав. 12), составлявшие древние песни с тщанием, были приучаемы к красноречию, и высший класс, обращавший внимание к такому роду образования в красноречии, приобретал познания в нем, почему песни тех времен имеют прежнюю силу и выразительность. Когда же ослабевшие князья не в состоянии были содержать *песнопевцев*, то и красноречие черкесского языка упало, и впоследствии этого черкесы теперь удивляются слогу древних песней, не видя среди себя красноречивых мужей, между тем как ныне люди иногда низкого происхождения, но одаренные от природы

способностью сильно и красноречиво излагать свои мысли, давая им всегда желаемый оттенок истины, на *съездах* (см. след. отд. глав. 3) располагают общественными делами по своему произволу. Однако ж и ныне между черкесами есть еще красноречивые старцы, но их очень мало, почему черкесы терпят большой недостаток в *витиях*, которые убедительностью своего красноречия нередко спасают целые племена и сотни лучшего воинства от явной гибели междоусобия, примирив враждующие партии своим посредничеством³¹. Если бы черкесы имели письмо, то их язык скоро получил бы образование, в особенности поэзия их достигла бы высокого совершенства. В этом согласится всяк тот, кто только может постигать силу выражения и красоту слога черкесских древних песен.

Что же касается до вопроса, часто слышанного мною, можно ли приобрести *письмо* или *азбуку* для этого языка? – то смело можно отвечать, что это совершенно возможное, даже и легкое дело. Следующие опыты меня в том удостоверили.

Назад тому около 15 лет Магомет Эфендий³², шапсхгского племени было составил азбуку на черкесском языке, посредством которой, выученные им значению букв, свободно могли между собою переписываться по-черкесски. Однако ж это предприятие, ввести грамоту, не могло быть увенчано желанным успехом потому только, что невежество черкесского духовенства воспрепятствовало тому. Муллы говорили, что такое нововведение противно законам религии; и тщетно этот благонамеренный Эфендий старался уверить заблужденное духовенство в противном, он, наконец, не избежал названия *неверного* за счастливые свои таланты. Назад тому несколько лет кабардинский уздень Шоре Некуме³³, достаточно знающий турецкую грамоту, также составил было азбуку на черкесском языке, избрав для этого арабские буквы и прибавив к ним необходимые для произношения черкесские безгласные выражения. Начало было довольно успешно: он перевел на черкесский язык Катихизис арабский. Но его старания, как старания частного человека в деле народном, были недостаточны для того, чтобы ввести грамоту в употребление там, где всякой новизне невежество противостоит непреодолимою преградою, почему и это похвальное предприятие осталось без успеха. К этим опытам я могу еще присовокупить и собственный: мною была составлена азбука для этого языка, и первоначальный успех, состоящей в том, что я мог новыми буквами писать черкесские предания³⁴, меня совершенно уверил в возможности этого столь важного приобретения, без которого народ черкесский никогда не достигнет благодетельной степени гражданственной образованности. Между прочим, заметим здесь, что аварский язык также чрезвычайно труден для выговора и в произношении сходен с черкесским, однако ж аварцы пишут на своем языке и имеют книги. Буквы, ими употребляемые, те же арабские с прибавлением к ним разных знаков.

Все, что я говорил здесь об этом предмете, доказывает возможность приобретения азбуки для черкесского языка, но не одними трудами частных лиц, а посредством благотворительности правительства. Следственно, нет

никакого сомнения, что это событие, спасительное для описываемой здесь страны и народа, совершится в наше время – время озаренное блеском славы и величия царствования Николая I-го, ибо кто из нас не видит с признательностью везде отеческое и благотворительное внимание Монарха ко всем подданным Его могущественной державы?³⁵

Г Л А В А V. РЕЛИГИЯ

Единственное вероисповедание всех племен, составляющих Черкесию (за исключением весьма малого числа жителей внутри гор, и поныне придерживающихся язычества), есть магометанское суннитской секты. Беспоконный образ жизни черкесов причиною того, что они слабо исполняют обряды, эту религию предписываемые, хотя каждый из них готов отдать жизнь за малейшее оскорбление его исповедания; впрочем, те из них, которые поддерживают обряды религии, превосходят и самих турок религиозным фанатизмом и прилежанием в исполнении правил вероисповедания, которым духовенство обучает их*. Черкесы единодушно говорят и веруют, что за грехи свои подвергнутся в будущей жизни наказаниям соразмерно беззаконным их деяниям, но, будучи магометанами*, не сделаются вечною их жертвою, а возвратятся снова к блаженствам рая – вот главный догмат веры черкесов.

Что же касается до древнего исповедания, ниспровергнутого введением между черкесами магометанской религии, то оно было, как и везде, языческое (см. прим. 9): верили многобожеству, совершали празднества во имя грома, воздавали почести божеским существам тленным и другими подобными обрядами идолопоклонства ознаменовывали свое заблуждение. В эти времена язычества черкес главнейшие их божества были:

1) *Мезитхх* (бог лесов). Они молили божество это, располагавшее, по их мнению, судьбой зверей, об успехе на ловле. В нелепых поверьях их божество это изображалось ездоком* на златошетиистой свинье, и его повелением олени сходились на лугах и там какие-то девы их доили.

2) *Зейкутхх* (божество наездничества). Воображение черкесов создало это божество, которое должно было покровительствовать любимейшее их занятие, но предания не осуществляют его в формах.

3) *Пскоашь* (княгиня вод) – божество, повелевавшее водами. Если бы черкесы знали живопись, то, конечно, божество это изобразили бы в виде прекрасной богини, ибо их воображение представляло княгиню вод – девицею.

4) *Ахин*. Божество это представляли себе существом *весьма сильным*, и надобно думать, что они его почитали в особенности покровителем рогатого скота потому, что и по сие время есть в горах одно семейство, которое в известное время осени обыкновенно выгоняет одну корову из своего стада к

---

* В оригинале у Хан-Гирея ошибочно: «изучает» (Ред.).

* В оригинале: «магометанином» (Ред.).

* В оригинале: «ездящею» (Ред.).

священной роще или дереву (см. прим. 32), привязав к ее рогам сыр и хлеб. Жители окрестностей сопровождали эту жертву, которую называли *самошествующая Ахинова корова*, и по достижении того места зарезали ее. Замечательно, что при совершении этого жертвоприношения на месте заклания не сдирали кожи; на том же месте, где снимали кожу, не варили мяса; а где варили, там не ели, а постепенно переносили с одного места на другое, и в продолжении времени приготовления яств народ, собравшийся под деревом жертвоприношения, плясал с обнаженными головами, при громком пении особенных молитвенных песен (см. ниже сего отд. глав. 12). Уверяют, что корова из стада того семейства, по наступлении времени *Ахинова праздника* сама шла к месту жертвоприношения, почему и получила название *самошествующей*. Во время же разлития рек народ, сопровождающий *Ахинову корову*, медлил на пути, обходя по вершинам рек; а между тем корова, переплыв реки, достигала сама до *древа жертвоприношения* и там ждала прибытия хозяина с народом; и будто бы при приближении того времени корова, *Ахином* избранная, ревом и разными движениями давала хозяину заметить, что она избрана в жертву Ахину. Само собою разумеется, что все эти рассказы о сверхъестественности *Ахиновой коровы* – не что иное, как нелепости, но то справедливо, что этому божееству приносили в прежние времена жертву с величайшим благоговением.

5) *Созересишь*. Божеество это почиталось покровительством хлебопашества. Из дерева, черкесами называемого «*хамихут*», обрубок с семью сучьями хранили в хлебном амбаре. По наступлении известной *Созересиевой ночи* (после уборки хлеба) семейства, собравшись в своих домах, приносили *идола* и ставили его среди дома на подушках. К сучьям прилепляли по одной восковой свечке, и тут семейства с открытыми головами совершали молебствие.

б) *Емишь*. Язычники почитали это божеество покровителем овцеводства и в честь его совершали праздник осенью при случке баранов.

Однако все эти, грубым заблуждением выдуманые божеества, которых черкесы чтити, не мешали им постигать сущность существа Всевышнего Творца Вселенной и, говоря *Тхаихо* (Великий Бог), кажется, они понимали его. Также достойно замечания, что черкесы не приносили, подобно славянам и другим язычникам, в жертву людей, не пили их крови и не делали из их черепов задравных чаш.

Во времена язычества черкесы кроме божееств имели и святых из нартов (см. прим. 1). Из них Саусь-рокъ был более всех чтим: в известную зимнюю ночь совершали в честь его пиршества, причем относили в гостиный дом лучшую пищу и питье для Саусрука, а в конюшне приготавливали сено и овес для его лошади. Разумеется, Саусурока не бывало, но случайно заехавший гость заменял его, и пирующее семейство, приезд гостя почитая за хорошее предзнаменование, с радостью угощало его; когда же не случалось приехать гостю в ту ночь, то радость семейства не столь бывала торжественна. Таким образом, и самое суеверие соделывало черкесов хлебосолами. Достойно замечания, что в песне об этом мнимом святом упоминается о стране *Урис*

или *Русь*.

Кузнецы почитали некоторого *Ленша* своим покровителем, кажется, и весь народ имел к нему особенное благоговение; и поныне при содержании раненого (см. 2-й части отд. 3, глав. 10) поют песнь, в которой молят *Ленша* о выздоровлении больного.

Подобных обрядов верования чрезвычайно много осталось в свежей памяти горных черкесских племен, и собрание подробного описания их было бы весьма любопытно, но мы покуда и этим ограничимся. Однако ж заметим, что по странному стечению обстоятельств по принятии черкесами магометанской веры некоторые из святых или слывших у них такими во времена их язычества, в особенности из *нартов*, обратились в знаменитых воинов и других богатырей аравийской истории. Например, рассказывают, что из нартов черкесских *Альбечкоко Тутариеш* был тот же, что в повестях аравитян «Хамзе Пеглеван»; что Халиф Абубекир тот же, которого они называли *Орземед*; что Халиф Алий, зять Магомета, тот же, что и *Метерез*; что какой-то из египетских царей или *фараонов* был тот, которого они именовали *Саусь-рокко*. Надобно думать, что черкесы, первоначально научившиеся истолкованию магометанских книг, с умыслом ли или без того, своих святых и богатырей времен язычества, которых они тогда еще не совсем переставали чтить, так сказать, переобразили в знаменитые лица, в аравийских сказаниях ими находимых³⁶.

Между тем, рассматривая остатки обрядов язычества предков нынешних черкес, находим явные следы христианства; таковы, например, песня в честь святой Марии, в которой поют эти слова: «Мария Великая, Великого Бога мать». Также названия дней (см. прим. 11). Сверх того, употребление изображения креста – несомненный знак христианского исповедания (см. прим. 10). Все это удостоверяет нас в том, что предки нынешних черкесов были христианами. Но здесь кажется странным то, что в остатках древнего исповедания этого народа являются признаки христианства и идолопоклонства в одних и тех же служебных обрядах. Это обстоятельство заставляет думать, что не все черкесы были христианами, вопреки мнению некоторых писателей, но лишь некоторые колена, принявшие христианское исповедание по влиянию греков. И когда эти последние не могли поддержать ими введенную веру, то они, ослабевая постепенно, наконец, обратились в идолопоклонство, образовав особенную секту, обряды которой составились из обрядов язычества, смешанных с обрядами христианской веры. И таким образом преобразовавшееся идолопоклонство, в которое были опять долгое время погружены предки нынешних черкес до принятия ими магометанской веры, не оставило ли между их потомками ныне видимые явные следы христианства и идолопоклонства? Так должно думать, ибо христианская религия не могла иметь обрядов идолопоклонства; а идолопоклонство – христианских. Впрочем, какое найдем средство, чтоб открыть прошедшие вековые события там, где все минувшее поглощается в бездне неизвестности, где любопытство потомства тщетно вникает обманчивому эху темных преданий?.. Такова жалкая участь народов непросвещенных: их бытие и дела

проходят безмолвно и теряются во мгле забвения.

Говоря о веровании народа, неизлишне упомянуть и о суевериях его, и потому предложим здесь описание некоторых суеверных обрядов, оставшихся у черкес от времен их язычества.

Гадание на бараньей лопатке есть некоторым образом общее у черкес обыкновение: смотря по чертам на плоскостях и выпуклостях бараньей лопатки, предсказывают в скором времени предстоящие военные действия, голод или урожай в будущее лето, стужи и снега наступающей зимы; словом, предсказывают о всех предстоящих благополучиях и бедствиях. Разного рода случаи подкрепляют верование народа в подобных прорицаниях.

Один черкесский князь, имея ночлег в одном ауле, за ужином смотрел на *гадальную кость* и, сказав тут бывшим, что в наступающую ночь будет тревога, лег спать не раздеваясь. Действительно, в полночь партия разбойников из соседственного племени напала на аул, лежащий близ места ночлега князя-прорицателя, который, будучи готов, пустился за партией разбойников и, догнав их, принудил оставить захваченных ими пленников и искать спасения в бегстве, бросив тела убитых их товарищей³⁷. Никто из черкес не помышляет, что князь мог быть предупрежден о намерении неприятеля, и все уверены, что он это предугадал посредством гадания.

Рассказывают, что недавно были два брата – гадатели по костям, которые предугадали будущее таким же гаданием. Однажды находились они оба в гостях в соседнем ауле и в одной квартире. Вечером старший ужинал в гостинном доме соседа и, возвратясь, не застал брата в квартире. На вопрос о причине его отсутствия, хозяева отвечали, что его брат за ужином, взглянув на гадательную кость, велел оседлать лошадь и поспешно уехал неизвестно куда. Старший брат спросил ту *кость* и, рассмотрев ее прилежно, со смехом сказал его окружающим, что эта кость показала его брату мужчину, с его женою в его доме ночующего, почему он и поспешил туда ускакать, и что ревность ослепила его, ибо находящийся мужчина в его доме есть малолетний брат его жены. Удивленные таким предугаданием, хозяева послали нарочного вслед за младшим братом прорицателя, и посланный возвратился с известием, что все так случилось, как было предсказано. Этот рассказ есть, конечно, явный вымысел какого-нибудь любителя подобных чудес, однако ж не менее того он вскоренил еще более в черкесах этого рода предрассудки.

Другого рода гадание производится на бобах, и им занимаются одни женщины, преимущественно старухи. Их предсказания еще смешнее, но, несмотря на то, к ним часто прибегают при разных случаях.

Самое ужасное порождение суеверия состоит в подозрении людей в сношениях с какими-то злыми духами, что в Черкесии, как и у других непросвещенных народов, бывает источником ложных гонений: думают, что люди, имеющие связи с духами, могут превращаться в волки, собаки, кошки и ходить невидимкою. Их называют «*удди*» и приписывают им медлительные детские болезни и головную боль хорошеньких девочек и мальчиков; и падеж телят, ягнят и вообще красивого скота, который они будто бы

сглазывают. Наконец, несчастных подозревают в умерщвлении собственных их детей. Есть поверье у некоторых племен, что эти *удди* в известную весеннюю ночь слетаются на гору, называемую *Сбрьоаиш*, находящуюся в пределах Шапсхгского племени, верхом на разных животных, домашних и диких. Там пируют всю ночь. Перед рассветом же, расхватав несколько мешков, из которых в одном заключен урожай, а в других – разные болезни, разлетаются по домам. Те же, которым не досталось мешка, гоняются за другими. Из этого можно догадаться, что все болезни, которыми весной страдают, приписываются этим уддам, которых в прежние времена нередко подвергали всем ужасам пытки: клали между двумя огнями связанного *удда*, секли колючими розгами; терзаемые жестокими ударами, полуиспеченные страдальцы сознавались в вине, разумеется и им самим неизвестной, и тогда принуждали их клясться вперед не глазить.

Здесь нельзя не повторить слова красноречивого и ученого г. Левшина: «Невежество, суеверие и обман всегда подают друг другу помощь и везде, хотя в разных видах, но соединенными силами, угнетают род человеческий»^{*}.

Каждый народ имел и имеет более или менее суеверия, и мы не будем уже распространяться об этом предмете, только скажем в заключение, что со времени распространения в Черкесии магометанской религии суеверие духовенства хотя увеличило предрассудки народа, но дало им более человеколюбивые направления: уже не видим ни пытки, ни тому подобные жестокие следы ужасного заблуждения – молитвы и талисманы их заменили.

ГЛАВА VI. ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

«Итальянцы, евреи, греки, грузины, армяне, монголо-татары и некоторые другие народы носят в физиогномиях своих, так сказать, печать национальности, но черкесы не имеют отличительных черт в наружности^{*}. Они более нежели среднего роста, бодры, стройны, в одежде опрятны, толстоту почитают за тягостное излишество, дарованною природою, и следствием невоздержанной жизни. Все большею частью худошавы, глаза имеют быстрые и проницательные; волосы темно-русые, физиогномию остроумную»^{*}.

«Красота женского пола, издревле прославляемая, заслуживает в полной мере те похвалы, кои ей приписывают: у черкешенки глаза черные, волосы темно-русые, нос продолговатый без горбины, рост небольшой, словом, весь склад лица антиковый греческий при белизне, смешанной с легкой тенью и

---

^{*} См. у А. Левшина: [84, с. 68] (Ред.).

^{*} Хотя эта фраза, взятая Хан-Гиреем в кавычки, должна бы принадлежать С. Броневскому, однако в тексте С. Броневского ее нет (Ред.).

^{*} У С. Броневского эта часть текста читается так: «Черкесы больше, нежели среднего росту, бодры, стройны, в одежде опрятны; толстоту почитают за порок и за следствие невоздержанной жизни; глаза имеют быстрые и проницательные, волосы темно-русые, физиономию остроумную» [18, ч. 2, с. 101] (Ред.).

румянцем. Если к сему присовокупить полную, высокую грудь, стройный стан, ноги малые, то мы будем иметь общее понятие о чертах лица и телосложении черкесских красавиц; разумеется, не все из них достигают до сего образца, взятого в изящном виде»*. Так говорит г. Броневский. К этому прибавим – черкесы телосложением крепки; рожденные, так сказать, на поле ратном, войною снискивая славу и уважение соотечественников, войною же питаясь, они привыкают к перенесению трудов невероятных: голод, стужа, жар, усталость, жажда им нипочем; они свыклись со всеми этими необходимыми спутниками военной жизни.

Всегдашняя привычка жить под открытым небом немало способствует к их здоровью, которому изнеженные люди должны завидовать. Черкес зимою порою, когда реки замерзли около своих берегов на сажень и более расстояния и покрыты большими льдинами, несомыми течением воды, переплыв даже чрез большие реки при весьма обыкновенных случаях, и, как будто бы ничего не бывало, отправляется в путь. Мужчины головы бреют, оставляя по примеру турок на теме клоки длинных волос³⁸. Женщины носят длинные волосы, закинутые на плечи, а над лбом и висками со тщанием их подстригают. Черкесы чистоплотны. Не говоря уже об обыкновенном умовении магометан, зимою и летом всегда ими соблюдаемом, они моют себе лицо раз поутру, а руки в день несколько раз, причем полощат и рот свежеею водою. Во всем они любят чистоту и одеваются со вкусом. Храбрость есть врожденное качество человека, а отнюдь не приобретаемое опытностью, почему и другие кавказские народы могут оспаривать это достоинство у черкесов; но через ловкость, проворство и некоторую горделивую возвышенность духа, равно как особенное, неподражаемое умение владеть оружием, черкесы приобретают поверхность над соседними с ними племенами и превосходят всех кавказских народов, которым могут служить образцами относительно вкуса, одежды, оружия, людскости³⁹ и воинственности характера, расторопностью и понятливостью и во многом другом⁴⁰.

Болезни, которым, говоря вообще, подвержены черкесы, суть простудные, несмотря на их привычку к открытому воздуху, причиняемые, впрочем, совершенною небрежливостью. Весною и осенью всюду свирепствует лихорадка, которая нередко превращается в горячку. Кашель и неопасная опухоль гортани – весьма обыкновенные болезни, зимою посещающие их аулы. Небрежливость есть источник всех подобных болезней, черкесами называемых *ходячими болезнями*. Черкесам неизвестно прививание оспы⁴¹, которая похищает у них много детей. Чумная зараза, заносимая из Турции, а иногда из внутренних гор Кавказских, производила в разные времена ужасные опустошения⁴². Черкесы достигают нередко до весьма глубокой старости, еще сохраняя удивительную силу и крепость.

В заключение скажу, что умственные способности черкеса, так сказать,

---

* Этот отрывок, хотя и более совпадает с текстом С. Броневского [18, ч. 2, с. 101-102], имеет, однако, ряд отклонений и несколько редакционных поправок (Ред.).

не знающего ничего далее пределов своей земли, удивительны, судя по его состоянию, более близкому к дикому, нежели гражданственному. Я знал много старцев, которых обширные, глубокие и основательные суждения о предметах, выходящих из круга их ума, не образованного учением, поистине были разительны, но, к сожалению, подобные старцы ныне стали редки. Здесь нельзя не припомнить эти слова: «И земля – мать всего живущего, гнушается принять сосуды скверных и подлых душ!». Так говорили предки нынешних черкес, видя гнусных людей, доживающих до глубокой старости и оплакивая трупы юношей – надежд семейства, погибших на кровавом поле брани.

ГЛАВА VII. ГРАМОТА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Черкесы на собственном языке не имеют книг, ибо лишены лучшего приобретения человеческого разума – письмен. Об них можно сказать то же, что г. Левшин говорит о киргизах: «Все их просвещение ограничивается слабыми лучами, озаряющими человека, который хотя немного мыслит, имеет воображение и принимает впечатление окружающих предметов»^{*}.

Однако ж древние обычаи черкесов, соблюдаемые ими и поныне и требующие вежливости в обхождении, услужливости к старшим и другие приличия общежития, так сказать, образуют между ними особенный класс людей, которые отличаются от других благородными понятиями и вкусом. И эти-то люди – просвещеннейшие в этом народе⁴³.

По принятии черкесами магометанской религии им были необходимы проповедники веры, почему у них явились и собственные эфендии, кадии и муллы.

Эти духовные особы пишут и читают на арабском и турецком языках; но весь предмет их знания заключается в толковании догматов религии и упражнении в изучении ветвей *шариата*. Князья и дворяне редко обучаются грамоте, почитая такое занятие неприличным своему званию⁴⁴.

«Однако ж, судя по врожденной понятливости и остроумию, примечаемых в черкесах, должно думать, что в непродолжительном времени они могли сравняться с просвещеннейшими народами, если бы победили свои закоренелые предрассудки»^{*}.

Это замечание г. Броневского весьма справедливо, и действительно черкесы совершенно способны к просвещению. Если бы ни одна просвещенная держава не имела сношений с черкесами, тогда бы появление среди них какого-нибудь самого высокого *гения* предстояло бы произвести их преобразованию, чего нельзя было бы ожидать скоро, но в настоящее время, когда великодушные мудрого Монарха уже разливают над ними свет

---

^{*} См. у А. Левшина: [84, с. 132-133]. Текст Левшина воспроизведен с некоторыми отступлениями (Ред.).

^{*} См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 141]. Текст воспроизведен с некоторыми редакционными поправками (Ред.).

благого просвещения, мы не должны терять надежды, что и этот народ в наш век получит, так сказать, новую, изящную жизнь посредством образования.

ГЛАВА VIII. ВРАЧЕБНОЕ ИСКУССТВО

Класс людей, в Черкесии занимающийся врачебным искусством, делится на два разряда. Первый составляют духовные: они большею частию лечат больных, читая молитвы над ними; дают им пить воды, в которой положены ими писанные молитвы, и пришивают молитвы к платью больных. В особенности их лечению подлежат больные, одержимые горячкою. Суеверное ли воображение действует на больных или эти врачи более обязаны случаю, но действительно они многих вылечивают от болезней, особенно же от сумасшествия. Достоинно замечания, что больных, одержимых лихорадкою, окутав хорошенько, курят сосновою дощечкою, исписанною молитвами, и, нередко, после троекратного подвержения такому курению болезнь исчезает. В 14, 15 и 16 ночи Рамазана (поста) эти врачи пишут талисманы, которые пришивают к тому месту тела, где оказывается ломота.

Другой разряд врачей состоит, так сказать, из доморощенных лекарей. Главнейший предмет, лечению этих последних подлежащий, составляют раны. Само по себе разумеется, что их искусство в лечении вообще весьма ограничено; однако ж нередко с большим успехом лечат тяжело раненных и даже умеют, в случае нужды, отпиливать поврежденные кости; но никогда не отнимают целых суставов, хотя и мастерски иногда совершают страшные операции, до чего они достигают посредством частой практики. Черкесы никак не хотели верить искусству европейских докторов, но на опыте узнали, что долговременное занятие способно усовершенствовать искусство. Генералом Власовым был послан к закубанским черкесам лекарь для осмотра раненых; лекарем этим закубанцы чрезвычайно были довольны, и с тех пор русских лекарей в тех местах предпочитают своим. Лекарства, употребляемые ими, готовятся из разных растений, в своих землях добываемых; к этому присовокупляют они разные потребности, привозимые из Турции или из России. Инструменты их чрезвычайно грубы, почему легко себе представить, какую ужасную боль претерпевают больные при операциях.

К этому же разряду должно причислить людей, занимающихся врачеванием тяжких и продолжительных болезней, как-то: опухолей на теле, нарывов и тому подобных. Одержимых этого рода болезнями запирают, как сами черкесы говорят, в тюрьму, т. е. в особенный дом, на 40 дней и не дают им в продолжение этого времени пить воды и ничего соленого, что, по их мнению, значит соблюдать строгую диету. Лекарства, и при этих лечениях употребляемые, самые обыкновенные и состоят из растений же. Впрочем, они приносят нередко пользу. Нередко и женщины такими лечениями упражняются. Лекарям особливо платится за лекарство; в случае

выздоровления больного дается им договорная плата. Заметим, что эти лекари со тщанием скрывают способы своего лечения, и в их роде переходят эти способы от предков к потомкам; почему и есть растения, которые получили свои названия от фамилии первоначально их употреблявшего человека.

ГЛАВА IX. ИСЧИСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Между черкесами ученые, то есть знающие читать и писать по-арабски и турецки, ведут летосчисление согласно арабской и турецкой хронологии. Но, говоря собственно о черкесах, они этого не знают, хотя и сами год разделяют на двенадцать лунных месяцев, из коих некоторые, со времени принятия черкесами магометанской веры, получили татарские названия, например, март, апрель, май и другие; иные же сохранили названия на собственном их языке. Естественное же разделение года на четыре времени само по себе разумеется, что и черкесам известно: весна (хгатхо), лето (бедзеогх), осень (бжихха), зима (тчмафх). Сверх того они называют, по примеру татар, 40 дней среди лета и 40 дней среди зимы *шьле*, в которые свирепствуют жара и стужа. Неделю черкесы составляют из семи же дней, которых названия (см. прим. 11), ими на собственном языке сохраненные, доказывают некогда соблюдение их предками христианского исповедания, как замечено выше.

Монгольские юбилеи собственно черкесам неизвестны, но есть между ними знающие это неверное средство исчислять время, чем и обязаны они ногайцам, между ими живущим. Относительно эры собственно черкесы не имеют никакого понятия (за исключением духовенства, которое ведет летосчисление по магометанской эре): эпохами у них служат необыкновенные в природе явления, как-то: чрезвычайные наводнения, непомерные стужи и засухи, голод, заразительные болезни; также кровопролитные сражения и другие знаменитые события⁴⁵. Каждый черкес год своего рождения относит к подобным происшествиям, а потом вычисляет, сколько раз от того времени снимали хлеб, следовательно, сколько лет протекло с тех пор; из чего явствует, что редкий черкес знает безошибочно, сколько лет ему от роду, и невозможность определить времени событий, в этой стране совершившихся.

ГЛАВА X. МЕРЫ И СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЯТЬ КОЛИЧЕСТВО ВЕЩЕЙ

Черкесы собственных денег не имеют и вообще не употребляют монет в торговых оборотах. С тех пор как они находятся в сношениях с турками и татарами, от них приняли обыкновение считать тканый товар «*тонами*»; вещи же, продающиеся весом: воск, мед и проч. – определять «*оками*» (3 фунта). Расположение строения, его длину и ширину измеряют локтями.

Количество хлеба, в зернах и в муке, определяют обыкновенно мерою, в которой помещается 15-ть оков. Рогатый скот некоторым образом заменяют

в домашнем, т. е. собственно в Черкесии, употреблению монет; ценою посредственной штуки рогатого скота определяют цены и прочим товарам. При платежах же за кровь и за жену (см. след. отд., глав. 2) цены вещей, принимаемых в платеж, считаются *головами* (см. прим. 22).

Протяжение расстояния измеряется действительно так же, как и у киргизов, по словам г. Левшина, когда говорят о большом пространстве, то означают во сколько или в какую часть дня можно его проехать на лошади*. Определяя же места близкие, принимают за меру расстояние, на котором может быть слышен крик человеческий или где глаз перестает видеть и пуля ружейная не долетает. Со времени принятия черкесами магометанской религии они сутки делят на 5 частей следующим образом: с восстания от сна, или от зари до полдня, а от этого времени за два часа до захождения солнца; далее же – время захождения солнца и, наконец, по заходе солнца два часа; в какие эпохи суточного времени и совершаются установленные пятивременные молебствия.

ГЛАВА XI. ПОНЯТИЕ ОБ АСТРОНОМИИ И МЕТЕОРОЛОГИИ

Познание астрономии – науки, требующей во всех отраслях величайших и долговременных наблюдений, само по себе разумеется, не свойственно настоящему состоянию здесь описываемого народа, однако ж и многие небесные тела, как-то: Полярная звезда, Венера, Большая Медведица, Млечный Путь и другие, из которых каждое имеет свое название на черкесском языке, служат черкесам путеводителями в ночных наездах. Вожатые рыскающих по пустыням партий наездников, высматривая течение планет, соображаясь с их движениями и неподвижностью, переезжают пустыни. В прежние времена, когда земли, лежащие между Кубанью и Доном, были большею частью необитаемы и когда отчаяннейшие наездники искали славы и добычи на берегах Дона, угоняя табуны лошадей там кочевавших ногайцев и других орд, многие *вожатые* (хгоазе) прославились необыкновенными знаниями чуждых стран, и суеверие народа почитало их людьми, имеющими связи с мнимыми духами, не постигая того, что эти *вожатые* со тщанием наблюдали небесные светила. Старцы, которые помнят те времена, рассказывают, что известные тогда *вожатые* знали, какой ветер постояннее и сильнее дул в продолжении осени, почему в позднее время года в пустыне соображались, куда им должно направить путь, рассматривая, в какую сторону легла трава от сильного и продолжительного дуновения ветром.

Метеорология черкесов заключается в опытах старцев, которые, соображаясь с переменами в атмосфере, делают свои заключения, само по себе разумеется, весьма недостоверные. Также некоторые из духовных, рассматривая метеорологический календарь, предсказывают будущность. Их прорицания не заслуживают более тех вероятия.

---

* См. у А. Левшина: [84, с. 153] (Ред.).

ГЛАВА XII. ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА

Природа дает человеку ум и пылкое воображение, и хотя эти дары производят счастливые плоды только под благотворным влиянием просвещения, развивая свои ветви, но не менее того достойно замечания, что изящное искусство – *поэзия* сродно и самим диким народам. Величественные горы, вечно ропотные воды и прекрасные равнины, ими орошаемые, леса дремучие, обширные пустыни и самое небо, под недосыгаемым сводом которого эти народы проводят всю жизнь, – небо, подернутое то пурпуровыми облаками, то угрюмо плывущими тучами, то непостижимо испещренное вечно горящими светилами, – вот предметы грозные, восхитительные, величественные и полные поэзии – предметы, вечно окружающие полудикие племена и естественным образом производящие поэтические впечатления над чувствами существа мыслящего.

Если поэтические способности ума и воображения киргизов могут служить новым доказательством того, что *человек рождается поэтом и музыкантом*, как говорит г. Левшин*, то эти способности у черкес многократно могут служить этому мнению новыми подтверждениями. Черкесы не только с жаром воспевают жизнь и подвиги героев, ярко изображают кровавые события и природу, с восторгом описывают любовь и наслаждение, а страдания – самым трогательным образом, но даже все такие поэтические мысли свои излагают стихами, которые имеют гармонические созвучия и подчинены правилам как бы некоторого рода искусства. Однако ж их стихотворение особенного рода: начало звука окончательного слога предыдущей рифмы имеет одинаковый звук со звуком же начального слога последующей рифмы. Например:

Герой в брани *быв*,
Был облит кровью.

Все песни черкес обыкновенно поются нараспев, более или менее протяжный, а без того они теряют всю красоту слога, да и петь их почти нельзя без того напева, который дает песням гармоническую форму и приводит стихи в надлежащие размеры.

Говоря о поэзии черкес, нельзя не упомянуть о поэтах или певцах их. В прежние времена было в Черкесии особое сословие, так называемые *декоако*, которые исключительно занимались стихотворством, воспевали кровавые события народные и славные деяния отличившихся воинов, составляли жизнеописания знаменитых мужей и пели вековые песни; таким образом эти певцы подвиги предков передавали потомкам и в таких занятиях находили не только пропитание, но даже и богатство. Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, имел при себе таких певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами.

Силы и красоты слога произведений поэтического воображения этих

---

* См. у А. Левшина: [84, с. 136] (Ред.).

певцов чрезвычайны. Нельзя без ужаса слышать, как в этих древних поэмах воспеты страшные битвы и бедствия народов: кажется, вы видите перед собою ужасное пламя, пожирающее засеянные поля, жилища и достояние побежденного племени, видите трупы растерзанных воинов, плавающие в крови своей; слышите звуки оружия с остервенением режущихся врагов и стук цепей, влачимых обреченными на вечное рабство. Потом вы слышите стоны умирающих воинов и вопли несчастных жен и детей, безжалостно в плен влекомых. В то же время являются победители в блеске славы и в величии благородной скромности рыцаря, нося в сердце чувство отважных воинов с возвышенным духом, умирающих славною смертью, гнушаясь жизнью бесславною.

Заметим, однако ж, что в произведениях этих древних певцов все ужасное в событиях и в природе представлено в грозной красоте; картины же благоденствия народа и описания всего тихого, скромного, мирного очень слабы в сравнении с первыми огневыми очерками. Впрочем, этим певцам и их современникам делает честь то, что они не употребляли выражений грубых и неблагопристойных, воспевая события частные и народные, хотя и передавали имена людей, достойных презрения и поношения потомства. Если бы в древних песнях черкесских (которые содержат в себе драгоценные для любопытства потомков события, современные их предкам, и черты характера людей минувших веков) означались эпохи происшествий, в них воспетых, то они могли бы во многом заменить историю предков настоящего поколения (см. прим. 33).

Черкесские песни разделяются в следующем порядке⁴⁶:

1) **Жизнеописательные** (Тльзекка-пщъналь)*. В древние времена, по смерти славного воина, его наследники, родственники или друзья, желая увековечить память покойника, поручали певцам изложить деяния его в песне. Певцы, окончив составление **жизнеописания**, пели его в присутствии знатоков, которые, если находили что-либо противное современным приличиям, приказывали это выкинуть, и таким образом очищенную **песню жизнеописательную** потом обнародовали.

2) **Описание битв** (Зео-оред или Лбе-пщъналь).

После каждого знаменитого сражения составляли в древние времена песню, в которой излагали подвиги участвовавших в этом сражении воинов, которых имена с удивлением и благоговением произносятся и поныне в устах потомства. Сказывают, что бывали примеры, когда две враждебные фамилии из одного племени приступали к примирению, то одна из них доказывала знатность своего происхождения, в то же время унижая достоинство той, с которою враждовала, чтобы тем уменьшить плату или пеню за кровь, требуемую от нее (см. след. отд., глав. 2). И в этих случаях песни народные

---

* В рамках данной классификационной схемы мы воспроизводим термины Хан-Гирея через дефис (по наибольшей частоте употребления в оригинале), хотя в подлиннике (возможно, вследствие небрежности переписчика) встречается и раздельное, и слитное их написание (Ред.).

заменяли родословные истории: были призываемы певцы и заставляли их петь народные древние бытописательные песни, и та сторона из спорящихся, которых предки более оказали услуги родине и которых подвиги более упоминаемы в народных поэмах, приобретала более успеха в спорном деле. Этого рода песни суть важнейшие произведения народных певцов черкесских.

3) *Плачевные песни* (Хгбзе).

В настоящее время не составляют уже жизнеописательных песней по форме напева и слогу древних, а их заменили так называемыми *плачевными песнями*, которые слагаются друзьями воина, погибшего несчастным образом, а равно после каких-либо несчастий, как-то: моровой язвы и других истреблений, постигших целые аулы и племена; и вообще воспевают жизнь и дела знатных людей, которых народное сожаление сопровождает во гроб и память которых священна друзьям и благодетельствованным им людям, по форме напева этого разряда песней. Эти песни чрезвычайно трогательны, но слог их не так силен, как древних песней.

4) *Песни наезднические* (Зейко-оред).

Во время отправления в наезды воины, составляющие партию, поют песни наезднические; из этих песней некоторые поются с особливым благоговением и, пропев один куплет, воины призывают на помощь счастье некоторых знаменитых в преданиях предков своих князей, нередко склоняясь на гриву коня и сняв шапки, а в других (случаях – Ред.) моля Бога о даровании успеха им в предприятиях. Песни эти возбуждают в наездниках желание испытать опасности и прославиться. Они почти все также жизнеописательные песнопения об отличившихся наездничеством воинах, но принято в обычае их петь преимущественно тогда, когда отправляются в наезды. Форма напева этих песен имеет некоторые особенности.

5) *Песни колыбельные* (Кушеко-оред).

Воспитатель сына знатного человека поручает певцам сложить песню его воспитаннику, за что и делает им подарки. В песнях этого разряда упоминают о знатности и подвигах предков и родственников воспитанника и предрекают будущую его славу. Тут же посылают его в наезды и делят его добычи воспитателям и служителям. Младенец-воспитанник, приходя постепенно в юность, узнает ему предреченные деяния почти прежде имен родителей; а между тем, войдя в лета возмужалости, старается оправдать сколько возможно предреченные ему подвиги.

После этого можно ли удивляться, что полудикий черкес от колыбели до гроба гоняется за славою храброго воина. Можно ли, когда честолюбие всасывает он в себя с млеком матери и когда оно растет в нем вместе с летами?

6) *Песни, которые поют при одре раненого* (Дчепше-оред).

Этого разряда песни многообразны. Они имеют то отличие от других, что их поющие разделяются на две партии и одна партия старается превзойти другую. Также одной главнейшей из этих песней необходим запевало, который в других песнях не употребителен. Вообще эти песни поются

громко, протяжно и с особливим напевом. Везде они употребительны, как при содержании раненого (см. 2-й части отд. 3, глав. 10), так равно и во время болезни родильницы.

7) *Песни, которые исключительно поют при теле усопшего* (Сахгешь).

8) *Песни, которые поют при пиришествиях в честь грома, при жертвоприношениях и прочих языческих празднествах* (Тххапшьó-оред).

Со времени принятия черкесами магометанской веры употребление песен двух разрядов, которые ими были весьма уважаемы во время язычества, постепенно совершенно вывелось, но не менее того собрание их было бы любопытно, ибо из них можно узнать, какого рода предки нынешних черкес имели какое исповедование и понятие о Творце. Здесь достойно замечания то, что в одной из песен последнего разряда поются слова в честь *Божией Матери*, как выше упомянуто. Обстоятельство это заставляет думать, что греки, старавшиеся распространить между черкесами христианскую религию, перевели на их язык *псалмы*, и как у черкес не было азбуки, то эти псалмы переложили на песни, к которым они всегда имели величайшую склонность; по крайней мере этому впоследствии были примеры: некоторые духовные лица, более способствовавшие к распространению и утверждению магометанской веры между черкесами, сложили религиозные песни в виде перевода с арабского и их певали во многих местах Черкесии ученики во время рамазана (поста).

9) *Песни плясовые* (Удь-оред).

Песни эти имеют такой такт, с которым пляшущие соображаются.

В Черкесии не бывает какого-либо примечательного происшествия по каким-либо причинам, которого не воспела бы молодежь; любовные интриги и подвиги воинственные бывают главнейшими их предметами, и в несколько дней эти песни распространяются по всей Черкесии.

За исключением песен плачевных, прочие, в настоящее время слагаемые, обыкновенно имеют напев плясовых песен.

Мы едва не забыли сказать несколько слов о повестях и сказках черкес, которыми романтическое воображение этих воинственных обожателей прекрасного пола так пленяется. В повестях, называемых ими *старинными сказаниями*, обыкновенно играют роль героев и героинь лица невымышленные; из событий их жизни сложены длинные *повести*, украшенные, разумеется, вымыслами, которые, однако ж, несмотря на то, заключают в себе много истины. Кровавая война, отважные наезды, великодушные пожертвования, любовь и романтические приключения суть главные предметы этих повестей. *Сказки* же суть чисто вымыслы без всякой примеси истины: в них волшебники и волшебницы играют важную роль, но главнейшими же их основаниями бывает обыкновенно романтическая любовь. Достойно замечания, что как из повестей, равно и сказок выводятся нравоучительные заключения.

Приятная гармония музыки везде усладительна для чувств человека, и черкесы, несмотря на несовершенства своей музыки, пленяются ею; их пиршества сопровождаются музыкою, и ею же оживляются их беседы. Музыкальные инструменты, употребляемые черкесами, суть следующие⁴⁷:

1) *Скрипка* (пшьнэ). Она делается обыкновенно продолговатой формы, устройства бывают очень простого, с двумя струнами из конских волос. На верхнем *деке* просверливается несколько дыр, чтобы звук явственнее и светлее издавался. На скрипке обыкновенно играют длинным смычком. Этот инструмент общеупотребителен: в гостиных играют сами князья и дворяне⁴⁸; на празднествах во время плясок играют скрипачи низшего сословия.

2) *Эпеншьн* – род балалайки с двумя же струнами.

3) *Арфа* (пшьнэтккоакко) видом и устройством похожа на обыкновенную арфу. Она имеет 24 струны из конских же, тонко перевитых, волос. Эти два последних инструмента лишь употребительны в высшем классе.

4) *Флейта* (ккамиль). Инструмент этот есть принадлежность *певцов*, у которых бывают флейты, оправленные серебром под чернию и с позолотою. На них эти *певцы* играют в гостиных князей и дворян и во время торжества и плясок.

и 5) *Пхецичь*. Так называется особый инструмент, необходимая принадлежность при музыке и пении, состоящий из четырех дощечек примерно шириною в полтора, а в длину в четыре вершка, *одним* концом слабо привязанных такой же дощечке с ручкою; такой инструмент у певцов также бывает обделан в серебре с чернию и позолотою. Он употребляется самим певцом или человеком, который безотлучно при музыкантах находится и должность которого состоит в том, чтобы напевом вторить голосу певца, а правою рукою производить этим инструментом повторительный стук с соблюдением такта. Говоря вообще, музыка есть в Черкесии душа веселья и необходимая принадлежность народных торжеств*.

[НОТЫ – вставить фотокопию из оригинала]

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ СОДЕРЖАНИЕ:

---

* В оригинале данная глава завершается нотными фрагментами четырех музыкальных произведений. В отличие от предыдущих изданий «Записок о Черкесии», в настоящем сборнике упомянутые фрагменты представлены в виде фотокопии с оригинала. Названия данных фрагментов приведены в оглавлении первой части «Записок» после названия главы XII: «Ноты: №1-й Напев *плачевной* песни о разорении русским отрядом аула *Керемзаé*. №2-й Напев *жизнеописательной* песни Солоха. №3-й Напев *колыбельной* песни *Бехгарсока*. №4-й Напев *плясовой* песни, называемой *камляль* и употребительной при больших плясках (Смот. 2-й част. отд.3. глав.[IV])». Как видим, честь первой публикации адыгского музыкального фольклора также принадлежит Хан-Гирею (Ред.).

Разделение народного состояния на классы. Права и обязанности классов. Образ управления. Образ судопроизводства и главнейшие законы.

ГЛАВА I. РАЗДЕЛЕНИЕ НАРОДНОГО СОСТОЯНИЯ НА КЛАССЫ

В настоящее время черкесский народ разделяется на пять главнейших следующих классов: 1) князья, 2) дворяне, 3) духовные, 4) вольные земледельцы и 5) крестьяне⁴⁹.

1. *Князья*, или *пшы*.

Народы непросвещенные обыкновенно бывают суеверны: они, все минувшее облакая грубым баснословием, ищут более сверхъестественных чудес, чтобы им приписать *события*, нежели простым рассудком объяснить их естественными причинами. И потому, конечно, никто не удивится, если здесь заметим, что настоящее поколение княжеского класса, в народе, нами описываемом, едва ли признает основателей своего сословия людьми естественными, хотя и одно происхождение наименования этого класса доказывает, что он возник из общего источника властей, первоначальных в первобытном состоянии всех народов (см. прим. 12). *Этот источник первоначальных властей* вероятно разума естественным образом объясняется; однако ж приводить здесь эти объяснения нахожу излишним: они не нужны образованному читателю и бесполезны здесь описываемому народу: мрак суеверного заблуждения исчезает только перед полным сиянием лучей просвещения!

2. *Дворяне*, или *оркк* (см. прим. 13).

Основатели княжеского достоинства в Черкесии, стремясь к верховному господствованию, имели нужду в помощи других для достижения своей цели – присвоить себе верховную власть; почему, допуская одних, а других даже призывая в сообщество с собою, снискивали их усердие и привязанность к себе. Подобные сношения господствующих лиц с частью повинующихся неминуемо должно было последним доставить поверхность над большею частью подвластных первым; каковые преимущества произвели и второй класс, который, завися от князей же, служил им на таких условиях, на коих основаны были их преимущества; служба такого рода произвела звание *дворянин (оркк)*, на черкесском языке означающее в благородном смысле «*служитель*», что само по себе доказывается употреблением этого слова в выражениях, когда хотят изъяснить *благородную услужливость, благородное обыкновение* и т. п.⁵⁰

Впоследствии этот класс дворян разделился на разряды: а) первостепенные, б) второстепенные и в) третьестепенные.

а) *Первостепенные дворяне* (см. прим. 14) подчинены князьям в виде великих вассалов. Права этого разряда дворян весьма важны; у некоторых из них равняются в иных случаях с правами, присвоенными княжескому достоинству, почему и полагают, что предки их были сами князьями, но бедственными обстоятельствами, как-то: истреблением в фамилиях лучших воинов, слабостью их наследников и тому подобными, принуждены были признать над собою власть нынешних их владельцев – князей, вступив на

весьма значительных условиях в один разряд с старожилыми дворянами того владельца⁵¹. Между тем другие дворяне этого разряда, которых предки не почитаются князьями, будучи освобождены по каким-либо обстоятельствам: прекращения родов прежних их владетелей или неудовлетворения обид, последними им учиненных (см. след. глав.), перешли к настоящим их владельцам – князьям, признав, впрочем, над собою власть их также на значительных условиях, на которые князья торжественно соглашались, да и поныне соглашаются, гордясь тем, что имеют под своею властью подданных с высокими правами (см. там же)*. Таким образом, этого разряда дворяне составили в Черкесии первостепенный класс после князей.

б) Второстепенные, или *пишьчу*.

Самое учреждение названия этого разряда дворян «*княжеская ограда*» дает нам понять его начало: князья, видя силу *первостепенных* дворян, покорствовавших им тогда только, когда собственные их выгоды того требовали, водворили у себя дворян второго разряда, дабы тем, заменяя услуги первых, оградить себя силою нового класса. Вероятно, этому способствовало отчасти и желание князей отличить щедрыми наградами усердных слуг, которые, получив преимущество от князей на условленных правах, хотя уступающих правам *первостатейных*, но довольно значительных, составили третий класс в Черкесии.

в) Дворяне третьей степени (см. прим. 15).

Сей разряд составляют те дворяне, которые, живучи в деревнях князей, исправляют у них службу, на известных маловажных условиях. Права родовые (см. след. глав.) этого разряда уступают правам предыдущего разряда. К ним можно причислить дворян, князьями возводимых в достоинства мелкого дворянства, а равно и дворян, по бедности своей подчинивших себя другим дворянам и называемых обыкновенно *дворянин-дворянина*. Этих мелких дворян, несмотря на различия их прав, г. Броневский сравнивает с мелким шляхетством в Польше*. Из этого исключим, однако ж, дворян, принадлежащих к разряду первостатейных, живущих, по слабости своей, в деревнях княжеских или у других дворян, ибо они и при самой бедности пользуются особенным уважением народа.

Высший класс этого *третьего* разряда дворян составляют те из них, которые, освободившись от власти князей, по случаю ли прекращения отраслей сих последних или по неудовлетворению согласно с условиями обид, им нанесенных, и тому подобным причинам, не подчинили себя вторично власти других князей или дворян первостатейных на условиях и живут там, где им выгоднее, и, служа при князьях, принимают от них подарки не на условиях, а просто как дары (см. сего отд., глав. 3).

В других племенах сей класс, под третий разряд здесь подведенный, составляет *второстепенный* класс вообще дворянства, что должно, конечно,

---

* Так в оригинале. Следует, видимо, понимать: см. следующую главу этого отдела, на которую только что была сделана ссылка (Ред.).

* См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 113] (Ред.).

приписать их независимости, но сия же независимость причиною того, что они не имеют своих значительных аулов; ибо, будучи независимы от князей, они не находятся в связях посреднических с знатью и, следовательно, не ограждены безопасностью от влияния самой власти князей (см. след. глав.), и простой класс, не видя себя спокойным под их защитою, не селится вместе с ними. Сверх этого, если и имеют *аулы*, то и с ними они состоят под защитою других, каковое состояние непродолжительно бывает, потому что обыкновенно они подчиняют себя навсегда на условиях власти того, под покровительством которого находятся.

Еще есть один класс, который можно назвать *должностным* или, лучше сказать, которого достоинство присвоено его должности. Сей класс именуется «*биеколь*». Каждый князь может иметь несколько таких, пожаловав в это звание людей из простого класса народа. *Биеколы* необходимы для власти князей: они, объезжая аулы, от имени своих князей собирают для этих последних все потребное от поселян из сельского их произведения; они же взыскивают *пеню* с вольных земледельцев, буде кто подвергнется штрафованию (см. сего отд. глав. 3) и исполняют и другие поручения, которых князья не могут возлагать на дворян, ибо эти последние гнушаются должностью *биеколов*, взводимых в сие звание из низшего класса народа (см. прим. 16). Князья, желая, чтобы их воля всюду исполнялась беспрекословно, этих *биеколов* уполномачивают, так сказать, представлять особу их самих, то есть князь за обиду, *биеколу* наносимую, вступается, как за самого себя, следствием же этого бедные земледельцы, видя в *биеколах* особы самих князей, пред ними трепещут, а сии варвары свирепствуют в полном смысле этого слова в аулах, подвластных князьям.

3) *Духовенство*, или *едяхг* (см. прим. 17).

Естественное благоговение человека к величию *Творца Вселенной* ему внушает почтение к духовным особам, проповедникам его законов. Черкесы имеют к духовенству величайшее уважение, которое доставляет этому классу владычество над умами народа. *Эфендий*⁵², *кадий*⁵³ и *мулла*⁵⁴ с книгою в руках (коей содержание ни сам проповедник, за исключением немногих, ни слушатели, от религиозного восторга трепещущие, не знают), с исступлением красноречия буйного фанатизма и с душою властолюбивою может более успеть в несколько месяцев в этой стране, нежели несколько тысяч воинов с оружием в руках в несколько лет; что и доказали *Казы-Мулла*, последний явившийся под ризою ожидаемого имама и погибший в Гимрах⁵⁵, причинив страшные и кровавые опустошения в Дагестане, и другие подобно ему, волновавшие народы Кавказа (см. прим. 18). Все это показывает, сколь великое влияние имеет духовенство на умы жителей этой страны, которые исповедуют магометанскую веру. В каждом ауле стараются иметь муллу; высшее же духовенство: *эфендий* и *кадий* заставляют нередко решать дела по шариаду, отступая в этом случае от обычаев предков, и, как эти духовные особы большею частию происходят из низшего класса (ибо дворяне и в особенности князья почитают неприличным учиться грамоте, потому единственно, что по коренному у них предрассудку думают, что каждый

знающий грамоту должен поступать в духовные звания), то и стараются ослаблять власть высшего класса, проповедуя равенство, чем в последнее время, к несчастью, много успели. Однако ж при всем том духовенство между черкесами не имеет преимуществ, подобных дворянам, но, согласно с правилами магометанского закона, они освобождаются от всех повинностей и их доходы состоят из получаемого ими от деревенского прихода, в котором они живут, договоренного количества хлеба и прочих сельских произведений, что обеспечивает содержание их семейств. Мы говорили, что князья и дворяне почитают неприличным учиться грамоте и что люди из простого класса, приобретающие познание книжного искусства, поступают в духовенство, из этого должно бы было, кажется, заключить, что одно духовенство лишь постепенно подвигается к просвещению, но напротив того – степень учености и просвещения черкесского духовенства находится в самом жалком состоянии: муллы, едва выучив наизусть катехизис и несколько правил деревенской проповеди, довольствуются такого рода познаниями и, будучи сами погружены в невежество, наполняют умы своих прихожан невежественными истолкованиями того, что поистине им самим вовсе не известно. Что же касается до высшего духовенства, *эфендиев* и *кадиев*, то по природной остроте и дарованиям умственных способностей они довольно приобретают знаний в языках: арабском, турецком и персидском, но по всегдашнему устремлению азиатцев верить более всего сверхъестественному или, по крайней мере, в том других уверить, обезображивают свои познания нелепыми толкованиями. Сверх того духовенство, не довольствуясь лечением душ, лечит, как сказано выше, больных и молитвами, и нередко лекарственными травами. Черкесы веруют целительной силе их молитв. Зная, с какими трудами сопряжено учение черкесских юношей, посвятивших себя магометанскому законопознанию (ибо они отправляются в Дагестан и далее в Бухарию и там, питаясь одними подаяниями, испрашивая именем Божиим насущный хлеб, и среди тяжелых трудов несколько лет занимаются науками), нельзя им не простить их фанатическое невежество и не похвалить их благородные труды и рвение.

4) *Вольные земледельцы*, или *льфекотлы* (см. прим. 19).

Для удобнейшего предложения здесь нынешнего состояния этого класса, мы его разделим на две части, а именно: а) на вольных земледельцев в племенах, имеющих народное правление, и б) на вольных земледельцев, живущих в княжеских владениях (см. сей части отд. 4, глав. 1).

а) *Вольные земледельцы в племенах, имеющих народное правление*, не зная над собою никакой власти иного класса, пользуются совершенною свободою и составляют собою, так сказать, самостоятельный народ; каждый из них есть член целого колена и независимость одного сопряжена с безопасностью целого общества (см. сей части отд. 4, глав. 15).

б) *Вольные земледельцы в княжеских владениях*⁵⁶ хотя и пользуются такою вольностию, которая их отделяет от класса крестьян или крепостных людей, и они под названием *льфекотлов* составляют и там особый класс, но состоят в зависимости от князей и дворян; одна часть из них суть

подданные этих последних, хотя, впрочем, обязанности их подданства маловажны, другую же часть составляют вольные люди, находящиеся под покровительством князей и дворян; они не несут никаких определенных повинностей, однако ж не менее тем их положение бывает тягостно: для угождения своим покровителям приносят им добровольные, но значительные пожертвования; и одно обычное покровительство сохраняет им их независимость (см. 2-й части отд. 3, глав. 8).

Мы не станем терять время в отвлеченных исследованиях начала этого класса, ныне под названием *льфекотль* составляющего в Черкесии самое могущественное сословие, но заметим, однако ж, что одна и важнейшая часть *льфекотлов* состоит из крепостных людей, освободившихся в позднейшее время от власти своих владельцев и вошедших в состав племен, имеющих народное правление, где обычные уставы собратства (см. сей части отд. 4, глав. 15) этих племен доставляют им искони вольность.

и 5) *Крестьяне*, или *пшьтлы* (буквально значит – княжеский человек).

Господствующий класс в Черкесии, почитая, как и везде, земледельческие работы постыдными для своего сана, и в древние времена предоставлял оные наемным людям, но не мог всегда ограничить свои нужды в услугах домашних, нанимая людей вольных, что и должно было произвести особенный класс людей, для домашних работ предназначенный; при набегах на соседние или отдаленные племена и на войне с ними захвачиваемых людей обращали в работники дворной службы, водворяя их у себя, и таким образом через насилие образовался класс людей, состоящий из невольников, потом названных *господскими* или *княжескими людьми*; всякий, имевший состояние значительное, старался приобретать их покупкою у тех, которым наездничество доставляло людей в добычу. Вот начало этого класса, который впоследствии разделился на разряды:

- а) на уволенных,
- б) дворовых внешних,
- в) дворовых внутренних и
- г) бездомных.

а) *Уволенные*, или *пшьтль-азат*, суть те, освобождение которых произошло следующим образом: по смерти значительного и с состоянием человека, по завещанию его или даже и без этого, наследники умершего отпускают обыкновенно людей на волю. Это обыкновение, магометанскою религиею одобряемое и, вероятно, введенное при принятии черкесами этой религии, распространилось между ними по неутомимой деятельности духовенства⁵⁷, которое находило свои выгоды в освобождении людей, к сословию коих само принадлежало (см. выше сей главы о духовенстве), столь сильно, что во время повальных болезней целыми семьями, даже деревнями отпускали на волю крепостных людей, на условиях, состоявших в том, что жить там, где и господин будет находиться⁵⁸, с различными маловажными обязанностями, с тем сопряженными, также и без всяких условий.

б) *Дворовые внешние*, или *ок-у*. Сей разряд крестьян некоторым образом

соответствует русским оброчным крестьянам; они служат господину на особенных различных условиях, доставляя ему известное количество хлеба, сена, дров. При отдаче своих дочерей замуж из получаемого калыма или окупа (см. прим. 23) известную часть отдают господину, который также иногда обязан помогать им при женитьбе их, заплатив известную же часть платы за жену крестьянина. Также при переселении с одного места на другое они должны строить господину дом и нести прочие тому подобные обязанности.

в) *Дворовые внутренние*, или *дехефетейт*. Крестьяне сего разряда имеют собственные дома, равно как и первые, но обязаны более тех работать господину. Иные из них отдают ему половинное количество хлеба, собранного ими от посева; о продовольствии же их господин не имеет обязанности заботиться; также накашивают они потребное количество сена для господского скота, соразмерно с возможностью, и доставляют потребное количество дров для отапливания. Сверх того, они служат на кухне господина с различными должностями, пасут его стада и табуны и несут другие различные обязанности по произволу господина, но, однако ж, согласные с условиями, на основании коих они водворены владельцем. Господин имеет право по своему усмотрению выдать их дочерей замуж, получив за них плату, из какого числа маловажную часть отдает обыкновенно матери крестьянки, выданной им замуж. Сим правом пользуются господа нередко варварски, отдавая замуж крестьянских дочерей, даже продавая их по своему произволу, но оскорбить целомудрие девицы и вообще крестьянки они не смеют. Взамен сего господин обязан покупать крестьянам жен на таком же основании. Вообще сей разряд крестьян имеет собственность.

г) *Бездомные крестьяне*, или *унеихорис*. Крестьяне, к сему разряду принадлежащие, не имеют собственных домов, однако ж имеют собственности, состоящие в малом числе скота, работают же по произволу господина, довольствуясь от него всем нужным; заметим, что во избежание сих расходов иногда владельцы им предоставляют жить собственным домом, и тогда сии отправляют обязанности сходно с крестьянами предшествующего разряда.

Все вышепоименованные разряды крестьян пользуются собственностью и ограждены безопасностью, основанною на дарованных им правах от своих владельцев, правах, поддерживаемых посредничеством поручителей, называемых *кодохг* (см. прим. 20). Следовательно, в Черкесии крестьяне не рабы, а под сим названием, унижающим человечество, состоят у них невольники и невольницы, покупаемые для барыша, т. е. на продажу, и нередко оставляемые их покупателями для домашней услуги, так как они имеют право располагать ими по произволу своему. Но подобных рабов в целых семействах нет в Черкесии, ибо по принятому обыкновению там невольники, оставляемые их владельцами у себя для домашних услуг, получают от сих последних разные права собственности и безопасности, которые этих рабов обращают в сословие крестьян. Заметим, однако ж, что

самовластие сильных владельцев, переступив условия, дарованные крестьянину при его водворении противу обычаев и законов своей земли, **налагает на него оковы рабства, и семейство несчастного делается жертвою бесчеловечия владельца.**

ГЛАВА II. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ КЛАССОВ

Показав в предыдущей главе разделение народного состояния на классы, вслед за тем надлежало бы пояснить **права** и **обязанности** этих классов, тем более, что на них основывают связи обществ и безопасность каждого в этой стране и потому-то они особенно важны; но **права**, которые родоначальники княжеских фамилий присвоили себе, желая через то соделать достоинства своих родов святынею неприкосновения, равно и **обязанности** других классов в отношении к высшему сословию, столь многообразны и неопределительны, что собрание подробных и ясных сведений об них делается почти невозможным (см. прим. 21), почему ограничимся относительно этих любопытных предметов тем, что предложим здесь главнейшие узаконения о **родовых правах** двух классов, а именно коренных дворян и льфекотлов или вольных земледельцев в племенах шапсхгском и натххоккоадьском (см. сей части отд. 4, главы 12, 13 и 14), установленные на бывшем там назад тому около **тридцати трех** лет **съезде** или **собрании** народном⁵⁹. Эти узаконения о родовых правах заключаются в следующем:

1) Буде кто убьет **дворянина**, то взыскать с убийцы **пеню** за кровь (львас) 30 **сшьхха** или голов (см. прим. 22), в числе коих полагается 8 душ людей обоего пола и на 2 души оружия; остальные же затем 20 – платятся разными товарами, полагая каждую голову ценою в 4 штуки рогатого скота средних достоинств. Буде же совершится подобное убийство над **льфекотлом**, то взыскать с убийцы пеню в третью часть менее того, что присвоено дворянскому роду, а именно 20 голов, в числе коих полагается 6 душ людей обоего пола и на 2 души оружия; остальные 12 платятся таким же образом, как и дворянам последние 20 голов. Заметим, что плата эта, установленная за кровь, или **пеня**, взыскиваемая за смертоубийство, служит, так сказать, мерою определения или указателем и в других случаях; например: судьи, соображаясь с этим установлением, приговаривают сколько должно заплатить за увечья и раны. Также сообразно с этой платою получают окуп, или калым (см. прим. 23), за дочерей при выдаче их в замужество и прочее.

2) Буде кто убьет крепостного человека, принадлежащего **дворянину**, то взыскать с виновного девять душ людей обоего пола в натуре или разными товарами. Когда же случится подобное убийство у **льфекотла**, то взыскать с виновного 7 душ людей обоего пола в натуре или за них плату разными товарами, как выше сказано. К сему прибавить должно, что с этим постановлением соображаются при взыскивании всякого рода похищения, то есть дворяне берут в девять, льфекотлы в семь раз более того, что у них украдено; однако ж в таком только случае, когда уличенный в похищении не возвратит им украденного, буде же он возвратит его неврединно, тогда обязан

только заплатить еще ту цену, что стоило им украденное; таким образом, владелец, у которого случилась покража, получает двойное вознаграждение и тогда, когда его собственность возвращается ему; каковым правилом руководствуются одинаково дворяне и льфекотлы.

3) Как дворянам, так равно и льфекотлам предоставлено право заступления за своих *гостей*, как за самих себя, то есть: буде кто убьет гостя, взыскать с убийцы *пеню* столько, сколько и за кровь члена своего рода, равномерно и за воровство чего-либо у гостя взыскать с уличенного похитителя столько же, сколько и за свою собственность (см. прим. 24).

Впрочем, такие *пени* взыскиваются только за бесчестье, нанесенное дому, где причинена гостю обида, ибо сверх того убийца еще должен разделаться с родственниками убитого. Сия благодетельная строгость в отношении безопасности гостя тем более спасительна в этой стране, что она распространяется не только на гостей путников, но даже и на тех, которые ограждают себя покровительством посторонних лиц (см. 2-й части отд. 3, глав. 8).

В этих главнейших трех пунктах заключалось *новое положение о родовых правах*, установленное знаменитым в Черкесии съездом, известным там под названием *Печетиккозефеса* (см. прим. 25). Все узаконения этого съезда торжественно были приняты льфекотлами, и дворяне единодушно согласились на оные (см. сей части отд. 4, глав. 15), ибо, потеряв прежнюю власть, они не могли надеяться на приобретение лучших прав. Как первые, так равно и последние без изъятия присягнули над Алкораном⁶⁰ неотступно соблюдать сии установления, признав их навсегда неизменными законами и дабы в целости предать эти ясные установления потомству, противу обыкновения сей земли поверили их писанию (см. прим. 26).

Следствием узаконений сего *съезда* внутренние беспокойства этих племен, производимые спором о правах родовых, были прекращены⁶¹ до распространения в Черкесии шариата, который подорвал права и власть высшего класса и изменил выше описанные нами узаконения, как о том ниже сего будет сказано (см. общее прим. в конце 5 глав. сего отд.).

Здесь показанные узаконения о родовых правах двух классов, а именно – дворян и льфекотлов, хотя относятся только к племенам шапсхгскому и натххоккоадьскому, но они могут дать понятие о таких родовых же правах, существующих и во всех коленах, народ черкесский составляющих, ибо везде княжеские и дворянские роды за кровь, за похищение, за обиду гостя взыскивают с виновного пеню в таком же точно виде, и вся разница состоит в том, что родовые права князей важнее первостатейных дворянских родов, а этих последних значительнее, нежели у второстатейных, и так далее. К тому должно присовокупить, что вольные земледельцы в племенах, подчиненных власти князей, хотя и именуются льфекотлами, но не имеют значительных родовых прав, каковые присвоены этому классу в племенах, имеющих народное правление. Притом князья в своих владениях имеют право захватывать людей, угнать лошадей и скот из аулов, подвластных дворянам,

в виде насильственного займа (см. прим. 27)*, буде при совершении оно не встретится с членом дворянского рода, в каком случае честь обоих требует, чтобы князь взятое возвратил; в противном же случае удовлетворение может быть отложено до другого удобного времени. Это вредное обыкновение доставляет князьям возможность всегда щедро дарить приятелей и гостей, разоряя своих подвластных⁶². Впрочем, они и сих последних удовлетворяют впоследствии, ибо в противном случае обиженные дворяне могут переходить к другим князьям.

Некоторые роды из первостатейных дворян также могут захватывать людей и скот из аула княжеского, буде князь не удовлетворяет их справедливые требования. Дворяне же других степеней не имеют права на подобное самоуправство с князьями, а обязаны от них просить удовлетворения посредством законов. Сверх того, князья за малейшее оскорбление, нередко даже мнимое, взыскивают с виновного пеню, называемую *шъвагх* (см. прим. 28). Так как родовые князи* некоторых родов из первостепенных дворян не определительны (см. прим. 16), то вошло в обыкновение покорностию заглаживать свою вину перед князем следующим образом.

Виновный перед князем обязан пригласить его, или его сына, иногда и брата, через посредничество посторонних лиц, принимающих участие для восстановления согласия, к себе в дом, где вводят князя к жене пригласившего, и там, в присутствии старейшин, он прикладывается к грудям ее, что некоторым образом заглаживает прежде существовавшие обиды и соединяет враждующих навсегда, как они говорят, *млечною связью*; после чего водворяется между ними тесная связь дружбы, причем после нескольких дней торжества представляют князю людей, оружия и лошадей, из коих он берет себе и раздает его окружающим, сколько ему заблагорассудится, а остальных возвращает поднесшему. Этим же поступком заглаживаются обыкновенно оскорбления, наносимые словами достоинству князя, и другие обиды.

Иногда для примирения с князьями, которые, будучи в кровавой вражде, на это средство не соглашаются, прибегают к другому средству, а именно, похищают малолетнего княжеского сына, которому, оказав* все вышеописанные обыкновения, присоединив к ним еще и некоторые церемонии, возвращают его родителям и таким образом успевают примириться с ним⁶³. Однако ж заметить должно, что при последнем случае подносимые дары бывают весьма значительной цены.

К этому присовокупим, что связи между сословиями, основываемые на обыкновении водворения подчиненных классов под власти высшего сословия, каковое обыкновение, ограждающее безопасностью последних,

---

* В оригинале ошибочно проставлено: «26» (Ред.).

* Так в оригинале. Следует, видимо, читать: «Так как родовые права некоторых родов...» (Ред.).

* В оригинале ошибочно: «сказав» (Ред.).

состоит в том, что когда князь принимает из одного племени дворянина к себе в сословие своих дворян, то поступает таким образом.

Вновь поступающий под власть князя дворянин избирает из старожилых дворян того владения одного, двух и более (смотря по значительности поступающего в сословие тех дворян) себе, так сказать, соучастниками будущей жизни; в присутствии сих избранных, князь и вновь к нему поступающий дворянин заключают окончательные условия, по силе которых князь признает *родовые права* дворянина, а сей последний – власть князя над собою на вечные времена; таким образом заключенные условия подтверждаются с обеих сторон присягою, причем иногда и детей их, если они находятся в совершенном возрасте, приводят также к присяге, чтобы соблюдать в целостности условия, заключаемые взаимно их родителями, ибо условия эти заключаются, как сказано, навсегда, причем избранные дворяне-старожилы дают также присягу вновь принятому в их сословие члену в том, что когда князь оскорбит его и не учинит надлежащего удовлетворения за обиды, то они вместе с ним, оставя этого князя, удалятся из его владения в другое, почему они и называются *кодохг* (см. прим. 20)*. При сем случае князь делает значительный подарок новому вассалу, называемый «*оркктин*», то есть *дворянский подарок*.

Если сей новый член дворянского сословия родом и родовыми своими правами равен тем дворянам, которые дали присягу, так сказать, быть соучастниками его судьбы, тогда он делается некоторым образом их собратом; когда же он родом и родовыми правами ниже их, то поступает более под их покровительство, нежели в собратство с ними.

Когда бывает много членов в княжеских домах, тогда каждый составляет особую партию дворян, делая всякому из них *дворянский подарок*. Причем заключает условия, которые обыкновенно состоят в том, что дворяне не перейдут к другим князьям в службу, что врагов своего князя почитать будут своими врагами, а друзей друзьями и прочее. Князья также со своей стороны делают соответственные обещания, которые с обеих сторон и подтверждаются присягою. Ежели и дворянин, таким образом приставший, предпочтительно служит одному князю, а потом отложится от него, то князь имеет право потребовать от дворянина обратно все то, что ему подарил; но это редко делается, ибо почитается за стыд подаренное взять назад⁶⁴. Следствия этого обыкновения весьма пагубны, ибо, раздробляя владения, в коем много князей, на партии, не только производят раздоры и несогласия, но даже и кровавые междоусобия. К сему присовокупим еще, что дворянин, однажды принявший от князя так называемый *дворянский подарок*, не может подобного подарка принимать от другого князя; в противном же случае он может подвергнуться гонению прежнего князя, от которого он уже получил однажды условные дары, то есть так называемый *дворянский подарок*, ибо другого рода дары, не имеющие особого условия, может принимать и от других князей.

---

* В оригинале ошибочно проставлено: «22» (Ред.).

ГЛАВА III. ОБРАЗ УПРАВЛЕНИЯ

В племенах, зависящих от власти князей, или в так называемых княжеских владениях (см. сей части отд. 4, глав. 1), старшему князю присвоено обычаями, заменяющими там законы, звание **князя-старшины** (пшь-тххамадэ)⁶⁵, с каковым званием сопряжена власть и обязанность, так сказать, председательствовать в управлении владением: младшие его летами князя должны ему повиноваться в общественных делах.

Из дворян избираются в судьи наиболее пользующиеся уважением их сословия. Эти судьи, по избранию обществом князей и дворянства, приводятся к присяге, состоящей в том, чтобы соблюдать в делах всегда истину и производить суд по крайнему разумению справедливо, не увлекаясь корыстолюбием и пристрастием, почему эти судьи и называются **присяжными судьями** (тххарьохась).

Князь-старшина назначает **съезд**, принимая в уважение стечение дел и обстоятельств, того требующих, в каком-нибудь из аулов владения, куда съезжаются князья и все дворянство, иногда же и старшины вольных земледельцев (льфекотлов), если обстоятельства требуют их присутствия⁶⁶. Каковые **съезды** весьма часты, потому что беспорядки, волнующие владения, того требуют.

Главнейшие предметы относительно общественного благосостояния, подлежащие на съездах общему рассмотрению, суть следующие:

- а) переговоры с соседними племенами;
- б) искоренение воровства и разбоев внутри владений;
- в) всеобщее удовлетворение и водворение тишины во владении;
- г) меры предосторожности.

а) Переговоры.

Переговоры с соседними племенами обыкновенно ведутся таким образом: старшины обоих племен съезжаются в одно место и располагаются одна сторона на дальнем расстоянии от другой. Заметим здесь, что если переговаривающиеся племена неприязненны и переговоры идут о заключении мира, то перед их съездом посредничающие лица, совершенно посторонние, вступая сами в посредничество, сближают воюющие стороны. Потом с обеих сторон назначают по одному красноречивому мужу, которых называют **пересказателями** или **послами** (тлько), и по одному **объяснителю общего дела** (кушеако). Эти последние, которых знанию дел и силе красноречия поручается судьба сопколенников, ведут переговоры через **пересказателей** (которые большею частью суть посторонние, не причастные к делу лица), из коих на одном лежит в особенности обязанность **пересказывания** того, что от обеих сторон ему поручается; другой же есть его помощник. Пересказатели эти непрестанно ходят (если расстояние большое, то и ездят верхом) от одной партии к другой, и главный из них пересказывает на них возложенное от одного общества к другому. Таким образом, продолжаются переговоры до окончания дела. Достойно замечания, что эти пересказатели владеют такою

силою памяти, что ни одного слова не забывают, и в доказательство того главный пересказатель, возвращаясь к каждой партии, повторяет с начала и до конца все то, что ему от нее поручено было; по окончании же такого повторения спрашивает объяснителя: так ли ему было от него сказано? И, получив удовлетворительный ответ, объясняет вновь им принесенный от противной стороны ответ или запрос. В продолжении этого объяснения пересказатель спрашивает своего товарища: «Не забыто ли им что-нибудь?»; тогда товарищ напоминает ему, если в самом деле забыто, что, однако ж, случается реже, чем должно бы предполагать.

За неприличие почитается, если *объяснители, пересказатели* или другие лица, участвующие в переговорах, горячась, приходят в некоторое исступление.

Когда переговоры оканчиваются заключением мира или союза, то обе стороны подтверждают присягою те условия, на коих были решены спорные дела, или, лучше сказать, решаются согласиться с обеих сторон. И если были лица, подвергшиеся обидам до заключения мира или союза, то они получают удовлетворение или немедленно, или в назначенное время, смотря по обстоятельствам; условия союза обыкновенно заключаются в том, что ежели постороннее племя объявит войну одному из союзнических племен, то вооружаться и действовать заодно; членам одного племени не делать набегов на аулы другого, и прочие мирные расположения и союзные вспомоществования оказывать между собою. Таким образом мирные связи водворяются между племенами.

Когда же переговоры кончаются без успеха, то неприязненность между обоими племенами продолжается двояким образом: владельцы воюющих племен поголовно вооружают своих подвластных и нападают на противников, избрав для сего удобное время. Когда же такому решительному действию препятствуют какие-либо обстоятельства, как-то: слабость владельцев, внутренние беспорядки их владений и прочее, тогда предоставляют удалству делать набег, захватывать скот и пленников и прочее, таким образом возжигается пламя мщения, и кровь повсеместно льется до тех пор, пока посредничество соседей и лиц значительных не потушит ужасное междоусобие миром или перемирием. Это последнее обыкновенно состоит, как и везде, в том, чтобы прекратить неприязненные действия до назначаемого времени для заключения совершенного мира. В заключение того, что здесь сказано относительно образа переговоров и их последствий, должно прибавить, что съезды для подобных переговоров назначаются на границах владений, даже иногда и в деревнях соседственных племен⁶⁷. Также до заключения мира бывает расставлена стража в опасных местах, дабы не подвергнуться неожиданным нападениям.

б) Искоренение беспорядков.

Для искоренения воровства и разбоев и для предупреждения от того происходящих бедствий весь народ, без изъятия звания и состояния, приводится к присяге, состоящей в том, чтобы каждый открыл проступки свои перед лицом всего собрания, а равно и впредь не делать подобных

проступков. Признающиеся в воровстве и разбое удовлетворяют убытки тех лиц, у которых похищена была ими собственность.

Здесь надобно заметить, что при подобных удовлетворениях похитители возвращают только украденное или отнятое, буде вещи сии отыщутся; в противном же случае платят без прибавления *пени* (см. предшеств. главу) за оскорбление того рода, у которого учинено похищение, хотя бы понесший потерю был даже князь. Это обыкновение введено для того, чтобы похитители из опасения слишком тягостного оштрафования не сделались бы клятвопреступниками. Без сомнения, сия человеколюбивая снисходительность высшего класса есть следствие той мысли, что если воры соделаются клятвопреступниками, то уже никогда нельзя будет отыскать похищенных ими; напротив же того, когда будут верить присяге, то по сему влиянию они возвратят похищенное без всякого другого вынуждения. Впрочем, как бы то ни было, эта мера есть следствие благоразумия, но она и не во всех владениях одинаково принята.

в) **Всеобщее удовлетворение.**

Мы выше этого сказали, что князьям присваивается древними обычаями странное преимущество, состоящее в праве отнимать, хотя с некоторыми ограничениями, у многих владельцев то, что ему потребно, делая это в виде насильственного займа. Пользуясь этим правом, князья отнимают в виде, как сказано, насильственного заимствования у подвластного их дворянам народа лошадей, скот, даже захватывают нередко и людей из сего класса; таким образом, захваченных не возвращают их владельцам под разными предлогами и не делают дворянам удовлетворения, присвоенные достоинством их родов за разные оскорбления. Вследствие таких обстоятельств, владение приходит в волнение; оскорбленные дворяне решаются оставить свое отечество. Равномерно ненависть князей, между собою порождаемая большею частию лукавством их дворян, и от того происходящие междоусобные распри волнуют владения, причиняя жителям тяжкие разорения. Прекращение этих беспорядков есть важнейший предмет, подлежащий рассмотрению *сьезда*: тут неприязненных между собой князей и дворян примиряют. Оскорбленным доставляют удовлетворения и понесшим убытки – вознаграждение. Таким образом, учинив общее удовлетворение, нередко с успехом водворяют тишину, по крайней мере на некоторое время.

г) **Меры предосторожности.**

Главнейшие меры предосторожности заключаются в следующем.

В случае опасения повсеместного в окрестностях голода воспрещают вывоз хлеба во всем владении.

В случае появления заразительных болезней в соседнем племени, воспрещают сообщение с зараженными аулами.

В случае опасностей, неожиданных набегов неприязненных племен учреждают посты, где аулы поочередно содержат конные караулы. Заваливают дороги, лежащие сквозь лесов, для препятствия проходу неприятеля. Также нередко строят укрепления, если местность и обстоятельства того и другого требуют⁶⁸.

Как эти меры предосторожности, равно и все повеления *съезда* касательно блага и дел владения, как-то: поголовного вооружения для нападения на врагов или их отражения, исполнения условия мира или союза с соседними племенами и т. п., приводятся в действие посредством *штрафования* ослушников. Также воровство, разбои и другие беспорядки внутри владений прекращают страхом тяжкого штрафования, которое *съезд* налагает на нарушителей его установлений. Словом, вся пружина исполнительной власти основана, так сказать, на страхе взыскания *штрафа*; наложение же штрафа и взыскание оно же приводится в исполнение таким образом:

Князь-старшина по положению *съезда* обнародывает его повеления, налагая на ослушников воли *съезда* штрафования (ккоди) соразмерно с обстоятельствами более или менее тяжкие. Взыскание же *штрафа* предоставляется обыкновенно одному или, смотря по важности дела, нескольким князьям, которых народ уважает и страшится. Эти взыскатели, которым непокорность других приносит важные выгоды (см. прим. 29), никогда не упускают случая воспользоваться им предоставленным правом, каковая их строгость способствует тому, что повеления *съезда* нередко беспрекословно бывают исполняемы; следовательно, величайшая строгость взыскателей должна служить к общей пользе, если несправедливость их эти выгоды не обратит во вред.

Все, что мы говорили в этих четырех главнейших пунктах, есть, так сказать, ось правления племен, зависящих от власти князей, на которой основывается весь ход общественных дел. С этим порядком управления, утвердительно можно сказать, соглашается и порядок управления *«частно-общественного»*, т. е. образ управления владельца каждого аула: в каждом ауле есть, или, по крайней мере, должны быть, присяжные судьи из старшин льфекотлов или вольных землевладельцев, с которыми владелец, совещаясь, управляет аулом, дает разные повеления, налагая также штрафы на ослушников его воли.

Этот же самый образ управления княжеских владений может дать понятие о порядке управления племен, имеющих народное правление, но как у этих последних есть отличительные устройства или, лучше сказать, *обычай* в образе управления, то здесь представим главнейшие очерки образа их управления.

Племена: абедзахское, шапсххское и натххоккоадское (см. сей части отд. 4, глав. 11, 12, 13 и 14) также избирают старшин в *присяжные судьи*, каковых судей каждый *тхханшь* или приход (см. прим. 30) имеет по несколько человек; они разбирают частные дела своих сопредседателей. Когда же бывают дела, касающиеся до всего племени, то старшины эти съезжаются в одно место, где каждый из них, будучи представитель своего рода или колена, рассматривает предметы требований общественного благосостояния; здесь же предпринимают переговоры о заключении мира или союза с соседями на таких же основаниях, как это описано выше, а равно и меры предосторожности и искоренения воровства, разбоев и других беспорядков

суть главнейшие предметы, подлежащие рассмотрению *съезда* этих старейшин. В таких сборищах красноречивые старшины льфекотлов, вольных земледельцев, заменяющие в этих племенах князей и дворян, располагающих делами в княжеских владениях, управляют умами народа по произволу своему и всегда ко вреду высшего класса – дворянства, которое ныне, по-видимому, потеряло наконец свои права именно на сих сборищах. Эти буйные старшины также налагают штрафования на ослушников законов блага своего племени, ими изреченных, и взыскивают с виновных приговоренное ими *штрафование*⁶⁹. Каждый род из составляющих эти племена, как член самостоятельного общества, имеет голос на сих *сборищах*, и как все эти члены, за исключением малого числа старшин, чрезмерно грубы, то и сборища их всегда бывают шумны и гремят бранью. Однако ж старшинам этих племен делает величайшую честь то, что в недрах их отечества воровство, разбои и всякого рода насилия, можно сказать, судя по нравственному их состоянию, редки, чем они и обязаны уставам их собратства, защищающим каждого (см. сей части отд. 4, глав. 15). К этому же немало способствует и то, что роды вольных земледельцев, составляя каждый особенную маленькую республику, действуют заодно с членом, понесшим оскорбление или убыток, вследствие чего в сих племенах убийца находит редко пристанище в своем отечестве, подобно тому, как в княжеских владениях, и непременно бывает принужден скрываться в чуждом племени в течение того времени, в которое родственники его успеют, удовлетворив родственников убитого, примириться с ними; после какового удовлетворения и примирения убийца может возвратиться на родину. Но так как они сильно привязаны к отечеству, то им кажется всегда ужасным решиться, оставив родных и родину, удалиться в чужую землю.

Вот главнейшие очерки образа управления племен, имеющих народное правление; прочее же все одинаково с племенами, зависящими от власти князей; если за этим и есть какие-либо отличия, здесь не упомянутые, то уже, верно, такие, которые не заслуживают особого внимания или подлежат другим статьям, в этих записках содержащимся.

ГЛАВА IV. ОБРАЗ СУДОПРОИЗВОДСТВА

В предыдущей главе я говорил, что княжеские владения, а равно племена, подчиненные народному правлению, имеют *присяжных судей*, которые в важных делах суть и судопроизводители. Пред *сонмом* этих судей, созванных для рассмотрения и решения дела, являются оба тяжущиеся лица, а равно и общества или партии. Истец первый объявляет судьям свои претензии, потом и ответчик – свои оправдания. Судьи, выслушав сущность дела, предлагаемого их решению, удаляют присутствующих, и когда они остаются одни, то приступают к рассмотрению дела: младшие судьи по настоящим обычаям сперва подают свои голоса или мнения и, наконец, большинством голосов решают рассматриваемое дело, сообразуясь с обычаями, служащими узаконениями. По решению же призывают опять тяжущихся для объявления им приговора, что поручается одному из судей.

Но прежде объявления решения суда, тяжущиеся стороны приводимы бывают к присяге, состоящей в том, что они исполнят приговор судей, в чем бы он ни заключался; после чего объявляется им решение суда.

Когда дело, рассмотрению подлежащее, такого рода, что противники находятся в неприязненном отношении один к другому, например: когда оно заключает в себе кровомщение и тому подобное важное обстоятельство, то тяжущиеся вместе присутствовать не могут перед судьями для объяснения своих дел, и тогда истец остается в присутствии судей, а со стороны ответчика назначается уполномоченное лицо, которое представляет (словесно) оправдание доверившего ему свое дело; и в таком случае всегда влияние посредничающих лиц соглашает истцов на примирение и, так сказать, служит пружиною хода дел между неприязненными лицами, а равно и партиями.

Присяжные судьи, рассматривающие дело, часто отлагают его решение, назначая для того другое время, в которое приказывается вторично собрать судей по несколько человек от обеих сторон и, представив им на рассмотрение дело, привести в исполнение их приговор, а до того времени не открывать никаких с обеих сторон неприязненных действий; также иногда в таком случае до приступления к вторичному судопроизводству определяют возвратить захваченных людей, лошадей и прочее, буде такое насильство между тяжущимися было учинено. К такому отлагательству, нередко, присяжные судьи принуждены бывают силою одного из тяжущихся; видя несправедливость его дела и не желая навлечь на себя его ненависть, предоставляют дело вторичному рассмотрению, когда, само по себе разумеется, действует пристрастие, ибо каждая сторона избирает себе в судьи таких людей, на которых наиболее полагаются и которые действуют в пользу своих избирателей.

Образ судопроизводства и в маловажных обстоятельствах тот же, как и в важных случаях: оба тяжущиеся представляют разбирательство дела двум или несколькими лицам, которых приговор должен быть обыкновенно окончательным решением; но в этом случае обыкновенно тяжущихся не приводят к присяге, состоящей в том, что они исполнят приговор судей, а просто от них требуют честное их слово или чтобы они назначили одного или двух человек за себя поручителями, которые отвечают за неповинующихся по приговору судей; что допускается иногда в важных случаях.

Кстати здесь же заметить, что черкесы, когда платят скотом, оружием и прочими вещами, равно как и людьми по приговору судей, то платящий, равно как и получающий, соглашаются предлагаемые предметы предоставлять на оценку также нескольким посторонним лицам, которые подвергают вещи оценке, и приговор их с обеих сторон принимается.

ГЛАВА V. ГЛАВНЕЙШИЕ ЗАКОНЫ

Мы здесь на нескольких страницах можем изобразить, описывая черкес, то, что у народов просвещенных составляет блистательный и священный

предмет человеческого разума, а именно – *законы*.

Писанных законов, как уже известно нам, у черкесов нет. Главнейшие же, так сказать, обыкновения и советы старшин, принимающие форму закона, суть единственные постановления, которыми при судопроизводстве дел обыкновенно руководствуются, или лучше сказать, коих придерживаются, они суть следующие:

В случаях падающего подозрения

Когда суд производится над лицами, подозреваемыми в убийстве, равно и обещании женщин, то истцу предоставляется назначить обыкновенно два известных своею честностью лица, но таких именно, которые не питали бы личной вражды к ответчику, который также должен явиться в суд, где и дает присягу в невинности своей; истину его присяги двое, приведенные им как присяжные свидетели (тххар сххаль), подтверждают присягою же, и тогда подозреваемый оправдывается законным порядком и подозревающий не должен более иметь на него притязания и явных неприязненностей.

К этому присовокупить должно, что в случаях смертоубийства и обещания женщин у черкесов, равно как и в других значительных преступлениях, когда лишь в совершении оных подозревают кого-либо, то для очищения подозреваемых лиц в таком случае законным порядком употребляют одинаковые приговоры. Но когда сомнения исчезнут и преступления преступников доказаны, то убийцы по большей части платою за кровь удовлетворяют родственников убитого, и, по совершении обрядов, при том соблюдаемых, мир водворяется между убийцами и родственниками убитого. Но за обещание женщин нет в высшем классе примера примирения, и лишь кровь преступника может смыть такое неизгладимое пятно бесчестия. Однако ж если случится удовлетворить за подобное оскорбление платою, то законы сравнивают сего рода оскорбления с смертоубийством, почему и плата получается точно такая же, какая положена за кровь; но при всем том между оскорбленным и оскорбителем никогда не могут восстановиться дружество или близкие отношения. Притом такого рода примирение может случиться только между низшим и грубым классом; когда бы между высшим классом это случилось, то получивший удовлетворение платежом сделался бы предметом всеобщего презрения, более даже, нежели каковому подвергаются в мнении народа и те, которые, по недостатку отважности и мужества, не смывают вечное свое посрамление кровью оскорбителя. Когда же этот бывает убит первым, то родственники его не имеют права по законам требовать удовлетворения за кровь, если они равны происхождением.

Подозреваемых в воровстве закон подвергает для их обличения почти такому же приговору, как выше сего описано, а именно: обвиняемый должен себя оправдать присягою. Если же он был обличен когда-нибудь в клятвopреступничестве, то закон дает право истцу назначать и потребовать от обвиняемого, чтобы сей последний представил человека благонадежного, который, не быв врагом обвиняемому, подтвердил бы присягою же его оправдание. Когда же обвиняемый не найдет присяжных свидетелей, то

закон предлагает истцу утвердить свое подозрение также присягою; буде же и он был обличен в клятвопреступничестве, то обыкновенно обвиняемый назначает и требует, чтобы и он также представил благонадежного человека, ему не врага, в присяжные свидетели. В случае же, когда обе стороны, то есть обвинитель и обвиняемый, не найдут требуемых законом присяжных свидетелей, то по закону взыскивается с подозреваемого половина цены того, в похищении чего он подозревается.

Если обвиняемый не был никогда явно обличен в клятвопреступничестве и обвинитель или истец потребует от него, не доверяя его присяге, еще присяжного свидетеля, то сей, оправдавшись, нередко требует от обвинителя удовлетворения за то оскорбительное о нем мнение, публично изъявленное, при мнимом уличении его в клятвопреступничестве и за недоверенность его присяге.

Когда воровство, в котором подозревают, незначительно, то нередко истец удовлетворяет[ся] тогда, когда обвиняемый представит одного или двух благонадежных поручителей в том, что он невинен во взводимом на него подозрении и что они, буде откроется впоследствии вина того, за поведение которого ручаются, удовлетворят требование истца.

Заметить должно, что закон допускает это тогда только, когда обвиняемый не был обличен в подобных преступлениях и настоящий поступок, в чем его подозревают, маловажен, как выше сказано.

В тяжбах по долговым или заемным делам

Когда по смерти одного лица, от его наследников требуют возврата долгов, а между тем основательности требования не довольно ясны или подвержены сомнениям, то закон также предписывает истцам доказать справедливость своего требования представлением благонадежных свидетелей и сверх того нередко присягою. Когда же истец не представит требуемых свидетелей, тогда ответчикам предоставляется отвергнуть требования истца таковыми же свидетелями и присягою; если же и эти последние не в состоянии таким образом доказать несправедливость взводимого на них долга, то обязаны они заплатить истцу половину требуемого долга. К этому присовокупить должно, что закон не подвергает женщин присяге, а за них совершают ее их сыновья или братья. Это правило, однако, распространяется на женщин только относительно долговых претензий, ибо в других случаях женщины не изъяты от обыкновения у черкесов присягою доказать истину своего показания; впрочем, в других племенах женщины вовсе избавлены обычаями от присяги.

У черкесов отец не отвечает за долги сына, буде он не изъявлял согласия, когда сын занимал оные. Сын же платит долги отца.

Это, однако ж, только относится до платежа долгов, ибо за прочие поступки сына мстят обыкновенно и отцу, равно сыну за отца и всем вообще родственникам их.

Все дела, неподверженные действию *шариата*, решаются судом, и в сем случае законы основываются иногда на примерах, а всегда на чистоте

совести.

Развод мужей с женами и вообще правила относительно супружества

Муж имеет право развестись с женою, когда ему это заблагорассудится. Напротив того, жена не имеет никакого права потребовать развода, если неспособность мужа в супружеском состоянии явно не доказана.

Черкес может жениться на жене умершего его брата или близкого родственника. Оставшаяся жена после смерти мужа не может выйти замуж за постороннего человека без согласия деверя своего или других родственников покойного ее мужа.

Когда развод бывает следствием бесчестного поведения жены, то муж имеет право располагать ею по своему произволу. Если же не имеет причины ее в том подозревать, то родственники ее должны потребовать от него, чтобы он публично присягнул в том, что с женою разводится, не имея никаких причин подозревать в бесчестном поведении.

Жена в разводе не может выйти замуж без согласия бывшего мужа, от которого братья ее требуют в том для нее разрешения.

Засватанная девица или вдова почитается женою засватавшего ее человека. Заметим, что тот, у кого жена увезена другим, имеет право жечь дом похитителя и целую деревню, где он пребывает, но без этого случая жечь строения, хотя бы они принадлежали и заклтому врагу, почитается постыдным поступком.

Дележ имущества между братьями

Самый легчайший способ делить имение по законам есть следующий: младший брат разделяет по собственному усмотрению все имение на равные части по числу братьев, а выбор предоставляется по старшинству, то есть старший брат выбирает, какую часть ему угодно, потом следующий же брат то же делает и так далее. При дележе никто не имеет особенной собственности и все имение, благоприобретенное и родовое, подлежит разделению на участки. Однако ж принято, чтобы старшему брату дать что-нибудь сверх участка, ему доставшегося по дележу, в состав которого иногда входит и оружие, для собственного их употребления служащее, равно и родовые оружия, которые сохраняют в доме старшего брата.

Когда случится в чем-нибудь спор, то посредничество призванных старшин все приводит в порядок. Дом обыкновенно принадлежит старшему брату. Собственность жен не подлежит делению.

Когда дележ происходит между братьями, имеющими сыновей, то эти последние не получают никакого участка.

Дочери не имеют права на требование своей части; однако ж они получают людей и прочее, смотря по состоянию, в виде подарков. Сын не имеет по законам права требовать от отца участка имения и должен быть доволен тем, что он ему уделит добровольно.

Все дела, как мы видели, решаются судом, в котором законы

основываются иногда на примерах, а всегда на совести, и тогда большинством голосов утверждаемое мнение есть уже настоящее узаконение. Следственно, все законы у черкесов основываются на чистоте совести, не говоря о преимуществах, присвоенных достоинством различных родов, которые суть неминуемые следы феодализма. Тут совесть безмолвствует и сила действует.

Общее примечание

Правительство турецкое, измученное поучительными для государей и государств бедствиями, порожденными своевољством янычар⁷⁰, по истреблении этого грозно-мятежного войска⁷¹ сделало первый шаг после продолжительного сна бездействий к благому просвещению. В это время вдруг воспламенившаяся деятельность сего правительства, достойная твердой души ее преобразователя, Султана Махмуда II^{*72}, не могла оставить без внимания здесь описываемый народ: пред последнюю войною России с Портою (1828), вследствие дошедших до сведения Дивана⁷³ жалоб черкесов о бездейственности и несправедливостях начальствовавшего долгое время в Анапе паши, сей последний был сменен и на место его назначен Абдулах-паша, и в то же время трех-бунчужный⁷⁴ Хасан-паша⁷⁵ был прислан в Анапу в виде главнокомандующего над черкесами. Этот знаменитый, судя по деятельности своей, турецкий вельможа в кратковременное свое пребывание в Анапе совершил удивительный переворот во всей Закубанской Черкесии: привел значительную часть туземцев к присяге в верности своему государю, искоренив образ судопроизводства, основанный на древних обычаях и веками утвержденный, подчинил все *шариату*⁷⁶; во все племена разослал и назначил *имамов* (священников) для распространения исламизма, даже установил правило, чтобы десятая часть хлеба, собираемого народом, была отделяема на случай потребности для войск правительства. Действуя таким образом силою религии, он дал (вероятно, с намерением) быстрое направление умам черкесского народа к пагубному равенству. Высший класс в Черкесии, ослепленный, так сказать, умением этого сановника управлять людьми, не видал той пропасти, которую его действия приготавливали ему гробом, или, может быть, видя, стремился в эту пучину, надеясь, что увядшие цветы феодальных его прав через это обновятся новою жизнью. К паше являлись князья и дворяне, ожидая от него лучшей участи. Он обнадеживал их, говоря, что, получив полную власть над их страню, подчинит власть вольных земледельцев (льфекотлов) зависимости высшего сословия на основании прежних прав его; в то же время толпы народа (льфекотлов) теснились в Анапе. Паша давал им хитро чувствовать, что они отныне свободны от самовластия частных лиц и, будучи сынами религии, общего их пророка, должны лишь покорствоваться шариату и велению книги его. Всем с щедростью он раздавал подарки, все были усыплены надеждою на лучшую будущность, а между тем умный паша неумолимо действовал для

---

* В оригинале ошибочно: «Махмуда III» (Ред.).

достижения своей цели, состоящей в том, чтобы черкесов сделать полезными подданными своего правительства. Он не имел иной силы, кроме ума своего и золота, и успехи ручались в могуществе этих двух сподвижников. Но вдруг его отозвали обратно в Турцию, и война 1828 года решила навсегда участь Черкесии⁷⁷. Я должен здесь заметить, что в действиях этого паши, здесь описанных, хотя заметен ум сильный и неутомимая деятельность, но в них не видно глубокой дальновидности (см. 2-й части прим. 20). Хасан был, может быть, и дальновиден, но, по крайней мере, в его действиях было более быстроты, нежели прочности. Добро и зло, посеянное в народе одним человеком, обыкновенно смертью его не прекращается. Хасана-паши, смело, можно сказать, доказавшего, что ум сокрушает и самые граниты препятствий, не стало, но все, что посеял он, и поныне растет. Шариат, ниспровергнувший древние обычаи черкес, ныне есть основание их делопроизводства, следовательно, все нами описанные законы, на которых основывается образ их правления, ослабли, но как дворяне и князья стараются во всей силе их поддерживать, ибо видят, что собственная выгода их сего требует, то в настоящем положении дел в Черкесии шариат и древние обычаи относительно судопроизводства находятся в соразмерности: высший класс придерживается древних обычаев, а вольные земледельцы – узаконений шариата, что и причиняет ныне непрерывные несогласия сил двух классов в Черкесии⁷⁸.

Человек, переходя из дикого состояния в состояние гражданственности, чувствует необходимость условий, могущих оградить собственность каждого, обуздав самовольность сильнейшего. Эти условия суть законы, самую природою даруемые: их производит чувство самосохранения, свойственное мыслящему существу – человеку. Мы видели, что все условия, служащие в Черкесии оградой слабого от самовольства сильного, произведены таким же природным чувством естественной любви к самосохранению. Также мы видели, что у черкесов все судебные дела, так сказать, взвешиваются на чистоте совести, с помощью, в некоторых случаях, примеров прошедших времен и дел. Наконец, мы видели, что члены высшего класса, пользуясь правами, присвоенными феодалами достоинством их родов, суть члены федеративных обществ; и все это с первого взгляда кажется основанным на законах порядка: условия, ограничивающие власть князей, умаляя оную, ограждают свободу каждого, начиная от высшего до низшего класса; условия рождают связи между классами; совесть издает законы, и в судах руководствуются чистотою совести. Подозреваемый может оправдаться именем Бога; честность везде служит порукою. Повторяю, все это с первого взгляда кажется основано на законах порядка, но с первого лишь взгляда, ибо ежели вы углубитесь более в сущность самого дела, то увидите, что и тут, не взирая на простоту законоположения, корыстолюбие часто утоляет позорную свою жадность, несправедливость в гнусном торжестве своем попирает священную истину и несчастный праведник, которого вся вина в слабости, стонет под бременем угнетения.

ОТДЕЛЕНИЕ IV
ОБОЗРЕНИЕ В ОСОБЕННОСТИ КАЖДОГО
ИЗ ПЛЕМЕН, СОСТАВЛЯЮЩИХ
ЧЕРКЕССКИЙ НАРОД

СОДЕРЖАНИЕ:

Предварительное понятие об общем разделении племен. – Владения Кабардинские. – Владение Бейсленийское. – Владение Меххошское. – Владение Тчемргойское. – Владение Ххатиккоайское. – Начало Бжедугского поколения. – Владение Черченийское. – Владение Ххмшийское. – Владения Вепснское, Хехгатчское и Женинское. – Племя Абедзахское. – Начало Ахгутчипского поколения. – Племя Шапсхгское. – Племя Натххоккоадьское. Причины падения княжеских владений и усиление племен, имеющих народное правление. – Колена, обитающие между черкесами. – О потомках крымских ханов, живущих в Черкесии*.

ГЛАВА I.
**ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ ОБ ОБЩЕМ РАЗДЕЛЕНИИ
ПЛЕМЕН**

Прежде нежели приступим к отдельному обозрению каждого из племен, составляющих черкесский народ, разделим эти племена на две части: а) на княжеские владения или колена, зависящие от власти князей, и б) племена, не подчиненные власти князей или имеющие народное правление; и предложим краткое понятие об этих обеих частях.

Первые, то есть княжеские владения, как-то: Кабардинские, Бейсленийское, Меххошское, Тчемргойское, Ххатиккоайское, Черченийское и Ххмшийское, расположены на равнинах, с северной стороны гор лежащих; они селятся всегда деревнями, в которых нередко заключаются до ста и более дворов или семей. Владения эти, будучи управляемы князьями и дворянами, разделенными всегда на партии, вечно враждующие между собой, подвержены непрерывным волнениям; пламя губительных междоусобий, часто свирепствующих в их недрах, нередко опустошает целые деревни, жители которых, угрожаемые разорением, часто переселяются с одного места на другое, отчего и владения постепенно ослабевают, и населенность их уменьшается.

Напротив того, племена, имеющие народное правление, а именно: абедзахское, шапсгское и натххоккоадьское, живут в горах и жилища свои располагают по ущельям и отлогостям гор, рассеянно усадьбами, за исключением тех жителей, которые живут при входах ущелий и около северных равнин, равно как и селящихся также деревнями для безопасности от набегов. Вообще жители этих племен без величайшей нужды не переселяются, подобно жителям княжеских владений, с одного места на

---

* Глава с таким названием в тексте оригинала отсутствует (Ред.).

другое, и, подобно им, не только не уменьшаются в числе своем, но даже умножаются и приходят если не в цветущее, то, по крайней мере, в сильнейшее состояние. Сверх того, образ управления в княжеских владениях, имеющий одинаковое основание, отличается от такового в племенах, имеющих народное правление, как это мы видели выше (см. предыд. отд. глав. 3).

Теперь обратимся к обозрению каждого племени в особенности.

а) Княжеские владения или колена, зависящие от власти князей.

ГЛАВА II. Владения Кабардинские

Наименование

Правильное наименование этого поколения есть *Ккебердие*, как выговаривают сами кабардинцы и другие черкесы, говорящие наречием кабардинским. О начале этого наименования находим различные предания, из которых одно, более других имеющее основательности, заключается в том, что предки нынешних кабардинцев жили в Крыму на берегах речки *Кабарта* и от названия этой речки их наименование получило свое начало.

Мы не знаем, как речка Кабарта, и поныне известная в Крыму под этим названием, именовалась до поселения на ее берегах предков кабардинского поколения, и так напрасно стали бы доискиваться до того, кабардинцы ли получили свое наименование от реки или сия последняя от них. То и другое могло случиться.

Происхождение.

О происхождении кабардинцев, кроме народных преданий, имеем и историческое сведение, в достоверности которого не полагая никакого сомнения. Известный Станислав Богуш Сестренцевич в своем сочинении *«История Таврии»* говорит: «Три колена (казарские или хозарские), из коих главное называлось кабарами, сделали заговор противу его (хакана или когана, т. е. хана козарского) особы и против монархического правления; вскоре возгорелась междоусобная война. Вступили в бой; он (каган) был победителем, но владычество его померкло в земле, которую он имел в Европе, поелику множество колен, населяющих ее, удалились: одни – в Азию, на долины, а другие – на равнины Кавказа, занимаемые и поныне их потомками, известными под именем кабардинцев, что значит горских кабар или живущих поблизости гор»*.

Об этих же кабарах и г. Броневский в своих *«Известиях о Кавказе»*, между прочим, сообщает, что император Константин Порфирородный под 883 годом по Р. Хр. упоминает о трех козарских поколениях под именем *кабары* или *кавары*, удалившихся к маджарам или уграм и там под общим наименованием *каваров* составивших осьмое колено венгров, между которыми ввели в употребление хазарский язык. И [так] как черкесы некогда

---

* См. у С. Сестренцевича-Богуша: [115, т. II, с. 110-111] (Ред.).

обитали на полуострове Тавриде, то и полагают, что упоминаемые кабары были именно предки нынешних кабардинцев, которых поэтому и должно почитать за колено хазарское или козарское*.

Народные предания, несмотря на баснословие, их помрачающее, нередко содержат важные истины, почему эти предания всегда любопытны для наблюдательного ума, и мы поместили здесь предания самих кабардинцев о происхождении их поколения.

Князь аравитян, именем *Арап-Хан*, принужденный обстоятельствами оставить свое отечество, прибегнул к покровительству Константинопольского императора, который оказал ему, по расчетам политическим, большие почести. Арап-Хан с дозволения императора поселился с своими подвластными в Крыму, на берегах речки Кабарта, от названия которой эти поселения получили и свое наименование, как выше упомянуто. По смерти Арап-Хана сын его *Абдан* наследовал ему и спустя некоторое время с подвластными своими из Крыма переселился к Кавказским горам. Во время этого переселения у Абдана родился сын, который был назван *Кес*. По смерти Абдана Кес наследовал ему и с успехом предводительствовал кабардинцами. *Адед-Хан*, сын Кеса, наследовал отцу и имел наследником *Хурфелая*; сын и наследник этого последнего есть тот знаменитый *Инал*⁷⁹, от которого начинается неясный, обыкновенно как все предания, но любопытный ряд исторических народных преданий о кабардинцах и других черкесских поколениях.

Пребывание кабардинцев в Крыму, кажется, не подвержено сомнению, не только народные предания, но даже и собственные имена, как-то город Черкес-Кермен, долина Черкес-дуз и упомянутая речка Кабарта, близ древнего Херсона, и поныне употребляемые в Крыму, свидетельствуют, что черкесские колена обитали некогда на полуострове Тавриде. Но действительно ли предки кабардинского поколения, жившие в Крыму, были аравитяне?⁸⁰ Несомненное решение этого вопроса никакими свидетельствами не доказывается, но как история черкесского народа имеет некоторую связь с аравитянами (см. сей части отд. 2, глав. 3), то и предание это получает некоторую основательность. Однако ж предпочтем исторические сведения народным преданиям (тем более, что писатели, которых слова и мнения о происхождении кабардинцев выше этого приведены, пользовались важными историческими источниками, за пределами которых все, что относится до первобытного населения Кавказа и отчасти с ним сопредельных стран, покрыто тьмою, кажется, совершенной неизвестности) и будем почитать, до новых разысканий и открытий по этому предмету, предков нынешних кабардинцев за колено козарское.

Об истории кабардинцев

Со времени царствования царя Иоанна Васильевича IV кабардинцы были в сношениях с Россией; служили в войсках российских государей, которые их покровительствовали и награждали, как это увидим ниже.

---

* См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 74-75] (Ред.).

Следовательно, важнейшие происшествия в Кабарде должны иметь связь с российской историей, начиная от царствования упомянутого государя. Судя по этому, можно сказать, что из всех черкесских поколений одно кабардинское имеет, конечно, не полную, но по крайней мере достоверную историю. Однако ж труд, сопряженный с составлением удовлетворительной истории этого поколения, превосходит мои силы, да и самые обстоятельства мне не позволяют его предпринять, и потому ограничиваюсь следующими историческими народными преданиями и сведениями, извлеченными из некоторых сочинений о кабардинцах.

Исторические народные предания

Предыдущая повесть о происхождении кабардинского поколения доведена до князя *Инала*. Победы над врагами, благоденствие подвластных и счастливые успехи во всех предприятиях знаменитого этого предводителя кабардинцев и родоначальника их князей были причиною, что современники почитали его человеком сверхъестественным, причастным святости, и потомство долгое время с благоговением призывало на помощь *«Бога счастья Инала»*, в твердой уверенности, что счастье и святость великого предка могут благоприятствовать предприятиям потомков.

Неизвестно, в какое время жил Инал, но полагают, что он умер еще в то время, когда кабардинцы обитали на южной стороне реки Кубани в городе Шанххире (см. сей части отд. 1, глав. 12), исповедывая христианскую религию, принятую ими по внушению греков. Основываясь на этом и на исчислении кабардинцев, по которому они время пребывания свое на местах, ныне ими занимаемых около Пятигорска, считают до 1100 лет, жизнь Инала можно отнести к VII веку⁸¹, ибо известно, что низовые черкесы исповедовали тогда христианскую веру, распространенную между ними, в особенности в царствование Юстиниана Великого.

Князья кабардинские и бейсленийские суть потомки Инала, также полагают, что и тчемргойские, следовательно ххатиккоайские и хаххадчские (см. сего отд., главы 5, 6 и 10), происходят от него же. После смерти Инала его потомки с подвластными своими разделились на две части, и одна из них осталась на прежних местах, то есть на южной стороне Кубани, и называлась Бейслениею (см. след. главу), а другая, гораздо сильнейшая, переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска⁸². Переселение это, полагают, последовало в 150 году магометанской эры, и поэтому время пребывания кабардинцев на землях, ныне ими занимаемых, считают, как выше сказано, около 1100 лет. Впрочем, этому предположению служит основанием только одна, так сказать, неопределительность давности пребывания кабардинцев в окрестностях Пятигорска. Как бы то ни было, после этого переселения пять князей из потомков Инала (по именам: *Дянбот*^{*}, *Ххатоххжжокко*, *Мсост*, *Тальостен* и *Кьлеххстен*) разделили кабардинское поколение на пять уделов или частей, получивших свои наименования от имен упомянутых князей таким образом: от Дянбота –

---

^{*} В оригинале: «Дянбат» (Ред.).

Дянботие, Ххотоххжокка – *Ххотоххжоккае*, Мсоста – *Мсостие*, Тальостена – *Талостение* и Кьлеххстена – *Кьлеххстение*⁸³. Первые три удела, принадлежащие трем братьям – детям Кказья (от которых происходят нынешние многочисленные отрасли князей Большой Кабарды), для политического своего усиления соединились союзом и основали сильное отделение, естественным образом получившее название *Большая Кабарда*. А другие два удела, принадлежавшие сыновьям Кканокка (см. прим. 31), для этой же цели соединяясь союзом, составили другое отделение, ныне известное под именем *Малой Кабарды* (см. прим. 32). Однако ж кабардинское поколение, таким образом разделившееся на пять уделов, или владений, и составившее два главных отделения, получив различные названия, не потеряло общее наименование Ккебердие. Эти пять владений кабардинского поколения заняли постепенно земли, лежащие к востоку, начиная от восточного берега верховья р. Кубани, по рекам: Куме, Малке, Бахсане и Тереке до западного берега р. Сунжи, и по берегам в эти реки впадающих речек и ручьев.

Кабардинцы, как и прочие черкесы, не знают летосчисления, и времена прошедшие их событий у них теряются во мгле забвения: не только неизвестно им, когда и самые важнейшие происшествия совершились в отдаленные эпохи, но даже и близкие события, достойные внимания, превращаются в темные предания. Из этого видно, есть ли возможность по народным преданиям определить, в какое время кабардинцы разделились на уделы и распространили свои жительство по столь обширному пространству земли, которою они владели до наших времен. Можно ли сказать основательно, в какое именно время оружие кабардинцев громило соседственные с ними кавказские племена? Наконец, есть ли средство указать, в каком году пламя междоусобия, произведшее между уделами взаимную ненависть, вспыхнуло в Кабарде и, породив ужасную гидру кровавых раздоров и мщений, повергло кабардинское поколение в страшные бездны бедствий? Все это сокрыто тьмою неизвестности. Итак, мы, не имея возможности снять завесу, скрывающую времена событий, сократим исторические предания кабардинцев, приведя здесь те из них, которые кажутся имеющими некоторую основательность.

Кабардинцы, пользуясь превосходством своих сил над соседними с ними племенами, покорили их; конечно, они не имели на то законных прав, но право сильного доставило им возможность лишить слабых свободы, за которую сами неоднократно кровь свою проливали ручьями, отражая войска крымских ханов. Важнейшими жертвами алчности могущественных тогда кабардинцев были абазинцы шестиродные, которых участи не избежали и их сопоколенники (см. 2-й части отд. 4, глав. 1)*, кистинские и осетинские

---

* Неверная ссылка. Данная глава относится к числу ненаписанных Хан-Гиреем, но, вероятно, упомянутые сведения об абазинах нашли отражение в главе «Колена, обитающие между черкесами» (1-й части, отд. 4, гл. XVI). В то же время, не исключена ошибка переписчика, неверно воспроизведшего текст ссылки (Ред.).

колена и другие горные племена, которые имели несчастье быть в соседстве с кабардинцами. Покоренные их оружием, они платили посемейную дань князьям этих последних. Более же отдаленные из этих поколений по временам также повиновались им или были разоряемы. Словом, все северные области Кавказа ужасались оружия кабардинцев, которые с гордостью, своевольному их духу свойственною, рассказывают, что цари грузинские платили дань воинственным их князьям и отдаленное царство Астраханское не токмо было ими опустошено, но даже и самая столица царства – Астрахань трепетала их оружия, наконец, что их воины разорили земли, лежащие на запад до самых берегов Азовского моря (см. прим. 33).

Народные предания представляют в Кабарде все ужасы междоусобных войн: брат проливал кровь брата, отец не щадил детей. В минуту моления Богу многие были поражаемы кинжалами убийц... Даже невинные младенцы безжалостно были побиваемы камнями и женский пол, столь много уважаемый черкесами, в это пагубное время не был щадим. Словом, ничего не было священного. Села пылали и пустыли, и нивы земледельцев обгалялись их кровью. Княжеские и многие дворянские фамилии вовсе были истреблены, а другие, покинув свое отечество, где все было жертвою меча и мщениия, искали спасения под чуждым небом и в покровительстве иноплеменников⁸⁴ (см. прим. 34).

Сколько ни были ужасны междоусобия кабардинцев, однако ж это, кажется, не доводило их до такой степени слабости, чтобы племена, ими покоренные, могли освободиться от их ига; даже эти данники, привыкшие к оковам покорности, и тогда не дерзнули восстать против своих утеснителей – кабардинцев, когда крымские ханы угрожали этим последним совершенным порабощением. И, кажется, кабардинцы и тогда не переставали угнетать не только покорствовавших им соседственных с ними племен, но даже разоряли и более отдаленные области северной части Кавказа, когда собственная их кровь лилась в междоусобных распрях. Это мнение кажется тем более основательным, что и до наших времен, несмотря на бедствия, кабардинцами претерпенные, не переставали они брать дань от многих соседственных с ними горских племен⁸⁵.

Теперь обратимся к историческим сведениям, находимым в сочинениях некоторых писателей, и приведем здесь эти сведения, несравненно заслуживающие более внимания.

Исторические отрывки

В 1552-м году кабардинцы вместе с другими черкесами просили через своих послов царя Иоанна Васильевича IV защиты от крымских ханов, подвергая* себя под власть России; для чего и были посланы к ним на помощь войска в 1559 и 1565 годах. В походах упомянутого государя на Лифляндию, Польшу и противу крымских татар кабардинцы и другие черкесы отправляли службу наряду с российскими войсками и храбростию, им свойственною, много способствовали его победам. Даже и в

---

* Так в оригинале. Вероятно, должно быть: «повергая» (Ред.).

последующие царствования, до самой кончины Петра Великого, кабардинские князья по временам приходили в Россию на службу, хотя в малом числе, но с отборною конницею. Около 1570 года крымский жан Шах-бази-Гирей опустошил черкесские селения, увел пятигорских черкес, то есть кабардинцев, за Кубань и принудил их принять магометанскую религию. Но около 1590 года они ушли с Кубани на прежние места, откуда для безопасности потом переселились на Баксан. В 1602 году прислан был от пятигорских черкес в Москву князь Сунчалей для подтверждения подданства их царю Борису Федоровичу Годунову. А в 1608 году к царю Иоанну Васильевичу Шуйскому от князя Солоха и прочих владельцев – посланец Кардан и в 1615 году к царю Михаилу Федоровичу посланники – князья Канбулатов, Сунчалей, Яглычев и Шегунук Мурза Безлуков (см. прим. 35). В 1705 году (иные же полагают в 1708) крымский хан Каплан-Гирей, с сильным войском шедший для завоевания Кабарды, был разбит кабардинцами на р. Урупа. Хан, потеряв до 30 000 воинов, с остальными едва ли спасся бегством⁸⁶. Однако ж крымцы не переставали домогаться о покорении под власть свою кабардинцев. В 1717 году по повелению Петра Великого кабардинцы послали часть своих воинов с гвардии капитаном князем Бековичем в Хиву, которые, как и Бекович, оттуда не возвратились.

В 1720 году крымский хан Саадет-Гирей было предпринял поход на Кабарду, но предупрежденный российским отрядом, – посланным туда повелением императора Петра Великого, под команду Астраханского губернатора Волынского, – возвратился без успеха. В 1722 году по повелению того же императора кабардинцы ходили в поход в Дербент под команду гвардии поручика Кудрявцева. В 1724 году содействовали к завоеванию Петром Великим областей: Дагестанской, Ширванской, Гиланской, Мазан-деранской и Астрабадской. В 1729 году с намерением покорить или разорить кабардинцев приходил кубанский сараскир Бахти-Гирей, который и сам был убит при поражении войск его от кабардинцев. В 1739 году Белградским трактатом, заключенным между Россией и Оттоманскою Портою, кабардинцы признаны от обеих держав барьерными и ни от кого не зависимыми. В 1763 году по случаю заложения Моздока на левом берегу Терека, – куда подданные кабардинских князей и дворян начали перебегать и, окрестясь, там селились, – произошли со стороны кабардинцев неудовольствия, которые превратились в неприязненность, то государственная Коллегия Иностранных дел, у которой этот край состоял в распоряжении, употребила посредничество кочевавшего в соседстве с кабардинцами калмыцкого хана, чтобы с помощью существующей между ними связи возникшие у них неудовольствия прекратить. Хан успел согласить кабардинцев отстать от притязания на места, занимаемые Моздоком, условясь получать за своих перебежчиков известную плату. Для предбудущего же их успокоения повелено было не принимать более в христианскую веру подвластных, а только из свободно рожденных кабардинцев, чем они и усмирились. Однако ж около этого времени генерал Демедем, кажется, действовал вооруженною рукою противу кабардинцев,

которые, впрочем, довольствовались отправлением в 1764 году просьбы в С.-Петербург и, получив просимое удовлетворение, совершенно успокоились. В 1770 году при переходе российских войск с генералом Тотлебенем через Кавказские горы в Грузию и в 1771 году во время ухода калмыков в Китай (кабардинцы – Ред.) оказывали свою преданность России. В продолжение войны с турками, когда генерал Демедем оставался в Кабарде с малым числом войск, то кабардинцы, несмотря на единоверие с турками, действовали противу них вместе с русскими, за что и удостоены императорскою грамотою августа 17-го дня (или 15 июня) 1771 года, в котором кабардинцы и возвратились под российское подданство, которое признано трактатом, заключенным с Портою в 1774 году при Кучук-Кайнардже.

С 1771 по 1779 год распространение Кавказской линии на землях, кабардинцам принадлежащих, и утеснения, ими претерпенные, не колебали верности их к российскому престолу⁸⁷. Они приносили о том жалобу, которая, по-видимому, была уважена: командовавший генерал Якоби был сменен.

С 1787 по 1792 год в продолжении войны России с турками, даже и при нападении на российские пределы сараскира Баталя-бея, они не были замечены в намерениях противу России.

Со времени господствования в Кабарде магометанской религии все гражданские дела были разбираемы духовенством по шариату до 1799 или до 1794 года. В этом же году по повелению императрицы Екатерины Второй учрежден в Кабарде (Большой и Малой) родовый расправочный суд. Кабардинцы, мудрое это нововведение почитая противным их вере, около 1802 года просили об его уничтожении. И вследствие этой просьбы бывший тогда главнокомандующим в Грузии генерал князь Цицианов, уничтожив упомянутый суд, учредил махчематство⁸⁸ (см. прим. 36).

В 1803-м году построено укрепление при Кислых водах, что лишило кабардинцев ближайшего и удобнейшего сообщения с закубанскими черкесами, равно и с своими соположенниками, жившими в окрестностях вершин р. Кубани; однако ж они не приступали к неприязненности. В 1807 году по повелению местного начальства кабардинцы содействовали российским войскам противу *карабулаков* – союзников и соположенников чеченцев.

Кабардинцам дозволено было правительством возить соль из Маджарского озера; когда же открылась в Кабарде чумная зараза, то местное начальство, опасаясь распространения заразы, запретило иметь сообщение с кабардинцами, которые по этому случаю не могли ездить за солью на Маджарское озеро, что было, сказывают, причиною беспорядков, происходивших в Кабарде, и следствием которых в 1810 году генерал Булгаков с отрядом, вступив туда, опустошил аулы кабардинцев, которые, однако ж, были успокоены прибывшим из С.-Петербурга в 1811 году сенатором Вердеревским. В том же 1811 году от кабардинцев приезжали в С.-Петербург князья: Хажи Байзрук Хамурзин, Кучук Косаев и Солох Ахлао,

дворяне: Кетахежь Кундейнестов, Мсост Анзаров, Темрок Казанищев.

Кабардинцы, в то время, когда присваивали себе господство над соседственными племенами, были и законодателями вкуса для других черкесских поколений; в одежде и вооружении, в обычаях и нравах, на войне и мире – все ставили их себе в пример. В самом деле, они, кроме того, отличались еще особенным возвышением духа и людкостью в обращении между всеми горцами; но добрые нравственные качества кабардинцев, достойные для других горцев подражания, постепенно ослабевали и, наконец, можно сказать, потонули в потоке разврата, и тогда они, оставшись при одном буйном духе воинственности, быстро приближались к своему разрушению. Экспедиция, – около 1821 года, посланная в Кабарду для выселения их аулов на равнины и очищения подножия гор от скопища грабителей, производивших набеги на русские границы, чтобы там прекратить беспорядки, – ускорила падение кабардинцев, которые в это время, так сказать, распались на две части: одна из них, составляемая более беспокойными, но лучшими воинами, переселилась за р. Кубань к бесленеевцам и другим закубанским черкесам, и там живут они ныне, рассеявшись между тамошними племенами⁸⁹; иные из них уехали в Турцию и Египет, а другие возвращаются постепенно в Большую Кабарду (см. табл. в конце сей главы). Другая же, ныне составляющая так называемую **Большую Кабарду**, подвинулась к равнинам и теперь там обитает. С этого времени горные племена, покорствовавшие могуществу кабардинцев, освободились от оков тягостной зависимости, под которыми долгое время они находились. В 1822 году учрежден в Кабарде Временный суд, о котором ниже будет подробнее сказано.

Исторические отрывки, здесь помещенные, начиная с 1552 то 1822 год, почерпнуты мною из достоверных источников (см. предисл.)*. О переменах же, случившихся в Кабарде с 1822 года по настоящее время, то есть в продолжение 12-ти или 13-ти лет, не имея основательных сведений, почел за лучшее предложить здесь нынешнее состояние кабардинского поколения, пройдя молчанием двенадцати- или тринадцатилетние, мало мне известные в этом поколении происшествия.

Обширное пространство земли (лежащей, начиная с востока от левого берега Сунжи, на запад до правого или восточного берега Кубани), простирающееся в длину около 300, а в ширину от 30 до 80-ти верст и которое граничит: к востоку – с аксаевскими кумуками, Брагунскою деревнею и чеченцами, к югу – с осетинцами, шедемцами и карашаевцами*, к западу – с закубанскими черкесами, к северу – с Георгиевским и Моздокским уездами Кавказской области, искони составляло собственность кабардинцев, которые ныне, будучи умалены в числе своем, занимают места на запад

---

* В разделе «Исторические отрывки» Хан-Гирей прибегает к цитированию С. Броневского [18, ч. 2, с. 79-84] и И. Дебу [40, с. 113-117], тексты которых приводит с многочисленными поправками (Ред.).

* Так в оригинале; следует читать: «чегемцами и карачаевцами» (Ред.).

только до Малки и немного далее до окрестностей речек Пцеликко и Етдакко. Это пространство, длиною около 200 верст простирающееся, на котором кабардинцы господствуют, разделено на два участка: на земли **Большой Кабарды** (составляемой, как сказано, уделами или владениями **Дянботие**, **Хотохжоккоае** и **Мсостие**) и так называемой **Малой Кабарды**, состоящей из уделов **Толостение** и **Кьлехстение**. Каковые участки разделяются течением Терека. Естественные границы **Большой Кабарды** образуемы с востока, запада и севера берегами рек Терека и Малки, с юга же – цепью гор. Границы же **Малой Кабарды** также составляют с запада и севера течение Терека, с юга – та же цепь гор Кавказа, на восток же сопредельны с землями брагицев* и кумуков. Вообще земли, кабардинцами занимаемые, изобилуют лесами и всякого рода растениями, свойственными климату этого края. Пастбища чрезвычайно тучны. Наружный вид всюду восхитителен. Множество прекрасных речек орошают Большую Кабарду, каковых в Малой Кабарде немного, но этот недостаток с избытком вознаграждают источники, с шумом вытекающие из подножия возвышений, которыми усеяны равнины. Вообще древнее это обиталище кабардинского поколения можно назвать одною из наиболее обогащенных природою северных областей Кавказа. Если бы кабардинцы были менее беспокойны и более трудолюбивы и умели извлекать обширные выгоды, какие их страна обещает даровать из роскошных своих недр просвещенному и трудолюбивому гражданину, то они имели бы неисчерпаемый источник народного богатства. Но кабардинцы, невзирая на все удобства своей земли, природою благословенной, мало радеют о хлебопашестве; о других же отраслях земледелия – садоводства и прочее, никакого не имеют понятия. Однако ж пчеловодством и скотоводством довольно занимаются. Главнейшую же отрасль сельского их хозяйства составляют конские заводы.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия значительных родов
или фамилий, составляющих Большую и Малую Кабарды;
равно и аулов, принадлежащих этим фамилиям, с означением,
на каких реках аулы расположены, а фамилии к какому уделу
или владению принадлежат*

Название уделов или владений, родов или фамилий	Число аулов	Название аулов	Название рек, по коим аулы расположены	Примечания
В Большой				

* Так в оригинале; следует читать: «брагунцев» (Ред.).

* В тексте оригинала в данной и последующих таблицах встречаются различные варианты написания топонимов. Не исключено, что значительная вариативность в названиях селений объясняется малопонятной небрежностью переписчика. Здесь и далее мы следовали тексту оригинала (Ред.).

Кабарде				
Удел или владение				
Дянботие				
В оном княжеский род: Дянбот-хе (см. прим. 37). Сей род разделяется на два главные дома:				
1. Бек-мрзе-хе , 2. Ккайтокко-хе , которые имеют еще следующие отрасли:				
Отрасли первого:				
1. Ккайсн-ибин	1	Ккайсн-ххабль	Мшьххидь	Ккайсн-ибин значит: семейство Кайсинова, и так далее
2. Мсост-ибин	1	Мсост иккоадь	Арван	
3. Теймбот-ибин	1	Айдемрххабль	Кенже	
4. Ельмрзе-ибин	1	Ельмрзекком иккоадь	Терек	В Малой Кабарде. Генерал Бекович был из сей отрасли
Отрасли второго:				
1. Тоххшокко-ибин	1	Кайтеккоай	}	Аргудан
2. Ельздокко-ибин	1	Ельздокко-ххабль		
3. Селечерие-ибин	1	Селечериекком иккоадь		
4. Дянбот-ибин	1	Дянботие	Арван	Частное название одного дома, происходящего от рода Дянбот-хе
Дворянские роды:				
1. Анзор-хе				
Членам онога принадлежащих аулов	6	1) Созероккоай	}	Урух
		2) Ххат-уе		
		3) –		
		4) Ельмрзае		
		5) Ккохготльккоае		
		6) Бореккоае	Лескен	}

2. Ккундест-хе	1	Шххалькко-Ккундестие	Шххаликко	
3. Тамбий-хе	1	Хапетчай	Беххсен	
4. Тоххшокко-хе	1	Тоххшоккоае	Шередь	
5. Ккандаур-хе	1	Ккандаурие	}	Арван
6. Тау-хе	1	Тауе		
7. Ххост-хе	1	Ххост-ххабль		
8. Ккезаншь-хе	1	Ккезаншиие	Шередь	
9. Тохлан-хе	1	Тохлание	Арван	
10. Кклшббий-хе	1	Кклшббий-ххабль	Нальчик	
11. Ххатохх-хе	1	Ххатоххоае	Нальчик	
12. Ххукеджь-хе	1	Ххукеджь-ххабль	«	
13. Альпашаво-хе	1	Альпшево-ххабль	Арван	
14. Шпшь-хе	1	Шьпшь-ххабль	Чендьже	
15. Ккойшерокко-хе	1	Ккойшероккоае	«	
16. Ккоазжекко-хе	1	Ккоазжеккоай	Аргудан	
17. Сшенибе-хе	1	Сшенбее	Ашереть	
18. Зхохх-хе	1	Зхохх-ххабль	Арван	
19. Ккудей-хе	1	Ккудей-ххабль	Нальчик	
20. Алескер-хе	1	Алескерие	«	
21. Напце-хе	1	Напцеххабль	Чендьже	
22. Мечане-хе	1	Мечание	Арван	
23. Отпен-хе	1	Отпение	Аргудан	
24. Оккоае-хе	1	Оккоао ххабль	«	
25. Даутокко-хе	1	Даутоккоае	Шгаликко	
26. Ахгзехг-хе	1	Ахгзехгие	Мшхидь	
27. Жанокко-хе	1	Жаноккоае	Аргудан	
28. Дхгузжекко-хе	1	Дхгузжеккоае	}	Сшереть
29. Шеретлокко-хе	1	Шеретлокко-ххабль		
30. Отпеннокко-хе	1	Отпеннокко-хабль	Псконпсу	
31. Моххокко-хе	1	Моххокоае	Арван	
32. Меххере-хе	1	Меххерие	Шередь	
	1	Жакхот-хабле	Псконпсу	Владельца не имеют
33. Хауд-хе	1	Хаудкоае	Нальчик	
34. Абадзе-хе	1	Абедзехабле	Мшьхидь	
35. Керембий-хе	1	Керебие	Арван	
Удел или владение <i>Мсостие</i>				
В оном княжеский род <i>Мсост-хе</i>				
Отрасли оногo:				
1. Наурзе-ибин	1	Исламие	Кишьбечь	
2. Ккесей-ибин	1	Ккесей-ххабль	Беххсен	
3. Инал-ибин	1	Инал-ххабль	«	

4. Алькерие-ибин	1	Алькерие-ххабль	«	
Дворянские роды:				
1. Танбий-хе	6	Дкульбхгой	«	
2. Кушьмезокко-хе	1	Кушемезоккое	«	
3. Бжяххокко-хе	1	Бжяххоккоае	} Бахсен	
4. Четезжь-хе	1	Четезжие		
5. Дтезжь-хе	1	Дтезжие		
6. Ельтар-хе	1	Ельтарие		
7. Сидакк-хе	1	Сидакк-ххабль		
8. Ккосшь-хе	1	Ккосшь ххабль		
9. Ккунась-хе	1	Ккунась-ххабль		
10. Дер-хе	1	Дер ххабль		
11. Кокузокко-хе	1	Кокузоккоай		
12. Ерику-хе	1	Ерук ххабль		Кишьбечь
13. Ккубат-хе	1	Ккубат-ххабль	«	
14. Ххападче-хе	1	Ххапедчае	Бахсен	
15. Боре-хе	1	Бореххабль	Шедем	
16. Шереко-хе	1	Шерекое	Кишбечь	
Удел или владение Ххатоххоккоа-е				
В оном княжеский род Ххатоххешокко- хе				
Собственно членам оного принадлежащих аулов	3	1) Мсост иккоадь	} Шедем	
		2) Кчук иккоадь		
		3) Курхгокко-иккоадь		Кишбечь
Дворянские роды:				
1. Кундеет-хе	5	Шедем-Кундеетие	Шедем	
2. Тоххтемишь-хе	1	Тоххтемшие	«	
3. Ккезанише-хе	1	Ккезанишие	«	
4. Абубечь-хе	1	Абубечие	«	
5. Бабук-хе	1	Бабукие	«	
6. Эшябе-хе	1	Эшябие	Кильбечь	
7. Аххметеч-хе	1	Аххметечие	«	

8. Ккон-хе	1	Ккон-ххабль	«	
9. Ккарме-хе	1	Ккарме-ххабль	Балк	
10. Хаже-хе	1	Хажххабле	«	
11. Пшьцико-хе	1	Пшьцикое	Шедем	
12. Хахгундеко-хе	1	Хахгундекоае	Кайтуко	Не имеет особого владельца, кроме князей Хахожжогова рода, по случаю недавнего прекращения сей фамилии
В Малой Кабарде				
Удел или владение				
Талостение				
В оном княжеский род: Талостен-хе				
Собственно княжеский аул	1	Талостен-кком иккоадь	Терек	Замечают, что род Талостен-хе трижды прекращался таким образом, что по смерти последнего члена оного, жена умершего, оставшаяся беременною, разрешалась от оной сыном и нынешний единственный член сего рода, именем Ккерешай, родился по смерти отца таким же образом
Дворянские роды:				
1. Баташ-хе	1	Баташие	}	Терек
2. Елухх-хе	1	Ельххие		
3. Тузер-хе	1	Тузерие	Терек	
4. Ккоххузжь-хе	1	Ккоххузжь ххабль	«	
5. Мертазе-хе	1	Мертазе ххабль	«	
6. Ккунизжь-хе	1	Ккунизжь-ххабль	«	
Удел или владение Члеххстение				
В оном княжеский род Члеххстен-хе				
Отрасли оного:				
1. Аххлавокко-р				
Собственно княжеский аул	1	Ккаишьвое	Курп	
Дворянские роды:				
1. Индар-хе	1	Индар ххабль	}	Курп
2. Ххапцеко-хе	1	Ххапцекоае		
3. Азепшь-хе	1	Азепшие		
4. Астемр-хе	1	Астемрие		
5. Болет-хе	1	Болетие		
6. Абай-хе	1	Абайххабль		
7. Енерокко-хе	1	Енероккоае		

8. Ислам-хе	1	Ислам ххабль	}	Терек	
9. Дяхгисшь-хе	1	Дяхгшие			
10. Шоден-хе	1	Шоден-ххабль			
11. Тенесшь-хе	1	Тенесшь ххабль			
12. Черкесекко-хе	1	Черкесеккоае			

Так как образ управления в Кабарде отличается от образа управления прочих черкесских княжеских владений (которое описано выше в глав. 3 этой части), то краткий очерк нынешнего образа управления, существующего в Кабарде, здесь предлагается.

В 1822-м году, как выше сказано, в Кабарде учрежден *Временный суд*, который состоит из следующих лиц: из трех *старших князей*, избираемых из трех уделов, или владений, составляющих Большую Кабарду, и из такого же числа младших князей; из двух дворянских старейшин, одного старшины из льфекотлов или вольных земледельцев, одного кадия или духовного судьи, одного письмоводителя или секретаря и одного глашатая.

Старший из трех присутствующих князей именуется *велием* (см. прим. 38) и есть лицо председательствующее.

В крепости Нальчике (в Большой Кабарде на р. Нальчике) построен дом, где суд имеет свое заседание, смотря по стечению дел. Здесь производятся дела следующим образом: во время заседания имеющие тяжбы допускаются к судьям, по их повелению, глашатаем, находящимся в то время у дверей.

Судьи, выслушав словесные жалобы просителей, их удаляют. Потом приступают к рассмотрению дела, которое решают большинством голосов. Такое решение, по записании письмоводителем в журнал, объявляется надлежащим образом.

Когда же встречаются дела, которых решение требует духовного разбирательства по шариату, то эти дела представляются *кадию*, который имеет значительный, во всяком случае, голос в суде.

Для неперемного исполнения со стороны судимых лиц определения суда установлены штрафы, коих взыскания поручается трем младшим князьям, которых должность есть исполнение приказаний, так сказать, распорядительной власти.

Людей, совершивших уголовные преступления, выдают кордонному начальнику в Кабарде, которого местопребывание есть крепость (Нальчик. – Ред.). Начальник этот имеет влияние на действие Временного суда. Когда один из двух, имеющих тяжбу, не является к суду, то другой, объявляющий о том велию, получает печать от сего последнего и с этою печатью он является к противнику от имени велия, требуя его к суду. Если и тогда тот окажет неповиновение, то подвергается штрафованию 20 рублями серебром.

Телесному наказанию никого не подвергают. Обличенный в воровстве вносит в пенью 30 штук рогатого скота или за каждую по 10 рублей серебром; сверх того удовлетворяет хозяина, у которого учинил воровство.

Мелочные дела часто решаются и дома, представив рассмотрению оных

двум или несколькими человеком, которых решение бывает окончательною резолюциею.

В Малой Кабарде подобного устройства для управления нет. Дела там решаются по суду старейшин, ежели оные не весьма важны; в каком случае тяжущиеся обращаются к суду Большой Кабарды, хотя из их общества в оном и не присутствуют члены.

В заключение заметим, что это благоразумное устройство кабардинцам не понравилось потому только, что названо русским словом «суд», а не арабским «*махчеме*»!..⁹⁰ Таковы жалкие плоды невежества! И кровью ознаменовались народные предрассудки, которыми не благоразумие, а безумство пренебрегает.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия аулов, из Кабарды
переселившихся к закубанским черкесам во время беспокойств,
происходивших в Кабарде в 1821 и 1822 годах

№ п/п	Названия аулов	Примечания
<i>Собственно князьям принадлежащих</i>		
1	Бейсин кком-иккоадь	{ Князья, которым принадлежат эти аулы, происходят от Дянботова рода
2	Кайсин ххабль	
3	Кайсин ххабль (другой)	
4	Азжькериеххабль	
5	Хамрзие	
6	Исламие	{ Князья, владеющие этими аулами, происходят от Мсостова рода
7	Кесей ххабль	
8	Керемрзее	
9	Хатохшоккоае	Принадлежит князю, который происходит от Хатожокковой фамилии
<i>Принадлежащие дворянам</i>		
10	Анзарие	{ Принадлежат к уделу
11	Канбечкоае	
12	Тохшоккоае	
13	Бейккоаде	
14	Дяноккоае	
15	Зхоххьххабле	
16	Ввкке ххабле	
17	Елькебание	
18	Бехерсее	
19	Махокоае	
20	Лостенеккее	

21	Тенасшь хабле		Дянботие		
22	Хгутчежь хабле				
23	Теу хабле				
24	Кундестие				
25	Дауткоае				
26	Инальзжие хабль				
27	Адемее хабль				
28	Кандетрие				
29	Шьпшь хабле				
30	Шеопщее				
31	Конбсе хабль				
32	Кезаншее				
33	Кубат хабле			}	Принадлежат к уделу Мсостие
34	Джерешти				
35	Алескерие				
36	Дчезжокоае				
37	Тзжь хабле				
38	Ашебее				
39	Кетей хабле				
40	Дейр хабле				
41	Кетезжь хабле				
42	Хапетчае				
43	Нартзжь хабле				
44	Ерку хабле				
45	Льупехабле				
46	Пшьмехоккое				
47	Бзжеххокоае				
48	Ельтарие				
49	Кундестие	}	Принадлежат к уделу Ххотохшеккоае		
50	Мархгушее				
51	Хутать хе				
52	Каншоуе				
53	Шоден хабле				
54	Шхахгумие				
55	Тумение				
56	Хахгундекоае				
57	Бабкое				
58	Пшьтуекое				
59	Бехг хабле				
60	Шидь-хабле				
61	Тохтемшие				
62	Берзекен хабле				

ГЛАВА III. ВЛАДЕНИЕ БЕЙСЛЕНЕЙСКОЕ

Наименование *Бейслений* производят от имени одного из потомков князя *Инала* – родоначальника кабардинских князей, о котором мы говорили в предыдущей главе.

Колено бейсленейское, как мы видели выше, есть отрасль кабардинского поколения. Следовательно, и бейсленейцы одного с кабардинцами происхождения, чему важнейшим доказательством служит наречие, которым они говорят.

В предыдущей главе мы говорили, что по смерти Инала, родоначальника князей кабардинских, потомки его, разделяясь на две части, из которых одна и главнейшая (кабардинцы) переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска, а другая, именно бейсленейцы, осталась на прежних местах жительства, то есть за Кубанью. Это предание кажется более правдоподобным, однако ж есть и другие предания, по которым полагают, что и бейсленейцы вместе с кабардинцами, составляя одно владение, перешли из-за Кубани в окрестности Пятигорска, где при разделении кабардинского поколения бесленеевцы шестую часть, или шестой удел, составили, и когда первые, то есть кабардинцы, постепенно подвигались на восток, к берегам Терека, бесленейцы переселились за Кубань, на прежние места жительства.

Как бы то ни было, бейсленейцы участвовали во всех завоеваниях или, лучше сказать, опустошениях, кабардинцами произведенных на северных областях Кавказа. Этому неоспоримым доказательством служит участь абазинцев, которую кабардинское оружие решало; часть этих абазинцев и поныне состоит в подданстве бесленейских князей (см. 2-й части отд. 4, глав. 1)*.

Между тем как кабардинцы оказывали с отдаленных времен преданность свою к России, бесленейцы более были привержены к крымцам и туркам; причиною тому было более всего положение той земли, на которой они постоянно обитают, будучи смежны с прочими закубанскими черкесами, которые всегда были на стороне турок и татар; они не могли в политических отношениях вовсе отделиться от них, что могло бы, конечно, подвергать их опасности навлечь на себя вражду соседей-черкесов благодаря фанатизму духовенства, постоянно старающемуся склонить умы своих соотечественников в пользу единой державы. Впрочем, бейсленейцы постоянно не зависели ни от турок, ни от татар, хотя, по обстоятельствам, и соглашались в мнениях с первыми и по временам покорствовались и платили дань последним, но нередко и противу войск их совокупно с кабардинцами

---

* Неверная ссылка. Данная глава относится к числу ненаписанных Хан-Гиреем (Ред.).

действовали⁹¹.

Бейсленейцы также были раздираемы междоусобиями, но не подвергались таким бедствиям, какие испытали кабардинцы, чем и обязаны малочисленности своих князей, что подтверждается примерами; владения, в которых было более отраслей княжеских родов, скорее приходили в упадок, будучи разоряемы следствием несогласий князей и партий.

Князья бейсленейские ведут свой род от *Кканокка*, потомка упомянутого Инала, почему и носят общую фамилию *Кканокко-хе*; однако ж они разделяются на два дома или на две отрасли, а именно: *Солох-хе* и *Бекьмрзе-хе*; и как владение Бейсленейское разделено на два удела, причисленных к отраслям княжеского рода, то каждая (часть – Ред.) в особенности носит название той отрасли княжеского рода, к которой причислена. Таким образом, удел, причисленный к отрасли Солохх-хе, называется *Солоххие*, к отрасли же Бекьмрзе-хе – *Бекьмрзие*. Оба же удела в совокупности составляют владение Бейсленейское.

Бейсленейцы первые из черкесских племен живут на запад от кабардинцев. Занимаемые ими земли нимало не уступают землям этих последних ни в изобилии произрастаний, ни в доброте почвы, ни в тучности пастбищ; также и наружный их вид не менее пленителен. Множество рек орошают их земли; из числа этих рек главнейшие – две Лабы, между коими лежащие места более избираются для жительства. Бейсленейцы иногда состоят в союзе с своими соседями, то есть с тчмергойцами и абедзахами; иногда же между ими происходят неприязненные действия. Бейсленейцы мало радеют о земледелии, как и кабардинцы, но занимаются скотоводством, в особенности овчарные заводы составляют у них главнейшую отрасль сельского хозяйства.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия значительных родов
или фамилий в Бейсленейском владении, а равно
принадлежащих аулов с означением рек, на коих последние
расположены

Название уделов или владений, родов или фамилий	Число аулов	Названия аулов	Названия рек, по коим аулы расположены	Примечания
Княжеский род: <i>Кканокко-хе</i> Он разделяется на две отрасли: 1. <i>Шолохх-хе</i> 2. <i>Бечмрзе-хе</i>				
Членам первой отрасли принадлежащих			4 из них на	

аулов	5	Шеволоххиé	Большой Лабе, а 5-й на Малой Лабе	
Членам второй отрасли принадлежит аулов	2	Бекьмрзиé	Федз	
Дворянские роды:				
1. Тоххшокко-хе	1	Тоххшоккоаé	близь Лабы	} Все пять родов суть отрасли Тоххшокковой фамилии, состоят в родственном союзе и в соприсяжничестве
2. Ххазеретокко-р	2	Ххазеретоккоай	Етчепцокко	
3. Умефезжь-хе	2	Созереккоаé	Окоарт	
4. Бекупсекко-р	1	Бекупсие	«	
5. Анезжекко-р	1	Анезжеккоай	«	
6. Сшевонесшекко-р	2	Сшевонесшеккоай	} Лаба	} И сии пять родов происходят от <i>Сшевонесшекковой</i> фамилии и составляют родственный союз
7. Ельбуздекко-р	1	Ельбуздеккоай		
8. Чельмрзекко-р	1	Чельмрзеé		
9. Лехетухгь-кко-р	1	Лехгстухгиé		
10. Теххокко-р	1	Теххоккоай	Шедако	
11. Курхгокко-хе	1	Курхгоккоай	} Федз	} Все 6 родов* состоят в родственном союзе и известны под общим именем <i>Курхгокко-хе</i>
12. Медядекко-р	1	Медядеккоай		
13. Члешх-р	1	Члешхие		
14. Хелзжькко-р	1	Хелзжьккоай		
15. Мсость-кко-р	1	Мсостиé		
16. Ккереудé-р	1	Ккереудь хабль	} Федз	} Сии роды или фамилии суть второстатейные дворяне и причислены к отрасли княжеского дома <i>Бекьмрзе-хе</i>
17. Хгонтчé-р	1	Хгонтчь хабль		
18. Ввкке-р	1	Ввккеххабль		
19. Таузжь-хе	1	Таузжь хабль		
20. Ешьмтазь-хе	1	Ешьмтазие		
21. Фешекко-р	1	Фешеккоай		
22. Езику-хе	1	Езькуé		
23. Ккоце-р	1	Ккоць ххабль		
24. Бдь-хе	1	Бдь ххабль	} Лаба	

ГЛАВА IV. ВЛАДЕНИЕ МЕХХОШСКОЕ

Небольшое это владение расположено на запад от бесленейцев по рекам: Фарз, Псфр и Ккелль. Начало его наименования – *Меххош* – покрыто баснословием. Меххошцы, хотя малочисленны, но пользуются уважением своих соседей и сохраняют среди их волнения свою независимость. Княжеский род или дом, ими владеющий и именуемый *Бехгарсокко-хе*, к счастью моххошцев, не разделяется на отрасли и членов в нем немного,

* Описка: в оригинале перечислены 5 родов (Ред.).

почему несогласие князей и партий не раздробляет и не ослабляет их владение. Нынешний князь, меххошцами владеющий, именован **Байзрокко**, почитается в числе отличных князей и воинов черкесских. Предшествовавший ему князь **Яххбокко**, убитый в драке с абедзахами, был предметом удивления черкесов по мужеству и уму (см. прим. 39). Наречие меххошское принадлежит к наречию низовых черкесов, но по соседству их с бейсленейцами, с которыми они и состоят в тесном союзе, их наречие имеет некоторое сходство с наречием бейсленейским.

Меххошцы более своих соседей склонны к спокойствию и, завися от одного княжеского дома, подчинены более единообразному порядку управления; они живут достаточно, занимаются скотоводством; почва и тучные пастбища земель, ими занимаемых, тому способствуют. Они находятся в дружелюбных сношениях с тчемргойцами*, на западе их обитающими.

Моххошское владение есть колено бжаухское*, почему более приличным почитаю пространнее говорить о его начале при описании колен одного с ним происхождения (см. сего отд. глав. 7). Но так как здесь помещаются племена, составляющие черкесский народ, начиная с востока на запад, по порядку их жительства, то и расположение деревень Меххошского владения здесь следует.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия в Меххошском владении
значительных фамилий или родов, а равно аулов, им принадлежащих,
и рек, по коим последние расположены

Название родов	Число аулов	Название аулов	Название рек, по коим аулы расположены	Примечания
Княжеский род: Бехгарсокко-хе*	1	Созереккоае	Фарз	Упомянутый князь Байзрокко владеет сим аулом
Дворянские роды:				
1. Шххапацекко-р	1	Шххапацекком иккоадь	Фарз	
2. Мамзжь-хе	1	Мамзжь ххабль		
3. Нетрбий-хе	1	Нетрбий ххабль		
4. Меффедзь-хе	1	Меффедзий	Псфр	
5. Тохг-хе	1	Тухг-ххабль		
6. Ашьнашкко-р	1	Ашьнесшккоай		

* В оригинале: «гчелугайцами» (можно прочесть и как «тчемрайцами») (Ред.).

* Так в оригинале; имеются в виду бжедуги (Ред.).

* В оригинале: «Бехгариокко-хе» (Ред.).

7. Лебхгкокко-р	1	Лебхгкоккай	Ккель	
8. Детчькко-р	1	Детчьккоай		
9. Орце-р	1	Орцеххабль		

ГЛАВА V. ВЛАДЕНИЕ ТЧЕМРГОЙСКОЕ

Владение это именуется на наречии низовых черкес – *Тчемкуй*, что на наречии кабардинском выговаривается *Тчемргой*. Наименование это на обоих наречиях черкесского языка не имеет никакого значения, и начало его покрыто тьмою совершенной неизвестности⁹².

Тчемргойские князья почитаются потомками Инала, родоначальника кабардинских и бейсленейских князей. Согласно с этим мнением полагают, что и колено *тчемргойское* с кабардинцами и бейсленейцами одного происхождения, хотя наречие тчемргойское, принадлежащее к наречию низовых черкес, будучи сличено с наречием, общим кабардинцам и бесленейцам (не взирая на то, что тчемргойцы издревле соседи с последними), не дает никакого повода думать, чтобы тчемргойцы были соположенники кабардинцев и бесленейцев. Впрочем, как бы то ни было, черкесские поколения, почитаемые коренными или первейшими жителями земли, ныне черкесами занимаемой, предков тчемргойского колена почитают пришлецами, впоследствии к ним присоединившимися⁹³.

Народные предания представляют тчемргойское поколение разделенным на две части, или на два удела, двумя князьями-братьями по именам *Болетокко* и *Ххатикко*. Первый, как старший, остался с своим уделом на прежних местах жительства между реками Лабою (большою) и Шхакоашем, сохранив своему уделу древнее наименование – *Тчемргой*. Второй, то есть князь *Ххатикко*, с частью тчемргойцев, в удел ему доставшихся, подвинув на запад, и там поселился (см. след. главу).

И самое рождение этих князей предзнаменовало разделение тчемргойского поколения на два удела: сказывают, что *Болетокко* и *Ххатикко* были близнецами, и в первую ночь рождения этих младенцев положили на одной постели и прикрыли мехом, ибо время было холодное. Поутру нашли этот мех разорванным на две части младенцами, что видя, суеверная мать вскричала: «Несчастные тчемргойцы, они разорвут вас!» Подобные предсказания предшествовали и другим событиям, или после события выдумывали в Черкесии. Невежество везде почитает суеверие мудростию. Тчемргойские князья ведут свой род от упомянутого *Болетокка*, почему и дом именуется *Болетокко-хе*. Однако ж члены этого дома имеют и другую, так сказать, позднейшую фамилию; их называют вообще *Айтекькко-р*, от имени одного из потомков их родоначальника *Болетокка*⁹⁴.

Во времена владычества крымских татар над черкесами – обитателями равнин, тчемргойские князья постоянно были преданы их ханам, которые, желая отличить их преданность в пример другим, давали им многие преимущества над князьями прочих черкесских племен. Тчемргойцы вели

кровавую войну с ногайцами, когда эти последние покрывали своими кочевьями необозримые равнины, от Волги на полдень лежащие, и в одном сражении погибло лучшее их воинство, предводимое князем Ккарбечем, которого жизнь и подвиги, народными певцами воспетые, сохранятся в памяти черкес до тех пор, пока они не престанут говорить природным своим языком⁹⁵. Тчемргойцы имели и других князей, прославившихся в Черкесии войнами и щедротою. Но память одного из них потомство должно сохранить, и мы предпочтем простые, но верные рассказы современников о жизни и деяниях этого князя, незабвенного для высшего класса всей Черкесии, красноречивым, но баснословным преданиям о происшествиях, случившихся в Тчемргойском владении в отдаленные эпохи.

Князь *Байзрокко*, назад тому около тридцати лет тчемргойцами управлявший, поставлял целью своей жизни спокойствие ему подвластных. Он прекратил внутренний беспорядок, свойственный духу и образу черкесских племен, посредством той строгости, с которою наказывал ослушников его воли и нарушителей общественного спокойствия, и того сильного покровительства, которое оказывал честным и доброго поведения людям. Таким образом сей князь подчинил свое владение порядку и благоустройству. При таком постоянном стремлении владельца ко всему необходимому для блага людей, ему подвластных, которых судьба была вверена его попечению, тчемргойцы почувствовали всю сладость спокойствия по собственным их словам, во дни правления этого князя усталый путник в их владении мог спокойно отдыхать под тенью деревьев, не опасаясь разбоев. Земледелец после дневных трудов, возвращаясь домой, оставлял свой плуг с сохою и весь сельский скарб в поле и на другой день все находил в целости. Стада паслись без вооруженных пастухов. Женщины с детьми ходили в окрестностях тех аулов, где прежде и после этого и мужчины вооруженные не были безопасны. Все благоденствовало под покровом благоразумного владельца, который, видя возрастающую у горских племен систему их усиления – систему, пагубную для высшего класса (см. сего отд. глав. 15), вознамерился соединить все княжеские владения, так сказать, в одно целое для защищения своих земель и прав противу внешних врагов: *абедзахов*, *шансхгцев* и *натххоккоадьцев*. В то же время по его плану внутреннее управление каждого владения должно было оставаться на прежних основаниях. Все было согласилось с ним заодно, даже дворяне, жившие между его врагами, втайне ему доброхотствовали; но весь план, в уме Байзрокка прекрасно обозренный и от приведения в исполнение которого должны были произойти важные перевороты в Черкесии, сокрушился с его смертию: он убит был абедзахами, которых за смерть этого благодетельного человека достойное наказание не постигло⁹⁶.

К чести Байзрокка заметим, что его память не омрачена братоубийством, злодеянием, нередким в этом крае. Впрочем, рассказывают, что и по его приказаниям совершались преступления ужасные, но долговременное спокойствие, которое он доставил тчемргойцам, должно примирить их потомство с его памятью, помраченною некоторыми варварскими его

поступками, человечеством и честью отвергаемыми.

В то время когда г. Броневский собирал сведения о Тчемргойском владении, его населенность простиралась до 5000 семей*, несмотря на то, что этот писатель, приняв часть тчемргойцев за особое колено, не включил ее в это число⁹⁷. Но населенность этого владения ныне весьма уменьшилась, ибо с смертью Байзрокка миновалось и благоденствие тчемргойцев. Междоусобие – бич народов, поражающий ужасно черкесские племена, и их не пощадило: князья тчемргойские, хотя одного дома и малочисленны, но не были согласны. Одна сторона их и большая часть народа более оказывала с давних времен приверженность к России, в то же время – другая искала постыдную помощь у абедзахов – убийц Байзрокка и разоряла свою родину⁹⁸. К этим бедствиям присоединившаяся еще моровая язва чрезвычайно ослабила это владение⁹⁹. Тчемргойцы отличаются от всех черкесских племен безусловною покорностию власти своих владельцев.

Старший князь, теперь управляющий владением, именем Дянболет, которому предшествовал прославленный черкесами князь Мсост, за щедроту славится между закубанскими черкесами, твердостью характера, мужеством и крепостию сил для перенесения трудов военной жизни, а данное слово держит твердо, что более всего делает ему честь, которую он помрачал некогда, разоряя свою родину руками убийц незабвенного Байзрокка. Тчемргойцы живут опрятно и занимаются скотоводством. Места, ими занимаемые, чрезвычайно удобны для земледелия и изобилуют водами и всякого рода растениями, свойственными климату этого края. Они имеют все выгоды и средства к обогащению себя от своей земли и ее выгодного положения; но по причине беспокойного образа жизни мало занимаются земледелием – этим важным источником народного благосостояния.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия значительных родов в Тчемргойском владении,
а равно и им принадлежащих аулов и рек,
по которым последние расположены

Название родов	Число аулов	Названия аулов		Названия рек, по коим аулы расположены	Примечания
Княжеский род: <i>Болотокко-хе</i>					
Членам одного собственно принадлежащих аулов	3	1)	Дянболет иккоадь	}	
		2)	Мсостие		

* См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 67] (Ред.).

		3)	Байзрокко-иккоадь			
Дворянские роды:						
1.	Декузиекко-р Членам оногo принадлежащих аулов:	5	1) Инбелеткком-иккоадь	}	Шххокоаше	Сии аулы, принадлежащие членам рода <i>Декузие-хе</i> , известны под общим названием <i>Адемий</i> , но для различия каждого особо называют по имени аулом владеющего или одного из его предков. Эта фамилия имеет многие преимущества. По словам г. Броневского, супруга царя Иоанна Васильевича Грозного Мария Темрюковна была из сей фамилии ¹⁰⁰
			2) Дянборе-иккоадь			
			3) Ккарбечь-иккоадь			
			4) Теймрккоай			
			5) Аххметкко-иккоадь		На возвышенных местах, называемых <i>Шьккбэжэне</i>	
2.	Тльдчедчекко-р Членам и отраслям сей фамилии принадлежащих аулов:	9	1) Эжекгуекком иккоадь	}	Серале	Сия фамилия, а равно и предшествующая составляют первостатейные дворяне в Тчемргойском владении
			2) Алххескком иккоадь			
			3) Еремзеиккоадь			
			4) Четерввеххабль			
			5) Ккуекком иккоадь			
			6) Дьракий <i>Бзакомккор</i> называется владеющий оним			
			7) Ккоалекком* иккоадь			
			8) Сибечий			
			Название девятого затеряно в моих бумагах			

* Может быть прочитано и как: «Ккьалекком» (Ред.).

3.	Ввамекко-р	1		Ввамеккоххабль	}	
4.	Ххатъ-ту-хе	1		Хатуххабль		
5.	Медядекко-р	1		Медядекком иккоадь		
6.	Нббгукко-р	1		Нббхгукком иккоадь		
7.	Сертекко-р	1		Ертеккоххабль		
8.	Дъ-дъ-дче-р	1		Дидидч ххабль		
9.	Ттоххэжие-хе	1		Ттоххэиеххабль		
10.	Кказий-хе	1		Кказий ххабль		
11.	Бленекко-р	1		Бленекко ххабль		
12.	Непсекко-р	1		Непсеккоай		
13.	Деботе-р	1		Деботие		
14.	Урмикко	1				

ГЛАВА VI. ВЛАДЕНИЕ ХХАТИККОАЙСКОЕ

Из предыдущей главы нам известно, что князь *Ххатикко*, младший брат *Болотокка*, родоначальника тчемргойских князей, получив свой удел, подвинулся на запад и там поселился. От имени этого князя и владение его получило наименование – *Ххатиккоай*. Из этого же видно, что ххатиккоайцы – отрасль тчемргойского поколения. Князья ххатиккоайские ведут род от упомянутого *Ххатикка*, основателя их дома и владения, от него же происходит и фамилия – *Ххатикко-хе*, которую они носят. Однако ж и ххатиккоайские князья, как и тчемргойские, имеют еще и другую фамилию: их называют *Черчинекко-р* от имени одного из потомков родоначальника их *Ххатикка*. Ххатиккоайцы долгое время обитали на южном берегу Кубани, пониже того места, где в нее впадает р. Афипс; они славились воинственностью, были многочисленны, следовательно, и сильны. Полагают, что колено *хехгатчское* (см. глав. 10) от них отделилось, что ослабило ххатиккоайцев более, нежели междоусобные войны и заразные болезни, которые также их не пощадили.

Ххатиккоайцы имели много князей, прославившихся в междоусобных войнах черкесских поколений, равно и противу крымских татар, впрочем, они большею частью были преданы ханам последних. Кажется, они также участвовали при разорении черкесами Астрахани, ибо один из их князей, прозванный *Бледным*, попеременно был то враг, то союзник кабардинцев, которые, как известно, убив хана Косыма, ограбили его столицу – Астрахань (см. сей части прим. 35).

Не станем более распространяться о происшествиях, случившихся в Ххатиккоайском владении, о которых сохранились в памяти старцев лишь темные предания, и ограничимся помещением здесь любопытных рассказов современников ххатиккоайского князя Аслан-Гирея, о характере этого дикого героя. Отец Аслан-Гирея умер, оставя владение свое в безначалии, готовое рассеяться; множество врагов, пользуясь молодостью его

наследника, стремились последнего лишить всего достоинства. Владелец-отрок был столько молод и слаб телесною силою, что не мог управлять добрым конем, почему давали ему молодую и смирную лошадь, на которой он объезжал волнующееся свое владение и увещевал гордых дворян быть ему верными, и однажды, огорченный буйством одного из них, ударив своего коня, с сердцем примолвил: «Если ты станешь жеребячиться, а я буду ребячиться, то кто же должен управлять ххатиккоайцами?» Эти слова показывали сильную душу в слабом отроке. В другом случае он явил необыкновенный дар красноречия. Чванство тчемргойских князей выдумало одно прекрасное обыкновение: они вообще при важных переговорах с соседними ли народами или во время распрей междоусобных, сами не входят в словопрения, а их дворяне, которым вверяют дела, объясняются в присутствии князей. Я называю это обыкновение прекрасным, ибо оно, удерживая тяжущиеся лица, так сказать, от исступления, в которое нередко впадают при сильных трениях, сохраняет тишину на *съездах*; притом нередко виноватый, обладая даром красноречия, обвиняет правого противника, от природы лишённого этого качества, необходимого в Черкесии, столько же как и самый меч, который обыкновенно там сильнее и законов и даже золота. Возвратимся к Аслан-Гирею: он на народном съезде, находившемся в лагере в лесу, где происходили переговоры, стоял подле своего дворянина, который, следуя вышесказанному обыкновению, говорил за своего князя, защищая его дела. Молодой Аслан-Гирей, будучи недоволен объяснением своего поверенного, останавливает посла (см. выше отд. 3, глав. 3), быстро входит на пень срубленного дерева; все умолкли и обратили глаза на отрока-оратора, который с кафедры, образованной случайно срубленным деревом, защищает свои права с такою силою красноречия, с такою верностию совершенного знания дела, что во всем получает желаемый успех.

Подобные явления характера доказывают, что и в состоянии полудиком людей рождаются семена гения, хотя этот дух высокий угасает под грубою корою невежества.

Аслан-Гирей, возмужав, заставил и сильнейшие племена уважать ххатиккоайцев, которых состояние во время управления этого князя было цветущее в сравнении с нынешним. Аслан-Гирей, находясь на одре смерти, отвечал старейшинам дворянским, спрашивавшим его о том, какие семейства из его крестьян по смерти его отпустить на волю, согласно с правилами, предписываемыми религиею?¹⁰¹ Ответ умирающего героя заключался в том, что после его смерти все ххатиккоайцы вольны, и слова эти означали, что необходима строгость в управлении народом своевольным. Действительно, ххатиккоайцы по смерти этого князя разделились на две партии, которые долго свирепствовали одна противу другой, что им причинило много бедствия и разорения.

Ныне старший князь, владеющий ххатиккоайцами, именем *Дянчерей*, есть сын незабвенного для ххатиккоайцев Аслан-Гирея и почитается весьма хорошим воином и пользуется уважением своих подвластных и соседних племен. Ххатиккоайцы ныне малочисленны и обеднели от беспрестанных

беспокойств, но в воинственности не уступают соседям. Места, ими обитаемые, лесисты и в удобстве для привольного скотоводства и земледелия, которым они мало и занимаются, уступают землям тчермгойцев.

Ххатиккоайцы с черченейцами, на запад их обитающими, по большей части живут мирно. Говорят же наречием низовых черкес.

Переселение ххатиккоайцев с окрестностей реки Афипса на места, теперь ими занимаемые и лежащие в окрестностях р. Шххаккоаше, последовало после того времени, как г. Броневский собирал свои сведения о Кавказе¹⁰², ибо этот писатель показывает их аулы, расположенными еще пониже упомянутой реки Афипса, иначе называемой Каракубань*.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия значительных родов
в Ххатиккоайском владении, равно как аулов, к оным
принадлежащих, и рек, по коим последние расположены

Названия родов	Число аулов	Названия аулов		Названия рек, по коим аулы расположены	Примечания
Княжеский род: <i>Ххатикко-р</i>					
Принадлежащих членам одного аулов	3	1)	Дянчерие иккоадь	Лаба	
		2)	Сельтон иккоадь		
		3)	Дянкклишь икком иккоадь		
Дворянские роды:					
1. Собеешше-р	1		Собай	Шххаккоаше	
2. Ххапеепше-р	1		Хапай	В Черченейском владении	
3. Педисе-р	1		Педсий	На Кубани	
4. Борене-р	1		Борен ххабль	Шххаккоаше	
5. Еутихе-р	1		Еutih ххабль		
6. Брде-р	1		Брьдххабль		
7. Чназр-хе	1		Чназр ххабль		
8. Незжь-р	1		Незжь ххабль	Пшишь	
9. Тльшххакко-р	1		Тльшххаккоай		
10. Вв-тххакушекко-р	1		Вв-тххакушекком иккоадь		
11. Цхгошхе-р	1		Цхгоших ххабль		
12. Дебракк-кко-р	1		Дебракий	Кубань	

* См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 61-62] (Ред.).

ГЛАВА VII. НАЧАЛО БЖЕДУХГСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

Пребывание этого поколения, которого источник наименования *бждедугг* – неизвестен в нынешней Черкесии, столько древне, что туземцы не полагают, чтобы его предки были откуда-либо пришлецами, а думают, что они, так сказать, природные жители их теперешнего отечества, и все народные предания согласуются в том, что при появлении прочих черкесских колен, за исключением жанинского и третьей части натххоккоадьского (см. ниже глав. 10 и 14), в этой стране застали еще бждедуггское поколение, обитающее внутри гор, на полдень от Кубани лежащих. Страбон, по мнению г. Броневского, также упоминает об них^{*}; судя по всему этому, можно, кажется, предположить, что бждедуггцы составляли одно из черкесских племен, которые, по историческим известиям, в начале христианской эры являются на Кубань и занимают земли, лежащие на полдень от этой реки. Впрочем, это лишь догадка; а верно то, что бждедуггцы в отдаленные эпохи жили, будучи еще язычниками, внутри снежных гор Кавказских на вершине р. *Тдоанс*, где и поныне известны места их обиталища.

В продолжение долговременного пребывания бждедуггцев на вершине упомянутой реки, постепенное приращение их присоединявшимися к ним пришлецами стеснило места, ими занимаемые, вследствие чего и принуждены были искать более привольных мест для своего жительства.

Прекрасные долины, у северных подножий гор лежащие, их к себе манили; они подвинулись с прежних мест жительства на север, но боялись выйти вдруг в незнакомые равнины; старцы предсказывали гибель, если оставят горы, с которыми привычка сроднила их. Почему и поселились на вершине реки *Пишишь*, среди гор, им любезных. Неизвестно, как долго бждедуггское поколение здесь обитало. Четыре князя, по именам: *Черчан*, *Ххмишь*, *Бехгарсекко* и *Бастекко*, вместе владевшие всем бждедуггским поколением, разделили его между собою на четыре части, или удела.

Князья не были между собою согласны: одни хотели выселиться на равнины, другие – возвратиться на прежние места. В это время князь *Бехгарсокко* с *уделом* своим подвинулся на северо-восток и, достигнув долины *Кежьд-чей*, лежащей на р. Цъцэ, там поселился, а оттуда перешел впоследствии к лесу, называемому *Тххатчехг*, в окрестностях которого эта часть бждедуггского поколения, составлявшая удел князя Бехгарсокка, и поныне обитает под именем *меххаиш* и под управлением князей – потомков упомянутого Бехгарсокка (см. выше глав. 4). Оставшиеся три князя со своими уделами бждедуггского поколения также недолго были в совокупности: из них *Бастокко* с уделом своим подвинулся на запад к берегам Черного моря и там поселился на р. Вепсне, название которой соделалось наименованием этой части бждедуггского поколения (см. ниже глав. 10). Остальные же два князя с уделами своими также выдвинулись из гор и постепенно заняли равнины, лежащие к подножиям черных гор,

---

* «Бжедухи, может быть, Страбоновы скептухи ...» [18, ч. 2, с. 65] (Ред.)

простирая свои пределы на восток до р. Пшиша и далее; на западе до р. Афипса. Пространство земли, лежавшей между этими реками, разделяется рекою *Псекунс* на две части: первую, то есть восточную, занял князь *Черчан*, своим уделом, который получил от его имени свое наименование – *Черченай*. На второй части, то есть западной, князь *Ххмишь* поселил свой удел, получивший также от его имени свое наименование – *Ххмиший*. Таким образом бжедугское поколение разделилось на четыре владения, из коих последних два хотя в частности и именуется *Черченай* и *Ххмиший*, но в совокупности сохранили и поныне древнее наименование *Бжедуг*. Отсюда перейдем к обозрению обоих этих владений бжедугского поколения, каждого в особенности.

ГЛАВА VIII. ВЛАДЕНИЕ ЧЕРЧЕНАЙСКОЕ

Потомки упомянутого князя *Черчана*, от имени которого владение это получило свое наименование, как сказано выше, разделились впоследствии на два дома, основателями которых были князья *Пишьсевоккан* и *Мсост*, почему от имени их эти два княжеские дома именуется: *Пишьсевоккано-хе* и *Мсост-хе*, которые еще опять делятся каждый на две отрасли: первый на *Ахедяково* и *Дедево*, а второй – на *Ккунчикково* и *Бешиковы* отрасли. Каждая из этих отраслей княжеского рода называется по имени своего основателя, все же в совокупности известны под общим наименованием *потомков Черчаная*, упомянутого их родоначальника.

Многочисленные члены этих отраслей княжеского рода в небольшом владении раздробляют ее на несогласные, между собою партии, которые то явно, то скрытно стараются друг другу вредить, что порождает нередко междоусобие; князья и дворяне друг друга истребляют, подвластный же им народ, подвергающийся непрерывным мщениям, разоряется, беднеет и в числе своем уменьшается.

Хасан-паша (см. ниже глав. 15) столь удачно, хотя и не без ошибок для пользы своего правительства действовавший на умы черкесского народа, имел губительное влияние на права и власть высшего класса в этом народе, но в особенности расстроил порядок внутреннего управления Черченайского и Хмшийского владений, где вольные земледельцы, к мятежу склонные, как везде своевольная чернь, восстали противу власти издревле господствующего класса, опираясь, так сказать, на силу магометанских законов, проповедываемых им духовенством, не знающим или не желающим знать, что для общего блага необходимы уважение и покорность властям, веками в этой земле утвержденным. Волнение продолжалось довольно долго, и кровь черченайцев лилась, доколе неутомимость, решительность и мужество князя *Пишекуя*, *Ахедякова* дома, с помощью и других некоторых наконец не установили прежний порядок внутреннего состояния Черченайского владения¹⁰³.

Непрестанные беспокойства, которым подвержены черченайцы от

междоусобий своих князей, равно от неприязненных действий с соседними племенами, заставляют строить свои жилища в лесах и менее открытых местах, которые неудобны для хлебопашества и лишены привольных пастбищ. Вообще их земли лесисты, в особенности близ берегов Кубани. Прекрасными же долинами, лежащими ближе к подножиям гор, они не пользуются по причине опасения нападений абедзахов, с которыми живут всегда в войне, почему черченайцы не имеют конских заводов, подобно кабардинцам, и вообще скотоводством бедны; те из них, которые живут у берегов Кубани, производят меновой торг с черноморскими казаками, что и доставляет не только все необходимое, но и средство обогащаться, по мере их понятия о богатстве. Те же из них, которые живут более отдаленно от Кубани, составляющей границы с черноморскими казаками, пользуются всем от первых, производя в свою очередь с ними мену. Черченайцы в военном ремесле никакому племени не уступают; между их князьями есть отличные воины, уважаемые ими и их соседями. Черченайцы к востоку граничат с тчмерхойцами и ххатиккоайцами; к западу – с ххмшйцами, с которыми, будучи сопоколенниками, состоят в союзе, хотя иногда и бывают между ими неприязненные действия.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и прозвания значительных родов
в Черченайском владении и им принадлежащих аулов,
равно рек, по коим последние расположены

Название родов	Число аулов	Название аулов	Название рек, по коим аулы расположены	Примечания
Княжеский род: <i>Черчане-р</i>				
Он разделяется на два главных дома:				
1. <i>Пишьсевоккан-хе</i>				Дом <i>Пишьсевоккан-хе</i> подразделяется на две отрасли: <i>Ахедякко-хер</i> и <i>Дедекко-хер</i> , как сказано выше.
2. <i>Мсост-хе</i>				Дом <i>Мсост-хе</i> также подразделяется на две отрасли: <i>Ккунчиккокко-хе</i> и <i>Бешькко-кко-хе</i> , как упомянуто выше
Собственно членам первой отрасли принадлежащих				

аулов	6	1)	Яхгбокко-иккоадь	Пдчасшь	Принадлежат членам <i>Ахедякковой</i> отрасли, которых именами и аулы называются
		2)	Пшьккуй-ххабль	Кубань	
		3)	Ххападче-иккоадь	Шердикко	
		4)	Дударикко иккоадь	Мате	Принадлежат к отраслям <i>Дедекко-хер</i> , а потому в совокупности называют <i>Дедь-ххабль</i>
		5)	Асланбечь иккоадь		
		6)	Циекко-иккоадь		
Собственно членам второй отрасли принадлежащих аулов	5	1)	Энфекко иккоадь	Пшишь	Владеющие семи аулами князя принадлежат к отрасли <i>Ккунчиккокко-хе</i> и потому все они в совокупности называются <i>Ккунчькко ххабль</i> , для различия же каждого называют имена владеющего ими
		2)	Мхамчериикко адь		
		3)	Асланчерие-иккоадь		
		4)	Пшьмафе-иккоадь		
		5)	Бешькко-ххабль		
Дворянские роды:					
1. Батекко-р	2	1)	Пшккуй-ххабль	Кубань	Аулы, принадлежащие членам сего рода, в совокупности называются <i>Едепскокой</i>
		2)	Тхгузжькко кком иккоадь		
2. Асекколекко-р	2		Асеккелай	Мате	
3. Нефекко-р	3		Нефеккоай	2 на Лабе	
				1 Пшишь	
4. Емзекко-р	2		Емзеккоай	Мате	
5. Ккерекозкко-р	2		Ккерекозкком-иккоадь	Ць-це	
6. Нечерезикко-р	2		Нечерезие	1 Мате	
				2 Пшишь	
7. Шебане-р	1		Шебане-ххабль	Пшишь	
8. Теу-хе	1		Теуй	Мате	
9. Датчекко-р	1		Датчеккоай	Птчасшь	
10. Псебхгупебше-р	1		Псебхгуб	Мате	
11. Беречеткко-р	1		Беречет-ххабль		
12. Тетер-хе	1		Тетер-ххабль	Пшишь	

13. Ккезанекко-р	1		Ккезанеккоай	} Псекупс	
14. Ккетсемекко-р	1		Ккетсем-ххабль		
15. Очепше-р	1		Очепший		

ГЛАВА IX. ВЛАДЕНИЕ ХХМШИЙСКОЕ

Князя этого владения ведут свой род от упомянутого выше (см. глав. 7) *Ххмиша*, от имени которого владение это получило свое наименование, как мы видели. Потомки упомянутого Ххмиша разделились впоследствии на два *дома Ххадем-кко-р* и *Ккмчериекко-р*; первый из них имеет еще отрасль: *Теркканекко-р*.

Бедствия, претерпенные другими владениями, выше этого упомянутыми, от войны с соседними племенами и от собственных междоусобий, ничего не значат в сравнении с ужасными несчастьями, которым подвергла ххмшийцев война их с абадзехами.

Война эта началась между ими с незапамятных времен, но когда *ххмшийцы* были многочисленны и сильны, то более утесняли своих врагов, которые сделались непримиримыми со дня поражения их бжедугцами, то есть *ххмшийцами* и *черченайцами*, на *Бзиукском поле*. Поражение это было столь ужасно, по словам очевидцев, что множество трупов убитых абадзехов и шапсхгцев сгнило на полях, невзирая на то, что сродственникам убитых предоставлено было предать тела убиенных земле.

Сражение Бзиукское, соделавшееся эпохой у закубанских черкес, должно отнести ко временам царствования императрицы Екатерины Великой: ибо князь *Батчерий*, в день сражения предводительствовавший бжедугцами и убитый в тот же день, приезжал сюда, в Санкт-Петербург, в царствование Екатерины, незадолго пред сражением. Бжедугцев, как сказывают, было немного, но отборное воинство. Число же неприятеля по крайней мере в десять раз их превосходило. Для вспомоществования бжедугцам был по велению высшего российского пограничного начальства послан отряд черноморских казаков. Несколько выстрелов, сделанных из орудий, в том отряде имевшихся, достаточно было, чтобы привести в такой беспорядок неприятеля, что бжедугцы разбили их наголову в поле, где происходила битва, усеяли трупами врагов, но много отличных воинов из бжедугцев также пало. Князь Батчерий, смертельно раненный пулею еще в начале сражения, сказывают, спросил: «Побиты ли враги?» и, получив удовлетворительный ответ, торжественно произнес: «Я теперь умру спокойно». Он умер, и со смертью его начался новый ряд бедствий для несчастных ххмшийцев, которых князья своим несогласием беспрестанно умножали бедствия жалкого их состояния. Ххмшийский князь *Алкас*, недавно умерший, прожив более 90 лет и имев несчастье видеть плачевное уничтожение и конечное разорение этого владения в последние годы своей жизни, почитался в Черкесии за весьма умного человека. Я знал этого старца лично, уважал его лета и жалел о его несчастьях. Он был одарен от природы великими способностями ума, сколько это может быть заметно в полудиком состоянии. К несчастью, когда при уме нет сердечной нежности, то человек

способен бывает на ужаснейшие злодеяния. Так, Алкас пролил кровь родного брата своего Яхгбока за то предпочтение, которое этому последнему народ оказывал, самым гнусным образом; устроено было старанием Алкаса так, что брат его должен был увести одну княжну, на которой он хотел жениться. Все готово к побегу: любовник с товарищами и в сопровождении самого Алкаса является на место, назначенное для увезения красавицы, к которой он спешил, но в это мгновение человек, облеченный в одеяние княжны, поражает кинжалом несчастного. В столь гнусном деле участвовал мнимый друг убитого, один князь жанинского поколения по имени *Пшекой*, достойный проклятия за гнусное его лицемерство. Подобные этому поступки Алкаса были причиною, что он еще при жизни был прозван двуличным или двуязычным и за гробом преследуем проклятием народа. Но, смотря да несчастья, сопровождавшие последние годы его жизни, надобно потомству быть к памяти его несколько снисходительным: этого старца, казалось, сама судьба терзала в наказание за его гнусное лицемерство; преследуемый бедствиями, терзаемый совестью, этою ужаснейшею и неизбежною судьбою подлых душ, кончил он дни свои в изгнании из своей родины¹⁰⁴.

Взаимная ненависть и мщенье между абадзехами и ххмшийцами, и поныне продолжающиеся, доходили до остервенения. Первые, будучи несравненно сильнее последних, совершенно разорили их так, что ныне и третьей части населенности сего владения не осталось в совокупности. Много князей убито, и нет ни одной дворянской фамилии, которая не лишалась бы лучших своих членов, но *ххмшийцы* не переставали сражаться и, сражаясь, погибали.

Мятеж вольных земледельцев, произведенный политикою Хасан-паши, довершил бедствие высшего класса ххмшийцев: льфекотлы вовсе вышли из повиновения князей и дворян, которые, будучи слабы, не могли установить прежний порядок внутреннего управления, подобно тому, как сделали черченейцы. Ххмшийское владение своим существованием или, лучше сказать, его тенью обязано странной, общей их привязанностью к стране, издревле ими обитаемой, костями их предков усеянной и кровью их напоенной, которая, впрочем, вовсе не представляет удобств для земледелия и в особенности для скотоводства. Берега Кубани, которыми ххмшийцы владеют, хотя покрыты лесами и болотами, гораздо безопаснее плодоносных равнин, лежащих ближе к подошвам гор, которыми они не могут пользоваться, боясь нападения вечных своих врагов – абадзахов. Словом, местность совершенно не представляет никакой выгоды в нынешнем ее состоянии, и потому ххмшийцы очень бедны и ныне единственное пропитание имеют от меновой торговли с черноморскими казаками. Ххмшийцы в числе своем ныне весьма умалены, но при всем своем уничтожении еще храбры и воинственны, и есть надежда, что ежели бы они пользовались большим спокойствием, то и населенность их увеличилась бы; из сего владения переселившиеся в другие тогда возвратятся к родным лесам своей земли, столь нежно ими любимой.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия значительных родов
или фамилий в Ххмшийском владении, равно им принадлежащих
аулов и рек, по коим последние расположены

Названия родов или фамилий	Число аулов	Названия аулов		Названия рек, по коим расположены аулы	Примечания
Княжеский род: <i>Ххмише-р</i>					
Онъй разделяется на две отрасли:					
1) Ххадемкко-р					
2) Ккрмчериекко-р					
Собственно членам первого принадлежащих аулов	4	1)	Мххамет иккоадъ	Кубань. Против Екатеринодара Около леса, называемого <i>Ххаитефи</i> *	
		2)	Алхес-иккоадъ		
		3)	Теркан ххабль		
		4)	Байзрккоиккоадъ		
Собственно членам второго принадлежащих аулов	1		Крмчериеххабль	Псиухх	
Дворянские роды:					
1. Шумнекко-р	2		Инеем	1) на Лабе 2) Шххоккоаше	
2. Бжиххакко-р	1		Бжиххаккоай	Кубань	
3. Инармескко-р	1		Козет	Пшишь	В Черченайском владении
4. Ккуйшешко-р	1		Шърдей	Леххешакко	
5. Кушьмезикко-р	1		Кушьмезккоай	Кубань	
6. Пшьбекко-р	1		Пшьбеккоай		
7. Лаххшекко-р	1		Лаххшеккоай	Псиухх	
8. Ххат хго-р	1		Ххатхгоххабль		
9. Пчххалекко-р	1		Пчххалеккоай	Псеккупс	
10. Тхгурхго-р	1		Тхгурхгой	Кубань	
11. Ххалекко-р	1		Ххалеккоай	Ус-шь*	
12. Хеусе-р	1		Хеусай	Пшишь	В Черченайском владении
13. Шахгдикко-р	1		Шахгдиккоай		
14. Тоххтемркко-р	1		Тоххтемрккоай	Кубань	

* Может быть прочитано и как: «Ххамтефи» (Ред.).

* Может быть прочитано и как: «Дс-шь» (Ред.).

ГЛАВА X.

КОЛЕНА: а) ВЕПСНЕ, б) ХЕХГАДЧЬ и в) ЖАНЕ, или ЖАНИНСКОЕ

Говорить много о тех предметах, которых и следы самобытного существования едва не исчезли с лица земли, конечно, есть излишний труд, но как все три эти колена, существующие лишь в наименованиях своих, некогда были значительны, то и помещаю здесь некоторые известия об этих трех коленах под одну статью.

а) Колено вепснское

Вепснцы суть колено бзжедугское, как мы видели выше (см. глав. 7). Они, отделясь от своих соположенников под предводительством князя *Бастокка*, подвинулись на север и заняли окрестности р. Вепсн, впадающей в Черное море, и от названия этой реки, полагают, получили и свое наименование. Вепснцы не были многочисленны, однако ж надобно думать, что не очень были и слабы; ибо многие дворянские роды, ныне живущие рассеянно, почитаются принадлежавшими к этому колену. Места, ими занятые тогда по берегу моря, были сопредельны на север с хеххадчским коленом, обитавшим в окрестностях устья р. Кубани и, как хеххатчцы эти, кажется, суть часть тех чихов, о коих древние писатели говорят, и что они дали это название части черкесов по сходству слова *дчак* (низовые), то, вероятно, и вепснцы отчасти исповедывали христианскую веру, когда чихи (полагая, дчахи) были христианами около 536 года по Р. Хр. (см. выше отд. 2, глав. 3).

В настоящее время существование этого колена заключается в одном лишь владетельном княжеском доме *Бастокко*, который живет с малым числом подвластных на берегу моря в окрестностях той же реки Вепс-не, где основатель этого рода поселился. Что же касается до народа вепснского, то он вошел в состав ахгутчипского (см. ниже глав. 7) поколения, которое от этого получило важное приращение.

б) Колено хеххадчское

Колено это обитало на южных окрестностях устья реки Кубани, частью и на полуострове Тамане. Три княжеские рода: *Бхгезенекко-р*, *Занекко-р* и *Шамекк-ор* – этим коленом владели. Последний член первого из этих княжеских родов* *Сефербей* был взят военнопленным при покорении крепости Анапы¹⁰⁵. Этот род почитался отраслью княжеского рода, владеющего гатикоайским коленом, почему полагаю, что хеххадчцы соположенники ххатиккоайцам, но должно думать, однако ж, что не все они произошли от ххатиккоайцев, а только часть их: ибо второй княжеский род, который ныне не существует, происходил от князей жанинского поколения. Третий род прекратился со смертью князя *Бечмрза*, умершего назад тому несколько лет на полуострове Тамане (в Черноморском казачьем войске) в

---

* Вероятно, следует читать: «второго из этих княжеских родов», поскольку во всех источниках Сефербей значится происходящим из рода Заноко (Зан) (Ред.).

глубокой старости и который почитался весьма умным и ученым человеком, служил некогда при последнем крымском хане, а впоследствии был жалован от российского двора чином и пенсионом.

Со времени появления магометанских народов: татар, а потом и турков в Тавриде и на полуострове Тамани, хехгатцы находились с ними всегда в тесных сношениях и были, так сказать, как бы сроднившись с ними: язык, обычаи, образ жизни, даже облик, судя по физиономии остатков этого поколения, смешались с татарскими. Во времена владычества турок в Тамани хехгадчцы им служили: один из сих князей именем *Бечмрза, Бхгезинова* дома, находился с конницею на Дунае во время войны турок с Россией. Также многие из них имели жительство в крепости или городе *Хун-Ках*, или нынешний Таман, почему они назывались впоследствии *хунколами*, обитая большею частию в Анапе, а иногда в окрестностях ее, вместе с остатками других хехгадчцев, некоторое время составлявших особенное колено на р. Бугуре и на ручьях, в нее впадающих, также и на полуострове Деметее, образуемом Кубанским лиманом у устья сей реки. Эти остатки впоследствии совершенно рассеялись, так что ныне в самобытном виде не существует уже колено *хехгадчь* между черкесами. Одна деревня, принадлежавшая упомянутому князю *Бечмрзе Шамова* дома и ныне находящаяся на полуострове Тамане, достойна замечания нашего. Эта деревня*, уцелевшая от всякого хехгадчского поколения, называется и теперь от татар *Ада* и есть остаток той части хехгадчцев, которая в древнейшие времена называлась татарами и турками *адалы*, каковое частное название, относящееся лишь до части этого поколения, подало повод производить общее некоторым писателям наименование черкес – *адгхэ* от первоначального жительства этого народа на острове Тамань. Эта деревня единственный остаток поколения *хехгадчь*, составляющая нечто целое, называется в настоящее время, как и прежде татарами, *Ада*, а черкесами *Хтук*, каковые названия, означающие: островитянин или просто остров, даны им по причине их жительства на острове, потому и собственное наименование хехгадчского племени постепенно изглаживается из памяти черкесов.

в) **Колено жанé**

Это колено некогда составляло сильнейшее владение в Черкесии: не только оно многочисленностью превосходило другие племена, но даже подавляло их и опустошало безнаказанно долгое время. Даже кабардинцы, несмотря на свою силу и отдаленность, претерпевали от него бедствия. Но в мире от мала до велика все покорствуется неотвратимым законам времени; жанинцы, в свою очередь, были сильны, громили чужие владения в этой стране и своею чередою разрушились и пали. Теперь лишь темные предания об отчаянных и рыцарских их подвигах приводят в ужас и удивление настоящее поколение черкес. Судя по народным преданиям, предки жанинцев принадлежат к коренным черкесам, то есть к тем черкесским коленам, которые первые поселились в стране, ныне и издревле называемой

---

* В оригинале: «древняя» (Ред.).

Черкесию.

В прежние времена жанинцы обитали в низовых местах, то есть ближе к устью Кубани, на полдень от сей реки, в окрестностях р. Адекума, занимая довольно значительное расстояние на западе, на востоке и на юге внутри гор, что доказывают многие места, бывшие в соотношениях с первобытным их состоянием. Надобно думать, что жанинцы с хехгадчцами и вепсцами (которые, будучи слабее их, во всем согласовались с ними) составляли именно те колена черкесские, которые древними писателями названы чихами (см. выше отд. 2, глав. 3) от слова дчях, под коим, как выше сказано, черкесы разумели в древние времена, как и ныне, низовых жителей. Следственно, предки жанинцев исповедывали христианскую веру, ибо мы находим в истории, что чихи около 536 года по Р. Хр. имели епископа христианского исповедания (см. там же). *Два княжеские рода Ккомоо и Бечккан* владели жанинским поколением, которое еще около 1778 года пользовалось довольно значительною самобытностью и прежде того, обитая на правом берегу Кубани повыше Копыла, откуда оно перешло на левую сторону. В 1802 году жанинцы разорены до основания черноморскими казаками, и тогда самобытное их существование исчезло¹⁰⁶. Однако ж благодаря стараниям князя *Нетаххokka*, который назад тому несколько лет умер всеми уважаемый, опять жанинцы было собрались в один аул, представляющий нечто целое, но моровая язва и сии остатки чрезвычайно уменьшила, хотя все еще они пользовались уважением черкес до смерти упомянутого князя, с которым в гроб сокрылось самобытное существование жанинцев. Весь остаток сего некогда сильного поколения ныне заключается в одном ауле, находящемся в Черченайском владении на р. Пшише.

Судя по характеру, непокорному и воинственному духу, которые отличают и остаток жанинцев, можно полагать, что прочие черкесские племена не могли сокрушить могущества их, хотя непомерная их гордость всех вооружала против них, и достоверно то, что они соделались жертвою междоусобия князей и всего высшего класса и сие-то несчастное междоусобие заставило простой класс народа искать убежища в бегстве под кровом чуждых племен. Жанинцы вели долгое время кровавую войну с крымскими татарами, и один их подвиг, истинно рыцарский, помещенный в этих записках в числе анекдотов, показывает, до какой степени они любили свое отечество и славу и с каким самоотвержением защищали свою независимость¹⁰⁷.

б) Племена, не зависящие от власти князей или имеющие народное правление

ГЛАВА XI. ПЛЕМЯ АБЕДЗАХСКОЕ

Многочисленное и сильное это племя занимает обширное пространство гор, которое в длину, начиная с запада от восточного берега реки Деккоай

(см. выше отд. 1, глав. 13, р. под №253)*, служащей на севере границей между ними и шапсхгцами, на восток до р. Псфр (см. там же р. под №163)*, простирается около 200 верст; оно граничит на запад с шапсхгцами, как сказано, к северу с княжескими владениями: Ххмшийским, Черченайским, Ххатиккоайским, Тчемргойским, Меххошским и Бейсленейским, к востоку и югу – с абхазскими или абазинскими коленами. Племя это именуется *абедзах* для легчайшего произношения на наречии низовых черкес, хотя по-настоящему должно выговариваться *абадзех*; ибо это наименование, по всем вероятностям, произошло от того, что первоначальные абедзахи были абхазцы, почему абхазцев называли прочие черкесы абадзех, то есть абхазцы (см. 2-й части отд. 4, глав. 1)*, каковое название осталось навсегда, несколько изменяясь впоследствии от произношения. Следовательно, этим же доказывается, что и происхождение первобытных абедзахов есть абхазское, а потому предков их должно причислить к коренным или древним обитателям сих мест, ибо из исторических сведений, выше сего приведенных (см. отд. 2, глав. 3), видно, что *адыги* и *абазы* вместе явились после аланов в начале христианской эры¹⁰⁸. Впрочем, как бы то ни было, абедзахское колено составилось из пришлецев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и, как последних несравненно было более, то все они соделались черкесами, и ныне абедзахское племя есть настоящее черкесское колено и весьма сильное между прочими. Наречие абедзахов есть наречие низовых черкес, хотя оно имеет отличительный выговор, который есть их собственное, а не абхазское или какого-либо другого племени.

Дворяне, господствовавшие некогда между абедзахами над льфекотлами – вольными земледельцами, как владельцы, которых права ограничиваются законами, ныне этой власти лишённые по причине усиления народа, разделяются на две главные отрасли: *Кушмез*-хе и *Оздевр*-хе, которые опять подразделяются на отрасли, поименованные в следующей таблице. Льфекотлы или вольные земледельцы этого племени также разделяются на две главные отрасли *Ккубер* и *Цбер*. Родоначальниками же этих двух отраслей почитаются *Аккаце*-р и *Аццебае*-р. Впрочем, из многих баснословных их рассказов трудно отличить, который из этих четырех был их родоначальником; как бы то ни было, простой класс абедзахов производит от них свой род или, лучше сказать, их почитает своими родоначальниками. Во всяком случае, многочисленное это колено, конечно, не может быть потомком четырех человек, которые не были ни Адамом, ни Ноем, но абедзахи утверждают это потому только, что у них соприсяжники (союзники) между собою соединяются узами родства, утверждаемого, по их обычаям, как ниже сего увидим (см. глав. 15), условиями, после чего и делаются братьями по их законам.

Вообще земли абедзахов, орошаемые многими речками, лесисты и

---

* В оригинале текст в скобках вычеркнут карандашом (Ред.).

* В оригинале текст в скобках вычеркнут карандашом (Ред.).

* Неверная ссылка. Данная глава относится к числу ненаписанных Хан-Гиреем (Ред.).

изобилуют всякого рода растениями, свойственными климату этой страны, но привольных пастбищ мало, и для хлебопашества жители нуждаются в долинах, ибо не умеют надлежащим образом удобрять нивы свои. Впрочем, земли абедзахские славятся плодородием. Они живут небольшими усадьбами рассеянно по берегам речек и ущельям гор, исключая обитающих у подошв гор к северным равнинам, которые селятся большею частью деревнями по причине опасения набегов от соседних племен. Абедзахцы, шапсхгцы и натххоккоадыцы, нуждающиеся в удобных местах для посева и сенокоса, вырубают леса и выжигают самые их корни. Таким образом обращают лесистые места в поля для засева и покоса, каковые места у них ценятся довольно дорого.

В следующей таблице поименованы роды или фамилии, составляющие племя *абедзах*.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и название родов дворянских и вольных
земледельцев, составляющих абедзахское племя

Название родов или фамилий		Примечания
<i>Дворяне</i>		
1.	Анфекко-р	Все три, будучи соприсяжники, составляют одну отрасль дворянских родов
2.	Дянчате-р	
3.	Бешикко-р	
4.	Едьде-р	Все пять родов, как и предыдущие, составляют другую отрасль дворянских родов, будучи соприсяжники
5.	Инемкко-р	
6.	Даурс* -р	
7.	Ххуштекко-р	
8.	Недькко-р	
<i>Льфеккотлы, или вольные земледельцы</i>		
1.	Ххаткко-р	
2.	Меретгкко-р	
3.	Цее-р	
4.	Сиихо-р	
5.	Ххоазже-р	
6.	Уетао-р	
7.	Ххапххе-р	
8.	Мелькоше-р	
9.	Бхгоаше-р	
10.	Бази-р	
11.	Бегьмте-р	

* Может быть прочитано и как: «Дауре» (Ред.).

12.	Ххакуръ-не-р	
13.	Ххадчецко-р	
14.	Тчемдче-р	
15.	Ххуте-р	
16.	Хаше-р	
17.	Эпъше-р	
18.	Двъекко-р	
19.	Кутме-р	
20.	Жедчехудче-р	
21.	Двабхо-р	
22.	Шеудене-р	
23.	Кодвисеве-р	
24.	Бръсиекко-р	
25.	Хханеххо-р	
26.	Бехге-р	
27.	Ввръмте-р	
28.	Мъдте-р	
29.	Ттане-р	
30.	Ккоаше-р	
31.	Хонзекко-р	
32.	Шакуде-р	
33.	Хапшъте-р	
34.	Шеозе-р	
35.	Длъше-р	
36.	Ххаппадче-р	
37.	Ххуна-кко-р	
38.	Таузе-р	
39.	Нъ-бере-не-р	
40.	Коане-р	
41.	Хабратфе-р	
42.	Зази-р	
43.	Сеймене-р	
44.	Длъшхоко-р	
45.	Беранте-р	
46.	Ленпезе-р	
47.	Лаше-р	
48.	Шънахо-р	
49.	Шаконе-р	
50.	Аббде-р	
51.	Изъбе-р	
52.	Кубе-р	
53.	Аулле-р	
54.	Хърае-р	

55.	Ввабхе-р	
56.	Жяво-р	
57.	Болете-р	
58.	Мрзе-р	
59.	Семъ-Кухге-р	
60.	Ккоае-р	
61.	Ббдде-р	

ГЛАВА XII. НАЧАЛО ПЛЕМЕН ШАПСХГСКОГО И НАТХХОККОАДЬСКОГО

Народные предания, конечно, не могут быть выдаваемы за истинные известия, как бы они ни были основательны; но как других свидетельств нет в Черкесии о начале этих племен, то мы должны по необходимости повторять их, очистив сколько возможно от грубого баснословия; итак, приведем здесь предания о начале шапсхгцев и натххоккоадьцев¹⁰⁹.

Аравитянин именем *Смден* в энтузиазме огорченного человека выколол глаза одному соотечественнику своему, сильному по связям. За такой поступок виновник был приговорен, по законам возмездия, лишению глаз. Во избежание этого наказания, *Смден* с несколькими семействами ему подвластных или соумышленников, оставив свою родину, достиг до Румелии, оттуда во время халифатства *Алия* его потомки переселились в Тавриду, где вместе с предками кабардинского поколения обитали на берегах р. Кабарта. Потомки *Смдена* и его партии вместе с кабардинцами оставили Тавриду, перешли к Кавказским горам и, постепенно подвигаясь к востоку, достигли до берегов р. Шххакоаше, где потомки Смденевой партии отделились от кабардинцев, составив пять родов по фамилии *Кобли*, *Сханте*, *Севотох*, *Натхо* и *Нетдахо*, которые под предводительством *Абата* вошли вовнутрь гор чрез ущелье, называемое Мезъхгоко, и, достигнув урочища *Тхханс*, там поселились, состоя все под предводительством упомянутого Абата, который был родом из кабардинских владельцев или предводителей¹¹⁰. Здесь эти пришлецы разделились впоследствии на две части: роды *Коблэ*, *Схантэ* и *Совотох* составили из них одну; роды *Натххо* и *Нетдаххо* – другую. Первые три, состоя под началом того же *Абата*, водворились на реке *Шайпсхго*, от названия которой получили, как полагают, и наименование – *шапсхг*.

Последние два (к которым присоединилось колено Хгоаэ, обитавшее внутри гор еще до пришествия туда потомков Смденевой партии под предводительством Абата) поселились в соседстве с первыми, и как род *Натххо* был многочисленнее, то деревню, которую оба рода населяли, называли *Натххó-ккоадь*, то есть Натххова деревня. Таким образом, разделившиеся на две части пришлецы, потомки *Смденевой* партии, получили наименования: первые три рода – *Кобле*, *Сиххантэ* и *Сотоххо* –

Шапсхго, а последние два: *Натххо* и *Натаххо* и присоединившийся к ним *Хгоаé* – *Нетххо-ккоадь* и, постепенно умножаясь в числе своем присоединившимися толпами туземцев, чему способствовали обычаи их соприсяжного собратства (см. ниже глав. 15), основали два сильнейших в Черкесии племени, которые в совокупности известны под общим наименованием – *ахгутчинсе*.

Не принимая на себя обязанности изыскивать здесь исторических доводов, могущих дать этим преданиям основательность, а равно источника наименований *ахгутчинсе*, даваемого в совокупности этим племенам, обратимся к обозрению каждого из них, в особенности в нынешнем их* состоянии.

ГЛАВА XIII. ПЛЕМЯ ШАПСХГСКОЕ

Племя это в нынешнем его состоянии занимает важнейшее место между прочими племенами, составляющими черкесский народ, числом своей населенности и силою; оно занимает обширное пространство гор, гранича: на восток с абедзахцами – р. Декоай, на севере с черноморскими казаками*, от которых отделена р. Кубанью; на запад с натххоккоадьцами, на юг с Черным морем и на юго-восток с абхазскими коленами. С натххоккоадьцами, как с однопоколенниками, живут смешанно, хотя с северной стороны между ними р. Адекум почитается границею, и состоят с ними в союзе, несмотря на частые разрывы и несогласия.

Горы, шапсхгцами занимаемые, покрыты лесами, в которых чрезвычайно много произрастает разного рода лесных фруктов. Жилища их расположены усадьбами по ущельям и берегам рек, живописно орошающих их земли. Они не радеют о земледелии, хотя и земля их довольно плодородна. Также и скотоводством надлежащим образом не занимаются по причине недостатка в горах привольных пастбищ; но из сего исключаются те из них, которые живут у северных подножий гор совокупно, наподобие *аула* и, пользуясь равнинами, лежащими между Кубанью и горами, более радеют о скотоводстве и хлебопашестве.

Шапсхгцы воинственностью не превосходят прочие черкесские поколения, но ни одно из них не сравнится с ними в закоренелой ненависти к русским, и потому более других они производили в разные времена беспокойства и разорения по границе черноморских казаков, в особенности до осени [18]18-го года, в которую лучшее их воинство погибло в Калаузском лимане¹¹¹, куда, казалось, сама судьба их вогнала; черноморские казаки под команду генерала Власова, преследовавшие их, не потеряли ни одного человека, ибо не сражались с неприятелем, который, будучи поражен внезапным страхом, изъясняемым только обыкновенными последствиями

---

* В оригинале: «ее» (Ред.).

* В оригинале: «на восток с абедзахцами, р. Декоай на севере с черноморскими казаками» (Ред.).

неустройства и безначалия, бросился бежать и в бегстве своем нашел гроб, достойный грабителей. После сего столько же счастливого для черноморских казаков, сколько бедственного для шапсхгцев случая, граница первых довольно долгое время наслаждалась необыкновенным там покоем, а последние пребы[ва]ли в оцепенении страха, покудово мщение и тщеславие не подвинули их опять к разбоям. Между шапсхгцами, как и между абедзахами и натххоккоадьцами, в глубине гор есть еще и поныне не принявшие магометанской веры и придерживающиеся языческих обрядов.

Много между шапсхгцами людей с достаточным состоянием, судя по образу их жизни, в особенности между теми, которые живут смешанно с натххоккоадьцами на берегу моря. Также есть между ними люди, расположенные к производству торговых оборотов, но большую часть, одаренные хорошими от природы способностями, к сожалению, слабо расположены к спокойствию, а не имеющие способностей пребывают, так сказать, в жалкой неподвижности и недеятельности.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия родов или фамилий дворян
и льфеккотлов, или вольных земледельцев, составляющих
шапсхгское племя

Наименование родов или фамилий		Примечания
<i>Дворянские</i>		
1.	Абатé-р	Все три рода соприсяжники и первый из них почитается древнейшим из всех дворянских родов в сем племени
2.	Ввъххо-р	
3.	Ххорькозе-р	
4.	Шеретлькко-р	
5.	Немере-р	
Льфекотлы, или вольные земледельцы		
1.	Кобле-р	Все сии 37 родов состоят в союзе соприсяжничества или собратства и имеют общее название «Кобли», дворянский род «Абате» с
2.	Шеретле-р	
3.	Тайшезе* -р	
4.	Шеудене-р	
5.	Дярме-р	
6.	Ххарате-р	

* Может быть прочитано и как: «Таймезе» (Ред.).

7.	Афмзе-р		его союзниками причисляется к сему соприсяжничеству или собратству
8.	Непсео-р		
9.	Дебекко-р		
10.	Тххаккааххо-р		
11.	Бхгене-р		
12.	Сеовфе-р		
13.	Ххатхго-р		
14.	Тльфе-р		
15.	Ххантуо́-р		
16.	Дякунекко-р		
17.	Детдче-р		
18.	Ххмтезе-р		
19.	Негхфче-р		
20.	Радтекко-р		
21.	Дтефе-р		
22.	Нако-р		
23.	Кое-р		
24.	Дъхге-р		
25.	Пшеоу-р		
26.	Шмдте-р		
27.	Батте-р		
28.	Наше-р		
29.	Женемкко-р		
30.	Ххаввахгокко-р		
31.	Утьльуве-р		
32.	Ххупше-р		
33.	Декуфе-р		
34.	Псеоко-р		
35.	Сшоумене-р		
36.	Тлепсеко-р		
37.	Дь-уо-р		
38.	Бжафве-р	Все 11 родов имеют общее название « <i>Сшеотохх</i> » и состоят в родственном союзе	Все сии 22 рода простого класса состоят в союзе соприсяжничества или собратства и в общем составе именуется «Хгоахгосшевогах». Дворянский род «Шеретлькко» причисляется к сему соприсяжничеству
39.	Меше-р		
40.	Пшедчедче-р		
41.	Кусере-р		
42.	Тльзие-кко-р		
43.	Нъ-бе-р		
44.	Униххо-р		
45.	Тльххузжекко-р		
46.	Четасме-р		
47.	Сшедясше-р		
48.	Ттьме-р		
49.	Мете-р	Все 11 родов носят общее	

50.	Психхотле-р	название « <i>Хгоахго</i> » и состоят в союзе или братстве	
51.	Ххуне-р		
52.	Кухгетве-р		
53.	Тххахгуаше-р		
54.	Сшеонефкко-р		
55.	Серъусше-р		
56.	Око-р		
57.	Жаде-р		
58.	Сдъххе-р		
59.	Нпетзав-р		
60.	Ххахгуре-р	Все сии 22 рода простого класса состоят в союзе соприсяжничества или собратства и именуются в общем составе « <i>Сихапте</i> ». Дворянский род «Немери» причисляется к сему соприсяжничеству	
61.	Ввдицее-р		
62.	Хдзетле-р		
63.	Тльшхокко-р		
64.	Сшххалахо-р		
65.	Ххахгуре-р		
66.	Ххуште-р		
67.	Видтизже-р		
68.	Пцаше-р		
69.	Куфеше-р		
70.	Огхутле-р		
71.	Таубечь-кко-р		
72.	Шблаокко-р		
73.	Львштекко-р		
74.	Дчермте-р		
75.	Обреде-р		
76.	Здендше-р		
77.	Сшао́-р		
78.	Тркоа́-р		
79.	Дчемфе-р		
80.	Ехгуме-р		
81.	Адтчеу́-р		

ГЛАВА XIV. ПЛЕМЯ НАТХХОККОАДЬСКОЕ

Племя *натххоккоадьское* граничит к востоку с шапсхгцами, к северу с Таманским полуостровом, к югу с Черным морем, к юго-востоку (где живут смешанно с шапсхгцами) – с абхазцами. Горы, по которым их жилища усадьбами расположены, покрыты лесами. Прелестный берег моря, в которое здесь впадает множество речек, из гор вытекающих, весьма плодороден и усеян, можно сказать, превосходными местами для садоводства и картинными своими видами восхищает зрение, но, к сожалению, остается в опустошении в сравнении с тем положением, в каком мог бы быть, если бы

благодетельное спокойствие и трудолюбие там господствовали. Прекрасные равнины, лежащие на севере гор, в оконечности которых построена крепость Анапа, чрезвычайно плодородны; тут жители селятся нередко аулами.

Натххоккоадыцы трудолюбивы и, будучи долгое время в торговых сношениях с турками, привязаны к торговле, почему и достаточны. Они любят заниматься хлебопашеством и скотоводством более других племен и менее их беспокойны, и поэтому самому натххоккоадыцы между другими племенами, к собственному их счастью, менее славятся воинственностью; впрочем, они также и недурные воины. Хотя натххоккоадыцы и не занимаются прилежно садоводством, как бы должны были, обитая в столь щедро природою одаренной стране, но, однако, и имеют сады виноградные и вообще занимаются этою промышленностью более шапсхгцев и абадзехов, которые также пользуются таковыми выгодами, дарованными им в жертву их праздности природою. Между натххоккоадыцами были люди, которых можно назвать богатыми, судя по промышленности этой страны, лишенной необходимых источников благоденствия, а именно: спокойствия и торговли.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия родов или фамилий
дворян и льфекотлов*, или вольных земледельцев,
составляющих натххоккоадыцкое племя

Наименование родов или фамилий		Примечания	
<i>Дворянские</i>			
1.	Ввпако-р	Последние пять суть соприсяжники первого и все вместе составляют первое отделение дворян этого племени	
2.	Ддъхгэ-р		
3.	Зжьэ-р		
4.	Ккази-р		
5.	Тайхго-р		
6.	Меко-р		
7.	Ккерзде-р		Эти четыре фамилии, будучи союзники, составляют вторую партию дворян натххоккоадыцкого племени
8.	Дрфе-р		
9.	Ккуйцико-р		
10.	Деде-р		
<i>Льфекотлы, или вольные земледельцы</i>			
1.	Натххо-р	Все эти 21 род или	

* В оригинале: «альфекотлов» (Ред.).

2.	Немиплекко-р	Эти 12 фамилий вольных земледельцев имеют общее название « <i>Натххо</i> »	фамилии вольных земледельцев причислены к первому отделению дворянских фамилий. Именуются в общем составе « <i>Нетххо</i> – <i>Недтаххо</i> » и составляют главнейшее отделение натххоккоадьского племени
3.	Ерхгузе-р		
4.	Адцекко-р		
5.	Кеуххо-р		
6.	Мелише-р		
7.	Дъ-дэ-р		
8.	Ордесао́ко-р		
9.	Мефеу́дэ-р		
10.	Ефталé-р		
11.	Баде-р		
12.	Тткко-р		
13.	Сххабе-р		
14.	Фаде-р		
15.	Хешьхитчé-р		
16.	Сашекко-р		
17.	Дъ-зе-р (из сей фамилии был славный разбойник <i>Донекей</i>)		
18.	Брде-р		
19.	Деце-р		
20.	Тльтчасé-р		
21.	Ххатхé-р		
22.	Плаше-р	Последние 11 фамилий почитаются присоединившимися в последнее время к первым	
23.	Бъжиме-р		
24.	Шехетлé-р		
25.	Ттъуó-р		
26.	Соххте-р		
27.	Ххурдекко-р		
28.	Севодцикко-р		
29.	Севомиде-р		
30.	Дядьххо-р		
31.	Ххуримé-р		
32.	Сххакумидé-р		
33.	Хгоае-р		Эти 12 фамилий или родов вольных земледельцев именуются в совокупности « <i>Хгоаé</i> ». Дворяне, вторую партию составляющие, причислены к этому отделению Натххоккоадьского племени; по народным преданиям, эта часть сего племени причисляется к
34.	Куфване-р		
35.	Екоасе-р		
36.	Ккедьне-р		
37.	Ххакуппе-р		
38.	Медядекко-р		
39.	Усшиé-р		
40.	Мрзé-р		
41.	Наввé-р		

42.	Меметé-р		первобытным или древнейшим черкесам, как о том выше сказано
43.	Пшьутчé-р		
44.	Тххаитлé-р		

ГЛАВА XV. ЗАМЕЧАНИЯ О ПРИЧИНАХ РАЗРУШЕНИЯ И ОСЛАБЛЕНИЯ КНЯЖЕСКИХ ВЛАДЕНИЙ И УСИЛЕНИЯ ПЛЕМЕН, НЕ ЗАВИСЯЩИХ ОТ ВЛАСТИ КНЯЗЕЙ ИЛИ ИМЕЮЩИХ НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Обозревая племена, составляющие народ черкесский, каждого в особенности, мы видели одни из них возвышающимися силою и умножающимися в числе своем, других же в самобытном существовании вовсе разрушенными, а иных клонящимися, постепенно ослабевая, к своему падению. Главнейший источник этих переворотов заслуживает особенного внимания.

Счастлив народ, которому священная рука человеколюбивого правителя отверзает врата благоденствия. Где нет власти единойдержавной, там с искони нет согласия: там верховная власть, находящаяся в руках буйных партий, превращается в пагубную страсть, которая, разливая свирепое пламя междоусобия в народе, производит кровавые мятежи, что случалось во многих странах, не подвластных единойдержавию, что случилось и в Черкесии.

Рады или фамилии вольных земледельцев (лъфекотлы) в племенах, ныне имеющих народное правление, а именно: в *абедзахском*, *шапсхгском* и *натххоккоадьском*, в прежние времена будучи подчинены власти дворянства на разных условиях, находились почти в такой же зависимости, в какой состоит этот класс в княжеских владениях, но с умножением дворянства могущество власти, его сану присвоенной, раздробилось на части, и в это время подчиненный дворянству класс, которого обязанности соразмерно с тем становились тягостнее, начал помышлять о приобретении силы для ограждения себя от притеснения высшего класса; а более всего, для достижения независимости или вольного состояния и ниспровержения власти господствующего класса, для чего им необходимо было размножить число свое. Эта необходимость, вероятно, родила у них *обычный устав соприсяжного собратства*, которое заключается в следующем.

Человека, переходящего к ним из другого племени, по каким бы то ни было обстоятельствам, какого бы он ни был рода и звания, с семейством или без семейства, должно принимать в сочлены того рода, к которому беглый явится, и водворять его, дав ему для этого необходимое вспомоществование, приводя при чем к присяге, состоящей в том, чтобы быть верным новому своему обществу и исполнять основные того рода или фамилии условия.

Мы не можем определить, в какое время сей *обычный устав*

собрatства образовался и кто были его основателями, хотя эти племена с восторгом упоминают о некоторых из своих сочленов, отличавших себя различными неистовствами от толпы черни, у которых они были Гуссен-Лувертюрами¹¹². Как бы то ни было, обычный этот устав соприсяжного собратства был гробом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии. Подвластные князьям и дворянам люди соседних владений, крепостные или вольные земледельцы, при малейшей обиде или угрозе со стороны владельцев, даже и без того, начали переходить к ним, где были принимаемы и водворяемы, что, постепенно умножая силы и населенность тех, ослабляло и уменьшало других. Чрез такое усилие простой класс, то есть вольные земледельцы, в вышеупомянутых трех племенах наконец достиг до возможности разрушить и власть дворян, над ними господствовавших, которые, гордясь своим происхождением, не прибегая к такому роду усиления, пребывали долгое время в совершенной беспечности. Такое состояние дел, однако ж, не могло быть продолжительно: последовало всеобщее потрясение. Дворяне в абедзахском, шапсхгском и натххоккоадском племенах, также князья и дворяне в соседних с ними княжеских владениях, для которых страшное усиление в горах класса вольных земледельцев равно было пагубно, в различные времена единодушно действовали, имея целью искоренение этого *обычного устава соприсяжного собратства* в трех упомянутых племенах и восстановление там прежнего порядка подчиненности простого класса власти дворянства. Напрасно они потоками проливали кровь: все было тщетно, и простой класс в этих племенах достиг до совершенной вольности, пагубной для высшего класса всей Черкесии.

Следствием этого *соприсяжного собратства* в племенах абедзахском, шапсхгском и натххоккоадском до основания разрушилась самобытность владений вепсского, ххеххадчьского и жанинского (см. выше сего отд. глав. 10). Простой класс этих владений, даже и большая часть крестьян, принадлежащих дворянам и князьям, присоединясь к племенам, имеющим *соприсяжное собратство*, соделались членами родов, составляющих эти племена; а владельцы их рассеялись по всей Черкесии, и все княжеские владения приведены были в бессильное состояние.

Дворянские роды в абедзахском, шапсхгском и натххоккоадском племенах первоначально свое унижение неравнодушно переносили, в особенности дворяне шапсхгского племени, которые, оставя свою родину, долгое время искали помощи других племен и проливали много крови, подстрекая высший класс во всей Черкесии к действиям вооруженною рукою против своего отечества. Но человеку свойственно покоряться необходимости, и привычка делает сносным и самую тягостную перемену. Эти дворяне, лишась прежнего своего могущества, опять остались жить между бывшими своими подвластными, единственно лишь знавшими некогда законы покорности, не получив прежних своих прав, но пользуясь некоторыми преимуществами до того времени, в которое *шариат исламизма* вовсе не сравнял права каждого жителя этих племен (см. выше

отд. 3, глав. 2 и 5).

Эти замечания, кажется, дают достаточное понятие о причинах усиления одних и падения других племен, составляющих народ черкесский. К сему присовокупим, что в настоящее время *обычные уставы соприсяжного собратства* имеют вящую силу, и потому в княжеских владениях владельцы обходятся с осторожностью с людьми, им подвластными, боясь побега их к племенам *абедзахгскому, шапсхгскому и натххоккоадьскому*, имеющим народное правление, основанное на вышеописанном обычном *соприсяжничестве* или *собратстве*.

ГЛАВА XVI. КОЛЕНА, ОБИТАЮЩИЕ МЕЖДУ ЧЕРКЕСАМИ

Народы, которых отторгнувшиеся части или колена живут между черкесами, суть: а) абхазский, или абадзинский (см. прим. 40), и б) ногайский.

Здесь предлагаются очерки этих колен с тою целью, чтобы читатель, ознакомясь с черкесами, имел сколько-нибудь понятия и о тех из жителей Черкесии, которые, не будучи соплеменники, но искони обитая между черкесами, состоя с ними в родственных и общественных тесных связях, некоторым образом составляют с ними, так сказать, одно тело, а между тем сохраняют и свой язык и некоторые свои обычаи и нравы.

а) Колена абадзинские и абхазские

Колено первое

Б а с х и г х

Этим коленом владели с незапамятных времен шесть первоклассных абадзинских фамилий; почему абадзинцы эти известны под именем *шестиродных*, или *алтикесеков*.

Колено второе

Б е с с и л ь б а й, также Ш е к х е р е - у

Черкесы первым* именуют этих абадзинцев; второе же название они сами себе дают.

В следующей таблице поименованы знатнейшие дворянские роды и принадлежащие им аулы предыдущих этих двух колен.

ТАБЛИЦА,
показывающая число и названия знатнейших фамилий
и принадлежащих им аулов в 1-м и 2-м предыдущих
абадзинских коленах, а равно и места их жительства

Название фамилии	Число аулов	Названия аулов	Расположение аулов	Примечание
Первого колена:				

* В оригинале: «первыми» (Ред.).

1 Лов-хе	2	Ловккоадь	По обеим берегам вершины	Сии 6 родов владели басхигцами до покорения их кабардинцами. Народ и мелкое дворянство им принадлежали
2 Кклишь-хе	1	Клишккоадь	Кубани	
3 Дударокко-хе	1	Дудароккоае	На южном берегу Кубани	
4 Ккяше-хе	1	Ккяшехабль	На Куме	
5 Дянтемир-хе	1	Дянтемир-хабль	На Малке	
6 Биберд-хе	1	Бибердккоадь	Одна часть на Ккой-дане, а другая на Ничаде, за Кубанью	
7 Трам-хе	3	Трамкккоадь	Одна часть на Малке, другая на Кубане, а третья за Кубанью на Оарпе	
8 Аслан	1	Асланххабль	[На] Шекеме	
Второе колено:				
1 Исмейль-хе	1	Исмейлккоадь	На Оарпе за Кубанью	
2 Ккзильбечь-хе	1	Ккзильбечь ккоадь	На Кунче	
3 Сид-хе	1	Сидьккоадь	На Оарпе	
4 Еккебекко-хе	1	Еккебеккоай	} На Кунче	
5 Кканберд-хе	1	Кканберд-ккоадь		
6 Ешькет-хе	1	Ешькетххабль		
7 Ххауд-хе	1	Ххаудьккоадь		
8 Трмзжь-хе	1	Трмзжь ххабль		

Колено третье

Б р а к к и й

Колено это, по исследованиям г. Броневского, включает в себе 560 семей, или дворов, которых жилища расположены между лесистых гор по речкам Ххотц, Хгупс, Псне и другим ручьям, впадающим в Малую Лабу*. Бракиевцы граничат с бейсленейцами и бесельбайцами; над бракийцами имели власть и кабардинцы, но в настоящее время они все состоят в некоторой зависимости от князей бейсленейских. Власть этих последних признают над собою в особенности те из бракийцев, которые живут ближе к равнинам и пользуются ими. Старшины в этом колене суть дворяне из рода *Хгунтчеко-хе*.

Колено четвертое

Ш е д ь р и й

Старшины в этом малочисленном колене из дворянского рода *Цкесшь-хе*. Числом всех *шедьрийцев* не более ста дворов, или семей. Главнейшие места их жительства в окрестностях вершины Малой Лабы на речке Хгупсе довольно крепки. Шедьриевцы зависят от властей князей бейсленейских.

Г. Гильденштедт разделяет Абхазию на три части, называя одну из них северо-восточною*. Эту часть Абхазии, и по этому разделению самую меньшую, составляют вышепоименованные колена абадзинского, или абхазского, народа, обитающие между черкесами, большею частью* состоя

* У С. Броневского: «Псине» [18, ч. 1, с. 340] (Ред.)

* См. у И. Гильденштедта: [34, с. 144-145] (Ред.).

* В оригинале: «большая часть» (Ред.).

от них в зависимости.

Колена эти, будучи все одного народа, разделены между собою наречиями, частными наименованиями и другими обстоятельствами; об этом их разделении может дать понятие разделение черкесского народа на владения и племена.

Время отторжения этих колен от Абхазии определительно неизвестно, хотя полагают, что оно последовало в исходе XVII столетия по причине вспыхнувшего в Абхазии сильного пожара междоусобий. Как бы то ни было, колена все эти, без изъятия, по переселении своем на север Кавказа, постепенно ослабеваемые несогласием своих владельцев, подверглись игу черкесских племен, как-то: кабардинцев и бейсленейцев.

Сильный легко находит причины и средства для обвинения слабого; кабардинцы и бейсленейцы покорили под свою власть пришлецов под предлогом, что они заняли земли, им принадлежащие; басхихгцы, поселившиеся на пределах кабардинцев, соделались подданными князей этих последних, а бесельбайцы, занявшие места, над которыми господствовали бейсленейцы, подпали под власть князей бейсленеевских.

Кабардинцы и бейсленеевцы, действуя соединенными силами, привели в повиновение и баркийцев, которые, пользуясь крепкими местами, долее хранили* свою независимость. Слабые шедьрийцы не могли защищаться от врагов сильных. Некоторые части бесельбайцев, укрывавшиеся в крепких ущельях, не долго противоборствовали страшному оружию потомков Инала. Таким образом, свобода этих колен исчезла, как едва они узрели северные равнины Кавказа, где долгое время свирепствовало могущество кабардинцев.

Черкесские князья, потомки Инала (см. 1-й части отд. 4, глав. 12), гордясь своим происхождением, не знают равного себе в Кавказских горах; итак, могли ли кабардинские и бейсленейские князья признать равными себе владельцев подпавших их власти абадзинцев? Они их признали равными своим дворянам. Это унижение нередко было причиною кровавых убийств; оскорбляемые абадзинцы, предпочитая смерть рабству, храбро сражались и решительностью своею часто отражали насилия грозных угнетателей, но ничто не спасло их. Положение новых подданных властелинов Кабарды и Бейсления было бедственно: кабардинские и бейсленейские князья посылали своих членов в недры их страны с названием *охранителей* (декоате или ухмако) под прекрасным предлогом – для их защиты от посторонних набегов, но в самом деле для их угнетения. Эти *охранители*, окруженные гордыми и корыстолюбивыми узденями, подлыми и бесчеловечными слугами, безжалостно разоряли народ. Если верить рассказам кабардинцев, то эти абадзинцы были в то время несчастнейшими рабами: не имели права располагать даже и плодами своих трудов, которых часть в виде подати отдавали старшинам – своим поработителям. В таком бедственном положении народ страдал, не смея ожидать перемены своей судьбы. Наконец, истощенные страшными бедствиями басхихгцы (абадзинцы

---

* В тексте: «хранившим» (Ред.).

шестиродные) просили русских начальников на Кавказской линии принять их под свою защиту; просьба эта была удовлетворена: часть их была поселена внутри кордона близ крепостей, что избавило их от насилия кабардинцев, которые, будучи этим раздражены, почти вконец разорили остальных, находившихся в их зависимости абадзинцев.

«Абадзинцы, – говорит г. Дебу, – восчувствовав выгоды, происшедшие от заведения между ними порядка спокойствия (были построены укрепления для их защиты от кабардинцев, не переставших их преследовать, учрежден родовой суд из их круга)*, соединением их приобретенного, также важность данной им защиты, уведомили о счастливом своем положении живущих за Кубанью алтикезекков (часть сих и бесельбайцев?)*, посему они значущими партиями начали просить местное российское начальство о позволении соединиться с своими однородными*, обещая перевезть с собою 30 000 народа. Таким образом, народ сей от человеколюбивого с ним обращения почел за милость то, что прежде не могли сделать все старания и иждивения начальствовавших на линии, имевших единственно целью уменьшить число противников, за рекою Кубанью живущих»*.

«Неспособность их (абадзинцев)* пристава¹¹³, – продолжает сей автор, описав причины, по которым отказано закубанским абадзинцам переселиться внутрь российской границы, и пользы, какие приносили там поселившиеся абадзинцы, – буйство казаков и наущения турков заставили сей народ в 1804 году бежать вместе с ногайским народом за реку Кубань, откуда уже в 1805 году возвратились к прежним жилищам. В 1808 году местное начальство принудило было их переселиться внутрь нашего кордона; назначенные им места простирались вниз по Кубани от *Еманжельгинского* поста до *Невинномысского* укрепления. Абадзинцы же, судя по своему многолюдству, почли такое назначение притеснением и потому отказались от сего предположения. То же местное начальство, чтоб непременно принудить их к сему переселению, велело отобрать у них скот, который отдан был под присмотр казаков, и обвести главное их поселение по реке Тахтамыше цепью, составленную из регулярных и казачьих войск. Таковое угнетение и отнятие у них не только всякого с их однородцами сообщения, но и необходимых для земледелия и скотоводства способов произвело в главном их селении необыкновенную смертность; почему и посланы были от начальства чиновники с врачами для осмотра обоего пола, но сей осмотр и женщин в обнаженном виде послужил к крайнему ожесточению абадзинцев, ибо по их обычаю и по врожденной нравственности женский пол у них почитается неприкосновенным и неприступным в сем виде, даже и для глаз единоутробных; а потому они с упорностью отвергли с нашей стороны

---

* В скобках текст Хан-Гирея (Ред.).

* В скобках текст Хан-Гирея (Ред.).

* У И. Дебу: «однородцами» (Ред.).

* См. у И. Дебу: [40, с. 129-130] (Ред.).

* Вставка Хан-Гирея в текст цитаты И. Дебу (Ред.).

всякое пособие и решились лучше умереть от недостатка необходимых потребностей, нежели в чем-либо быть нам обязанными.

Местное начальство для приведения их в послушание, упорно следуя избранному невыгодному плану и оставя скот, им принадлежащий, под присмотром тех же самых казаков, исключило народ сей в конце того 1808 года от зависимости, а дабы препятствовать добрым и угнетенным абадзинцам отлучаться от своих домов, учреждены были внутри их жилищ посты из регулярных и казачьих войск с пушками; лучшие же из их владельцев рассажены по крепостям. Народ, не имея другого способа избавить себя от столь тягостного положения, решился тайным образом рассеяться, что им и удалось; часть перешла за р. Кубань и водворилась между своими однородцами баселбайцами, от коих получают пропитание, а другая скрылась в лесах, вспомогательная человеколюбием своих однородцев; самая малая часть осталась на прежних местах и тут скрытым образом достают себе необходимое пропитание»^{*}.

После этих слов человека, бывшего там начальником и коротко знающего местные обстоятельства, нужно ли говорить, что могут быть пагубны для народа полудикого распорядения, предпринимаемые без обдуманной предосторожности и не сообразные с образом его мыслей и с его нравами?

Таким образом, абадзинцы, некоторое время наслаждавшиеся спокойствием, рассеялись: перешедшие за Кубань, по примеру однородцев, искони там обитающих, подчинились бейсленейцам. Другие же переселились в Кабарду и, будучи подвластны князьям этого поколения, там и поныне живут. Малое число оставшихся на Тахтемыше или Ккойдане абадзинцев, причисляемых к фамилии *Лов-хе*, приведено было в волнение одним обстоятельством, а именно: один из мелких дворян этого колена именем Кьнардекко из рода Лафшиевых, принадлежащих упомянутой фамилии *Лов-хе*, из числа главных владельцев басихгцев, непомерно своею гордостью противу бывших своих владельцев, от власти которых освободился, будучи пожалован в офицеры, обратил на себя их ненависть; оскорбляемые гордостью Кьнардока, члены фамилии Лов-хе, поразив его, удовлетворили свою ненависть и бежали за Кубань; семейства же их, состоящие из невинных женщин и детей, в наказание убийцам и страх туземцам местное начальство сослало в одну из отдаленных губерний. Таким образом, непозволительная гордость одного человека, сделав преступниками Ловов, привела в волнение остатки абадзинцев, обитавших на нашей границе.

Таков характер горцев: они не могут равнодушно взирать на гордость людей, бывших некогда под их властью! Счастье человека низкого происхождения возмущает их покой!

Абадзинцы здесь поименованных колен трудолюбивы, занимаются с прилежанием скотоводством и, говоря вообще, совсем освоились с черкесами: одежда и образ жизни совершенно те же, как у черкес; обычаи и

---

^{*} См. у И. Дебу: [40, с. 131-134] (Ред.).

даже нравы они более приняли черкесские, нежели сохранили собственные, и черкесский язык сделался у них всюду общим. Столько-то могущественно влияние времени!

б) Колена ногайские или ногайцы, обитающие в Черкесии

Мятежный полководец монголо-татар Ногай (правильнее **Нехгоай**), пожираемый властолюбием, в 1206 году по смерти Менгу-хана отделился от Большой Орды. Он некоторое время владычествовал в Дашт-Кипчаке, или Золотой Орде. Славное имя этого полководца (который, господствуя около Черного моря, состоял в союзе с греческим императором М. Палеологом) соделалось общим наименованием огромной части монголо-татар. Таким образом в недрах этого народа возникло новое поколение ногайское, которое содействовало к уничтожению своего корня; по смерти своего вождя ногайцы, хотя и составили особенное отделение, но по причине частых междоусобий своих с другими татарскими коленами, постепенно приходили в ослабление и тем самым способствовали возникшей от поработанной России к преодолению Золотой Орды (см. «Известия о Кавказе» соч. Броневского, часть 2, стр. 126*).

Ногайское это поколение, таким образом получившее свое начало, после многих превратностей судьбы окружающих его народов, наконец, подавленное местными обстоятельствами, рассеялось. Религия, исповедуемая черкесами, равнины, на южной стороне Кубани лежащие, обширностью своею и удобствами для пастушеского народа привлекательные, и более всего независимость черкесов манили отторгнувшиеся части ногайского поколения, непрестанно волнуясь от внутренних раздоров и других обстоятельств, скитавшиеся в волжских, донских, кумских и в окрестных Пятигорска степях, за Кубань к черкесам. Однако ж ногайцы, в Черкесию удалившиеся, скоро узнали, что независимость туземцев будет гробом собственной их свободы: соседственные с занятою ногайцами землею черкесы угоняли их скот и расхищали их достояние. Сверх этих разорительных и в той стране обыкновенных беспокойств, самовластие князей бейсленейских и тчмргойских угнетало ногайцев. Следствием этих притеснений они охотно возвращались впоследствии к пределам России. Но более из них приобывшие к черкесам, отторгнувшись от своих соположенников, водворились за Кубанью, состоя в связях с черкесами, где и поныне обитают. Настоящее местопребывание этих закубанских ногайцев есть южный берег Кубани противу дистанции, занимаемой Хоперским полком Кавказского линейного казачьего войска.

Ногайцы эти, подвластные мурзам Ккесаева рода, почему называющимися в общем составе *потомками Ккесая*; однако ж эти потомки разделяются на дома, или отрасли, которые опять имеют свои подразделения на отрасли домов следующим образом:

1. Дом Келеметовых

---

* Вероятно, ошибка переписчика. Должно быть: «Стр. 206» (Ред.).

Отрасли его:

1. Мансур-улы
2. Дударукк-улы

Улы или оглы значит сын

2. Дом Наурузовых
Отрасли оного:

1. Ниятца-улы
2. Батсирза-улы
3. Жаникк-улы

3. Дом Карамурзиных

1. Ккарасай-улы
2. Ккаспулат-улы

Мурзы отделения кипчак:

1. Акксакк-улы
2. Кубек-улы

Аулы, подвластные мурзам кипчакского отделения:

1. Дейнакк
2. Тутук
3. Женетлы
4. Курук-лы
5. Ккоралы
6. Жъван-таяк
7. Бота

Как мурзы этого кипчакского поколения, а равно и им подвластные аулы носят общее наименование **Кипчакк**, независимо от частных названий родов, отраслей и их аулов. Выше этого кипчакского отделения поименованные же дома мурз и отрасли их, а равно и им подвластные ногайцы не имеют общего наименования, подобно этому кипчакскому и следующему мангтскому отделению, а каждая отдельная часть имеет частное наименование, взятое, по большей части, от названия той отрасли рода мурз, которой та часть почитается подлежащею, также и от предков частных родов, подвластного мурзам народа, и от названия мест.

Мурзы отделения мангт

Солтан-улы

Эта отрасль мурз мангитского отделения, а равно и ей подвластные ногайцы этого же отделения имеют, как и в кипчакском отделении, общее наименование мангит независимо от частных наименований колен и аулов, как выше сказано.

Число всех ногайцев, обитающих между черкесами или в Черкесии, по исчислению г. Броневского, не более 5000 дворов, или семей*. Должно

---

* См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 225] (Ред.).

полагать (судя по беспокойствам, которым подвержены Закубанские владения), что населенность этих ногойских колен ныне весьма уменьшилась противу прежнего.

Несмотря на тесные связи с черкесами, закубанские ногойцы сохраняют и поныне свой язык, свои нравы и обычаи; впрочем, между ними язык черкесский, говоря вообще, сделался общим, также нравы и обычаи их смешались с нравами и обычаями черкесов. Связь этих двух наций имела влияние даже и на физические свойства первых: печать, так сказать, национальности, которую носят потомки монголо-татар в своих физиономиях, у закубанских ногойцев приметным образом изменилась. Тому, конечно, способствовали их браки с черкешенками. Прекрасные физические свойства черкесского народа во многом, так сказать, переродили физические свойства ногойцев.

Черкесские ногойцы храбры и способны переносить невероятные труды, как и их сопоколенники, обитающие и в других местах, но они превосходят тех ловкостью и умением управлять оружием, отличаются духом непокорным и воинственным. Живут не на колесах и не в кибитках, как говорили некоторые писатели, и не кочуют, подобно своим сопоколенникам; напротив того, их жилища суть жилища черкесов (см. 2-й части отд. 1, глав. 1) и образ их жизни мало отличается от образа жизни этих последних: домашняя утварь, одежда и вооружение те же, что и у черкесов, даже занятия и времяпрепровождение, пища и питье (за исключением некоторых национальных) – те же. Эти ногойцы, живя между черкесами, никогда не были от них в зависимости, в строгом смысле этого слова, как абхазские колена, однако ж необходимость местности принуждала их согласоваться с их соседями: бейсленейцами и тчмергойцами, господствование которых в окрестностях ногойцев закубанских, быть может, было причиною, что эти последние искали дружественных связей с абедзахами – сильным черкесским коленом (см. выше отд. 4, глав. 11). Как бы то ни было, они состояли в сношениях и связях с ними, как союзные племена. Ныне же, хотя и живут за Кубанью и в сношениях с черкесами, но состоят в полной зависимости от русского пограничного начальства, по распоряжению которого там находится русский офицер в звании пристава закубанских ногойцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

первой части «Записок о Черкесии»

(1) В народных преданиях черкес много любопытного говорится: о неких нартах, которые имели установленные поединки и жили в непрестанной междоусобной войне; они друг друга лишали жизни в единоборствах. Некоторые роды в Черкесии ведут свое происхождение от этих нартов, о которых предания, сходные с рассказами о русских богатырях, сколько ни баснословны, однако ж многими обстоятельствами свидетельствуют, что эти воины существовали в Черкесии, составляя

воинственные рыцарские общества. Из числа сих обстоятельств, примечательнейшие суть: название кавказских кислых вод около Пятигорска *Нартсан* (вино нартов); река за Кубанью *Нарт-ис-хо* (река нартов) и многие другие наименования. Сверх того, на местах, где по указанию народных преданий жили нарты и где тела их погребены, находят в земле оружия, отличающиеся необыкновенною своею огромностью.

(2) У греков по известиям Броневского – Гиппанис; у Птоломея – Вардан или Варданус; во время хазаров – Укруг и Варсан; у итальянцев – Копа*. Черкесы же именуют на кабардинском наречии *Псизжь* (старая вода), что по выговору низовых черкес произносится *Пи-з*. Татары и абхазцы – *Ккобан*, из чего россияне, вероятно, произвели название Кубань.

(3) Остров *Тамань* назывался: *Тмутара-кань* (см. Карамзина, т. 1, прим. 303)*, вероятно, от города, построенного там еще за 600 лет до Р. Х. (см. сей части отд. 2, глав. 3).

(4) Могут ли быть так выплавливаемы эти металлы? Я почел излишним справляться об этом, ибо это сведение во всяком случае показывает, сколько ограничены понятия туземцев относительно сего предмета; почему здесь поместил все то, что мне ими самими сообщено об их искусстве в плавлении металлов, не подвергнув оные исследованиям.

(5) Это животное называется туземцами *домбай*. Черкесы, видевшие в России *зубра*, уверены, что *домбай* тот же, что и *зубр*. Однако ж один натуралист мне сказывал, что домбай черкесский есть *дикий бык*, который во всех отношениях похож на зубра, и вся разница между ними только та, что у последнего бывает повыше шеи нарость или выпуклость в виде чемодана; не видав никогда *домбая*, я не могу сказать об нем ничего утвердительного.

(6) Упомянутый памятник получил настоящее название *Дукко-хе-ясин* (то есть Дьуковым принадлежащий памятник), от фамилии кабардинского дворянина *Д-дукко-хе* по той причине, что зимовья его находились близ памятника. Прежнее название сего памятника, а равно и кому был воздвигнут, неизвестно.

(7) Название *аул* (деревня) есть татарское, собственно черкесам неизвестное; заметим, однако ж, что эти последние употребляют это слово в смысле: *группа* или *куча*. Деревня же на черкесском языке именуется *ккоадь*, также и *ххабль*.

(8) «Четвертая доля киргиз-казаков, перешедших в 1801 или 1802 годах с султаном Букеем в Астраханскую губернию на вечное пребывание и пользовавшихся там самыми выгодными местами, возвратилась в 1820 году за Урал потому только, что разнесся слух, будто бы хотят им сделать перепись и поселить»*. Это замечание господина Левшина (см. его «Описание киргиз-кайсацких орд и степей») может предостеречь каждого

---

* См. у С. Броневского: [18, ч. 1, с. 135] (Ред.).

* Вероятно, ошибка переписчика. В издании, которым пользовался Хан-Гирей [67, т. 1], это примечание значится под №363 (Ред.).

* См. у А. Левшина: [84, с. 2-3] (Ред.).

предпринимающего исчислить населенность вообще необразованных народов.

(9) С достоверностью определить, когда именно черкесы приняли магометанскую веру, есть дело почти невозможное; но как многие старцы помнят время грубого язычества некоторых колен, то иные полагают, что сей переворот последовал назад тому около 80 лет (см.: «Картины Кавказского края» П. Зубова)*. Однако ж мы знаем, что и в отдаленные эпохи (около 1570 года) часть черкесов была магометанами (см. сей части отд. 4, глав. 2), из чего заключим, что некоторые колена черкесские приняли ныне ими исповедуемую веру весьма давно, а другие в позднейшее время.

(10) К внутренним углам стен домов прибивали деревянные кресты (что и поныне соблюдают некоторые жители гор); над могилами ставили железные кресты с траурным флюгером (см. 2-й части отд. 2, глав. 3). Отец или мать семейства на смертном одре делали завещание своим детям, сложив указательные пальцы крестообразно.

(11) Пятница – на наречии низовых черкес – *бересчешхо* (большой пост), на наречии же кабардинцев – *мерьем* (Мария). Оба названия пятницы, ныне черкесами празднуемой, как воскресение христианами, доказывают, что первые не были чужды обрядов религии последних. 2. Суббота – *бересчешхоуж*. 3. Воскресенье – *тхаумафе* (Божий день). 4. Понедельник – *блишха* или *блипе* (т. е. начало седмицы, из чего явствует, что черкесы считали неделю, начиная с понедельника). 5. Вторник – *хгу-бжь* (это название имеет смысл: противоположность или *кос* и дали, вероятно, потому, что сей день почитают неблагоприятным). 6. Среда на наречии низовых черкес *берескезий* (маленький пост), на наречии же кабардинском выговаривается *березжи* и тогда не имеет подобного смысла, что, как и другие обстоятельства, некоторым образом подтверждает, что низовые черкесы, то есть *дчахи* (кажется, древние *чихи*), исповедывали преимущественно христианскую веру.

(12) Наименование *пши* (князь) произошло от слова *нахипеш* или *выше*, которое на черкесском языке употребляется обыкновенно для означения высшей степени достоинства. Весьма естественно, что люди повиновавшиеся почитали тех, от которых были в зависимости *выше* себя достоинствами, и потому это название присвоилось классу, облеченному верховною властью, а впоследствии сделалось нераздельною с названием вообще *власти*; почему каждый зависимый человек именуется в этом народе того, которому обязан повиновением, своим *пши*, означая тем своего повелителя. Один княжеский род в Черкесии производит свое начало от одного *нарта* (см. прим. 1), который был, как говорит баснословие, вскормлен дичиною орлом в его гнезде, подобно Ромулу. Другие же роды ведут свое происхождение от какого-то греческого Ккайсара (Кесаря?).

(13) Название – *уздень* (правильнее озьдень), русскими нередко употребляемое, называя черкесских дворян, и означающее человека,

---

* Имеется в виду работа П. Зубова: [50] (Ред.).

которого *зависимость происходит от собственной воли*, есть татарское и черкесами никогда между собою не употребляемое¹¹⁴.

(14) Этого разряда дворяне в разных частях Черкесии известны под разными названиями, например, *орклякко* (может значиться родовой дворянин), *оркишхо* (большой дворянин), *дижьнихго* и проч.

(15) Сей разряд дворян именуется – *оркцо* (маленький, в смысле *незначительный* дворянин); также *орксе-волсхус*, под сим последним названием, говоря вообще, разумеют дворян, не имеющих собственных аулов.

(16) В иных владениях есть *биеколы* из дворян второстепенных и их называют – *биеколишхо* (великие биеколы), с каким названием сопряжены разные обязанности, например: когда в доме князя совершают *тризну* или торжественную поминку (см. 2-й части отд. 3, глав. 11), или по каким-либо другим случаям бывает торжественное угощение народа, они смотрят за порядком и проч. Заметим еще, что есть и другие обязанности родовые, переходящие от предков к потомкам, в одном роде или фамилии, как-то: *охранение знамя* и *глашатая*, то есть обнародование воли старшин и съезда (см. сей части сего же отд. глав. 3). Лица, которые несут сии обязанности, получают во время похода и наезда особливую часть добычи.

(17) *Едяхг*, собственно значит *читал*: однако ж когда это название относят к духовенству, то означает человека, учившегося духовным наукам, а потому под этим названием понимают и *духовенство*, которое составляет в Черкесии: *эфендии*, *кадии*, *муллы* и *моадзины*. Звание эфендия приобретается значительными познаниями духовных наук; из эфендиев же бывают и кадии, т. е. *духовные судьи*, которые разбирают и гражданские дела по *шариату* или по *гражданским законам* магометанским. Муллы в Черкесии суть священники, и для достижения их звания требуется лишь первоначальное познание религии. Моадзин есть помощник муллы, и обязанность его соответствует обязанностям дьячка при христианской церкви.

(18) Прозвание сего, прежде ничтожного, а впоследствии великого фанатика, есть *Ккодзи*, но русские, по выговору своего языка, назвали его просто *Козы*. Известно, что магометане ожидают, как иудеи, *мессию*, явление на востоке какого-то имама (духовного предводителя), который должен совершить важные перевороты в пользу последователей Магомета и к пагубе ему неверующих. Пользуясь сим народным религиозным ожиданием, *Козы-Муллы* и предшественники его *Хавка*, *Мансур*¹¹⁵ и другие производили на Кавказе страшные и гибельные волнения народов. Надобно знать невежественный фанатизм кавказских народов, чтобы иметь полное понятие о влиянии духовенства на умы туземцев – магометан. Когда мы приготовлялись к отправлению в Грузию на открывавшуюся персидскую войну, многие из знакомых нам черкесских князей увещевали нас оставить это предприятие, которое, по мнению их, было противно религии: «Ибо явился ожидаемый *имам*¹¹⁶», – говорили они и уверяли, что этот *имам* с длинною и черною как смоль бородою ездит на белом коне, в белой одежде,

имея в руках белую же небольшую палочку, которою, указав на неприятеля, творит *чудо: ни пушки, ни ружья не стреляют* и проч. При встрече генерал-адъютантом Бенкендорфом Аббаса-Мирзы близ Тавриза, видя этого славного персидского принца с длинною черною бородою, на белом коне, в белой одежде и с белою палочкою (коей ручка была украшена бриллиантами), я вспомнил рассказы черкес об имаме, которые точно относились к Аббасу-Мирзе, и удивился тому, что всякая новизна на востоке готова возжигать пламя религиозного фанатизма кавказских народов, исповедующих магометанскую веру.

(19) Название *льфекотл* не имеет никакого ясного значения, и я назвал сей класс *вольными земледельцами* потому именно, что в настоящее время малейшая только часть *льфекотлов* состоит в некоторой, так сказать, поверхностной зависимости от высшего класса (и то только в княжеских владениях), а прочие пользуются совершенною вольностию; притом все без изъятия занимаются земледелием, не почитая эту промышленность, подобно дворянам, неприличною. Итак, название сие, кажется, приличествует этому классу, почему, где встретится в сих «Записках» название *льфекотл*, должно разуметь *вольного земледельца*.

(20) Слово *кодохг* может иметь двоякий смысл: *соучастник судьбы*, а также *поручитель в исполнении условия*. Буде господин, водворивший у себя крестьянина на условиях, переступит их, то сей последний имеет право удалиться к своим *кодохгам*, которые оставляют его у себя до тех пор, пока не доставят ему удовлетворение; буде же крестьянин выходит из повиновения своему господину противно условиям, на основании которых он водворен, то сей последний по законам должен объявлять о том *кодохгам* крестьянина, которые принуждают его к повиновению; в противном же случае господин уже имеет право поступать с крестьянином по произволу своему и *кодохги* не должны более вмешиваться в дело, относящееся до крестьянина, и защищать его. Когда князя водворяют у себя дворян, то также дают им *кодохгов* из старожилых дворян, и буде князь, переступив свои условия, заключенные с дворянином, вновь им принятым, его обидит, то *кодохги* сии требуют от князя удовлетворения обиженному и в случае неполучения удовлетворения вместе с ним оставляют того князя и нередко и свою родину, что родило и самое название *кодохг*. Это обыкновение, употребительное между самими князьями, служит связью и охранением в Черкесии между классами¹¹⁷.

(21) Фамилия *Декузиевых*, из первостатейных дворян Тчмергойского владения (см. сей части отд. 4, глав. 5), присваивает себе право требовать от убийцы члена своего *дома* в числе *пени*: пару сапог, наполненных золою из сожженной шелковой материи; *ось* под телегу из дерева, черкесами называемого *шебар*, которое редко бывает толще обыкновенной восковой свечи; ручного *льва* и проч. Разумеется, что они ничего подобного не получают, однако ж, основываясь, так сказать, на неограниченности достоинства своего рода, берут страшную плату (*пени*) за всякое оскорбление, им наносимое, буде провинившийся слабее их, а в противном

случае вражда никогда не прекращается. Из этого обстоятельства явствует невозможность пояснить удовлетворительно родовые права высшего класса в Черкесии.

(22) *Сшьха*, собственно значит голова, но по введенному в Черкесии обыкновению принято за правило при платеже за кровь, равно и за жену, считать плату *головами*, некоторым образом, как бы говорилось, *штуками*; однако ж эти головы разделяются на степени, например: первостатейная, простая и проч. Голова первостатейная стоит по самой высокой цене 4 души молодых людей обоего пола, простая – по самой высокой цене – 4 штуки рогатого скота средних достоинств. Сие объяснение может дать некоторое понятие о платежах *головами*, которые, впрочем, еще многообразны.

(23) *Калым* есть татарское слово и неупотребительное черкесами, на языке же сих последних плата, получаемая за дочерей при выдаче их замуж, называется – *бхувас* или просто *васе́*. Пеня же, взыскиваемая за кровь, – *львас* или *левас*.

(24) Здесь должно разуметь под названием гостей только тех, которые приезжают из другого племени, следовательно, гостей – путников, равно как и чужестранцев.

(25) *Съезд* сей был на р. *Псчетникко*, находящейся в 5-ти верстах от крепости Анапы на восток, почему и назван именем сей речки.

(26) То есть внесли в журнал. Договоры, заключаемые между черкесами, обыкновенно лишь сохраняются в памяти участвовавших в них лиц, а от них переходят и к потомкам.

(27) История народов представляет нам еще страннейшие права, например: у славян были два рода, которые имели право жечь селения и косить хлеба, встречаемые на пути во время их шествия на народные собрания (см. «Ист. Рос. гос.» Карамзина, том 1, стр. 78, прим. 169)*.

(28) *Шьвахг*, собственно значит *ошибка* (слово это может быть переведено и так: он ошибся), буде кто, не зная лично князя, оскорбит его словами или каким-либо поступком, как-то: украдет лошадь у него или у его гостя и в прочих подобных случаях, князь имеет право взыскать с виновного *пеню* или штраф, впрочем, не всегда определительную, который и называется *шьвахг*.

(29) Взыскиваемый штраф они сами употребляют в свою пользу. Впрочем, это относится преимущественно до княжеских владений, ибо в племенах, имеющих народное правление, взыскиваемый штраф, арабским словом «*тазир*» ныне называемый там, нередко употребляют на общую пользу. Заметим здесь, что для исправления нравов или для удержания людей от поступков, заражающих нравственность народа, налагают *штрафы* нередко на сочинителей или, лучше сказать, слагателей безнравственных песен.

(30) Слово *тхханшь* соответствует слову *приход*. Во время язычества сих племен жители там сходились к известным рощам, пещерам и другим

---

* См. у Н. Карамзина: [67, т. I] (Ред.).

примечательным местам, где и совершали жертвоприношения разных животных.

(31) Князя Малой Кабарды, происходя от *Канока*, почитаются ближайшими родственниками князей бейсленейских (см. отд. 4, глав. 3), которые ведут свой род от того же *Канока*.

(32) Как кабардинцами, равно и прочими черкесами* название *Малой Кабарды* неупотребительно, а каждое из обществ, ее составляющих, именуется само по себе своим названием.

(33) Кабардинцы все эти исторические предания выдают за достоверность, не подлежащую никакому сомнению, основываясь на сказаниях древних *песней*, в которых воспеты подвиги героев кровавых опустошений, их предками произведенных, можно сказать, по всему Кавказу; но как мы не можем верить народным песням, почитатели которых по произволу разгоряченного воображения превозносят героев своих поэм превыше человеческих возможностей, то поищем других свидетельств, могущих дать этим народным *песням* право на внимание потомства.

«Новый царь Астраханский Касым также предлагал тесный союз великому князю (Василию Ивановичу, отцу Ивана IV Грозного), но едва посол его успел доехать до Москвы, черкесы, взяв Астрахань (около 1532 года), убили царя и с богатою добычею удалились в горы», – говорит знаменитый историограф России (часть 7, стр. 152)*. Следовательно, и предания кабардинцев относительно царства Астраханского справедливы, и народные *песни* содержат истины весьма важные. Заметим еще, что в одной песне, в которой излагается жизнь одного черкесского князя, упоминается, что «*во дни его славы черною дубосарскою тканью одевались*». Из этого можно догадаться, что черкесы тех времен имели сношения с Польшею: жребий ли войны им доставлял оттуда добычу, или купцы привозили к ним тамошние изделия. Между прочим, заметим...*

(34) В конце 16 столетия некоторые из них удалились в Россию; следовательно, самое ужаснейшее междоусобие в Кабарде можно с некоторою основательностью отнести к тому времени, тем более, что в 1608 году послы от князя Солоха были присланы к царю Шуйскому, и, как известно, при сем князе, которого три славных в преданиях народных сына погибли в одном сражении, губительное пламя междоусобий свирепствовало в Кабарде беспрерывно.

(35) Имена сии кажутся ногайскими, почему надобно думать, что и послы были присланы от пятигорских и кубанских ногайцев, которые, обитая между вершинами рек Кубани и Малки, состояли в союзе с кабардинцами и потому могли вместе с ними присылать и послов.

(36) Арабское слово «*махчеме*» значит *судилище*: следовательно, важность перемены состояла почти в одном только *названии*. Так,

---

* В оригинале: «черкесскими» (Ред.).

* См. у Н. Карамзина: [67, т. VII] (Ред.).

* В оригинале мысль не закончена (Ред.).

благоразумие извлекает важные пользы и из предметов, невежеству недоступных! Подобные этому обстоятельства были отчасти причиною тому, что в Кабарде составились из буйной молодежи скопища под названием абреков¹¹⁸, то есть скрывающихся в чужих племенах и жизнь свою проводящих среди опасностей; впоследствии из этих скопищ составились сильные партии, принявшие название *хажьретов*, то есть людей, защищающих свою веру от иноверцев, и это название духовенство своими проповедями соделало священным в мнении народа.

(37) Прилагательное слово *-хе*, а равно и *-ре* я прибавил при означении фамилий потому только, что туземцы, выговаривая оные, прибавляют их. Следовательно, это не будет лишнее, ибо, произнося название вещи на чужом языке так, как туземец должен оное произносить, скорее он вас поймет.

(38) Арабское слово «*вели*» может означать владельца, приятеля и проч., но здесь должно разуметь под сим именем председателя.

(39) Один случай, относящийся к жизни этого князя, сам по себе хоть маловажный, но показывающий некоторым образом характер черкешенок, достоин замечания. В сражении, происходившем между российским отрядом и черкесами, упомянутый князь в особенности отличился; в то же время другой князь другого колена оказал слабость духа, что разнеслось по всей Черкесии еще до возвращения сего последнего в свое владение. Прибыв же домой, в тот же день послал к жене взять ремень, называемый *кулак*, который пристегивается к обоим концам шелковой тетивы из лука. Княгиня отвечала, что нет требуемого ремня, князь вторично послал, однако ж и сей раз тот же был ответ. Огорченный муж послал в третий раз и велел сказать, чтобы она нашла требуемый ремень или удалилась из его дома. Княгиня, с сердцем бросая ремень посланному, сказала: «Не сыну Бехгорса (фамилия сказанного храброго князя) к чему нужна тетива?», тем показывая, что ей не мило быть женою воина, не отличившего себя подвигами храбрости.

(40) Абхазы землю свою называют *Апсне*, а себя именуют *апсь-о*; грузины их называют *абхазеты*, а черкесы *абадце́*, относя сие наименование собственно к абхазцам; впрочем, черкесы, живущие на северных равнинах за Кубанью, т. е. в княжеских владениях, называют нередко племена абадзехское, шапсхгское и натххоккоадьское вообще «*абадцэ́*», как бы желая под этим названием означать людей грубых; иногда даже скромные в похвалах к самому себе дворяне из этих племен, говоря о своем значении, произносят: «Конечно, я, как абадзинский дворянин, не знаток в вежливости, но надеюсь поддержать приличия, званию дворянина свойственные». При всем том, однако ж, название «*абадцэ́*», принадлежащее абхазцам, дают этим черкесским племенам потому только, что они живут с ними в соседстве и связях. Наоборот, эти племена, т. е. абадзехское, шапсхгское и натххоккоадьское, в некоторых случаях княжеским владениям, говоря вообще, преимущественно присваивают название *адхгэ́*, хотя это наименование есть общее всему черкесскому народу.

ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ

ЧАСТЬ II

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ОБРАЗ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНИЕ:

Жилища – утварь – пища – питье – одежда – вооружение – препровождение времени.

ГЛАВА I. ЖИЛИЩА

Народы, у которых простота есть, так сказать, удел жизни, довольствуются и для своего жилища простыми строениями. Поэтому и жилища черкесов весьма просты, и для постройки их не требуется продолжительного времени и трудов, однако ж дома их (см. прим. 1) не подвижные кибитки кочующего калмыка: они обыкновенно строятся продолговатыми четверугольниками; стены состоят из плетня и укрепляются посредством тонких столбиков или, лучше сказать, подпорок. Снутри и снаружи стены эти со тщанием обмазываются глиною. Верхняя часть стены укрепляется перекладинами, на которые изредка основывают и потолки; но большею частью не делают потолков и никогда досками не мостят пол, а вместо досок утаптывают землю, насыпанную в покое, что весьма нездорово по причине сырости, увеличиваемой и тем, что всякий день, выметая покои, поливают этот пол слегка водою, чтобы пыль не поднималась. К одной стене приставлен камин, над которым проведена сквозь крышу труба из плетня же, крепко обмазанного глиною и с перекладинами; напротив – низкая кровать. Стена в удобных местах унижена вешалками. Крыша обыкновенно бывает из отавы или осенней пожелтевшей травы, которую укрепляют тонкими шестами, перекинутыми по сторонам и вверху связанными травю же довольно красиво. По большей части дома состоят из одного жилого покоя, однако ж нередко приделывают в нем по углам кладовые и жилые небольшие отделения; в этих последних люди низшего класса и небогатого состояния принимают приезжих знакомцев; иногда там готовят пищу, а порой эти небольшие отделения служат детскою. Это описание может дать общее понятие о домостроительстве черкесов.

Достаточное состояние человека обыкновенно везде возбуждает в нем желание иметь все лучшее; и в Черкесии князья и дворяне, которым состояние и обстоятельства позволяют удовлетворять своим желаниям, строят в особенном виде дома, называемые *«тейххон»*, которые крыты или досками, или землею, с красиво складенным потолком на красивых перекладинах. По краям крыши прибивают для украшения доски, обделанные, так сказать, топорно-токарным искусством и нередко выкрашенные грубою краскою. Внутренность же, исключая потолка и дверей, почти никакою отделкою не отличается; однако, несмотря на то, строения эти весьма дорого обходятся владельцам по редкости столярных мастеров. В горах же нередко строят и срубленные дома¹¹⁹.

Гостиные дома (см. прим. 2) строят отдаленно от домов, в которых живут женщины; к ним пристраивают обыкновенно и конюшни. Кроме

гостиного дома еще строят один маленький домик, называемый «*лехгун*», для спальни женатого человека. Такой домик необходим и в каждом семействе, где несколько мужчин женатых или женатый имеет мать, а равно и сестер: муж с женою никогда не проводит ночи в таком доме, где кроме них другие люди ночуют.

Дома хозяев высшего класса обносятся оградой из терна или частокола, а изредка и забором из бревен; у простого же класса – плетнем.

Что касается до внутренних украшений домов, то они состоят в следующем.

Внутренние стены, у высшего класса, равно и у зажиточных поселян, завешиваются с большим искусством тканую соломенную циновкою, называемую «*хахге*», с черными фигурами. Вокруг стены же по полу устраиваются, около аршина вышиною, деревянные лари, похожие на те, какие в России находите в прихожих, и украшенные грубою резьбою. На этих ларях складываются подушки и одеяла рядом и у богатых закрываются парчовыми и из других материй сделанными занавесами. У поселян и вообще у простого, а иногда даже и у высшего класса развешивается по стене, для украшения же, каменная посуда. В гостиных домах нет подобных украшений, но зато при приезде многочисленных гостей блестящие их оружия служат лучшими украшениями для стен, по которым бывают развешаны.

При постройке домов и другого строения не соблюдают особенных правил, а располагают их по мере удобства места и смотря по обстоятельствам: если опасности угрожают, воровства и разбои часты, то селятся теснее и обносят целую деревню оградой; когда же наслаждаются безопасностью и спокойствием, то селятся рассеянно, смотря по удобности и красоте местоположения и проч.

Невзирая на простоту способа построения, черкесы живут чисто и опрятнее прочих горских народов Кавказа. Удивительно, что черкесы, пользуясь всеми удобствами своей земли, не строят домов, если не красивых, то по крайней мере теплых и спокойных: они сами же чувствуют неудобства своих жилищ, в особенности зимою, и я слышал неоднократно рассуждения их старцев относительно этого предмета. «Русские имеют, – говорили они, – много теплых тканей и кож и им можно бы жить в наших домах, а нам, терпящим во всем этом недостаток, прилично было бы переселиться в их дома». Заключим эту статью повторением слов г. Броневского: «Привычка к открытому воздуху доставляет черкесу ту выгоду, что в случае ненастья всякая крышка для него хоромы»^{*}.

ГЛАВА II. УТВАРЬ

Черкесы, по причине простоты жилищ своих, имеют надобность лишь в самой необходимой домашней утвари, и она состоит в следующем:

Сундуки, из России и Турции привозимые и красиво выкрашенные,

---

^{*} См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 106-107] (Ред.).

берегутся в домах с большим тщанием как для внутреннего украшения дома, так равно и для сохранения в них оружия, одежд и прочих вещей.

Подушки: большие или перины, обыкновенно набитые овечьей шерстью, и маленькие, или изголовья, равно как одеяла, покрытые блестящими шелковыми тканями, составляют большую роскошь зажиточных хозяев, которые ничего не щадят для приобретения этих богатых вещей, чтобы при приезде гостей иметь возможность для каждого знатного человека приготовить пышное ложе. Мебелей нет никаких, за исключением длинных и четвероугольных скамеек и маленьких скамеечек; прочее все заменяется продолговатыми подушками, постилаемыми на циновках, которые с изрядным искусством ткуются и входят в состав необходимой домашней утвари.

Котлы медные и чугунные, **умывальницы** медные – необходимые вещи в хозяйстве каждого и дорого ценятся.

Чашки, ложки и столы (круглые, на трех ножках) деревянные, со вкусом, в особенности чашки и ложки, делаемые самими черкесами, также вещи, необходимые во всяком хозяйстве.

Фарфоровые чашки, стаканы и прочие стеклянные изделия, привозимые сюда из России и Турции, весьма ценятся; равномерно имеют цену **тарелки** и **горшки каменные**, которые также входят в состав домашней утвари черкесов. В особенности зажиточные хозяева стараются иметь такие вещи, украшенные разными изображениями.

ГЛАВА III. ПИЩА И ПИТЬЕ

Пища. Вседневная пища черкесов также проста, как и жилища их, но в праздничные дни, а равно и во время приема гостей приготавливаемые ими кушанья многообразны.

Просынная или пшеничная крутая каша заменяет у черкес употребление печеного хлеба. Такая каша обыкновенно варится на воде, и когда зерна пшена разварятся надлежащим образом, то опускают в особливую посуду всю жидкость из котла, в котором приготавливается каша, и к этой жидкости примешивают молока, кислого или пресного, и сыра, искрошенного в мелкие куски; таким образом приготовленная похлебка некоторым образом употребляется как калмыцкий кирпичный чай, особенно в поле.

Баранина, говядина, козлятина, разные домашние птицы и вообще мясо: вареное, жареное и под соусом, различным образом приготавливаемое, составляет главнейшую пищу черкес. Также дичь и рыба употребляются ими в пищу. Молоко пресное и квашеное, масло, сыр свежий и сушеный и яйца служат для них важною пищею.

Капуста и бураки квашеные с перцем, тыквы, арбузы и дыни, также квашеные с перцем и горчицею, составляют любимую пищу низовых черкес в зимнее время, равно как бобы и прочие огородные растения, на зиму впрок заготавливаемые, которые в это время года бывают очень полезны, будучи приготавливаемы в виде похлебки.

Из пшеничной муки пекут хлебы и пироги с курицею, а также и

различные пирожки с мясом и сыром. Из муки же готовят в пяти различных видах жидкости вроде похлебки с пряностями, довольно вкусные. Более пятнадцати родов различных пирожных входят в состав поварского искусства черкес. На вкус все эти пирожные сладки и, так как их готовят с медом, то без привычки кажутся невкусными, кроме лишь некоторых.

Здесь кстати заметить, что черкесы, как и прочие азиатские народы, не употребляют вилок, а едят руками всякую пищу, хотя несколько для этого удобную; однако ж они имеют, как мы видели выше, и ложки деревянные, и их употребляют.

Всякого рода кушанье подается на особенном столике, и хозяева тщеславятся многочисленностью столов, заменяющих блюда во время пиршеств и приема гостей; таких столиков бывает от 12 до 30, а иногда более пятидесяти, даже и до ста.

За одним столом более не садится гостей двух или трех человек. Также почитается неприличным много говорить за столом, а в других местах и пить дважды за одним блюдом считается неучтивым.

Молодые люди не садятся за стол, на котором положен бывает целый баран, называемый *бхгоин*.

Хголиль – пища, приготовляемая из просяной муки с медом и сохраняемая весьма долгое время, лет по десяти, двадцати и более; этого рода кушанье исключительно служит походною или, лучше сказать, наезднической пищею. Князья и уздени гордятся тем, что имеют такие старые *хголили*, которые едят, запивая водою, и, находясь в наездах, употребляют весьма умеренно.

Головы бараньи помещаются на столах преимущественно для старшин и старцев. Сидящие за столом подают молодым людям, стоящим за ними, куски кушанья. Есть в баране составы, которые преимущественно кладут на стол так, чтобы гостю или старшине ловчее было их достать. Обыкновенно черкесы, говоря вообще, едят в день три раза: поутру, в половине дня и ввечеру позже. Те старшины, про которых в народе идет молва, что они отлично живут, обыкновенно поутру рано завтракают, в половине дня обедают вполне и пред захождением солнца закусывают, выпив чашку довольно крепкого напитка, равно как и поутру.

Питья. Вообще обыкновенные напитки черкес состоят в квасе из разных фруктов, как-то: из кислиц, груш, слив, терна, дикого винограда и проч., в особенности же крепкие напитки, из последних двух приготовляемые. Вообще привычка делает эти напитки весьма приятными. В горах изредка варят пиво; вина же делают много, в особенности соседи абхазцев, которые много этого напитка имеют и много пьют. Также гонят хлебную водку в малом количестве армяне, живущие между черкесами, а от них и другие этому научаются. Единственный бражный напиток собственно черкесский есть *баххсима* – род браги, приготовляемой ими из проса различным образом. Лучшего сорта этого рода напиток называется *мармезий*, приготовляемый на меду, вкусом сладкий, но чрезвычайно

крепкий и нечувствительным образом производящий сильное опьянение.

Относительно употребления пьяных напитков, черкесов должно разделить на две части, а именно: на верхних, как-то: кабардинцев, бейсленейцев и мехошцев, некоторым образом к ним принадлежащих; и на низовых черкес, т. е. всех остальных племен.

Первые, можно сказать, всю зиму проводят в пьянстве: зажиточные хозяева наперерыв зовут к себе князей и старшин *пить* и *веселиться* или к ним привозят крепкую *мармезию*. И тут по целым ночам пьют и забавляются: стрельба вторит иступленным их крикам и дым пороха столбом носится над их восторженными головами под сводом гостиниц или на открытом воздухе.

Так жила кабардинцы, когда были в совокупности, и другие им подражали; да и теперь то же делают, сколько это позволяет спокойствие и достаток. Бывало, сказывают, во время народных сборищ, всякую ночь князья и старшины проводили в полном веселии и нередко тут дела решали или, по крайней мере, толковали об них в самом приятном расположении духа. Впрочем, и ныне старцы, вспоминая прошедшие дни беззаботной юности, составив особенные круги, напиваются нередко допьяна, да и молодые люди иногда не отстают от них в этих подвигах. Напротив того, низовые черкесы никаких напитков до неумеренности не употребляют, да и самые напитки, у них приготовляемые, не так бражны. Между прочим, заметим, что в беседе подающий наполненную чашу говорит: «*Бог да дарует вам*». Принимающий же молит Творца о ниспослании всему их собранию благополучия. Когда поднесши чашу бывает почтенный старшина, то принимающий предлагает ему, чтобы он отведал, и этот, исполняя желание его, произносит благодарственные или молебственные слова.

Можно иногда позавидовать старцам-черкесам, веселым, полупьяным, в чаше удовольствия утопающим, хотя временно, все тяжкие недуги души: на лицах их тогда вы читаете сладостные чувства их сердец и с восторгом внемете откровенным их беседам: они, забыв бури времен, не раз их сокрушавшие, вспоминают голосом участия и дружбы о прошедших днях молодости и готовы без всякого сожаления, оставив своих кровных на произвол судьбы, переселиться к воинственным своим предкам, которых кровавые подвиги тут же так выразительно воспевают.

ГЛАВА IV. ОДЕЖДА И ВООРУЖЕНИЕ

Черкесы, отстав во всем относительно наук от азиатских народов, превзошли их в одежде и вооружении.

Мужская одежда у черкес красотой и удобностью превосходит все одеяния, мне известные, не только в Азии, но даже и в Европе, где просвещение процветает и где все, кажется, должно бы быть лучше, нежели у народа полудикого, стесненного предрассудками, не позволяющими распространять нововведений. Оружие у черкес также превосходно и отличается не богатством, но ловкостью, удобностью, вкусом отделки и добротностью. Здесь прилагается описание полного вооружения и одежды

черкеса.

Одежда:

1. *Цийй* – главный кафтан, суконный, или так называемая русскими **черкеска**, шьется из сукна; длиною бывает по колено, свободен, без воротника и с длинными рукавами; имеет на груди от шестнадцати до двадцати четырех патронниц, которые обложены серебряным галуном, каковым нередко обкладываются кругом и полы кафтана. Ниже патронниц делаются два боковые кармана для натруски с порохом и еще таких два ниже талии. Это платье есть главнейшая и лучшая из всех их одежд.

2. *Кептан*, или второй кафтан под главным кафтаном, шьется из шелковой или бумажной материи такого же покроя, только поуже, с воротником и без патронниц. Он бывает на вате с подкладкою и настеган.

3. *Сай* – такой же кафтан, но летний, без ваты.

4. *Рубаха* обыкновенно шьется из полотна или из белой ткани. Мужчины никогда не носят пестрых рубах.

5. *Шаровары*. Суконные с лампасами из серебряных галунов. Их шьют наверху обыкновенно просторными, а внизу узкие, так что с виду они кажутся узкими, а между тем вовсе не мешают движению ног. Под шароварами носят *портища* также из белой ткани. Зимой же носят шаровары на вате из бумажной ткани, а иные, преимущественно старики, из овчиной шкуры.

6. *Ноговицы* и *наколенники*. Их шьют из сукна же и обкладывают концы серебряным галуном. Это род штиблет.

7. *Обувь* состоит из *башмаков* красных, черных и желтых, не имеющих особых подошв, а похожих на чулки, вместо которых носят желтые башмаки. Зимой же носят и *суконные чулки*. Простые и бедные люди носят башмаки обыкновенно из воловьей кожи. Вообще обувь эта хотя легка, но неудобна и не соответствует прочей одежде черкес и образу их жизни.

8. *Шубы* и *полушубки*. Богатейшие имеют меха куньи, волчьи, лисьи и проч., покрытые сукном, европейского или турецкого изделия, или шелковыми материями. Полушубки шьются и богатыми и бедными из овчины и обшиваются нередко мехом выдры шириною в два вершка и уже. Волчьи шубы носят по большей части шерстью вверх. Люди недостаточные имеют шубы из овчинной шкуры.

9. *Шапки*. Обыкновенно шьются из овчины с кудрями и покрываются сукном. В прежние времена обшивали и шапки серебряным галуном, но ныне мужчины таких не носят более.

10. *Ременный пояс* с серебряными под чернию и позолоченными, чаще же железными, пряжками и пуговками. При поясе серебряная, позолоченная и под чернию или стальная жирница и стальная отвертка; в первой носят жир для смазки оружия, вторая употребляется для отвинчивания ружейных винтов.

11. *Бурка* из косматых черных войлоков и

12. *Башлык*, или род капюшона, который шьют из сукна и надевают от дождя сверх шапки. Эти обе вещи необходимы для наездника; они, так

сказать, заменяют ему жилище и защищают его от вьюг и свирепых непогод.

Само собою разумеется, что мы здесь описали то, что богачейшие имеют и что вообще в употреблении, но что не каждый из черкес имеет. Заметим, что слишком пышно одеваться почитается у них не очень приличным, почему стараются более щеголять вкусом, нежели блеском; чистоту же и опрятность предпочитают пышности. Простой класс народа и вообще беднейшие люди довольствуются летом верхним кафтаном из простого сукна, рубашкою или легким нижним кафтаном без ваты, шароварами суконными и башмаками из воловьей кожи. Хорошие воины высшего класса имеют сверх вышеописанных одежд блестящие полукафтанья, предпочтительно из алого сукна или бархата, шитые серебром и золотом с изображениями на них луны и проч. Их надевают пред сражением, когда каждый старается перещеголять друг друга красотою своего коня, блеском оружия и богатством наряда.

Вооружение

Во всякое время черкес бывает обвешан или окружен оружием: всегдашняя опасность его жизни того требует. В самый же час нападения лучшие воины высшего класса и богачейшие из них бывают с ног до головы покрыты сверкающими доспехами, которые состоят в следующем:

а) Наступательное оружие.

1. **Колчан** или сагайдак с луком и тридцатью стрелами. Это оружие есть самое древнее в Черкесии, и поныне существуют еще старцы, которые помнят то время, когда большая часть воинов высшего класса носила это вооружение, которое, вероятно, черкесы приняли от монголо-татар, но ни один народ, употреблявший это древнее оружие, не достиг до такой степени искусства в украшении его, как черкесы: серебряный прибор к колчану делается под чернью и позолотою. Чехол, на стрелы надеваемый, бывает шит серебром и золотом. Черкесы сами делают стрелы с большим искусством, но делать луков не умеют и достают их из Турции. В настоящее время это оружие употребляется реже, ибо все постигли преимущество огнестрельного оружия. Впрочем, и ныне знатнейшие князья и дворяне почитают приличным иметь сагайдак в готовности и носят его весною и осенью, ибо летом от жары лук становится слаб, а зимою от стужи слишком туг, так что в эти два времени года признается неудобным древнее это оружие.

2. **Сабля колчанная** (дятье). Она носится при колчане, имеет ручку чешуйчатую и обыкновенно бывает оправлена в желтую медь, с искусством чеканенную. Эта сабля имеет то преимущество над шашкою, что ею можно рубить и колоть, между тем как шашкою можно только рубить.

3. **Ружье**. Это губительное оружие в настоящее время предпочитается всем другим, и каждый черкес, начиная от пастуха до князя, имеет исправное оружие. Знатнейшие воины из лучших фамилий имеют ружья, оправленные в серебре под чернью, с позолотою и золотою насечкою на замке и надписью на стволе. Вместе с ружьем носят и подсошки, искусно оправленные и состоящие из двух тонких и упругих прутиков.

4. **Пистолеты.** Они бывают собственно черкесские и турецкие. Высший класс всегда имеет при себе заряженный пистолет, и оружие это бывает часто виною смерти при случайных спорах.

5. **Шашка.** Ее носят обыкновенно при ружье; кто имеет ружье, тот должен иметь и шашку. Оружие это в большом уважении у черкес, в особенности древние шашки; шашкою, как выше замечено, неудобно колоть, а только можно рубить. Ее ручка бывает оправлена серебром под чернию и с позолотою, равно как из черного рога и белой кости; у беднейших же черкес, из простого класса народа, иногда рукояти бывают деревянные.

6. **Кинжал.** Это оружие можно, так сказать, причислить к верхней одежде черкеса, в особенности у лучших воинов высшего класса, ибо они только снимают с себя кинжал тогда, когда скидают и верхнее платье. Черкес ест, пьет, говорит, забавляется всегда с кинжалом на поясе и спит, имея его под своим изголовьем, следовательно, он вечно вооружен.

В прежние времена принадлежал к вооружению черкеса и топорик (майде), и поныне у древних азиатских народов употребляемый. Также в отдаленных веках черкесы сражались и пиками, что видно из древних их песней, но ныне эти оружия более не в употреблении.

[б)] **Оборонительное оружие.**

1. **Шлем.** Шлемы делаются различных форм: высокие называются **танж**, а низкие **пдыпаб**, они бывают обыкновенно обделаны серебром с позолотою, с сеткою или забралом и с кистью наверху.

2. **Панцирь** или кольчуга. Это оборонительное оружие бывает весьма полезно в сражениях, между черкесами происходящих, когда нередко доходят до холодного оружия; кольчуги деланы из мелких стальных колец.

3. **Налокотники.** Их носят на обеих руках, и они делаются из железа, оправленного серебром с позолотою.

4. **Наручники.** Эти вещи вышивают[ся] мастерски на красном сафьяне золотом и серебром черкешенками и на них прикрепляются стальные сетки. Раструбы наручников, служащие защитой пальцев, укрепляются под налокотники.

В древние времена к этим оборонительным оружием принадлежали кольчужные шаровары, равно как латы, которые ныне очень редки и не в употреблении.

К вооружению черкеса принадлежит и конская его сбруя, состоящая в следующем:

1. **Арчак.** Он делается наподобие казацких, но не в пример красивее, легче и ловчее. Его со тщанием обклеивают сверху, то есть со стороны, где подушка, а иногда и кругом лицевых сторон сафьяном; щеголи же обделывают луки спереди и сзади серебром под чернию и с позолотою.

2. **Подушка** шьется по большей части из мешины, вывороченной и выкрашенной черною краскою, с каймою из красного сафьяна шириною в полтора вершка. Эта красная кайма обшивается по краям серебряным позументом.

3. **Вальтрап.** Он бывает из черного сафьяна; его обшивают также

серебряным галуном. Таких вальтрапов не требуется для арчаков, обделанных серебром, которых покрывают разными покрывалами для охранения от дождя и проч., разумеется, когда они не в употреблении.

4. **Потебеньки** делаются с разными искусно вычеканенными фигурами, из белой или красной юфты лицом вниз. Также над потебеньками приклеивают красиво обрезанные куски красного сафьяна, обложенные позументами.

5. **Потник** делается из войлока в 6 и 8 слоев; его покрывают сверху красным сафьяном, а внизу подкладывают желтую мешину.

6. **Уздечка** и подхвостник делаются с прекрасными серебряными с чернью, нередко и с позолотою пуговками и пряжками. Беднейшие же имеют эти вещи из простого ремня. Нагрудники редко употребляются.

7. **Стремена** делаются обыкновенно из железа разных фасонов; их обделывают иногда серебром и нередко с чернью. Простые стремяна лудят, чтобы не заржавели, вообще под низом делают спуск из красного сургуча.

8. **Треноги**. Их делают с петлями и с железными или костяными палочками.

9. **Плети** или **нагайки** делаются круглые и треугольные. Последние с особенным искусством плетутся и обыкновенно бывают украшены шелковыми лопаточками. Ремни, употребляемые как к конской сбруе, так и к ружью, вообще делаются из кожи рогатого скота и с особенным тщанием вырабатываются. Их красят синькою, а также и красною краскою, добываемою из ольховой коры, с примесью нередко и дубовой. Этой краскою выкрашенные ремни получают особенную доброту и мягкость.

10. **Седельный топорик с топориком.**

11. **Подседельный ящичек** для соли, обыкновенно костяной.

Вещи эти приделываются к седлу, когда на долге время воины пускаются в наезды. Однако ж не всяк их имеет, топоры употребляются в поле для постройки шалашей.

Ко всему этому еще надобно присовокупить вещи, составляющие необходимую, так сказать, утварь лучших наездников. Они суть: **аркан, железные маленькие оковы для пленников, огниво, кремь, трут, серные и восковые свечи, шило, запас ремней, чемоданчики, бритвы** и проч. необходимые вещи в поле. Даже отчаяннейшие головорезы имеют нередко при себе готовую погребальную одежду – род савана, что доказывает решительную их готовность умереть во всякую пору (см. 1-й части отд. 3, глав. 2).

Панцири (см. прим. 3. – Ред.), шлемы, сабли, шашки и ружья составляли прежде, да и ныне составляют богатство черкес высшего класса, и они до того имеют к ним сильное уважение, суеверием вкорененное, что лучшие оружия не показываются народу и со тщанием хранятся, переходя от предков к потомкам и составляя драгоценный клад каждого семейства, ими владеющего. Во всей Азии белое оружие было драгоценностью до введения огнестрельного оружия в употребление, и тогда ценность первого перешла к черкесам, которые поневоле искали такого оружия и им дорожили: ибо

всякая плата за кровь или за жену основывается на степени драгоценности этих вещей, и страшную цену обыкновенно назначают за неимением требуемого оружия (см. 1-й части отд. 3, глав. 2).

Ханы крымские, так сказать, рассыпали оружие для привлечения к себе черкесов; а князья сих последних уловляли хорошим оружием преданность своих дворян, почему и поныне о фамильных оружиях ведутся родословные с объяснением тех цен, какие за них даны были, и проч., о чем рассказывают и в настоящее время старцы. Знатнейшие панцири, сабли и шлемы и проч. имеют свои названия, которые переходят от предков к потомкам, хранящим их.

Драгоценнейшие панцири в Черкесии суть: *шаклихрь** и *дьлан кубе*. Первый находится у князя дчемргойского и почитается принадлежавшим *халифу* Алию, зятю Магомета; за него заплачено 30 душ обоого пола. Второй полагают принадлежавшим самому *Магомету*; он почитается драгоценнейшим из всех. Суеверных рассказов о сверхъестественности этих панцирей и других оружий в Черкесии очень много. Для любопытства здесь предлагаются поверья про эти два вышепоименованные панциря.

Однажды Халиф Алий, ложась спать, взглянул на свою кольчугу *шакшар* и ему пришла мысль, что если бы кольчуга была немного длиннее, то гораздо была бы и превосходнее. Поутру же вставши, он заметил, что кольчуга стала длиннее на четверть аршина и вновь приросшие кольца были белы как молоко. Сверх того, говорят, что будто бы тот, кто выстрелит в воина, одетого в *шакшар*, умрет тяжкою продолжительною болезнью, если только тот, на ком кольчуга, прокричал пред сражением трижды, что на нем заветный *шакшар*. Назад тому несколько лет один бедный дворянин, служивший у владельца этой кольчуги, будучи им недоволен, бежал от него и унес эту драгоценность. Это было зимою, и он, будучи пеш, был до того утомлен, что зарыл кольчугу в стог сена на поле, а сам отправился далее; княжеская же погоня, пустившаяся за беглецом по следам его, доехав до стога сена, как-то нечаянно нашла в нем спрятанный панцирь. Этот случай увеличил суеверие относительно сверхъестественности *шакшара*. Напрасно вы стали бы уверять, что и *шакшар* такой же панцирь, как и другие, и что если в нем белые кольца, то они также сделаны рукою человеческою, и разница вся в том, что белые кольца из другого металла, и одна усталость была причиною, что беглый дворянин дурно и небрежно спрятал кольчугу в сене, желая сам скорее достигнуть безопасного места от преследователей, и что все рассказы о том, будто бы кольчуга сжимала его и не давала свободы идти и проч., суть не более не менее как выдумка, чтобы скрыть свою боязнь, оказанную им при бегстве. Все эти слова будут тщетны: вам никто из туземцев не поверит.

О другой кольчуге рассказывают, что однажды *Магомет* ехал верхом мимо страшного пожара и, услышав жалобный вой какого-то животного, охваченного пламенем, вскакал туда и там нашел маленькую змею наверху

---

* Так в оригинале. Должно быть: «шакшар» (Ред.).

тростника, ожидавшую своей гибели от приближающегося к ней огня. Пророк, тронутый несчастьем этого пресмыкающегося, вывез его из пламени, посадив на палку, и таким образом была спасена эта змейка, которая показывала разными движениями, чтобы ее избавитель последовал за нею. *Пророк* из любопытства последовал за змеею, которая приползла к одной яме, где *Магомет* нашел кольчугу, которую и назвал «*дьлан-кубе*», т. е. змеиная кольчуга. Рассказывают, что дьлан-кубе сама по себе движется, и когда ее положат на дне сундука под другими вещами, то всегда находят по прошествии ночи опять наверху прочих вещей.

Показать вид сомнения в истине этого нелепого рассказа в глазах людей, с уверенностью про это рассказывающих, значило бы лишить себя их почтения.

Каждое знаменитое оружие имеет подобную историю: владельцы их выдумали эти рассказы, дабы увеличить цену своих сокровищ, что очень легко в стране, где суеверие готово все подобное подтвердить, а невежество передает эти толки из рода в род, от предков к потомкам.

Едва ли есть народ, в котором каждый воин имел бы на себе столько оружия, сколько имеет каждый воин-черкес. Он с ног до головы покрыт и обвешан доспехами. Но все это так хорошо пристроено, что ни одна вещь не мешает ни его ловкости, ни проворству.

*«Черкес оружием обвешан;
Он им гордится, им утешен:
На нем броня, пищаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан,
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет: пеший, конный –
Все тот же он; все тот же вид
Непобедимый, непреклонный»¹²⁰.*

Эти прекрасные стихи знаменитого русского певца кавказского пленника показывают простоту, удобность и ловкость черкесского оружия и одежды мужчин; и действительно, одежда и вооружение черкеса в своем роде превосходны.

ГЛАВА V. ОДЕЖДА ЖЕНЩИН

К счастью и удовольствию черкес, сама природа сотворила черкешенок прекрасными; а то бы не видать им стройных, как пышный явор, талий женщин, равно как и прелестной лебединой белизны тела, цветущих, как молодая роза, щек и густых локонов. Черкешенки лишены знания ухищренных искусств, которым, вопреки природы, говорят, женщины других наций украшаются. Если бы черкешенка употребила сурьму, белила или румяна, то сде[ла]лась бы предметом насмешек. Что же касается до одежды черкесских женщин, то она несовместна с их красотой и не стоит вполовину прекрасной одежды мужчин. Одежда эта состоит из следующего:

1. **Шапочка**, которая шьется предпочтительно из алого сукна, а иногда бархата, без меха; она обложена бывает сверху наперекрест узкими, а внизу широкими серебряными и золотыми галунами, изредка обсаживают шапочки маленькими, прекрасными серебряными пуговками с позолотою и обшивают самым узким и едва приметным мехом из выдры. Щеголихи иногда перевязывают свои шапочки маленьким платком наподобие чалмы.

2. Длинная узкая материя предпочтительно белого цвета, называемая *ихац хехгаиш*, вплетается в волосы. Как *ихац хсхгаиш*^{*}, а равно и шапочку носят только девицы и молодые женщины, а пожилым женщинам носить их почитается за кокетство. Женщина – мать нескольких взрослых детей и приметно пожилая – снимает с себя эти украшения, при каком случае делается маленькое пиршество, на котором присутствуют исключительно женщины. Равномерно вдовы по смерти мужей тотчас снимают эти уборы, некоторым образом означающие молодость и благополучие. Пожилые женщины и вдовы, лишившиеся по приличию права носить шапочку, надевают на голову платок преимущественно темного цвета, и такой головной убор называется в иных племенах *пльне*. Вообще все женщины, кроме девиц, поверх шапки носят покрывало белого цвета, которым, однако ж, не закрывают лица.

3. **Кафтан**. Длинные и короткие кафтаны шьют обыкновенно из разных материй и бывают на вате и на подкладке. Для застегивания кафтана на груди пришиваются по 12 пар застёжек серебряных с позолотою, которые издали придают большой блеск груди.

4. **Кафтан без ваты**, называемый *сай*.

5. **Рубашки** шьются из шелковых, бумажных и других тканей; они просторны и так длинны, что почти волочатся по земле; впрочем, не имеют никакого особенного покроя и отличаются широкими рукавами.

6. **Шаровары**. Их обыкновенно шьют из полосатой ткани очень просторные. Всякая женщина и девица носит шаровары, но их почти не видно, потому что они бывают закрыты рубашкою.

7. **Нарукавники** шьются из бархата наиболее алого цвета и пристегиваются к кафтанам, имеющим короткие рукава. Такие нарукавники вышиваются золотом и серебром. Однако ж они не в общем употреблении.

8. **Шубы** делаются из разных мехов и покрыты бывают или парчою, или шелковою или бумажною материею; обшивают их выдровым мехом шириною в два вершка. Женщины простого класса и бедные носят овчинные шубы и тулупы. Вообще девицы не носят шуб, даже и для молодых женщин почитается, в особенности в высшем классе, неприличным ходить в шубе, несмотря на неудобства их жилищ в зимнюю пору.

9. **Обувь** состоит из таких же башмаков, как и у мужчин, с небольшим различием в покрое, шитье и украшениях. У богатых башмаки обшиваются серебряным галуном и вышиваются золотом и серебром. Сверх того, молодые женщины и девицы знатных домов имеют так называемые *бхеваке*,

---

* Так в оригинале (Ред.).

т. е. деревянные башмаки, украшенные различными костяными украшениями, нередко и серебряными и с позолотою. Башмаки эти на двух ножках вышиною около полутора вершка.

10. *Пояс* делается преимущественно из красного сафьяна или юфты с серебряною и позолоченною, а у бедных с медною пряжкой. Богатейшие же имеют вместо пряжек огромные складочные бляхи, с большим искусством сделанные также с позолотою, а иногда и камнями.

11. *Корсеты*, или подвязка груди (бхгтчапх), как большая часть черкесов называют в иных местах: фох шьбе. Эта вещь, произведшая в Европе различные нелепые толки, требует подробного описания; ее носят только одни девицы с малолетства до замужества. Девицы высшего класса шьют корсеты нередко из красного сафьяна, даже и дочери простых черкесов, имеющих достаточное состояние, по большей же части – из желтой мешины; корсет короток и без рукавов, но прикрывает грудь до пояса; он всегда бывает очень тесен и спереди туго застегивается шелковым или другим шнурком. По обеим сторонам засовывают две дощечки шириною в вершок и в длину простирающиеся до оконечностей ребер. Также иногда закладывают одну дощечку короче тех на спине, чтобы корсет прямо сидел по телу. Эта одежда вообще немало способствует стройности талии черкесских девиц, у которых чрез то груди не бывают приметны. Корсеты переменяют так часто, как это позволяет состояние; их снимают и моют весьма часто, но редко девицы остаются без них целые сутки, ибо они и спят в корсетах, вынув только дощечки. При выходе замуж девицы остаются в корсете до первого свидания с мужем, причем, сказывают, мужья должны были сами снять эту девственную одежду, нередко испытывая затруднения, но теперь это обыкновение вывелось, хотя и ныне всегда остаются девицы в корсетах до супружества: ибо одежда эта есть некоторым образом принадлежность девушки, точно так, как у русских крестьянок выказываемая наружу коса. Прежде, бывало, мужья уносили из дому корсеты и так далеко бросали их, чтобы никто не находил; теперь же почитается приличнейшим оставлять корсет под постелью в том доме, где новобрачные проводят первую ночь. Дочери беднейших поселян шьют себе корсеты (ибо все девицы без изъятия их носят) из телячьих, козлиных выделанных кож, что, вероятно, и подало повод некоторым европейским писателям заключить, будто бы черкесы девочек своих на десятом году возраста, а иногда и прежде, обтягивают от бедер до груди сырою бараньею кожею и зашивают плотно к телу, в каком положении остаются девушки до замужества (см. «Извест. о Кавказе» Броневского, часть 2, стр. 111)*. Нет никакого сомнения, что это опрометчивое сведение, само по себе и здравым рассудком отвергаемое, произошло от невежества так называемых толмачей (переводчиков), которыми наполнены пограничные места на Кавказе и которых понятия о вещах и знание в языке ограничиваются, за исключением весьма немногих, в самом жалком и тесном круге. Впрочем, такая

---

* Точнее: С.110-111 (Ред.).

невнимательность и со стороны писателя непростительна, ибо и малейшая подобная ошибка дает ложные мнения и понятия о целых народах многочисленным читателям. Здесь нельзя не заметить, что, к стыду просвещения, многие европейские путешественники, желая увеличить число сведений, во время своего пребывания в Азии собранных, наудачу рассказывают своим соотечественникам непростительные нелепости в удовольствие легковверных, готовых пересказывать другим всякий вздор.

ГЛАВА VI. ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

По мере обширности знаний человека и круг его действий распространяется. Черкес же, которого занятия ограничены предметами, необходимейшими для простой его жизни, большую часть времени проводит в праздности или в упражнениях, праздностью же порождаемых. Так, высший класс, состоящий из князей и дворян, почитает неприличным их происхождению и достоинству упражнение в науках, доставляющих средство познавать мир, в котором живем; обычаи, нравы и занятия отдаленных народов, их историю; наконец, и самую природу. Равномерно считают не только не соответственным своему званию, но даже постыдным спокойно жить дома, утопая в неге и праздности, почему большую часть жизни и проводят они, так сказать, на коне в разъездах.

Весна и осень суть два времени в году, которые можно назвать у черкесов *наездническими*. Тогда князь, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят, *в поле*, где, избрав удобное место, располагаются в шалашах на всю осень или весну. Здесь каждому из них открываются занятия, исправляемые ими с полным удовольствием: служители и другие из молодежи разъезжаются по ночам в аулы за добычей, пригоняют быков и баранов для пищи, что иногда, смотря по удобности, делают и днем, также посылают в близлежащие *аулы* за провизией, которую нельзя приобретать молодецеством, как-то: за пшеном, молоком, сыром и проч.

Между тем лучшие наездники отправляются в дальние племена, там угоняют табуны лошадей, захватывают людей и с такою добычей возвращаются к своим товарищам, которые, всякую ночь пируя на счет оплошных жителей окрестных аулов, ждут их с нетерпением. Этого мало: князь – предводитель партии отправляет от себя посланцев к князю другого племени, своему приятелю, и тот дарит щедро посланных. Нередко сами князья ездят к другим князьям и принимают лично дары, которые в подобных случаях обыкновенно состоят в пленниках или в табунах лошадей, насильственным образом захваченных. В таких разбойнических, но воинственных упражнениях проводят они осень почти до наступления зимы, а весну – до сильных жаров лета. Если этого рода ловля бывает удачна, то во все время пребывания их в поле, они, можно сказать, без умолку поют песни, и веселые их клики оглушают воздух, а стрельба, знак удачи в наездах, сопровождает их радость, и эхо лесов вторит эти знаменья их торжества.

Наконец, при наступлении времени разъезда по домам, обыкновенно людей и лошадей, доставшихся им в добычу, они променивают на товары, и

тут начинается дележ всего приобретенного: для чего наездники избирают из среды себя таких людей, на беспристрастие которых более полагаются. Добыча делится на равные части по числу людей, составляющих партию, и каждый, начиная со старшего летами, выбирает часть, которая ему более понравится; и таким порядком раздел добычи продолжается до самого конца. Здесь оказывается такое уважение старости и вообще возрасту, что всякий человек из партии, хотя бы он был просто повар, но старше князя летами, прежде этого последнего имеет право выбрать ту часть, которая ему понравится. Впрочем, князь-предводитель получает независимо от дележа особливую часть. Здесь заметить должно, что если делимая добыча состоит из такого предмета, что те, у которых она отнята, открыв похитителей, могли бы требовать удовлетворения от предводителя похитителей, то предводитель обыкновенно предлагает партии получить только половину добычи для всеобщего дележа, а половину отдать ему с тем, что он доставит удовлетворение в случае взыскания; или предлагает разделить все надлежащим образом поровну с тем, чтобы в случае взыскания каждый внес полученную часть, и проч., какового рода условия подтверждаются нередко и присягою.

Поварам предоставляют шкуры баранов и быков, съеденных в продолжение пребывания партии в поле.

По окончании дележа князь возвращается к себе, распустив партию по домам. Жители аулов поздравляют возвратившихся с поля наездников, которые, обыкновенно, делают подарки их поздравляющим, в особенности старцам и пожилым женщинам.

В продолжение лета и зимы наездники остаются дома и откармливают любимых своих коней; они готовят новые сбруи и оружия или обновляют и украшают старые до наступления *поры наездничества*, когда опять пускаются в ремесло свое и предаются вышеописанным занятиям и ищут в них таких случаев, которые более их могли бы прославить, вместе с тем доставляя и добычи. В промежутке же этого времени, пользуясь удобным случаем и смотря по обстоятельствам, делают набеги, разбои, воровства и проч., равно как исправляют потребности домашних обстоятельств: ездят в собрания или съезды народные, также друг друга посещают.

Старцы и старшины, которым преклонность лет и обстоятельства не позволяют участвовать в предприятиях подобных партий, занимаются делами народными и своими домашними и проч.

Так проводили время князья и дворяне в Черкесии, когда они более наслаждались спокойствием. Одно зло иногда искореняет другое: с тех пор как черкесы подверглись непрерывным и всеобщим беспокойствам, то буйное время наездничества, в которое поселяне не знали покоя от нападения небольших партий наездников, прошло, как все проходит в мире, и потому ныне стали реже проводить осень и весну таким образом в поле, хотя, однако ж, от этого не слишком уменьшились опасности: так же по-прежнему дворяне ездят к князьям и служат при них целые годы, а князья по-прежнему

делают взаимные посещения, сопровождаемые наездническими разбоями и воровствами; по-прежнему же высший класс проводит время на коне в воинственных наездах, но тот дух жажды к славе наездничества, который одушевлял всех, приметно уменьшился.

Что же касается до простого класса, до земледельцев, то они проводят время таким образом:

После посева хлеба весною до сенокоса немногие занимаются приготовлением арб (телег на двух высоких колесах) и прочих домашних и земледельческих орудий. Другие с дворянами и князьями делят время и пользуются от них наградами или скитаются сами с целью где-нибудь и что-нибудь украсть, они толпами и поодиночке отправляются на поиски и страсть их к воровству доходит до презрительной степени. Иные сидят дома, ничего не делая, и с страхом лености ожидая наступления времени уборки хлеба. По окончании же уборки они снова предаются праздности, что опять, говоря вообще, порождает страсть похищать чужую собственность. С наступлением же глубокой зимы, пользуясь санным путем, навозят множество дров на все лето; после этой работы погружаются снова в праздность, которую на короткое время прерывают заботы о домашнем скоте.

В Черкесии, как и везде, жители мест, где менее удобства для скудного их земледелия, бывают трудолюбивее обитателей прекрасных равнин и не вполне знают бесполезные месяцы праздности, как называют последние время от весеннего посева до начатия покоса и уборки хлеба, что и доказывает склонность черкесов – жителей равнин к праздной жизни, порождающей многие пороки.

Мы доселе говорили о препровождении времени мужчин; теперь скажем о занятиях, в каких проводят время черкешенки, которые вовсе не любят праздности или не имеют возможности быть праздными.

Женщины и девицы высшего класса беспрестанно занимаются рукоделиями. Обязанность жены черкеса тяжка: жена шьет мужу всю одежду (см. прим. 4) с ног до головы; сверх того, вся тягость домашнего управления лежит на ней; пища и питье, приготовляемые для ее мужа и гостей, должны быть ей известны; равномерно она наблюдает за чистотою и проч. Заметим здесь для любопытства, что когда все кушанья готовы уже на столах к отнесению в гостиный дом, то хозяйке в высшем классе дают о том знать, и она идет в кухню осматривать чистоту и порядок, а потом снова возвращается в свое отделение. По окончании обеда или ужина ей обыкновенно сказывают, был ли доволен ее супруг и гости. Заметить должно, что это всегда делают близкие домашние.

Девицы, будучи ежедневными свидетельницами исполнения обязанностей своих матерей, приучаются к тяжким обязанностям, сопряженным с званием жены черкеса.

Относительно же низшего класса прибавить должно, что сверх всех работ по управлению домом и воспитанию детей жена простого земледельца помогает мужу и при уборке хлеба: она ходит с ним вместе жать серпом,

помогает складывать стоги хлеба, скирды сена и т. п. Словом, трудолюбие жен черкесов заменяет все недостатки, происходящие от праздности их мужей, и всю жизнь они проводят в занятиях, однако ж не чужды свойственной прекрасному полу склонности – любопытства и радуются случаю сойтись поговорить и даже посплетничать.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СОДЕРЖАНИЕ:

Земледелие. Скотоводство. Пчеловодство. Звероловство. Рыбная ловля. Рукоделия. Торговля. Доходы.

ГЛАВА I. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Эта ветвь народной промышленности, приносящая собою изобилие, может только усовершенствоваться постоянною рачительностью и улучшением земледельческих орудий, которые до высокой степени совершенства достигают лишь через долговременный опыт. К тому благодетельные попечения правительства распространяют земледелие и похвальное соревнование помещиков, которым оно приносит важные выгоды, даст этому источнику народного благосостояния прочное и совершенное основание. Черкесы же, чуждые всего этого, не могут заниматься как должно земледелием, хотя прекрасная их почва как бы имеет право требовать большого к себе внимания; поэтому и все их успехи в земледелии весьма ограничены, в чем удостоверимся, когда рассмотрим все части их сельского хозяйства.

Хлебопашество*. Жители равнин пашут землю плугом, сделанным наподобие украинского, в который впрягают обыкновенно четыре пары волов, которыми управляют три человека. Посеянные зерна боронуют бороною, но это орудие, составляющее столь полезную принадлежность хлебопашества, не употребляют при посеве проса, которое они более всякого рода хлеба сеют. Осенью, довольно поздно, сеют озимое, а весною рано – яровое. Весною же сеют и просо, но довольно поздно и не иначе, как когда выбежит трава, т. е. тогда, как волы, которыми пашут, станут тучнеть и поправляться, и это время называется у них *время большого паханья*. Тогда хлебопашцы, говоря вообще, проводят время в поле в шалашах.

Жители же ущелий и гор, не имеющие привольных долин для хлебопашества, имеют другого рода плуг, а именно малый и запрягаемый в одну пару волов. Этому же рода плуг употребляют и жители равнин для вспахивания мягких мест, годных под огородные растения. Те же из жителей гор, которые не имеют удобных мест даже и для пахания этими маленькими плугами, обыкновенно раскапывают землю особенного рода железными лопатками, имеющими вид топорика; в этих местах, по причине

---

* Подзаголовки этой главы в оригинале вынесены по центру отдельной строкой (Ред.).

беспрестанного употребления, почва нив делается чрезвычайно мягкой, и нередко употребляют и унаваживание, что вовсе неизвестно жителям равнин.

Вообще черкесы стараются сеять и собирать хлеба лишь столько, сколько им потребно для продовольствия до будущей жатвы, отчего, не имея запасов, в случае неурожаев, подвергаются всем ужасным последствиям голода. С одной стороны, причиною такого нерадения черкес в хлебопашестве немало служит и то обстоятельство, что у них нет удобного сбыта хлеба посредством торговли, которая бы поощряла трудолюбие селянина. Этому доказательством может послужить привязанность к хлебопашеству натххоккоадского племени, которое отличалось этим расположением со времени пребывания турок в Анапе, куда возили они хлеб на продажу этим последним.

Исследование и определение времени, когда этот народ перешел от пастушеского состояния к состоянию земледельца, было бы любопытно, но это обстоятельство с вероятностью определить невозможно, хотя, судя по народным вековым песням и преданиям, можно предположить, что хлебопашество введено в Черкесии с весьма древних времен, ибо в описании божеств мифологии этого народа мы видели, что в Черкесии чтили некоторого Созереша, покровителя хлебопашества, и ему в известное время приносили благодарственные молебствия (см. 1-й части отд. 2, глав. 5).

Огороды. Каждый порядочный хозяин имеет обыкновенно огород около своего дома, где засекает он всякого рода огородные растения. В особенности жители племен абадзахского, шапсххского и надхоккоадского занимаются огородною работою, и места их жительства изобилуют всякого рода овощами, свойственными климату этого края.

Садоводство. Жители равнин не имеют никакого понятия о садоводстве, приносящем так много пользы и удовольствия селянину и довольствуются дикими плодами, которыми изобилуют их леса. Жители же гор, в особенности окрестностей берегов Черного моря, несколько занимаются садоводством, или, лучше сказать, с некоторым тщанием берегут плодовые деревья, которые они умеют улучшать прививками и другими средствами.

ГЛАВА II. СКОТОВОДСТВО

Несмотря на то, что черкесы простотою жизни некоторым образом близки к пастушескому быту, они не радеют о скотоводстве, подобно другим народам, хотя страна, ими занимаемая, богата привольными пастбищами. Этому причиною непрестанная опасность, сопровождающая их в течение всей жизни. Впрочем, они занимаются скотоводством и во времена идолопоклонства чтили каких-то богов – покровителей скотоводства, чем доказывается, с сколь давнего времени они занимались скотоводством (см. там же)*.

Рогатый скот, черкесами разводимый, мелок, но сложен хорошо, сносен

---

* Автор имеет в виду предыдущую сноску, отсылающую читателя к главе, посвященной религии (Ред.).

для работы, тучен, бывает разных, но более темных шерстей; коровы весьма обильны молоком; волы чрезвычайно полезны для черкес, которые все работы производят ими, потому что у них почти нет употребления впрягать лошадей. Вообще рогатый скот необходим в жизни черкеса как для мяса и молока, так равно и для работы; также и из кожи этого животного делают поселяне обувь, а наездники сбрую конскую и проч. О воспитании рогатого скота прилагают довольно попечений: содержат в зимнее время в теплых хлевах и тогда кормят трижды в день сеном, а именно: на утро, в полдень и на ночь; также и поят в сутки по два, а иногда и по три раза. Само собою разумеется, что больных и слабых держат в особенных хлевах, летом же на ночь загоняют скотину в летние хлевы. Телят холостят на второй весне, и как между черкесами нет искусных людей для этой операции, то много телят от нее погибает. Для улучшения же завода не прилагается никакого попечения. Черноморское казачье войско, соседственное с черкесами, изобилует рогатым скотом самой лучшей породы; нередко отсюда черкесы достают коров и быков для завода, но этот рослый скот у них перерождается в мелкую породу. Этому из главнейших причин надобно полагать то обстоятельство, что черкесы доят слишком часто коров и телята от того бывают тощи, сухопары и мелки. Между тем достойно замечания, что у черкес, обитающих в степях, где во время летнего зноя стада не находят тени, рогатый скот гораздо крупнее, а, напротив, у жителей тех мест, где скот во время летних жаров находит защиту под тенью лесов, он мелок, и это не должно ли приписать тому, что травы, в тени растущие, не имеют столько питательности, как прозябающие на открытом воздухе?

Буйволы. Этот особенного рода скот принадлежит к числу домашнего скота, черкесами разводимого, однако ж буйволов имеют не все, по причине трудности их содержать, и большею частью лишь князья и дворяне. От буйволов много получается молока особенного и приятного вкуса; мясо же их нехорошо. Достойно замечания, что в прежние времена черкесы боялись воровать буйволов, из чего следует заключить, что эти животные пользовались у них особенным почтением, быть может, и были боготворимы в самые древнейшие времена, как египтянами: волы, собаки, кошки и другие животные.

Овцы. Это доброе животное чрезвычайно полезно черкесу: из овечьей кожи делает он шубу, единственную свою защиту от стужи; а из волны ткется сукно. Баранье мясо предпочитается мясу всех других животных: оно даже, некоторым образом, как бы почитается между ими, так сказать, за особенно благородную пищу. Овцы, собственно черкесские, особого рода и принадлежат к так называемой калмыцкой породе, различаясь только в том, что курдюки, или большие жирные хвосты, у этих последних раздвоены и цветом бывают обыкновенно темно-рыжие. Напротив того, у овец собственно черкесских шерсть бывает цветом черная, белая и серая. Курдюк же у них также большой, как у овец калмыцкой породы, но не раздваивается и с особенным еще хвостиком в конце большого курдюка. Черкесы дважды в году стригут своих овец: весною и осенью, что, полагать должно,

способствует к улучшению волны их; вообще волна черкесских овец мягка, нежна и длинна, в особенности у тех стад, которых пасут в летнее время в горах, где жары умеренны. Также осенняя волна предпочитается весенней. В некоторых племенах доят овец. Относительно воспитания овец черкесы также прилагают довольно попечения. Весною держат стада овец на лучших долинах, где они и распложаются. Ягнят не выпускают довольно долго пастись вместе с матками, а держат в особливых хлевах, где их и холостят. Летом те хозяева, которые живут у подошв гор, угоняют стада свои на высокие отлогости гор для устранения их от жаров. Те же, которые не имеют этой возможности, избирают такие места, где менее жаров бывает, или, по крайней мере, где можно найти более тени для укрытия стад от зноя. С наступлением осени стада пасутся предпочтительно на покосенных местах, равно как и на нивах, где после жатвы остаются обыкновенно отпадшие стебли проса с зернами. На зиму же снова загоняют овец в зимовли*, где обыкновенно выстраивают теплые хлева. Немошных овец держат в особливых хлевах, и всех вообще кормят сеном, но в хорошие дни не дают сена жирным, отделенным стадам, а выгоняют их на пастбища. В особенности это наблюдается там, где сильные бури и стужи не свирепствуют, и в этом случае требуется малое количество сена для прокормления стад. Баранов отлучают и случают осенью в известное время. Верховые черкесы, как-то: кабардинцы, бесленейцы и меххошцы – имеют довольно большие стада. Однако ж, говоря вообще, черкесы небогаты большими стадами овец, хотя все порядочные хозяева стараются иметь овец по крайней мере столько, чтобы в случае приезда гостей было бы на зарез, и это немало уменьшает стада гостеприимных хозяев.

Козы. Не только хозяева, как многочисленных, так и небольших стад овец, имеют коз, но даже не имеющие вовсе овец распложают их. В особенности жители гор большими стадами разводят коз, для корма которых не требуется большого количества сена, даже в горах и вовсе не употребляют сена, а гоняют коз в леса, где срубливают деревья, ветвями которых эти животные питаются гораздо лучше, чем сеном; а как корова, лошадь и овца не могут обойтись в зимнее время без сена, и между тем в горах в иных местах вовсе не имеется покосов, то жители гор с тщанием разводят более коз, питающихся столь удобно ветвями дерев, которыми покрыты горы, пригорки и холмы. Коз поистине можно назвать как бы сотворенными только для горных жителей: целые стада их, быстро бегая по скалам, питаются. Мясо и молоко их служат в пищу, а кожа употребляется с пользою.

Лошади. Конские заводы в Черкесии составляли некогда важнейшее богатство жителей, но ныне они упали и перевелись от беспрерывных беспокойств. Впрочем, с некоторого времени начали появляться новые заводы, особенно в Кабарде, где молодые статные лошади встречаются нередко. Превосходство черкесских лошадей для верховой езды описывать здесь было бы излишне: кто из г.г. русских офицеров, хотя раз бывших в

---

* Так в тексте (Ред.).

походе, кто из коннозаводчиков не убедился опытом, что лошадь черкесская есть верх совершенства относительно способностей, нужных для бега и для перенесения трудов? Сверх того, черкесские лошади сложены довольно хорошо и очень крепки. Что же касается до воспитания этих прекрасных и справедливо везде перевозносимых животных и улучшения конских заводов у черкесов, чуждых хозяйственного трудолюбия, то это весьма просто и состоит в следующем:

Кобылиц чистых статей, называемых *шахгдий*, отделяют косяками или небольшими табунами с видными и хорошей породы жеребцами и пасут их особенно на самых лучших пастбищах. Зимой жеребцов большею частью берут на конюшню до времени случки и тогда выпускают их в табун; причем заметим, в иных племенах стреляют из ружей. Главнейшее же воспитание меринов состоит в том, что жеребенка берут при наступлении зимы на конюшню, где содержат в продолжение ее на хорошем корму, почему он и делается ручным; с наступлением весны выпускают его в табун, а на зиму опять берут в конюшню и уже приучают под верх, сначала без седла, а потом и с седлом. Там, где распложают лошадей большими табунами, это правило не соблюдают, напротив того, жеребят оставляют в табуне и на зиму. На четвертой весне обыкновенно холостят их, и так как в Черкесии большой недостаток в хороших коновалах, то знатное число молодых лошадей делается жертвою этой операции. Вообще должно заметить, что у лошадей, которые первые годы пасутся на горах и берегах каменистых рек, копыты лучше образуются, и те из них, которые оставляемые бывают в табуне на зиму, делаются весьма сносны к перенесению холода. Черкесы замечают, что лошади хороших пород до девяти лет постепенно укрепляются в теле и достигают не прежде этого времени всех качеств, требуемых от доброй наездничьей лошади. Черкесы полагают, что соразмерные труды необходимы для молодой лошади, чтобы она сделалась сильнее и добротнее.

Удивительно, с какою неутомимостью и тщанием черкесы содержат верховых лошадей: дважды в году они откармливают своих любимых коней: летом при наступлении жаров и зимою при наступлении стужи. Откармливаемую летом лошадь ставят в конюшню, со тщанием обмазанную глиною и темную, чтобы мухи не беспокоили лошадей, в ней содержимых, однако ж эти конюшни не теплы в зимнее время, хотя черкесы и не употребляют попон для покрывания лошадей, также они не имеют для чистки их ни щеток, ни скребниц. Сначала дают понемногу овса, и эта дача продолжается таким образом с неделю; потом ставят перед лошадию бочку, которая стоит перед ней всегда наполненная овсом в продолжение трех или четырех недель. Каждое утро моют хвост, ноги, брюхо и вообще со тщанием чистят лошадь, что делается в день дважды. По происшествии же месяца или сорока дней начинают помаленьку ездить на раскормленной лошади, въезжая в день по несколько раз в холодную воду, и в это время дают ей просо, а сначала кормят овсом или ячменем. Таким образом выдержанная лошадь когда придет в такое состояние, что уже ей жир не будет причинять усталости, то наездники пускаются искать на них опасностей, славы и

добычи в удальстве. Сами князья собственными руками нередко обчищают копыты своих лошадей и моют их гривы мылом и куриными яйцами, хотя бы их окружала толпа слуг, готовых это исполнить.

Черкес, какого бы он звания ни был, скорее сам согласится быть голоден, чем лошадь свою допустит до этого. В то время, когда в 1833 году на Кавказе свирепствовал ужасный голод, князь Пшекой Черченейский кормил любимых своих коней разного рода нежными зернами, тогда как его люди претерпевали страшный недостаток и в насущном хлебе, и об этом обстоятельстве во всех племенах Черкесии рассказывали, как о похвальном подвиге. Впрочем, надобно правду сказать, что воин, полагающий все достояние свое в военных наездах, может ли не любить прекрасное животное, доставляющее ему такие выгоды и преимущества?

В заключение заметим, что черкесы, говоря вообще, не прилагают больших попечений об улучшении и разведении разных пород скота, и если у них некоторые из них, как-то: овцы, а в особенности лошади, превосходны, то это должно приписать более тучности земли и благорастворению климата их страны, нежели попечению владельцев.

ГЛАВА III. ПЧЕЛОВОДСТВО

Во всех племенах Черкесии более или менее занимаются пчеловодством¹²¹. В иных же местах имеют весьма значительные пчельники, которые приносят владельцам чрезвычайно много пользы: кроме употребления в домашней жизни, мед и воск с большею выгодой ими продаются. Для домашнего же употребления мед составляет главнейшее лакомство. Из воску делают свечи и клеенки.

С наступлением весны несколько хозяев, имеющих пчельные заводы, соединясь вместе, вывозят в удобнейшие места плетеные улья свои и, составляя один пчельник, там остаются до осени; при наступлении же того времени, когда пчелы перестают уже составлять соты, их морят посредством курения, оставя лишь нужное число ульев для расплода. Хозяева же небольших пчельников иногда берут [их] с собою в поля, где сами остаются для уборки хлеба, а чаще всего, держат и дома. Улья покрывают обыкновенно сухою травой, с некоторым искусством связанною. На зиму, в случае сильных морозов, ставят улья в землянках, что, впрочем, редко делается.

ГЛАВА IV. ЗВЕРОЛОВСТВО

Ловля зверей, как пушных, так и вообще диких, приносящая северным народам великие богатства и, судя по стране, занимаемой черкесами, изобильной разного рода зверями, могущая обогащать и их весьма важную торговую статью, к сожалению, не обращает на себя надлежащего их внимания. Этому две главнейшие причины: первая – опасность, с какою сопряжено пребывание в необитаемых степях и лесах, где наиболее водятся звери и где разбойники нередко основывают свои берлоги; вторая, не менее первой важная, состоит в том, что торговля мехами, будучи незначительная,

не поощряет надлежащим образом жителей к звероловству, к каковой промышленности, впрочем, черкесы имеют большую склонность: высший класс находит величайшее удовольствие в травле звериной; простой же класс также упражняется ловлею пушистых зверей, хотя для незначительных выгод, приобретаемых продажей мехов. Средства же, употребляемые черкесами для ловли зверей, заключаются в следующем: князья и дворяне имеют борзых собак, с которыми отправляются на ловлю зайцев и прочих мелких зверей. Также на целые месяцы нередко выезжают они для стреляния зверей, как-то: оленей, коз и других. Здесь заметим, что для человека высшего класса ловить зверей для продажи их мехов считается постыдным, да высший класс и не занимается этим. Простой же класс народа промышленяет ловлею волков посредством железных капканов, за недостатком же железа они делают капканы и деревянные, которыми, большею частью, ловят лисиц и зайцев; кроме капканов употребляют и другие хитрые средства (см. прим. 6). Чаще же всего стреляют всякого рода зверей из ружей. Ни соколов, ни ястребов ученых для ловли птиц и зверей черкесы не употребляют, подобно кочующим и вообще восточным народам. Черкесы величайшие охотники до травли вепрей или, лучше сказать, до стреляния этих страшилищ лесов, которых, впрочем, ни мяса, ни кожи не употребляют в свою пользу, а убивают их единственно для забавы; между тем при охоте этого рода удается им оказывать иногда удивительную отважность.

ГЛАВА V. РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Рыбная ловля есть, как известно, одна из важных отраслей народной промышленности, обогащающей многие страны, но она почти не приносит никакой пользы черкесам, невзирая на изобилие как рек их, так и, в особенности, вод Черного моря рыбою разного рода. Даже некоторые племена гнушаются употреблять рыбу в пищу, другие лишь изредка занимаются рыбною ловлею и то в весьма незначительном количестве; следовательно, этот предмет у черкесов и не заслуживает особенного внимания.

ГЛАВА VI. РУКОДЕЛИЯ И МАСТЕРСТВА

«Говоря вообще, степень просвещения народа служит к определению степени искусств, в нем существующих, однако ж есть необразованные народы, которых изделия удивляют Европу»,— говорит г. Левшин в своем «Описании киргиз-кайсаков»*. Черкесы по справедливости должны быть причислены к тем необразованным народам, которых рукоделия заслуживают удивления. Оружейники, золотых дел мастера и ткачихи производят превосходные изделия, в которых видно особенное их искусство, во многом достигающее высокого совершенства. В Персии и Турции и в других местах Азии вы найдете оружия более богатые, нежели в Черкесии, но с таким прекрасным вкусом обработанных там не увидите; двухствольные

---

* См. у А. Левшина: [84, с. 210] (Ред.).

ружья и пистолеты, в Черкесии делаемые, превосходны по своей легкости и удобности; они бывают с одним замком и с двумя, один на другой положенными стволами. Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова, и, что важнее всего, эта чернь и эта позолота почти никогда не сходят.

Черкешенки ткут серебряные и золотые галуны с отличным искусством и неподражаемым вкусом. К сожалению, ткаческое мастерство в Черкесии этим и ограничивается; другие произведения этого мастерства, как-то: сукна и тому подобные изделия, таковы, что, говоря об утонченном искусстве, на них нельзя обратить особенного внимания, и мы должны говорить об них, как о предметах грубого изделия: сукна везде ткутся для собственного употребления, и они иногда бывают довольно тонки; белые сукна красятся краскою, добываемую из ольховой и дубовой коры и из дерева, ими называемого «*хгоапхх*», которое дает желто-кирпичный цвет. Полотна ткутся в горах и то не везде, да и большею частью весьма грубые; однако ж полотенца и другие тому подобные вещицы иногда ткутся довольно тонкие, а изредка и с узорами. Этим мастерством занимаются исключительно женщины; они же с величайшим искусством вышивают серебром и золотом. В этом, равно как и в тканье галунов, само по себе разумеется, отличаются женщины высшего класса. Работа же женщин простого класса почти вообще груба и соответствует их состоянию; они также делают войлоки или полости и бурки при множестве других домашних работ. Еще в Черкесии есть и другие мастерства, как-то: кузнечное и медяное. Люди, занимающиеся кузнечным и медным делом, производят лишь грубые изделия. Сверх всего этого, черкесы делают седельные арчаки и стрелы с большим искусством и приготавливают порох.

Нет почти ни одного черкеса, который не имел бы огнестрельного оружия, ибо и земледelec под защиту ружья обрабатывает землю. После этого трудно ли [догадаться], что потребность пороха чрезвычайна у этих племен, и это самое [является] причиною, что в каждом ауле в небольшом количестве приготавливают порох следующим образом: соразмерные количества селитры, серы и угля смешивают вместе и всю эту смесь надлежащим образом толкут. Потом в сухом пузыре, довольно сильно качая, сушат, а после массу эту пропускают сквозь сетки, нарочно для этого приготовленные. Крепость или слабость пороха зависит от размера составов: селитры, серы и угля. Жители отдаленных мест от пещер, где добывается селитра, добывают это вещество из травы, называемой черкесами *дчез* или *ежьаишо*. Сушеные стволы этого растения варимы бывают в воде и по остужении окажется осадка селитры на отварной воде. Это средство добывать селитру делает то, что черкесы более нуждаются в сере, нежели в селитре. Невзирая на этот способ приготовления пороха, черкесы весьма в нем нуждаются, чему главною причиною служит значительное, как замечено выше, его потребление.

Главнейшие произведения мастерства мы здесь уже упомянули;

описание же каждого мелочного предмета было бы излишне и обременительно без пользы, почему прибавим только, что черкесы имеют ремесленников всякого рода, какие только им потребны для ограниченного круга их надобностей; но они не имеют никаких фабрик, заслуживающих это название, и всякий мастер или мастерица работает у себя на дому. Ни ружейники, ни серебряных дел мастера не имеют достаточных даже хороших инструментов; последние ездят нередко к князьям и там у них работают, везя все нужное для своей работы, иногда на той же лошади, на которой и сам едет, но все это не мешает им производить прекрасные работы. Всегдашняя военная жизнь черкесов усовершенствовала и искусство их во всем, что касается до оружия: вечная опасность, вечная война и военное тщеславие заставляют их всегда помышлять об устройстве, красоте, удобности и ловкости оружия. И действительно, они до этой цели достигли вполне. Всякое лучшего достоинства оружие черкеса, нужное для военной его жизни, носит особенную печать изящного вкуса, прочности, красоты, соединенной с удобностью для употребления.

ГЛАВА VII. ТОРГОВЛЯ

Торговля – один из величайших источников богатства народного, конечно, не может быть обширна и значительна там, где нет спокойствия и тишины, где все подвержено буре войны и где насилие знатного воина лишает слабейших собственности; следственно, и в Черкесии не может быть обширной торговли в настоящем положении там и дел, и образа жизни. Черкесы не имеют собственных денег, да и чужестранных серебряных и золотых монет у них весьма мало в обращении. Вообще они эти деньги принимают лишь как драгоценный металл, и вся их торговля производится посредством мены. Предметы отпуска из Черкесии суть следующие: меха – медвежьи, волчьи, лисьи, заячьи, куны, выдровые, бобровые (последние редки), диких кошек и другие; кожи – коровьи, буйволодые, бараньи и козляные; мед, воск, масло и проч. Во времена господствования турок на берегу Черного моря, сопредельного с черкесами, последние возили пленников обоего пола во множестве в Анапу и Сунжук-Кале и там обменивали их на товары. Привоз к черкесам из России состоит в холсте разной доброты, опойках – красных, черных и желтых, шелковых изделиях (последние в малом количестве), посуде и утвари, как-то: сундуках, чашках деревянных под лаком; сверх того, предметы мелочного торга суть: шелк, иголки, небольшие зеркала и проч. Бязи (белые бумажные ткани), аладжи и другие турецкие изделия; порох, свинец, соль, были отпускаемы к черкесам во множестве из Анапы до последней войны России с турками (1828-го г.). Сверх упомянутых товаров, получаемых черкесами из России, соль есть главнейший предмет мены. От черкес принимают, в особенности, лес строевой и для топлива употребляемый.

Для меновой торговли с черкесами устроены вдоль границы: в Моздоке, Екатеринограде, Прочноокопе, при устье Лабы, Екатеринодаре и Бугазе так называемые меновые дворы с карантинами для очищения товаров от

зачумления. Есть еще несколько меновых дворов для отпуска и приема товаров, но без карантинного устройства. Хотя меновые дворы находятся в достаточном числе на границе, но мена, при них производимая, весьма незначительна. Сверх того, также армяне нахичеванские, моздокские и другие иногда возят вовнутрь гор из России различные товары под покровительством лиц из разных племен, платя им за пропуск подарками, но и эта торговля незначительна и, смотря по пограничным обстоятельствам, то воспрещается, то разрешается. Таким образом, и меновые дворы то закрываются, то открываются, а иногда и вообще уничтожаются.

Однако ж сколь ни маловажна эта торговля, но надлежало бы здесь представить итог отпуска и привоза товаров и сумм, в настоящее время в торге обращающихся, но, к сожалению моему, я не имел возможности собрать об этом сведения. Желая, однако, читателям доставить некоторое понятие об этом предмете, предлагаю здесь извлечение из известий г. Броневского, который вот что говорит о торговле черкес:

«По таможенным показаниям, цена привозимых товаров в Усть-Лабинской таможне и Прочноокопской заставе не превосходит 10 000 рублей в год, отпуск и того менее. Со включением торгов, производимых в Моздоке, где снята таможня, и в четырех меновых дворах на Кубани, можно полагать с вероятностью, что весь торг наш с черкесскими областями по привозу и по отпуску простирается до 30 000 рублей в год, за исключением соляной продажи, которая составляет особенную статью, и лошадей, покупаемых беспошлинно, но присовокупив к тому оба сии предмета и сверх того еще тайные привозы, которые весьма обыкновенны в рассуждении обширности границ и проворства черкесов, можно, кажется, сию сумму утроить или круговым счетом положить до 100 000 рублей. Во всяком случае сии приблизительные вычисления подадут понятие в самом пространнейшем смысле о маловажности торгов, производимых с черкесами»*.

Приятно слышать также о прошедшем времени благоденствия и процветания народа, сколько бы он ни был нам чужд. И эта приятность увеличивается, когда луч надежды в будущем блистает, почему я здесь приведу время некогда цветущей торговли мною описываемого народа, для сравнения с настоящим его состоянием. «Пейсеноль¹²² представляет, – говорит г. Броневский далее, – прежние в Крыму процветавшие торги с черкесами и кубанскими татарами в ином виде: в его время (1753 до 1760) из черкесских земель привозилось через Тамань и Кафу до 100 000 центнеров (десять миллионов фунтов) овечьей шерсти, сто тысяч кусков сукна, называемого чекмень, пять или шесть тысяч сшитых чекменей, до шестидесяти тысяч суконных портков (шароваров), 200 000 войлочных япанчей, называемых япендже (те же бурки), пять или шесть тысяч центнеров хорошего меду (центнер содержит 100 фунтов)* и пятьсот

---

* См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 144-145]. Текст воспроизведен с некоторыми отступлениями и вставками (Ред.).

* Текст в скобках перенесен Хан-Гиреем из подстрочной сноски С. Броневского (Ред.).

центнеров абазахского пьяного меду, семи или восьми тысяч ок (3 фунта) воску, пятьдесят тысяч кунных шкур, сто тысяч лисьих, три тысячи медвежьих и пятьсот тысяч овечьих, не говоря о невольниках, лошадях и прочих предметах; все здесь поименованное составило бы по нынешним ценам с лишком на двести миллионов рублей* отпускных товаров из черкесских областей. Воспоследовавшие политические перемены с Крымом, Таманом и с кубанскими татарами, без сомнения, были причиной упадка столь обширной торговли, и, может быть, отчасти тому способствовала также перемена в образе производства торговых сношений, которые пока продолжались между единоверными мусульманами, были чаятельно лучше приурочены к умоначертанию торгующих народов»*.

Не станем теряться в исследованиях: кубанские ли татары или черкесы преимущественно производили столь обширную торговлю, и удовольствуемся замечанием, что народ черкесский, одаренный от природы многими способами ума и духа, склонен и к торговле и что с искоренением вредных предрассудков и водворением благодетельной тишины в земле черкесов, в земле прекрасной, изобильной предметами торговых оборотов, конечно, и торговля закипит и процветет по манию мудрого устройства порядка и управления.

Преграды, некоторым образом там соделавшиеся естественными по существующему ныне порядку дел, быть может, отдалят еще от нас то время, когда совершится эпоха благоденствия нашего края; она для нас слишком отдаленна, но дети наши наслаются этим счастьем. Впрочем, и мы сами можем ли терять надежду, когда мудрый *Монарх* могущественной и просвещенной державы об нас печется?

ГЛАВА VIII. ДОХОДЫ

Высший класс в Черкесии, подобно владельцам в областях Закавказского края и в Дагестане, не получает ни от земли, ни от подвластного ему народа никаких денежных доходов. Вот почему, если спросите черкесского князя или дворянина, в чем заключается им получаемый доход от своего имения, не получите удовлетворительного ответа. В самом деле, трудно объяснить, в чем состоят их доходы, на чем опирается домашнее или хозяйственное их благосостояние и, наконец, что обеспечивает общественную их жизнь? Дабы иметь более ясное понятие об этом предмете, мы укажем на главнейшие источники доходов, устраняющие нужды князей и дворян черкесского народа.

Первый источник. Крепостные люди разных подразделений (см. 1-й части отд. 3, глав. 1), принадлежащие собственно князьям и дворянам, занимающиеся хлебопашеством и скотоводством, доставляют своим владельцам достаточное количество хлеба в зернах для прокормления их

---

* У С. Броневского: «два миллиона рублей» (Ред.).

* См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 145-147]. Текст воспроизведен с некоторыми отступлениями и вставками (Ред.).

семейств и многочисленных гостей, их посещающих, с помощью выгод, получаемых от рогатого скота и овчарных заводов, этими же людьми разводимых у своих господ. Конские заводы, равно и овцеводство, могли бы приносить значительные доходы владельцам, об них пекущимся, в особенности первые, если бы народный предрассудок, ко вреду края так сильно вкоренившийся, позволял высшему классу продавать лошадей и вообще скот (см. прим. 7), но так как от торговых оборотов извлекать себе пользы почитается постыдным для высшего класса, то доходы от хлебопашества и скотоводства ограничиваются обеспечением семейств князей и дворян, обращающих особенное внимание на эти отрасли домоводства и преимущественно на конские заводы, для продовольствия себя этими предметами, и в особенности для доставления возможности князьям щедро награждать усердных своих дворян и делать значительные подарки посещающим их гостям.

Впрочем, доходы этого источника не всегда и не везде до такой степени значительны, но, по крайней мере, более определительны и удобопонятны.

Второй источник. Заключается в правах и власти, присвоенных достоинству княжеского рода, и состоит в возможности взыскать пеню в случае оскорбления княжеского достоинства (см. 1-й части отд. 3, глав. 2), так же и в некоторых случаях пользоваться собственностью народа в виде насильственного займа (см. там же), взыскивать штрафы, обрядами по управлению устанавливаемые (см. там же, глава 3), князьям-старшинам (пшь-тхамат) получать от хозяев вольных земледельцев, имеющих овчарные заводы и пчеловодство, по одному ягненку и по улью с сотами; требовать во многих случаях от подвластного народа различного рода услуги. Заметим, однако, что эти требования имеют вид просьбы, которые как бы добровольно исполняются и называются нередко *хатир*, то есть из уважения; и, наконец, к доходам этого источника причислим добровольные приношения вольных земледельцев высшему классу, так сказать, для искупления себе его покровительства. Эти приношения обыкновенно состоят в произведениях сельского домоводства. Также надобно к этим доходам присовокупить и дары торгующими армянами и другого звания людьми, приносимые князьям и значительнейшим дворянам для приобретения же себе их защиты (см. ниже отд. 3, глав. 8). Эти доходы не ясны и не определительны, однако ж в иных местах для иных князей и дворян, в особенности для первых, весьма прибыточны.

Третий источник. Этот источник доходов, еще менее предыдущего определительный и ясный, но более обоих упомянутых источников прибыточный, заключается в кровавых наездах, этих взаимных вооруженных посещениях, сопровождаемых отважными разбоями и богатыми дарами; одним словом, в воинственном провозждении времени (см. предыд. отд., глав. 6) и в той готовности делиться с нуждающимся, которая в мнении этого народа есть блистательнейшая добродетель. Следствием этого образа мыслей есть то обычное круговое, или взаимное, вспомоществование, которое составляет главное звено общежития черкесов и существенно поддерживает

хозяйственное благосостояние каждого, снабжая его всеми потребностями жизни. Сверх того, князья ничего не щадят для дворян своих и беспрестанно делают им подарки, что составляет для последних немаловажный источник дохода, впрочем, они и о домашнем хозяйстве более князей пекутся. Вот все, что я могу сказать о доходах высшего класса. Первый из поясненных здесь о возможности трех источников можно назвать **правильным** или **определятельным**. Отдельные два – **косвенными** или **неопределятельными**.

Что же касается до простого класса народа, то ему, как мы видели, приносят доходы: скотоводство, хлебопашество и звериная ловля, хотя вообще и маловажные, но достаточные для обеспечения его ограниченных надобностей при помощи трудолюбия и деятельности женского пола и небольших торговых оборотов. К этому присовокупим, что хотя по исчисленным здесь источникам доход князей и дворян маловажен, но те из них, которые наиболее уважаемы своими подвластными за мужество и щедрость, располагают в некотором смысле их достоянием, что доставляет им возможность иметь большие табуны лошадей и овец, которых они, впрочем, не долго держат, ибо дарят, как говорится, и встречному и поперечному, а потом опять собирают новые стада.

Из **темного** этого описания, кажется, **ясно** видим, сколько доход князей не определен и, в сущности, маловажен, но, тем не менее, они, не зная другого недостатка, кроме важнейших потребностей в жизни, не ищут ничего, кроме известности в наездничестве, похвалы народа, и мечтая о важности своего происхождения, довольны своим состоянием, и блаженство их заключается, как говорит г. Броневский, в воображаемом счастье*. И действительно, при нынешнем их образе жизни и мыслей, не только бедность не отягощает воинственных черкес – беспечных этих сынов природы, но даже недостаточное их теперешнее состояние им нечувствительно, однако ж, с переменой образа правления и с распространением их понятия, откроются тысячи нужд, дотоле им неизвестных и которых устранить одно воображаемое счастье, конечно, не может.

ОТДЕЛЕНИЕ III. ПРАВЫ И ОБЫЧАИ СОДЕРЖАНИЕ:

Рождение – имена – воспитание – праздники – женитьба – взаимное отношение обоих полов – общепринятые знаки вежливости – гостеприимство – образ воевания – содержание раненого – погребение – анекдоты.

«Из описаний обычаев наблюдательный ум может извлекать истины очень полезные»*.

А. ЛЕВШИН

---

* См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 140] (Ред.).

* У Левшина: «очень важные» [84, с. 94] (Ред.).

Со времени принятия черкесами магометанской веры многие изменения явились в их коренных обычаях, в которых изыскатели найдут много предметов любопытных и могущих дать основательные понятия о древнем и нынешнем быте этого народа. Мы постараемся здесь представить, сколько возможно пространнее, обычаи черкес, не упуская из виду ни тех из них, которые, будучи приняты ими со времени введения магометанской веры, постепенно приходят в забвение, ни тех, которые вновь введены у них обрядами этой религии.

ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ

У черкесов принимаются маловажные меры предосторожности для того, чтобы беременная женщина, когда ожидают близкого разрешения, не имела случая чего-либо испугаться, как-то: грозы, молнии и т. п., а равно, чтобы она не поднимала тяжелых вещей, напрягая чрезмерно свои силы, в избежание преждевременных родов. Здесь и суеверие не бывает посторонним обстоятельством: в присутствии ее не вынимают из ножен кинжала, в особенности же шашки; когда же ее разрешению предшествует тяжкая болезнь, то кладут под ее изголовье саблю, которою был хотя бы и давно убит человек, и дают ей испить воды, которою облита была эта сабля. Сверх этого, они совершают еще и другие суеверные обряды в надежде облегчения страданий больной и скорого ее разрешения от родов. Также муллы читают над больною молитвы, причем дуют ей в лицо и дают пить воду, в которой погружены их рукописные молитвы. Мужичнам запрещается входить к больной, когда ожидают близкого ее разрешения от бремени.

Здесь достойно замечания, что иногда вскоре после рождения, но большею частью по достижении лет юношества, совершается обряд, похожий на крещение, состоящий в том, что какая-нибудь пожилых лет женщина отмеривает сорок чашек чистой воды (псплитчь) и дает меру эту юноше, который ею и обливается, причем женщина делает небольшое угощение, и юноша, крещенный таким образом, называет эту женщину матерью. Однако ж этот обряд не везде совершается, и не всегда над каждым, а лишь изредка и есть, по-видимому, остаток христианства.

ГЛАВА II. ИМЕНА

По обычаю черкес, имена младенцам даются по произволу и почти всегда посторонними людьми, а не отцом или матерью. В высшем классе, дающий имя новорожденному, иногда посылает ему стрелу, предпочтительно с белыми перьями, в том случае, когда новорожденный мужского пола, и, стрела эта обыкновенно прикрепляется к колыбели. В низшем классе дающий имя дает иногда на рубашку ткань. Заметим, что если отец или кто-нибудь из родственников новорожденного младенца мужского пола убит, и за кровь его не отомщено, то новорожденному часто дают имя «*мстител*ь». В высшем же классе нередко дают имена отличных мужей той фамилии, к которой новорожденный принадлежит, а в низшем классе часто

при давании имени соотносятся с обстоятельствами, предшествовавшими дню рождения младенца, например: если жестокая буря свирепствовала, то дают имя: *буря, вьюга, метель* и проч.

Более же набожные черкесы и более старающиеся подражать исламу дают имена младенцам, призвав муллу, который по этому случаю произносит установленную молитву, заключающую в себе благодарения Творцу Вселенной и дарователю жизни.

Согласно коренным обычаям своим, черкесы в случае, ежели в семействе родится мальчик, то дерут за уши молодых родственников новорожденного; впрочем, это обыкновение не есть непременно и исполняется как бы в шутку.

Здесь предлагается для примера несколько мужских и женских имен, наиболее употребительнейших в высшем классе:

Коренные черкесские:

Мужские:

Айдемир	Карбечь
Аледькхо	Керешай
Абидеко	Клехстен
Атвонуко	Кайтоко
Анзеур	Теркан
Бореко	Талостен
Биберди	Дударуко
Канболет	Дендар
Инал	Энфеко
Индар	Пшьэпшеко
Ельжерук	Едик
Нетохоко	Льван
Пшьхизж	Елух
Хатохжук	Шумафх
Шужий	и проч.
Мсост	

Женские:

Шхасорé	Усас
Шхабичé	Белаш
Кошенхго	Нахго
Кошехуж	Хаткхан
Кошеф	Хатхан
Курé	Хошехехги

От магометан принятые по выговору черкесов:

Мужские:

Ахмед	Атулах
Алий	Хасан
Ибрагим	Хусейн
Ислам	Осмен
Мхамет	Угнар
Мхамталé	и проч.
Исмаил	

Женские:

Хатже	Фатме
Ханифé	Зулхаже

В заключение заметим, что у черкесов почитается за стыд произносить имя своей жены в присутствии не только посторонних, но даже домашних; равномерно и жена не должна произносить имена мужа и деверя; сверх того, женщины почитают за вежливость при произношении кем-либо имени их мужа, или его отца, или старших братьев вставать с места, что и наблюдается в высшем классе. Матери обыкновенно называют своих детей, сокращая настоящие их имена, подобно тому, как и в России, а также нередко называют их и совсем другими именами, более детскими.

ГЛАВА III. ВОСПИТАНИЕ

Не видано в Черкесии примера, чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме, под надзором родителей; напротив того, по рождении младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, т. е. в руки человека, избранного в дядьки¹²³. Этот избранный нередко приезжает, еще до рождения младенца, в дом того, которого получил согласие взять на воспитание будущее его дитя, и там ждет разрешения от бремени матери будущего своего воспитанника, после чего, сделав приличное торжество в доме родителей, возвращается к себе с новорожденным младенцем, который под его попечением воспитывается до совершенного возраста.

Легко себе представить, что таким образом унесенный под чужой кров младенец, не умеющий еще различать предметы, придя в юношеские лета, лишь по слуху узнает своих родителей, братьев и сестер, к которым, естественным образом, не всегда может питать нежную любовь: отчужденный от дому родителей, он привыкает к тем людям, которые о нем имеют ежеминутное попечение, их в душе своей почитает своими родителями, а их детей нередко любит нежнее своих родных братьев и сестер. Это обыкновение и самих родителей, некоторым образом, в чувствованиях охлаждает от детей своих. Этому доказательством весьма

явным служит то обстоятельство, что родители имеют более нежную привязанность к тем из их детей, которые воспитываются под их надзором. Удивительно ли, что после этого нередко дети оказывают нерасположение к родителям, которых они привыкли почитать, так сказать, посторонними? Удивительно ли, что почти всегда братья, по привычке сделавшиеся детьми посторонних родителей, питают взаимную ненависть, будучи к этому расположены ежедневными примерами, им подаваемыми их воспитателями, которые, ища более один перед другим расположения к себе сильного родителя своих воспитанников, друг к другу хранят вечную вражду? Наконец, удивительно ли, что дети одного родителя, в отрочестве и в юности привыкшие друг к другу питать злобную ненависть, которую с молоком матери в себя всосали, придя в лета возмужалости, друг друга не щадят, как лютейшие звери? Вот источник вражды, раздирающей семейства высшего класса в Черкесии, и вот начало междоусобий, поглощающих счастье тысяч в том крае семейств!

Причиной введения в обыкновение такого рода воспитания было следующее:

Князья издавна для увеличения своей силы искали все возможные средства, чтобы привязать к себе дворян, а эти, для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях желали более сблизиться с князьями: беднейшие всегда и везде нуждаются в помощи богатейших, а слабейшие в покровительстве сильнейших. Для такого обоюдного сближения нашли вернейшим средством воспитание детей, которое, связывая два семейства в некотором смысле кровным родством, приносило, как ниже сего видно, обоюдные выгоды, и, следствия того, породили это странное и вредное для народной нравственности обыкновение, принявшее ныне силу закона, освященного временем и поддерживаемого вкоренившимся мнением народа, что князь, которого дети воспитывались бы в собственном его доме, слаб духом, а такое мнение повредило бы его власти, да и кроме того, почли бы за скрягу, что у черкесов считается за величайший стыд. Во избежание этого мнения как князья, так равно и значительные дворяне, придерживаются этого обряда, причина введения которого, кажется, таким образом объясняется.

Теперь опишем образ воспитания. Воспитатель, или аталык (см. прим. 8), прилагает свои попечения о том, чтобы его воспитанник был ловок, учтив в обхождении с старшими, а с младшими – соблюдал приличие своего звания, равно как неутомим в верховой езде и искусен в употреблении оружия. Аталыки ездят с ними в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомства. Когда же воспитанник придет в совершенный возраст, то воспитатель возвращает его в дом родителя с торжеством, состоящим в том, что *аталык* с своим семейством, в сопровождении своих родственников и друзей, с *арбами*, наполненными яствами и напитками, является в дом родителей своего воспитанника, которого в этот день богато одевают и вооружают блестящими доспехами. Тут окрывается семидневное пиршество: игры, забавы и пляски

сменяются одна другою. При этом случае жена воспитателя танцует, несмотря на запрещение женщинам предаваться танцам: ибо одни девицы имеют это право у черкесов. По окончании торжества отец воспитанника щедро дарит воспитателя и тех, которые были приглашены этим последним. После этого они возвращаются в свои дома. Такое же точно торжество бывает еще до совершенного возвращения воспитанника в родительский дом, при привезении его туда на *показ* к его матери.

Девочка, отданная на воспитание, воспитывается под попечением жены аталыка или приемной матери. Она приучается там к рукоделиям, приличному обхождению, словом, ко всему, что необходимо для будущей ее жизни в супружестве. Приемная мать ездит с нею на празднества, сопровождаемые танцами, и под ее надзором она там проводит время в танцах; при возвращении же воспитанницы в родительский дом соблюдаются те же обряды, какие при возвращении воспитанника.

Не только семейство воспитателя поступает в тесную связь с семейством воспитанника, но даже все родственники первого и их подвластные поступают под защиту воспитанника¹²⁴.

Все, что мы говорили, относится к высшему классу, впрочем, соразмерно состоянию каждого семейства. Что же касается до простого класса народа, то и этого класса люди с хорошим состоянием также весьма часто отдают на воспитание в чужие руки своих детей; разумеется, беднейшие пользуются этим расположением богатых, и если бедный человек из мелких дворян возьмет к себе на воспитание сына богатого человека из класса вольных земледельцев, то сей последний, гордясь такою связью, ничего не щадит для удовлетворения воспитателя. Однако ж между простыми людьми домашнее воспитание почитается приличным, и воспитание в чужих домах не такую сильную рождает ненависть между братьями, как в высшем кругу.

Аталык не может иметь более одного воспитанника без неудовольствия со стороны первого питомца. Заметим, что когда воспитанник из княжеского рода умрет, то воспитатель нередко, в знак своей глубочайшей печали, обрезывает себе конец уха, и целый год носит траур.

Когда же воспитанница выйдет замуж, то воспитательница получает из окупа, даваемого за девицу, большой подарок от супруга ее воспитанницы.

Вообще удивительно сильна привязанность воспитателей к воспитанным ими детям и этих последних к ним.

Говоря об аталыке, кстати здесь сказать, что аталыка можно приобрести и будучи уже в годах мужества. Когда уздень желает сблизиться с князем, то приглашает его к себе, причем совершает торжество и подносит ему подарки, состоящие из оружия, с исполнением обычая, соблюдаемого при примирении и состоящего в том, чтобы приложиться губами к сосцам жены того узденя, который делается аталыком. В других классах народа соблюдаются те же обычаи, но гораздо реже. Сверх того, воспитанник может иметь несколько аталыков, в том числе считается и тот, кто в первый раз бреет молодому князю или дворянину голову и хранит его волосы.

ГЛАВА IV. ПРАЗДНЕСТВА. ИГРЫ. ПЛЯСКИ И ТЕЛЕСНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

Во дни благоденствия народа, свободные от дел часы обыкновенно посвящаются бывают удовольствиям. Напротив того, с бедствиями, постигающими народ, и его публичные удовольствия становятся реже. Черкесы, никогда не достигнув истинной степени благоденствия, подвергшись общим бедствиям, и вместе с тем отчуждались от многих игр и забав народных, некогда доставлявших им в праздные часы дня величайшие удовольствия.

Из всех народных игр, ныне почти забытых, примечательнее прочих та, которую называли «*диор*» (см. прим. 9)* и которая, весьма вероятно, осталась от тех времен, в которые смешались обряды язычества и христианства в прежнем исповедании этого народа.

Игра эта состояла в том, что при наступлении весны жители (мужчины) аулов разделялись на две партии: верховую и низовую. Обитатели восточной части аула назывались верховьями, а западной – низовьями, какое разделение и теперь существует в больших и продолговато расположенных аулах. Каждый имел в руках по длинному шесту, наверху которого прикрепленная корзинка набивалась сухим сеном или соломою. Таким образом, вооруженные партии, выступая одна против другой, зажигали свои корзинки и с этими огромными факелами нападали одна сторона на другую, крича из всей силы: «*Диора!*» «*Диора!*» и как эта игра обыкновенно всегда начиналась с наступлением ночной темноты, то вид мелькающих во мраке огней производил весьма занимательное зрелище. Партии, взаимно одна на другую нападая, по мере возможности захватывали пленников, которых с связанными руками приводили в гостиные дома старшин, куда уже по окончании борьбы каждая партия отдельно собиралась. Тут вели переговоры между собою, обменивали пленных, а затем оставшихся каждая партия выкупала или обыкновенно отпускала на волю, взяв с них обещание доставить назначенный за них выкуп, состоящий обыкновенно из съестных припасов. Таким образом собранные продукты поручал одному старшине из партии, который, приготовив пиршество, звал старшин аула или к себе, или в гостиный дом одного из них, куда приносили столы с яствами и напитки, и там праздновали целый день или вечер, проводя время в полной радости беззаботного торжества.

Игру обыкновенно начинала с обеих сторон молодежь с пламенниками, но к ним, как на тревогу, обегались и пожилые люди, да и старцы приходили туда частью, чтобы взглянуть на веселящихся и вздохнуть, вспомнив прошедшие годы молодости; частью и для того, чтобы предпринимать меры предосторожности от пожара, который легко могли причинять пламенниками, в безумии веселья с быстротою разносимыми с одного угла в другой. Молодежь и старцы попадались в плен, тем более, что последние, будучи немощны, не были в состоянии противиться сильным молодым

---

* В оригинале эта сноска отсутствует (Ред.).

борцам, налагавшим на них ременные оковы. Впрочем, эти пленники-старцы дорого обходились их победителям, а равно и той партии, у которой похищены были: для примирения с ними надлежало удовлетворить их за то, что, *не уважая их седины*, увлекли в плен, и в этом случае виновная партия приготавливала яства и напитки и торжествовала таким образом, как выше описано.

Достоинейшая наибольшего замечания забава из все забав черкес, есть следующая.

Князья и дворяне, преимущественно во время пребывания в поле или *на съездах*, разделяются на две партии, и одна из них объявляет на другую свои претензии под каким-нибудь предлогом. Тут избирают судей, пред которыми ответчики защищаются силою красноречия, а претендующие не щадят могучих выражений для побеждения своих противников. Таким образом, открывается здесь поле, где старшины, князья и дворяне показывают могущество своего красноречия и знание существующих узаконений народных и феодальных *прав* древних фамилий своей нации. Забава эта или, лучше, *упражнение в словесности*, служит у черкесов школою, образующую непреклонных их ораторов.

Зимою, по уборке хлеба и сена, жители аула, разделяясь также на две партии, друг на друга нападают: сначала дерутся комами снега, наконец доходит до рукопашной битвы, и тогда они захватывают пленников, которых таким же образом, как выше сказано, заставляют откупаться, потом следуют удовлетворения и пиршества.

Когда бывает в большом ауле съезд и много молодых князей и дворян соберутся, то нередко забавляются таким образом: молодежь высшего класса, т. е. князья и дворяне, составляют одну партию, молодежь же вольных земледельцев – другую, и обе партии вступают в борьбу. Первая партия, сколько захватит пленников из второй партии, приводит со связанными руками в гостиный дом одного из дворянских старшин того аула. Вторая же приводит своих пленников в гостиную одного из своих старшин. Эта игра начинается обыкновенно также молодежью, но, однако ж, всегда доходит и до старцев: партия высшего класса захватывает старшин простого класса в их домах, а эти также нападают в свою очередь на старшин высшего класса и уводят их нередко без всякой пощады и осторожности в плен. Потом начинаются переговоры, обменивают пленных или выпускают на условиях. Дворяне дают за выкуп своих собратьев разные вещи, а земледельцы обязываются доставить овса для лошадей благородных юношей и тому подобные потребности, нужные в настоящем месте их пребывания. Далее же следуют другие удовлетворения, как-то: избирают посторонних, не участвовавших в игре старшин, которые приговаривают удовлетворения. Обыкновенно эти приговоры заключаются тем, что партия простых, приготовив множество кушанья и напитков, является с покорною головою в гостиный дом старшего князя или дворянина, где все собираются и пируют, а князья и дворяне делают подарки старцам, которых они, не уважая их седины, брали в плен, и тем мир водворяется¹²⁵.

В Черкесии играют некоторые в шахматы, равно как в шашки, которые в большом употреблении. О других же играх, соблюдаемых при поминках и на свадьбах, мы будем говорить при описании этих обрядов.

Пляски у черкесов делятся на два разряда: пляски первого называются *удчи* и пользуются предпочтением. Здесь становятся в кружок в виде русского хоровода; мужчины, взяв под руки девиц, локти которых касаются до их ребер, и таким образом двигаются постепенно в правую сторону, притаптывая между тем каблуками. Иногда такой круг бывает столько пространен, что внутри его вмещают музыкантов: скрипачей и флейтчиков, равно как и посторонних лиц. Все порядочные люди, исключая старцев, танцуют на больших собраниях, как-то: при женитьбе знатных людей, при рождении у них детей, отдаче их на воспитание и при возвращении в дом родительский. В таких собраниях назначается несколько расторопных молодых людей для наблюдения за порядком в кругу танцующих. Их обязанность состоит в том, чтобы народ толпящийся не теснил танцующих, а равно, чтобы и конные наездники, тут же находящиеся, не слишком приближались к танцующему кругу. Кроме этих, еще несколько человек, более почетных, назначаются по особому выбору хозяина, и их обязанность почитается важнейшею: они приводят девиц к танцующим мужчинам, строго соблюдая в этом случае принятые приличия, состоящие в том, чтобы приезжие гости не оставались без дам, и проч. Надобно заметить, что общественное мнение требует того, чтобы девицы не танцевали слишком часто и продолжительно с одним кавалером, а, напротив того, почитается более приличным по очереди танцевать со многими. Девица может оставить того, с которым танцует, и перейти к другому кавалеру, также возвратиться в комнату, чтобы отдохнуть. При этом ее обратно сопровождают пожилые женщины, обыкновенно при княжнах и знатных девицах находящиеся, и когда эти последние танцуют, то они не сводят с них глаз, стоя в отдаленности. Также их сопровождают при возвращении в покой избранные для этого особы и домашние друзья хозяина, дающего торжество. Мужчина среди танца отнюдь не должен оставлять свою даму.

Мужчины танцующие свободно разговаривают с девицами, а эти последние им отвечают, разумеется, соблюдая приличие: не хохочут, не краснеют и не говорят о том, что непристойно их полу и состоянию; по крайней мере, так должно быть по общепринятому закону общежития, которому не следующие девицы почитаются дурно воспитанными, а мужчины – грубыми и чуждыми знания приличий, свойственных дворянину. Во время танца музыканты останавливаются подле знатнейших девиц: скрипач играет подле нее, а напевающий кричит во все горло, что девица такая-то, танцующая с таким-то, *окружена* и что у ней возьмут платок (обыкновенно заткнутый за поясом, и которым она оттирает пот с лица); далее говорит: нет ли друзей у ее кавалера, которые могли бы откупить его даму. Тогда являются друзья кавалера и дают какую-нибудь вещь, по большей части пистолет, подавая который, обыкновенно стреляют на воздух; помощник музыканта возглашает, показывая на подаренную вещь, что такой-

то за такого-то сделал такой подарок, после чего эту вещь вешают на столбе, поставленном для этого среди круга, нередко даже и даруемых таким образом лошадей вводят туда же и привязывают к поставленному там столбу. Разумеется, когда танцуют на открытом воздухе, что всегда бывает, если погода тому не препятствует.

Когда круг большой и музыкантов в середине много, то стрельба немолкаемо продолжается и дым пороха носится над танцующим кругом¹²⁶. Шум, говор и крики народа, теснящегося в кругу танцующих, сливаясь с звуками инструментов и выстрелами, оглушают воздух, и тогда танцующие молодые наездники с красавицами, которые нередко бывают предметами их вздохов, порою погружаясь в сладостные мечты, предаются приятным надеждам будущности, и не упускают случая замолвить словцо своей даме о тех чувствах, которые их в то время наполняют. Таким образом кипящая пляска продолжается сряду целый час и более, а там заменяет ее игра, более шумная и весьма опасная, состоящая в том, что пешие толпы, вооруженные огромными колями, теснят конных наездников, готовых вступить в бой, чтобы показать проворства своих бегунов и собственную ловкость. Пешие бросаются на них в густых толпах с криком и бьют как их, так равно и лошадей почти без пощады. Наездники также с своей стороны не жалеют потоптать пеших копытами своих скакунов и вгоняют сих бедных животных в средину толпы, безжалостно их поражающей. Нередко конные преодолевают пеших: разгоняют их под защиту стен домов, даже и в дома; разгоряченные наездники на лихих бегунах нередко перепрыгивают с удивительною легкостью высокие заборы и разбрасывают грудью их слабые строения. Такие атаки продолжаются, покуда одна сторона победит другую, почему иногда доходит с обеих сторон до исступления, и тогда старцы, вступая в посредничество, прекращают эту потешную битву.

Легко себе представить, что здесь несчастные случаи почти неизбежны. Нередко убивают лошадей, даже и людей, или наносят им тяжкие удары: перешибают у них кости. Недаром черкесы говорят: «*Кому не страшно в день этой игры, тот не устрашится и битвы*». В самом деле, эта безрассудная игра может некоторым образом испытать храбрость и отвагу – качества, столь необходимые в сражениях.

После пляски и опасных игр до усталости, начинается пиршество, гостям и почтеннейшим особам напитки разносят напитки и ставят столы, отягощенные яствами. Народ собирается в разных местах: жители одного аула в одном месте, а другого в другом, и так далее. Кушанья разносят повсюду и раздают под надзором для этого избранных, которые пекутся, чтобы старцы и почетнейшие особы были прилично угощаемы, и чтобы молодые шалуны не расхищали кушанья, что нередко случается.

Подобные празднества продолжаются иногда несколько дней, и по окончании их хозяин, т. е. давший торжество, изъявляет свою благодарность почетнейшим особам, удостоившим его празднество своим присутствием, и народ расходится по домам, пресыщенный удовольствиями, пищею и напитками.

Музыканты получают подарки и, сверх того, в вознаграждение за свои труды берут себе кожи зарезанных быков и баранов. Подарки же, сделанные им во время пляски, они возвращают подарившим их, получив за каждый несколько зарядов пороха, а иногда князья им дарят разные вещи и лошадей.

Празднества эти и в простом классе народа те же самые, но они бывают сообразны с состоянием и значительностью лиц, которые их дают.

Что же касается до другого рода пляски, то она состоит в том, что один, выступая на средину зрителей, танцует, делая с большим проворством разные трудные движения ногами. Он подходит к одному из присутствующих, прикасается к его одежде рукою, и тогда этот последний его заменяет, и так далее. В этой пляске участвуют и девицы, но как они, так и мужчины не делают неблагопристойных телодвижений, как это бывает у других азиатских народов.

В заключение повторим, что как игры и всякого рода забавы (исключая в упражнении оружием) стали ныне реже в Черкесии по причине беспрестанных беспокойств, да к тому немало способствуют и проповеди духовенства, которое представляет противным магометанской религии всякого рода публичные забавы в сообществе с женщинами, а вне присутствия этого прекрасного пола никакие увеселения не могут быть оживлены удовольствием даже и в диком народе.

Достойно замечания, что предки нынешних черкес во времена язычества, призывая благословения боготворимых ими предметов или изъявляя им свою признательность, плясали, что явствует из древних плясовых песней, да и есть и поныне старцы, неоднократно участвовавшие в подобных плясках, когда совершаемы были празднества во время грома и проч. Эти старцы говорят, вздыхая, что благословенные времена старины имели много прелестей, которые ныне среди буйных забот стали редки в их родине.

Во время пахания обыкновенно жители аула разделяются на две партии: те из них, которые находятся в поле, составляют одну; другую же – остающиеся в ауле.

Первые, приходя в аул, схватывают шапку девицы знатного дома и относят ее в свои шалаши. Их преследуют, но редко успевают догнать, ибо скрытно приходят они и совершают свой набег. Спустя день или более, возвращают шапку, завернув ее в прекрасный платок. Причем привозят из поля яствы и напитки, для этого случая приготовленные, в дом девицы и там нередко целый день пируют и пляшут, собрав жителей аула. По окончании же увеселения, отец или брат девицы делает им подарки, но по большей части молодые князья или дворяне, живущие в том ауле, их не допускают до этого, а сами щедро награждают похитителей.

Другая партия, в отомщение противной, собравшись толпою, идет в поле и там, схватив ремень, которым плуг связан и называемый *вваи́е*, уносит, защищаясь от преследующих. Для выручения этого ремня привозят яствы и напитки в тот дом, где ремень положен, и там целый вечер проводят в забавах. При возвращении партии пахарей, другая партия их встречает, и тут

начинается борьба: одна партия увлекает другую в воду в одеждах. Нередко женщин обливают водою или увлекают в реку по колена. Эту последнюю забаву почитают нужною, ибо есть поверье, будто ее должны совершить для урожая.

Поднимание тяжести, метание ядер и камней, борьба, беганье взапуски, конская скачка, прыганье чрез заборы и поднятие бурки и прочее суть также у черкесов предметы забав, которые укрепляют их тела и полезны для здоровья. Но главнейший предмет телесных упражнений состоит в том, чтобы владеть с особенною ловкостью оружием и лошадыю, в чем они действительно неподражаемы: с невероятною скоростью, на всем скаку самой быстрой лошади, заряжают ружья и стреляют. Черкесы всегда носят ружья в чехлах, и хорошему наезднику нужно только один миг, чтобы выхватить из чехла и выстрелить. Непрестанно упражняются в том, чтобы с земли поднять самую мелкую вещь, и проч. Стреляют непрестанно из пистолетов и ружей; однако ж не всяк из них хороший стрелок, хотя те, которые славятся этим искусством, достигают в нем до значительного совершенства. Также нередко пробуют пущенною из лука стрелою пробить доску довольно толстую, и есть такие, которые с удивительною силою натягивают лук и стреляют из него. Словом, вся жизнь черкеса-воина проходит в забавах и упражнениях, более или менее воинственных.

ГЛАВА V. ЖЕНИТЬБА И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Из предшествующей главы мы видели, что молодые мужчины с девицами обращаются свободно; из этого явствует, что они имеют случай друг другу понравиться и дать понять свои чувствования. После такового испытания мужчина просит руки им избранной девицы у ее родителей через своих поверенных, и когда родители согласятся, то он делает отцу или брату девицы подарок, называемый «эуж», что соответствует слову обручение или сговор; после этого обряда уже выбранная им девица принадлежит ему. Потом делают условия о времени взноса выкупа (см. 1-й части прим. 12) вполне или условленную часть. Брат или ближайший родственник вступающего в супружество, с многочисленными друзьями, по этому случаю приглашаемыми, является в дом невесты, где проводят несколько суток до сделки относительно платежа выкупа, причем приглашенные друзья жениха каждый что-нибудь платит за него. В продолжение этого времени нет шуток, удалых и веселых, которым не подвергали бы приехавших за невестою: всякую ночь молодежь собирается в дом, где расположены гости, и там проводит в шуме, играх и шалостях время до света. Все годное платье, на гостях надетое, снимают, обыкновенно отдавая им взамен свое самое изношенное, почему и приезжающие за невестою нередко одеваются в изношенные же одежды.

Пред самым отъездом один из числа приехавших за невестою должен, войдя в тот дом, где она находится, окруженная многочисленными женщинами, коснуться ее платья, до чего тут находящаяся толпа женщин старается не допускать, в чем и нередко успевают, и в таком случае делают

подарки пожилым женщинам, которые при этом случае, так сказать, располагают церемониею, и после того свободно получают невесту. Это обыкновение называется **«вывод невесты»**.

Ежели дом, назначенный для первоначального пребывания невесты, находится не в том же ауле, то она едет обыкновенно на арбе, запряженной парюю коней или волов. Тут конные толпы едут впереди и сзади невесты, напевая протяжные веселые песни, нарочно для подобных случаев сложенные, и беспрестанно стреляя из ружей и пистолетов, и если кто встретится с свадебным поездом, то обыкновенно к нему пристаёт; в противном случае молодежь забавляется над неучтивыми путниками: простреливает у них шапки, сбрасывает их с седла, срывает одежду и проч.

Во все время поезда продолжается пение и стрельба. Невесту редко привозят прямо в дом жениха, а назначают дом приятеля, в дверях которого останавливается весь поезд: невесту вводят в покои, а ее сопровождающие разъезжаются, сделав еще несколько выстрелов, направленных обыкновенно в трубу этого дома. Во время пребывания в этом доме невеста называется **тейше**. Здесь же совершают и бракосочетание по обрядам магометанской религии. Когда муж новобрачной имеет родителей или старшего брата, то обыкновенно удаляется в дом своего приятеля и оттуда посещает молодую супругу следующим образом: по захождении солнца он в сопровождении одного молодого человека отправляется к ней; там обыкновенно пред его приходом никого постороннего не бывает. Молодая жена стоит у постели в безмолвии, пока сопровождающий не удалится из комнаты. Молодые супруги обыкновенно расстаются еще до восхождения солнца.

Нередко и начало вступления новобрачной в дом, назначенный для временного ее пребывания, сопровождается празднеством, а конец ее там пребывания всегда ознаменовывают торжественным образом: хозяин дома, где молодая находится, приготовив все нужное к предстоящему празднеству, собирает народ: девицы с окрестных аулов приезжают по просьбе его, и торжество открывается танцами, которые продолжаются иногда три дня в доме его, а на четвертый день новобрачную возвращают в дом своего мужа; она едет окруженная многочисленною толпою женщин и девиц при громких криках и пении веселящихся. Шествие открывают несколько человек, сидящих в арбе, запряженной лошадьми или проворными быками. Арба эта бывает покрыта красною шелковою тканью, которую ветер развеивает при быстром ее движении. Народ преследует торжественную эту колесницу, стараясь сорвать покрывало, а те, которые в арбе сидят, стараются не допускать до этого бегущих по сторонам и, понуждая коней, быстро несутся. Многочисленные толпы народа за этою колесницею следуют среди шума веселий. У самой ограды мужнего дома сопровождающие новобрачную останавливают ее, и тут родственники мужа должны расстилать по земле шелковую ткань, начиная от дверей ограды до дверей дома для вступления по ней молодой супруги в дом, где начнется для нее новая эпоха жизни.

На пороге мужнего дома новобрачную осыпают сухариками, изготовленными для этого случая, что называют обрядом **осыпания**. Вслед за

этим подносят ей блюдо с медом и маслом или орехами, которые, впрочем, она не ест, но угощают ими тут находящиеся пожилых женщин. И здесь три дня продолжают торжественные пляски и игры. Как прежде, так и теперь, тот же хозяин угощает народ. На седьмой день торжественных увеселений разъезжаются по домам, и хозяин, пригласивший гостей, благодарит почетнейших особ из числа посетителей. Пред тем как собранию пора уже разъезжаться, в народ бросают с возвышения большую цельную желтую мешину, намазанную маслом или салом, и толпы, устремясь на эту кожу, стараются каждая наперерыв перетянуть на свою сторону, чтобы успеть унести с собою в свой аул, и бегание, продолжающееся иногда несколько часов, сопровождается шумом, криком толпы пеших и конных. Эта игра есть настоящая принадлежность свадебного торжества, хотя, впрочем, она не везде употребительна.

Хозяин дома, где молодая супруга пробыла некоторое время, также делается аталыком, в таком виде, как и воспитатели (см. выше сего отд. глав. 3).

В эти дни радости и веселия не только жители того аула, где происходит торжество, но даже и окрестных аулов участвуют; один лишь молодой супруг остается в уединении или отправляется в наезды (см. прим. 10), и не прежде окончания всего торжества и всех церемоний, при них соблюдаемых, возвращается в дом.

Все, что мы говорили относительно этого предмета, относится в особенности к высшему классу. Что же касается до простого класса народа, то и он согласуется с этими обрядами во всем сообразно с состоянием каждого лица: кто беднее, тот менее имеет, как везде это бывает, гостей и проще их угощает.

К этому присовокупим важнейшее обстоятельство женитьбы: брак учреждаться должен по обычаям, по равенству родов; князья берут жен из княжеских же родов и равномерно отдают дочерей лишь за княжеских сыновей. Дворяне тоже, и так далее.

Когда родные девицы не согласятся отдать ее за того, который просит ее руки, то сей последний увозит ее украдкою и вступает с нею в брак. Это делается часто и потому, что выдавание девушек замуж для их родителей или братьев сопряжено с значительными издержками: должно ее одеть сколько возможно пышнее, дать ей в прислугу крестьянскую женщину или девушку и проч., чего при последнем случае можно избежать, почему и смотрят на эти похищения, так сказать, сквозь пальцы. Также случается, что отец женит сына, не спрашивая его желаний и на такой особе, которую он не видал, что, впрочем, весьма редко. Сверх того, часто бывают женитьбы против воли девицы и ее родителей: молодой человек, влюбленный, собирает толпу молодых товарищей и друзей, и, избрав удобный случай, схватывает любимую им девушку и доставляет ее в дом уважаемого народом человека и там вступает нередко в насильственный брак¹²⁷. Легко себе представить можно, какие несчастные последствия должна иметь для супругов столь бесчеловечная, незаконная и противная истинному рассудку связь.

ГЛАВА VI. ВЗАИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СУПРУЖЕСТВЕ И ОБОИХ ПОЛОВ

Все те, которые судят о домашнем быту черкесов по образу жизни прочих азиатских народов, исповедывающих магометанскую веру, о том имеют ложное понятие. Рыцарское честолюбие много прекрасного ввело в их обычай. К числу прекрасных черт можно отнести и величайшее уважение к женщинам, которого прекрасный, но слабый сей пол достоин вполне: убийца, преследуемый уже вооруженными мстителями, вверив себя покровительству женщины, спасается от явной близкой гибели: преследовавшие преступника останавливаются у порога дома, где тот скрылся, и, укротив мщение приличием, отступают; между тем покровительница доставляет удобный случай покровительствуемому удалиться в безопасное место. Достоин замечания, что и если бы муж ее был в числе преследователей преступника, который мог бы быть даже убийца ее родного брата, отца или мужа, то и тогда он нередко может найти защиту в ее доме: его проведут в безопасное место, а потом предоставляется мстителям преследовать его по своему произволу. Примеры столь великодушного и удивительного обыкновения весьма часты. Преступившие этот закон уважения к прекрасному полу делаются предметом презрения.

Женщине, желающей помогать бедным и утесненным, стоит только от имени своего послать просить помощи, и тотчас явятся князья и дворяне, которые исполняют великодушные ее желания: бедного, нуждающегося в хлебе насущном, по ее просьбе немедленно князь снабдит, послав своего служителя по аулам для собрания нужного количества хлеба от жителей, которые обыкновенно в таких случаях не отказываются; утесненному же и обиженному доставят защиту и удовлетворение. Однако ж замужней женщине вмешиваться в общественные дела почитается неприличным, почему подобные благодеяния совершают большею частью вдовы и девицы.

Мужчина, видя проходящую женщину, хотя бы в значительном расстоянии, непременно должен встать с места и не садиться вторично до тех пор, пока она не удалится, какого бы, впрочем, ни была она звания и достоинства, а также, встретясь с женщиною, он приветствует ее подниманием руки к голове, и желанием ей *доброто дня*. Также и женщины, встретив мужчину, останавливаются лицом к нему и, пропустив его, продолжают свой путь. Когда войдет в дом мужчина, какого бы он ни был звания и состояния, то женщина встает с места, хотя бы даже вошедший был ее крепостной человек. Девицы никогда не отказываются сшить что-нибудь, когда о том их просит мужчина; здесь надобно понимать, однако, что почитается невежливым просить девицу высшего сословия принять на себя какую-нибудь грубую работу.

Эти взаимные знаки уважения отнюдь не относятся к лицам, которым оказываются, а единственно лишь каждому полу присвоены.

У черкес жена в совершенной зависимости от воли мужа, но из этого не следует заключать, что они у них рабыни. Напротив того, обхождение мужа с

женою также основывается на строгих правилах приличия. Когда муж ударит или осыпит бранными словами жену, то он делается предметом посмеяния, точно так, как когда бы он, имея способы, не одевает ее соответственно его состоянию. К этому присовокупить должно и то не менее важное обстоятельство, что жена-красавица всегда владеет сердцем мужа, и, несмотря на обыкновение, которое предписывает жене безусловное повиновение мужу, она часто повелевает им. Жена молодая, не имевшая еще детей, некоторое время соблюдает особенную стыдливость. Но женщина в летах, мать семейства, свободна более в своем обращении. Мужчины той деревни, из которой выдана замуж девушка, приехав в ту деревню, в которой она живет, имеют право ее посетить и обходиться с нею по-братски. Молодые же мужчины вежливо шутят с девицами, проводящими время у жены знатного человека их аула. Словом, женщины у черкесов пользуются свободой.

Многоженство, которое магометанская религия разрешает, черкесам чуждо, хотя некоторые из них имеют по две жены, но случается так мало, что почитается за редкость. Этому более всему причиной то семейное беспокойство, бывающее неминуемым следствием многоженства: дети, прижитые от двух женщин, питают взаимный раздор, в высшем классе умножаемый воспитанием, и губят один другого.

Мы говорили уже, сколь велико уважение мужчин к женщинам в Черкесии и как взаимные сношения мужей с женами подчинены законам приличия, но в заключение заметим, что и у них бывают случаи, в которых и прекрасный пол подвергается оскорблениям, но такие случаи суть гнусные плоды беззакония, противные и обычаям черкесов.

ГЛАВА VII. ОБЩЕПРИНЯТЫЕ* УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ ВЕЖЛИВОСТИ И ПРИЛИЧИЯ

Благонравие в домашнем быту у полудиких народов имеет много прекрасного: соблюдение вежливости в обращении есть неременная обязанность каждого черкеса. Не только князья и дворяне, которые по всей строгости подчинены закону благопристойности, но даже и простой народ между собою, следуют этому прекрасному правилу, облагораживающему человека. Здесь предлагаются главные предметы вежливости и приличия и поступки, почитаемые им противными.

Когда гость остановится на ночлег или более продолжительное время в ауле, то князья и дворяне, там живущие, посещают гостя, и при первом посещении осведомляются об его здоровье; нередко остаются до самой ночи, оказывая различные услуги, приличные обстоятельствам и сообразные с званием и летами гостя и посетителя. По наступлении же ночи, пожелав гостям спокойствия, посетители возвращаются домой. Такие посещения продолжаются во все время пребывания гостей почти всякий день, если тому особенные обстоятельства не попрепятствуют, в каких случаях, при

---

* В оригинале: «обще-принятые» (Ред.).

последующем посещении гостей, извиняются перед ними, объяснив причины, не позволяющие им исполнить этого долга.

Когда несколько князей и дворян в одно время расположены по квартирам в одном ауле, то младшие из них посещают старших и перед ними с услужливостью стоят (если те, смотря по их летам и званию, не приглашают их сесть) до наступления обеденной или ужиной поры, когда возвращаются в свои квартиры, и таким образом продолжают эти посещения до отъезда их. При отъезде же части гостей нередко младшие из них, остающиеся еще в том ауле, а равно и тамошние жители (князья и дворяне), которым приличие позволяет отлучиться от своих гостей, провожают отъезжающих на некоторое расстояние и, пожелав им благополучного пути, возвращаются.

Когда встретятся на дороге князья и дворяне, то младшие из них приветствуют старших, потом вежливость требует, если они ехали в разные стороны, воротясь с старшим, проводить его до тех пор, пока он не предложит ему продолжать свой путь; после чего младший, пожелав ему доброго пути, отправляется по своей надобности. Если один из встретившихся бывает приезжий из другого племени, то, несмотря на свои лета и значительность, житель того племени, в котором встретились, оказывает ему такое почтение, какое младший старшему, но если приезжий знает его лично или узнает от других, то, не допустив его до этого, сам оказывает ему вежливость, приличную его летам.

Когда приезжий гость достоин особенного уважения, как по летам, так равно и по знатности в народе, то князья и дворяне, живущие в отдаленных аулах того владения, где гость остановился, ездят к нему для приветствования его, хотя бы их разделяло значительное расстояние.

Приветствия состоят в том, что встречающий или посещающий гостя или старшего по летам, или по знатности происхождения, приветствует его, произнося: *«Желание доброго приезда»*, при чем поднимает правую руку к голове своей и вслед за тем, спустя некоторое время, спрашивает его *о здравии* с тем же знаком приветствия. Надобно заметить, что делают рукою эти движения легко и не торопясь. Вообще по коренным обычаям черкес с приветствием не делают смешных и странных телодвижений, как это у других азиатских народов бывает. Женщины же, приветствуясь между собою, обнимаются, но также не целуются, как и мужчины, которые, прощаясь между собою при расставании на долгое время, также обнимаются.

Исполняя строго законы вежливости, сын, в присутствии посторонних лиц, не вступает в разговор с отцом и на вопросы его отвечает тихо, кратко и ясно; также никогда не садится перед ним без особенной его воли. Старший брат в отношении к младшим, заступает некоторым образом место отца: пред ним без его приглашения не садятся младшие, а равно и за одним столом с ним не станут есть до тех пор, пока он их к тому не пригласит. Младший брат во всем оказывает услужливость, и где нет прислуги, там он для старшего заменяет ее.

Такая услужливость, соблюдаемая братьями, исполняется и между

другими, то есть: старший летами между князьями и дворянами в таком же виде заступает место отца и все младшие услуживают ему.

Достоинно замечания то, что все эти обряды вежливости соблюдаются и тогда, когда братья или князья и дворяне друг друга ненавидят, даже и тогда, когда они бывают явные враги, но ежели им случится встретиться в таком месте, где законы благопристойности удерживают их оружие в бездействии, например: в доме князя или дворянина, в присутствии женщин, на съездах дворянства и тому подобных случаях, где приличия воспрещают обнажать оружие, – и самые враги остаются в границах вежливости и даже оказывают нередко друг другу разные услужливости, что называется *дворянская* (то есть благородная) *неприязненность или вражда*; но затем эти враги являются самыми свирепыми кровопийцами там, где они могут свободно обнажать свое оружие; и тем более вежливость их делает им честь, и народ питает к ним большое за то уважение. Да и в самом деле, человек, чуждый вежливости и понятия о приличиях, может ли сродниться с долгом общежития?

Неприличным почитается у черкес болтливость и, по их мнению, должно более слушать и менее говорить. Насмешливость также почитается неблагопристойностью. Однако ж из этого не следует заключать, что между ними подвергаются презрению те, которые много говорят или смеются; напротив того, и смех и разговоры позволяют, ежели они никого собою не оскорбляют и заключают в себе приятность. Даже черкесы, говоря вообще, склонны к веселостям и любят благопристойные шутки. Это расположение нередко рождает вольные разговоры между молодыми людьми, которые, разумеется, скрывают их от старших летами.

Произносить бранные слова князья и дворяне почитают за поступок, достойный презрения, что и родило у черкес поговорку: *«Настоящему дворянину несродны бранные слова»*. Однако ж в виде упрека они часто напоминают один другому при спорах о гнусных поступках, сделанных тем, который подвергается этим упрекам.

Говорить о своих подвигах, приписывать самому себе похвалы, в каком бы то ни было виде, почитается у черкес величайшим пороком. Не менее того, по их мнению, хвалить человека в глазах его есть гнусное лицемерство (см. прим. 11).

В числе неприличных поступков почитается между князьями и дворянами, если кто, увидев человека, похищающего чужую собственность, расскажет о том, не будучи принужден к тому обстоятельствами важнейшими. Это неблагоприятное мнение нередко бывает весьма вредно. Впрочем, иногда бывший свидетелем воровства отбивает краденое и возвращает его хозяину, не выдавая, однако, вора. В играх и забавах не оказывают большого чинопочитания, и если бы кто вздумал этим огорчаться, то подвергнулся бы оскорбительным насмешкам.

Постоянство в поведении и твердость в данном слове почитают величайшими достоинствами человека. Напротив того, двуличие – гнуснейшею низостью.

Все, что мы говорили, относится к высшему классу; но оно может дать довольно ясное понятие и о вежливостях и приличиях, соблюдаемых и между людьми низшего сословия, которые притом сохраняют чрезвычайное почтение к высшему классу, в особенности же к князьям: в княжеских владениях простолюдины, встретясь с князем, слезают с лошадей и оказывают другие знаки почтения сану его.

Закон общежития, так сказать, созидает всюду прекрасные условия благопристойности и вежливости, но слабость нравов людей часто их превращает в ничто; и в Черкесии найдете, к сожалению, чрезвычайно много таких людей, которые, ниспровергнув благородные условия общежития, посрамляют себя в глазах почтенных соотечественников постыдными поступками, хотя за то приобретают всеобщее презрение народа.

ГЛАВА VIII. ГОСТЕПРИИМСТВО. ПОКРОВИТЕЛЬСТВО И ДРУЖЕСТВО

Разверните историю народов, рассмотрите древний быт их, и ум ваш будет поражен удивлением: вы увидите там священный алтарь гостеприимства, воздвигнутый среди поколений грубых и хищных, среди этих варваров и кровопийц, обезображенных деяниями бесчеловечными. Луч этой святыни издревле сияет и в недре Черкесии: искони этот народ славится гостеприимством и почитает его за величайшую добродетель.

В Черкесии путник, томимый голодом, жаждою и усталостью, везде обретает гостеприимный кров: хозяин дома, где он остановится, встречает его радушно и, не будучи с ним вовсе знаком, прилагает все возможное старание его успокоить, даже не спрашивая, кто он таков, откуда и зачем идет, доставляет ему все нужное. Гости могут оставаться в доме, где приняты, сколько им заблагорассудится; тут хозяин не принимает участия в их желании провести более или менее времени в его доме. Заметим, однако ж, что гости сами, смотря по обстоятельствам, стараются не отягощать хозяина несообразным с приличиями пребыванием в его доме слишком долгое время. Поступающие противно этому обычаю подвергаются насмешкам.

Вошедший в дом вступает во все права гостеприимства, под защиту родовых прав хозяина (см. 1-й части отд. 3, глав. 2). Если кто оскорбит его или что-нибудь похитит у него, то хозяин за все вступается: обида, нанесенная гостю, равномерно обидна и хозяину, который жертвует жизнью и достоянием, стараясь доставить удовлетворение гостю, также и себе, ибо недостижение этого приписывается его слабости, унижающей до оскорбления его род. Гость случайный остается под такую же защиту до тех пор, пока не съедет со двора.

Гости, едущие из дальних мест по чуждым племенам, *обыкновенно* берут в *провожатые* знакомых князей и дворян или от них людей, которые, сдавая гостей с рук на руки, представляют лица, их пославшие для сопровождения гостей. Не имея подобных провожатых в княжеских владениях, люди высшего класса могут ездить по произволу своему, однако

ж они их берут, чтобы не встретилось с ними какой-нибудь неприятности там, где они мало или вовсе неизвестны; но в племенах, имеющих народное правление (см. 1-й части отд. 4, глав. 1), без провожатого вовсе нельзя ездить человеку приезжому, кто бы он ни был и за каким бы справедливым делом ни ехал: в этих племенах благоразумная подозрительность положила законом останавливать каждого путника, проезжающего через их землю без провожатого. При этом не только с грубостью требуют объяснения, зачем и куда едет, и кто таков, но даже подвергают плену, и если окажется, что кто-нибудь из родственников или предков его был явным врагом которому-нибудь из составляющих эти независимые племена или подозреваем в каком ни есть поступке противу их, то нередко завязывается драка и путника убивают. Во избежание подобных опасностей, имеющие надобность проезжать чрез земли этих племен, берут провожатого, и тогда путнику везде отверзты двери гостеприимства. Эти племена, грубые в обхождении, не уступают другим в хлебосольстве: и самый беднейший из них готов последним своим достоянием доставить гостю спокойствие в своем доме и обильную пищу. Если бы кто дерзнул обидеть гостя, покоящегося в его доме под кровом гостеприимства, то весь род хозяина восстанет тотчас с готовностью пожертвовать всем, чтобы только гостю доставить удовлетворение. Нигде и никогда грубость в словах не бывает столь блистательно покрываема благородством поступка, как в этих племенах, когда один род, узнав своего врага в доме соседа, другому роду принадлежащего, собирается толпами и приступает с требованиями, чтобы гость был ему выдан или, по крайней мере, чтобы их дело было решено тут же судом. Тогда хозяин с гордостью выступает навстречу к врагам своего гостя и говорит им без обиняков: *«Негодяи! Кто вам сказал, что я выдаю моего гостя его врагам? Скоты вы! Если вы храбры, так ищите врага в поле, а не под моим кровом!»* Поистине, никогда грубость не бывает столь благородна, как в минуту гордой готовности принять тысячу смертей, защищая честь своего дома в лице гостя.

Повторим еще: гость есть святыня в Черкесии, и гостеприимство есть неотъемлемая принадлежность черкесов. Дела лучшие доказательства слов: не говоря уже о высшем классе, который, не заботясь о собственном покое, строит приют для гостей, но и в простом классе народа поставляют себе первым долгом иметь особенный дом для гостей, и гостеприимство они превозносят до высочайшей степени; зажиточные крестьяне имеют в домах своих особенные отделения для гостей; лучшая часть всего, что земледелец приобретает от трудов своих, сберегаема бывает на случай приезда гостей же. Знакомец и незнакомец равно принимаемы и угощаемы. Все стремятся оказать услужливость гостю. Наконец, не слыхано в Черкесии, чтобы гость покупал когда-либо что-нибудь для своего продовольствия.

Здесь я не умолчу о том, что люди подлые и корыстолюбивые святотатственною рукою иногда нарушая священные права гостеприимства, сокрушают и самую святыню, несмотря и на то, что за такие посягательства эти преступники делаются предметом народного презрения: честные люди

теряют к ним уважение и гнушаются их сообществом; на каждом шагу оскорбительные упреки встречают их, а в прежние времена подобные изверги вовсе были изгоняемы из общества людей чтимых и даже нередко лишаемы жизни своими родственниками за нанесенное всему их роду неизгладимое посрамление. Но эти строгие, благородные и благодетельные меры ослабевают по мере развращения нравов, почему нельзя во многом не сожалеть о древнем быте черкесов. При всем том, однако ж, должно отдать справедливость им в том, что гостеприимство в величайшей степени и ныне соблюдается и, так сказать, есть та добродетель, которая осталась как бы нравственным отломком лучшей эпохи их народного бытия, и поныне несокрушимо противоборствующая временам и бедствиям, имевшим горестное влияние на нравственность этого народа.

Любопытно знать начало рассматриваемого предмета или обстоятельства, о котором говорим; и так мы должны вникнуть несколько в существенное введение в Черкесии гостеприимства.

«Общая склонность к рыцарским странствованиям произвела естественным образом всеобщее почтение к гостеприимству», – говорит г. Броневский*. К этому заключению присовокупим, что в народе, разделенном на различные племена и хотя соединенные языком и обычаями, но которых ни законы человеколюбия, ни мудрость правления не могли слить в одно целое, должно было проявиться такое действие, которое могло бы заменить спасительные законы, ограждающие собственность и жизнь каждого. Самая местность, равно как военные обстоятельства и мирные между собою сношения двух племен, двух аулов требовали того, чтобы существовала связь между двумя частными лицами, которых обоюдные выгоды родили необходимость взаимного защищения, и эта самая безопасность гостя, которою всяк пользуется под кровом черкеса, утверждена родовыми правами, обратившими особу гостя в некую святыню (см. 1-й части отд. 3, глав. 2). Обыкновение почитать за стыд торговлю, в особенности продавать пищу, доставило путнику везде безвозмездное довольствие, а знакомства, при том приобретаемые и приносящие обоюдные пользы, могли положить основание *гостеприимству*, что, наконец, соделалось добродетелью народною, и сия-то священная добродетель, с незапамятных времен укоренившаяся в домашнем быту черкес, была и язычеством поддерживаема (см. 1-й части отд. 2, главу о религии) и не только не ослабела от введения между черкесами магометанской веры, но даже упрочилась: известно, что эта религия поставляет гостеприимство в числе высоких добродетелей человека.

Заклучим тем, что черкесы вообще, принимая гостей, уверены в том, что делают угодное *Творцу*, и с благоговением говорят: «*Продовольствие гостя Бог дарует гостеприимному*». Не предпочтительна ли эта сердечная простота полудикого черкеса расчетливости просвещенного европейца?

Приятно слышать о добрых нравственных качествах народа и о благородных его обычаях, почему здесь помещаю некоторые подробности

---

* У С. Броневского: «к рыцарскому странствованию» [18, ч. 2, с. 130] (Ред.).

относительно того *покровительства*, которое черкесы по обычаям своим обязаны оказывать слабому; а равно и относительно законов *дружества*, столь свято этим народом чтимого.

Покровительство. По введенному в Черкесии обыкновению слабый человек, находя свое положение опасным, ограждает себя посредством покровительства могущественной особы таким образом: он является к лицу, сильному властью, знатностью рода, обстоятельствами, и поручает себя, свое семейство и все достояние его покровительству, в чем ему и не отказывают никогда, ибо не соблюдавший обыкновения – оказать защиту просящему – наносит тем собственному своему достоинству величайшее посрамление в мнении народа, что делает неизгладимое пятно всему его роду. Лицо же, принятое под защиту, поступает уже под покров гостеприимства на правах гостя, так же точно, как мы выше сего это описали относительно гостя и гостеприимства. Таким образом поступающие под покровительство владельцев живут, по большей части, в аулах своих покровителей, что приносит и этим последним пользу, умножая число их окружающих и подвластных, оказывающих им разного рода услуги. Иные же из таковых покровительствуемых людей, обитая и в другом ауле или даже племени, состоят под защитою посторонних владельцев, которых покровительству себя поручают, во избежание самовластия тех, от которых находятся в зависимости. Другие же, большею частью люди торгующие и потому нередко выезжающие из своего племени в другое, также имеют в разных племенах своих покровителей, так сказать, на всякий случай, и они нередко, потерпев бедствия от разбоев, впоследствии посредством своих покровителей не только освобождаются от плена, но даже и всю потерю свою получают обратно: покровитель заступает за покровительствуемого им, как за своего гостя.

Это обыкновение до такой степени распространилось, что оно, можно сказать, сделалось спасительною оградою слабых. Так, немощные вдовы и сироты, поручив себя и свое достояние покровительству сильной особы, ограждаются безопасностью. Так, слабый, будучи в деле с сильным, не в состоянии от него получить удовлетворение, повергается к ногам постороннего владельца, просит его защиты, и владелец заступает за него, как за своего гостя, и доставляет ему удовлетворение. Наконец, даже жены своенравных мужей (в низшем классе) прибегают к такому же роду покровительства посторонней особы в таком случае, когда она имеет собственность, состоящую в рогатом скоте и вещах, то это имущество поручает покровительству этой особы, которая с вящею готовностью защищает оное.

Черкесы под названием *гость* в обширном смысле понимают и людей таким образом, как здесь мы описали, прибегающих к защите и покровительству постороннего владельца.

Предоставя читателю, знающему обыкновения феодальных времен Европы, приискать в своем уме надлежащее название этому обыкновению, поддерживаемому в Черкесии родовыми правами (см. 1-й части отд. 3, глав.

2), повторим, что оно, доставляя обиженным – справедливое удовлетворение, гонимым – безопасное пристанище, угнетаемым и притесняемым – защиту, влекущим цепи неволи – свободу, возвращая разоренным и ограбленным достояние, ограждая вдов и сирот и вообще слабых защитой, заменяет собою законы частной безопасности.

Дружество. «Между разными племенами в Кавказе не было бы других отношений, кроме военных, если бы дружба и гостеприимство не производили между ними частных, но не менее прочных и для человечества полезных связей, кои, отлучая злобу от меча, приглашают вражду к отдохновению. Дружба в Кавказе имеет также свои особенности: слово *кунак* или друг значит то же самое у черкесов, что у босняков *побратим* и в древности у наших предков крестовый брат, т. е. такой друг, за которого жертвуешь имуществом и жизнью. Когда один кунак (см. прим. 12) придет к другому в гости или по своей надобности, то принимающий в доме своем снабжает приезжего друга всем нужным, не жалея собственности, а в случае недостатка в чем, пускается с ним вместе на воровство и отдает всю добычу своему кунаку. Сей странный способ помогать друг другу, с обидою ближнего (см. прим. 13), употребляемый между кавказскими народами от древнейших времен, есть главное звено их политических соотношений. Каждый старается иметь кунака в отдаленной стране и прибегает к нему в случае нужды; а посредством связей, каковые всякий имеет в чуждой земле, сближаются между собою все народы или, по крайней мере, есть возможность к взаимному их сообщению. Лучший и весьма употребительный способ обеспечить себя от разбоев на случай переезда из одного места в другое внутри гор, состоит в приискании надежного кунака, каковые охотно нанимаются в провожатые за умеренную плату и отвечают за целостность особы и пожитков путешественника. Частные люди и купцы не иначе ездят из Моздока в Грузию и из Кизляра в Дербент и Баку, как под покровительством кунаков. Хотя существует великая разность между наемными кунаками (см. прим. 14) и тою связью, которая под тем же именем существует у горцев между собою, однако не менее того обычай требует, чтобы наемный кунак защищал своего наемщика, не щадя своей жизни, ежели не хочет себя навсегда обесславить, а сия самая известность достаточно предохраняет путешественника от нападения разбойников, которые обыкновенно ищут легкой наживы, а не упорной драки»^{*}.

Так говорит г. Броневский, из слов которого явствует, сколь много производит дружба между горцами Кавказа спасительных связей для обществ. К этому присовокупим, что предки нынешних черкес, желая память изменников коварных предать проклятию потомства, говорили: *«Бог дружбы да накажет злодея!»*

ГЛАВА IX. ОБРАЗ ВОЕВАНИЯ

---

^{*} См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 127-129]. Текст воспроизведен с незначительными изменениями (Ред.).

Главнейшие причины, порождающие войны между черкесскими племенами, бывают нередко весьма маловажны: оскорбление прав, достоинствам родов* присвоенных (см. 1-й части отд. 3, глав. 2), иногда почти мнимое, достаточно, чтобы возбудить партии к неприязненным действиям, которые обыкновенно начинаются набегами; при чем, разумеется, доходит до драки и смертоубийства, потом кровомщения* возгораются, а там доходит до народной или общей войны.

В княжеских владениях – князья, а в племенах, имеющих народное правление, – старшины вынудительными мерами (см. 1-й части отд. 3, глав. 3) вооружают народ; тут кровь льется то в общих сражениях, то в частных наездах. Вот главнейшие обстоятельства, порождающие междоусобные войны черкесских колен. О заключении мира мы в первой части этих записок говорили. Здесь же представим описание, каким образом в Черкесии собирают по несколько тысяч конницы для нападения на русскую границу.

Подобные сборища бывают за Кубанью в двух местах: первое* – против границы Черноморского казачьего войска, начиная пониже Екатеринодара, вниз по течению Кубани до *Таманского* острова; и второе* – против линии, занимаемой линейными казаками, начиная повыше Усть-Лабинской крепости, вверх по Кубани до истока этой реки из гор, а именно в шапсхском и абедзахском племенах. В промежутках же здесь означенных пунктов границы, как-то: против Таманского полуострова и между Екатеринодаром и Усть-Лабинской крепости* подобные сборища бывают реже и то маловажные, не говоря о ничтожных партиях воров, которые, как голодные волки, везде рыскают, ища добычи.

В упомянутых местах, служащих, можно сказать, сборными пунктами войск, обыкновенно составляемых из охотников, старшины, или предводители, затевающие сильный набег, посылают во все места сопредельные, приглашая желающих собраться для предполагаемого нападения в такой-то день и в такое-то место; впрочем, редко делают всем известным истинное намерение и цель сборищ, а лишь о том знают старшины. Причина такой скрытности очевидна: для того, чтобы неприятели, осведомясь о направлении цели сборища, не приняли мер безопасности и противодействия; в таком неведении остаются до самой переправы чрез Кубань толпы воинов, несущихся, волнуясь, вслед за переднею партией, которую составляют главнейшие предводители войска.

Черкесы не берут с собою значительного продовольствия, отправляясь в поход. До назначенного дня выступления они располагаются на квартирах в

---

* Слова «оскорбления прав, достоинствам родов» в экземпляре из ОПИ ГИМ подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слово в экземпляре из ОПИ ГИМ подчеркнуто цветным карандашом (Ред.).

* Слово в экземпляре из ОПИ ГИМ подчеркнута цветным карандашом (Ред.).

* Слово в экземпляре из ОПИ ГИМ подчеркнута цветным карандашом (Ред.).

* Текст «против Таманского ... Усть-Лабинской крепости» в экземпляре из ОПИ ГИМ подчеркнут цветным карандашом (Ред.).

окрестностях сборного пункта и там продовольствуются.

Избранных вождей черкесы не имеют, но те старшины, которые собрали войско, собою составляют и вождей. Из них пользующиеся наиболее уважением и славою в народе имеют сильнейшие голоса, и их-то называют «*дзепиль*»* (князь войска). Они же тут располагают и движениями и действиями.

Собрать многочисленное войско в Черкесии весьма легко человеку, известному успехами в предприятиях и храбростию, ибо все воины – жители аула и других мест при первом зове стекаются, и сами не зная, куда и с какою целью: слово «*поход*» достаточно для их возбуждения и движения. Тут действуют два главных обстоятельства, из коих первое – славолюбие, которое влечет к предприятиям князей и дворян и вообще лучшее воинство; второе – надежда на добычу, двигающая толпы черни. Иногда до вступления в землю неприятеля они делают условия относительно дележа добычи, которую надеются овладеть и которую быстрота их нападения им часто доставляет.

Народ, живущий в вечной войне, казалось бы, должен соделаться большим знатоком в военном искусстве, однако черкесы, на войне взросшие и войною же воспитанные, лишь соделались неподражаемо воинственными, проворными, ловкими, терпеливыми и отважными, но вовсе или мало приобрели познания в военном деле.

Все их военное искусство состоит в том, чтобы неожиданно и быстро нападать на неприятеля и, подобно парфянам, заманивать его в засады притворным бегством.

«Опыты доказали, что бегущий черкес не есть разбитый неприятель и что никакая, ни легкая, ни тяжелая конница не может держаться противу конницы черкесской»*, – говорит г. Броневский, который и набеги черкесов сравнивает с набегами парфян. Действительно, бегущий черкес еще не побежден, и нет в мире кавалерии, которая могла бы устоять противу отборной конницы черкесской, даже и в превосходном числе, ежели она не будет иметь артиллерии.

Порядок, соблюдаемый черкесами во время движения войск и приготовления к решительному нападению на землю неприятеля, имеет некоторый вид устройства и подчиненности: главнейшие старшины-предводители назначают отличных способностями и наиболее уважаемых *дежурными (шуххатий)* по войску. Эти дежурные во время движения соблюдают порядок, отделяют партии, называемые *передняя* и *задняя* (см. прим. 15). Они идут толпами, но каждая партия не смешиваясь с другою. Доброконные и худоконные бывают отделены между собою. Первые составляют авангард, вторая часть есть в некотором смысле подкрепление.

---

* Так в оригинале. Вероятно: «дзепщ» (тем более, исходя из расшифрованной автором этимологии) (Ред.).

* См. у С. Броневского: [18, ч. 2, с. 122]. Текст воспроизведен с незначительными изменениями. (Ред.).

При таком разделении войск дежурные смотрят за всеми, и нередко хорошему воину, не имеющему хорошей лошади, дают такую, отобрав у другого, дурно вооруженного или слабого воина. Вообще в войсках, состоящих из воинов, собранных в княжеских владениях, более бывает порядка, повиновения и подчиненности, нежели в войсках, составленных из племен, имеющих народное правление (см. 1-й части отд. 4, глав. 1).

Однако все вышеупомянутые распоряжения в войске черкесском изменяются в минуту нападения: все, за исключением старшин, князей и дворян, которым приличие не позволяет брать добычу и которых удел есть *«сражаться»*, бросаются в беспорядке на добычу: грабеж и убийства продолжаются в деревне, сделавшейся жертвою свирепого нападения черни черкесской, несмотря и на старания старшин, призывающих их иногда звуками литавр (см. прим. 16), а большую часть рассылая людей во все концы, — до тех пор, пока простые ратники не насытятся добычею или опасность приближающегося неприятеля не заставит их образумиться. Между тем князья и старшины дворян, составляющие лучшее воинство, дерутся с защищающимся неприятелем. Также на обратном пути, составив арьергард, подвергают себя всем опасностям, отважно дерутся с настигающим их неприятелем и, храброю стойкостью удерживая и отражая натиск преследователей, дают время подвигаться вперед большей части войска своего, с добычею и в беспорядке возвраща[юще]гося. Здесь руководствуют храбрыми воинами высшего класса честь и жажда славы, а не добыча, как некоторые рассказывают, судя о том поверхностно.

В минуту сражения исчезают все распоряжения в войске черкесском, как мы сказали выше: кто хочет, тот дерется; приказания старшин уже не действуют, а увещаниям их покорствуют только дворяне. Этому главнейшею причиною служит предрассудок, будто бы славнее сражаться лично и оказывать храбрость, нежели, распорядясь, содействовать существеннее общему успеху.

Черкесы в день сражения одеваются в самые лучшие свои одежды, которые вместе с блестящими их шлемами, кольчугами, стрелами и богатыми конскими сбруями представляют прекрасный, разнообразный и величественный вид, которым отборное их воинство отличается.

Никогда почти их пехота не бывает с кавалериею во время их набегов на русские границы, и тогда только она хорошо дерется, когда дело происходит в лесу. В войнах же междоусобных и пехота их принимает участие.

Достойно замечания, что во время походов в высшем классе младшие оказывают нередко величайшее повиновение старшинам, — тем более, что это обстоятельство некоторым образом опровергает мнение некоторых, что черкесы вовсе неспособны к повиновению.

Все здесь сказанное может подать ясное понятие о больших действиях черкесских войск, если можно так назвать массу воинов, скоро собирающихся и скоро разъезжающих[ся]. Теперь перейдем к действиям малых партий.

Небольшие партии воинов скрытно пробираются, быстро нападают и

быстро скрываются, и в случае погони за ними, сражаются отчаянно, и тела убитых товарищей с удивительной решительностью уносят с собою; и здесь, как и в больших действиях, защищая тело убитого товарища, целые партии погибают: они, убив своих лошадей и из них сделав батареи, продают жизнь очень дорого. Примеры подобных отчаянных подвигов нередки, и черкесы это все делают *из жажды к славе* храброго воина и боясь *названия труса*, а не из жадности к добыче, которую им, конечно, не принесет смерть.

Если черкесы мало приобрели познания в искусстве больших военных действий, то они затем отменно хитро действуют в малых нападениях и воровствах: в больших лесах, через которые проложены дороги, они делают засады и проезжающего, деревянным крюком стянув с лошади, полонят и обирают.

Отчаяннейший из наездников подъезжает к аулу и там, расспрашивая какого-нибудь мальчика о чем-нибудь, роняет плеть, и когда мальчик подает ему эту вещь, то, схватив его за руку, ускакивает; и дабы не могли его подозревать в подобном умысле, поджимает одну ногу под лопаткою коня, отчего послушный его товарищ, уже к тому приученный, начинает прихрамывать, что видя, разумеется, мальчики не боятся подойти к наезднику, сидящему на хромо́й лошади, не подозревая в нем своего злодея-похитителя.

Черкесы поединков не имеют в таком виде, в каком они приняты в Европе. Вслед за оскорбительными словами вспыхивает брань и нередко падают мертвыми люди, за несколько минут перед тем дружелюбно между собою разговаривавшие. Однако ж такая вспыльчивость умеряется уважением к присутствующим и почтением к хозяину дома, где случится спор, и тогда отлагается брань до другой удобной встречи, говоря вообще, не назначают ни места, ни времени поединка (см. прим. 17). Между заклинаниями достойно замечания следующее: *«Дай Бог, чтоб ты не знал, что делать, и не хотел бы ни с кем посоветоваться»**. В высшем классе грубые слова и ругательства почитаются весьма неприличным[и], и произносящие их подвергаются большим насмешкам.

Вся жизнь черкеса проходит на войне, и старцы на краю гроба благословляют дни свои, ознаменованные подвигами храбрости.

ГЛАВА X. О СОДЕРЖАНИИ РАНЕНОГО

Обряды, соблюдаемые черкесами при содержании раненого, суть важнейшие остатки времен язычества этого народа, и поныне неослабно и повсеместно с маловажными различиями и изменениями продолжающиеся. Раненого знатного происхождения по большей части помещают в доме владельца ближайшего аула к тому месту, где он получил рану: владелец аула, как по долгу гостеприимства, так равно и по приличию общепринятому, приглашает раненого к себе, и без особенных обстоятельств не отказывают принять его предложения, потому что отказ может его

---

* Фраза заимствована из текста С. Броневского [18, ч. 2, с. 132] (Ред.).

оскорбить.

Минуте внесения больного в дом, назначенный для помещения, предшествует суеверие: порог дверей возвышают, прибив толстую доску. Девица моложе 15-ти лет обводит вокруг внутренней стены дома черту коровьим калом, в надежде предохранить этим больного от вредного влияния *нечестивых взоров*, как говорят черкесы. У постели больного ставят чашку с водою и куриным яйцом. Тут же кладут железную соху с молотом того же металла. Посетитель, в первый раз посещающий больного, подойдя к нему, трижды ударяет молотом по сохе, потом слегка окропляет одеяло на больном из той чашки, а которой положено яйцо и, произнеся: *«Бог да соделает тебя здоровым»*, отступает от постели больного и занимает приличное его летам и званию место.

Входящие в дом к больному и выходящие оттуда осторожно переступают возвышенный порог, боясь задеть за него ногою, что почитается неблагоприятным предзнаменованием. Также посетитель ударяет молотом по сохе так сильно, чтобы звук был слышен всем в доме находящимся: есть у них поверье, что если посетитель братоубийца или убийца невинного человека, то удар молота не произведет звука; также от его прикосновения к чашке с водою лопнет яйцо, там положенное, и что это служит доказательством преступлений посетителя. Замечают, что явные убийцы нередко вовсе не касаются рукою до воды, сколько постараются скрыть это от взоров тут находящихся.

Впрочем, многие из посетителей постигают нелепость этих суеверных обрядов, но все без изъятия соблюдают их во всей строгости, потому что предрассудки эти в мнениях народа весьма сильно укоренились. Однако ж надобно сказать, что эти поверья суть одни из всех предрассудков, невежеством порожденных, которые поистине вовсе не вредны. Сказывают, что в древние времена явные братоубийцы и пролившие кровь невинных избегали таких посещений, потому что народ был уверен, что их присутствие может повредить больному, да и теперь многие этого ж мнения: явных убийц между посетителями бывает много и их присутствию невежество присматривающих за больным приписывает дурные перемены состояния его здоровья, доказывая это тем, что яйцо, положенное в воде, находят треснувшим, вовсе не помышляя о том, что оно от влияния воды, в особенности зимнею порою, или от нечаянного прикосновения к чашке само по себе может лопнуть.

Как бы то ни было, добрые люди с презрением взирают на явных убийц, тут присутствующих, и эти странные обряды, суеверные и смешные, доказывают, что предки нынешних черкес более гнушались и боялись присутствия преступников законов природы и уважали невинность до тех пор, пока эти чувства добродетели, и в непроницаемой мгле невежества сиявшие, не были поглощены в пучине разврата.

По принесении больного в дом немедленно призывают человека, пользующего раненых, который остается при больном до его излечения. Аул, где находится больной, делается сборным местом не только соседних, но

даже дальних дворян и всего высшего класса, да и простого народа, в том и соседних аулах живущего. Всякую ночь к больному сходятся приезжие, остановившиеся в том ауле; также старцы и молодежь всякого звания. Почитается приличным для отцов и матерей семейств, чтобы их дочери посещали больного; причем иногда предшествует приглашение жены и дочерей хозяина дома, где больной находится. Но должно заметить, что женщинам строго воспрещается вход к больному, зато девицы составляют предмет удовольствия всего сборища.

В сумерки начинают собираться к больному, и тогда же пение раздается под сводом его жилища. Посетители поющие разделяются на две партии, и каждая старается превзойти другую, и поют сначала песни, для подобного случая сложенные, а там переходят к обыкновенным песням, в том случае, если больной находится вне опасности и весел; в противном же случае продолжают петь те же песни до усталости. Потом, прекратив пение, начинают разные увеселительные игры и забавы, в которых девицы в особенности принимают участие. Из забав этих самая главнейшая есть *«рукобитие»*: один из веселящихся начинает эту игру, подойдя к одной из девиц (разумеется, что нередко выбирают хорошеньких), требует, чтобы она вытянула руку, он бьет ее по ладони, после чего она, в свою очередь, подойдя к какому-нибудь из мужчин, ударяет также по ладони, что обыкновенно продолжается довольно долго, потому что никакая другая забава в этих сборищах не доставляет столько живых удовольствий мужчинам. Конечно, и девицам не бывает неприятно позабавиться с теми молодыми наездниками, которые привлекают их внимание.

После начинаются разные другие игры, сопровождаемые криком, шумом, волнением и толкотней. Наконец, все эти забавные шалости постепенно утихают, и песни – преимущественные принадлежности содержания раненого, опять охриплым голосом начинаются, но уже не долго продолжаются; к ужину являются столы, отягощенные яствами и напитками в кувшинах для почтеннейших гостей и в огромных кадках для народа. Девицы, в сопровождении друзей хозяина, возвращаются в женское отделение, а оттуда, поутру, расходятся по домам, около же сумерек опять собираются к больному.

По окончании ужина, пропев еще несколько веселых песней, все, за исключением неотлучно находящихся при больном, удаляются до наступления другой ночи. Опять в сумерки все являются к больному с новыми силами, после отдохновения в течение дня, и многие с новыми замыслами в отношении к красавицам.

Такие сборища продолжаются до излечения больного или до его кончины. Само по себе разумеется, когда нет надежды на выздоровление больного, когда явно он приближается ко гробу, то и сборища бывают невеселы: следы уныния заметны на лицах посетителей, которые в таком случае бывают не так многочисленны и состоят по большей части из друзей больного и хозяина дома, его содержащего. Но песни не прекращаются и в самую последнюю ночь жизни больного.

Больной сам участвует в забавах и пении, нередко преодолевая неносимую боль; и при входе почтенного посетителя или девиц всякий раз встает с постели; если же исполнить этого ему нет возможности, то, по крайней мере, он приподнимается с изголовья, несмотря на запрещения пользователя.

Я видел человека на одре смерти до того близкого к гробу, что не было уже никакой надежды, и этот несчастный, при входе моем, услыша, что я приехал его посетить, до того употребил усилие, чтобы встать, что вновь повредил перебитые кости и упал в обморок от ужасной боли. Жалостно было смотреть на конвульсии его. Спустя три дня после того он умер, превозносимый похвалою за мужественное терпение.

Если больной охает, морщится и не встает при входе посетителей, то навлекает на себя дурное мнение народа и подвергается насмешкам. Это обстоятельство делает черкесов терпеливыми до невероятности.

В продолжение лечения родственники и близкие хозяина, *аталыки* больного и знакомые, нередко даже и вовсе посторонние, но живущие в близости дворяне, пригоняют и присылают скот на убой, приготовленные кушанья и напитки, потребные при содержании больного.

По выздоровлении раненого иногда хозяин дома, где он лечился, делает пир выздоровевшему в его доме; причем подносит ему подарки, состоящие в оружии, и подводит лошадь со всею конскою сбруею. Лекарю, пользовавшему его, также делает большие подарки, кроме того, ему принадлежат все кожи быков и баранов, съеденных народом в доме хозяина, где содержался больной в продолжение его пользования. Вылечившийся одаряет ту женщину, которая обыкновенно мыла бинты, тряпки и проч. в продолжение его лечения, равно как и тех, которые неотлучно находились при нем в услугах. Сверх того, он делает подарок и той молодой девице, которая обвела чертою внутренние стены дома, где лечился. Впоследствии самому хозяину раненый князь иногда дарит семьи людей, и дружба водворяется между ними.

Что мы говорили относительно содержания раненого, принадлежит людям знатным высшего класса; что же касается до людей менее значительных, то образ содержания их тот же самый, с тою только разницею, что сборища и угощения бывают сообразны с значительностью и состоянием раненого и хозяина дома, где он содержится, если он не в своем доме лежит, что, впрочем, редко случается в простом классе народа.

Также в низшем классе почти всегда торгуются с лекарями, которые берутся лечить раненого, что в высшем классе редко делается; потому что договариваться в таких случаях, где, по мнению их, дворянин сам обязан знать приличие, почитается оскорбительным, и лекаря не бывают от этого в проигрыше.

Справедливость требует не умолчать в заключение о том, что бескорыстное соблюдение приличия производит поступки истинно великодушные: молодой дворянин или какого бы ни был звания воин, готовый пожертвовать собою для славы, догоняет неприятеля, сделавшего

неожиданный набег, и, несмотря ни на число его, ни на опасность, бросается на них, дерется и получает или смерть, или тяжелую рану. В случае смерти, первый благородный человек, нашедший тело, по предании его земле на свой счет, совершает все, что религия предписывает родственникам покойного оказывать его памяти. В случае же, если он находит раненого, то берет его к себе, содержит нередко самым лучшим образом, платит врачу, пользующему его, и, наконец, по выздоровлении дарит ему прекрасную лошадь со всею конскою сбруею и полное на одного человека вооружение, даже нужную одежду, и все это делает из одной чести, не имея в виду никакого вознаграждения, кроме похвалы народной. Такие прекрасные стремления к прославлению нередко заставляют черкесов делать с истинным самоотвержением добро и защищать невинность. Но эта благородная черта характера, к сожалению, часто обезображивается, так сказать, косвенными понятиями черкесов о славе: они нередко проливают потоки крови, подвергают свою жизнь опасности, и все это лишь для приобретения воинственной славы, не приносящей никакой пользы отечеству, отвергаемой и Богом и законами человечества.

ГЛАВА XI. ПОГРЕБЕНИЕ И ПОМИНКИ

Мы выше говорили, что у черкесов, со времени принятия ими магометанской веры, последовало много изменений в коренных древних их обычаях. Это обстоятельство ни в каком ином случае не проявляется в таких разительных противоположностях, как в обрядах, соблюдаемых при погребении умершего и при отправлении по нем поминок. Здесь предлагаю описание таких обрядов, при погребении и поминках знатного человека соблюдаемых.

Как скоро больной испустит последнее дыхание, то в доме его поднимается плачевный вопль: мать, жена, дети, родственники, друзья и все находящиеся в доме заглушают воздух стенаниями скорби. Женщины бьют себя в грудь и щиплют лицо; мужчины царапают лоб до крови, и синие пятна остаются на долгое время, даже нередко бывают раны на изувечиваемых местах. Но такие знаки особенно глубочайшей горести оставляют на себе лишь друзья покойника, равно как и родственники.

Все женщины того аула стекаются туда же, умножая плачевные вопли. Посторонние лица, в ту же пору приходящие, обыкновенно по несколько вместе, начинают испускать протяжный вопль, еще не доходя того дома, где лежит покойник, и, продолжая плач, входят туда и, подошед ближе к телу, короткое время там остаются, а потом выходят вон из дому, но редко прежде перестают плакать, как уже на дворе. Те же из них, которые желают более изъяснить знак особенной своей горести, остаются в доме или, вышед оттуда, останавливаются у стены дома и продолжают плакать.

Между тем старики, сами перестав плакать обыкновенно довольно скоро, распоряжаются приготовлением тела к погребению. Они же увещевают близких покойника не слишком предаваться скорби и советуют им оказывать твердость душевную к перенесению удара судьбы. Пожилые

женщины то же самое делают в отношении к женщинам.

В то же время призывают жреца, который моет тело покойника с помощью одного или двух своих учеников или помощников: моющие тело обыкновенно на руки свои надевают мешки из той самой белой ткани, из которой шьют покойнику род савана, похожего на мешок с обоих концов открытый, надеваемый на труп и называемый *кефин*. Тело вымывают со тщанием, даже нередко обрезают ногти на руках и ногах, и эту обязанность некоторые из муллов исполняют с особенным усердием, что заставляет народ благоговеть перед ними.

Тело женского пола моют и готовят к погребению пожилые женщины в таком точно порядке, как и тело мужского пола. Где нет муллы, там люди, знающие, хотя несколько, читать молитвы, его заменяют. В продолжение приготовления тела к погребению обыкновенно готовят могилу: не слыхано в Черкесии, чтобы когда-нибудь нанимали для этого рабочих людей; напротив того, все жители стекаются в дом покойника, как сказано выше, и оттуда нужное число людей идет на кладбище и там копают могилу наперерыв, спеша один другого сменять на работе, считая это приличным каждому. Тело умершего кладут на связанных досках, а по большей части на коротких лестницах, подмостив так, чтобы тело лежало неподвижно, и сверху покрывают богатым парчовым одеялом, и обыкновенно тело несут на руках из дома до кладбища. Родственники покойника с плачем сопровождают его останки; также и женщины, которых почетные старцы нередко возвращают, не доходя до могилы. В продолжение шествия от дома до кладбища три раза останавливаются, и священник, сопровождающий тело, трижды читает молитвы. Сопровождающие тело наперерыв сменяют носильщиков. Прежде чем опустят тело в могилу, над ним совершают молитву, потом мулла принимает от родственников умершего приносимые ими дары, *«искат»*; при чем он делает *«девир»*, т. е. сорок раз спрашивает о добровольном приношении даров, и прежде всего, приступая к тому, спрашивает, сколько лет было покойнику от роду и какого он был поведения. Приносители даров в этом случае надеются тем уничтожить или по крайней мере уменьшить грехи покойника. После всего этого опускают тело в могилу, головою к западу и несколько наклоняют на правый бок так, чтобы оно лежало более наклонно к югу. В иных местах кладут рукописные молитвы с телом.

Засыпая могилу, все попеременно работают, и один другому уступая деревянную лопатку, не отдает ему в руки, а кладет на землю. Тут же приносят в жертву барана, а мулла читает из Корана главу. Иногда людям, отпускаемым на волю по завещанию покойника или по собственному желанию его наследников или друзей, объявляют тут же свободу.

Обыкновенно по окончании всего этого могилу поливают водою, и тогда все отступают от могилы на 40 шагов; мулла же, оставшись на могиле, читает молитву *«талкин»*, про которую суеверные рассказывают, что если покойник не отягощен грехами, то он повторяет ее слово в слово за священником. Потом священник возвращается к ожидающим его, и, еще

совершив молитву, все идут уже домой. Тут же присутствующие изъявляют родственникам покойника свое сожаление о их потере и почетнейшие увещевают их *быть твердыми, покорными Богу и не предаваться печали*.

В наступающую ночь духовенство собирается в дом покойника и там иногда до самого рассвета проводят ночь в молитвах об успокоении души умершего и о прощении ему его грехов, а после *трапезы* расходятся по домам. Нередко три ночи продолжают сряду подобное чтение молитв. На седьмой день делают первую поминку, на сороковой день – вторую. На поминки эти собирается духовенство и народ; первые читают Алкуран, получив за прочтение условленную плату; а вторые насыщаются пищею и питием, для этого случая приготовленными. Такую же третью поминку нередко отправляют на шестидесятый день или на исходе года. Все обряды, здесь описанные, относительно погребения и поминок, включая обыкновения плакать протяжным воплем посторонним, без разбора, лицам, истязания себя родственниками и друзьями, равномерно бесплатная работа, суть следствия введения между черкесами магометанского вероисповедания.

Нынешним черкесам почти неизвестно, как хоронили тела их предков во времена язычества, но надобно полагать, что вместе с телом зарывали и оружия умерших, судя по тому обстоятельству, что и поныне нередко находят в недрах земли оружия вместе с человеческими скелетами. Поныне же оставшиеся от древнейших времен обряды больших так называемых *поминок* особенно любопытны, и мы их здесь подробнее представим.

Смерть отца семейства или знатного члена везде и во всяком народе повергает в горестное, если не всегда в душевное, то, по крайней мере, притворное уныние оставшихся в живых родственников умершего. Но это уныние нигде не оставляет таких ужасных следов и столь продолжительных слез, как в Черкесии. Не только друзья и знакомые умершего знатного человека, но даже и те, которые его едва ли знали, нередко посещают родственников его для изъявления своего душевного участия в их потере.

Они, подъехав к дому, где жена или мать умершего находится, слезают с коней, снимают с себя оружие, идут к дому, куда приближась, начинают плакать, причем нередко треногами и иногда и плетью секут себя по открытой голове; в таком, однако, случае встречают их и, удерживая удары, наносимые ими самим себе, подводят их к дому. Если же такие посетители не имеют в руках ремней, то их не встречают, и они идут, тихо подвигаясь вперед и обеими руками прикрывая свое лицо. С воплем входят в дом, где и женщины отвечают тем же, выходя оттуда, они являются в гостиную и там родственникам покойника изъявляют с печальным видом, но уже не плача, свое сожаление о их потере и уезжают. Буде же эти посетители не плачут, входя в дом к женщинам, то и они в присутствии их не рыдают, но лишь те выйдут, то заглушают воздух пронзительным воплем, который чрезвычайно трогает душу; в особенности жалостный голос сирот потрясает сердце. Сироты нередко продолжают рыдать при посещениях почти до истечения года. Следственно, и плачевное стенание в доме покойника не умолкает весьма долгое время. Те, которым важное обстоятельство помешает самим

лично приехать для изъявления своего сожаления, присылают людей, заслуживающих почтения. Разумеется, что не все плачущие не потому плачут, что горесть их столь велика, но следуют общепринятым обыкновениям, несоблюдение которых нередко лишает человека уважения народа и подвергает поношениям.

На могиле воспитанника ставится иногда железный трезубец в виде вилы на шесте, к которому прикрепляют черную или красную ткань (*ньппé*). В прежние времена вместо трезубца ставили железные кресты, с тканью же.

По воспитаннику носят годичный траур; также жены носят годичный траур по мужьям и в продолжение этого времени не спят на мягких постелях. Надобно заметить, что муж не плачет по жене, и если даже окажет печаль во время ее болезни или по смерти, то неминуемо подвергается насмешкам.

Родственники и друзья покойника долгое время чуждаются увеселения и сохраняют печальный вид. Неисполнение всех этих обрядов почитается за стыд. По прошествии же года отправляют большую *поминку*, или *тризну*. Таким образом, *большие поминки* или *тризны* по знатном человеке, которого наследники в состоянии поддержать приличия своего дома, совершаются по истечении года, и когда приблизится день, назначенный для *тризны*, то предпринявшие ее совершение готовят чрезвычайно много яств и напитков; в этом случае близкие их и даже посторонние лица, по принятому обыкновению, привозят готовые кушанья и напитки, пригоняют рогатый скот, нужный на зарез. За несколько дней до наступления дня *торжественной поминки* посылают в соседние аулы приглашать народ. К почетнейшим особам сами ездят просить удостоить их *тризну* своим присутствием; в случае, ежели обстоятельства им не позволят отлучиться, то посылают и к знатнейшим особам людей, наиболее уважаемых, поручив им извинить их пред особами, которых приглашают через него, в том, что сами не могли лично к ним явиться.

Накануне *тризны* съезжаются приглашенные лица к пригласившему или останавливаются в соседственных аулах, ибо собрания бываю до того многочисленны, что помещение в одном ауле делается невозможным.

Торжество *тризны* открывается конскою скачкою: еще до света высылают скакунов в назначенное место. С ними отправляется почетный человек, который, поставив их в ряд, пускает всех в один раз. Первый *приз* получает первая прискакавшая к цели лошадь; второй приз – вторая и третий приз – третья; иногда и самой последней прискакавшей лошади назначают в награду какую-нибудь безделицу. Конные толпы встречают возвращающихся скакунов и нередко мешают им тем, что каждая партия погоняет своих скакунов. После возвращения со скачки почетнейших гостей собирают в гостиную, куда приносят столы, отягощенные яствами. Здесь присутствующие духовные особы пред начатием обеда читают молитву. Надобно заметить, что духовенство, почитая такие поминки, в котором одно игрище другим заменяется и весь народ в торжестве, противными религии, не всегда посещают их. Другим же гостям, располагающимся на обеденное время в ауле, разносят столы с яствами и напитками в больших сосудах.

Народ собирается на открытом воздухе, на дворе под навесами и около строений толпами. Напитки и столы с яствами разносятся и народу; но чтобы никто не оставался ненакормленным и ненапоеным, хлеб, пироги и прочие сухие яства разносят в бурках и раздают всем без изъятия. Для соблюдения порядка назначают людей, которые и смотрят за тем, чтобы все делалось надлежащим образом. Напитки для народа ставятся на открытом воздухе в бочках; для надзора и тут находится один человек. Кто хочет, подходит к напиткам и пьет. Блюстители порядка имеют в руках палки, которыми нередко подчуют молодых шалунов. Они же смотрят, чтобы старцы прилично были угощаемы.

В продолжение пиршества множество лошадей, накрытых разноцветными тканями, стоят на дворе. Этим лошадям приводят родственники, друзья и знакомые покойника *посвящать* его памяти. В прежние времена лошадям, *посвящаемым* памяти умершего, отрезывали концы ушей, но иные довольствуются одним их приводом в богатых покрывалах, называемых «*шдянь*».

Толпы многочисленного народа, веселием оживленного, шум, говор, ржание коней, рядом поставленных, в богатых уборах с разноцветными покрывалами, суетящиеся женщины, не упускающие случая показать мужчинам в блеске и на них взглянуть иногда лукаво: все это составляет собою зрелище весьма занимательное.

В этот же день оружие и одежда покойника нередко бывают разложены в доме.

Молодые князья и дворяне с нетерпением ждут окончания трапезы; в этом нетерпении им не уступают хорошие стрелки и даже проворная молодежь и мальчики всех званий, потому что каждому из них предстоит разные потехи.

Лишь перестанут насыщаться, тотчас садятся наездники на коней и окружают ездовых, сидящих на покрытых лошадях, и, дав им время разбежаться, пускаются за ними в погоню и, догнав, стараются сорвать покрывала, а те – ускакать от преследователей, в чем если успеют, то, повозив некоторое время развевающуюся ткань, бросают ее среди толпы пешего народа, и тут начинается борьба, и ткань в мелкие куски разрывают.

С другой стороны выскакивают в поле наездники в шлемах и панцирях, сплетенных из орешника, и за ними пускается сотня наездников: одни стараются как можно далее проскакать с своими трофеями, а другие отнять у них и самим увенчаться ими; третьи же стараются наполнить себе карман орехами; наконец, им всем не удается исполнить свои желания, почему и бросают среди толпы же пешего народа свои трофеи, и тут снова начинается шум, и борения возобновляются. В то же время стрельба в цель не умолкает: одни стреляют пешие на расстоянии от двух- до трехсот шагов, и попавшие в цель получают приз. Другие же верхом на всем скаку (мимо цели) стреляют обыкновенно из пистолетов, и попавший берет назначенный приз. В другом месте открывается зрелище удивительное: поставлен весьма длинный шест, к верхнему концу которого прибита круглая небольшая доска, и ловкие

наездники, имея лук и стрелы наготове, летят на лихих скакунах один за другим, чтобы лошадь заднего скакала за лошадью передового прямо, ибо он уже не управляет поводьями и только левая нога его остается на седле, а весь его корпус держится ниже гривы лошади: в таком трудном положении, несясь как вихрь мимо шеста (кебек), он в то мгновение, когда лошадь на всем скаку сравнивается с шестом, спускает лук и пернатая стрела вонзается в доску, наверху шеста прикрепленную, а иногда, разбив его, падает к ногам изумленных зрителей. Эта игра, забава или, лучше сказать, этот опыт необыкновенно ловкого наездничества принадлежит высшему классу.

В другом месте проворные мальчишки толпятся около столба, чисто обструганного и намазанного сверху донизу салом. Наверху этого тонкого столба прикреплена корзинка, наполненная разными прекрасными вещами, и кто влезет туда без иной помощи, кроме своих рук и ног, берет себе все эти вещи. Тут всякий показывает свое удалство: один другого сталкивает, все шумят, бранятся, и хохот зрителей увеличивает гул. Хитрейшие из мальчишек, наполнив свои карманы и пазухи золою или песком и, обтирая ими столб, нередко докарабкиваются до своей цели. В случае же, ежели все их усилия остаются тщетными, то хорошие стрелки стреляют в ту палочку, к которой на столбе прикреплена корзина, и тут и мальчишки и большие бросаются расхватать вещи, и давка и свалка еще увеличивают шум и крик.

Игры, стрельба, скачки по всему пространству поля и аула продолжают целый день. Пестрые толпы несутся с одного конца в другой; тут один другого срывает с коня, валяет на землю, и все в безумии кружатся. Легко себе представить, что нередко жизнь наездников подвергается опасности, когда они, несясь по оврагам и рытвинам поля, понуждают лошадей перепрыгивать через плетни и ограды в ауле. Нередки примеры несчастий, случающихся от такого излишнего веселия, но зато ловких наездников вознаграждают одобрительные улыбки красавиц.

Шум, говор, крик, стрельба раздаются громом в воздухе в продолжение дня, а с наступлением ночи, насыщенный удовольствиями зрелища, яствами и напитками, народ расходится и разъезжается по домам. Тишина ночи заступает место волнениям дня *тризны* или торжественной *поминки* об усопшем.

Мы говорили о погребении и поминках людей высшего класса; что же касается до простого класса, то тоже самое соблюдают, принимая, однако, в соображение их состояние и обстоятельства.

В заключение заметим, что эти обряды со дня на день уменьшаются в Черкесии, и в иных племенах вовсе прекратились со времени усиления исламизма чрез старание духовенства. Нельзя жителям Черкесии не упрекать в безрассудном фанатизме свое духовенство, которое старается истребить все древние обычаи предков, как будто бы наружное смирение истребляет губительные страсти души.

ГЛАВА XII. АНЕКДОТЫ¹²⁸

Анекдоты народные, сами по себе любопытные, могут более или менее

руководствовать к познанию главных черт характера народа, почему я не почел за излишнее поместить здесь несколько черкесских анекдотических рассказов. И в самой Европе, несмотря на строгость ученой и разборчивой критики, вкрадываются в рассказах о делах давно минувших нередко самые нелепые вымыслы, и потому надеюсь, что мне будет позволено предложить здесь анекдоты черкесов, веками еще не поглощенные и приводящие позднее потомство в трепет и удивление, не подвергнув их источников строгому исследованию: кто может ручаться и за истину преданий народов европейских? Кто докажет несомненность многих подвигов героических времен Греции?

1-й анекдот

Крымские ханы, как известно, отдавали черкесам на воспитание своих детей в надежде привязать их через то более к исламизму и своему владычеству. Из этих же воспитанников были избираемы сераскиры (главнокомандующие) над черкесами. Жанинцы (см. 1-й части отд. 4, глав. 10), ближайшие соседи Крыма, также воспитывали крымских султанов неоднократно. Однажды они просили хана назначить одного их воспитанника сераскиром, но просьба их не была уважена, что оскорбило непомерную гордость жанинцев, которые просьбу свою тогда обратили в явное требование. Такое своевольство непокорных жанинцев было причиною, что хан завел с ними кровопролитную войну, которая в продолжение семи лет свирепствовала, иногда лишь на короткое время утихая. Наконец, жанинцы истощили все свои усилия и принуждены были избрать одну из двух крайностей: покориться сильному врагу или решиться на отчаянное сражение.

В общем собрании князей и старшин, с гордостью отвергнув первое, единодушно избрали последнее, но как дух народа был совершенно поражен долговременными бедствиями войны и надежда на победу была сомнительна, то некоторые старшины предложили вывести с собою на поле сражения жен и детей своих и в виду их сразиться с крымцами. Этою отважностью думали они заставить народ отчаянно сражаться и, защищая свои семейства, отразить и победить врагов: ибо каждый, решившийся уступить неприятелю хотя один шаг земли, видел [бы] неминуемую гибель своего семейства.

Так как и полудикие народы умели всегда увеличивать свои победы вымыслами, то неизвестно, на чьей стороне осталась победа. Жанинцы говорят, что она увенчала решительность их предков, другие же утверждают тому противное, полагая, что татары остались победителями; каковое предположение утверждается тем, что из древней народной песни, после того сражения сложенной, которою потомки этого племени и ныне гордятся, явствует, что лучшее воинство жанинцев погибло в этот решительный день и что кровью своею напоили они свои нивы; далее говорится там же, что *«их жены и дети, выведенные на поле сражения, потоптаны и побиты копытами коней татар»*. Однако ж и сим последним это сражение стоило

слишком дорого, как видно из того обстоятельства, что хан удовольствовался весьма маловажною данью от побежденных им жанинцев¹²⁹. Как бы то ни было, удивительная решительность жанинцев есть поистине черта героическая.

2-й анекдот

Престарелая мать трех братьев Еченоковых, кабардинского поколения, отправляя сыновей своих на войну, требовала от них клятвенного обещания, что они *умрут лицом к врагу* и, умирая, не испустят ни одного малодушного стога. И действительно, двое из них пали на поле сражения, протягивая руки к врагам; а третий, смертельно раненный, прибыл домой, сидя еще на лошади, и несчастная мать встретила последнего сына, который, лишь только лошадь остановилась у порога гостиницы, упал мертвым, не произнеся ни одного слова и стога жалобного. Злополучная мать, прежде, нежели дала свободу слезам материнской нежности, спросила сопровождавших ее сыновей воинов, указывая на труп у ног ее лежавшего: «собственными ли его руками отомщен он врагам?», и, услышав, что он, получив смертельную рану, поразил последним ударом нанесшего ему рану, она спросила: «А братья его?» «Они умерли среди врагов, сражаясь как воины» – был ответ ей, и тогда великодушная мать, воскликнув: «Дети достойны отца! И я, счастливая мать, теперь могу плакать!», предалась горести¹³⁰.

Вот женщина народа полудикого, не уступающая гражданам Спарты и Рима!

3-й анекдот

Князь хеххадчского племени (см. 1-й части отд. 4, глав. 10), именем Канболет, гонимый братом его Атвоноком, имевшим сильную помощь от крымского хана, прибегнул к покровительству воинственных бжедухгцев (см. 1-й части отд. 4, глав. 4), которые приняли под свою защиту гонимого. Три года они вели жестокую войну с могущественным гонителем своего гостя, наконец, истощенные уже продолжительною борьбою, в общем совете князей и старшин положили: объявить покровительствуемому ими князю, что они доведены до изнеможения частыми потерями в кровавых с сильным врагом сражениях и что, не будучи далее в силах его покровительствовать, предлагают ему провести его в такое безопасное место, куда он пожелает. Для объявления такого решения избрали из среды себя одного старшину-дворянина. Этот старец долго отговаривался принять на себя поручение, возлагаемое на него собранием, но они настоятельно требовали, чтобы он был посланцем и представителем всего народа. Почтенный старец явился к покровительствуемому изгнаннику, между страхом и надеждою ожидавшему решения своей судьбы. «Бжедухгцы, – сказал он, скрыв настоящее свое поручение, – удостоили меня избрать для объявления тебе их решимость защищать твое дело до тех пор, пока останется единый воин в их племени с оружием в руках». Несчастный изгнанник обнимает благородного вестника, идет вместе с ним к собранию, благодарит с открытою головою своих

покровителей за их великодушное решение. Собрание приходит в замешательство: все друг на друга взирают с недоумением и беспокойным удивлением, и как только гость удалился, бросаются к своему послу и в исступлении осыпают его оскорбительными упреками в безрассудстве. «Я дворянин, – говорит огорченный старец, – и, будучи избран представителем лица нашего народа, мог ли бы я сказать: бжедухгцы, забыв священный долг гостеприимства, не могут более покровительствовать своих гостей и беззащитному не будут отныне доставлять правосудие?.. Что сказали бы наши отцы, видя малодушие потомков, если бы они ожили? Какие упреки найдут наши дети для достойного поношения нас, если мы, боясь смерти, изгоним гостя из-под нашего покрова? Неблагодарные, разите того, который предпочитает вашу славу своей жизни!» С этими словами старец обнажает свою грудь. С изумлением соотечественники великодушного старца отступают от своего представителя, и после этого происшествия сии снова вооружаются поголовно, еще сражаются и – доставляют правосудие покровительствуемому ими изгнаннику¹³¹.

4-й анекдот

Из этого же племени один бедный человек из простого класса находился в одном ауле соседственного племени, где нанимался пастухом. В окрестностях этого аула стоял *сьезд* того племени для рассмотрения общественных дел. Это было весеннюю порою; лошади съезда паслись над страшною пропастью, находившейся близ бивуака, куда и пастух всякий день пригонял свое стадо. Однажды молодые люди, принадлежавшие к *сьезду*, собравшись над пропастью, называемою *Хадвуз*, где их лошади паслись, разговорились между собою и забавлялись играми. Один из этих молодых людей предложил вопрос: существует ли человек, который для славы, не убоясь видимой смерти, бросился бы в пучины страшной пропасти? Долго они о том спорили, и, наконец, один из них сказал, что бжедухгцы, гоняясь за пустою славою, любят сражаться, и разве из них не нашелся бы такой отчаянный, который не побоялся бы смерти броситься с этой высоты? В это время пастух, слышавши все споры толпы молодежи, выступает в средину и, произнеся: «Прошу сказать бжедухгцам, что я погиб для их славы», бросается в пропасть и там погибает¹³². Такое страшное понятие черкес о славе показывает некоторым образом сходство нравов этого народа с нравами спартан (см. прим. 18).

Каждое из племен, составляющих здесь описываемый народ, имеет множество подобных анекдотов, которые старцы с благоговением детям своим передают, и собрание их было бы весьма любопытно, но теперь мы ограничимся этими немногими.

ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ГЛАВА IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некоторые мнения о мерах и средствах, для приведения черкесского народа в гражданственное состояние, кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития.

Выше говорил я, что священник с книгою в руках и с буйным красноречием фанатизма, в несколько месяцев более успеет в этой стране, нежели несколько тысяч воинов с оружием в несколько лет. И действительно, духовенство в Черкесии имеет сильное влияние на умы народа*: не только дворяне, но даже и князья, нередко оному покорствуют. Во всех судебных делах, производимых по *шариату* (см. 1-й части прим. 17), лица духовного звания*, как истолкователи законов и религии, суть главные судьи*. Этого мало: более честолюбивые из них, не только вмешиваются в народные дела*, вовсе не подлежащие их званию, но даже присваивают себе права мирских судей, а в некоторых случаях и права предводителей. В особенности со времени распространения в Черкесии *шариата* духовенство соделалось душою народа*, проповедуя ему, что законы их вероисповедания, вольных земледельцев, подвластных высшему классу (см. 1-й части отд. 3, глав. 1), причисляет к сословию *ххур*, т. е. совершенно вольных и ни от кого не зависимых, как людей свободного состояния, и сравнивает их во всех случаях с господствующим классом, и с этой поры оно стало, с вящею силою и по своему произволу вращать умами и делами народа, и слова духовных особ соделались, так сказать, осью народного мнения*.

Из этого обстоятельства явствует могущественное влияние духовенства на расположение умов этого народа и, так по мнению моему, должно, в-первых, обратить величайшее внимание на духовенство, которого усердное содействие к общему благу может и должно иметь счастливые для края последствия; почему и полагаю, что следующее устройство будет спасительным для края.

В Черкесии учредить два *Муфтанства*, или *верховные правления* духовных дел. Одно для княжеских владений, а другое – для племен, имеющих народное правление (см. 1-й части отд. 4, глав. 1), назначить два *Муфтия* (см. 1-й части прим. 17*), избрав в это звание людей ученых, и более всего по уму, справедливости, беспристрастию и набожности, народом

---

* Фраза «духовенство в Черкесии имеет сильное влияние на умы народа» подчеркнута цветным карандашом (Ред.).

* Слова «лица духовного звания» выделены цветным карандашом (Ред.).

* Слова «суть главные судьи» выделены цветным карандашом (Ред.).

* Слова «вмешиваются в народные дела» выделены цветным карандашом (Ред.).

* Слова «духовенство соделалось душою народа» выделены цветным карандашом (Ред.).

* Слова «осью народного мнения» выделены цветным карандашом (Ред.).

* В оригинале явная описка: «прим. 19». Кроме того, следуя логике изложения текста, данная ссылка должна находиться в самом конце этого или следующего предложения (Ред.).

уважаемых. Определить при них, соображаясь с местными обстоятельствами, нужное число лиц духовного звания: эфендиев, кадиев и мулл. **Муфтам** предоставить право назначать на постоянное пребывание в племенах **кадиев**, для разбирательства там дел, соответствующих их поручениям и обязанностям; равномерно и **мулл** в аулы и другие места, избирая в эти звания честных и хорошего поведения людей. Вместе с этим правом **муфты** должны были быть уполномочены и властью сменять ими назначенных духовных лиц, по беспристрастному **Муфтанства** усмотрению.

Муфты, а равно и все чины духовенства должны иметь особенное рачение, чтобы истинные обряды **религии** всюду были соблюдаемы. Это необходимо для того, дабы народ ясно видел, что меры правительства России не к тому клонятся, чтобы уничтожить его вероисповедание, напротив того, способствуя еще к распространению оно, желает ему спокойствия, этого священного источника народного благоденствия*. Для вящего в этом уверения народа, **муфты** обязаны при первом начале своих действий, не дожидаясь дальнейших устройств, заботиться, чтобы **муллы** при мечетях в аулах и других местах старались обучать детей своего прихода закону Божию по магометанскому исповеданию.

Муфты, как главы духовенства, обязаны людей беспокойных, в особенности из духовного звания, отлучать от **религии***, как нарушителей общественного спокойствия, всенародно объявляя, что кровь и достояние таких виновников противу религии **ххалел**, т. е. дозволяется каждому без зазрения совести пролить кровь и грабить достояние (см. прим. 20); причем, однакож, они должны быть весьма осторожны, разборчивы и даже терпеливы, предоставляя виновникам время возвратиться к **религии** и порядку, но, однажды объявивши виновного решительно врагом **религии** и отлучивши его от оной, должны стараться, чтобы он, в пример другим, был наказан, смотря по его проступку и согласно своих об нем обнародований.

Муфты должны воспрещать, дабы никто, кроме ими назначаемых **кадиев**, не производил суд по **шариату**. Равномерно и **муллы**, не ими назначенные, не исполняли бы обязанностей священников в аулах и других местах, также и не обучали детей.

По приведении в строгое, сколько возможно, исполнение этой меры можно быть совершенно уверенным, что пагубный фанатизм не будет более источником кровавых волнений этой прекрасной страны (см. 1-й части прим. 20).

Но здесь встречаются важные вопросы, а именно: какие средства найдутся для обращения духовенства в Черкесии, ненавидящего христиан, к содействиям в пользу правительства, и в таком случае, какие меры могут сделать его влияния на умы народа действительными? (см. прим. 21). Надеюсь, что найдем удовлетворительными следующие ответы: князья и

---

* Текст «меры правительства России ... благоденствия» подчеркнут цветным карандашом (Ред.).

* Слова «отлучать от религии» выделены цветным карандашом (Ред.).

дворяне, в племенах, зависящих от власти первых (см. 1-й части отд. 4, глав. 1), утомленные долговременной борьбою междоусобия и другими бедственными обстоятельствами, готовы, как мне вполне это известно по нынешнему образу их мыслей, подчиниться надежному и примененному образу их мыслей и обычаям **новому порядку управления**, могущему их успокоить. Также нет сомнения, что народ, подвластный этим двум классам в княжеских владениях, беспрестанно разоряемый беспокойствами, готов жизнь купить прочную ограду своей безопасности, и следствием таковой готовности он примет с радостью новый же **порядок управления**, не чуждый, как сказано, его обычаям и ему понятный.

Воспользуясь этим общим расположением умов и духа в княжеских владениях, должно, так сказать, [ввести] там новый порядок управления, от которого долженствовало бы происходить начало благоустройства, следовательно, и благоденствия этой страны. И этот новый порядок заключается в следующем:

Для всех княжеских владений Закубанской Черкесии назначить одного или двух, или, смотря по обстоятельствам, более **велиев** (см. 1-й части прим. 38), в каковое звание избирать людей умных, деятельных, по происхождению и за справедливость всеми уважаемых.

Под председательством его или их учредить в средоточии этих владений суд под названием **Махчематства** (см. 1-й части прим. 36), в котором должны присутствовать от каждого владения по одному старшему князю и двух старшин из дворян, и по одному выборному старшине из народа; один **кадий** и один письмоводитель. **Муфти** должен быть также членом этого **Махчематства**, будучи первым лицом после **велия**. **Махчематство** это должно, смотря по возможности, устроить в каждом владении сообразный с обстоятельствами порядок: избрать присяжных судей из дворян и народа для совместного с кадием разбирательства дел внутри владения. Дела же важнейшие должны быть доставляемы* в **Махчематство**, там рассматриваемы и решаемы. При производстве дел должны руководствоваться **шариатом** и коренными обычаями черкесов, смотря по удобству и требованиям дел (см. прим. 22).

Такое устройство не будет противно ни **религии**, ни обычаям черкесов и будет им удобопонятно. Оно существовало в Кабарде*, лучшей провинции Черкесии (см. 1-й части отд. 4, глав. 2), и религиею их совершенно одобряемо, оно одно только может оградить собственность* народа безопасностью, в то же время поддерживая высший класс*, следовательно, легко может как высшим классом, а равно и народом торжественно быть принято; оно одно только может водворить тишину в этом крае.

---

* Текст «Кадием разбирательства дел ... доставляемы» подчеркнут цветным карандашом (Ред.).

* Слова «существовало в Кабарде» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «может оградить собственность» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «поддерживая высший класс» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

Этот же самый *порядок*, приводя общественные дела в благоустройство, направит и духовенство* к вышеуказанной цели, для общего блага обратив во власть то уважение, которое народ к нему ныне* добровольно питает. *Махчематство* наложит тягостное штрафование (см. 1-й части отд. 3, глав. 3) на ослушников воли религии, изреченной устами *муфты*, проповедника *Божьего закона*, каковое *оштрафование* не только не произведет ропот в народе, но даже им будет благославляемо, ибо оно в глазах его будет повелеваемо устами *религии*. Таким образом, по влиянию Махчематства, духовенство, ныне волнующее народ черкесский, послужит лучшим орудием к водворению в нем порядка и тишины. Это же самое духовенство, таким действием превращенное в орудие тишины, должно своими проповедями самый источник своего возвышения, т. е. Махчематство, сделать *священным* в мнении народа. Таким образом, духовенство должно быть орудием *Махчематства*, а это духовенство и от содействия обоих должно, так сказать, возродиться в *новый порядок управления* княжескими владениями, который будет источником благоденствия всего края.

Мы говорили, что *Махчематство* для управления княжескими владениями должно быть учреждено в средоточии этих владений, следовательно, оно должно быть расположено на р. Лабе, почему и так как пространство роскошной земли, лежащей между реками Шхакоашем и Тебердою, впадающих в Кубань (см. 1-й части отд. 1, глав. 1, реки № 141 и 186*), очень значительно, а между тем некоторые из княжеских владений весьма бедны землями, и переселение этих последних туда было бы выгодно как для них самих, а равно и для управления ими посредством Махчематства, что и нетрудно сделать, когда народ постигнет неисчислимыя выгоды *нового порядка управления*. Впрочем, об этом предмете будем пространнее говорить в другом месте (см. ниже).

Устройство *Махчематства* для всех княжеских владений – дело весьма легкое, но подобное учреждение для управления племенами, имеющими народное правление (см. 1-й части отд. 4, глав. 1), племенами, сильными числом и неприступными местами своих жительство*, встретит многие препятствия*, к преодолению которых первоначальными и главнейшими подпорами могут послужить следующие обстоятельства.

Дворянство в этих племенах*, почти лишенное своих преимуществ (см. 1-й части отд. 4, глав. 15), униженное и всякой день оскорбляемое буйным своевољством народа, некогда ему покорствовавшего, при надежном со стороны правительства вспомоществовании, без сомнения, предастся его

---

* Слово «духовенство» подчеркнуто цветным карандашом (Ред.).

* Текст «обратив во власть ... к нему ныне» выделен цветным карандашом (Ред.).

* Неверно; в части 1-й река Шххакоаше упомянута под №187 (Ред.).

* Текст «Устройство Махчематства ... жительство» (последний абзац страницы) отчеркнут на полях цветным карандашом (Ред.).

* Слова «многие препятствия» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «Дворянство в этих племенах» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

покровительству* : тому сильно может способствовать связь высшего класса в этих племенах с князьями и дворянами княжеских владений. Обряды воспитания детей в Черкесии, в других обстоятельствах пагубные (см. сей части отд. 3, глав. 3), могут также в этом случае послужить в пользу, воспитатели детей дворян этих племен, несмотря на большинство противных дворянам партий, будут с ними одного мнения и повсюду за ним последуют.

Духовенство в княжеских* владениях, будучи в сношениях с духовенством племен, имеющих народное правление, привлечет их на свою сторону. Наконец, родственная связь жителей равнин с обитателями гор соединит их в теснейшие сношения, к утверждению которых будет сильно способствовать благоденствие первых, под кротким правлением России, искоренив ложные мнения последних, что Россия ласкает иноземцев, поступающих в ее подданство только до тех пор, покуда ее власть не упрочится над ними (см. прим. 23). К тому присовокупим, что дух торговой промышленности, не чуждый черкесам* (см. сей части отд. 2, глав. 12), распространится по мере распространения их понятия о торговле и других источниках народного богатства, умножающих потребности жизни человека, и будет способствовать к водворению всюду мирных сношений между жителями гор и равнин.

Таковыми обстоятельствами споспешествуемое учреждение *Махчематства* в племенах, имеющих народное правление, сначала по необходимости долженствующее, заключается в тесном кругу, распространить свои действия в самые неприступные недры гор Черкесии, где всюду может *новый порядок управления* постепенно образоваться в таком устройстве, как мы упомянули выше, говоря об устройстве *Махчематства* для управления княжескими владениями. Само по себе разумеется, что при распространении действий Махчематства, долженствующего учредиться для управления племенами, имеющими народное правление, необходимо должно сообразоваться с местными обстоятельствами*, как и при действовании в княжеских владениях.

Для водворения спокойствия во всяком обществе и его блага необходимо, чтобы члены этого общества предпочитали, по крайней мере, сколько это возможно, общественную пользу частным собственным выгодам; необходимо, чтобы правило человеколюбия руководило мнением высшего сословия, наконец, для блага народа совершенно необходимо, чтобы покорность законам государства каждый из подданных почитал священной обязанностью, а не рабским повиновением властям. Все эти потребности для

---

* Слова «предается его покровительству» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «Духовенство в княжеских» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Фраза «дух торговой промышленности, не чуждый черкесам» подчеркнута цветным карандашом (Ред.).

* Фраза «необходимо должно сообразоваться с местными обстоятельствами» подчеркнута цветным карандашом (Ред.).

блага народа достигает он посредством образования и просвещения разума*. Итак, для водворения тишины и благоустройства в стране, мною описываемой, для дарования ее жителям возможного на земле счастья необходимо образование народа, по крайней мере, высшего класса в Черкесии*. Достигнуть же сей цели можно только посредством воспитания юношества. Для чего учреждение трех учебных заведений в Черкесии* было бы спасительною мерою.

Одно учебное* заведение устроить для детей князей и дворян в племенах, зависящих от власти князей (за Кубанью), а другое – для племен, имеющих* народное правление. В этом последнем должно быть два отделения: одно для детей дворянства, другое для детей народных старшин, преимущественно тех, которые имеют значительное влияние на мнение своих соплеменников (см. 1-й части отд. 4, глав. 15) и народа. Подобное же разделение можно устроить в первом и следующем заведениях, соображаясь с местными обстоятельствами: для детей князей и дворян. И третье – в Большой Кабарде*, для воспитания детей высшего класса всей Кабарды, равно и детей владельцев горных племен, расположенных сопредельно с землями кабардинцев.

В Черкесии, по общепринятому обыкновению, всякий обучающийся грамоте поступает в звание духовенства*, которое, само в праздности питаясь плодами трудов народа, умножением своим не приносит никакой пользы, напротив того, бывает нередко причиною величайших бедствий края, и потому самому высший класс в этом народе, почитая неприличным достоинству своего происхождения отдавать своих детей в духовное звание, не обучает их грамоте, познание которой полагают вообще в Черкесии, как сказано, лишь потребностью для одного духовенства. В отвращение ложного этого понятия и бесполезного умножения духовенства должно дать разуметь, что знание грамоты столько же необходимо гражданину и воину, как и духовному, и для этого необходимо устроить особенное отделение*, где под непосредственным главным надзором муфтиев обучались бы ученики, долженствующие поступать в духовные звания*.

В этих учебных заведениях (за исключением духовного) должны быть

---

* Слова «посредством образования и просвещения разума» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Фраза «образование народа, по крайней мере, высшего класса в Черкесии» подчеркнута цветным карандашом (Ред.).

* Слова «учреждение трех учебных заведений в Черкесии» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «одно учебное» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «а другое – для племен, имеющих» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «и третье – в Большой Кабарде» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Фраза «всякий обучающийся грамоте поступает в звание духовенства» подчеркнута цветным карандашом (Ред.).

* Слова «особенное отделение» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «в духовные звания» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

преподаваемы науки, сообразные с целью их учреждения, преимущественно на русском языке*. На языках же турецком и арабском должно обучать учащихся познанию правила религии магометанской; при том, чтобы они могли переводить с русского на арабский и в особенности на турецкий языки.

Так как в Азии всякий ученый (умеющий сочинять) по своему произволу издает рукописные книги, несообразные нередко с потребностями разума обучающегося юношества, несмотря на то, что большая часть произведений восточных писателей дышит нравственною проповедью, то должны быть строго рассматриваемы книги, по которым воспитанники будут обучаемы*. Также до некоторого времени не употреблять печатных магометанских книг, т. к. эти книги приняты в Черкесии за поддельные, а преимущественно выписывать рукописные книги из Константинополя. Вообще не должно пренебрегать мерами и обстоятельствами, которые, несмотря на их ничтожество, могут иметь сильное влияние на предрассудки народа, и не допускать ничего могущего навлечь неосновательное мнение в рассуждении воспитания детей.

При заведениях устроить мечеть* для совершения там молебствия в назначенные часы дня: учителей как русских, равно и магометанских, определять при заведениях преимущественно женатых, ибо отец семейства есть всегда лучший попечитель детей.

Оба учебные заведения за Кубанью устроить там, где должны быть учреждены и Махчематства, т. е. одно в средоточии княжеских владений, а другое – на границе между абедзехским и шапсхгским племенами, на местах, которые более окажутся удобными. В Кабарде же на р. Нальчике, где ныне и Кабардинский Временный суд находится.

Всем лицам, как в Махчематстве имеющим присутствовать*, а равно двум муфтам, кадиям (этих последних по усмотрению Махчематства должно довольное число разослать по горам черкесским, дабы затруднительность сообщения не отвлекло внимания народа, там обитающего, от полезного делоразбирательства шариатом под надзором муфтиев и Махчематства), а равно и муллы, в аулы и другие места назначаемые, также и учителя, при учебных заведениях имеющиеся, непременно должны быть обеспечены назначением им достаточного содержания*, могущего их совершенно обеспечить прилично званию и обязанностям каждого.

Сверх этого, статьи и предметы необходимого расхода есть следующие.

Обзаведения и содержания училищ*, мечетей и зданий, помещений Махчематств и других судебных мест. По дешевизне материалов с

---

* Слова «на русском языке» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «рассматриваемы книги, по которым воспитанники будут обучаемы» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «При заведениях устроить мечеть» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Так в оригинале (Ред.).

* Слова «достаточного содержания» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «Обзаведения и содержания училищ» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

доставкою, статья эта не будет стоить значительной суммы.

Одежда и все содержание учеников, наем прислуг необходимых, жалование учителям*. Сия статья расходов будет возрастать по мере умножения воспитанников и будет составлять значительную сумму (см. прим. 24).

К этому еще должно присовокупить неопределительные расходы, как то: на содержание отцов (при начальном заведении) воспитанников, которые будут их посещать. На подарки лицам, могущим содействовать к общей пользе, равномерно и в других случаях, могущих встретиться на каждом шагу – издержки, по частности маловажные, но в совокупности значительные. Эта статья составит также значительную сумму.

Вообще издержки при таких учреждениях и устройствах *нового порядка управления* в Черкесии правительству будет стоить весьма важную сумму*. Однако ж, неужели страна, столь богатая и роскошная природою, народ, там обитающий, воинственный и способный к гражданственному образованию, не вознаградят сколько-нибудь эти издержки? Если бросим взгляд на сей важный пункт, то неужели не найдем источников для покрытия издержек, необходимых для *нового порядка управления*?

Источники для покрытия издержек.

Торговлю* как внутри Черкесии, равно и с землями, с нею сопредельными, подчинить собственному распоряжению *нового порядка управления*. Торговля, ныне ничтожная в этой стране, по мере успеха водворения там тишины будет распространяться обширнее и, наконец, при постепенном развитии станет приносить важные доходы. Разумеется, для первоначального приступления к торговым оборотам, нужен капитал*, который отнюдь не понесет убытка, напротив того, будет приращаться. Кроме доходов от этого источника для нового порядка управления торговые обороты вообще будут приносить неисчислимыя выгоды всему краю, ветви этой торговли распространятся не только во все племена Черкесии, но даже во все ущелья гор. Торговля неминуемо приучит горцев постепенно к роскоши*, а это неизбежно породит для них тысячи нужд, дотоле им не известных, за которыми тогда непременно станут гоняться. Следствием же этого и самый их образ жизни должен постепенно измениться*. Таким образом, жители Черкесии свыкнутся с оседлостью и гражданственностью. Сверх того, эта торговля, направленная к общим пользам, будет снабжать всеми потребностями жителей пограничных селений Кавказской области и

---

* Слова «жалование учителям» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «правительству будет стоить весьма важную сумму» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слово подчеркнуто цветным карандашом (Ред.).

* Слово подчеркнуто цветным карандашом (Ред.).

* Фраза «Торговля неминуемо приучит горцев постепенно к роскоши» подчеркнута цветным карандашом (Ред.).

* Слова «самый их образ жизни должен постепенно измениться» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

черноморских казаков за собственные произведения их земли: соль. Словом, торговля эта при надлежащем действии может иметь тысячи ветвей и оживит природу, доселе в роскошных и величественных своих рамках в жалком забвении остающуюся, и, принося всему краю множество значительных выгод, будет важным источником доходов для **нового порядка управления**.

Магометанская религия, единственное вероисповедание черкесов, повелевает каждому мусульманину десятую часть хлеба и фруктов, ежегодно собираемых, отдавать в государственную казну, равно и от денежного капитала, скота и прочего достояния известную часть. Черкесы же все это отдают муллам*. По учреждении же нового порядка управления, когда муллы, необходимые в аулах, будут обеспечены содержанием, все эти предметы должно обратить в пользу **нового порядка управления**, и при помощи духовенства можно до того довести народ, что каждый из жителей добровольно будет вносить все то, что религия ему повелевает уделять от своего достояния в пользу, как сказано, **нового порядка управления**, ибо народу все равно, кому бы их ни отдавать. Этот источник, хотя не богатый, но принесет достаточный доход для содержания учебных заведений, относительно жизненных припасов, когда же спокойствие более водворится и земледелием обогащаться будет прекрасная эта страна, тогда доходы этого источника весьма значительно умножатся.

Есть средство, которого употребить в действие при первоначальном учреждении учебных заведений не должно, однако ж оно не менее того будет полезно впоследствии, а именно: когда отцы воспитанников постигнут величайшую пользу воспитания детей и ее необходимость для своих семейств, тогда можно положить за каждого воспитанника в год, соображаясь с обстоятельствами, плату рогатым скотом*, овцами и лошадьми, ибо в платеже денежном они более будут затрудняться, а этого же рода плата не только их не отяготит, но даже не будет им вовсе чувствительна, также и в мнении народа не произведет никакого неблагоприятного влияния. Само по себе разумеется, что при таком распоряжении должно с благоразумием внушить всем необходимость оною. Притом содержанием и воспитанием детей чтобы родители были довольны, в противном случае может произойти ропот: будут говорить, что от них берут плату, которую сами (надзиратели) употребляют в свою пользу, впрочем, что избежать весьма легко, при рачительном наблюдении за хозяйственной частью и при надлежащих соображениях с местными обстоятельствами.

Сей и предшествующий источники со временем закроют все издержки, по учебным заведениям необходимые, даже и принесут капиталы, которые постепенно будут приращаться при соразмерном с доходами числе воспитанников.

Доходы же от торговли, при постепенном расширении ее отраслей, которые могут быть при надлежащем попечении чрезвычайно прибыточны,

---

* Слова «Черкесы же все это отдают муллам» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «плату рогатым скотом» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

со временем закроют издержки по содержанию судебных мест и лиц, при оных долженствующих присутствовать, а равно и духовенства.

К этому если присовокупим, что при постепенном водворении тишины и порядка в этой стране соразмерно с тем будут открываться и другие источники, которых поименование здесь было бы неуместно (см. прим. 25), то увидим ясно, что со временем Черкесия, благоденствуя под покровом человеколюбивой благотворительности Монарха, будет в состоянии содержать сама себя*, не требуя от правительства важных вспомоществований, при том составляя богатейшую провинцию Южной России.

Впрочем, мы еще поближе рассмотрим этот предмет, но прежде всего должны решить здесь встречаемый важный вопрос: какие меры потребны для первоначального введения нового порядка управления и успешного распространения его действий*.

Важный этот вопрос должно решить удовлетворительным образом, ибо от начала зависят спасительные для края успехи, притом без объяснения этого предмета все здесь изложенные [меры] будут казаться мечтательными плодами неосновательного воображения, напротив того, когда прилежно рассмотрим все обстоятельства этих предначертаний, то увидим действительную их основательность. Итак, приступим к дальнейшим предложениям.

Наименование человека, деятельного к службе и просвещенного: **«Попечителем над просвещением и образованием черкесского народа и водворения между ними спокойствия кроткими мерами»***, который по управлению зависел бы прямо от главнокомандующего на Кавказе, будет первым основным камнем будущего здания благоденствий края, притом столь высокое назначение к благу человечества, достойное царствования Николая I, в которое счастливая Россия обнесена извне страшною для ее врагов оградою, внутри империи умолкли крамолы; Его великодушием царства спасены, а подданные Его державы благоденствуют под сению мира, тронет и каменные сердца, будет в истории мира украшением нашего века.

Само по себе разумеется, при *попечителе* должно быть определено необходимое число избранных чиновников (см. прим. 26).

Первыми предметами внимания *попечителя* должны быть начальные устройства **Махчематств** и **Муфатств***, сообразно с местными и другими обстоятельствами, как выше описано; а там откроется пред его глазами широкое поле спасительным его распоряжениям, в верности успехов которых сомневаться вовсе не должно; все меры увенчатся достижением желаний,

---

* Слова «содержать сама себя» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Текст «первоначального введения ... его действий» (последние строки на странице) отчеркнут на полях цветным карандашом (Ред.).

* Выделенный Хан-Гиреем текст отчеркнут на полях цветным карандашом (Ред.).

* Слова «Первыми предметами внимания ... Муфатств» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

разумеется, соразмерно деяниям *попечителя* и его умению действовать.

Попечителю предстоит по приведении в порядок первоначальных устройств, ибо тогда ему удобнее будет все дела рассматривать, так сказать, с ближайшей точки зрения, одно важное обстоятельство, о котором мы до этого не говорили. Обстоятельство это заключается в следующем: высший класс в Черкесии, говоря вообще, беден*, судя по понятию, которое имеют о богатстве прочие народы; однако ж по образу жизни и мыслей нынешнего состояния черкесского народа, бедность эта не только не тягостна этому классу, но, говоря вообще, даже и не чувствительна, его благосостояние при нынешнем образе правления существенно основывается на тех *родовых правах** (см. 1-й части отд. 3, глав. 3), которые, несмотря на их неопределительность, будучи основаниями узаконений народных обрядов, есть источник и власти, и *косвенных доходов**, доставляющих высшему классу и *знатность*, и *богатство**. Под словом *косвенных доходов* я понимаю здесь те пожертвования, добровольно приносимые высшему классу для искупления его защиты покровительствуемыми *вольными земледельцами* и другого звания людей* (см. сей части отд. 2, глав. 8), равно как и приобретаемые воинственным препровождением времени (см. сей части отд. 1, глав. 6), также и властью пользоваться в некоторых случаях собственностью народа, или в виде насильственного займа и взыскания *пени* (см. 1-й части отд. 3, глав. 2), или при взыскании законного *штрафа* согласно узаконений общественного *управления* (см. 1-й части отд. 3, глав. 3) и проч. Эти *косвенные доходы*, несмотря на их неопределительность и неясность, с помощью того образа мыслей, который, заставляя имеющего делиться с нуждающимся, производит удивительное *круговое* или *взаимное вспомоществование*. Эта единственная цепь связей в народе снабжает высший класс всеми потребностями ограниченной общественной его жизни, устраняя все нужды недостаточного состояния. И вот почему высший класс в Черкесии не чувствует бедности своего состояния при нынешнем образе правления и жизни, но с спасительным водворением там благоустроенного правления мгла времен феодализма исчезнет и увлечет за собою войны и наездничества, с которыми уничтожаются и вышеупомянутые *косвенные доходы*, вековые опоры внутреннего, домашнего благосостояния высшего класса, а светлый порядок стеснит его самопроизвольную власть, и вместо мечтательного благосостояния потребуется вещественное, тогда-то обнажится бедность высшего класса перед его взором, и эта бедность, дотоле ему нечувствительная, превратится для князей и высшего дворянства в

---

* Фраза «высший класс в Черкесии, говоря вообще, беден» подчеркнута цветным карандашом (Ред.).

* Слова «родовых правах» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «косвенных доходов» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Текст «нынешнем образе правления ... и богатство» отчеркнут на полях цветным карандашом (Ред.).

* Слова «защиты покровительствуемыми ... людей» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

нищету оскорбительною, ибо получаемые этими последними доходы, могущие без всякого препятствия быть допускаемы **законами благоустройства**, говоря вообще, до такой степени маловажны, что обеспечить их нужды, доставить приличное содержание вовсе не могут, почему предчувствуемая бедность, в которой неминуемо повергнет класс в Черкесии перемена там образа правления и жизни, тревожит и ныне князей и высшее дворянство черкесских поколений, на которых пограничное начальство имеет влияние. Между тем, самое благоразумие не допускает предполагать, чтобы высший класс мог приобретать промышленностью, приличного низшему классу народа, себе пропитание, также и угнетение оскорбительной бедности не снесет равнодушно, и по этому самому это обстоятельство становится важным при действовании **кроткими** мерами потому, что высший класс по уничтожении косвенных доходов и по ограничении его власти, что должно неминуемо последовать по водворению в Черкесии **нового порядка управления**, оставшейся, так сказать, ни при чем (ибо лишь малая часть этого класса, будучи помещена в должностях при **новом порядке управления**, будет обеспечена содержанием, и те преимущественно старцы и старшие, молодежь же, более буйная, менее склонная к тишине, способная к перенесению невероятных трудов, и храбрая, и решительная до самоотвержения, останется в крайней бедности), возненавидит устройство спасительного этого **нового порядка управления**, к тому подстрекаемый мечтою о прежней власти тщеславием, любовью к буйной независимости и принужденной необходимостью, может быть опасным врагом спокойствия края; партии **абреков** и **ходжетов** (см. 1-й части прим. 36) умножатся всюду и с вящею дерзостью станут опустошать аулы равнин, сами скрываясь после набегов в неприступных горах, где жители будут всегда готовы их принимать, находя в этом свои выгоды (см. там же), тем и легковверная чернь, которая везде редко постигает истинные свои выгоды, может быть приводима в опасное волнение, что может сильно повредить спасительным мерам благоустройства **нового порядка управления**.

Каждый благомыслящий человек, знающий коротко мною описываемый народ и занимаемую им страну, не может не предвидеть это важное обстоятельство; при том в этой стране тому отчасти были горестные для туземцев своими последствиями примеры (см. о кабардинцах в 1-й части отд. 4, глав. 2).

Для предупреждения же этой опасности и утверждения блага края должно принять меры, могущие обеспечить высший класс **средствами** для приличного его содержания, вознаграждая его за потери прежних упомянутых **способов содержания**. Мы должны искать эти средства в самой стране, здесь описываемой, по крайней мере, сколь это возможно, чтобы и этот предмет не требовал посторонних значительных пожертвований от правительства.

От впадения реки Шххаккоаша в Кубань, вверх по этой последней до впадения в нее же реки Тейберда и от вершины Шххаккоаша (см. 1-й части

отд. 1, глав. 13, реки под № 186*, 140 и 141) на западе по подножиям Черных гор, а от вершины сей последней до ее устья, в окружности простирается около 650 верст.

Прекрасные и богатые земли, лежащие внутри здесь обведенной умственной черты, населяемые княжескими владениями: *Бейсленейским* с подвластными им *абазинцами*, *Меххошским*, *Дчмергойским*, *Ххатиккоайским*, а равно и закубанскими *ногайцами*. К этим владениям присоединив *Черченайское* и *Хмишийское* владения, равно и остаток *жанинцев*, дать им всем эти земли во всеобщее вечное владение на подобных правах (соображаясь с местными обстоятельствами), какие Высочайше дарованы некоторым губерниям, областям и сословиям (см. прим. 27).

Таким образом, соединенные владения, у которых образ правления, образ мыслей, нравы и обычаи совершенно одинаковы, под одно *управление Махчематства*, основанного на их обычаях и вере, постепенно сближаясь между собою во всем, составят одно значительное войско, общество или область.

Князьям и значительным дворянам дать в собственные потомственные владения, соображаясь с местными обстоятельствами и потребностями лиц, земли, на которые бы могли быть поселены собственные их люди (крестьяне разных подразделений; см. 1-й части отд. 3, глав. 1), затем остающиеся жители, живущие ныне под покровительством высшего класса; *вольные земледельцы* (см. там же) должны довольствоваться общественною землею, которая им всем будет составлять важную собственность. Самое же мелкое дворянство, которым отвод земли в собственность затруднителен, может пользоваться *общественною землею* наравне с независимым от власти высшего класса народом, т. е. вольными земледельцами. Между тем предоставить этим дворянам приличные и соответственные их в настоящем положении званию некоторые привилегии, могущие отличить их от простого класса, чем мелкое это дворянство будет и обеспечено. Таким образом, высший класс в княжеских владениях, от князей до мелкого дворянства, будет обеспечен собственностью. Что же касается до народа, то он будет доволен, коль скоро не будет более угнетаем прихотями высшего класса и феодалною его властью.

Такое распоряжение, обеспечивая высший класс всегдашнюю, потомственную собственность, принесет величайшую выгоду всему краю: каждый будет дорожить своею собственностью, от улучшения которой будет проистекать ему изобилие, что уже есть начало оседлости. Она же должна вести несомненным путем к спасительной гражданственности. Исполнение этого предначертания положит незыблемое основание благоденствию края, ныне бедствующего и орошаемого человеческою кровию. Может ли быть в том сомнение и должно ли словами доказывать то, что само по себе явствует? Что в нас самих, сама человеческая природа доказывает: какой

---

* Неверно; в части 1-й река Шххакоаше упомянута под №187 (Ред.).

человек может быть спокоен, не будучи обеспечен первою необходимостью в жизни – собственностью? Может ли он не помышлять: откуда приобретут его дети насыщенный хлеб?

Однако ж при всем том нельзя избежать здесь встречаемых вопросов: 1) Переселение некоторых владений с тех мест, где они веки обитают, не встретит ли важные препятствия? 2) Возможно ли соединить в одно общество владения, столетия, явно или скрытно, враждующие между собою? 3) Каким образом сладить так, чтобы оные из них соглашались бы другим добровольно уступить земли, которые они почитают издревле своею собственностью? и 4) Наконец, есть ли надежда, чтобы князья и другие лица, имеющие под своею властью собственных дворян (см. 1-й части отд. 3, глав. 3), согласились добровольно отказаться от своей власти над теми, которых народные их обычаи, веками утвержденные на условиях их власти, подчинили?

Как ни важны эти вопросы, но должно их разрешить (по крайней мере, сколько это возможно), ибо если эти препятствия непреодолимы, то *кроткие меры*, здесь предполагаемые для введения и водворения в Черкесии тишины и благоустроенного порядка, недействительны. Итак, приступим к разрешениям заданных вопросов*.

На 1-ый вопрос: переселение некоторых владений в означенные земли, лежащие на восток от р. Шххаккоаша, есть дело не только возможное, но даже легкое, ибо высший класс в этих владениях давно о том помышляет. Два обстоятельства, их удерживающие суть: привычка к местам, ныне ими обитаемым, и связь низшего класса с жителями племен, имеющих народное правление. Преодолеть первое ничего не значит при умении действовать на умы народа и с помощью одного *обстоятельства*, объяснение которого здесь неуместно (см. сей части прим. 25).

На 2-ой вопрос: согласить на уступку земель князей, более почитаемых законными владельцами той страны, где предполагается составление *соединенного общества*, также совершенно возможное с помощью некоторых обстоятельств, изложение которых здесь также некоторым образом излишне (см. там же).

На 3-ий вопрос: согласить все княжеские владения (за Кубанью) соединиться в одно общество. Дело столь для края и новых там устройств, предполагаемых здесь, важное (см. прим. 25), есть в полном смысле возможное: необходимость этого соединения, важные выгоды от того могущие проистекать для всех княжеских владений, давно и им известны (см. 1-й части отд. 4, глав. 5), и если ныне это соединение должно иметь некоторые изменения в своих основаниях противу прежних мыслей самих черкесов, то также есть и средства (о коих я здесь умалчиваю; см. сей части прим. 25) для отвращения от того могущие возникать неосновательные мнения народа-туземцев.

И на 4-ый вопрос относительно того, чтобы первостатейный класс,

---

* Порядок рассмотрения вопросов сохранен по оригиналу (Ред.).

имеющий под своею властью дворян, отказался добровольно от своих над ними прав. Разрешение этого вопроса чрезвычайно затруднительно: ибо приведение в скором времени в исполнение мер, для этого необходимых, встречает чрезвычайные препятствия. Однако ж, несмотря на затруднения, есть возможность устранить те обстоятельства, в этом случае могущие породить (см. прим. 28) неблагоприятные для края следствия, что удостоверяет меня в несомненной и действительной силе *кротких мер*. Для разрешения этого трудного и вместе с тем важного вопроса, я должен поставить самого себя на вид благомыслящих читателей, ибо чьи чувства могут быть мне столько известны, как собственные мои.

У меня у самого есть подвластные дворяне, и если бы назад тому 5 или 6 лет кто-нибудь предложил мне отказаться от власти над ними, то, наверное, я скорее решился бы лишиться всего в мире, нежели отказаться от власти над дворянами, ибо можно отказаться от людей крепостных, от движимого имущества и проч., но отказаться от дворян, от предков оставшихся, значило бы, по образу мыслей черкесов, отказаться от уважения народа; и это общее мнение существенно поддерживают и то важное обстоятельство, что число подвластных дворян усиливает в Черкесии власть человека высшего звания: он посредством их преодолевает своих врагов, увеличивает свою силу, ограждает себя от могущества других, притом народ видит и почитает в особе владеющего дворянами вассалами лицо высокое, как бы долженствующее *властвовать*. Все это делает в некотором смысле важнейшею необходимостью для высшего класса иметь у себя дворян. Так понимает каждый в Черкесии из первенствующих классов. Так понимал и я назад тому около шести лет. Но теперь понятие это может ли господствовать над моим разумом, когда человеколюбивые законы просвещенного государства должны ограждать меня от самоуправства сильного, и слабейший меня ими же защищен от моего угнетения? Когда я могу быть довольным и счастливым званием *честного человека*, не владея ни знатностью, ни силою притеснять другого? Когда имя доброго гражданина могу предпочитать *славе* храброго воина, несправедливо кровию напоющего нивы мирного селянина? К тому может ли предубеждение угнетать мою душу, когда под благотворным скипетром великодушного Монарха я твердо уверен, что все подданные, какого бы они ни были звания и веры, равны пред его тронem. И когда под сению мира наслаждаясь тишиною, могу насладиться и счастьем ближних?

Итак, образованию должно предоставить, так сказать, перерождение высшего класса черкесского народа. Воспитание детей по вышеизложенным порядкам постепенно будет подвигать этот класс к образованности, достижение которой неминуемо, с одной стороны, сопряжено с течением времени, однако ж, с другой стороны, не менее того должно иметь возможный поспешный ход от надлежащего действия *попечителя*, от уменья которого действовать, соображаясь с понятиями народа, также зависеть будет и успех, относительно того, чтобы князья и другие лица высшего класса, имеющие под своею властью дворян в виде вассалов,

лишась над ними прежней власти (что, само по себе разумеется, непременно должно последовать, ибо дворянин-офицер не может уже быть подданным князя-офицера), не поставили бы себе того в оскорбление и, почитая себя лишенным прежних достоинств своего звания, не были бы причиною волнения умов народа, что может, повторяю, иметь пагубные последствия для спокойствия края. К достижению этого последнего обстоятельства будет сильное содействие от того устройства, которое обеспечит высший класс *собственностью*. К тому если присовокупить и другие средства (о коих тоже здесь не стану распространять[ся]; см. прим. 25), то можно быть совершенно уверенным, что и с этой стороны *новый порядок управления* будет огражден от всех неблагоприятных последствий, могущих произойти от непредвидимых обстоятельств.

Таким образом, решив *четвертый* вопрос, укажем теперь еще некоторые главнейшие предметы, приведение которых в надлежащее устройство должны быть важными основами *нового порядка управления*, умножая доходы, необходимые для издержек и благоустройства края.

Попечитель может, так сказать, создать в Черкесии из черкес же сословия купцов и ремесленников постоянных: промышленная предприимчивость также не чужда, как сказано выше, духу этого народа, следовательно, легко достигнуть сей цели, поступая следующим образом.

Из простого независимого класса вольных земледельцев избрать людей, способных к торговым оборотам, преимущественно тех, которые и до того времени занимались таковыми. Дать им товары сначала на маловажную сумму для закупки предметов торговли, обязав их доставлять в назначаемые им места закупленные товары для отправления в Россию, предоставляя им значительные выгоды от подобных торговых оборотов так, чтобы они могли составить себе капиталы, хотя незначительные, разумеется, причем должно соблюдать интересы казны и обеспечивать суммы, отдаваемые этим новым купцам.

Ремесленникам, как-то: слесарям, серебряных дел мастерам и другим предоставить средства, чтобы они могли также приобретать себе капиталы: сначала их можно нанимать на счет общественной казны, доставляя им все потребные инструменты и материалы, а произведением их умножая предметы торговых оборотов. Как купцов, а равно и ремесленников, которые при подобных занятиях не будут иметь нужды в скотоводстве и земледелии, должно стараться преимущественно поселить в тех местах, где учреждены будут *махчематства*, ибо поселение туда этих людей, без сомнения, принесет ту пользу, что эти места превратятся в цветущие города при надлежащих к тому содействиям *попечителя*, что между тем будет сильно способствовать к вящему освоению туземцев с гражданственностью. Этим купцов и ремесленников можно отправлять в Россию с товарами, дабы доставить им более возможности ознакомиться с предметами их назначения. Для надежнейшего приучения первых к торговым оборотам, сначала можно назначить им в товарищи честных и надежных армян из числа живущих между черкесами (известно, сей народ сколько способен к торговым

оборотах) и под их руководством эти новые *купцы* – черкесы сделаются искусными в торговых оборотах.

Ремесленники же, побывав в русских городах, видя там дивные произведения искусства Европы, фабрики и другие заведения, сами занимаясь там работами, совершенно привяжутся к цели своего назначения. И таким образом эти два класса, обогащая себя, обогатят и своих соотечественников и послужат немаловажным орудием, так сказать, посеяний в Черкесии плодов гражданственной жизни.

К достижению многополезной этой цели, важное содействие окажут некоторые особливые привилегии, этим двум классам дарованные, и некоторые им вспомоществования, что должно быть незатруднительным, тем более, что все издержки, могущие встретиться при их поощрении, могут быть покрыты плодами их же трудов, не говоря уже о чрезвычайных выгодах, могущих быть приносимы ими всему краю. Не менее этого принесет важные выгоды и поощрение земледелия и скотоводства*. Для поощрения же сих двух отраслей промышленности средства столь явны, столь многочисленны, что, говоря много об них, я не буду утомлять читателя, а замечу только, что выгодный сбыт скота, хлеба, овощей и фруктов даст* новую жизнь деятельности народа, долженствующего земледелием и скотоводством заниматься (см. прим. 29). Что же касается до издержек и пожертвований на эти предметы, то стократно оные вознаграждаются их плодами вещественным образом.

Все здесь сказанное, по образу изложения более клонившееся к княжеским владениям, должно быть распространено и на племена, имеющие народное правление, с предосторожностями и соображениями, какие потребуют местные там обстоятельства.

Равнины, лежащие на запад от р. *Шххаккоаша* до самого устья р. Кубани, имеющиеся по предначертанию, выше изложенному, оставаться незаселенными, по переселении княжеских владений, там обитающих, на восточную сторону р. *Шххаккоаша* должны быть определены для племен, имеющих народное правление.

На эти земли поселятся дворяне, долженствующие выселиться из недр тех племен, снабженные собственностью землею (сообразно как выше предположено о княжеских владениях). Эти выселенцы дворяне будут там наслаждаться спокойствием: пример их и связь, как сказано, с тамошними жителями привлекут к ним множество семейств из недр гор; к этим же последним, видя их счастье под покровительством законов *нового порядка управления*, присоединятся постепенно их родственники и сопоколенники. Наконец, богатые для скотоводства и хлебопашества, эти равнины вызовут (с помощью деятельности *Махчематства*, долженствующего быть

---

* Слова «принесет важные выгоды и поощрение земледелия и скотоводства» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «выгодный сбыт скота, хлеба, овощей и фруктов даст» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

учрежденным, как сказано, в средоточии этих племен, и духовенства, имеющего быть подчинено *Муфтию* сего *Махчематства*) жителей внутри гор, которые нуждаются в привольных землях. Те же, которые останутся на прежних жилищах (натурально число этих последних сначала будет более выселившихся), состоя в родственных связях с последними, будут в бесперывных с ними мирных сношениях, посредством какого сношения ветви многополезной торговли разовьются во все ущелья.

К этому если присовокупим, что занятие берега Черного моря*, сообразные с *новым порядком управления** там устройства; влияние, которое может иметь духовенство на жителей внутри гор Черкесии, распространение этого влияния посредством разослания кадиев и мулл; учреждения там мечетей, шкал и судебных мест, обеспечение лиц, при оных долженствующих присутствовать, а равно, обеспечение собственностию – землею выселяющихся из гор; учреждение классов: *купцов* и *ремесленников* – *черкесов*, надлежащее внимание, обращенное на земли, выселенцами оставляемые внутри гор (см. прим. 30), распределение вообще, соображаясь с некоторыми мерами, обстоятельствами и способами, о которых здесь умалчивается (см. прим. 25), земель, занимаемых выселенцами из горных племен. Если присовокупим все это, то явно увидим возможность достижений мною изложенных предначертаний относительно всей Черкесии.

Нет надобности даже и бросить взгляда на средства, могущие вознаградить издержки, потребные на приведение в исполнение новых устройств, и в этих трех племенах, где встретится более преград, не говоря уже о торговле, которая по мере водворения тишины, распространяясь более и более, все убытки вознаградит троекратно, покроет все издержки устройство солеварных заводов* на землях, этими племенами занимаемых, где находится много источников соляных и нефтяных (см. 1-й части отд. 1, глав. 4), обращение надлежащего внимания на собиранье и сбыт нефти, заведение фабрик и заводов*, которые чрезвычайно умножают доходы *нового порядка управления* (см. прим. 31), ибо одно прекращение ручей* человеческой крови и пламя* страшных опустошений, покрывающих эту прекрасную, но от беспорядка несчастную страну, может ли быть не предпочтено денежным интересам?

Однако ж и здесь встречаем вопрос важнейший [из] до этого заданных и, мне кажется, разрешенных, а именно:

Приведя в исполнение здесь изложенных предначертаний, можно ли удержать оружие в бездействии?*

---

* Слова «занятие берега Черного моря» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «новым порядком управления» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «солеварных заводов» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «обращение надлежащего ... заводов» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Так в оригинале (Ред.).

* Так в оригинале (Ред.).

* Слова «можно ли удержать оружие в бездействии?» подчеркнуты цветным карандашом

«Тот ошибается, кто думает, что горцев можно покорить оружием», – говорит автор *«Картины Кавказского края»**. Я слышал много подобных суждений. Однако ж не скажу, чтобы орудие России, могущественнейшей на земном шаре империи, не могло бы покорить около миллиона горцев различных поколений, которым одна природа служит оградой: пространство, занимаемое на Кавказе племенами, так называемыми «горцами», сколько бы ни представляло страшных, почти непреодолимых преград, Россия в силах и мечом и огнем очистить. Само по себе разумеется, что потери страшные в том случае предстоят: не говоря уже о чрезвычайных издержках сумм, при таком предприятии необходимых и не могущих быть ничем вознаграждены, кровь человеческая будет повсюду литься ручьем – кровь русских воинов и кровь туземцев – будущих детей России, по горестной необходимости должно орошать прекраснейшую страну, но при всем том Россия может и оружием покорить *горцев**. И если человеколюбие Монарха, мудро устроившего счастье подданных, изливает великодушные щедроты и на полудиких горцев, чтобы их соделать счастливыми гражданами, то это не должно смешивать с иными, посторонними обстоятельствами, не должно, ибо надо, чтобы и сами горцы ведали истину состояния дел: надобно, чтобы они знали, что цель правительства есть доставить им счастье мира, а не потому оно изливает на них милости, что силою оружия не может их покорить. Повторяю, что Россия и оружием может покорить горцев, употребив необыкновенные, т. е. доселе не виданные на Северном Кавказе, на то усилия*, но при обыкновенных действиях*, до этого там производимых, нельзя ожидать такого успеха*, который мог бы водворить тишину и порядок в этом крае, успокоить туземцев и поселившихся там обитателей-россиян. Следствием обыкновенных там доселе действий можно ожидать занятия многих прибрежных и горных мест, устраиванием там крепостей. Приведение жителей северных равнин в такую покорность, в какой ныне находятся кабардинцы, жителей ближайших ущелий в такое временное усмирение, в каком теперь состоят дигорцы и другие горные осетинцы: каждому, кто только знает коротко этот край, известна прочность такого положения дел.

«Все главнокомандовавшие в Грузии старались мечом и огнем открыть себе путь во внутренность Кавказских ущелий, и хотя, правда, многие успехи сделать*, большая часть выгодно укрепленных природою мест и принадлежавшие некогда горцам, ныне принадлежит нам, но, в сущности,

---

(Ред.).

* См. у П. Зубова: [50, ч. 1, с. 71] (Ред.).

* Слова «Россия может и оружием покорить горцев» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «может покорить горцев ... на то усилия» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «обыкновенных действиях» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слова «нельзя ожидать такого успеха» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* У П. Зубова: «многое успели сделать» (Ред.).

все эти победы, значительными пожертвованиями купленные, остаются бесполезными**», говорит тот же автор*, а из этого видно, сколько бесполезно занимаемые* ущелия, откуда жители перебираются в другие или, оставаясь, живут смиренно, когда делают все им удобное, то есть когда их не трогают. Действительно, такое положение дел, таковые приобретения силою оружия ничто иное, как наружная тишина моря*, которое при новой буре готово опять вскипеть, угрожая гибелью неосторожному плователю.

Уже около столетия правительство вооруженною рукою защищает жителей своих земель, сопредельных с горцами: в продолжение этого времени сколько пролито там человеческой крови? Сколько потерь понесла казна? Исчисление их страшно. Завоевание Индии, конечно, Англии не стоило толиких безвозвратных жертвований. России не обошлось бы покорение государства Персидского в 1827 году, если бы великодушные Монарха не удержало оружие своих воинов, дороже каких, почти доселе безвозвратных жертвований, – стоит ей Кавказская линия.

«Мы владеем, можно сказать, внутри горских земель только теми маловажными пунктами, на которых построены крепости, вне стен коих нет даже безопасности. Гарнизон сильнейшей крепости Влади-Кавказа принужден заготовлять потребное количество дров и сена не иначе, как оцепив дровосеков и косцев военным прикрытием, не может выслать стада на паству без конвоя и должен ежеминутно принимать важные меры к предосторожности; сие относится вообще ко всем укрепленным местам внутригорских земель, занятых русскими гарнизонами. Весь берег Кубани, отделяющий Черноморию* от горских земель, усеян в две линии маяками и вооруженною стражею, подобно как в военное время; от границы Донской земли до станицы Екатеринградской и вообще по всем путям сообщения, идущим по хребтам, отраслям и предгорьям Кавказа, каждый проезжающий получает для хранения себя от нападения горцев по несколько вооруженных казаков, сменяющихся по станциям другими (см. прим. 32)*. От Екатеринограда до Влади-Кавказа и по линии Терека караваны путешественников и купцов провожает военный конвой при орудии. На всей Кавказской линии приняты сильнейшие меры осторожности, которые необходимы и делают честь бдительности нашего правительства, хотя, конечно, было бы лучше совершенно обойтись* без оных. Все сие служит подтверждением выше сказанному, что, несмотря на беспрестанные усилия и

---

* У П. Зубова: «бесплодными» (Ред.).

* Слова «в сущности ... бесполезными» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* См. у П. Зубова: [50, ч. 1, с. 72-73] (Ред.).

* Так в оригинале. Вероятно, должно быть: «бесполезны занимаемые» или «бесполезно занимать» (Ред.).

* Слова «таковые приобретения ... моря» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* У П. Зубова: «Черноморию» (Ред.).

* Вставка Хан-Гирея в текст цитаты П. Зубова (Ред.).

* У П. Зубова: «обойтись» (Ред.).

пожертвования к усмирению горцев и обеспечению Кавказской линии от их нападений, вооруженною рукою сего достигнуть невозможно*», продолжает упомянутый автор, новейший описатель этого края.

О возможности покорить и оружием горцев при иных условиях, я говорил выше, но действительно при обыкновенных действиях, как выше сказано, этот край, богатый природою, но несчастный по следствиям обстоятельств, его волнующих, не может быть приведен в гражданственное состояние; а без этого спасительного устава благоденствия народов, быть может еще близ века кровь человеческая будет напоять прекрасную эту землю, могущую удовлетворить все потребности жизни человека роскошными дарами природы. Приводя же в действие здесь мною изложенные предначертания, не предстоит никакого сомнения в достижении желаемого водворения там спокойствия и тишины. Плоды исполнения каковых предначертаний тысячекратно вознаградят все убытки, какие не потребовали бы их устройства.

Теперь мы должны разрешить выше заданный вопрос: можно ли при **новом порядке управления** удержать оружие в бездействии?* К несчастью человечества, этого сделать вдруг нельзя. Спасительному этому порядку должны предшествовать военные действия; три сильные вдоль по протяжению гор укрепления, одно на р. **Адекуме**, служащей границею между натххоккоадцами и шапсхцами (см. 1-й части отд. 4, глав. 14). Другое на границе между этими последними и абедзахами, около которой должно быть помещено **Махчематство**, имеющее учредиться для управления этими племенами, имеющими народное правление, а третье на вершине р. Лаба, или Шххаккоаша, противу средоточий абедзахского племени. Еще и четвертую небольшую, в средоточии княжеских владений на Лабе, где в нее впадает р. Ххоц, или повыше того места. Около этой последней должно быть помещено, как сказано, **Махчематство**, имеющее учредиться для управления соединенными в одно **общество** княжескими владениями. С морского же берега не потребуются укреплений, кроме ныне имеющих, и, таким образом, всех укреплений в Черкесии (закубанской) будет числом семь¹³³ (см. прим. 33).

При заложении первых сильных укреплений встретятся военные действия, быть может, и значительные, которые должны прекратиться принятием от туземцев достаточного числа надежных аманатов, в чем посредством переговоров можно успеть, сколько возможно избегая напрасных кровопролитий. После этих устройств крепостей и получений аманатов, от упомянутых трех горных племен черкесских, причем по горестной необходимости прольется и не одна капля человеческой крови,

---

* Слова «несмотря на беспрестанные ... невозможно» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* См. у П. Зубова: [50, ч. 1, с. 73-75]. У Хан-Гирея начало этой обширной цитаты П. Зубова кавычками не обозначено (Ред.).

* Предложение подчеркнуто цветным карандашом (Ред.).

новый порядок управления возымеет свое начало, и от надлежащего его приведения в действие будут зависеть и блага края.

Если бы по строгой разборчивости обстоятельств и соображений оных мы вздумали заметить, что когда необходимы военные действия и неизбежны кровопролития, то на что и новый порядок управления, который не может обойтись без старого – я понимаю, действия вооруженною рукою? Если бы осмелились это заметить, ибо, не будучи ослеплен пристрастием или фальшивым понятием о предмете этой статьи, столь явным не должно делать подобного замечания, то возражение многократно сильнее удовлетворило бы такое замечание.

Мы выше видели мнение о невозможности покорить горцев оружием при обыкновенных доселе на северной стране Кавказа производимых военных действиях, которых плоды, дорогою ценою покупаемые, не приносят существенных польз, следовательно, приобретаемые таковыми действиями (которых усиления равно бывают тягостны и жителям Кавказской области, в особенности Черноморского войска. Казаки этого войска, будучи почти бессменно на службе, не имеют возможности заняться домашнею работою, семейства же их, не будучи обеспечены провиантом от войска, как у линейных казачьих полков от казны, нередко нуждаются и в насущном хлебе) выгоды не только маловажны, но даже до того ненадежны, что лишают каждого благонамеренного человека, твердо знающего этот край, надежды, чтобы жители этого края благоденствовали когда-нибудь под сению мира. К тому присовокупите совершенную невозможность достигнуть цель колонизации этой страны, цель, о которой так много говорит автор «Картины Кавказского края»*, когда там спокойствие не водворится. Сверх того, хищничество самих горцев, независимо от их характера, еще увеличивается нуждою (см. прим. 34). Напротив всего этого, по прошествии первых военных действий, необходимых при заложении крепостей и вытребований по усмотрению аманатов, могущих продолжать[ся] несколько месяцев, постепенно со дня на день будет уменьшаться потребность действий вооруженною рукою, уменьшится надобность и в сильных гарнизонах, в укреплениях, и, наконец, благодетельная тишина распространит спасительной свой покров над страну прекраснейшею, но доселе незнакомую с этим благодетельным даром благотворных законов.

Везде есть воры, а в таких местах, каковы занимаемые черкесами, и разбойники. Судя же по склонности черкесов, можно предвидеть, что эти места не скоро совершенно очистятся от подобных шаек. Имея же в своем распоряжении достаточное число во всех племенах воинов-туземцев, для наказания нарушителей спокойствия мирных селян и торговцев, можно достигнуть благотворную цель – водворения повсеместной тишины

---

* См. у П. Зубова: [50, ч. 1, с. 22]. Следует отметить, что в цитируемом Хан-Гиреем труде П. Зубова 1-я глава части 1-й (С.7-94) именуется «О важности и способах колонизирования Кавказского края, с изображением выгод, от сего произойти долженствующих, в финансовом и торговом отношениях» (Ред.).

истреблением разбойнических шаек и уничтожением ими причиняемых опустошений. *Махчематства* всегда могут иметь в готовности таковых воинов, которых обязанность: *быть стражею общественного спокойствия*^{*}, духовенство может сделать священной в глазах народа, и действительно, что может быть священнейшею целию нашей жизни, как не спокойствие сограждан? Само по себе разумеется, что эти воины должны состоять из таких людей, которых честность известна в племенах: честность должна допускать каждого из них в это *священное сословие*, в противном же случае, неисчислимы выгоды, от такой *стражи общественного спокойствия* долженствующие проистекать, превратятся в страшный вред. Эта *стража общественного спокойствия* тем более важна, что она существенно может успокоивать^{*} водворению всюду спокойствия, но обо всех пользах его учреждения здесь неуместно распространиться (см. прим. 25).

Также, если *махчематство* почтет необходимым наказать силою оружия какое-либо общество, непокорное *новому порядку управления*, всегда может иметь в своем распоряжении несколько тысяч отличной кавалерии, даже пехоты, которых действительная польза не может заменить и весьма сильный русский отряд, без чувствительных убытков казне и потери людей; притом войска русские не могут в пустынной ущельи, откуда жители на то время, в которое отряд там пребудет, удалятся в горы, оставаться без цели на долгое время, напротив того, указав туземному воинству, состоящему в распоряжении *Махчематств*, жителей непокорных предоставить им разорять их, по временам действуя массами, а по большей части партиями, тем ослушников можно повергнуть в ужасное разорение, не давая им ни минуты спокойствия, и, наконец, заставить покориться воле *Махчематства* (см. прим. 35). Но здесь не должно выпускать из виду одно обстоятельство: *во-первых*: прежде чем приступить к наказаниям нарушителей спокойствия, а равно и не повинующихся *новому порядку управления*, *Муфти – главы* духовенства должны отлучить их, как сказано выше, от *религии* (если они и по увещанию духовенства не возвратятся к порядку), разрешая каждому поступать самоправно с ними, как с противниками религии, законов Божьих и гражданских, и, *во-вторых*, если случится, что из *стражи общественного спокойствия*, а равно из тех лиц, которым дозволено разорять непокорных, кто обидит постороннего лица, не отлученного от религии, то *Махчематство* обязано принудить немедленно обидчика к скорейшему удовлетворению обиженного, подвергнув первого штрафование, что должно быть обнаружено вместе с отлучением виновных духовенством от *религии* и что, само по себе разумеется, везде соблюдается быть должно.

Здесь не должно, однако ж, забыть, что *Махчематства* обязаны оградить от мщения тех, которые, по его определению, разоряют

---

* Слова «стражею общественного спокойствия» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Так в тексте. Должно быть: «способствовать» (Ред.).

непокорных, сделав известным всем и каждому, что эти последние не имеют права искать удовлетворения за свои потери. Впрочем, достигнуть сего – дело весьма легкое, следовательно, последствия этой меры не могут волновать народ.

Просвещенные подданные, постигая невозможность искоренить зло, так сказать, в природе человеческой, переносят безропотно притеснения, которым часто подвергаются от несправедливости частных начальников и других лиц, будучи в душе уверены, что, когда их притеснения дойдут до сведения правительства, немедленно справедливость восторжествует над клеветой и злобою неправедных; но, к сожалению, люди, подобно мною описываемым, не могущие еще надлежащим образом постигнуть благие намерения *правительства*, не только дерзают неправедные поступки частных лиц приписывать распоряжениям *правительства*, но даже, будучи в слепоте неведения, почитают невыгодным для себя то, что *правительство* же делает для их блага (и в самой Черкесии были тому горестные для туземцев примеры; см. о кабардинцах 1-й части отд. 4, глав. 2). Почему попечителю надлежит обращать величайшее внимание на то, чтобы люди, избираемые в разные должности, были справедливы*, и вообще, чтобы непозволительные поступки лиц, имеющих влияние на дела, не были приписываемы народом действия[м] *нового порядка управления* или оным допускаемыми.

Если ко всему этому присовокупить, что *попечитель* с помощью всех мер, здесь прописанных, и других средств, здесь не упомянутых (см. сей части прим. 25), но тем не менее существенно полезных, успеет даже в короткое время водворить в Черкесии желаемый порядок, тишину и спокойствие, то нужно ли говорить еще после всего выше сказанного о выгодах, сопряженных с водворением благодетельного порядка в роскошной этой стране, как для россиян, а равно и ее жителей туземцев? Когда в то время прекраснейшая часть Кавказского края, министром графом Конкриним названного *колонию России*, с распростертыми объятиями будет звать колонистов? Когда туземцы и поселенцы будут наслаждаться роскошными дарами Богом благодетельствованной природы, под благотворным скипетром Монарха России? Когда поздний потомок, с величественных вершин Кавказа взирая на разбросанные по очаровательным равнинам и горам красивые дома жителей, на величественные храмы Божии: мечетей магометан и церквей христиан, рядом возвышающихся, и в них молящихся детей единого Творца единому же Творцу, с благоговением произнесет священное *Имя* благодетеля Кавказа императора Николая? Когда любитель древности, развертывая листы истории, властелин вселенной, рассматривая обломки Кавказской стены и другие следы величия древних, читая историю благоденствующего поколения, не мечом и пламенем приведенного в покорность России, но великодушием беспримерным ее

---

* Слова «попечителю надлежит ... справедливы» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

Монарха, возведенного на степень счастья гражданственности, в торжественном безмолвии будет благословлять наш век именем человечества?

Вот сладостные и сбыточные мечты, блаженством наполняющие душу благомыслящего человека!

Особы, писавшие о Кавказе, чистосердечно излагали свои мнения относительно мер, могущих способствовать к водворению тишины в том крае; следуя их примеру и побужденный другими важнейшими для меня причинами (см. предисл.), я изложил здесь и мои мнения, основательность которых каждый знающий страну, мною описанную, надеюсь, подтвердит, впрочем, выдавать свои мнения за совершеннейшие есть дело, достойное порицания: *Совершеннейшему* только предоставлено творить совершенное, а человеческим делам свойственны ошибки. Почему другим предоставляю судить: оправдывать или отвергать действительность моих предначертаний, которых я почел приятным долгом присоединить в заключение к моим «*Запискам о Черкесии*», будучи уверен, что тем исполню священную заповедь совести: «*будь благодарен и благо желай человечеству*»*, и долг чести верноподданнической службы моему Государю.

Конец второй и последней части.

ПРИМЕЧАНИЯ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ «ЗАПИСОК О ЧЕРКЕСИИ»

(1) Дом на черкесском языке называется *унé*; название же *сакля*, русскими нередко употребляемое для означения строения черкес и этим последним неизвестное, есть грузинское.

(2) Гостиные дома черкесами называются *хатчеш* (жилище гостя); слово же *кунацкая* есть татарское, но русские на Кавказе нередко употребляют это название, полагая, что оно черкесское.

(3) Панцири, или кольчуги, разделяются на три сорта: 1-й называется *черечеу́* и ценится выше прочих; 2-й *кенделаф* (стальной) и 3-й *кобешьяф* (кубисченский). Последний сорт ценится дешево, потому что дворянам почитается неприличным носить этого сорта кольчугу.

(4) Мужчине почитается за стыд сшить что-нибудь иголкою, равно кроить одежду; почему в Черкесии нет ни одного портного и мастерство это предоставлено там прекрасному полу: женщина, не владеющая этим искусством,

---

* В оригинале начало данной заповеди кавычками не обозначено (Ред.).

у черкес остается в пренебрежении, хотя бы она имела многие блестящие качества.

(5) Когда почетный человек высшего класса бывает в гостях, то необходимым приличием поставляется хозяину, принимающему гостя, зарезать для него ягненка, барана или овцу; без того сколько бы угощения ни было пышно, хозяин, давший его, подвергнется насмешкам.

(6) Копают глубокую яму, в середине которой ставят столб, и на прибитой к верхнему концу этого столба доске привязывают козу или гуся; яму же закрывают слегка сеном. Когда волк бросится на крик привязанного животного, проваливается в яму, где его убивают.

(7) Один из пагубных предрассудков черкес есть то, что в этом народе почитается за величайший стыд князю, равно и высшему дворянству, продавать лошадей и вообще скот, хотя бы они имели и большие заводы. Ложное это мнение, издавна вкоренившееся в этом народе, тем более вредно, что оно имеет неблагоприятное влияние и на народ: высший класс не поощряет его к торговле, боясь, чтобы и его не почли вместе с ним торгующим. Заметим, однако ж, что в Кабарде и окрестностях Пятигорска живущие черкесы, благодаря спокойствию, в этих местах царствующему, хотя не совершенно, около десяти лет, начали понимать ложность упомянутого народного мнения и уже там принимают важное участие и князья и дворяне в торговле лошадьми и овцами, отправляя первых даже и в Тифлис большими табунами. Это обстоятельство подает надежду, что с водворением тишины и благотворного порядка в Закубанской Черкесии и там дух торговой промышленности оживится и распространится в этом крае.

(8) Слово *аталык* есть татарское, принятое черкесами и имеющее смысл: *заменить отца*. Воспитанник именуется на кабардинском наречии *ккан*, и это слово, не имеющее на черкесском языке никакого значения, кроме того, что оно есть имя, присвоенное воспитанникам, на татарском языке значит кровь. На наречии низовых черкес (см. 1-й части отд. 2, глав. 4) воспитанник называется *пнур* и значит *воспитываемый*.

(9) Диора значит на наречии кабардинском *крест*. Достоин замечания, что и по сию пору в некоторых местах Черкесии сохраняется обыкновение, состоящее в том, что больной на одре смерти делает завещание своим детям, сложив указательные пальцы *крестообразно*.

(10) В прежние времена молодой супруг высшего класса, после первых суток* супружества, обыкновенно отправлялся в дальние *поиски* или *наезды*, как бы для ознаменования супружеской жизни подвигом отважности, да и в настоящее время поддерживают это обыкновение. Тчемргойский князь Мсост Айтеков, собрав множество князей и дворян Тчемргойского и окрестных владений, отправился за невестою младшего своего брата князя Шумафа Айтекова¹³⁴. Когда в ауле невесты приехавшие за нею утопали в торжественных увеселениях, которые надолго останутся в памяти черкес, будущий супруг молодой княжны сделал отважный набег на соседний аул, и в одно время, когда в ауле невесты одни игры заменялись другими (см. сей части отд. 3, глав. 4 и 5), в соседнем ауле лилась кровь и раздавался плач, а виновник этого бедствия, гордясь тем, явился к молодой своей жене. Обыкновение это доказывает, что по мнению черкес нет блага в этой жизни, когда оно не ознаменовано подвигами храбрости и похвалою народа.

(11) Здесь нельзя не припомнить слова женевого философа Ж.-Ж. Руссо: «Хвалить кого в глазах, кроме любовницы, – говорит он, – ничто иное значит, как не обличать его в самолюбии».

(12) *Кунак*, или, правильнее, *кконакк*, значит на татарском языке *гость*. Это слово черкесами неупотребительно; на языке же этих последних *хатче* – значит гость, а *шевохг* – друг.

(13) Разбои и отважные похищения, по нынешнему образу мыслей черкес, хотя и превозносятся в смысле молодечества, но украсть у ближнего или у соседа почитается у них за величайший стыд, и посягающие на подобные поступки подвергаются народному презрению; а в прежние же времена изгоняли из родины совершившего там воровство или с связанными

---

* В оригинале: «после первой сутки» (Ред.)

руками бросали в воду и топили (чему неоднократно были примеры), и потому таких изгнанников обыкновенно называли *псъхадце* в том смысле, что их должно было бросить в воду и утопить, как презренных преступников.

(14) Такие провожатые на черкесском языке называются: *хехгрий* и *декоатé*, а не *кунаками*; и слово кунак, как выше мы заметили, вовсе неупотребительно черкесами. Эту статью, одну из лучших о дружестве черкес, я выписал слово в слово из сочинения г. Броневского (см. «Известия о Кавказе» сего автора, часть 2, стр. 127)*, присовокупляя к ней мои примечания с целью: показать, что человек не знающий языка, обычаев и нравов народа, им описываемого, несмотря на все способы, представляемые ему местными обстоятельствами, не может избежать фальшивых о том народе понятий; хотя это не должно уменьшить цены его трудов: посвящать себя пользам науки, по мере сил своих споспешествуя ее распространению, есть прекраснейшая цель возвышенной, общественной жизни.

(15) Переднюю часть войска, или авангард, называют *шенпауль* или *шанболь*; заднюю же, или ариергард*, – *десау́*; разъездов или конных ночных караулов* – *шендауль*. Эти названия военного порядка суть татарские, и, быть может, черкесы такому разделению войска научились от татар же.

(16) Знатнейшие воины высшего класса имеют знамена (байрак), литавры (домбаз)*. Звуком этого инструмента дают знать свите князя, что он выезжает с места ночлега, почему и в мирное время возятся литавры. Впрочем, в настоящее время реже стали употреблять эти знаки воинственного движения. Названия обоих также татарские.

(17) Впрочем, бывают случаи, похожие на поединки: оскорбленный посылает сказать оскорбителю, что он отныне ему враг и потому, чтобы тот был бы осторожен, предпринимал бы свои меры и чтобы после не сказал: **«Я не ведал, что он помышлял противу меня злое»**. Также иногда вызывают

---

* Точнее: С.127-129 (Ред.).

* В оригинале – «авангарда» и «ариергарда» (Ред.).

* Так в тексте (Ред.).

на кровавые свидания, назначив для этого место.

(18) Известно, что один молодой спартанец, укравший лисицу, почитая за бесчестие сознаться в воровстве, молчал и тогда, когда лисица, запрятанная у него за пазуху, прогрызла ему ребра.

(20)* Черкесское духовенство, стараясь народ вооружить противу российской границы, именем религии проповедует ему, что дозволительно пролить кровь и грабить достояние христиан без зазрения совести, когда турецкий султан, глава религии, ведет войну с Россиею, и что погибающие на этих подвигах вознаграждаются в будущей жизни вечным блаженством райа. В силу этого же закона религии духовенство позволяет каждому без *зазрения совести* убивать и грабить не следующих *шариату Курана* своих соотечественников*. Такого рода отлучение от религии, с помощью фанатизма вообще черкес и в особенности страсти черни к добычам, поднимает грозное ополчение в этой земле, и ими обыкновенно предводительствует духовенство*, которого страшное влияние в таких случаях может некоторым образом объяснить сила папских булл во времена неограниченного могущества этих самовластных царей пастырей.

(21) Кровавые опыты доказали могущественное влияние духовенства в сей стране, однако ж должно заметить, что те из них, которые оказывают свою преданность к российскому правительству, теряют уже свою силу на мнение народов, неприязненных к России*, которые их почитают подкупленными и неверными своей религии. Почему они, хотя бы благонамеренность их была самая бескорыстная и спасительная, но уже теряют уважение и почтение народа и не имеют более сильное влияние на его образ мыслей.

---

* В экземпляре из ОПИ ГИМ: «бомбаз» (Ред.).

* В рукописи в примечаниях к IV гл. II части «Записок» пропущен номер 19, с которого должны начинаться примечания к гл. IV отд. IV. (Ред.).

* Слова «духовенство позволяет каждому ... соотечественников» подчеркнуты красным карандашом (Ред.).

* Слова «ими обыкновенно предводительствует духовенство» подчеркнуты красным карандашом (Ред.).

(22) Обычаи народные, утвержденные веками и принявшие у необразованных народов силу узаконений, им всегда любезны*: условия предков священны в мнении потомства; в них отражается живая память минувшего – черкесы, в продолжение многих столетий управляясь собственными коренными таковыми обычаями, приобрели и некоторые узаконения в известных формах, которыми руководствуются при разбирательстве дел (см. 1-й части отд. 3, глав. 5), к этим узаконениям, которых, конечно, нельзя сравнивать с гражданскими узаконениями просвещенных наций, однако ж основанным на чистоте совести и хранимых лишь памятью старцев, сей народ в течение веков так сильно привязан, что не только лишение, но даже их изменения в разные времена были причиною кровавых волнений и бедствий народных (см. 1-й части отд. 3, глав. 2), чего и в будущее время нельзя не ожидать*. И для того, чтобы избежать здраво обдуманною дальновидностью все могущее неблагоприятствовать здесь предлагаемым мерам, и, вместе с тем, упрочив спокойствие края, даровать этому народу счастливые плоды гражданственности, благоразумие найдет действительные средства, о коих, не распространяясь здесь по обстоятельствам (см. прим. 25), заметим, что составление из коренных народных обычаев, принявших силу и форму законов, и из шариата магометанской религии, писанных постановлений для руководства при разбирательстве частных дел*, будет важнейшими благотворениями краю и народу, достойными славы великой Державы. Само по себе разумеется, что все могущие в оных быть несообразными с духом российского законодательства должны быть отменены, искусно заменив их, равно и все недостатки дополнены общими узаконениями империи*.

---

* Слова «которые оказывают ... к России» подчеркнуты красным карандашом (Ред.).

* Слова «Обычаи народные ... любезны» подчеркнуты красным карандашом (Ред.).

* Слова «и в будущее время нельзя не ожидать» подчеркнуты красным карандашом (Ред.).

* Слова «что составление из коренных ... частных дел» подчеркнуты красным карандашом (Ред.).

* Текст «российского законодательства ... империи» (первые строки страницы) отчеркнут на полях цветным карандашом (Ред.).

(23) В 1828 году во время осады кр. Анапы шапсхгской первостатейной дворянин Шаганочерий Хаджи приезжал к отряду просить начальника о возвращении тел убитых накануне двух черкес. Этот Хаджи был одним из известнейших людей в Черкесии: многие случаи его жизни делали его там знаменитым человеком.

По приказанию начальника наших войск я был послан навстречу Хадже, узнать причины его приезда; мы долго говорили об разных предметах, и я желал бы навсегда сохранить наш разговор, предав его бумаге, но здесь слишком распространиться об нем, конечно, неуместно, и потому я приведу только то, что здесь нужно. Мне весьма желательно было, чтобы Хаджи предался покровительству России, со всеми людьми, о благосостоянии которых он должен заботиться, надеясь, что правительство не оставит его, обеспечит отводом внутри границы земли и назначением содержания, ибо он действительно был достоин этих милостей, притом я был уверен, что тут бывшее начальство обратит на него справедливое внимание. Однако я не решился прямо это предложить *Хадже*^А, полагая, что религиозный фанатизм, свойственный людям его звания, помешает ему исследовать хорошенько мои желания относительно его будущности, почему я сначала спросил его: что он намерен предпринимать при настоящих и предстоящих обстоятельствах? Мой вопрос, казалось, он не совсем понял и, подумав несколько, ответил: «будущее нашему Творцу только известно, что же касается до настоящих обстоятельств, то трудно что-нибудь решительно предпринять: русские с турками не в первый раз воюют, и не первый раз Анапу берут; если и возьмут, то посмотрим, – продолжал он, немного помолчав, – что сами обстоятельства откроют». «Правда, – возразил я, – что будущее одному Богу известно, но Он, дав человеку разум, которого не дал другим тварям, повелел ему размышлять и, примерами былого руководствуясь в настоящем, делать и о будущем предположения, более или менее верные; к тому присовокупим русскую пословицу: *"человек предполагает, а Бог располагает"*, и заключил

---

^А Хаджи называется тот, который ходил в Мекку на богомолья (Прим. автора).

тем, что сам Всевышний сказал нам через Пророка: трудись, я дал все нужное, и с истинным раскаянием в своих заблуждениях проси прощение и получишь оно»*. Хаджа усмехнулся над моей проповедью, однако ж глубоко задумался и потом продолжал: «Говорят, не советуйся с старостию, а с опытностию, ты молод, но более меня видел; скажи, что по мнению твоему должно при нынешних обстоятельствах предпринять? Я почитаю лишним сказать, что уверен в добром твоём ко мне расположении, ибо сомневаться мне в том значило бы забыть память твоего отца, моего друга и благодетеля». Здесь я объяснил мои советы относительно его будущности и присовокупил, что, живя и между христианами, можно быть добрым магометанином, тем более, что в России терпимость исповеданий есть один из главнейших законов империи, нет никакого сомнения, прибавил я, что настоящая война кончится в пользу россиян и все земли, лежащие между Черным и Каспийским морями, останутся под властью России, которая, рано или поздно, пожелает непременно водворить порядок между народами, поступающими в её подданство, кроткими мерами или мечом и огнем, и что в его родине совсем не то, что было назад тому 20 или 30 лет: дворянство, лишённое прежних там прав, всякой день оскорбляемо буйством черни; далее я напомнил ему, что он, вероятно, сам участвовал, когда в их родине была кровавая резня за потерянные права дворянства (см. 1-й части отд. 4, глав. 15), которые турки им никогда не возвратят, если бы даже черкесы и остались под их властью, и, наконец, я коснулся опять религии, что её обряд еще лучше можно исполнять в России, наслаждаясь там спокойствием, которое не предвидится скоро в Черкесии. Словом, я употребил все средства, чтобы его уговорить на переселение в границы России, ибо я надеюсь* тем, при тогдашних обстоятельствах, доставить ему более прочное спокойствие и благосостояние. «Об религии говорить нечего, – сказал он решительным голосом, – я был в Турции и Египте; видел Божий дом (Храм

---

* В оригинале окончание фразы кавычками не выделено (Ред.).

* Так в оригинале. Вероятно, должно быть: «надеялся» (Ред.).

Киба в Мекке). Я знаю, что не от местности проистекает добродетель, а от души честной, благотворной; я верю, что жить ли в России между христианами, или в Мекке и Медине между магометанами, совершенно все равно для религии, ибо весь свет создан одним Богом, который есть начало веры и всего в мире сущего, и во всех частях света добро есть добро, а зло – зло; я неучен, имею, однако ж, разум и верю только тому мулле, который имеет собственное разумение, ибо может ли тот разуместь Божию книгу (Курана), кто лишен собственного разума. Эти безумцы проповедуют нам: “сражайтесь с неверными и не впускайте их во всю землю, когда же преодолеют вас, то возьмите жен, детей и удалитесь с ними в Шам (Дамаск); когда же не можете и семейство спасти, то сами бегите в землю правоверных и спасайте свои головы и души от неверных”*, я согласен сражаться, пролить свою кровь, защищая родину, но нет силы, что же тогда делать? Бросить семейство на поругание, в жертву бедствиям и постыдным бегством себя спасти? Нет! Этого Бог не велит! Мулла, это проповедывающий, лжет», – произнес он с сердцем и после некоторого молчания продолжал спокойно. – «Я мусульманин, русские христиане, но это обстоятельство совершенно мне не мешало бы принять твои советы, на которые, однако ж, по другим причинам не могу согласиться». «Какие причины?» – спросил я с изумлением: я думал, что одна только религия заставит отвергнуть мое предложение. «Пока не зависишь от власти русских, они тебя и уважают и ласкают, а попадись под их руку, так с тобою сделают то, что сделали с Тугановым и бабуковцами. Магомет Туганов, горский первоклассный дворянин, перешел к русским; пока он жил, его покровительствовали; он умер, его людей записали в казаки, а детей прогнали в горы, где скитались бы в нищете, если бы там оставшиеся родственники их не призрели. Бабуковцы добровольно предались покровительству России. Пока им и было хорошо: некоторое время наслаждались покоем и богатели плодами своих трудов; а там и их обратили

---

* В оригинале начало прямой речи кавычками не обозначено (Ред.).

в казаки. Нашили им всем на плечах рекем (цифры)! Вот примеры, которые заставляют меня отвергнуть ваши советы: я не могу добровольно согласиться на то дело, следствием которого остающиеся после меня (то есть дети) будут лишены насущного хлеба и с надписью на плечах будут ходить по миру в позор моей памяти, моего имени!» Напрасно я уверял Хаджи в несправедливости слухов о Тугановых и бабуковцах, о которых хотя я ничего не знал по отдаленности моего жительства от них; и что правительство России не имеет никакой нужды ни в чужой собственности, ни в обращении в казаки горцев¹³⁵; что она поставляет первую своею целию благоденствия своих подданных, не различая ни их веры и языка; наконец, что если и случаются какие-либо притеснения, то они суть следствия несправедливости частных лиц, которых незаконные поступки правительство спешит наказать и обиженным доставить удовлетворение. Всею этому я приводил доказательства, и ему самому отчасти известные, но Хаджа остался при своем мнении и решился остаток дней своих окончить в родных горах, что и исполнил.

Природный ум как бы ни был могуществен, если благотворный луч просвещения его не озарил, будет всегда жалким рабом предрассудков: этот Хаджа, который природною силою своего разума, так прекрасно рассуждая, отвергал и нелепые проповеди духовенства, фанатизмом ослепленного; Хаджа, который действительно имел много ума природного, ничего так не боялся, как цифры на плечах (т.е. номера, нашиваемые на эполетах казаков)¹³⁶! Сей случай меня уверил, что начальник, которого деяния должны иметь влияние на службу народа необразованного, правительством вверяемого его попечению, обязан, если можно так выразить, прилежно следуя все предрассудки народа, предупреждать неблагоприятные случаи, могущие произойти от ложного его мнения, иначе поступающий чужд того спасительного благоразумия, которое должно отличать достойного начальника.

(24) По высочайшей воле в продолжение четырех или пяти лет

доставлено из Кавказа в здешние С.-Петербургские учебные заведения на воспитание около ста пятидесяти малолетних детей разных горских народов, и каждый из них обходится казне примерно от 300 до 350 р. ассигнациями, не включая содержания в корпусах*. Несмотря на столь значительные издержки, и на предбудущее время сделано распоряжение доставлять еще воспитанников ежегодно из Кавказа. Великодушие Монарха не имеет предела! Единожды употребив столь значительную сумму на устройство учебных заведений на предположенных местах, можно достигнуть всего желаемого устройства, следствием которых эти заведения будут впоследствии сами в состоянии на свой счет – не требуя от правительства иных пожертвований – доставлять в С.-Петербургские учебные заведения нужное число воспитанников, что увеличит пользу воспитания: тогда можно присылать сюда отборное число воспитанников – детей таких отцов, которые имеют сильное влияние на своих соотечественников. Чего при нынешних обстоятельствах невозможно по многим причинам достигнуть. Не станем здесь распространяться далее о всех выгодах, от сего устройства могущих проистекать (см. след. прим.).

(25) О некоторых обстоятельствах я здесь умалчиваю, но из этого не должно полагать, чтобы обстоятельства эти были неприличны правительству употребить в действия: напротив того, они столько же благородны, сколько и полезны, однако ж, по некоторым причинам я принужден здесь умалчивать об них; к тому же, все то, что может иметь неблагоприятное влияние на умы народа полудикого, не должно быть помещаемо в сочинениях, публике предлагаемых. И потому желательно бы, чтобы писатели, обращающие внимание на эти народы, имели это обстоятельство в виду; иначе их слова, произносимые ими с добрыми, конечно, намерениями, иногда могут породить страшные бедствия для

---

* Текст «доставлено из Кавказа ... в корпусах» отчеркнут на полях цветным карандашом (Ред.).

народа полудикого. Незлонамеренный автор «Картины Кавказского края»*, если бы знал, что его сочинение заставит легковерных народов*, в нем описанных, содрогнуться* и на благотворные меры правительства смотреть недоверчиво, как на губительные сети, для него расставленные, тогда, конечно, не поместил бы те предположения, которых мы здесь отчасти приведем для примера.

Упомянутый автор предлагает основать в г. Ставрополе или в к[репости] Влады-Кавказе «Братство миссионеров», «ознакомить оное, – говорит он, – со всеми наречиями кавказских племен, посредством туземцев, служащих при российском правительстве в звании переводчиков, и потом отправлять сих миссионеров к горцам для проповедывания истин христианских, но скрытно (!)*, под именем купцов* – сословия, там уважаемого»*. Далее автор, описывая, как должны миссионеры поступать, говорит: «все сии истины, сообщенные в виде дружеского разговора и будто невзначай (!!)* произведут сильное влияние на умы пылких горцев»*.

Те же из аулов, продолжает автор, описав, какие успехи могут иметь миссионеры, «которые находятся вблизи наших путей сообщения и на местах неприступных, склонить постепенно к переселению внутрь России столь очевидными выгодами, чтобы они не могли сомневаться в благодетельном намерении правительства; посему можно наперед пригласить одного или двух депутатов из аула для осмотра предназначаемого к переселению места; на землях же, прежде ими занимаемых вблизи наших путей сообщения, водворить русских поселян, а места неприступные предать запустению»*.

---

* Имеется в виду П. Зубов (Ред.).

* Слова «Кавказского края», если бы ... народов» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* Слово «содрогнуться» подчеркнуто цветным карандашом (Ред.).

* Вставка Хан-Гирея в текст цитаты П. Зубова (Ред.).

* Слова «миссионеров к горцам ... купцов» подчеркнуты цветным карандашом (Ред.).

* См. у П. Зубова: [50, ч. 1, с. 85] (Ред.).

* Вставка Хан-Гирея в текст цитаты П. Зубова (Ред.).

* См. у П. Зубова: [50, ч. 1, с. 86] (Ред.).

* В тексте Хан-Гирея окончание данной цитаты П. Зубова [50, ч. 1, с. 90-91] кавычками не

Далее же автор, говоря о помещении на службу князей и дворян, устройстве церквей, прибавляет: «постепенно доводить до того, чтобы они (горцы)* оставили свои наречия, и ознакомить* с языком русским, который в их потомстве будет уже языком господствующим, ибо их разнообразные наречия, не имея письмен, легко забудутся (!!!)*»*.

Кажется, г. автор истощил усилия, чтобы напугать тревожное воображение горцев, по собственным его словам, от природы и так недоверчивых. Зачем нам тревожить покой мирных семейств, которых вся вина – *неведение*, доставляя злонамерению верное орудие напоить человеческою кровию нивы поселян?

Правительство наше и без наших забот сделает все, что пожелает, и если, по мере наших сил, споспешествовать его благим намерениям есть наш долг, то неужели этот священный долг не повелевает нам беречь спокойствие каждого из подданных нашего Государя, какого бы он ни был исповедания и состояния, как собственное благо.

(26) Везде, конечно, необходимы хорошие чиновники, но эта необходимость ни в каком другом случае не имеет столь важных последствий, как в управлении народом непросвещенным, где несправедливые поступки одного уничтожают благо целого поколения, не умеющего видеть дела в настоящем их виде. Повторяю: просвещенные подданные и видя несправедливости частных лиц и начальников, утешаются мыслью, что когда правительство узнает страдания невинных, накажет притеснителей, а пострадавшие праведники получают удовлетворение; напротив того, полудикие в слепоте неведения дерзают приписать действиям самого об них пекущегося правительства вины подлых чад корыстолюбия или неизвольного честолюбия. Следствия же: грабеж, убийство и пожары –

выделено (Ред.).

* Вставка Хан-Гирея в текст цитаты П. Зубова (Ред.).

* У П. Зубова: «знакомились» (Ред.).

* Вставка Хан-Гирея в текст цитаты П. Зубова (Ред.).

* См. у П. Зубова: [50, с. 91-92] (Ред.).

обстоятельства эти весьма явны и пренебрегать ими, простыми словами значит: нарушать долг честного человека и присяги своему Государю; ибо его польза в таком случае приносится в жертву частным видам, руководимым пристрастием.

(27) Некоторые обстоятельства не позволяют (см. прим. 25) здесь распространяться о выгодах, которых должно соединение этих племен в одно общество принести правительству; равно и о неосновательности тех предубеждений, каких разборчивый или, лучше сказать, недоверчивый ум может находить в этом соединении. Однако ж смею здесь уверить каждого, что это соединение есть один из важнейших и полезнейших плодов, какие который-либо из кавказских народов может принести России: ибо оно одно только есть верное, неподверженное никакому сомнению орудие для водворения порядка и тишины в Кавказском крае.

Хотя неоднократно проезжал я земли, от устья Кубани до вершин Терека лежащие, но по давности времени, а более всего, по необращению мною внимания на этот предмет во время моего там пребывания, есть в этой стране много мест, не совершенно мне известных, и потому полагаю, что, быть может, пространство земли, заключающееся внутри черты, умственно обведенной по предположенному мною соединению княжеских владений в одно общество, будет недостаточно. В таком случае открывается одно обстоятельство, которое, принося чрезвычайные пользы, будет сильно способствовать всем успехам нового порядка управления черкесским народом и им занимаемую роскошною страню; однако ж обстоятельство это не может быть пояснено здесь по некоторым причинам (см. прим. 25).

(28) О всех обстоятельствах, делающих добровольный отказ высшего класса, имеющих у себя дворян (см. 1-й части отд. 3, глав. 5), от власти над ними, равно и некоторых способах, нужных для достижения этой цели, также умалчиваю здесь (см. прим. 25), но заметим, что без этого отказа и вознаграждения за пожертвования чувство феодализма никогда в Черкесии не потухнет, следовательно, и волнения умов никогда там не прекратятся. Не

знающий коротко народ, мною описываемый, почтет, быть может, эти обстоятельства мелочью и скажет, что само время изгладит это чувство, не опасное потому, что освобожденный от власти высшего класса народ станет его ненавидеть, следовательно, малое число высшего класса, в сравнении с числом народа, не может быть вредным порядку спокойствия. Есть обстоятельства, о которых рассуждая, можно противу истины сильно возражать, и я согласен, что люди могут и важнейшие истины превращать в ничтожество словами, когда могла* отдаленности времени покрывает неосновательность их мнения; однако ж, с другой стороны, также опыты веков удостоверяют, что чернь везде безумна и не знает границы свободы и буйству, излагая здесь чистосердечно мои мнения, желаю, по крайнему моему разумению, предвидеть и объяснить все случаи, могущие быть вредными *кротким мерам*, и потому повторяю, что добровольный отказ и вознаграждения необходимы со временем.

(29) Во время пребывания в Анапе турок, анапский порт служил местом удобного сбыта хлеба: суда приходили с берегов Румелии и Анатолии и с грузом хлеба отплывали. Равно как потребное количество хлеба для гарнизона, так и для продовольствия жителей здесь же покупались. Это самое обстоятельство было причиною, что окрестные жители черкесы прилежно занимались хлебопашеством (см. 1-й части отд. 4, глав. 14), и теперь надлежащее внимание, на анапский порт обращенное, сбыт хлеба сделает удобным, чему будет преимущественно способствовать безопасность путей сообщения. Сбыт же скота, в особенности лошадей и овец, в России при надлежащем внимании поощрит владельцев.

(30) Предоставление прав на владения землями, оставляемыми в горах выселяющимся оттуда на равнины, будет иметь весьма полезные последствия: в горах земли, годные под посевы хлеба, довольно дороги, и потому выселенцы, пользуясь вновь ими приобретенными землями, будут получать выгоды и от земель в горах, ими оставляемых; а такое право

---

* Так в оригинале. Вероятно, должно быть: «мгла» (Ред.).

получать двойные пользы будет способствовать привлечению народа селиться в равнинах, сверх того, остающиеся в горах, имея возможность занимать более просторные земли, станут заниматься прилежно земледелием, тем и привяжутся более к оседлости. Притом время откроет способы извлекать из этого предмета важные для правительства выгоды, о которых говорить здесь неуместно (см. прим. 25).

(31) Роскошная природа этой страны выказывает из своего недр много источников народного богатства, которыми туземцы не умеют пользоваться, например: красное, желтое и др. драгоценные для столярного искусства дерева (см. 1-й части отд. 1, глав. 7), железо, свинец, быть может, и благородные металлы (см. «Известия о Кавказе» г. Броневского)*, соленые, нефтяные, серные источники; мрамор и разного рода прекрасные камни и проч. Попечитель, обратив надлежащее внимание на эти предметы богатства края, может извлекать неисчислимы пользы, могущие покрыть все издержки, необходимые по управлению тем более, что большая часть материалов, нужных для устройства фабрик и заводов, ничего не будет стоить, равно народ, необходимый для работы, весьма будет дешево обходиться, произведениями же фабрик и заводов, умножая предметы торговли, можно оживить и торговую деятельность, чему будет способствовать удобство отправления товаров в Россию, Турцию и другие страны посредством Черного, Азовского и Каспийского морей, когда можно все доставлять водою же, по Кубане и Тереке, спуская в эти реки посредством прочих рек, в них впадающих. Таким образом, страна эта, ныне в пустыне остающаяся и орошаемая человеческою кровию, обогащая сама себя, будет одной из богатейших провинций южной России, в этом не усомнится тот, кто знает коротко эту страну и кто на вещи смотрит как человек, преданный благу общества и не влекомый почестями войны, там вечно свирепствующей.

(32) Мне кажется, что конвой, состоящий из двух человек, совершенно бесполезен, или, по крайней мере, нужен только для успокоения женщин и

---

* См. у С. Броневского [18, ч. 2, с. 20] (Ред.).

вообще семейств, проезжающих чрез эти дороги, ибо не было примера, или чрезвычайно редко, чтобы два казака конвоя спасли проезжающего, на которого нападали черкесы.

(33) В пределах одного кабардинского поколения (см. 1-й части отд. 4, глав. 2) находится ныне около 20 больших и малых укреплений, которые все, несмотря на довольное спокойствие, там теперь господствующее, содержатся достаточными гарнизонами и с большими предосторожностями, как следует в военное время, даже и сообщения между этими укреплениями не безопасны. Сколько же укреплений потребуется в Закубанской Черкесии, где самая местность обстоятельства благоприятствует набегам, разбоям и всякого рода беспокойствам, к несчастью, в этой стране особенно влекущим за собою кровопролития, для водворения там даже такой безопасности, какая в Кабарде, окруженной неприязненными к кабардинцам горцами, более или менее преданными России? А такое спокойствие, какое в Кабарде, весьма ли надежно?

(34) Один достопочтенный старец в продолжение многолетней своей службы Государю находился на Кавказе и был свидетелем всех происшествий в Кабарде, в продолжение 30 лет случившихся, он рассказывал мне о прежнем состоянии кабардинского поколения (см. 1-й части отд. 4, глав. 2) до рокового для кабардинцев 1820 или 1821 года, в котором это поколение рассеялось. «Хищность кабардинцев, – говорил он с сожалением о бедствиях этой страны, – во дни их благоденствия ограничивалась шалостями буйной молодежи князей и дворян, которые угоняли и уводили лошадей, и, случалось, иногда ограбят беспечного приезжего, а иногда утащут или убьют и человека, что, впрочем, весьма редко бывало, но где не случаются воровства? где нет разбойников? За одну лошадь, украденную кабардинцами, пограничное начальство брало у них в виде наказания вдесятеро более, и за прочие все поступки их налагало подобные же наказания, которые в несколько крат вознаграждали потери. А между тем в то время с обеих сторон народ спокойствием наслаждался. Поверите ли, казачки пограничных станиц

вели дружбу с кабардинками соседних аулов: ходили одни к другим без всякой опасности; получали приятельниц взаимные подарки: казачки давали кабардинкам шелк, зеркала, иглы, соль и прочее, а эти последние своих приятельниц дарили воском, медом, маслом, сукном своего изделия и проч., словом, делились всем и, будучи сами неизменными друзьями, водворяли дружбу и между своими мужьями; таким образом, все шло хорошо и все наслаждались спокойствием, а теперь все это исчезло: мщение, прежнюю хищность превратив в непримиримую вражду, посеяло всюду опасность и бедствия».

(35) В управление кавказскими народами, необразованными, исповедующими магометанскую веру, следовательно, сильным ядом фанатизма напитаанными, чрезвычайная строгость нужна противу злоумышленников и клятвопреступников, но никогда меры строгости не должны простираться за пределы благоразумия: меры наказания должны быть основаны на магометанской религии и духовенством сего исповедания определяемы, начальство же должно оставаться в мнении народа лишь исполнителем. Тогда наказания, постигшие виновных, не производили бы того волнения умов, которое имело и может иметь губительные последствия для туземных народов и там живущих россиян. Повторяю: одно лишь духовенство мною описываемого народа должно быть орудием правительства, и, действуя чрез духовенство, лишь можно надеяться водворить порядок и упрочить спокойствие в этом крае.

История просвещенных государств вселенной едва ли представляет пример, чтобы тот народ, от могущества которого зависит судьба другого, не обращал сильнейшее внимание на его *исповедания*. При этой мысли нельзя не сознаться, что и политика владык грозных полчищ варваров не выпускала из виду *важность* церкви христианской в бедственные дни народов славянских.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ И БЕЛЛЕТРИСТИКА

ЧЕРКЕССКИЕ ПРЕДАНИЯ

(Отрывки из рукописи)

I

...Утренний туман дымился еще на долинах, и лучи солнца не озаряли вершин окрестных холмов, когда *князь-старшина*^A жанинского поколения вошел в комнату своей дочери. Раннее посещение отца не удивило княжны; она ждала его. Лицо старика было подернуто какою-то грустью и печалью.

«Сегодня, дитя мое, – начал он говорить, – ровно уже год, как ты лишилась брата, а я надежной опоры моей старости. В гостиной ждут меня старшины и певцы. Проводи меня туда; мы выслушаем вместе отзыв современников о покойнике и утешимся, если голос отчизны разделяет нашу горечь: как Божий гнев, или как спасительное слово, отзовется он в потомстве, и если, внимая ему, воспламенится оно любовью к родине, то будет благословенно свыше, а если нет, то печальная судьба его совершится!» Последние слова старик произнес шепотом. На его лице, покрытом глубокими морщинами, изобразилась в то мгновение высокая тревога души, озабоченной думою о судьбе родины.

Как хорошо писать для *своих*: тут читатель сам догадывается, что автор прибавил к вымыслам народным, и узнает справедливые предания старины. Когда пишешь для *чужих*, нередко принужден входить в мелкие подробности, чтобы дать понятие о предмете, из которого хочешь извлечь забытые случаи или на котором намерен основать здание своего воображения. Конечно, тут есть во многих случаях и большие удобства, однако же, несмотря на удобства, я хотел бы теперь писать для *своих*. Тогда на десятой странице кончил бы я постройку великолепного здания, которое громоздится в моем воображении, но никак не может осуществиться на бумаге, разумеется, по самой ничтожной причине: Бог даровал мне, покорнейшему вашему слуге, беспокойную охоту писать, а *таланта* – ни драхмы, и притом я пишу для *чужих*, следовательно... «Следовательно, ты должен предварительно познакомить нас с князем-старшиною жанинского поколения, даже с самим жанинским поколением...» Вы требуете? – Очень хорошо, я исполню ваше требование и мой долг; не извольте, однако же, гневаться, если я воспользуюсь большими правами сочинителя и распространюсь в подробностях.

Жанинское поколение было некогда в Кавказе сильным и могущественным. Отвага, гордость, непокорный дух и пламенный характер резко отличали жанинцев между воинственными племенами адиге. Отважные набеги их часто обливали берега тихого Дона и величественной

---

^A Старшему летам в поколении князю присваивается такое звание и с ним сопряжены права, которые дают *князю-старшине* сильную власть, если только он способен ею воспользоваться по своим дарованиям. (Прим. автора).

Волги кровью их обитателей. Жажда наезднической славы у жанинцев доходила до крайности и была виною непомерного притеснения и бедствий горных племен, имевших несчастье жить в соседстве с буйными жанинцами. Впрочем, не всегда и отдаленность спасала от их смелых разбоев. Кабардинцы, самое отдаленное поколение, не раз испытывали алчность, безмерную гордость и истребительные набеги жанинцев. Более всех подвергались опустошительным набегам их крымские татары и подвластные им ногайцы, что порождало часто кровопролитные войны между крымскими ханами и гордыми жанинцами, которые, с обыкновенною своею дерзостью, вызывали всех на бой. Однако же, по соседству своему с татарами, они первые из *низовых*^A племен черкесских приняли магометанское исповедание, но оно не мешало им, отважным питомцам бурной свободы, предаваться языческим обрядам, доставлявшим раздолье бешеной жажде воинственных потех.

Таково было жанинское поколение в эпоху событий, которые мы намерены здесь представить. Но время всеильно: оно уничтожает и возобновляет, создает и разрушает. Сильнейшие государства и ничего, сравнительно, не значащее племя одинаково испытывают над собою непреодолимую его власть. Рим покорил и ограбил Вселенную. Жанинское поколение гремело и буйствовало в известных ему пределах. Римляне подавлены были собственною своею тяжестью и погибли. Жанинское поколение испытало ту же участь. История древнего Рима поучительна и поражает удивлением Европу. Громкие предания об отважном поколении жанинском изумительны для нас, и мы без восторга не можем слушать древние его песни... Пора, однако же, прекратить сравнения, а то, пожалуй, вы подумаете, что наши жанинцы потомки древних римлян или спартанцев в прямой линии. Впрочем, такое предположение смелостью своей не превзойдет многих гипотез, основанных на гиероглифических фигурах, наводимых премудрыми сороконожками на верхних слоях архивной пыли и в тупик ставящих выпренные умы антиквариев. По крайней мере, если мы *должны* верить героическим временам Греции, то древние предания жанинского поколения *можем* признать непосредственными отголосками баснословных событий классической земли. Теперь вы знакомы с жанинским поколением в эпоху его могущества, а что касается до князя-старшины и его дочери, надеюсь иметь время представить их вам в блистательном виде.

Предводители жанинского поколения ждали своего князя-старшину в большой его гостиной. Старшие из них летами стояли ближе к камину, вдоль стены. Пред камином, на бархатных подушках, были разложены одежды убитого князя, покрытые черною, прозрачною шелковою тканью¹³⁷. Над ними были развешаны боевые доспехи покойника в беспорядке, т. е. противно тому, как обыкновенно вешают оружие живых, что составляет

---

^A Большую часть черкесских племен понимают под именем «*тчах*» (низовых). Быть может, название «*чихи*», которое дает Страбон некоторым кавказским племенам, происходит от слова «*тчах*» (Прим. автора).

принадлежность церемониала тризны. Ниже предводителей толпились молодые наездники в черных одеждах; печальные выражения их лиц согласовались с траурным их нарядом; то были друзья покойника. Между предводителями и наездниками, ближе к куче одежды, под черною тканью сложенных, стояли *певцы* в богатых нарядах, с музыкальными инструментами, оправленными серебром под черную и позолоту. Если вам угодно познакомиться с древними певцами черкесов, прошу со вниманием прочесть VI главу моих *отрывков*.

Друзья утраченного наездника, следуя тогдашним обычаям, поручили певцам сложить жизнеописательную песню ко дню тризны покойника; певцы исполнили их желание и явились на тризну для обнародования своего произведения, которое было уже подвергнуто втайне суждению знающих людей, чтобы в нем не было сказано ничего неприличного; ждали только появления князя-старшины, чтобы открыть тризну надгробною поэмою.

«Князь-старшина идет», – сказал служитель, войдя в гостиную. Предводители и наездники заняли чинно свои места; народ, толпившийся у дверей, с почтением расступился перед своим князем, и старец вошел в гостиную. Ему подвинули дубовую скамейку; он сел, а княжна стала за ним, изредка бросая любопытные взоры на сонм старшин и наездников, составлявших цвет ее родины, судьбою которой она должна была располагать некогда по своему произволу.

«Я пришел, дорогие гости, послушать вместе с вами певцов», – сказал князь, стараясь казаться веселым.

Один из певцов выступил вперед и пропел *жизнеописательную песнь*; товарищи его дружно вторили ему обычным образом, игрою на инструментах вроде флейт и ударением в такт употребительными для того дощечками в серебряной оправе. В двенадцать приемов певец кончил песнь. Звонкий голос его исторгал невольный шепот одобрения восхищенных слушателей. Певец превозносил подвиги воспетого им наездника; жизнь его уподоблял светлой заре, алмазною струею разлившейся по горизонту отеческого неба и, как молния, исчезнувшей во мраке кровавых туч, скопившихся над его родиной; его ум – разуму книги; его щедрость – майскому дождю, позлащающему нивы. Внимательный певец не забыл мужественной красоты погибшего наездника и необыкновенной его ловкости владеть оружием. Громко восхвалял он, как его герой перед сумраком ненастной ночи выезжал в наезды, а перед рассветом, напав на аул врага или соперника в славе, истреблял его до основания, с богатой добычею возвращался на родину, и воины его делили добычу отваги, из которой сам себе ничего не брал он, веселился славою наездника и презирал добычу¹³⁸. Слушатели певца дрожали от восторга. Он заключил жизнеописательную песнь обыкновенным монологом о долговечности славы, переживающей и самый гробовой гранит^A.

---

^A Вот почти буквальный перевод начала монолога: «Его гробница разрушится, а песня до разрушения мира не исчезнет, и проч.» (Прим. автора).

Голоса певцов утихли. Грустное безмолвие водворилось в гостиной; на глазах друзей покойника показались крупные слезы; уныние было общее. Один несчастный отец воспетого наездника старался казаться равнодушным, даже веселым: таковы понятия черкесов о приличиях при печали отца, потерявшего сына, мужа, лишившегося жены, – он не должен показывать своей горести в присутствии посторонних людей. Мужчина, по понятию древних черкесов, не должен знать слез; слезы – достояние и утешение женщин: жена всенародно изъявляет по мужу прискорбие; в течение года носит траур, не ложится на мягкой постели, наносит себе на лице и на груди раны, и кровь смешивает со слезами. Впрочем, и мужчины проливают обильные слезы по друге; даже слезами изъявляют участие в потере других, но то бывает особенная дань приличия.

«Благодарю Провидение! – сказал печальный отец воспетого наездника. – Теперь спокойно, без ропота на судьбу войду я в могилу, вероятно, уже близкую предо мною. Сколько родов княжеских и высоких дворян не существует уже в нашем отечестве, но немногих из них дела сохранила отчизна! С смертью того, чья жизнь здесь, среди вас, жанинцев, воспета, древний наш дом почти пресекся: я уже стар; смерть давно гнездится в дряхлом моем теле – я считаю себя ненадолго гостем здешнего мира; но прославленный Отечеством род не умрет: ему наследуют сама Отчизна и слава... Пройдут столетия, и позднее потомство с восторгом и удивлением будет произносить имена прославленных отечеством мужей: оно оценит их труды, их дела, и станет ими гордиться! Смерть для всех одинаково неизбежна, но счастлив тот, друзья мои, кто смертью своею достойную жертву Отечеству приносит!»

Предводители и наездники гордого поколения с благоговением слушали своего князя-старшину.

«Теперь, – продолжал князь, после краткого молчания, – татары угрожают нашей земле, готовят нам цепи неволи, и как хищный зверь, с жадностью смотрят на наше достояние. Сын мой пал; благословляю его смерть; он пал за родину, и сам я понесу устаревшие мои кости на рубеж родной земли и положу их за ее славу! А там... там среди вас останется одна моя дочь... одна слабая ветвь древнего дома... И ее, будьте свидетелями, назначаю я в награду мужества того, кто поддержит в опасную годину славу наших предков, защитит достояния жанинского поколения, которое люблю, как свою семью...»

В минуту благородного одушевления старец говорил с силой молодости. С отеческою любовью взглянул он на дочь. Она бросилась на шею отца, нежно ею любимого, и твердым голосом сказала: «Буду счастлива, батюшка, если буду достойною тебя!» И как она была в ту минуту трогательно мила!..

«Примите печальные наряды, я хочу, чтобы дорогие гости веселились», – сказал князь-старшина.

Толпы раздвинулись, и человек пожилых лет выступил вперед. Вся одежда на нем была черна, как уголь; седые его волосы, которых в течение года не прикасались ни бритва, ни ножницы, в беспорядке вились по его

плечам. Он был воспитатель (аталык) покойника. Кончики ушей у него были отрезаны, по обычаям черкесов, до наших дней сохранившимся: воспитатели умершего князя оставляют на себе таким образом на всю жизнь неизгладимые знаки своей глубокой горести. Он снял со стены доспехи покойника и, прижав их к своей груди, зарыдал. Друзья павшего наездника, принявшие одежды его, также более не могли противиться горести и заплакали. Безмолвие превратилось в тихое рыдание. Печальный наряд, сопровождаемый слезами друзей покойника, вынесли.

Прекрасная княжна... Виноват, я не описал еще красоты княжны. Она была прекраснейшее создание... Но я не могу описать систематически ее прелести, и по весьма основательной причине: ее современники не имели и понятия о живописи, следовательно, кисть художника не оставила потомству ее портрета, а в песнях своих, диких, пламенных песнях, в порыве вдохновения, называли они княжну бесподобною, почти богинею; но как у них и мифология не оживляла в формах человеческих ни богинь, ни богов времен язычества, то каждый из потомков древних жанинцев представляет себе нашу героиню в образе обожаемой им женщины, и она, без сомнения, выигрывает тем очень много: кисть художника может изобразить все правильности красоты, со всем изяществом высокого искусства, но искусство может ли оживить неуловимые выражения взоров? Здесь дело природы, и как она мастерски исполняет его! Увлеченный примером потомков гордого поколения, героиню чистосердечного моего творения представляю я себе высокого роста, с талиею чрезвычайно стройною, с нежною белизною тела, с роскошною грудью и шеей, с маленькими ножками, с прекрасными полными ручками, с каштановыми волосами, с глазами, голубыми, как небо, полными небесного огня и жизни, т. е. с такими глазами, в которых любовь дышит очарованием, таятся высокие нежные чувства кротости, и взгляд которых проникает вас до глубины сердца, оставляя в душе вашей непостижимую, приятную тревогу... Немного задумчивою, но вовсе не мечтательницею, воображаю я княжну – отнюдь нет! С улыбкою, неуловимою на прекрасных розовых устах, представляю я себе знаменитую красавицу. Впрочем, вы можете вообразить, что у нее были черные большие глаза и черные локоны. Дело зависит совершенно от вас. Однако же, при всей своей очаровательности, она, как говорит предание, казалась недоступною, гордою, созданной повелевать, а не повиноваться! Оно так и быть должно: иначе княжна не была бы необыкновенною женщиною, редким явлением. Но за то ее не хвалили в начале ее необыкновенного поприща. По крайней мере, когда она вышла вслед за нарядами покойного своего брата, ее твердая грусть – из прекрасных ее очей ни одна жемчужная слеза не покатилась, хотя все ее окружавшие плакали, – удивила всех, и невольный шепот укоризны вырвала из уст многих старшин.

«Ни одной слезинки на глазах!.. Странная твердость в молодой девушке!.. Она рождена для коня и меча, а не для рукоделия!..» – говорили тихо старики, следуя изумленными взорами за гордою красавицею и удивляясь повелительности ее походки. Но здесь были и молодые люди,

обращавшие более внимания на прелести княжны, нежели на ее характеристические черты. «Как она хороша!.. Кто счастливец, сорвет нашу пышную луну?» – говорили князья-наездники, впиваясь взорами в величавую, очаровательную красоту княжны.

Когда мы видим прекрасную вещь, обыкновенно говорим: «как хороша!», но если мы так говорим при виде прекрасной женщины, в устах многих из нас обыкновенные сии слова выражаются совсем иначе. Вы удостоверились бы в этом, если бы находились среди гостей князя-старшины жанинского поколения. Над ними парит предание, и вот что оно видит там:

Наездник, одетый в кольчугу, стальные кольца которой блистали на широкой его груди, как брызги водопада в лучезарный день, стоял у дверей ограды, куда шла княжна. Ему, казалось, было лет сорок, но в старину такие лета считались лучшей порой для женитьбы, и потому он, несмотря на свои лета, хотел нравиться княжне; она ему слишком нравилась. Он был известен, как наездник храбрый, отважный. Смертью соперников он приобрел ужасное звание *Канлы* (кровавый) и гордился им. Для него не было ничего священного: измена, притворство, обман были первыми орудиями страшного витязя. Окруженный ватагою убийц и предателей, он был ужасом народа. Однако же, владея даром говорить убедительно, и прославленный, как храбрый воин, он везде имел значительный вес; среди кровавых и гордых жанинцев и самые кровавые пороки, прикрытые отвагою, получали могущество. Гордая, прекрасная княжна могла ли полюбить такого изверга, когда был другой человек, увлекавший ее мечты? Однако же Канлы искал ее любви, по меньшей мере, искал ее внимания. «Как она хороша!» – сказал он при появлении княжны, и его взоры запыхали огнем страсти и негодования. Княжна не удостоила его даже взглядом. «Куда как горда наша девчонка!» – промолвил он, стараясь скрыть свое смущение.

Из гостиной вышел мужественный наездник в трауре. При его появлении народ с почтением расступился. Он был высок ростом и строен; его шаги были тверды; его взоры выражали ум и какое-то увлекательное могущество, которое редко, но встречается у любимцев природы. Хотя в обхождении он был совершенно чужд презрительного достоинства ничтожной знати – гордости, был ласков и учтив со всеми, однако же каждое его движение, казалось, говорило: «Кто равен мне?». В нем таилось высокое чувство сознания собственного превосходства; его вид внушал глубокое уважение, доверчивость и приязнь. То был знаменитый князь Джембулат. Он вызвал из толпы молодых князей и дворян юношу и с ним вышел из ограды. Походка и какая-то молчаливая важность юноши показывали, что, несмотря на свои лета, он умел подражать благородным манерам Джембулата, которому был искренне предан. «Ты видел?» – сказал Джембулат, и отрывистые слова его, казалось, не имели никакой цели. Молча шли они некоторое время. «Мне надобно скорее снять с себя траур, – сказал Джембулат, как будто мечтая, – надобно переодеться и возвратиться, пока еще не начнется посвящение; я хочу, чтобы мой *Лов*¹³⁹ первый обагрился кровью посвящения – бедный друг мой любил его... Но к тому времени

возвратится и она в золоте!.. Она также снимет с себя траур... Ах! как она хороша!..» При последних словах Джембулата на лице юноши пробежала тревожная тень смущения. Джембулат любил княжну страстно, со всею пылкостью пламенной и сильной души; княжна не была равнодушна к нему: она любила его той безотчетною любовью, которая непостижимым образом воспламеняется в сердце и редко признает над собою власть рассудка.

Между тем наступил последний период печального начала тризны. Несколько сот прекрасных лошадей, в богатых сбруях, подвели к возвышению, на котором была раскинута богатая палатка. Князья и старшины собрались туда, и там началось обычное посвящение коней памяти умершего. Каждому из них отрезали концы ушей¹⁴⁰, потом покрывали коня цветной богатой тканью, наконец отводили на некоторое расстояние от места посвящения, и служители держали коней или привязывали к столпам, нарочно для сего случая поставленным. Разнообразный и блистательный вид богатых сбруй и покрывал на красивых лошадях привлек жадное любопытство народа, и толпы рассеялись между посвященными конями, любуясь их убранством.

Заметим мимоходом, что посвящаемых таким образом памяти покойника лошадей приводят с собой князья и дворяне, посещающие торжество тризны; в старину значительные лица, которые, по обстоятельствам, лично не могли присутствовать на тризне, присылали лошадей на посвящение, чтобы почтить память покойника и оказать должное уважение его родственникам.

Зрители восхищались прекрасной лошадию князя Джембулата и богатой сбруей. Служители князя с гордостью слушали замечания любопытных. «Вот лошадь князя Джембулата, и та самая, на которой он орлом носился в день сражения, когда пал сын князя-старшины; тогда она вся была в крови, а теперь слегка только обрызгана ею», – сказал один из зрителей. «Вот настоящий князь! Его слуги одеты и вооружены лучше многих князей. Он щедр, приветлив, умен, храбр, словом, – примерный князь!» – прибавил другой. «Покойнику он был искренний друг», – заметил третий. «И с его сестрой очень дружится, глаз с нее не сводит, да и она что-то внимательно посматривает на него, даром что горда». «Вот и лошадь князя Канлы, также хорошо убрана. Он был заклятый враг покойника, а памяти его посвящает любимого коня...» «Лицемер!» – перебил один из зрителей, человек сурового вида, одетый очень просто, но вооруженный хорошо. «Что тут удивительного? – сказал с обидным презрением товарищ его. – И дружба, и приязнь князей – одна только хитрость, которою они друг друга истребляют. Князь Канлы готов проглотить Джембулата, если б только мог, но обходится с ним, как друг искренний... Князья настоящие змеи: ядовита их приязнь!..» «Лицемеры!..» – прибавил грубым голосом первый. То были мелкие дворяне, воины отчаянные, которые боялись хуже смерти власти других над собой; с повиновением сопряжена и ответственность, а они искали только случая поживиться чужим добром, не отдавая в своих поступках никому отчета. В старину таких дворян, удалых грабителей, довольно число водилось в

черкесских племенах; им были ненавистны облеченные властью люди и с презрением говорили они о них, когда не ожидали от их щедрости богатых даров.

«Дерзкий бродяга!.. Ты дорого заплатил бы за твои слова, если бы уважение к князю-старшине тебя не защищало!» – сказал с гневом один из дворян князя Канлы, случившийся тут. «Не горячись, пресмыкающаяся тварь! Твой Бог – князь, купивший подаванием твою душу, не видит жалкого твоего усердия», – отвечал с презрением суровый воин. «Да, вот и он с Джембулатом идут сюда... Как один задумчив, грустен, а другой с какою улыбкою измены и коварства жмет ему руку!..» «Лицемер!..» – перебил его товарищ.

В самом деле, князя Джембулат и Канлы показались вдали. Они, действительно, были непримиримыми в душе врагами; в сердце одного кипела ненависть, в сердце другого таилось презрение. Но, покоряясь обычаям своей земли, князья примирились на время; и самые кровоместники обходятся дружелюбно между собой, когда случай приводит их быть вместе на съездах, в гостях, в доме уважаемых людей или в присутствии женщин – таковы рыцарские обычаи черкесов, и они свято уважались в старину... О святая старина! Зачем пережили мы благородные твои обычаи!..

В конце обширного аула раздался выстрел. «Скачка возвращается!» – закричали толпы народа и бросились к холму, на котором была поставлена палатка и стояли почетнейшие гости. В самом деле, по дороге поднялась пыль столбом, и скоро показались быстро несущиеся скакуны, один другого обгоняя, один другому заслоняя дорогу; на скакунах сидели легкие и ловкие мальчики в разноцветных нарядах. Засуетились старшины, расставленные по дороге для соблюдения порядка. Наконец скачка, которой обыкновенно открываются увеселения и торжества тризны, возвратилась. Лошадь князя Джембулата выиграла первый приз – невольницу; второй приз, кольчугу, выиграла лошадь князя Канлы; третий, сабля, достался дворянину Джембулата. Лошадь, выигравшую первый приз, немедленно увели в конюшню, чтобы ее не сглазили, а ту, которая выиграла второй приз, водили в виду народа, и дворяне Канлы старались распусть слух, что лошадь их князя выиграла бы первый приз, но ее *испортили* из зависти преданные Джембулату люди, имеющие связь с нечистой силой.

«Едет, едет!» – закричали в толпе, и все обратили глаза на дорогу, по которой тяжело бежал утомленный скакун, отставший от всех. Сидевшему на скакуне дали в насмешку, однако же, по обыкновению, какую-то вещь, и толпа захохотала, когда ездок упал с лошади. Этим заключилась скачка.

Явились блюстители порядка^А, с длинными палками в руках. Учтиво просили они сначала народ собираться в кучи – жителей одного аула в одно место, а другого в другое, и так далее. Сказал ли я, что на тризну, как и на все

---

^А Дворяне княжеские имеют разные обязанности, из рода в род переходящие. В торжественные дни они соблюдают порядок и несут разные обязанности; однако ж обязанности, неприличные дворянину, исполняют простые служители (Прим. авт.).

торжества черкесские, приглашают жителей целого округа, рассылая всюду конных пригласителей? Пожилые люди скоро последовали предложениям блюстителей порядка, но молодежь, везде охочая пошуметь, унялась тогда только, когда длинные палки начали проворно ходить по спинам зевак. Наконец водворился порядок, т. е. несколько тысяч народа, созванного на пир и с громким шумом покрывавшего поле, раздробились на сотни беспорядочных групп. Князь-старшина с гостями возвратился в гостиную, куда явилась в сопровождении подруг, девиц прекрасных, как ранний цветок розы среди пышной зелени, княжна. Среди подруг своих казалась она еще прелестнее, и была, по выражению предания, величава, как полная луна среди ярких звезд. Княжна сняла с себя траур и нарядилась в блестящее платье, богатое, шитое золотом и серебром, и – как она была хороша! Но, прельщенный эфирным нарядом европейек, не думаю, чтобы прелести моей героини увеличивались от пышности наряда, в каком она теперь явилась: наряд мужчин у черкесов неподражаемо хорош, ловок и красив; зато женский очень некрасив, так некрасив, что без зазрения совести весь гардероб черкесских красавиц, начиная от двадцати четырех позолоченных застежек, серебристою чешуею покрывающих белоснежные их груди, до шитых золотом красных башмачков, отдал бы я за одни шелковые, почти прозрачные чулочки, за одну эфирную косынку, небрежно брошенную на алебастровые плечи прекрасной европейки, за косынку, сквозь которую, как месячный луч на поверхности тихих волн, зыблется полная, роскошная грудь ее!.. Однако же, боясь, что стройные, тихие наши черкесские красавицы прогневаются на меня (гнев красавиц опаснее грома) за то, что я наряд их отдаю за безделицы, скажу чистосердечно: их самих я не променяю ни на каких в мире красавиц: я так люблю тихие нравы черкешенок! Не нужно мне ученой жены и выпретенных женских умов. «У кого теперь ума не достало», – сказал известный поэт¹⁴¹, и все знают его слова, даже и те, кто больше ничего не знает. У меня есть *добрый приятель*, в сухом черепе которого своенравная природа поместила жирные узлы самолюбивой глупости, но, назло природе, он выучил наизусть стихи поэта и стал умен: по крайней мере, он с тех пор *за глазами* каждого *вымышляет* усердные речи, а *в глазах* изгибается, жалкое создание, и все бьется из ума – *горе от ума!* Но оставим приятеля: пусть его изгибается в три погибели. Нет, милые, тихие наши черкесские красавицы, я всей душой люблю вас, хоть ваш наряд мне не нравится... так не нравится, что я перекроил бы платье будущей моей жены на европейский лад... только, признаться, боюсь, что она вздумает, как дама европейского света, где так привольно жить попугаям, в двадцать четыре часа делать сорок восемь визитов, от чего Боже сохрани и помилуй меня, грешного! Хочу, чтобы моя жена занималась воспитанием моих детей – здесь первая ее обязанность – хочу и настою на своем! Я хорошо знаю *глубокомысленный* закон, который повелевает правоверным держать жену, или, переводя буквально, *жен* своих, под замком. Но вот начинается пир в гостиной князя, старшины жанинского поколения, куда явилась прелестная его дочь, в блестящем наряде, отвлекшим нас от нашего рассказа.

Из ограды, которой был обнесен главный дом князя-старшины, потянулось длинное шествие, и над ним носился душистый пар соусов, жарких и других произведений черкесской кухни; она, вправду сказать, не может похвалиться искусством в приготовлении нежных блюд; зато в торжественные дни она производит неисчислимое множество блюд различных названий и достоинств. Лучшим тому доказательством могло служить шествие, о котором у нас идет теперь речь. Его составляли человек двести, из коих каждый нес круглый стол о трех ножках, тяжело нагруженный разного рода кушаньем. Большие столы, на которых были положены целые бараны, несли каждый два человека вместе. Шествием распоряжались привилегированные княжеские служители. По их мановению шествие двигалось и останавливалось; надобно было, чтобы столы, которые следовало подавать один за другим, не перемешивались, а дело было не безделица, когда столов насчитывали более двухсот. Десятка два или три домашних слуг, в пестрых нарядах, с позолоченными ковшами и бокалами, огромными и небольшими деревянными чашками, мелькали в рядах шествия, которое было интереснее многих церемониальных шествий – по крайней мере, для голодных. Но как великое мое произведение, надеюсь, станут читать в блаженные часы после обеда, то не станем описывать его подробностей. Шествие вступило в ограду гостиной; за ним потянулось другое, гораздо многочисленнее и интереснее: явились около пятисот человек с такими же ношами, телеги на двух колесах, нагруженные печеным хлебом, пирогами, мясом вареным и жареным, и бочками бузы (род браги), под надзором конных и пеших блюстителей порядка, с суетливою деятельностью исполнявших свою обязанность. Пир был на славу. Вскоре поле покрылось яствами и напитками, но угощение еще не начиналось: ждали имама, княжеского эфендия. Князь-старшина хотел соединить языческие обряды с исламизмом. Наконец явился и имам; он, хотя проклинал и ненавидел языческие обряды, но находил в законах, как улемы знаменитого Махмуда¹⁴², сообразные с желанием князя толкования, благословил торжество язычников, и говорил речь о блаженстве, предназначенном павшим за дело родной земли воинам. Набожные с благоговением слушали религиозные поучения имама, но язычники шепотом издевались над его словами и бородой, а чалму его сравнивали с головным убором вдов.

Князь-старшина оставил на время пирующих старшин и наездников и пошел посмотреть на угощение народа. Княжна последовала за ним и очень хорошо сделала, как замечает предание: молодые князья, погруженные в жадное созерцание ее прелестей, в присутствии ее забывали еду и могли себе обрезать пальцы, не чувствуя даже боли, что легко могло случиться, потому, во-первых, что черкесы в старину, как и теперь, не употребляли вилок, а, во-вторых, у влюбленных другие чувства, кроме любви и ее сестрицы ревности, притупляются. Угощение князей и старшин, будучи подчинено строгому *летопочтанию*, шло чинно и тихо. У черкесов, надобно вам сказать, есть заветные этикетки, заставляющие человека надевать маску, и потому пирирование знатных не так было шумно, как угощение народа. Перейдем туда.

Там сидели старцы и старшины из простого народа десятками: им разносили столы с яствами и напитки в ковшах; густые кучи народа толпились; им раздавали хлеб, мясо, пироги под надзором блюстителей порядка; без их блюстительных палок нельзя было сделать шагу в толпе народа; далее, вокруг бочек с бузою, расставленных по разным местам, теснились толпы – всякому давали пить, сколько ему угодно; яств и напитков довольно было каждому; всех угощали с избытком, но молодежь, не довольствуясь тем, в подобные дни обыкновенно предаётся шумным забавам. Вот они по местам стекаются в кучи и нападают на телеги с яствами и напитками, дружным натиском опрокидывают охраняющее их прикрытие, разбрасывают яства, бочки летят долой – и блюстители порядка, облитые густой струею бузы, едва восста-новляют порядок. Народ шумит, хохочет, оглашая воздух; потешная битва радует его; бурному поколению и пища горька, если она не отнята битвой!

День тризны – радостное событие для народа, но блюстители порядка подвергаются в сей день многим неприятностям; все проказы пресыщенного народа истощаются над ними, но зато все завидуют им: они обличены властью шуметь, кричать, повелевать, распоряжаться.

Князь-старшина с дочерью ходил среди толпы народа, созванного им на тризну. При его появлении с глубоким почтением вставали старшины и приветствовали его. Он был ласков ко всем, милостиво говорил с чужеземными гостями, радушно просил всех, чтобы каждый требовал, как у себя дома, чего ему угодно. Старшины-гости благодарили приветливого хозяина. Веселые голоса в толпе народа шуточно кричали, что они довольны князем, но его блюстители порядка их бьют, яства прячут себе в карман на зиму и в доказательство того указывали ему на облитых брагой блюстителей. Старец улыбался весело; он видел на лицах гостей своих удовольствие и преданность к нему. Возвращаясь в гостиную, он задумался, и грустное чувство души высказывалось на величавом его челе.

«Несколько столетий древний наш дом, – сказал он дочери, – угощает жанинское поколение, но меня не станет, и тогда к кому добрый народ наш обратится?.. С каждым днем я приметно слабею и, может быть, скоро сойду в могилу, и добрые люди осиротеют: кто станет о них заботиться? Дочь моя! Если Бог благословит твою жизнь, не допусти, чтобы добрые наши жанинцы скоро забыли меня. Твой дом пусть будет их убежищем; будь матерью беднейших из них, и прах мой успокоишь ты тогда, мой друг!»

Крупные слезы покатались из глаз старца и были зна́ком не боязни смерти, а великодушия: добрый отец не предвидел, что они падут жгучим огнем честолюбия в пламенную душу восторженной его дочери.

«Батюшка! Пока твоя дочь будет жива, стены твоего дома не опустеют и добрый жанинский народ найдет в нем помощь и защиту», – отвечала княжна с самонадеянностью героини и обняла старца, но не плакала, не отвечала его слезам слезою: она стыдилась слез! Столы уже были приняты в гостиную, когда князь-старшина возвратился туда с княжной, и княжеский виночерпий держал в руках позолоченный ковш и туринный рог, оправленный в золото.

Он выступил на средину и, наполнив пенистым шрымишем (любимым напитком древних адиге) туриный рог, предложил выпить богатырский бокал¹⁴³ в честь собрания наезднику, совершившему известный, прославляемый певцами набег^А. Никто из сонма гостей не выказывал в себе искомого героя наездничества. Скромность почиталась у тогдашних черкесов первойшей похвалою. Все молчали. Глаза княжны искали Джембулата: ей было бы приятно, если б наездник, ее сердцем избранный, был вызван принять высокую, геройству наездничества предоставленную честь; но он неподвижно и с поникшею головою стоял в толпе других. Джембулат, встретив взоры княжны, прочитал в них ее желание, и тяжело вздохнул: он не был ни в каком прославляемом певцами набеге и должен был сносить страшную муку, клянясь в душе на другой же день отправиться. Некому было принять предлагаемый бокал, никто из собрания не бывал в прославляемых певцами набеге, исключая старца-хозяина. Это немного облегчило досаду страстного любовника, но ненадолго, и его досада обратилась в нестерпимое терзание. Хозяин предложил принять бокал тому наезднику, который был в набеге за Волгою. «Давно наша молодежь, занятая войною, не имеет возможности познакомиться с загорными странами¹⁴⁴, а в наше время рыскала она по скалам и пустыням!» – сказал он.

Предложение хозяина было одобрено гостями, и при первом вызове соперник Джембулата, Канлы, выступил вперед, не дожидаясь, чтобы его назвали и поднесли почетный бокал. Он был друг знаменитого Айдемира и с ним находился при разорении Астрахани¹⁴⁵; следовательно, берега Волги были ему знакомы. Он принял бокал. «В ваше время, – сказал он, относя слова к хозяину и смотря между тем лукаво на княжну, – в ваше время, князь-старшина, красавицы подносили пенистое вино, а теперь не вино, а брагу, и не девы подают, а старцы». Он выпил залпом бокал, среди шума музыки и пения, не умолкавшего в продолжение нескольких часов. Княжна с досадою взглянула на Джембулата, который, побледнев, стоял за торжествующим соперником. Не знаю, был ли прав Канлы, но то известно, что в старину обращение с прекрасным полом было у черкесов гораздо свободнее. Бокал любимого напитка стал ходить из рук в руки, и скоро запыхали щеки наездников.

Кончилось угощение торжественной тризны, и вскоре новое зрелище открылось, со всею занимательностью воинственных игр.

Наездники сели на посвященных покойнику коней, и каждого из них окружила толпа вершников. Народ высыпал в поле; женщины, не упускающие нигде случая себя показать и на других взглянуть, в пестрых нарядах взошли на возвышения, откуда взору их открывалась чистая равнина, где начинались различные увеселения тризны. Наездники на посвященных лошадях выехали вперед от бесчисленной толпы вершников. Безмолвная тишина воцарилась. Выехавшие на посвященных памяти

---

^А В Абхазии во время пиров предлагают почетный бокал, *бамбч*, воину, участвовавшему в набеге по окрестностям (Прим. автора).

покойника скакунах пустились стрелой вперед, а за ними понеслись толпы вершников. Пестрые покрывала на первых уже развеваются разноцветными радугами в воздухе; они стараются ускакать от толпы преследователей, которые стремятся их догнать, сорвать покрывала, увенчаться ими, и с приветливыми взорами красавиц бросить трофей в середину бесчисленного множества народа, густыми массами покрывающего подножие кургана, на котором стоит князь-старшина с княжной, окруженный почетными гостями. Долго ни один из наездников на посвященных конях не показывается вблизи; они, как пестрые флюгера на борющемся с волнами корабле, лишь вдали, среди толпы конницы, мелькают и снова исчезают, но вот один из них, на вороном, как галка, коне пробился сквозь толпы его преследующих и несется быстро, словно вихрь, к кургану. Сердце княжны затрепетало, когда раздалось в народе имя ненавистного ей воина, и она страшилась видеть снова торжествующим соперника любезного ей князя; как дитя, обрадовалась она, когда Канлы был настигнут, и в свалке густой массы вершников повалился на землю с конем своим, и алая ткань на нем была разорвана в клочки.

«Джембулат! Джембулат!» – закричали голоса в народе, и в самом деле он показался вдали, на белом, как снег, скакуне. Густая масса конницы, будто ярые волны, напрасно его преследовала: ловким поворотом обманув их, он полетел молнией, и вот он у подножия кургана, с вершины которого приветные взоры княжны искали и встретили счастливец; он повергает на землю шелковую ткань. Народ бросается на покрывало, разрывает его в мелкие клочки, шумит и криком оглашает воздух. Белого скакуна Джембулатова, утомленного скачкою, покрытого пеною, водят у кургана.

Все покрывала на посвященных конях подверглись той же участи, достались в руки пеших и изорваны в клочки, но не в глазах княжны, не у подножия кургана. Кончился бег посвященных коней, и Джембулат, довольный своей удачею, стоял в кругу отборных наездников, собравшихся толпой, и глаза княжны на нем покоились.

Вскоре потом открылось зрелище новое. На чистом, ровном месте поставлен был длинный шест, с прикрепленной наверху небольшой круглою доской^А. Густые толпы народа столпились к сему месту, и внимание красавиц и гостей обратилось туда же в надежде видеть величайший опыт ловкого наездничества; но никто не являлся. Княжна с боязнью смотрит на густую кучу наездников; она желала бы, чтобы друг ее сердца был и тут победителем; она страшится его соперника, который возде ищет случая первенствовать, и здесь является первый. Канлы садится на прекрасную лошадь, еще не утомленную скачкою, берет лук и стрелу в руки и летит мимо шеста; лишь одна левая его нога остается на седле, а весь его корпус держится ниже гривы лошади, и в таком необычайно трудном положении, в то самое мгновение, когда лошадь его сравнялась с шестом, спускает он туго

---

^А *Кебек*. Сия игра составляет важнейшую отличительность тризны; при других случаях она неупотребительна (Прим. автора).

натянутый лук, и пернатая стрела вонзается в доску! Народ заглушает воздух криком удивления, видя ловкость наездника, а старшины приветствуют его, но он искал не приветствия старшин, не удивления народа, а внимания княжны, и в том успел своей ловкостью. Он подъехал шагом к кургану, с вершины которого князь-старшина с дочерью смотрел на зрелище. Тут, оставя лошадь, он взошел на курган, и шутками высказав, что желание других было причиной его дерзости испытать свое искусство в стрельбе в присутствии князя-старшины, он вступил и в разговор с княжной. Соперник счастливца, Джембулат, прочел в глазах княжны ее досаду, ее желание, и поехал шагом к шесту, вокруг которого толпившийся народ смеялся над неловкими наездниками, разгонявшими его стрелами своими, но, увидев Джембулата, все расступились с почтением, и все затихло. Он был отличный стрелок, но теперь смутился: его неудача могла доставить полное торжество сопернику. Вот он уже готов; все обратили на него любопытные взоры; народ не смеет духа перевести, ожидая его движения. Он несется быстро мимо шеста, ловко спускает тетиву, и стрела, раздробив доску, падает к ногам изумленных зрителей. Все ахнули от удивления. Чувство радости выразилось на прекрасном лице княжны, алый румянец расцвел на ее щеках. Джембулат скрывается в толпе наездников и народа – скромностью хочет он украсить свой подвиг, или, может быть, недоволен в душе странными прихотями княжны, но кто устоит против искушения вызвать улыбку удовольствия на уста обожаемой женщины? Джембулат посылает наконец к прелестной княжне просить кольчуги из орешника, каких множество обыкновенно готовят ко дню тризны, надевает ее и быстро скачет мимо кургана – след его покрылся тучами вершников. С какою гордостью провожала его глазами княжна...

Все снова приходит в движение; наездникам подают от имени милой княжны шлемы, кольчуги из орешника, и они несутся, преследуемые, и густая куча легкой конницы снова закипела по всему пространству равнины.

Далее началась стрельба в цель – из ружей на расстоянии трехсот шагов, из пистолетов на всем скаку верхом мимо цели. Народ толпится около стрелков, восхищаясь действиями огнестрельного оружия, тогда еще редкого в той земле. Стрелки, попадающие в цель, получают призы.

Блюстители порядка между тем не перестают рассылать всюду яства и напитки, чтобы каждый из гостей, от князя до мужика, от мала до велика, был сыт и доволен: такова воля хозяина. Но вот начинается самая забавная сцена тризны. Сотни мальчишек бегут, сталкиваясь, к столбу^А, у кургана поставленному, и там толпятся; каждому из них этот столб представляет поприще отличиться и богатую добычу. На верху столба прикреплен тонким прутиком большая корзина, наполненная прекрасными вещами, которые назначены в награду удалству мальчиков; тот из них, который достанет корзину без всякой помощи, кроме своих рук и ног, влезши на верх столба, берет себе все вещи, в ней положенные; дело немудреное для проворных

---

^А *Коемий*. В языческих религиозных обрядах *коемий* был употребителен (Прим. автора).

мальчиков, если б столб был с сучьями, но вот в чем беда: он выстроган чисто, и снизу доверху вымазан салом так, что скользит, как змея, из рук. Начался приступ: одни, взобравшись кое-как до половины, стремглав летят долой; другие, попирая упавших ногами, начинают лезть и падают также, шумят, кричат, бранятся; хохот зрителей заглушает стоны подавленных. Однако ж нашлись хитрые мальчики, которые, наполнив свои карманы и пазухи золою или песком и, натирая ими насаленный столб, успели докарабкаться близко к корзине, и вот-вот добыча готова упасть им в руки, но зависть, кипящая досадою, следила их зоркими очами: внизу стоящие мальчики начинают потрясать тонкий столб, и влезшие падают на головы виновников их неудачи; тут пошла брань и драка между ловкими и буйными мальчиками, и, несмотря на присутствие князей и старшин, они начали было, не хуже персиян, потчевать друг друга грязью, когда вдруг просвистела пернатая стрела, и на головы неугомных мальчишек упала корзина, предмет их споров, – пошла потеха: большие и малые бросились расхватывать вещи, высыпавшиеся из корзины; борьба, крик, давка, плач, ругательства смешались и составили невнятный гул. Наконец дело начало было принимать нешуточное направление – несколько кинжалов и шашек засверкали в толпе, и верно, кончилось бы, как иногда случается при подобных играх, резнёю, если б старшины не бросились потушить воспламеняющийся пожар. Сам князь-старшина поспешил на место начавшейся битвы, а Джембулат, виновник суматохи, одною стрелой обративший забаву в хаос, только того и желал. Торжество тризны чуждо танцев, которые у черкесов представляют удобное время для объяснений с красавицами. Напрасно целый день искавши случая промолвить княжне несколько слов, Джембулат вырвал из рук утомленного мальчика прекрасную вещицу, и с нею подошел к княжне.

«Не вашей ли руки работа эта милая вещица?» – сказал он громко княжне, которая одна оставалась на кургане, среди суматохи. Она улыбнулась, и в ее очаровательной улыбке заключились все земные блага для страстного наездника. «Завтра меня здесь не будет, княжна!» – промолвил он шепотом.

«Завтра!.. – повторила княжна и задумалась. – А я думала, гораздо позже... недели через две...», – сказала она, и несколькими отрывистыми словами назначила счастливому юноше полночь и место свидания, сказалась встревоженною и поспешила к отцу.

Кто не знает, какую волшебную силу, какую таинственную прелесть, какую тревожную радость заключают в себе отрывистые слова красавицы, когда она в тревоге назначит уединенное свидание счастливцу! Но если вы поспешите своими заключениями о моей героине, судя по вашим красавицам, часто посещающим модные магазины или маскарады, то будете вполосину обмануты. Свидание, на которое намекнула княжна, я вам опишу подробно; дайте только время кончить тризну, которая уже идет к концу. Зрители устали, как и мы с вами, добрый читатель, следуя за бешеными их играми.

За несколько минут пред таинственными, отрывистыми словами княжны счастливый ее обожатель трепетал от страха, что день клонится к вечеру, а теперь он умоляет дневное светило ускорить великолепное свое течение, хотя ночь уж была близка, и на западе разлилось алое море, кое-где затемняемое розовыми тучами, словно огненные чайки, вьющимися там и там, и в это море солнце готовилось пышно опуститься, будто красавица на алое бархатное ложе, обвитое серебристым атласом с золотыми бахромами. Нетерпение томило, снедало страстного любовника.

Воинственные игры, стрельба, скачка, целый день продолжавшиеся по всей пространной равнине, раскинутой перед обширным аулом князя-старшины жанинского поколения, начали постепенно утихать; густые толпы народа стали редеть. Наконец наступила ночь, и все зрители, пресыщенные весельем зрелища, изобилием яств и напитков, стали разъезжаться, расходиться по домам и квартирам, прославляя пышность тризны и приветливость хозяина. Блюстители порядка останавливали старцев и давали им сухие кушанья и лакомства для их детей.

Безмолвная тишина ночи заступила место шумного тревожения торжественной тризны. Казалось, ни одной живой души не осталось в обширном ауле князя-старшины, где за полчаса времени до заката солнца все кипело воинственными потехами, одна другую сменявшими. Так после грозы и ненастной поры наступает глубокое безветрие; но как часто молнии роятся в тиши, и гром раздробляет корабль, надеявшийся достичь спокойной пристани! Увидим, все ли дремали в ауле князя-старшины, или и там под пыльными крышами хижин рождались и созревали коварные замыслы и страсти работали, как бывает порою под сводами великолепных палат?..

II

Тихий вечер прекрасного дня обещал хорошую погоду и на завтра; осенний ветер не шевелил нагих ветвей деревьев; алое море разливалось на западном небосклоне, и пламенное солнце юга, будто усталое на торжестве недавно поклонявшихся ему язычников, медленно догорало на закате, и когда опустилось за розовые облака, еще долго струился огненный след его. Но, увы! На земле нет ничего постоянного, кроме человеческого непостоянства, и небо часто подражает его изменениям. Картина великолепная скоро переменилась: черные тучи заволокли небо, и яркие звездочки погасли под их вдовьими чадрами. Густой мрак ночи окутал увядшую землю. Ветер грустно завыл в горах, отправляя в свою очередь тризну по улетевшем лете. Эхо пещер между скалами вторило перекатам грома. Молния иногда рассекала мрак, проводила алмазные струи, и в мгновение исчезала как обманчивый луч надежды рассеивает мертвящие мысли угнетенного несчастливца и исчезает... Бурная погода могла бы устроить и зверей хищных, но – не человеческое коварство.

Князь Канлы в эту бурную ночь вызвал Теймбулата на свидание, и

местом свидания назначил гробницу его отца. Юноша явился на зов неизвестного ему человека.

«Дело, по которому я вызвал тебя к могиле твоего отца, заключает в себе твою славу, юноша, но я требую одного условия: поклянись сохранить в тайне предмет нашего свидания, если не согласишься на мои предложения!» – сказал Канлы, изменяя свой голос и наречие. Тембулат молчал.

«Что же ты молчишь? Мое требование – не великая жертва для человека, которому намерены предложить важные услуги», – прибавил Канлы.

«Прежде, нежели соглашусь на странное требование, – сказал Теймбулат, – хочу знать, с кем я говорю? Не зная, кто меня зовет, явился я на место свидания¹⁴⁶, но тот, кто хочет предложить мне важные услуги, вероятно, меня уже знает, и потому я требую объяснения – какой подал я повод предлагать мне подобное условие? Я никогда не был разглашателем чужих тайн; такое ремесло низко, неприлично дворянину и оскорбительно для меня».

«Я успею еще назвать себя – дело не уйдет. Не сомневался и не сомневаюсь в твоей честности – на тебе никто не видал *прожженной шапки*^A, но ты молод, а опытность лет меня научила осторожности. Ты не колебался идти на зов неизвестного тебе человека – похвально, но в глаза хвалить я не умею, как не умею поносить за глазами. Твой отец, а мой благодетель, так меня учил... Не оскорбляй, юноша, памяти его отказом: он будет знаком малодушия, а на мое требование согласятся и дети...»

«Согласен», – с негодованием сказал наконец Теймбулат.

Канлы подал ему стрелу. «Клянусь прахом моего отца – тайна, на его могиле мне вверенная, войдет со мною в гроб. Но клянусь также, что не буду подлым орудием постыдных дел!» – произнес юноша; его голос приметно дрожал; стальная полоска переломленной стрелы покатила по гробовому граниту, звеня как будто с ропотом^B.

«Теймбулат! теперь можешь ты узнать меня, узнать во мне преданного тебе человека», – сказал Канлы чистым голосом и природным наречием. Юноша содрогнулся: пред ним стоял коварный наездник, заклятый враг его друга.

«Не смущайся, сын знаменитого отца, – продолжал Канлы, – эта минута докажет, достоин ли ты славного его имени, или он, как многие знаменитые люди, своим примером оправдал пословицу мудрых предков наших, которые говаривали, что *доброму отцу наследует недостойный сын*. Моя скрытность не должна удивлять тебя; важные дела требуют больших предосторожностей... Так говаривал твой отец, так и поступал он. Слушай!

---

^A В старину, сказывают, черкесы прожигали шапку того, кто открывал чужую тайну, почему и вошло у них в обыкновение говорить: «у него шапка сквозная», когда хотят упрекнуть кого-нибудь в несоблюдении тайны (Прим. автора).

^B В некоторых племенах черкесских в старину в погребальных пещерах совершали таким образом клятвы (Прим. автора).

Незнаемый никем, бродил я на родине, когда встретил нарта^А, прах которого пред нами. Он научил меня владеть конем и носить оружие, и безвестный сирота, я сделался предметом внимания людей. Если теперь пользуюсь я некоторою известностью, то ему обязан. Когда его не стало, когда его кровью обагрились родные братья нынешнего твоего друга... Нет! Теймбулат, без ужаса я не могу произносить этого слова здесь, в этом месте, я – стыжусь за тебя...»

«Прошу уволить меня от оскорбительного участия! – сказал юноша с негодованием. – Не хочу, чтобы за меня другие стыдились, да нельзя ли сократить и вступления, и прямо сказать: зачем ты вызвал меня?»

«Когда не стало твоего отца, – продолжал Канлы спокойно, – тогда меня не было на родине; я был в Кабарде, у моего несчастного друга...»

«Не за тем ли, чтобы своего друга, точно несчастного, продать, по старой привычке твоей, его врагам, его убийцам?» – с презрением прервал юноша.

«Теймбулат! ты еще молод судить о моих делах. Не верь безумной клевете моих недоброжелателей. Тот, кто ведает наши дела, наши помышления, знает мою правоту, а мнение моих врагов я презираю – их устами говорит злоба; я опасен для них, моя известность тревожит презренную их ничтожность, и они клеветают на меня в бессильной своей ненависти!» – возразил Канлы с жаром, но скоро, приняв спокойный вид, продолжал: «Когда я возвратился на родину, мир уже был заключен между родственниками и убийцами твоего отца, и ты, еще дитятею, отдан был в руки Джембулата...¹⁴⁷ Видит Бог: я хотел соединиться с братьями твоего отца для отмщения его крови, и кровью убийц хотел оросить его могилу¹⁴⁸, могилу моего благодетеля, но мои усилия остались напрасными; сильный Джембулат все преклонил в свою пользу, и, скрепив сердце, я должен был ждать случая. С тех пор прошло много лет, но я ношу в глубине души кровавую ненависть. Теперь настало время мщенья. Подай мне руку помощи, и виновною кровью омоем убийство твоего отца. Я все устроил: достояние врага назначил в награду убийцам; его братья на все согласны, если только я избавлю их от его притеснений, от его славы, помрачающей их существование. Кровь за кровь! Мучительной смерти я предаю его! Только ты вступи к нему ночью, когда он заснет, моих людей, а сам унеси его оружие».

Голос Канлы дрожал; жажда крови ненавистного ему соперника

---

^А Древние песни и предания о знаменитых воинах, известных под именем нартов, чрезвычайно любопытны. Они любили странствования, поединки, песни, крепкие напитки, обожали женщин. Время *нартов* имело и своего Сервантеса в лице одной знаменитой красавицы-поэта. Она воспела известнейших нартов ее времени. Это, в своем роде, бессмертный роман Сервантеса. В песне своей она заставляет влюбиться в нее всех замечательных нартов той эпохи, и тут с язвительною ирониею высказывает причины, заставляющие ее отвергать их любовь и *искаательства*; наконец, она предлагает себя в жены одного из них, но тот отвечает на ее вызов самую обидную насмешкою, вовсе неприличною рыцарю, говоря, что не хочет *болтунью* иметь женою (Прим. автора).

обуревала злобную и коварную душу. Юноша вскипел гневом и не мог долее слушать злодея.

«Замолчи, змея! Отступи, не ползай на прахе дворянина!» – вскричал он, и его рука невольно упала на рукоять кинжала. «Вот зачем, – продолжал Теймбулат, – ты призвал меня, презренный убийца? Не удивляюсь: добрых дел и благородных намерений можно ли ожидать от человека, привыкшего упиваться кровью честных людей! Тот, кто дышит изменою, питается плодами козней и обмана, пресмыкается, как ядовитая змея, с улыбкою друга встречает того, кому скрытно готовит гибель, водит гнусную толпу наемных убийц, подкупает подарками продажных певцов, чтобы презрительными их устами, в которые природа, во гневе на человечество, вдохнула дар стройно, высоко петь, действовать криво и низко, пятнать славу уважаемых и прославляемых воинов^А, наконец, тот, кто недостойн имени дворянина и готов на все гнусные дела, чтобы только прослыть *кровавым* – способен только на подлости».

Теймбулат замолчал, но порывы благородных чувств волновали грудь его. Привычка притворства едва удерживала Канлы в продолжение гневных упреков юноши. «Дерзкий мальчик!.. Ты дорого заплатил бы за твои слова в другое время, и заплатишь когда-нибудь, – проговорил он глухо, стал на колени подле надгробного камня и с чувством произнес: – Друг злополучный! Ты знал чистоту моих намерений, ты знал мою преданность к тебе; услышь и теперь, если в гробу живут чувства, мои увещания и ответ своего сына... Друг...»

«Не называй моего отца своим другом! Святое слово: дружба никогда не было доступно тебе на деле, а он всегда был ему доступен!» – прервал Теймбулат, но он был остановлен глухим шумом, который стал раздаваться под землею. Гроб пошатнулся с грохотом. Канлы отскочил и притаился в углу; юноша был изумлен необычайным движением неподвижного жилища давно умерших. Молния брызнула в то время дождем фосфорных лучей, и Теймбулат, увидев испуганное лицо Канлы, с презрением улыбнулся. Гроб открылся, и мертвец в саване поднялся из него; молния снова осветила бледное, страшное, окровавленное лицо его; ветер, с ужасающим ревом дувший в отверстие гробницы, сердито потрясал лохмотья сгнившего савана и обнажал израненное, облитое запекшеюся кровью тело. Теймбулат содрогнулся. «Друг! – сказал мертвец дрожащим голосом, – друг благодарный! Ты не изменил еще памяти забытого сыном отца. У меня нет уже более сына, и я отрекаюсь от него. И ты оставь недостойного сына несчастного отца. С неотомщенной кровью, запекшеюся на моих ранах, явлюсь я к предкам, и их проклятие падет на голову отверженного сына!».

---

^А Зависть и мстительность заставляют черкесов прибегать к таким низким средствам, чтобы запятнать имена отличных людей, которым явно не смеют вредить; вследствие того вошло у них в поговорку, что когда намереваешься искать покровительства там, где никого не знаешь, то обратись к тому, которого больше поносят, ибо его достоинства, вероятно, вооружили противу него злословие завистников. И в самом деле, это часто бывает справедливо (Прим. автора).

Голос мертвеца постепенно слабел; он, казалось, хотел еще что-то сказать, но пошатнулся и упал на дно гроба, испуская стон. «Боже мой!..» – вскричал, пораженный ужасом юноша. Стон еще не переставал издаваться из гроба его отца, когда свалились камни с гроба его матери; другой мертвец поднялся и, когда молния снова рассекла мрак, полуистлевшее женское лицо показалось сквозь выющиеся в беспорядке локоны. «Сын мой! отверженный сын!» – произнес жалобно мертвец и зарыдал. «Милосердный Боже! Это она! Матушка!» – вскричал отчаянный юноша и хотел броситься в объятия страшной тени, но она упала в гроб и могильным голосом произнесла: «Мщение!» Юноша остолбенел от ужаса, стон под землею утих.

«Тени, страждущие и за гробом, успокойтесь!» – сказал Канлы, преклонив колени пред гробами. «Не рука малодушного сына, а рука друга отомстит за вас, и кровью виновной жертвы омоет на груди твоей, друг злополучный, запекшиеся раны...». Канлы вышел из гробницы.

«Куда? Ты меня оставляешь?» – проговорил несчастный юноша.

«Да, оставляю пресмыкаться у ног убийцы твоего отца!.. – отвечал Канлы. – Если когда-нибудь вспомнишь, что рожден носить оружие, а не ножницы¹⁴⁹, тогда я, быть может, и не отвергну отверженного сына», – прибавил он удаляясь, и скоро за ним послышалось падение камней, их дребезжание и тихий шум чьих-то шагов за гробницею, но все утихло. Канлы остановился внизу скалы. «Начало недурно! Посмотрим, что будет далее», – проговорил он. Со скалы начали спускаться две тени, которые, при блеске молнии, казались мертвецами. Взглянув на них, Канлы захохотал и пошел далее; тени последовали за ним и скрылись в лесу.

Если бы я писал теперь для потомков народа, охотно верующего могуществу нечистой силы в делах человеческих, то говорил бы с глубочайшею уверенностью в истине предания, оживляющего мертвецов; в противном случае, меня почли бы неверующим; если бы я любил повести, которые сколачиваются для разнообразия и занимательности скрытными пружинами, я одел бы моих мертвецов непроницаемою тайною только до последней главы чистосердечного моего сказания, но к чему скрывать, что мои мертвецы были живые люди? Да, они были живые – мужчина и женщина, злобною ненавистью Канлы и коварными его замыслами обращенные в мнимых мертвых.

Теймбулат был еще молод, неопытен; его душа, чистая, как лазурь Божьего неба, не подозревала еще в людях ни лютости тигра, ни ядовитой хитрости змеиной. С детства он привык слышать, что тела неотмщенных воинов не гниют и выходят из гробов своих звать мщение на голову убийц. Потому поверил он теперь, что его отец и мать требуют кровавой мести, требуют крови его друга. Он с ужасом повторял: «Отверженный сын! Недостойный сын!».

«Предательски погубить друга! – произнес он отчаянным голосом. – Нет! отец мой! нет! ты неспособен этого требовать... Джембулат виновен только тем, что принадлежит к роду виновного... Боже! мне предать моего благодетеля в руки убийц! Мне изменить другу! О нет, никогда! Джембулат!

Что бы ты сделал на моем месте? Прочь, недостойная мысль! Он, великодушный друг, раздробил бы череп тому, кто осмелился бы предложить столь позорное дело! А я?.. я выслушал, и кинжал не был ответом злодею!».

Мечь жгучим зерном падает в сердце горца, порой таится в преданиях целые столетия, вспыхивает снова в позднем поколении, и позднее поколение обливается кровью мщениа. Иногда не знают достоверно, отчего загорелся пожар мщениа между предками кровоместников, но мечь горит в темных преданиях, и кровь загашает его пламя. Природа дала черкесам более, нежели другим народам полудиким, умственных способностей, но суеверие затемняет их рассудок, предрассудок оковывает умственные их способности пагубными цепями грубого невежества.

Канлы задел слабую струну врожденного чувства горца, чувства мщениа и суеверия – юноша преодолел первую его попытку. Увидим последствия.

III

Он, любовник страстный и пылкий, был погружен в сладкое упоение надежд и ожиданий, но какой-то непонятный страх волновал пламенную душу его: наступал час свидания с *нею*, час блаженства! С каким нетерпением ждал он заката солнца! Наконец и оно закатилось; ночь окутала мраком землю; вот и он на месте свидания, но там никого нет еще, никто не ожидал его прихода. Ад сомнения вспыхнул в его уме, запылал в сердце. Любовник всегда мнителен, недоверчив; любовь притупляет у него другие чувства, кроме чувства любви и страдания, любви и ненависти. Сии противоположности вечно неразлучны с любовью, и потому не должно ни удивляться им, ни разгадывать их: они, подобно любви, неразгадаемы и неуловимы; их нельзя довольно изъяснить словами. Но скажите по чистой совести, не испытали ли вы сами таких чудных явлений обыкновенной жизни? По крайней мере, если бы мы спросили Джембулата, он вместо ответа проклял бы и жизнь и свет, которыми нельзя наслаждаться не любя, а любя нельзя не страдать! Рассудок его, может быть, опасаясь заразиться горячкою, занявшею квартиру в его голове, взял почетную отставку. Кровь в нем кипела, бушевала, сердце билось, руки дрожали, невольные вздохи вырывались из его груди. Он любил дикую поэзию природы, любил угрюмое уединение глубоких пещер, мрачную тень вековых лесов, томный ропот прозрачных ручейков, серебристою струею сверкающих среди зелени цветущих лугов; громкий шум нагорного потока и бурные волны вешних вод, дикие скалы и гранитные утесы, мхом обросшие; любил следить и парящих над ними, рассекая тучи, орлов: он к ним привык, и среди их жизнь его, жизнь наездника смелого, текла бурно, но утешительно и обманчиво для его воображения, напитанного с юных лет честолюбием отважного наездничества. Теперь он ненавидит людей и природу. Порой молния ли пробежит или луна проглянет сквозь тучи – он содрогается, боится, чтобы ночь не прояснилась: тогда прохожий может его заметить; боится и непроницаемого мрака ночи, грохота грома и рева бури. Что с ним

сделалось? Безделица: княжна не является на свидание – и только. Непогода может утратить юную девушку, и она не придет. Одна такая мысль лишает его терпения. Протяжный напев раздался вдали и постепенно приблизился к нему. То пел опоздалый путник, пел песню, посвященную памяти несчастной любовницы смелого наездника. Джембулат любил петь эту песню в часы тоски и радостей любви, но теперь и любимая песня раздражала нетерпеливого любовника, а всему была виною княжна. Где она? Что ее задержало? Неужели она изменила своему слову?

Княжна и не думала изменять своему обещанию: назначенное ею свидание было необходимо для ее покоя; но девушкам высшего звания чрезвычайно трудно у черкесов видаться наедине с мужчиною: злословие может лишить их доброго имени и надежды быть женою уважаемого человека. Свидание ночью и в саду – и для опытной женщины дело трудное. Но все-таки черкешенки большие мастерицы на то, потому что им иначе и нельзя видаться с любовниками, которых племя, как Израилево, рассеяно по всему лицу земли. Модных магазинов нет у них, а также, к великому сожалению, не бывает и маскарадов, где почтеннейшие супруги, среди невинных удовольствий, ищут друг друга и, увы! не находят до конца маскарада... Вечная слава тому, кто изобрел маскарады! Какое удовольствие может быть выше маскарада? Вы тут ищете жену свою в образе амазонки – если вы любите воинственных женщин, или под одеждою римлянки – если вы обожаете величавую древность, или под эфирным нарядом сальфиды – если вы любитель мифологии, ищете и не находите, а между тем в вашей голове возникают беспокойные мысли: не с домашним ли другом жена ваша изволила уехать? И роскошь сильнейшего ощущения обдает вас бурными волнами, и вы... Я уверен, что черкесские красавицы полюбили бы маскарады, и когда ворочусь в горы Кавказские, непременно подам голос в пользу учреждения маскарадов, если буду участвовать в советах о важных делах, а принимать участие в совещаниях у черкесов дело очень немудреное: во-первых, надобно иметь богатый конский завод; во-вторых, дожить до седых волос, а в-третьих... но к чему тут третий пункт? Главное – конский завод и седые волосы; я постараюсь дожить до седины и собрать пропасть лошадей; однако же, я подам голос в пользу маскарада тогда только, когда сам не буду женат; в противном случае – слуга покорнейший: ни за что в мире не соглашусь на такой отважный подвиг! Но оставим наше дело грядущему времени, как самое важное для нравственного преобразования полудиких народов, и возвратимся к княжне.

Занятая тревожными мыслями о предстоящем свидании, она притворилась больною, а может быть и действительно была нездорова. Добрая попечительница княжны, встревоженная ее болезнью, призвала старуху, слышшую знающею заговаривать припадки хорошеньких девушек от глаз недобрых людей. Старуха шептала какие-то невнятные слова, и дула в лицо больной. Княжна была бледна и в сильном волнении. Старуха повторила несколько раз свои шепоты и всякий раз зевала протяжно и крупные слезы выкатывались из ее мутных глаз. Попечительница радовалась,

что старуха зевает так часто; это было, по ее мнению, знаком облегчения страдания больной. Наконец княжну уложили спать. При ней остались попечительница и служанка, и они, утомленные заботами дня тризны, скоро уснули. Тут княжна отворила растворчатые оконницы и вышла в сад. Она спустилась украдкой к источнику – одна! Княжна могла бы иметь посредника или посредницу, которые облегчили бы ей свидание или переговоры с любимым наездником, как то в подобных случаях водится, но она не хотела, чтобы третье существо знало *тайны ее сердца*, следственно, ей оставалось действовать самой. Приблизясь к источнику, она услышала шелест шагов – и девственная грудь ее взволновалась страхом, дотоле ей неизвестным: ее колени дрожали; она прижалась к дереву в безотчетном испуге, но счастливый Джембулат спешил к ней.

«Ты ли это, княжна?.. Ах! как я боялся, как я страдал, думая, что ты уже не придешь!.. Я было потерял надежду видеть тебя!..» – говорил он, держа в своих объятиях встревоженную красавицу, и жаркий поцелуй слил на мгновение два существа в одну пламенную жизнь. Так, я думаю, случилось, хотя предание и молчит о столь важном предмете, но он неизбежен при подобных случаях, как известно всем...

Счастливец не долго наслаждался своим счастьем; княжна вырвалась с негодованием из его объятий. Он молчал; у него не доставало сил говорить.

«Я пришла сюда не как позорная женщина для утех, не как безумная девушка – прижаться к груди любовника... Нет! Я пришла увидеть человека, достойного уважения, достойного быть мужем женщины, уважающей самое себя и достойной уважения гордого наездника!» – сказала княжна твердым голосом, и ее слова пали в душу страстного любовника громовым ударом и пробудили его от оцепенения.

«Княжна! зачем такое огорчение, такие колкие слова! Я не желал бы их слышать. В глазах моих ты не простая женщина и не обыкновенная девушка: ты составляешь для меня все-все, чем живут, дышат и ценят жизнь. Без тебя на что мне жизнь, свет и счастье? И о чем мне говорить, если не о любви моей к тебе, когда я думаю о тебе только одной, о тебе или с тобою хотел я бы только говорить наяву и мечтать во сне... Княжна! ты меня не понимаешь... Если бы в тебе таилась хоть искра того непостижимого огня, каким пылает мое сердце, сгорает моя душа, – ты не вынесла бы мучения, ты сгорела бы; твоя слабая девственная грудь разорвалась бы на части – нет! не дели со мною таких чувств... ты их не переживешь, а твоя жизнь дороже мне собственной жизни, дороже всего!»

«Перестань, князь, говорить голосом ребенка, – прервала гордая княжна, и счастливец упал с неба, его мечтою созданного. – Я хочу слышать не ребенка, не бредни любви юности, – важные дела призвали меня сюда. Правда, женщине неприлично вмешиваться в важные дела, но если обстоятельства, если судьба выводит ее из тишины, из семейного круга, на поприще опасное, не должна ли она гордиться своею суровою судьбою? Как бы то ни было, надеюсь, Джембулат, не лишиться твоего уважения, если судьба выведет меня из тихого семейного, природою и обычаями

предназначенного женщине убежища...». Она замолчала, и гордая, восхитительная улыбка пробежала по прелестному ее лицу, освещенному в ту минуту бледными лучами молнии. Князь слушал ее, едва понимая ее слова.

«Что мне за дело до других, когда я с тобою, княжна? Каким делам пожертвую я минутами моего блаженства, минутами, которые провожу с тобою! Оставим, княжна, и дела и все на свете, будем говорить о любви, о счастье семейной жизни... Если я люблю тобою, княжна, как ты мною, я счастливейший человек в мире – недостает только одного брачного союза...».

«Он должен быть скован цепями славы», – прервала княжна, гордо подняв прекрасную свою голову. Джембулат содрогнулся.

«Я обыкновенный человек, – возразил он несколько угрюмо, – но меня знают в нашей земле столько, что моя жена не может стыдиться моего имени; не довольно ли того? Для чего же мне искать славы и богатства, если во мне не меня самого желаешь ты видеть, а бессмысленную молву безумной черни?»

Княжна сильно вздохнула. Никогда честолюбие, дело случая, и любовь – закон природы, так сильно не боролись в гордой душе ее, как теперь, и природа восторжествовала бы, но судьба не того хотела.

«Мать моя! подкрепи мои силы... – проговорила она тихо и прерывающимся, но твердым голосом и довольно громко сказала. – Нам нельзя здесь оставаться долго. Слушай, князь: в немногих словах хочу я высказать, почему согласилась на свидание, которое может лишить женщину уважения людей: преступная страсть или презренное безумие должны управлять чувствами женщины, если она решится одна, в полночь, в глуши, упасть в объятия мужчины... даже и тот, кому она жертвует собою, не должен ее уважать! Но причина, меня побудившая, оправдает мой поступок, и надеюсь, я не потеряю, Джембулат, твоего уважения, даже и тогда, когда судьба разлучит нас навсегда...».

«Княжна! умоляю тебя: не говори, что мы можем быть разлучены навсегда... Такое слово убивает меня! Скорее судьба разлучит меня с жизнью, нежели с тобою!»

«Увидим. Дай только мне все высказать», – сказала она, сильно встревоженная. Оба молчали несколько времени. Оправясь, наконец от волнения, княжна продолжала:

«Ты знаешь, Джембулат, что смертью моего брата древний род наш почти пресекся в мужском колене: отцу моему недолго жить – он стар и недужен. Неутешно плакала я о потере брата, но судьба готовила мне еще ужаснейшую потерю. Моя мать, и без того уже слабая здоровьем, в преклонных годах огорченная потерей единственного сына, впала в тяжкую болезнь и не встала более с постели... Неотлучно сидела я у ее изголовья, изнемогая в горести и страхе... Не успела я оплакать смерти брата, как уже обливала горькими слезами смертный одр матери. С наступлением ночи (это было в пятницу), ей было очень тяжело. Она велела позвать имама; между тем выслала всех – одна я осталась с нею. «Укрепись, милая дочь, – сказала

она, – укрепишь духом, выслушай последнюю волю умирающей матери. Дни мои кончились, и скоро наступит вечная ночь. Солнце не осветит мне более ни юных взоров твоих, ни всегда спокойного лица отца твоего...» Я зарыдала и бросилась обнимать добрую мать. Холодными руками прижала она меня, к окостеневшей своей груди. «Хочешь ли выслушать меня, дитя мое – исполнишь ли последнюю волю мою?» – спросила она, стараясь удержать свои слезы. «Готова исполнить все, что тебе угодно», – проговорила я, едва удерживая рыдание. «Спасибо, мой друг, за твою любовь ко мне... Сотри теперь слезы, дитя мое, и слушай мои слова...» Я повиновалась, а матушка, сложив указательные пальцы крест накрест^А, продолжала: «Я умираю, и твоему отцу недолго остается жить. Ты одна, без родителей, милое дитя мое, останешься на родине, среди народа, который нас любит, среди князей, ненавидящих твоего отца и готовых праздновать прекращение нашего дома, покрытого славою нескольких столетий. Твоя жизнь, твоя судьба могут еще продолжить бытие знаменитого рода: хочу, требую, мой друг, чтоб ты совершила знаменитые дела, подобные сохраненным древними песнями делам предков твоих, чтобы и твои дела сохранились в преданиях и позднему потомству напоминали, что ты, дочь моя, была последнею отраслью знаменитого дома. Сама судьба предназначила тебе, по-видимому, необычайное место между современными тебе людьми, да и сон меня не обманывает... Дитя мое! когда в тяжких страданиях горести оплакивала я потерю сына, я упала в обморок, как мне сказывали после, но то было минутное оцепенение сил телесных; я не потеряла ни чувства, ни способности мыслить, а передо мною носилось таинственное видение... тень одного из твоих предков явилась мне. «Не плачь, княгиня», – сказал он, указывая вдаль. Я взглянула туда и увидела тебя, мое дитя, на светлых облаках. Под ногами твоими теснились толпы народа, над которыми волновались черные тучи дыма, и порою зарево пламени показывалось сквозь тучи. Вокруг тебя скоро образовалось чудное сияние, будто луч денницы, светлое, блистательное, прекрасное; потом подле тебя явилась лучезарная звезда; она горела ярко, пламенно, но скоро облилась кровавым морем, как иногда солнце в морозное утро, и опустилась...». Тут голос матушки прервался, – продолжала княжна с заметным волнением, облокотилась на плечо Джембулата и дрожала. – Матушка после продолжительного молчания начала: «Дитя мое, не нам, грешным, разгадывать Божии предопределения... Я призвала имама узнать, что говорит святая книга о видениях во сне. Имам долго читал книгу и задумался глубоко; слезы брызнули из глаз его на золотые листы святого писания. «Княгиня! не скрою от тебя сказаний святой книги: нам угрожают великие опасности, наша земля обольется кровью, пламя пожрет наши жилища, но твоя дочь прославит отчизну, и дела ее затмят знаменитые подвиги

---

^А В старину родители таким знаком делали завещание своим детям на смертном одре. Сие обыкновение и теперь нередко встречается как остаток прежнего исповедания черкесов (Прим. автора).

славнейших ваших предков!» – сказал имам. Сказание святой книги, дитя мое, очевидно доказывается, когда простым рассудком станешь следить нынешнее положение нашей земли. Где знаменитые князья, которыми гордилось жанинское поколение? Где отважные наездники, имена которых ужасали враждебные племена, предводимые которыми витязи рыскали на берегах Дона? Их нет уже... могила взяла их! А между тем татары и страшный хан крымский угрожают нашей беззащитной земле! Твой отец смотрит в гроб, и после него отчизна осиротеет... Есть еще у нас храбрые князья, окруженные отважными шайками, но кто соединит их усилия в одно, а без того отчизна погибла!.. Ты одна, милая дочь, можешь это сделать: женщина знатного рода, одаренная от природы умом, характером, прелестями, кого не заставит покориться своей воле, если будет в состоянии покорить собственное сердце воле рассудка, если она будет не рабой своих женских чувств, а повелительницей самой себя и своих страстей? Постепенно угасающая жизнь твоего отца – одна преграда татарам, с алчностью готовым ворваться в нашу землю. Со смертью его отчизна покроется пламенем... земля родная обольется кровью... Ты одна, дитя мое, остаешься в знаменитом доме; ты одарена красотой и умом; месть, слава и отчизна призывают тебя к подвигам громким, а обстоятельства служат тебе подручниками и предохранят от ядовитого жала злословия; каждый твой благородный поступок будет свят в глазах целого поколения. Милая дочь, когда нас – меня и твоего отца – не станет, пожертвуй собою благу родной земли, мщению за кровь неотмщенного брата и славе угасшего своего рода!.. Дитя мое! поклянись исполнить последнюю волю умирающей матери, и я спокойно сойду в могилу...». – Ее голос ослабел от усиленного напряжения; она замолчала, но смотрела на меня так выразительно, так страшно, что я затрепетала от страха и зарыдала, плакала долго, хотела слезами утешить тоску – напрасно! Между тем матушка страдала в смертных судорогах; смотря на ее положение, я сама не менее терзалась... Боже мой! как мне были тяжелы эти минуты!.. Наконец я отерла слезы, едва переводя дыхание, стала на колени пред умирающей матерью и поклялась исполнить ее волю, пожертвовать собою... И тут совершилось в моих глазах чудо: едва только произнесла я клятву, страдания умирающей прекратились; ей стало так легко, как будто она исцелилась от смертного недуга; в ее глазах тихо отсвечивался небесный огонь! Но, увы! то были последние лучи угасающего солнца! Бедная матушка была уже на краю гроба. Нежно прижала она меня к охладевшей уже груди своей, но не могла говорить... Подняв глаза к небу, в немом уповании, она поручила меня попечению Провидения... Матушка испустила дух в моих объятиях... я закрыла ей глаза...»

Княжна замолчала: горестные воспоминания стеснили ее девственную грудь. Джембулат с искренним участием слушал ее, и не один вздох вырвался у него в продолжение трогательного, но еще более странного рассказа княжны.

«Если бы мог я высказать, как сильно мое сердце принимает участие в твоих горестных чувствах, я считал бы себя счастливым! Но ты, княжна,

поймешь, что все, касающееся до твоего спокойствия, мне дорого!»

«Джембулат! дай мне высказать всю исповедь души тревожной, пробужденной горестными воспоминаниями, и тогда увидишь, какое участие можешь ты принимать в моей, быть может, слишком суровой судьбе... Я уже сказала все, что было со мною, и ты видишь: не я иду навстречу бурь жизни, женщине не предназначаемой, но сама судьба зовет меня... Верю судьбе: сколько раз во сне являлась мне матушка, повторяла свое завещание, заставляла и меня повторить мою клятву! Да, я верю судьбе и пойду по ее воле вперед новою стезею, исполню данную умирающей матушке клятву... мне нельзя уже воротиться – я поклялась... Уже поздно мне внимать желаниям сердца и завидовать робкой, но счастливой жизни женщин, жизни неизвестности! Нельзя – поздно!»

Восторженная девушка замолчала на минуту. Изумленный Джембулат также молчал, со страхом ожидая, чем кончится рассказ княжны.

«Я не страшусь битв, – продолжала она с возрастающим жаром, – не утрашу смерти, но слабая женщина, что могу я сделать оружием?.. Я соединю судьбу свою с судьбой того, кто в страшную годину отстоит грудью отчизну, принесу мое сердце в жертву тому, чья рука отразит татар, когда они устремятся на селения, на достояние нашего племени. Я не пощажу жизни своей для славы родины. Вот мое предназначение, Джембулат, и я не могу, я не должна помышлять о счастье сердца, если оно не будет связано с целью, мне предназначенною...» Сильный вздох вырвался из ее груди.

«Твердостью духа, – продолжала она после краткого молчания, – предприятием высоким, я разорву пределы скромного назначения моего пола... Во мне, в слабой женщине, явится создание необыкновенное: стан воинов заменит мне дом отцовский, их клики радостью отзовутся в моей душе; отчизну заставлю я дивиться моим делам, и передам их с моим именем позднему потомству! Последняя отрасль знаменитого рода, я сделаюсь первою в нем, первою и в громких преданиях отечества. И среди тревог войны и народного волнения сохраню я неприкосновенно и добрую славу женщины. Я достигну чего желаю: употреблю мой ум, мою волю, и ими одержу победу над природой женщины... Заставлю воинственное поколение вооружиться, подвигну его на неслыханные подвиги, соберу ополчение многочисленное, необычайное, отмщу за кровь брата кровью татар – или славою дел, или гибелью в предприятии необычайном исполню завещания матушки – завет судьбы. Но счастье – его нет для меня на земле! Я не могу заглушить навеки в женском сердце чувства женщины, я не могу не любить *его*... Но что ж? если он уважает меня, меня любит, тогда не все еще погибло... есть еще и для меня счастье...»

Восторженная княжна произнесла последние слова, мечтая, как будто в забытии: она забыла, что ее слушают. Она стояла молча и в сильном волнении. Ее воображение горело, кровь ее кипела.

«Довольно, княжна, довольно! – сказал растерзанный любовник. – Теперь я знаю обстоятельства, заставляющие тебя решиться на дела, несвойственные твоему полу, и мое уважение, мое участие к тебе

увеличиваются, а моя любовь безраздельна, неизъяснима... составляет для меня жизнь и все, что мило нам в жизни... и если я взаимно любим... я счастливейший человек!..»

«Любим ли ты взаимно?.. Если бы я могла высказать, как сильно люблю тебя!.. Но пустой звук, суетные слова могут ли, должны ли выражать неизъяснимое чувство?.. Нет, Джембулат: я люблю тебя так сильно, так пламенно, что если бы я могла высказать ее, любовь мою, она потеряла бы высокую, небесную свою прелесть, не была бы так чиста, как небо, вдохнувшее ее в сердце лучшего создания божества, лучшего украшения природы – в человека!»

Страстная красавица упала в объятия изумленного князя. Они оба молчали, но в их молчании было высокое красноречие любви! Порывы честолюбия, воспламененного суеверием, были заглушены чистой любовью женщины... ненадолго: княжна и в минутном забвении не забыла завещания матери, принятого ею за волю судьбы.

«Я должна все высказать тебе, единственный друг! – продолжала княжна. – Закон природы создал мое сердце для одного тебя; я не знала еще любви, когда уже любила тебя!.. Я была еще ребенком, когда твои взоры зароняли в мою грудь какую-то непонятную тревогу – то был зародыш любви моей... С годами она усиливалась, и я таила в груди моей огонь, зажженный неугасимо, но обстоятельствами до сей минуты скрытый от людей. Теперь ты знаешь, взаимно ли ты любим мною, и я счастлива... счастлива, по крайней мере, тем, что ты разделяешь мои чувства...»

«И как разделяю! Но зачем, княжна, не быть нам счастливыми и не одними надеждами? Зачем не освятить взаимные чувства наши законами обряда... зачем...»

«Это зависит от обстоятельств и от тебя. Когда ты разорвешь преграды к нашему соединению браком, тогда счастливая княжна будет достойною женою прославленного человека... Я сниму тогда с себя тяжкие оковы сурового предназначения судьбы, и в привязанности к тебе найду завидное счастье женщины. Не сомневаюсь теперь в будущем счастье нашем: оно зависит от тебя. Джембулат! из любви ко мне, посвяти себя Отчизне...»

Джембулат содрогнулся и отступил от прекрасной княжны, столь пламенно его любящей: в нем вспыхнуло чувство благородного самолюбия.

«Перестань, женщина! – сказал он, прервав речь княжны суровым голосом разгневанного воина. – Создание слабое, ничтожное! Вспомни, с кем говоришь!»

Пораженная словами его, красавица с изумлением стояла молча, а Джембулат отрывисто проговорил несколько слов, будто яро себя: «Какой стыд... какой позор... безмолвно слушать, когда женщина нам говорит: *из любви ко мне посвяти себя Отчизне!*.. Из любви к ней... из любви только к женщине любить Отчизну!»

Молчание продолжалось несколько времени.

«Скажи, гордая княжна, как могла бы ты без презрения видеть человека, в груди которого обыкновенная любовь к женщине воспламеняет святую

любовь к Отечеству, любовь высшую в нравственном мире человека, как божество среди творений, недоступную существам подлым, как добродетель отцеубийце? Ничтожный огонь, который мы попираем ногами, может ли зажечь во мраке великолепное солнце?»

Порыв самолюбия сильно взволновал благородную душу Джембулата. Но любовь к княжне сильно с ним боролась.

«Я люблю тебя, княжна, – продолжал он, несколько смягчив голос, – люблю, как может и должен мужчина любить прекрасную женщину, даже еще больше... Жизнь без тебя не будет для меня иметь цены. Но если бы эта любовь могла составить и сотую долю моей любви к родине, я был бы достоин презрения. Ты свободна, гордая княжна, от ранних надежд моих, свободна от безумных моих желаний. Моя любовь к тебе не более дождевой капли, падающей в волны моря, в сравнении с моей любовью к родине!.. Как! я сравню прах с бессмертием?.. Нет! в любви к отечеству я люблю Бога, люблю мою честь, спокойствие моей совести; украшаюсь высочайшим достоинством человека, а в любви к женщине мы любим самих себя, ищем суетного, временного блага мимолетного, как красота и верность женщины, как счастье! Горько обманулась ты, княжна, если во мне полагала найти преклонного раба обманчивому кумиру. А чтобы в гордой душе твоей не являлось и тени самолюбивой мысли, будто я для тебя лишь жертвую собой отечеству, я отказываюсь от моих желаний, от мечты делить с тобою жизнь, радости и печали, посвятить тебе душу и чувства мои... Силой рассудка заглушу я тревоги души страстной, и мечты исчезнут перед существенностью, пред рассудком, как мгла ночи исчезает перед солнечными лучами... Отчизне грозит опасность – я пойду навстречу опасности, навстречу смерти, но не для тебя, гордая женщина, не из любви к тебе, а для блага и славы родины!»

«Между нами все кончено: я сказала, что мне поздно повиноваться внушениям сердца... Клятва, данная мною умирающей матери, положила мне преграду к счастью женщины», – сказала княжна спокойно. Молния пробежала по тучам, и блеск ее осветил очаровательную улыбку на розовых устах княжны. Джембулат смутился; она заметила его смущение.

«Женщина, как ни была она горда, имеет право на покровительство мужчины, и я надеюсь, что князь Джембулат проводит меня до безопасного места», – сказала она и тихо пошла. Джембулат вывел ее из сада. Они молча подошли к дому и расстались молча; любовь и честолюбие сильно боролись в их душах.

IV

КНЯЗЬ ДЖЕМБУЛАТ И ВЕРНЫЙ ЕГО СЛУГА БОРЕН,
СРЕДИ ДИКИХ СКАЛ, СЛУШАЮТ ИЗБАВЛЕННОГО ИМИ ОТ
ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ УЗНИКА, РАССКАЗЫВАЮЩЕГО СВОИ
НЕСЧАСТИЯ И СТРАДАНИЯ

(Быль)

«...Мои избавители, кто вы такие и какими судьбами посланы на спасение погибающего?.. Ваши лица мне незнакомы, но знали ли вы меня прежде моего заключения в этой ужасной пещере?..

Вы возвратили мне жизнь, вырвали меня из челюстей голодной смерти, но человек, может статься, некогда бывший чем-нибудь, а теперь бесприютный на земле, чем может заплатить вам за ваше благодеяние?»

«Само Провидение послало нас на твое избавление, и хотя мы не знали тебя прежде, однако ж поверь, что радуемся всей душой твоей свободе; просим только не обременять нас благодарностию; мы ничего для тебя не сделали – мы были только орудиями благой воли Промысла», – отвечал великодушный князь.

«Добрый человек! Не имея права требовать твоей откровенности, я хочу, по крайней мере, открыть тебе всю мою жизнь, хочу, чтобы ты знал коротко человека, обязанного тебе сохранением жизни, и еще более – свободою. Прошу меня выслушать. Мой рассказ, может статься, будет продолжителен, но только прямою откровенностию могу изъявить мою признательность...»

Джембулат с участием пожал руку узника, и он начал историю своей жизни и своих страданий.

«Нас было два брата, – сказал он, – родители наши рано скрылись в могилу, оставя нас, бесприютных сирот, на попечение чужих рук, которые при их жизни не отрывались никогда от их достояния, но после их смерти скоро отказались от нас. Мы сделались бы жертвою голода и нужд нищеты, если бы благотворительный имам нашего прихода, человек богатый и добрый, не призрел нас, несчастных, покинутых неблагодарными друзьями наших родителей. В течение пятнадцатилетнего пребывания нашего в доме его, мы знали недостаток по одному его названию; мы всегда были одеты хорошо и во всем находили изобилие. Он любил нас, как собственных детей, которых было у него двое, сын и дочь. Первый был моих лет; мы вместе с ним учились святой книге и в детстве нежно любили друг друга, а впоследствии были искренними друзьями... Малолетняя его сестра почитала меня братом; я давал ей уроки. Жизнь наша текла тихо, приятно. Мы были счастливы. Но судьбе угодно было подвергнуть нас испытаниям ужасным...»

«Мой брат, еще юный летами, но давно возмужалый духом, был нрава беспокойного. Имея характер жестокий, свирепый, непокорный, склонный к буйству, он начал оказывать неповиновение воле нашего благодетеля; дерзкими поступками волновал умы своих ровесников в нашем приходе, над которыми имел удивительную власть; они его слушались, боялись и готовы были по первому его вызову оставить свои дома, скитаться вместе с ним в дебрях лесов, гоняясь за дикими зверями. По временам соседи жаловались, что он отгоняет их телят в лес, там режет их и пирует с товарищами. Он был всегда угрюм, мрачен и дик среди забав соучеников; не любил чтения, гнушался званием муллы. По ночам уходил он скитаться по берегу моря, когда на море свирепствовали бури: мрак, уединение, непогода казались милы одичалой его душе, а в хорошие, ясные дни он скучал, томился. Ничто

не могло заставить содрогнуться это страшное создание; никакие увеселения не склоняли его к забавам. Он спал всегда одетый и с кинжалом на поясе. Однажды наш благодетель уговаривал его учиться прилежно, покинуть странные свои привычки, и между прочим сказал ему, чтобы возбудить в нем соревнование, что я учусь хорошо и буду муллою, между тем как он не достигнет и звания муэззина^А. «Если он будет муллою, я его зарежу! Что мулла, что баба, все равно!» – вскричал он, и глаза его налились кровью и засверкали огнем негодования. Добрый имам покачал головою и оставил его».

«Редко оставался он целые сутки дома, а куда отлучался, никто не знал, кроме его приятелей. Однажды возвратился он ночью, поздно, однако же я сидел еще за уроком. «Наконец и я богат – я хозяин драгоценной вещи!» – сказал он, с восторгом показывая мне длинную винтовку. «Где же ты достал?» – спросил я. Он улыбнулся, но его улыбка была нечеловеческая; в ней было что-то дикое, ужасное! «Где? А! Тебе хочется знать?» – отвечал он и вынул кинжал; я содрогнулся: запекшаяся на кинжале кровь обличала его преступление; он сам был обрызган кровью!..

Сон его был всегда беспокоен, но в ту ночь он, видимо, страдал во сне; то умолял он Бога простить ему убийство невинного человека, то страшился призвать на помощь Бога и говорил, что поздно уже воротиться на путь веры. Прежде, бывало, ветер ли зашумит на дворе, или собака залает, он мигом вскочит с постели и бежит навстречу опасности, а теперь я звал, будил его – напрасно: он стонал и не просыпался. Совесть мучила несчастного. Я поспешил к имаму и рассказал ему все, что видел и слышал. «Я этого ожидал!» – вскричал добрый имам и заплакал.

Утром мы узнали, что в соседнем ауле, ночью, кто-то напал на крепостного слугу тамошнего владельца, который нес ружье своего господина от оружейника, изранил его, бросил запертво и с ружьем скрылся. Убийца, без сомнения, был брат мой. Добрый имам призвал его к себе и допрашивал наедине.

Напрасно хотел он запертаться: бледное лицо, волнение, беспокойные взоры обличали в нем преступника. Наконец он признался во всем. «За убийство невинного человека пусть меня казнят по приговору шариата – я не страшусь смерти, но ты прости меня за мои ослушания, прости мою неблагодарность!» – говорил он с чувством; в нем не совсем еще была потрачена совесть. «Прощаю тебе все прошедшее, если только впредь станешь слушать добрые мои советы. Несчастный, жертва твоего заблуждения еще жив, и я все дело устрою», – сказал имам и сдержал свое слово. Но не здесь было последнее преступление Донекея».

Узник замолчал: страшные воспоминания стеснили слабую его грудь. Джембулат и его спутник беспокойно взглянули друг на друга при имени человека, который не был чужд цели их предприятия.

---

^А Муэзин – помощник имама, главного духовного лица в селении. Эфенди – значительный сан духовный; мулла гораздо менее его (Прим. автора).

«Не прошло полугода, – продолжал узник, – как его винтовка поразила уже не одного путника. Донекей¹⁵⁰ презрел благодеяния имама, добрые советы друзей покойного отца, которые на деле были неблагодарны, но не жалели слов; он скрылся в дремучие леса с шайкою разбойников. Первый шаг его ознаменовался кровью несчастных соседей, возбудивших его ненависть к себе неодобрением его прежнего поведения. Я долго оставался еще в доме нашего благодетеля, который страдал, как добрый отец, от преступлений Донекея. «Если бы, – говорил он часто, – я успел влить в его душу веру, он был бы поборником ислама в земле язычников; неустрашимость, железная воля, характер твердый, как гранит, глубокий ум и поразительное красноречие, все такие чудные дарования, соединенные в нем природою, чего не совершили бы? Но шайтан (да будет над ним проклятие!) за грехи наши поселился в его голове, и он погиб невозвратно!». Слезы сопровождали слова его.

«Мне нельзя было долго оставаться у нашего благодетеля; родственники убитых Донекеем и его шайкой ограбленные, видя меня у имама, угрожали ему мщением, и жизнь моя не раз подвергалась опасности. Что мне оставалось делать? Я удалился к брату, не находя места, где мог бы приклонить гонимую голову свою, кроме жилища имама, но его подвергать опасности не хотел я ни за какие блага. Один только Бог знает, как страдал я, переходя от дел, вере посвященных, к делам преступления, но я был молод, неопытен; мои чувства не были еще укреплены в наставлениях веры... И буйная жизнь разбойника мне понравилась, отуманила мой рассудок; я привык к людям, которых прежде ненавидел, которыми гнушался, привык и к одичалой жизни разбойника, и толпа преступников сделалась моей семьею; я соревновал превзойти их... О Боже! Как несчастлив юноша, лишенный попечения родителей, и без них кинутый судьбою в волны житейских бурь и страстей!...».

Страдалец закрыл руками лицо; крупные слезы покатались градом из глаз его.

«Скоро забыл я страх Божий и наслаждался, подобно окружавшей меня ватаге разбойников, плодами преступлений. Мы далеко зашли на ужасный путь душегубства. Ничто не трогало кровожадной души Донекея; люди с беспокойным нравом, с запятнанною совестью, но отважные, все к нему стекались, и он повелевал ими, бродягами, которые не хотели повиноваться никому, не терпели над своею волею господина, бросили свои дома, но покорились Донекею. Такова была сила его характера, таково было могущество его непоколебимого духа. Плоды отваги и разбоя прославили имя Донекея, обогатили его и возвели выше дворян, наших повелителей; долго участвовал [я] в его ужасных делах, и, зачем скрывать грех, заслужил похвалу и уважение ватаги убийц и грабителей... Провидение, наконец, сжалилось надо мною; жизнь моя мне опротивела, и тогда-то почувствовал я все ее ужасы! Моему воображению представились кровью облитые трупы несчастных жертв свирепой толпы, которой мы предводительствовали, и я не имел уже более покоя: во сне и наяву, перед моими глазами лилась кровь и

пылали пожары; вопли несчастных раздирали мой слух... Иногда видел я во сне целый ад, со всеми его ужасами, видел и Страшный суд – да, я их видел и наяву: я носил сам в груди своей ад, а в душе Страшный суд! Лишенный покоя, я скитался и не смел обращать глаз к небу, не смел призвать имени Бога, не смел просить у него помилования. Бездна преступлений, которых был я свидетелем и участником, ужасала меня: я не мог самому себе простить моих дел и не ожидал ни от кого в них прощения. Еще несколько месяцев скитался я с отуманенным разумом, заглушенной душою, сердцем омертвелым, но с бодрствующею, страшно бодрствующею совестью! Еще не раз видел я льющуюся кровь. Первою страстью кровожадной души Донекея было – прославиться, и безумный народ прославлял его ужасные дела; одно имя его наводило страх на отдаленные поколения. Я был с ним везде. Боже! Я не смел еще к тебе обратиться!»

«Я не мог долее оставаться в таком мучительном состоянии, – продолжал страдалец, – и начал умолять брата бросить гнусное ремесло, но напрасно: мой страх к Богу он почел малодушием; оскорбленный его грубостью, я решил его покинуть и покинул. – Едва только освободился я от сообщества убийц, казалось, тяжелая ноша угрызений совести, столь мучительно терзавших мою душу, свалилась с меня, и я почувствовал утешительное торжество раскаяния. Тогда-то узнал я, что никогда не поздно обратиться к Создателю. Как человек неблагодарен: Всевышний дал ему веру, раскаяние и надежду для врачевания болезней его души, а он не умеет их ценить, ими пользоваться!»

«Я упал на колени и раскаялся в грешных моих делах: совесть моя успокоилась. Мне только оставалось избрать место жительства, и я не замедлил возвратиться в дом благодетеля нашей юности, спеша усердным попечением успокоить его старость, но его уже не было в живых; сын его, нежный товарищ моей юности, великодушный друг в моих несчастиях, радушно обнял меня. Его сестра, как полная луна, украшала отцовский дом с прежнею детскою невинностию; она встретила меня, но, взглянув на меня, смутилась и отступила; я был уже не тот счастливый, беспечный юноша, который давал ей уроки, забавлял в часы досуга; на лице моем, опаленном зноем и бурями страстей, лежали тяжкие следы буйной жизни и страданий души; в моих одичалых взорах отражались признаки свирепых дел разбойника – я не мог ее приветствовать; но в душе моей возникло дотоле неизвестное мне чувство. Добрая девушка была смущена моими взорами, против моей воли и моего рассудка выражавшими что-то, дотоле ей неведомое. Она робко хотела удалиться под предлогом, будто не хочет мешать нам, но когда узнала, что я возвратился навсегда, она обрадовалась, и ее радость не была притворна; румянец запылал на ее щеках. «Слава Богу! Часто плакала я, когда батюшка рассказывал нам о тебе!» – сказала невинная девушка в тревоге неожиданного свидания. Ах! Как полюбил я в эту минуту добродетель и непорочность. Сария была добродетельна и непорочна, как пери¹⁵¹! Но каков был и мой ужас, когда я узнал, что за несколько дней до моего возвращения Донекей требовал ее в жены себе, и услышав

неожиданный отказ, с угрозами удалился. Я хорошо знал свирепый нрав моего брата и ужаснулся сей вести; его угрозы никогда не проходили даром; за ними следовало страшное мщение. Оставалось одно средство предупредить несчастье: Сарии вручить свою судьбу Донекею. Чего бы то стоило для меня! Я чувствовал, что с нею одною только мог я быть счастлив; скоро и в ней приметил я взаимные чувства, не сомневался в любви ее. Но Донекей был могуществен в нашем крае; гнусная, но храбрая его ватага была страшна, и я, конечно, не нашел бы защиты на родине, женясь на дочери покойного имама; однако же и мне не ново было знакомиться с отвагою. Ни леса, ни горы, ни даль не могли положить мне преграды идти к соседним племенам, где я имел друзей: и среди преступлений я свято чтит дружбу, и меня уважали, мне доверяли; я мог вдали от родины найти спокойный приют и быть счастлив с доброю Сариею; я так сильно полюбил ее, что без нее я не полюбил бы снова ни жизни, ни людей, не мог бы жить... Но свидетель небо, что чистосердечно решился было я пожертвовать своим счастьем благополучию брата, и успел уговорить моего друга отдать сестру свою за Донекея. Оставалось согласить ее; и в том я надеялся успеть: женскому сердцу свойственно тщеславие, да и какая девушка в наших горах не пожелает быть женою человека, имя которого прославлено безумным народом, один взгляд которого дорого ценят наши красавицы! Но как неожиданно обманулся я: дочь добродетельного человека, воспитанная в страхе Божиим и в строгих правилах веры, могла ли согласиться быть женою человека, однодневные злодеяния которого превосходили преступления целой жизни первого злодея из его ватаги убийц! «И ты желаешь моего несчастья? Чем я заслужила твою ненависть?» – сказала она в ответ на мое предложение, обращаясь ко мне, и отказала решительно. Крупные слезы отчаяния катились по алым ее щекам. Мы умолкли».

«Минута, когда я хотел бросить ангела в объятия сатаны, была последним моим преступлением. Донекей не замедлил объявить мне гордую, повелительную свою волю, чтобы я оставил дом покровителя нашей юности и отказался навсегда от дружбы его сына. Мне надобно было или покинуть в минуту опасности друга, оставя его жертвою мщения раздраженного и могущественного разбойника, или вместе с ним идти навстречу опасности. Я не колебался бы в выборе, но сам он предупредил меня: «Ты любишь мою сестру, – сказал он однажды, когда мы остались одни, – и она к тебе неравнодушна; теперь от тебя зависит жениться на ней и дружбу нашу утвердить родством, или исполнить волю своего брата; во всяком случае знай, друг, что моя сестра не будет женою неблагодарного чудовища».

«Добрые люди! Вы меня не знаете, но я не был способен изменить дружбе. Презрев угрозы брата, я заключил с другом союз родства, и Сария стала моей женою по законам Корана. Я не клялся любить ее: не в моей власти было не любить Сарии, и мы были бы счастливы, если бы злоба людей не преследовала нас».

«Сбылось со мною все, – продолжал он, – чего я должен был ожидать: гонения и бедствия с тех пор пошли по моим следам. Скоро был я принужден

покинуть родину. Расставаясь с местами, любимыми мною с детства, я оплакал могилу родителей и удалился с женою в чужое племя, враждебное с моею родиною; сердце мое разрывалось на части, оставляя родную землю. Везде есть добрые сердца, посылаемые с небес Провидением для утешения страждущих на земле; я нашел их в бедной Абхазии и там, под чужим небом, в чужой земле, провел восемь лет. В Абхазии я нашел гостеприимство, но на чужбине и сладкий мед горек пришлецу. Однако ж мы жили и в изгнании довольно спокойно и счастливо. Друзья мои доставляли нам все нужное для достаточной жизни, а бережливость и трудолюбие моей жены делали из того изобилие; мой друг неотлучно находился с нами, и мы были довольны судьбой, хотя злоба, неразлучная с человеком, как недуг, иногда нарушала наш покой. Так прошли восемь лет; казалось, мы будем наконец в состоянии сносить без ропота суровую участь изгнания, но – мы обманулись горько!»

«Небо благословило печальные дни наши на чужбине детьми; научась чужому наречию, они стали коверкать родной язык. Тут разрушился наш покой, и грустное изгнание превратилось в мучительную тоску по родине. Добрая моя жена не жаловалась, не роптала на судьбу, но обнимала детей и плакала, когда они не могли выговаривать правильно названия родных мест, которым она их учила. Ее слезы падали на мое сердце мучительною болезнью, и болезнь моя была неизлечима: то была тоска по родине; душевные мои страдания становились ужасны, невыносимы. Я все возненавидел; даже перестал посещать соседей в часы их увеселений, не мог уже предаваться радостям. Невинные забавы малюток моих терзали мою душу. «Зачем, – думал я, – суждено им родиться и расти на чужбине? Я умру. Они здесь останутся, и на поругание моей памяти, их будут звать пришлецами, изгнанниками, а там, на родине, изменниками!» Мне не было уже нигде отрады, и я решился испытать ожесточенную за прежние грехи судьбу мою. Под благовидным предлогом отлучась из дому, я поспешил на родину, забывая опасности, могущие там меня встретить».

«Кто объяснит восторг, наполнивший мою душу, когда я достиг предела родной земли? Тут, казалось мне, шум водопада, журчание горного потока, шелест ветвей, зеленые холмы, дубравы радостно меня приветствовали! Я бросился в тихие волны прозрачной речки, напоющей землю милой родины, и жадно глотал чистые струи, которые казались мне слаще душистого меда Абхазии, страны гостеприимной, но все-таки мне чужой. Пора была весенняя; плоды на деревьях еще незрелы, но я сорвал несколько диких груш, и жадно ел их: они прозябали под родным небом. Тут постиг я вполне, что нет счастья вне любезной родины! На чужбине все нам чужое: язык, обычаи, нравы – ничто, ничто не сродняется там с нашею душою, с нашими чувствами. Будь ты предан чужбине всею душою, тебя принесут в жертву тому, кто отца родного продаст за золото: он *свой*! Будь твои слова чище истины, как слова Божьей книги, но им не поверят: ты *чужой*!.. О, ядовита судьба изгнанника, горька участь пришлеца!..»

«Я хотел одним взглядом обнять родину, одним чувством слиться со всеми там живущими, хотел сообщить им мою радость, плакал, как дитя, от

избытка чувств и, как дитя, гонялся за пестрыми бабочками, досадуя, что они улетают от меня: я не мог им сообщить, что в ту минуту и заклятого врага, жителя родной земли, прижал бы я к моей груди с нежностью брата. Куда ни обращал я глаза, везде видел знакомые предметы, ярко освещенные золотыми лучами полуденного солнца – как я был счастлив, Боже мой, в ту минуту! Со слезами на глазах следил я светлые тучи на синем своде родного неба, и молчал... молчал, не имея сил выразить восторг воскресшей души... Я упал на колени и безмолвно благодарил Провидение, приведшее меня видеть снова родину. Настала ночь; я поспешил прямо в дом Донекея, надеясь доверенностью смягчить жестокое его сердце. Он принял меня с распростертыми объятиями. «Прости, брат, мою жестокость и забудь прошедшее», – говорил он сквозь слезы и клялся впредь жить в согласии со мною. Тут все было предано забвению. Лета, казалось, смягчили суровый нрав его. И как он был обрадован, когда узнал, что у меня два сына! «Бог милосердный, – сказал он, – не назначил мне упрочить наш дом, кровавыми руками мною основанный: одичалый от бурной тревоги, я уже не намерен на старости жениться – не хочу, чтобы мои враги, которым слава моя глаза колет, посмеялись над моими сединой. Но твои дети будут мне утешением на закате моих дней, будут знаком примирения неба со мною – я брошу все земное, суетное, и остаток грешной жизни моей посвящу Богу... Быть может, раскаяние откроет мне путь к нему». Он задумался; казалось, в самом деле, позднее, но чистосердечное раскаяние успокаивало пробужденную воспоминаниями совесть его. До какой степени человек может погрузиться в преступное притворство!»

«Вырвавшись из объятий брата, поспешил я к моему семейству. Жена моя приняла весть о нашем примирении с невыразимым восторгом, но ее брат выслушал меня с холодностью благоразумия и опытности: он советовал на чем-нибудь прочном основать мою доверенность к брату. Я не послушался его совета, презрел все предосторожности, совесть моя их отвергала, и – как ужасно я раскаялся! Я поспешил на родину с семейством и другом. Что меня там ожидало? На другой день по возвращении, в ту самую минуту, когда я совершал молитву, напали на меня, безоружного, гнусные исполнители воли жестокого Донекея и лишили меня свободы¹⁵²».

«Как? Возможно ли?» – вскричал Джембулат с благородным негодованием; возвышенная душа его ужаснулась столь подлой, ужасной злобы. Мог ли он предвидеть, что сам погибнет жертвою убийства?

«Да, меня лишили свободы, – продолжал узник, – и с тех пор я влачил жизнь в оковах; заключенный в мрачной темнице, четыре месяца не видал я Божьего света... Наконец мне определили голодную смерть, и живого похоронили в пещере, где вы нашли меня. Я жаждал смерти, какого бы она рода ни была: одна смерть могла прекратить мои страдания. Я не ожидал пощады от людей, в сердцах которых не было и тени Божьего страха, но мои мучители приготовили мне жесточайшее терзание, какое только может выдумать закаленная в преступлениях свирепость кровопийцы. Когда бросали меня в пещеру, глазам моим представился умирающий друг мой,

скованный в цепях. Я бросился к нему и сжал его в моих объятиях... О Боже! Я чувствовал, как жизнь его угасала... видел, как его глаза сомкнулись... Он умер в моих объятиях, а я?.. я остался жив!»

«Не знаю, долго ли я лежал без памяти на холодном трупe друга, но когда опомнился я, был уже скован теми же цепями, в которых он испустил последнее дыхание. И тут злодеи лишили меня последнего утешения, – держать в своих объятиях тело друга до последней минуты моей жизни: руки и ноги мои были уже в кандалах. Мне оставалась одна отрада – умереть в тех же цепях, в которых умер он, друг несчастный... Но я не могу узнать от моих цепей, что сделалось с моим семейством? Живы ли мои дети, или и их взяла могила? Жива ли моя жена... или... Я ждал смерти, не без ропота, но без страха, и просил Бога ускорить мой конец... Ему угодно было, чтобы я жил еще на сем свете... Но что мне в жизни? Я пережил друга; может быть, пережил и семью свою... Боже! Смиренно покоряюсь твоей воле».

«Бог милостив! Он сохранил твою жизнь, сохранит и твое семейство. Ты лишился друга, но я заменю его!» – сказал Джембулат и обнял страдальца.

Избавители узника исполнили его настоятельное желание, вынесли из мрачной пещеры труп утраченного им друга, завернули его в бурку, отважным горцам часто заменяющую кров и саван, положили на его плечи, и он пустился с вершины горы, навьюченный горестною, но драгоценною для друга ношею. Князь и верный слуга его с удивлением смотрели вслед за человеком, который за несколько часов пред тем казался мертв, а теперь шел быстро по вьющейся над бездною тропинке; привычная его нога не скользила, и для него не существовали опасности горных путей.

Так жизнь полудикого человека – свобода; он не знает, что она опасна, как огонь пожара, как бурные волны разъяренного моря, когда благотворные законы не полагают пределов ее порывам, ее заблуждениям, часто ужасным для человечества, как моровая язва. Жадные взоры освобожденного страдальца стремились на вершины гранитных скал родной страны, следили над утесами парящих орлов; он, казалось, хотел передать им свою радость о свободе, которой был лишен так долго и так ужасно!

Джембулат задумчиво осматривал окрестные места, когда потерял из вида узника. Хотя уже был полдень, но туман дымился еще на долинах, а тучи сходились над вершинами гор; на земле все было печально, угрюмо; облака, вечно волнующиеся, как человечество, заволокли небо; порой, однако ж, яркие лучи солнца пробивались сквозь тучи и освещали лучезарным сиянием великолепные картины горной природы.

«Убей меня гром, если я когда-нибудь так досадовал на себя, как сегодня, – говорил Борен, – слезы навертывались на моих глазах; я был готов заплакать, словно баба, слушая несчастливца! Я боялся, что он, бедняжка, задохнется, как Макова ласточка^А, прежде нежели кончит свое

---

^А У черкесов сохранилось предание, что в доме дворянина Макова зимовала ласточка, отогретая жалостливою хозяйкою, нашедшею ее после холодной осенней ночи. Настала весна, налетело множество ласточек, и бедная Макова гостья, встретив своих сестриц, до того обрадовалась, что задохлась от непрерывного щебетания (Прим. автора).

повествование; правду сказать, было что и порассказать! Убить невинного человека, дело, конечно, неприятное, но на это бывают иногда причины. Жизнь, право, не так дорога, как думают; по крайней мере, я более рассержусь на того, кто меня разбудит от сладкого сна, нежели на того, кто зарежет меня разом: надобно же когда-нибудь умереть! Но брата осудить на голодную смерть, живого человека похоронить – это ужасно!.. Боже мой! К какому зверю мы попались!»

Джембулат молчал, не обращая внимания на слова Борена, который за добычу готов был зарезать всякого, но без добычи вороны не спугнул бы с куста. «Да, куда мы забрались? – продолжал Борен. – Смотри: под нами и над нами облака! Не в гости ли на второе небо? Ведь их семь, как толкует по пятницам имам, будто он ездил туда за ушлиром^А, до которого он охотник, что волк до мяса!» Джембулат позволял иногда шутки верному своему слуге.

«Что ж, если мы и взобрались на второе небо, тем лучше: мы предупредили ангела смерти, который, говорит мулла, возносит на небо наши души, когда ударит последний час бедной нашей жизни; за такое избавление его от путешествия на землю не будет ли он снисходительнее к нам? Как думаешь, Борен?»

«Как хочет поступи он с моею душою, когда возьмет ее к себе, – отвечал Борен, – но пока она гостит у меня, я должен позаботиться, чтобы она не голодала и была довольна всем, а то, пожалуй, вздумает еще бить челом на меня: ведь твой мулла говорит, что в день страшного суда все члены человека будут сваливать свои грехи на душу, а ей, бедняжке, и винить некого!»

Между тем Борен наполнил вином турий рог, оправленный серебром и, осушив его, нахмурился.

– «Вино-то хорошо, – сказал он, – но вот что дурно: этот рог, черт бы его взял, напоминает мне преглупую штуку, которую я сделал когда-то».

«А что такое ты сделал?» – спросил князь.

«А вот что: тому, не помню, два года, или две зимы, я был на Буге, еще в первый раз. Милостивая хозяйка подала нам вино – чудесное вино, вот в таком, точь-в-точь, турином роге. Она улыбнулась, подавая вино, и примолвила, что бокал подарен ей Донекеем, который, когда бывает у нее в гостях, всегда выпивает из него вино залпом и не морщится. Хозяйка-то была любимица черта, к которому мы пожаловали теперь, не в добрый час. Вот я вздумал подражать этому демону. «Налей-ка, душенька, – сказал я, – и увидишь, что выпью и я не хуже твоего Донекея». «Да, разница большая – пить у порога домашнего и в поле среди опасностей», – отвечала она, лукаво улыбаясь. Тут все захохотали, и я смутился, как никогда прежде не смущался. Хорошо, что я был давно уже красен, как перец, а то разом покраснел бы от пят до ушей, и тем было бы хуже: тогда все приметили бы мое смущение. С тех пор желал я видеть Донекея и рад, что увижу его. Посмотрим, глотает ли он пули и запивает ли кровью! Но прежде всего

---

^А Десятая часть хлеба, которую муллы получают от поселян (Прим. автора).

надобно быть осторожными: этот сорви-голова, говорят, старых друзей приносит в жертву новым, а новых иногда отправляет в Анатолию любоваться садами или на дно моря ловить жемчуг. Экая голова удалая!»

Борен осмотрел свое оружие.

Князь подал ему еще вина. «Славное вино! Зачем ты не пьешь вина, Джембулат? Как можно из пустословия муллы лишать себя такого наслаждения! Не пить вина – так лучше умереть: пьяному только и жить на свете – ему все весело!», – говорил Борен, осушая бокал за бокалом. Наконец в глазах у него потемнело, голова стала тяжела, и ноги уже не повиновались. Он лег и скоро захрапел богатырским сном; правая рука его крепко сжимала рукоять кинжала.

Джембулат также лег отдохнуть, но сон долго не смыкал его глаз: он размышлял о том, что слышал об ужасном человеке, которого намерен был увидеть в годину опасности. Донекей мог доставить отчизне Джембулата сильную помощь, но помощь обремененного гнусными злодеяниями человека теперь стала ему казаться постыдною. Дума долго боролась в душе его, пока сердце не заговорило: мысли обратились к прекрасной княжне; он вздохнул. Наконец природа взяла и над ним свои права; он заснул чистым, спокойным сном, после доброго дела посещающим человека; порой только он произносил имя княжны – и сон не изгоняет из сердца образа любимой женщины... Счастлив тот, кто нежно, пламенно любил и был взаимно любимым: в часы уныния сладостные воспоминания даже о былом восторге облегчают тяжкую грусть печальной души.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. [V]*

Жанинцы язычники, поклонявшиеся божествам предков, нетерпеливо ждали заката солнца; они готовились совершить один из годовых языческих обрядов. Наконец солнце закатилось; последние лучи его, ярким румянцем одевшие тихо блуждающие по синему своду неба тучи потухли; настала ночь. Земля утонула во мраке; на небе там и здесь загорелись таинственные факелы, но в домах язычников все еще было темно и не видно огней.

«Где наш старик? Пора бы нам *Созереса*^A на молитву призвать; верно уж народ начал молебствие», – сказала пожилая хозяйка в одном из языческих семейств. «Куда же ушел батюшка?», – спрашивали дети отсутствующего хозяина, но никто не знал, куда ушел он и где был теперь. «Не хорошо, что он стал больше уважать муллу, нежели святых покровителей предков», – сказала хозяйка и вздохнула. «У соседей не видать еще огней; авось и батюшка придет скоро», – сказал один из сыновей. «Хорошо, если придет, но

---

* Кроме собственной нумерации глав второй части, мы для удобства пользования текстом приводим и сквозную нумерацию (Ред.).

^A По-осетински: *Хоари-алдар*. Сходство языческих поверий черкесских и осетинских показалось мне замечательным, и потому помещаю здесь и осетинские названия языческих черкесских божеств (Прим. автора).

боюсь, не придет», – отвечала, печально качая головою, мать. Между тем возвратился и хозяин.

Он был угрюм, какая-то беспокойная задумчивость отражалась в его взорах. «Народ хлопочет совершить молитву, а мы сидим, не зная, что делать! В году много времени на грешные дела, так можно было бы один вечер отдать и Созересу», – проговорила хозяйка. «Народ! Безумный народ! Разве мы опоздали? Ну, пойдем, старуха; притащим бездушного уroda, которому ты хочешь поклониться», – отвечал грубо хозяин и вышел. Молча последовала за ним хозяйка. Они подошли к хлебному амбару, и хозяин вошел туда. «Старуха! лови Созереса, чтобы его голова не расшиблась!» – сказал хозяин, бросив оттуда обрубок дерева с семью сучьями. Этого-то идола называли *Созересом*; он, по мнению жанинцев, покровительствовал земледелию.

«Созерес! Не прогневайся на нас за грешную речь его!» – шептала хозяйка, с благоговением поднимая идола. «Что ты ворчишь там, старуха? Не хлопочи о моей речи, а лучше подумай о себе!» – говорил муж идолопоклонницы, сходя по лестнице. Он вырубил огня, подал жене; она зажгла семь восковых свеч и прилепила их к семи сучьям Созереса. Во всех окрестных дворах то же самое происходило в ту пору, и тысячи огней засверкали вокруг жилищ язычников: одни поднимались на холмы, другие спускались в овраги, и движение иллюминированных идолов, с которыми шаг за шагом подвигались вперед язычники, имело какой-то торжественный вид. Хозяйка шла с открытою головою; муж, к ужасу ее, не снимал косматой шапки, и порою, когда тревожная дума, видимо тяготившая его душу, оставляла угрюмое чело, презрительная улыбка была вызываема на его уста суеверными словами набожной идолопоклонницы. Двери распахнулись; все семейство отступника старшины встретило идола с глубоким благоговением, и сам он, движимый привычкою многих лет и необходимостью не смущать своего семейства, снял с себя шапку. Идола поставили на разложенных посреди хижины подушках; все семейство, от мала до велика, взявшись за руки, в виде русского хоровода, окружило его.

«О Созерес! Благодарим тебя за урожай нынешнего лета. Созерес! Молим тебя и в будущем даровать нам богатую жатву. Созерес! Молим тебя охранять наши хлеба от кражи, наши амбары от пожара!» – произносила нескладными стихами, но с величайшим благоговением хозяйка, и каждый раз при остановке все кричали: «Аминь!» и обходили идола. Кончилось молебствие. Созереса вынесли без всякой церемонии и заткнули под потолок хлебного амбара. Тут открылось пиршество. Хозяйка с младшими детьми ушла в кухню и вскоре возвратилась с кушаньями и напитками; языческое семейство занялось изобильным ужином. К концу ужина хозяина не было уже в его семействе; он тихомолком ушел из дома. Это огорчило всех.

«Мало ли простых дней в году, но нет-таки, и в день божий пойдут толковать о мирских делах! Прежде и в большой пост (пятницу) и в маленький пост (среду) добрые люди боялись всеу сказать слово, но зато и было времечко-то благодатное – дети рождались здоровые, румяные; падежа

не было на скот; урожай бывал всякое лето такой, что не знали, куда и девать хлеба!.. А теперь, о Созерес! о Ахин! Что будет с нами! Соседка наша полюбила веру татар и перестала было праздновать *мерием*, день *грома*; на прошлой неделе она послала дочь свою за телятами. День был красный*, но вдруг тучи сдвинулись, молния заиграла и грянула гроза; дождя не было, и бедную девушку схватил гром; один ее башмачок остался на земле. Грешная мать раскаялась, все праздники празднует; над башмачком дочери навзрыд плачет, да видно, уже нет пользы; у нее и телята-то все подошли!» – говорила суеверная хозяйка; дети слушали ее со страхом. Почти так же толковали в тот вечер во всех домах язычников в знакомом нам ауле князя-старшины жанинского поколения, когда старшины, кончив поспешно молитву Созересу, ушли из домов своих к ужасу домочадцев.

Кстати сказать здесь несколько подробностей о религиозных заблуждениях черкесов во времена их язычества. Они верили многобожию и, подобно другим народам во времена грубого заблуждения ума человеческого, воздавали божеские почести веществу тленному, хотя грубые заблуждения не совсем затемняли в них рассудок человека, стремящийся к верованию в *Творца* неба и земли. Во времена язычества предков нынешних черкесов, главнейшие роли в их мифологии занимали следующие божества:

Бог лесов (*Мезитх*)^A, по их мнению, располагал жизнью зверей, и потому обращались к нему с мольбою об успехе на ловле. В поверьях своих черкесы представляли его ездящим на *золотошестинистой* свинье, и по его повелению олени сходились на лугах, где какие-то девы доили их. Видно, он любил сливки. В семье богов занимал первое место бог наездничества (*Зейкутх*)^B, который должен был покровительствовать любимое ремесло черкесов. Хотя мифологические предания не осуществляют в формах этого Марса, но нет сомнения, что он, как многие воины в горском краю, был *на руку нечист*; после удачного набега оставляли ему в заповеданных рощах лучшую добычу из оружия или посуды, чему служат доказательством и поныне находящиеся в некоторых священных местах вещи, покрытые ржавчиною. Овцеводство имело божеством какого-то *Емиша*^C. Однако ж из преданий об нем видно, что между язычниками были и такие вольнодумцы, которые охотно издевались над своими божествами; по крайней мере, предания заставляют его разыгрывать совсем не божеские роли. Несмотря на плодovitость воображения язычников, изобретавших богов для покровительства всех предметов, у них не было божества для покровительства лошадей, из чего видно, что в старину лошадей они не знали. По крайней мере, одно забавное предание заставляет нас так думать. Рассказывают, что жители равнин, неизвестно каких, напали однажды на горцев черкесов, которые, устроив удачную засаду, разбили наголову

---

* Так в тексте (Ред.).

^A По-осетински *Афсати* (Прим. автора).

^B *Вас-керги* (Прим. автора).

^C *Фар-вара* (Прим. автора).

неприятеля. Сей случай доставил им в добычу много лошадей, но победители не знали, при дележе добычи, как поступить с такими странными животными, и наконец решились три белые лошади отдавать за одну вороную, две серые – за одну гнедую, в том предположении, что белые лошади стары, а вороные, напротив, молоды. Потому верно у них не было ни белых коз, ни других белых домашних животных, а между тем в собственной породе своей находили они множество упрямых стариков, доживших до седин, и такое дивное обстоятельство ввело их в заблуждение при дележе. Как бы то ни было, а один из стариков, обрадовавшись добыче, которая могла облегчить дряхлые его ноги, поспешно сел на доставшуюся ему лошадь, к несчастью своему, лицом к заду, и схватил ее за хвост, который показался ему самой удобною частью лошади для управления ею; едва лошадь побежала рысью, он слетел долой и перешиб себе ногу. «Если эти четвероногие журавли зайдут в наши горы, то мы погибли», – сказал глубокомысленный старшина, и тогда составили совет, что делать с четвероногими журавлями. Ареопаг приговорил резать всех лошадей. Добрые времена! Теперь не один черкес проведет любого цыгана, и каждый славно умеет ездить верхом, хоть на черте.

Самое любопытное божество был *Ахин*, покровитель рогатого скота. Я слышал рассказ очевидца празднества, отправляемого в честь его. Впрочем, Ахин не коренное божество черкесов; по крайней мере, часть Абхазии более имеет права на его благосклонность, как видно из того обстоятельства, что он избрал себе там постоянных поклонников и служителей. В Абхазии есть общество *Ардкоад*, в котором находится род, или семейство *Цсбе*, состоявшее назад тому около двадцати пяти лет из семи или восьми дворов. Это семейство ознаменовано особенным благоволением Ахина. Из стада его избирает он себе жертву, именно корову, еще не телившуюся. Когда наступит время осенью, по соображению, надобно думать, около Покрова, отправления Ахинова празднества, корова, избранная им, разными движениями и ревом дает разуметь хозяевам, что она удостоена чести быть принесенною в жертву божеству. Тут все семейство собирается к Ахиновой корове, моют ее молоком и после обычной молитвы выпроваживают из двора. Хозяин стада, из коего Ахин выбрал себе жертву, отправляется вместе с нею в путь, имея с собою *тхие* (вареное тесто, род освященной булки). Коровы не гонят, а *она сама идет к месту жертвоприношения*, хотя это место очень далеко отстоит, почему и называют ее обыкновенно *самошествовующею* коровою Ахина (Ахин итчем лерук). Она идет чрез места, называемые *Цзужуи* и *Чеккофи*, потом *Хмиш-тчей*, а потом переходит реку *Сфешу* и вступает в убыхское поколение *Сиаше*. Здесь Ахинова корова останавливается у двора рода *Чземух*; отдохнув, она вступает в путь, сопровождаемая крепостным человеком старшины *Чземух*, также с *тхием*, и сверх того с *черною* козою. Путь *самошествовующей* жертвы лежит через общество *Ордане*, где старшина из рода *Зейфи* принимает ее; отсюда также присоединяется человек с *тхием* и козою. Потом проходит жертва через общество *Десчен*. Тут старшины разных кланов присоединяются с *тхиями* и

козами к свите *самошествующей* и идут к месту жертвоприношения, называемому *Ахин-итхачех*, которое находится на вершине реки *Шахе*, и состоит из купы вековых огромных деревьев, на которых висят разные оружия, покрытые ржавчиною.

В старину почтение окрестных жителей к сему священному месту доходило до обожания: убийца, преследуемый кровомест-никами, спасался, скрывшись под тенью Ахиновых деревьев. Около сих священных деревьев живет с незапамятных времен *Берзековой* фамилии отделение *Бабуков*. Шествие Ахиновой коровы представляет любопытное зрелище с приближением к месту жертвоприношения: пестрые толпы народа идут с открытыми головами в праздничных одеждах и гонят множество *черных* коз. Ахинова корова, подойдя к священным деревьям, сама ложится под их тенью и остается в течение наступающей ночи на одном месте. Народ, ее сопровождавший, также здесь ночует, соблюдая некоторого рода пост – не едят и не пьют до следующего дня. Поутру по произнесении с величайшим благоговением молитвы, *самошествующую* корову лишают возможности далее шествовать, или просто приносят в жертву божеству Ахину. Следующие слова в молитве, при этом произносимой, особенно замечательны:

Я Оббе! Я Ахин!^A

Атчен-бэ яспи!

Стчен-бэ яспи!

Слово в слово переводя, значит:

О Боже! О Ахин!

Если и пойду – даруй мне!

Если и придут – даруй мне!

То есть, когда пойдут на войну и когда придут неприятели, в том и в другом случае, даруй, чтобы добыча досталась нам.

Один из странных обрядов жертвоприношения Ахину есть тот, что зарезанную жертву несколько раз переносят с места на место: там, где зарежут, не сдирают кожи, где снимут кожу, не раздробляют тела на части, и т. д. Под священными деревьями есть огромный ковч, полный *белым* вином; в день жертвоприношения, которое совершается через каждые три года раз, старшины пьют при произнесении молебственных слов перед закалыванием жертвы этого вина по чарке. Тут находится и вековой котел огромный, поставленный каким-то *Едиком*, как видно из преданий. В нем варят мясо Ахиновой жертвы. В одно время режут и пригнанных черных коз. По приготовлении козлиного мяса начинают пиршество – пьют, едят, поют и пляшут. Замечательно, что пляшут, снявши с себя шапки. Мясо Ахиновой жертвы разделяют по частям между посетителями и участниками жертвоприношения, носят его по домам и дают по куску (тейхх) каждому

---

^A Сии слова убыхские. Это доказывает, что Ахин – божество собственно *не черкесское*; однако ж в абедзахском племени и до сих пор *божатся Ахином*; следовательно, там народ его чтит наравне с своими богами. Сверх того, сие обстоятельство показывает происхождение абедзахов (Прим. автора).

домочадцу, и даже младенцам кладут его в рот. Кожу, голову и ноги Ахиновой коровы зарывают в землю, на месте жертвоприношения.

Верить ли, что корова, Ахином избранная, предузнает его волю и идет *сама* к месту жертвоприношения? Верить ли, что иногда, по случаю разлития горных речек и ручьев, сопутствующие Ахиновой жертве, принуждены обходить разливы вод, выбирать тропинки, лежащие по вершинам речек и ручьев, а корова бросается в реки и, переплывая их без *сопровождения людей*, достигает без них места жертвоприношения? Очевидец, рассказывавший мне неоднократно обряды жертвоприношения, не показывал и тени мысли, чтобы суеверие могло преувеличить истину и выдумать несбыточные чудеса, но мы с трудом можем верить в чудеса преданий старины. Однако же благоволите выслушать, а я вам расскажу в нескольких словах о начале обряда *самошествующей Ахиновой коровы*, шествие которой я имел честь вам описать.

На жителей окрестностей Ахиновой рощи неожиданно напало многочисленное сорище неприязненных племен, и много людей захватило в плен. Неприятель, никем не преследуемый в его отступлении, спокойно перешел через вершину *Ауш* и там расположился отдыхать. Добыча радовала неприятеля, и он предался разным увеселениям, пению и пляске. В упоении успеха, исступленные победители заставили плясать и пленниц своих. Одна из несчастных, беременная, напрасно умоляла оставить ее в покое. «О Ахин! Поневоле пляшу!» – говорила она, рыдая. Между тем толпы неприятелей начали проваливаться сквозь землю. Тут один из них, принадлежавший к роду *Цсбе*, закричал в отчаянии: «О Ахин! Если возвратишь меня домой, через каждые три года буду пригонять к твоей роще корову на жертву!» Он был спасен. Ахин принял его усердие; чему лучшим доказательством служит чудное обстоятельство, что корова *сама приходит* к Ахиновой роще в продолжение нескольких веков. Однако ж из рассказа видно, что Ахина и прежде чтили; следовательно, он после описанного события стал только особенно покровителем скотоводства. Место, где погибли победители, называется и поныне *местом складки пуль* (щехетлип)^A.

Ахин и его товарищи, боги времен язычества горцев, как ни были могущественны, но народ, не довольствуясь ими, чтил еще каких-то людей сверхъестественных. Кузнецы обожали *Ленса*, который делал сабли, рассекавшие целые горы железа. Очевидно, он был сын или ученик Вулкана. В песне, ему посвященной, которую обыкновенно поют при раненых, его умоляют о скором выздоровлении больного. В семействе Шумноковых¹⁵³ хранится древняя сабля, которую приписывают оружейнику полубогу; она была взята черноморскими казаками при разорении аулов Шумноковых, и впоследствии возвращена владельцам одним весьма известным в свое время и могущественным на своей родине человеком. Помню церемонию, которая

---

^A Проходящие и теперь оставляют там по одной свинцовой пуле. На вершине Кубани есть (по крайней мере, была не так давно) гробница, где лежало *негниющее* тело покойника. Посещавшие сию гробницу обыкновенно бросали на тело тряпку, в которую завертывали пулю. Любопытно бы узнать причину такого обыкновения (Прим. автора).

происходила по сему случаю. Человек двести подвластных и соприсяжников Шумноковых приехали в аул, и один за другим, подходя, прикладывались, по обычаю, к поле верхней одежды виновника возвращения родового достояния тогда весьма сильной фамилии Шумноковых. Об этой сабле есть много преданий, которые, может быть, я опишу когда-нибудь.

Весьма любопытны предания о *Саусруке*, самом замечательном воине сверхъестественном. В честь его один раз в году черкесы приготавливали пиршество. Кушанья и напитки относили ему на ночь в гостиную, а для его *саврасой* лошади приготавливали в конюшне овес и сено. Разумеется, *Саусрук* не приезжал: ведь он был один, так ему нельзя посетить в одну ночь всех почитателей своих; но случайно приехавший гость заменял его. Из песни, посвященной ему, видно, что он владел чарами и был лукав¹⁵⁴; замечательно также, что в песне, посвященной одному его современнику, упоминается о стране *Урис*, т. е. России. Подобных лиц было очень много, и они, как видно из преданий, не чуждались приятностей гарема, а много делали любовных проказ, чего нельзя сказать относительно черкесских богов. Впрочем, были у черкесов и богини; по крайней мере, ворожеи обращались с мольбами к каким-то *трем божественным сестрицам* (тхашерейпх-шерейпхуш). Были и русалки (психокоаш)^А; их представляли прекраснейшими девицами.

Но пора нам возвратиться к старшинам язычникам, которые, оставив свои пирующие семейства, безмолвно скрылись во мраке ночи. В окрестностях высокой горы, вершина которой была усеяна густыми рощицами, встречались люди, по два и по три вместе, молча входили в чащу леса, покрывавшего подножие горы, и там исчезали. Никто не нарушал мертвого безмолвия. Только птицы, спугнутые с гнезд своих шорохом шагов пришельцев, окликались в воздухе. Луна, изредка выплывая из-под угрюмых туч, бросала бледные свои лучи на дикие скалы и снова скрывалась, будто страшась показать кроткий лик свой злоумышленникам. Среди обширной на горе поляны угрюмо возвышалась дикая скала. Под нею была глубокая пещера, где, говорили суеверные жители окрестностей, собираются ведьмы и пляшут вокруг пылающих костров. В самом деле, теперь там пылал огонь, но сходились не ведьмы, а люди. Скоро в пещере собралось человек сто старшин, с пасмурными лицами, но со взорами, полными любопытства. Они молчали. В толпе стоял воин в бурке и в башлыке, с лицом закрытым. В пещеру вошел человек пожилых лет, и старшины с почтением окружили его; то был воспитатель нашей героини. «Старшины! – сказал он. – Я созвал вас сюда по желанию моей воспитанницы. Вы были свидетелями, когда сняла она с себя траур по брате, погибшем за нас. Вы видели, когда она снова надела траур. Последняя потеря ее была общая наша потеря, и мы вместе с нею оплакали отца жанинского поколения. У нас есть семейства, друзья, для нас на земле есть еще радости, а она с отцом похоронила все радости в гробу... Но, забывая горечь свою, она занимается нашей судьбою. Пусть сама княжна говорит с вами; она здесь». Воспитатель вышел из пещеры и

---

^А По-осетински – *Дон-Беттр* (Прим. автора).

скоро возвратился вместе с княжною и еще с одною особою под покрывалом. При появлении княжны старшины почтительно расступились.

«Старшины! Годы, когда мои ровесницы утешаются забавами и надеждами юности, провела я в слезах, – сказала княжна. – Смерть моего брата убила бедную мать мою – она умерла с горя. Прошло некоторое время; попечения отца не закрыли ран моего сердца, не успокоили меня, но любя его, я еще любила жизнь, и не хотела его пережить. Наконец, смерть и с ним разлучила меня, несчастную сироту!»

Грустные воспоминания стеснили грудь княжны; она замолчала. Печально смотрели на нее старшины.

«Провидению угодно было, чтобы я перенесла эти несчастья; оно закрыло мне путь в могилу, и я укрепилась, – продолжала княжна твердым голосом, хотя и видно было, что ее твердость дело усилия, и что ее сердце обливалось кровью. – Старшины! вы видели, с какой твердостью поднялась я на ноги под ударами бедствий – жизнь моя не мне, а родине принадлежит отныне: так угодно было тем, кому я обязана жизнью – таково их завещание, их последняя воля! Круглая сирота на земле, брошенная волею родителей, как ветвь ниспровергнутого ураганами дуба, в волны народных тревог и среди бурь суровой судьбы я снова привязалась к жизни, сделавшейся отныне моею обязанностью, и буду счастлива, если ценою страданий достигну исполнения воли моих родителей, и в смертный час не перестававших помышлять о судьбе вашей!..» Она замолчала.

Между тем, один из старшин выступил вперед и сказал: «Жанинский народ никогда не забудет благодеяний отца твоего, княжна, и признательность свою к его памяти докажет преданностью к его дому; пока ты жива, княжна, жанинский народ не будет ни в чьих распоряжениях, кроме твоей власти: это его желание, воля, которые высказал я потому только, что мои лета дают мне право говорить за других». Все старшины единодушно подтвердили слова своего представителя.

«Я не сомневалась в вашей признательности к памяти моего отца, который и любил вас не менее своих детей; не сомневаюсь, старшины, и в вашей преданности к его дому, и первой целью моей жизни будет ваше благо», – сказала княжна с чувством. Она продолжала: «Отец мой, старшины, видел, что земля наша истощилась от бедствий продолжительной войны с татарами, и желал на старости лет заключить мир с ханом и умереть в спокойные дни родины, но не мог того сделать, он знал, что мир с татарами опаснее для нас войны, и вел с ними кровавую войну, пока был жив... Он умер, и жанинцы – не народ, а князья и дворяне – обрадовались предложению мира ханом, который, испытав напрасно наше мужество, не устыдился прибегнуть к коварству и вместо тяжелой дани, прежде с гордостью требуемой, уничиженно просил по одной ложке со двора; жанинцы, храбрые, но не хитрые, вдалились в обман, не постигли цели ничтожной, смешной дани, и заключили мир. На князей и дворян посыпались щедрые дары хана; они думали: «не мы Магмет-Гирею, а он платит нам дань», – но тут скрывалось ужасное. Бахчисарай, где из костей наших отцов и

братии татары соорудили столбы, наполнился толпами наших князей и дворян; одни искали помощи и защиты Магмет-Гирея, других золото его привлекало туда, а он между тем не дремал, посредством ничтожной дани вызнал он число наших дворов, следственно, узнал и сколько воинов мы можем выставить, а посредством мирных связей вызнал нашу землю, наши способы, нашел у нас продажные души и – купил их. Князь **Канлы** предался всей душой татарам. Жанинцы приняли на постой к себе ханских сейменов^А. Джембулата не было на родине – тяжкая рана удерживала его за горами, а прочих князей Канлы согласил на постыдное дело: жанинцы уступили свои дома сейменам и – вот первая жертва нашей покорности татарам!» – Княжна указала рукою на особу под покрывалом. «Сбрось, моя милая, с себя покрывало, – сказала княжна, – истерзанное твое лицо, твои бедствия – наше унижение в твоём несчастье, пусть выскажут жанинцам, чем должны они омыть оскорбление, нанесенное в твоём лице их семействам!» Черное покрывало слетело с молодой женщины, и изувеченное ее лицо, изорванное платье, вырванные локоны волос ужаснули старшин, с негодованием узнавших, что она, по несчастью, понравилась начальнику татарской конницы, квартировавшей в одном из аулов жанинского поколения; услышав от нее отказ, злодей велел своему солдату бить ее под предлогом, что она неохотно насыпает овес в торбы его лошадей; бесчеловечное приказание было исполнено со зверской свирепостью, и бедная женщина просила покровительства княжны.

«Старшины! Ужас семейных бедствий, меня постигших, отнимал у меня силы приступить к исполнению намерений, которые завещали мне мои родители, и я молчала; но несчастье этой женщины возвратило мне силы, и я поспешила созвать вас, высказать вам мои опасения; будущее готовит нам оковы неволи, если мы сохраним мир с татарами...»

«Смерть татарам!» – раздались многие голоса в толпе раздраженных старшин. Один из них выступил вперед и сказал громко: «Кровь татар, оскорбивших наши семейства в лице несчастной (он указал рукою на молодую женщину), только кровь их может омыть наш стыд!» – «Идем на мщение, перережем татар, от нашего хлеба разжиревших!» – «Солнце – глаз Божий, и оно не должно осветить нашего стыда; омоем его в мраке ночи кровью оскорбителей!...» – так кричали другие. Негодование кипело в сердцах гордых жанинцев. Они ни минуты не хотели медлить и положили разослать во все аулы гонцов, чтобы каждый хозяин убил своего постояльца татарина. Но в ту минуту, когда старшины хотели разойтись, незнакомец, молча стоявший в толпе, воскликнул твердым голосом: «Остановитесь! Вы хотите быть убийцами гостей своих! Тайное убийство достойно людей презренных. В наших жилах течет кровь прославленных предков!» Старшины изумились, – то был **Джембулат**. «Он!» – вскрикнула княжна, и

---

^А Так называли черкесы крымских солдат. Из преданий видно, что *сеймены* во время владычества ханов над черкесскими племенами вели себя у них чрезмерно грубо и жестоко; до сих пор людей грубых, строптивых черкесы называют *сейменами*. О дани по *ложке* от двора и доныне сохранились предания (Прим. автора).

тихо склонилась голова ее на плечо воспитателя. Старшины почтительно окружили знаменитого князя.

[III]. VI

Народ, не имеющий письмен, не имеет и своей истории: о нем пишут другие. Он знает только, что его предки *жили*; таков обыкновенный порядок в мире – знает, что они и *действовали*: свидетельства их деяний доходят до позднего поколения. В чем же проявляются эти свидетельства? Разумеется, в остатках произведений рук, в оружии, утварях, зданиях и других вещественных памятниках былого, и в произведениях поэзии, в песнях, сказаниях, вымыслах, изустных преданиях, сохранившихся в памяти потомства. Земли племен, известных всему миру под названием черкесов^А, бедны остатками первого рода; однако же *бедность* сия не может ли послужить *богатым* предметом не совсем пустых соображений для изыскателя переворотов в судьбе кавказских народов? По крайней мере, народ черкесский, хотя он был чужд всякой гражданской образованности, отличаясь природным умом и воинственным характером, предохранял в течение многих веков свою самобытность. Чужеземное в старину влияние, оставившее в других частях Кавказа памятники своего владычества, не оставило здесь глубоких следов, ни безопасной своей власти, ни морального влияния, даже религия, Магометом основанная, вкоренилась в черкесской земле не влиянием военного мужества другого народа, но следствием посторонних, косвенных обстоятельств, которых должны мы искать только в умственных его качествах. Земли черкесского народа бедны остатками искусства, но как он зато богат изустными произведениями поэзии! Поэзия – жизнь, душа, память бытия древних черкесов, живая летопись событий в их земле! Она управляла их умом и воображением в домашнем быту, на съездах народных, в увеселениях, в печали, встречала их рождение, сопровождала от колыбели до могилы их жизнь и передавала потомству их дела.

Под словом *поэзии* разумею те высокие песни черкесов, где сохранились идеи о защите слабых, уважение ко всему высокому и прекрасному и к самому себе, мысль о том, что *потомство скажет*, словом – все благородные порывы души возвышенной, даже и пагубные страсти, увлекавшие черкеса к кровопролитиям, разбоям, но бывшие следствием не жажды добычи, а жажды дурно понятой славы. Эти *идеи* не заключались в одних словах – нет! они осуществлялись на деле: их внушала, им давала всемогущую силу небесная власть поэзии. Все народы знают поэзию: дикий обитатель пустыни и человек, утопающий в роскоши городов, поют [в] радости и горе; везде в человеческой семье, более или менее, живет поэзия –

---

^А Народ, известный под именем черкесов, сам себя называет *адыге*. Его составляют племена: кабардинское (Большая и Малая Кабарда), бесленеевское, мохошское, тчемргойское, хатикойское, хамышейское и черченеевское (бжедухи), абедзахское, шапсухгское и натхокоадьское; жанинское, хехотчское и вепснское почти уже не существуют (Прим. автора).

она часть человека. Но *следствия* ее влияния не одинаковы, даже чрезвычайно различны, и может быть, нигде различие не является столь резко, столь могущественно, столь общественно, как оно являлось у древних черкесов. И как явны благодетельные и пагубные следствия внушений поэзии и донныне в племенах черкесских, хотя на древних теперь они не похожи, и различия между нынешними черкесами и их предками весьма резки.

Не думаю, чтобы и песни Тасса¹⁵⁵ имели столь могущественные последствия для Италии, говоря сравнительно, как старинные песни черкесов на самое позднее их потомство. Доказательства тому – и какие еще доказательства! – найдете в каждом племени, даже нынешнем состоянии черкесов.

Что скажет иностранец, не знающий черкесского языка и обычаев, если увидит владельца в минуту раздражения? Тут вся ученая его начитанность вспыхнет рассказом о Янинском паше¹⁵⁶: этот убийца так же поступил бы и с родным братом, а жертва его раздражения есть жертва насилия *физической свободы*, но *не системы и укоренившихся узаконении*. Что сказал бы Паллас¹⁵⁷, если бы он увидел наездника, на исхудавшей лошади подъехавшего к дому, и тут, расспрашивая девушку о чем-нибудь, уронившего плеть, и когда та спешила поднять упавшую вещь, вдруг схватившего девушку и с нею ускакавшего? Знаменитый путешественник стал бы рыться во всемирном словаре для приискания более сильного выражения, нежели просто *разбойник*, чтобы заклеить разбойника-наездника. Согласен, что наездник точно разбойник, но если вы станете изыскивать *причины*, побудившие его к такому поступку, то придете к одному и тому же знаменателю, который бывает нередко причиной разграбления целых городов в Индии каким-нибудь *маэстром сочинять* реляции. Правда, тут есть разница очень замечательная: у черкесов наездник недавно женился, и чтобы ознаменовать такое блаженное событие, отправился в наезды, подвергаясь опасности, привезти добычу, но ею не воспользовался; он отдает ее первому попавшемуся гостю-приятелю.

Чем же все это произведено в народе полудиком, не имеющем ни писанных законов, ни гражданского устройства? Если бы вы знали его язык, нравы, обычаи и образ мыслей, знали всю силу древних *песен* и *преданий* черкесских и удивительное их *влияние* на воображение, и если бы вы от их почти невыразимого влияния приходили не раз в восторженность, вы сами отвечали бы на мой вопрос и, вероятно, рассказали бы ясно и выразительно многое, что черкес может чувствовать, но высказать недостает у него дара слова. Если бы вы родились от древних героев Рима и героинь Спарты, и тогда из любви к наукам, из бескорыстного желания исследовать тайные пружины морального бытия полудикого, но во всех отношениях, может быть, самого любопытного в мире народа, простили бы невольное мое сожаление. Однако же ни сожаление, ни желание наше не подвинут дела вперед ни на шаг, и потому возвратимся к нашему предмету.

Известно, что *поэзией* называют не одни стихотворения. Все, что

стройною гармониею выражается, более или менее родня *поэзии*. Потому несколько распространимся мы здесь собственно о *песнопении* древних черкесов. Начнем с *колыбельных* и заключим *смертными* песнями – тут начало *песни* и *жизни* древних черкесов и конец *жизни* и *песни* их.

По рождении младенца мужского пола аталык (воспитатель), которому вверяют новорожденного, поручает *певцам* сложить *колыбельную* песню новорожденному. *Певцы* исполняют поручение, и – какими красками расцвечивают они будущую судьбу младенца: это пламенные оды! Сначала обыкновенно следует слава предков младенца, потом достоинство родителей, далее его будущие подвиги. Сколько тут картин, иллюминированных лучами южного солнца и цветами природы! Вдохновение певца кипит, волнуется – ему нет предела; он воспевает не минувшее, которое налагает на его воображение более или менее тесные оковы – нет! Он воспевает будущее, неизвестное, и беспределен простор его уму, сердцу, воображению, его вдохновенному искусству! Тут готовы материалы неистощимые – бери все, и все будет хорошо, было только бы уместно, прилично происхождению младенца и современным понятиям.

Помню несколько отрывков колыбельной песни одного из моих ровесников, и странно – в ней посылали его, младенца, в глубь Севера. И он был там впоследствии, и солнце в стране холодной согревало его, но певцы не предвидели... Да будет вам блаженство, певцы не пророки: он оттуда принес благо; воспоминания будут для него достаточной наградой за все, за все, а спокойствие совести послужит ему лучшим утешением в остальной жизни! Простите невольному движению! Не всякий может хоронить чувства, приковывать язык, не всякому дано, слава Богу, искусство притворяться...

Самая замечательная колыбельная песня есть песня недавно умершего мохошского князя. Напев песни был положен на ноты одним моим знакомым¹⁵⁸, но и ноты и прочее пока для меня потеряны, и об них остались у меня одни только неприятные воспоминания, о которых когда-нибудь надеюсь рассказать с самой беспристрастной откровенностью...¹⁵⁹

Песни, называемые *тльбеншынатль* (песня многих мужей), чрезвычайно любопытны и важны в историческом отношении, в них воспеваются происшествия, исключительно военные, в коих участвовали целые племена. Если бы в тех песнях означались годы событий, то они послужили бы такими историческими материалами, какими немногие народы могут гордиться в отношении так называемой *предысторической эпохи*. Сего рода песни, говоря вообще, по образу сложения сходны между собой, но различаются по частным названиям и напевам: одни из них известны под именем главнейших лиц, бывших виновниками событий; таковы, например, знаменитые песни *Солох*, *Карбеч*, *Канболет*¹⁶⁰ и проч. Другие носят названия мест и времени битв, например, песни *Ккурее*, *Кешьтейво*, *Бзиеккозогор*¹⁶¹ и проч. Напевы этих песен различны, как мы уже заметили, однако же все они более или менее протяжны. Несмотря на различия, все их должно причислять к одному разряду песен, которые мы назовем здесь *историческими*. В таких песнях нередко сначала воспевают относительное

положение племен и обстоятельств. Так, например, песня *Карбеч* начинается тем, что молодые князья и дворяне, не слушая совета старшин, затеяли войну и проч., а из того наблюдатель видит причину войны и с помощью преданий разгадает и остальное. Потом следуют подвиги лиц, принимавших участие в событии, начиная с важнейших.

Тут нельзя не заметить, с каким уважением певец выражает подвиги гостей, иноплеменников, случайно участвовавших в сражении. А какая сила и красота выражений в сих песнях! Читая знаменитую песню о *полку Игоря* и зная многие отрывки лучших древних песен черкесов, я не знаю, кому более удивляться: славянину или черкесским певцам? Признаюсь, в произведениях черкесских нахожу больше поэзии, больше силы, и если бы я мог передать на русский язык их поэзию, их силу, то осмелился бы утверждать за последними превосходство во всех отношениях. В песне *Солох* весьма замечательно одно обстоятельство. *Солох*, прославленный старец (по моим соображениям он, кажется, жил в царствование Бориса Годунова), кончил жизнь от падения с лошади, но уважение к нему современников и его слава в губительных, кровавых междоусобиях не позволили певцу сказать, что герой умер от падения с лошади; между тем слишком явную истину его смерти нельзя было скрыть, и потому так выразился, что вы сначала подумаете, будто герой пал в пылу битвы, но после минутного соображения выражений песни, истина обнажается сама собою перед вашими глазами. В песне *Карбеч* есть одно место, которого нельзя слушать без соболезнования: описание продолжительных страданий *Карбеча*, умершего от раны, и скорбь его сестры и жены по его кончине. Певец говорит: «Свинцовая пуля упорно борется с ледвяною костью (рана была выше колена), и нет надежды к спасению раненого», и проч. Далее, трогательно оплакивая смерть знатного молодого дворянина, певец говорит: «Он из дома (такого-то) выпал, как золотое стропило!» Для лучшего уразумения силы сравнения надобно объяснить, что здесь слово *стропило* принимается в смысле *поддержки*, а убитый воин был *последний* в своем роде. Вообще сравнения в древних песнях черкесских прекрасны и сильны, и как разительно высказывается в них простая природа!

Песни *плачевные* (гбзе). Сего рода песни содержат в себе *бедственные события*, например, истребление целых племен или аулов войною и заразительными болезнями, а также описывается в них и бедственная участь разных лиц. В первом случае, если *плачевная* песня относится ко многим лицам, она более причисляется по своему содержанию к песням исторического разряда, а если в ней воспеваются бедствия *одного* лица, то она более похожа на песни, которые мы назовем *жизнеописательными*, но плачевные имеют собственный характер, отличаясь вообще таким *печальным напевом*, так что, слушая их, невольно чувствуешь какую-то тоску и сильное соболезнование к людям, которых не знаешь, которые, может быть, уже и жили тому несколько веков. Такова сила песнопения. Вообще *плачевные песни* уступают древним песням других разрядов и красотой сравнений, и силою выражений. Такое обстоятельство заставляет

меня думать, что в старину *плачевных* песен не слагали, потому что важные события, бедственные и истребительные, воспевались, как принято было воспевать песни в *историческом* виде, а несчастья и жизнь одного лица излагали в виде *жизнеописательном*, если чья-либо жизнь была достойна такой чести. Впоследствии, когда *певцы* перевелись с бедствиями и тревогами народа, друзья погибавших начали сами воспевать или *оплакивать в песнях* несчастных друзей, и из того возникли *плачевные песни*; они легко утвердились в народе, который не может жить, не воспевая своего горя и своей радости. По крайней мере, в новейшее время, к сожалению, древние песни теряются, приходят в забвение, а между тем маловажные случаи, возбуждающие по обстоятельствам соболезнование народа, немедленно превращаются в *плачевные* песни. Примеры тому бесчисленны в каждом племени. Вот один из них, довольно замечательный.

Несколько человек закоренелых старообрядцев бежали когда-то из Кавказской области за Кубань; перед ними на юг открывалась бесконечная цепь гор, и беглецы направили туда путь, надеясь найти там безопасное убежище, но, не доходя до гор, попались они в руки *мохошцев*. Небольшое *мохошское* племя и тогда обитало в соседстве с неприязненными абедзахами, но почиталось в числе так называемых *мирных*¹⁶². Беглые негодяи старались распускать всевозможные нелепости между горцами, чтобы заставить их принять себя и не выдавать начальству, которое, разумеется, должно было подвергнуть беглецов заслуженному наказанию. Но все старания беглецов были тщетны. *Мохошцы* рассудили очень основательно, что, удержав у себя беглецов или проводив их далее в горы, сделаются виновными перед русским начальством, и потому выдали закоренелых старообрядцев¹⁶³. Тут в горах поднялась страшная буря. На бедных мохошцев посыпались ругательства, и вооружилась ненависть фанатизма. Сложили немедленно *плачевную* песню, в которой высказывалось религиозное участие к судьбе беглецов, и самой бессовестной бранью заклеяны были имена многих мохошцев. Если бы старообрядцы добрались до гор, абедзахи поступили бы с ними, как у горцев водится, – забрали бы их к себе в плен; участь их была бы жалкая, тяжкие работы были бы их уделом, и об них давным-давно забыли бы; но случилось иначе, вопреки горскому обычаю, и негодяи сделались предметом сострадания горцев, и в течение уже многих лет имена их повторяются в черкесских племенах. Умный генерал А. А. В.¹⁶⁴ почел основательным дать значащую награду одному из мохошцев, помогавшему особенно выдаче беглых, справедливо полагая необходимым показать горцам, что великодушное русского правительства не оставляет без внимания пострадавших за него. Награда была выдана на имя узденя Пчикана Схапацова, и за то он подвергся самым грубым ругательствам горцев.

Песни *наезднические* (зейко-оред) должно причислить к разряду *жизнеописательных* песен, но они поются в *поле*, во время наездов, и в них вообще напев более протяжный. В сем роде самые известные песни: *Кайсин*,

весьма древняя^А, и *Хатх-Мгамет*, сложенная в новейшие времена. Надобно видеть наездников черкесов, поющих *Кайсин*, и тогда поймете всю силу влияния черкесских песен. Пропевши один куплет, певцы снимают с себя шапки и преклоняются на гриву лошади. При пении песни *Кайсин*, которую почитают *счастливою*, как песню *Карбеч* считают *несчастливою*, ни один из горцев не удержится, чтобы не погарцевать на своей лошади, а иногда, и нередко, заблестит и голая шашка в руках наездника.

Песни *религиозные*. Мы не знаем, как назвать иначе песни, которые с благоговением певали во времена язычества черкесов. В дни празднеств, отправляемых в честь языческих богов, обыкновенно пели эти песни почтительно и с открытою головою. В них много заслуживающего внимания даже ученого исследователя. Во время празднества в честь грома черкесы плясали, повторяя беспрестанно: Еле! О, Еле, Еле! Это слово или имя; осетинцы, языческие обряды которых очень похожи на языческие обряды черкесов, произносят: *Илья*; известно, что магометане призывают в молитвах для отвращения ударов грома имя *Ильяса*. Что из этого следует заключить?¹⁶⁵ На вопрос я не намерен теперь отвечать, а позвольте обратить ваше внимание на обстоятельство, еще более замечательное и более понятное: при некоторых празднествах черкесы певали с благоговением слова: *Мерьмишхо Тхайхом-яне!* Сии слова, в буквальном переводе, значат: Великая Мария, *Великого Бога Мать*. Не явные ли следы влияния греческой церкви? К разряду религиозных песен должно отнести песни, которые обыкновенно певали при теле умершего, когда оно оставалось в доме в ночь до погребения, и которые называли *сахгеш*. Впрочем, такого рода песни как напевом, так и содержанием во многом сходны с песнями, которые поются при раненом.

Песни, которые поются при *раненом* (тдчепшекооред). Древние черкесы не могли ни плакать, ни радоваться без песнопения. Обыкновения, соблюдаемые и поныне при содержании раненого, весьма странны и любопытны, и тут главную роль играют *песни*. Ограничимся замечаниями собственно о песнях сего разряда. У *низовых* черкесских племен начинают каждый раз *пение при раненом* так называемую песнею кракец, которая отличается особенно протяжным напевом. Потом следуют другие песни, но самая замечательная из них та, где призывают какого-то полубога *Лепшиа*^В, покровителя оружейников и кузнецов, на излечение раненого. Посетители больного разделяются обыкновенно на две партии и стараются превзойти неутомимостью одни других^С, повторяя одни и те же слова в четырех

---

^А Предания о происхождении этой песни многообразны и весьма любопытны. Она и *старые сказания о Кайсине* помещены в рукописном собрании древних черкесских песен и преданий, составляемом мною в течение уже нескольких лет (Прим. автора).

^В По-осетински: *Курд-алаугон* (Прим. автора).

^С Должно заметить, как слова черкесские, здесь помещенные, так и описываемые мною обряды преимущественно употребительны между *низовыми* (тчах) черкесами. Многие *предания*, известные в одном племени, не все знают в другом, или не в таком виде они сохранились. О *песнях* то же самое можно сказать, с тою, однако, разницею, что древние,

приемах, несколько похожих созвучием слов на стихи, что продолжается до тех пор, пока одна из двух партий не утомится, но как ни та, ни другая не хочет уступить, то спор обыкновенно оканчивается потешною битвою. В то время, когда поют песню Лепсша, обыкновенно бьют железным молотом в соху, которая лежит подле постели больного; он должен, как бы ни страдал, переносить шум и пение равнодушно, даже иногда принимать в пении участие, если не хочет показаться малодушным.

Песни *плясовые* (утч-оред). У черкесов два рода пляски: одна называется *утчи*, и в ней принимают участие все, знатные и простые, взрослые девушки и мужчины; напев такого рода песен имеет такт, по которому пляска идет ровно. Они не отличаются ни сильными выражениями, ни благородными идеями, и, напротив, большей частью слова в них забавны, а иногда и неблагопристойны. Такова, например, известная у *низовых* черкесов плясовая песня *кунс*, где певец-музыкант высказывает свою любовь сравнениями пошлыми и безнравственными. Все песни, в нынешнее время черкесами слагаемые, за исключением *плачевных*, имеют напев *плясовых* песен, и их нельзя ни в каком отношении сравнить с древними песнями. Замечательные певцы между черкесами перевелись, и высокая поэзия приняла вид жалкий; она высказывается пошлыми словами и бедными идеями. Такова судьба морального достояния многих народов.

Все исчисленные нами песни поются *нараспев*, более или менее протяжный, т. е. слова в них нельзя читать как стихи, а надобно декламировать их с напевом; иначе слова теряют гармонию, даже силу впечатления, какое должны производить на слушателей. Есть, однако же, песни, большей частью мелкие, которые не имеют протяжного напева, но все-таки и сего рода песни требуют коротенького припева. Таковы, например, песни, в коих воспевают *нравы птиц, зверей, быстроту рек* и проч. Замечательны такого рода песни *журавлей, свиней и рек*, в особенности последняя: слушая эту небольшую песенку, удивляетесь кипящим в ней выражениям, точно похожим на бурные потоки быстрины. Как жаль, что вообще черкесские песни в переводе не имеют уже ни силы, ни красоты, коими так полны подлинники!

Заклучим несколькими замечаниями о песнях *тльзекопшьнатль* (песня одного человека), которые назвали мы *жизнеописательными*, потому что песни сего разряда посвящены исключительно подвигам, страданиям и жизни *одного* лица, так что другие лица, в них упоминаемые, служат только изъяснением обстоятельств, дополнением и, так сказать, материалом певцу. Эти песни самые важные, и если вы хорошо вникнете в их содержание и силу влияния, какое они имели на ум и чувства древних черкесов, то не удивитесь, что они, почти полудикие, не имевшие ни гражданской образованности, ни литературы, думали и заботились о том, что *потомство о них скажет*. Из сего разряда песен весьма любопытны песни *Айдемир* и *Бзехинек-Бексирз*.

лучшие песни во всех племенах более известны, хотя и тут наречие каждого племени производит некоторую разницу в выговоре слов и в выражении напева (Прим. автора).

Время воспетых в них событий можно сколько-нибудь отгадать с помощью русской истории. В первой говорится о походе черкесов на Астрахань, что сначала показалось мне вымыслом поэта, хотевшего увеличить славу своего героя, но впоследствии, читая «Русскую историю» Карамзина, нашел я, что Астрахань действительно была разорена черкесами в царствование Василия Темного*; следовательно, знаменитый *Айдемир* был современник Темного. Вторая песня еще любопытнее тем, что в ней упоминается *о земле великого князя* (в старину так называли черкесы Россию). Такого рода песни обыкновенно слагали по смерти лиц, которых жизнеописание они составляют, но, по преданиям, песню *Бексирза* сложили при его жизни. Он был уже в глубокой старости, когда сыновья его поручили певцам сложить жизнеописательную песню об их отце. Старец, узнавший о том после того, когда песня уже была сложена, потребовал к себе сыновей своих и певцов, приказал певцам пропеть сложенную ими песню, и, найдя в ней описание такого подвига, который унижал одного из его соперников, приказал порицание выкинуть из песни. Скромность почиталась в старину между черкесами первым украшением человека. Замечательнее всего в песне Бексирза *драматическое* место, где певец выводит известного в преданиях *Смиалеко-Касполета*, бывшего *в земле великого князя* (т. е. в России). Царица спрашивает Касполета о подвигах *Бексирза*. «Он, – говорит Касполет, – является во время сражения в железном виде. Его стрела сквозь панцирь пробивает. Его лук в *Урте* согнут. Идти против него – идти противу пожара. На зло он вооружен. Бог да не принесет его в нашу землю!» Царица возражает: «В том, что он возьмет, – я не нуждаюсь, а о подвигах такого мужа знать желаю». Многие слова в древних черкесских песнях теперь непонятны в той земле, где они были воспеты. Что такое *Урт*? Мы не знаем. Вероятно, это город, где *делали* луки. В другой песне упоминается о *Дубоссарии*. «В его время *дубоссарскою* тканью мы одевались», – говорит певец, воспевая жизнь и дела одного из князей. Стало быть, тогда из Дубоссарии привозили к черкесам ткани? Слова, которые мы здесь поместили из песни *Бексирза*, не могут дать достаточного понятия ни о силе выражений, ни о красоте самой песни, ибо мы перевели их только *приблизительно*. Там, где сказано: *железный вид*, можно разуместь *железную кожу*, и т. д. Самое поэтическое место в песне – подвиги *Бексирза* на верховьях реки Дуная. Как много высказано тут в немногих словах!

Мы распространились о древних песнях черкесов, и потому было бы несправедливо не сказать нескольких слов о творцах песен.

Для знаменитых людей в старину певцы были необходимы: они передавали потомству их дела, давали им земное бессмертие, и потому везде покровительствовали певцам, осыпали их щедро подарками, обогащали их, и певцы дорожили своим званием, которое доставляло им много выгод, хотя и мало, кажется, почтения. Странно, что певцы, которых творениями так

---

* См. ссылку на Карамзина в «Записках о Черкесии», сноска 33 в примечаниях к I части (Ред.).

дорожили, сами не пользовались большим уважением. Из высшего класса никто не хотел быть *певцом*, хотя знание песен вменялось каждому дворянину в необходимость. Звание певцов унижало порядочного человека: они были известны под именем *декоак*, внушавшим мысль более о ремесле шута, нежели о занятиях человека, который может обесмертить другого или заклеить его позором неизгладимым. Впрочем, *певцы* сами отчасти были тому виною: разъезжая по аулам, как канатные плясуны, они собирали от жителей подаяние, в котором, большею частью, не имели крайней нужды, а притом, вся жизнь их была цепь непрерывных шуток и острых слов, иногда весьма неблагопристойных. Рассматривая со вниманием произведения черкесских певцов, не знаешь, чему больше удивляться: силе, красоте выражений, благородным идеям в древних песнях, или тому, что творцами таких прекрасных песен были люди, унижавшие себя ремеслом шутов? Тут невольно думаешь, что *не декоаки* слагали древние песни, хотя с прекращением сих певцов перестали слагать столь замечательные песни, каковы *древние жизнеописательные и исторические*. Можно подумать, что в старину знатнейшие люди, страстно любившие поэзию, сами слагали лучшие песни и руководили певцов своими советами и вкусом. Впрочем, были между *декоаками* и такие, которые пользовались всеобщим уважением и не подвергали себя насмешкам народа, если и не могли облагородить своего звания. О некоторых из них сохранились предания, доказывающие, что певцы нередко были необходимы, как *хранители событий*.¹⁶⁶ Рассказывают, что два княжеских рода в спорном деле не могли примириться: каждый доказывал древность своего происхождения, следовательно, и преимущество своих прав. Для разрешения дела потребовали в собрание известного певца и приказали ему пропеть одну из самых древних песен, в том предположении, что тот княжеский род, которого члены более оказали подвигов в известном событии, естественным образом должен пользоваться преимуществами. Положение певца было опасное: та сторона из спорящих, которую он решил бы унижить, могла отомстить ему. Однако ж певец имел столько твердости, что словами: «если сын (такого-то родоначальника) убьет меня, то погибну *во чреве собаки*», – которые прибавил он от себя, высказал он преимущество одного рода против другого. Песня *Теймр-кан*, или *Хутч-чонтч* (Дербент), сказывают, послужила одному из крымских ханов историческим доказательством того, что черкесы давали войско его предкам, и потому взял он от них вспомогательное войско. Песня чрезвычайно любопытна, и какая увлекательная в ней поэзия!¹⁶⁷

Во всяком случае, нельзя не сожалеть, что бедствия, продолжительно угнетающие черкесские поколения, причиною того, что ныне почти уже нет певцов и древние песни постепенно приходят в забвение.

Все, что от предков *изустно* перешло к потомству, у черкесов составляет *предания*, которые разделяются на три рода: 1) *песни* (оред, пшьнатсие, хбзэ); 2) *старые сказания* (тхдезси) и 3) *старые вымыслы*

(тхдесезси)^А. С песнями, надеюсь, вы уже сколько-нибудь познакомились из моего рассказа, и мне остается сказать несколько слов о последних двух родах преданий.

Старые сказания весьма интересны для любителя старины: они служат истолкованием и дополнением, как я говорил, древних песен, и вместе с песнями составляют единственные, бесценные материалы для **предысторической** эпохи народа, а названия **мест событий** и древние оружия, хранящиеся и поныне в известных семействах, свидетельствуют, что в **старых сказаниях** заключается много истины. При всем том, содержание **древних песен** имеет очевидные и основательные преимущества перед содержанием **старых сказаний**. Песни черкесов сложены **стихами** тоническими, т. е. созвучие предыдущей рифмы с последующею составляет в них искусство **словосложения**, а потому песни **не сказывают**, а **поют**, и они удерживаются в народе в тех размерах и в тех именно словах, как сложены вначале; следовательно, истины, в них заключающиеся, касательно событий, не столько подвержены изменениям времени и произвола потомков, как **старые сказания**, которые, не отличаясь ни **словосложением**, ни размером периодов, **рассказываются не одними и теми же словами**. Потому, хотя предмет один и тот же, но передается с бесчисленными оттенками изменений, прибавками и выпусками, смотря по способности рассказчика и его прихотям; следовательно, истина отдана тут на произвол случайностей. При всем том **старые сказания** вообще весьма любопытны: сколько в них героических анекдотов, открывающих нам любопытную сторону честолюбия древних черкесов, и других обстоятельств, бывших, так сказать, причиною образа их мыслей! Для доказательства мы могли бы привести здесь множество примеров, но, предоставляя себе когда-нибудь пространнее поговорить о сих предметах, ограничимся немногими замечаниями. Вот одно из старых преданий:

Дворянин **Каит** отличался храбростью и наездничеством, но был горд: кровь жанинская текла в его жилах. Однажды, возвратясь из наезда, он посетил красавицу, и та, с улыбкою встречая наездника, сказала ему: «Неужели, **Каит**, и ты подобно таким-то (тут она назвала знаменитых по преданиям двух князей) питаешься только походною пищею?»¹⁶⁸ С наступлением ночи **Каит** отправился к знаменитым князьям, желая доказать красавице, что он не хочет уступить в превосходстве, в отваге и в перенесении трудов ни одному наезднику в мире. Прославленные князья скрывались в доме преданного им человека, когда **Каит** прибыл к ним, преодолев все трудности переезда обширного и опасного пространства. Две злые дворовые собаки уцепились за ноги **Каита**, когда он пошел в гостиный дом, но, не обращая на них никакого внимания, Каит продолжал идти окровавленными ногами. Дочь хозяина сказала о странном госте. Князья-

---

^А Черкесские слова до того трудно писать русскими буквами правильно, что при всем старании, читатели из приводимых мною черкесских слов могут иметь только отдаленное понятие о произношении черкесов (Прим. автора).

наездники удивились хладнокровию приезжего и желали немедленно его видеть; с того дня *Каит* был неразлучным товарищем и другом во всех опасностях знаменитых князей. Наконец, при жестоком преследовании врагов оба князя-братья были убиты. Каит был с ними, отчаянно сражался, а когда они пали, тела их защищал с такой отважностью и таким мужеством, что удивленные неприятели просили, из уважения к его необычайной храбрости и известности, чтоб он удалился, как иноплеменник, безопасно на свою родину. Каит и слышать не хотел о пощаде жизни – он пал, защищая тела убитых друзей своих. В песне, которая носит имя Каита, певец влагает в уста неустрашимого наездника слова, достойные отваги спартанцев. Истекающие кровью друзья Каита уговаривают его оставить их и удалиться, пока есть еще возможность. Каит принимает их требование за оскорбление себе, и вот смысл его возражения: «Многочисленное жанинское поколение! я для вас все покинул, и с вами делил походную пищу; теперь, когда вы гибнете – я разделю жизнь свою!». Пересказываю смысл: слово в слово песня непереводаима, по крайней мере – для меня.

Старые сказания, какие сохранились доньше о *Кансаве*, еще более любопытны и особенно трогательны, а песня, которая носит его имя, полна поэзии. Но подобных *песен* и *сказаний* столь много в каждом из черкесских племен, что собрание их составило бы множество томов, и потому мы не можем здесь об них распространяться. *Старые сказания*, которые не доказываются песнями, или *местами событий*, не столь любопытны, по крайней мере для меня, но таких *сказаний* мало. Замечательно в песне Кансава то место, где герой изображается при взятии крепости *Ерван*, или *Арван*, и «играет с пушечным дымом». В некоторых местах Черкесии есть старинные укрепления, которые носят такое имя, но были ли они осаждаемы и кто их осаждал, имея артиллерию, вопросы неразгаданные^А.

Что касается до *старых вымыслов*, то они *сказки*, не более, однако ж и они имеют свою любопытную сторону. В том, надеюсь, вы согласитесь со мною, когда я представлю несколько образчиков из них, но не теперь. Возвращаюсь к *песням* и *старым сказаниям*, и спешу кончить мое длинное отступление.

«Желание представить *истинную* историю в действиях и речах *вымышленных* лиц, положим, похвальное, но для его исполнения необходимы соответствующие тому дарования, которых у вас нет», – скажете вы. Согласен, я и сам того же мнения; притом, знаю несообразность выводить на сцену лицо, заставить его мыслить, говорить и действовать несогласно с его веком и положением обстоятельств той эпохи, когда

---

^А Впрочем, из *старых сказаний о Кансаве* можно подумать, что он мог быть и в Персии, следовательно, крепость, упоминаемая в песне, может быть, есть Эривань. Как бы то ни было, но из *сказаний* видно, что он был не черкес, а из карачаевцев; жена его была из дома кабардинских дворян *Бугашевых*. Впрочем, не все *сказания* об нем согласны. У него были две дочери – *Каз* и *Кайтан*, которые воспеты трогательно в его песне. Жenu его звали *Кошехах*, имя, прославленное печальною судьбою. На вершине Кубани есть источник, известный под ее именем (Прим. автора).

происходило основное событие, и чувствую, что не могу ничем выкупить принесенные в жертву прихоти автора законы искусства. Во всем я согласен, но, признаюсь, не отдам за целые томы ваших законов искусства трех-четыре вымышленных лиц или, лучше сказать, вымышленных характеров в моих рукописях. Сколько раз, Боже мой! огорченный на грустном пути жизни, возвращался я в мой кабинет, и тут ожесточение ума, презрение к людям, впрочем, весьма *благоразумным*, исчезали пред моими ангелами-хранителями – созданиями моей мечты, пред моими идеалами! Сколько раз величие духа *Джембулатова*¹⁶⁹, высокое чувство признательности *Лувана*¹⁷⁰, моим воображением созданных, вливали в мою разочарованную душу живительные чувства, и я находил в самом себе, в спокойствии моей совести, душевные наслаждения, которых нельзя купить ценою золота!

Да, вымыслы могут доставлять нам драгоценнейшие минуты! Таково одно из странных свойств непостижимой души человеческой, доказывающее независимость ее от вещественного мира.

III. [VII]

Ночь. Шумный Бахчисарай уснул. Великолепно всходит над ним месяц, бледными лучами освещая стройные, смело брошенные в воздух минареты. Зимнее небо прекрасно иллюминировано таинственными лучами звезд, и как они блистали великолепно! Но часто и небо подражает изменчивости картин земли. Вот, к полуночи, на юге поднялись тучи и потянулись по небу волнистою тенью, и подернули царственный лик месяца. Сумрак накинул на дремлющую землю легкую мантию; земля покоилась; в столице Магмет-Гирея и в ее окрестностях глубокая тишина. Одни вековые башни дворца не спали; в них изредка перекликалась стража ханского покоя. Облака снова редели, тучи раздвинулись – луна брызнула палевым дождем и осветила на холме одинокую башню и двух человек, приближавшихся к ней тихо и безмолвно. Один из незнакомцев был высок ростом; его шаги были важны, и вообще вид его выражал какую-то повелительность. Другой шел впереди с связкою ключей в одной руке и фонарем в другой. Стража у входа башни пропустила незнакомцев в почтительном молчании. Незнакомцы вошли в башню. Тесная лестница ввела их в подземелье. Тот незнакомец, в руках которого гремели ключи, отпер замок у дверей, вделанных в одном углу подземелья, и обратился лицом к товарищу, как будто спрашивая у него дальнейшего приказания; повелительно махнули ему рукой, и он, поклонившись низко, вышел. Оставшийся незнакомец подошел к дверям и с каким-то беспокойством толкнул их ногою. Двери с тяжелым скрипом отворились; незнакомец вступил в четырехугольное, тесное жилище страдания и смерти. То была тайная темница, или могила, где хоронили живых несчастливцев, обративших на себя строптивый гнев хана. Стены ее были выложены диким камнем, почерневшим от времени и сырости; двери обиты железом, покрытым ржавчиною; по стенам висели тяжелые цепи, ожидая новых жертв человеческой злобы. Пол вымощен был также камнем; в

одном углу было пробито маленькое окно с толстою железною решеткою, сквозь которую проходил холодный воздух и пробивался бледный луч луны, бросая фантастические тени; в другом углу тускло горел ночник, распространяя сильный запах гнилого жира и мало света. И здесь томилась чистая, высокая душа! На соломе, сострадательною рукою тюремщика брошенной, лежал скованный человек.

Незнакомец подошел к нему и, вперив взоры в бледное лицо пленника, завистливо освещенное тусклым ночником, долго стоял молча. Спокойный сон пленника удивил его. Он приблизил фонарь к спящему страдальцу – и содрогнулся: страшное лицо мученика поразило незнакомца. Черная борода, отрошенная неволею, закрывала грудь пленника; длинные волосы на голове падали и вились змеею на бледном, как смерть, лице страдальца. Рука разрушения тяготела над всем бытием несчастного. Ужас пробежал лихорадочною дрожью по всему телу незнакомца, когда он окинул взором могилу заживо похороненного. Тут каждый предмет столь живо напоминал конец всего земного – конец жизни и начало разрушения. На каждом предмете мучительная смерть начертала мрачными буквами: «Здесь владычеству я, и горе тому, кто вступит в мое жилище!»

СЦЕНА В ТЮРЬМЕ

Незнакомец

(с сильным чувством)

Ужасное состояние! Может быть, ни одна сострадательная душа не была свидетельницею мучения людей, прикованных здесь на рубеже жизни и смерти. Какое гнусное ремесло: быть орудием человеческой ненависти и злобы! Оно заглушает в человеке божественное чувство сострадания. Это не тюрьма, а могила страданий, которых язык человеческий выразить не может. И мне не доносили о том! Визири стараются вызвать на мои уста улыбку, доставлять мне суетные удовольствия, уделять лучшие занятия властителя народов – видеть своим оком, слышать своими ушами действия правосудия! О, душа владыки правоверных! Страшись доверять судьбу несчастного состраданию человеческого эгоизма!

Пленник

(пробуждается, откидывает с лица волосы и говорит спокойным голосом)

Кто ты? И зачем потревожил могильный мой сон?

Незнакомец

Кто я – о том после... Я пришел с вестью, надеюсь, для тебя приятною.

Пленник

(вставая)

С приятною для меня вестью? *(после непродолжительного молчания)*. О, есть еще и для меня приятная весть! Будь ты хоть палач, но вестник скорой смерти – и я обниму тебя, как друга!.. Да, скорая смерть, какого бы она ни была рода, будет лучшею наградою за жизнь. Здесь, в могиле живых, может быть, зарыт труп не одного преступника, заклеянного позорными делами, а я за лучшие дни моей жизни, посвященные родной земле, терзаюсь на их могиле, на их костях! В этих цепях *(звонит цепями)*, быть может, не один бесчестный хулителю дел своего государя, с душою продажною судья, притеснитель слабых, достойный позорной казни, справедливо подпавши гневу хана, испустили, обливаясь слезами малодушия, последнее дыхание, а я... я жду в тех же цепях смерти! О Боже! Где на земле правосудие? *(Закрывает лицо руками. Глубокое молчание)*.

Незнакомец
(смущенный)

Пленник! Предполагая видеть во мне палача, ты ошибся. Я принес тебе весть не смерти, а жизни, весть не казни, а свободы.

Пленник
(твердым голосом)

Не предлагает ли мне снова хан свободу ценою рабства? Не сулит ли мне снова жизнь за цену моей совести? Он может располагать жизнью и смертью моей и – только: моя воля принадлежит мне одному до тех пор, пока я дышу – даже и в темнице! В здешнем мире я в его власти – он мой судья и судьба, но есть мир неподвластный человеку, есть судья неподкупный – Бог, и перед ним человек не по власти, а по деяниям судим будет: и хан и нищий на его суде станут на рубеже своих дел, и тогда...

Незнакомец
(прерывая его)

Ты не угадал причины моего посещения, и не мудрено: человек, столь много пострадавший на чужбине, может ли думать, что найдет там друзей? Да, пленник, ты нашел надежных друзей, готовых возвратить тебе свободу, возвратить тебя на родину. Друзья, еще тайные для тебя, но принимающие живое участие в судьбе твоей, послали меня сюда. Теперь доволен ли ты вестью, которую я принес?

Пленник
(с возрастающим постепенно жаром)

Ангел ты или человек? Вестник свободы не может быть грешником, человеком! Ты говоришь, что я свободен? Повтори еще раз твои слова. Незнакомец! если я свободен, то увижу родину, не правда ли? Я более ничего и не желаю. Дай себя обнять, незнакомец! Дай мне высказать восторг оживающей души! О родина, любезная родина! я опять увижу тебя: увижу вас, родные поля, милые горы отчизны, леса дремучие, под тенью которых

возрос я, где протекла моя юность беспечная, счастливая! (*окидывая взором темницу.*) Сколько раз, под мрачным сводом моей темницы кровожадный крик на свободе парящего орла пробуждал мой слух, и я умолял на коленях бесчувственного стража, когда угнетенная душа оставит брэнное мое тело, бросить его хищным птицам – не перенесут ли они, пернатые дети свободы, хоть одну косточку из моего тела на родину мою – думал я. А теперь я сам свободен, я возвращусь на родину! Не правда ли? я подышу еще ее воздухом, нагляжусь на небо родное! Посвящу снова жизнь мою благу отчизны, умру в ее пределах, и земля родная примет мой прах! (*подняв руки к небу*). О Провидение! в первый раз в жизни проливаю теперь слезы, обильные слезы признательности! Ты, милосердный Боже, благослови их, как слабую дань благодарного творения! (*падает на колени*).

Незнакомец

(*про себя, обращая глаза к небу*)

Боже великий! И это благородное создание томилось в позорной тюрьме, назначенной в казнь мятежных страстей изменников коварных!!.. (*вслух*) Пленник! ты будешь свободен; того желают твои, тайные еще, друзья, они и достигнут желанья. Но им нужна и твоя помощь, необходимы и с твоей стороны действия и решительность...

Пленник

(*после молчания, с твердостью*)

Не хотят ли они, мои тайные друзья, чтобы я бежал, и не принес ли ты мне только к тому средства? Если так – оставь меня! Не искушай благородных чувств сознания собственного достоинства, поддерживающих мой дух и в могиле твердою опорой! Они единственное мое достояние! Бежать – мне бежать, как бродяге безымянному, или с именем позорным! Нет! оставь меня, незнакомец, и не называй людей, которые прислали тебя к страдальцу. Пусть их имена будут скрыты; я не узнаю их. Они, конечно, люди, достойные уважения, и я унесу с собою в могилу утешительную мысль, что уважаемые люди принимают живое участие в судьбе моей, но если мне будет известно, что они хотели низкими средствами доставить мне свободу, то я не буду уважать их – стану презирать (*возвращается к соломенной постели*).

Незнакомец

(*про себя и в сильном волнении*)

Продолжать ли испытание? Мне жаль волновать возвышенные его чувства и отравлять их ядом притворства... Но как откажусь от упоительного наслаждения одинокой и среди миллионов души! Как откажусь от целительного бальзама, который вливает в тоскующее и на троне сердце отголосок неба, выражающий столь благородные мысли, примиряющие меня с человеческим родом, мною давно презираемым! Нет! не могу лишать себя лучших минут в жизни моей, столь же бурной, как море, омывающее

пределы моей области. Я продолжу испытания – человеческий эгоизм, столь же древний, как и род человеческий, дает мне на то право, и я им воспользуюсь.

Пленник
(отрывисто)

Нам, кажется, говорить более нечего. И если я угадал причину твоего посещения, прошу оставить меня. Давно свыкся я с воздухом могилы: он смертелен и заразителен для тела, но не заражает души страстями низкими, волнующими людей в свете – здесь нет искушения. Правда, в тюрьме тяжки страдания, но они смиряют дух, и если иногда грешный ропот срывается с языка – молитвы раскаяния успокаивают страдальца...

Незнакомец
(нерешительно)

Пленник! Ты не знаешь положения царства властелина, в железные руки которого несчастья тебя бросили. Ни один из владык Крыма не испытал столько превратностей судьбы, как Магмет-Гирей¹⁷¹. Юность его была подвержена гонениям; в летах возмужалых испытал он злобу людей, преклоняющихся, с низкою покорностью искательного раба, пред могуществом, и попирающих слабого ногами без чувств сострадания – и он возненавидел человечество (*с жаром*). Он презирает человека, лучшее создание Творца в природе, запечатленное божественным даром Провидения, но употребляющее этот дар, разум свой, на притеснение ближнего, на пагубу братий! Да, он презирает человеческий род. Но если ты, о человек, создание слабое, испытал превратности счастья, если твоя жизнь подвергалась гонениям людей, если ты узнал цену человеческой справедливости, ты его простишь! Не раз был он на высшей ступени могущества, и не раз падал с трона власти обширной в презренные толпы пресмыкающихся искателей милости. А в таких случаях всего лучше узнают людей – он узнал их и возненавидел: в несчастьи преследовала его ожесточенная, коварная злоба; и он стал гнушаться людьми, насмотревшись на их презрительное раболепство, с каким они возвращались к нему, вместе с изменчивою Фортуною!.. (*Про себя*). Гнев души ожесточенной увлек меня слишком далеко!

Пленник
(с удивлением)

Неужели, незнакомец, пришел ты к страдальцу примирить его с виновником его мучений и заставить ненавидеть род человеческий?! Человек слаб, порочен, страсти волнуют его – он раб искушений, но в нем есть и высокие достоинства, которые мы должны уважать; мы должны любить род человеческий, примиряться с его недостатками, и не потому только, что мы сами принадлежим к нему, составляем его частицу, подвержены тем же слабостям, но и из благоговейного уважения к Провидению, поставившему человека властелином остального творения, запечатлевшему свою к нему

любовь великими чудесами, которые избранники его показали миру.

IV. [VIII]

В зале было темно; бурная ночь давно уже настала, но свеч еще не зажигали; никто не смел входить к грустному властителю. На дворе шумела непогода. Взоры Магмет-Гирея тяжело падали на пестрые с разноцветными стеклами окна, в которых отсвечивалась молния радужными лучами. Буря усиливалась, и тяжелые своды дворца вторили раскатам грома.

Грустно вслушиваясь в шум грозы, хан долго молчал. Безотчетная тоска, от которой ни власть, ни богатство не предохраняют человека, томила бурную его душу. Наконец он хлопнул рукою, и старый арап, облитый золотом, вбежал в залу. Властитель приказал подать огня, и арап исчез, как тень.

Скоро свечи запылали в зале; потом явились богато одетые служители, с украшенной алмазами трубкой, табуретом и розовою водою в хрустале. Магмет-Гирей рассеянно принял жемчугом унизанный чубук, махнул рукою, и рабы удалились. Три-четыре облака вылетели из уст его и тихо поднялись под зеркальные своды залы. Чубук выпал из рук хана – он устремил глаза за облаками дыма, которые, взвившись медленно под высокие своды, тихо растягивались, как тучи над скалами Чатыр-дага. Задумчиво следил грустный властитель разлетающиеся облака дыма.

«Так разлетается вся наша жизнь, и как дым исчезает...» – проговорил тихо Магмет-Гирей, и его взоры, грустно блуждая, упали на противоположную стену, где было написано золотом: «Смертный! прославляй имя Бога, из ничего все сотворившего, и которому ты должен отдать отчет в своих делах». Хан не читал далее. «Нет Бога, кроме Бога!» – произнес он протяжно, и велел позвать своего медика. Медик явился. «Хаким-баши¹⁷²! за его жизнь ты головой отвечаешь! спаси его!» – сказал хан. Хаким-баши задрожал от страха, хотел что-то сказать, но язык отказался: так испугалось бедное чадо Эскулапа. Видно, находчивая латынь не благоволила занять резиденции в его черепе. Он удалился.

«Твердая душа пленника боролась с ожесточенною судьбою и не покорялась суровой власти несчастий, но чувствительность благородного создания не вынесла волнений радости – весть свободы едва не стоила ему жизни!.. Сколько людей осыпал я богатством, поставил из ничтожества на степень, завидную толпе, – но что? Ни один из них не доставил мне истинного наслаждения души – они стремятся оказывать моей воле, моим даже прихотям рабскую покорность и думают заслужить мое уважение! Жалкие слепцы, люди, достойные презрения! От вас не видал я ни одного благородного поступка самоотвержения, не слышал никогда из уст ваших ни одной высокой, благородной речи!.. А он? В цепях, кровью запекшихся, почти в могиле, в страданиях ужасных, невыразимых, влил в мою разочарованную душу живительный бальзам, примирил меня с человечеством! Джембулат, Джембулат! чего ни дал бы я, чтобы только

сохранить жизнь твою!.. Но княжну...»

С сильным чувством Магмет-Гирей говорил сам с собою, но последние слова произнес он тихо и снова предался тоске. По стенам залы вились курсивные стихи, замысловатые изречения и торжественные возгласы, запечатленные на мраморе события веков. На них падали грустные взоры властителя, но ни игривость, ни смысл их не развлекали его печальной души, не беседовали с его тоскующим сердцем. Глубокое уединение, полночь, ни одним живым существом ненарушаемая тишина еще сильнее усугубляли тоску и безотчетную грусть хана: тишина и уединение усладительны для утомленной души, и исцеляют, по крайней мере, временно, ее недуги, но если порывы страстей обуревают ее, сильное беспокойство гнездится в сердце, или безотчетная грусть вкралась в душу, тогда тишина и уединение становятся невыносимо тягостными, страстям необходимо изливаться бурными потоками, сердцу высказываться существу, его понимающему...

В мраморный водоем, среди залы возвышавшийся, было вставлено искусственное деревцо из серебра, с эмалевыми листьями и золотыми плодами. Хан толкнул деревцо великолепным чубуком, и оно повернулось на винте, хрустальные струи чистой воды брызнули лучами, заплескались, рассыпая посреди яркого огня свеч алмазные искры и жемчужную пену; деревцо тихо двигалось действием воды, и чудные виды фонтана изменялись... Прозрачные струи то разбивались на тысячи звездистых брызг, то вились тихо сверкающею змеею, то плавно текли, или искрились радужными лучами, и в зеркальном своде отражались чудными метеорами! Тихая гармония чудного фонтана, казалось, несколько услаждала грусть властителя; он, склонив голову на бархатную подушку, отдыхал.

Между тем двери растворились, и рой гаремных красавиц вступил в залу. Впереди шла прелестная певица, за нею рядом хор молодых девушек. Певица была любимая жена хана. Под сводом залы раздалось звучное пение нежных голосов.

Хор

Отчего наш властитель
Так уныл и печален?

Певица

Не от того ли, что бурный лях
Не шлет золота и тканей;
Иль, что в дальних полях севера
Цветет богатство Руси?

Хор

Отчего наш властитель, и проч.

Певица

Иль, что Гинвиз¹⁷³ коварный хитрит
Пред тобою, как лиса,
И Диван Стамбула молчит,
Кипя тайною злобою?

Хор

Отчего наш властитель, и проч.

Певица

Иль волнуется непокорная страна черкесов
И шлет ей помощь фирман Дивана?
Иль скрыт тяжкий недуг
В груди твоей, мой властитель и друг?

«Зачем я не властитель сердца той, которая, сама в плену, пленила мою душу!» – проговорил шепотом хан. Его чело прояснилось; глаза запылали огнем страсти, но не искали очей прекрасной певицы: его душу занимала другая красавица. Однако ж, он дружелюбно встретил певицу и остался с нею в зале, выслав сопровождавших ее девушек.

«Какие заботы, – сказала красавица, – кроются в душе твоей, мой властитель? Третьи уже сутки я не видала твоих очей! Ужели остыла твоя любовь ко мне?.. Как я была счастлива, когда мои ласки разгоняли облака печали на лице твоём! Но теперь, как многое изменилось теперь!.. Приветные ласки твои не льют теплой веры в любви, как бывало... Прежде я таяла от восторга, всегда встречая пламенные слова любви из твоих уст, а теперь... многое, многое переменялось теперь!.. Нет уже, страшно сказать, нет более счастливой взаимности любви...»

Она закрыла прекрасными своими руками лицо. Магмет-Гирея тронули любовь и огорчение красавицы; он любил ее, и имел к ней большую привязанность за беспредельную ее преданность, но в гареме явилась опасная жилица, которая своей красотой, а еще более своею гордостью и удивительным характером, воспламенила его душу любовью и уважением – все страсти Магмет-Гирея доходили до крайности.

«Мой друг! твой страх напрасен, – сказал он, – я тебя люблю и теперь, как всегда любил, но время теперь не то... У меня забот ныне стало больше, нежели прежде, и я принужден часто отказывать сердцу, повинуюсь рассудку, чтобы не упустить благоприятных минут для важных дел, от которых зависит все... Оттого, мой друг, я бываю часто грустен и вижу с тобою реже, чем бывало в спокойнейшие дни моего царствования... Вот и вся загадка, моя милая!.. Пройдет смутное время, и мы будем по-прежнему счастливы, по-прежнему станем вместе проводить сладкие часы отдыха. Успокойся, мой друг!»

Хан прижал к груди своей прекрасную жену свою и поцеловал ее, не розовые губки, которые у хорошенькой женщины созданы только для поцелуя, не в пылающие очи, которые пламенный любовник покрывает жарким лобзанием, но в лоб. Красавица содрогнулась, и слезы брызнули из ее очей. «Что с тобой сделалось, душа моя?» – спрашивал хан. Она молчала и плакала.

В одной арабской поэме сказано, что в книге любви написано, будто бы поцелуй в лоб любовника означает разрушение очарования любви и зажигает ужасное пламя сомнения в душе любящей женщины. Жена хана, видно, верила тому; по крайней мере, демон сомнения стиснул в то мгновение ее

сердце. Она не говорила ни слова и рыдала тихо. Хан был тронут ее слезами; горячо выражал ей словами своими неизменную любовь и каялся, что никогда не предпочтет ей ни одной женщины в мире. Он говорил чистую ложь, но его ласки несколько успокоили печальную красавицу.

«Хан! ты властен надо мною, но сердца моего обмануть не можешь, – сказала она сквозь слезы, – и прежде бывали дни опасные и грустные, но я с тобою их делила; и прежде дела Дивана, заботы войны вызывали тебя из гарема, но ты спешил и с Дивана, и с поля битвы ко мне, и в гареме находил отдых и отраду, и я была счастлива твоим покоем, твоим счастьем! Судьба твоя всегда была мне дорога – дороже, тысячу раз дороже моей жизни, но я не требовала знать тайны твоих намерений, надежд и опасений – я женщина, и мне нужно только твое сердце, а ты открывал мне – Генуя ли коварствовала, Стамбул ли грозил, на Русь ли ты рать собирал, или тебя ляхи на помощь звали – в груди моей тонули твои тайны, как свинец в воде, а теперь... Зачем я пережила мое счастье! Зачем я не умерла!.. Теперь в слезах провожу ночи одна, терзаюсь бессонницею, и днем, чтобы скрыть от завистливых жилищ гарема, над которыми былая твоя любовь меня возвысила, не оставляю постели, и здоровая – о нет! – больная, ужасной болезнью больная...»

Рыдание прервало ее слова; обильные слезы снова потекли по длинным ее ресницам. Магмет-Гирей не без чувств видел слезы и горесть ревнивой жены своей.

«Мой друг! Не раздирай моего сердца! – сказал он. – Ты мила мне и теперь, как прежде, и будешь всегда любезна моей душе... Тебя всегда любил я нежно, люблю теперь, и буду любить во всю жизнь мою... Будь рассудительна, мой друг, не отравляй недоверчивостию моего покоя, не умножай свою горестию печали моей. Пройдет смутное время, и мы снова будем делить время, будем по-прежнему счастливы. Поди, друг, отдохни, а я займусь делами с диван-эфендием и, кончив дела, приду к тебе; поди, душа души моей!..»

Он обнял красавицу и поцеловал ее в розовые ее губки. Она была теперь довольна и хотела оставить хана, но не могла забыть яда, отравляющего ее сердце. «Я снова счастлива, мой друг и властитель, но скажи, что будет с пленницею?.. Она останется во дворце?»

«Что, Заира? Ты хочешь, чтобы она осталась во дворце?» Заира молчала, но ее щеки покрылись румянцем.

«С нею будет то, что тебе угодно, мой друг, – сказал он, устремив пронизательные взоры на ревнивую свою жену, – пожалуй, хоть оставь у себя в услугах, но она, я думаю, не стоит того, а отдать бы ее градоначальнику Ор-Капи¹⁷⁴, чтобы она не видала более ни родины своей, ни родных. Эта злая женщина наделала нам так много вреда, что следовало бы казнить ее, но женщины казнить я не хочу...»

Магмет-Гирей говорил совсем не то, что думал в глубине своей души, но любовь доверчива: и Заира обманулась – поверила ему. Она бросилась на шею хана и молчала; ее пылающие очи, волнуемая грудь тревожно

выражали сведавшую ее ревность. Хан понял ее мысли и чувства.

«А, моя милая Заира, лукавая моя Заирочка! я тебя поймал! То-то мы слепцы в делах сердца женщины! Отчего, думал я, она так переменялась? Укоряет меня в холодности, в скрытности, а я всегда одинаков, одинаково ее люблю; да и в моей ли воле не любить тебя, Заира, когда ты нежностью своею, своими прелестями пленила душу мою? Вот что значит ревность!» – Он поцеловал разгорячившиеся щеки ревнивой красавицы. Она все еще молчала, но трепет сердца в роскошной груди ее высказывал, как она теперь счастлива.

«Однако ж, моя милая Заира, ты слишком ревнива, и мало меня знаешь, если можешь сомневаться в моей любви – ты мало ценишь мою привязанность к тебе», – прибавил хан.

«Довольно, мой друг, довольно, не укоряй меня – я виновата, виновата много, но любовь моя к тебе ослепила меня, и я думала, я сомневалась». Она потупила взоры, терялась в словах, и как она была хороша! Но неблагодарный супруг не умел ценить ее вполне. Магмет-Гирей умел только ценить мужественные характеры, бесстрашную душу и подвиги геройские; увлекаясь ими, готов был пожертвовать всем, чем никогда не жертвовал – даже пламенную свою любовью.

«Ты думала, признайся, Заира, что я полюбил пленницу? Не так ли?» – сказал он.

«Ну да, точно так. Но теперь я забываю все, что думала, что говорила – я не помню ничего! Опять я твоя и твое сердце принадлежит мне – мне одной! Теперь я счастлива. Мой друг, забудь, что я тебя огорчила». Как дитя, она не знала предела своей радости. Хан был тронут еще сильнее ее любовью, ее преданностью неограниченной и ее невинною детскою радостью, после сильной скорби и отчаянной горести, в которые малейшее сомнение в любви его повергало Заиру.

«Добрая моя Заира! Будь спокойна; пленницу возвращу я пленнику: они достойны друг друга, и лучшего дела я не могу совершить! Бесстрашно, мужественно переносили они бедствия; пусть теперь счастье окружает их в остальной жизни, которою они так мало дорожили! От всей души желаю им счастья, и моя казна будет для них открыта».

СЦЕНА В СОСЕДНЕЙ С ДИВАННОЮ ЗАЛОЮ КОМНАТЕ

Мугридар¹⁷⁵, офицер стражи, хазнадар¹⁷⁶, хаким-баши, диван-эфенди¹⁷⁷

Мугридар и офицер стражи

Офицер стражи (*почтительно*)

Время было за полночь, когда меня потребовали к хану. Властитель удостоил раба своего ласковым словом и поручением. Но он сильно был разгневан на смотрителя тайной тюрьмы и повелеть благоволил посадить его в каземат, а пленника перевести во дворец.

Мугридар (*про себя, встревоженный*)

Пленника во дворец, а смотрителя в тюрьму! О Боже! какой переворот! Недаром так поздно нас позвали. Боже мой! что будет и с нами? Но этот молодец, как бы он не догадался, что хранитель печати хранит глубокую тайну потому только, что он не знает никакой тайны! (*громко и насмешливо*). Кому вы рассказываете это за новость? Намерения хана касательно пленника я давно знал. А смотрителю тюрьмы поделом и казнь: как он смел не предупреждать желаний властителя!

Офицер стражи (*несколько смешавшись*)

Я не знал... Все это так неожиданно случилось, что я думал – не дошло до священного нашего слуха. (*про себя*). Он уже все знает, а молчит, как будто ничего не слышал! Наружность вельмож – настоящее дно моря: хоть у них в душе бурно, как на море, а взглянешь на лицо – так нет и тени волнения! Спокойно, как дно морское!

Хазнадар (*поспешно входя*)

Господин мугридар! вы уже здесь? Курьер застал меня среди дел по обширной моей части, и я не смел покинуть разложенных бумаг, не приведя их сколько-нибудь в порядок. Моя обязанность требует много заботливости! Однако ж я, кажется, и не опоздал (*смотрит на часы*).

Мугридар (*про себя*)

Среди дел! У тебя их столько же, сколько и у меня – ровно ничего: дела прибрал диван-эфенди, а мы владеем званиями; и то хорошо: нечто лучше, нежели ничто. (*громко*) Господин хазнадар! вы хорошо сделали, что важные бумаги не бросили в руки писцов, а я так оставил очень нужное дело, и до моего возвращения оно останется без исполнения, ибо (*важно*) государственная печать со мною. (*берет его за руку и отводит в сторону*). Знаете ли? сбылось мое ожидание: хан изволил прогневаться на смотрителя тайной тюрьмы и велел его посадить в каземат, а пленника перевести во дворец. Я предвидел.

Хазнадар (*с удивлением*)

Что вы говорите! Может ли быть? Ах! Боже мой! я совсем забыл, что хан давно недоволен смотрителем тюрьмы. Так у меня много занятий, что забудешь и свою голову! А что до пленника, то и я предвидел... (*про себя*) Двадцать лет учусь великой науке говорить то, чего и во сне не думал, а тут чуть-чуть не проболтался. Слава Богу – опомнился скоро.

Офицер стражи (*смотря на вельмож*)

Мне сказывали, что они друг друга ненавидят, а как дружелюбно обходятся они теперь! Верно, уж примирились. Хорошо, что я не послушался хазнадарова дворецкого, который мне советовал, обещая покровительство своего господина, оуждать дела мугридара, а то я испытал бы участь волка в

Келилевой басне.

Диван-эфенди (*останавливаясь при входе*)

Оба они уже здесь. Мука, да и только, с этими породистыми скотами!.. К делам они способны, как крот к исследованию яркости солнечных лучей, а оставь их – не то что без дела: они и без того останутся вечно без дела – так, без подобающего внимания – беда! По всему царству подымут тревогу такую, что разбудят и мертвых в могиле. Уже мне эти родовые претензии!.. Отец был достойный человек, а сын глупее осла, но все-таки давай ему почестей! Он позор своих предков, а гордится их славою... Но нечего делать: надобно потешить взрослых детей.

Мугридар

Вот и диван-эфенди пришел. Посмотрим, что он скажет.

Диван-эфенди

Достопочтенные господа! прошу у ног ваших простить мне, что я потревожил вас. Хан благоволил приказать мне доставить в его светлое присутствие дело пленных жанинцев, которых он соизволяет возвратить князю Джембулату, удостоившемуся благоволения щедрого нашего властителя – да продлится его царствование! Потому полагал я присутствие ваше необходимым и послал за вами курьера, но, оказалось, что дело не столь важно, и хан переговорит с вами после, на досуге, (*про себя*) когда будет ему время забавляться знатными обезьянами.

Хаким-баши (*в сильной тревоге вбегает*)

Бога ради, спасите меня! Дайте мне совет!

Все

Что такое? Что случилось?

Хаким-баши

Хан соизволил потребовать меня, усердного раба своего, в свое лучезарное присутствие.

Диван-эфенди

Да рассказывай, в чем дело!

Хаким-баши

Сейчас, сию минуту! Вот меня потребовали – я, усердный раб хана, поспешил во дворец и предстал прямо перед светлым лицом нашего повелителя, да продлится бесконечно бесценная его жизнь! Он изволил отдохнуть на бархатных подушках. Я остановился как вкопанный, не смея подвинуться ни вперед, ни назад, чтобы шелестом шагов не потревожить священного сна повелителя, притаил и дыхание...

Мугридар (*с важностью*)

Господин хахим-баши! ты очень хорошо поступил: когда повелитель изволит отдыхать, первейшая и священнейшая обязанность каждого из нас – стараться всею душою и телом предохранить спокойствие владыки от малейшего шума.

Диван-эфенди (*улыбаясь*)

Истина непреложная!

Хахим-баши

Хан изволил проснуться и благоволил сказать: «Спаси его, или своею головою отвечаешь за его жизнь!» Кого спасти? За чью жизнь голова моя порукою? Я не смел спросить, да и как его спрашивать, когда он не в духе! И я не скотина, мои господа, и я разумею политику!

Диван-эфенди (*насмешливо*)

О, мы и не сомневаемся!

Хахим-баши

Но надобно было что-нибудь делать. Тут я вспомнил, что хан недавно, шутя, изволил прибить шута, и бедняжка крепко захворал. Вот я и думаю себе: хан любит его, и стало ему жаль потерять в нем глупейшего забавника, какого не отыскать и в Багдаде; и бегу к нему, а он, хвост шайтана! Выздоровел в тот же день, получивши от ханской милости туго набитый золотом кошелек.

Диван-эфенди

Такое лекарство подействительнее твоих пилюль, хахим-баши! Впрочем, и твои нередко действуют чрезвычайно: бедный мой арап от одного приема твоих пилюль отправился в рай.

Хахим-баши

Если бы вы знали горе – о, если бы вы знали горе, угнетающее мою душу, то не смеялись бы надо мною! Ради хоть великого Лукмана¹⁷⁸, скажите, что мне делать?

Диван-эфенди

Ну хорошо, ради Лукмана, так и быть, я тебя выручу, господин хахим-баши. Я скажу Кизляр-аге¹⁷⁹, чтобы он упросил Заиру идти с певцами к хану, разогнать веселыми песнями мрачные его думы...

Хахим-баши (*с восторгом*)

Спасительная выдумка! Единственное лекарство для исцеления душевного недуга! У хана не болезнь, а гроза львиного сердца осенила его

священное чело... (*про себя.*) Сам бес в него вселился!

V. [IX]

Взгляните на прекрасные долины, где начал я мой рассказ. Какая прелестная картина представляется там взору! Светлый купол неба раскинут, как пурпуровый шатер, а под ним пышно цветет роскошная земля. Ни один богач не может создать ценою золота такого восхитительного зрелища, какое здесь создало Провидение для каждого смертного. Долины, холмы и горы облиты волнистою зеленью; цветы, как пена на море, пестрят жемчужными купами; леса одеты свежими листьями; плодовые деревья, облитые пурпуровым дождем цветов, наполняют воздух и орошают равнины благотворными струями; пение птичек небесною гармониею услаждает слух!.. Не земля – рай! Здесь все дышит жизнью и радостью. Настанет ночь, и над роскошною землею загорится небо тысячами таинственных огней, и с бриллиантовыми лучами звезд польется на дольный мир живительная роса сребристою влагою. День заменит ночь – и золотые искры южного солнца сушат следы благотворного увлажнения, пьют росу; снова все блестит, снова все горит! Вешний день – торжество природы. А для человека? Для человека радость без теней печали редка...

Однако ж для жанинцев весна, последовавшая за горестною зимою, была вполне радостная. Гроза прошла; что унесла она с собою, то было оплакано и забыто, и гордые жанинцы снова предались забавам, и на свежих могилах отцов и братьев праздновали земное счастье. Поля, где в прошлое лето гуляла смерть, где в последовавшую зиму царствовало уныние, оживились, покрылись пашнями, стадами, и веселые песни оратая заменили вопли и стоны, сопровождавшие минувшую войну; мир принес с собою покой и изобилие, давно уже неизвестные жанинцам, которые любили войну, и любили совершенно безрассудно.

В прекрасный майский день цветущие поля были покинуты: народ спешил со всех концов жанинского поколения в знакомый нам аул нашей героини, желая слить нелицемерную свою признательность с ее радостью. Древнее жилище предков княжны снова красовалось среди обширного аула, где следы пожаров и опустошений семилетней войны исчезли, и попечительная рука ее все привела в прежнее состояние. Снова княжеский дом оглашался шумным говором князей и старшин жанинского поколения; как прежде, народ кипел вокруг княжеского двора. Но теперь не рассуждали там о средствах потушить пожар войны междоусобной, не советовались о том, отважить ли судьбу родной страны на безнадежную битву, или ценою покорности купить мир? Нет! съехались не для шумных прений, но хотели предать минувшие горести забвению, и торжество славы родины соединить со свадебным торжеством ее виновников. Народ любил князя Джембулата, удивлялся деяниям знаменитой княжны, и их брак был для него настоящим праздником, полною радостью. Обширный аул, где должен был совершиться

последний период свадьбы... Но слова: *последний период*, которые употребил я здесь, сами по себе ведут к вопросу: на сколько же периодов разделяется свадебное торжество? Надобно удовлетворить любопытству тех, кому угодно будет на этом вопросе остановиться.

Начнем с того, что когда знатный черкес женится, невесту привозят в дом уважаемого человека, и там совершается бракосочетание. Новобрачная остается здесь иногда очень долго, и, во всяком случае, до тех пор, пока ознакомится вообще с новым образом жизни, который она должна вести в супружестве: девическая свобода исчезает вместе с ее корсетом. Опять слово: «корсет» дает повод к множеству вопросов, потому что какой-то путешественник, прельщенный стройностью талии черкешенок, стал когда-то расспрашивать, отчего они такие тоненькие. К несчастью, тут случился толмач, и натолковал путешественнику многое множество премудрых обычаев, из которых путешественнику вообразилось, для произведения, вероятно, сильных ощущений над чувствительностью прекрасных читательниц, вывести, будто «черкесы младенца женского пола, на десятом году, а иногда и раньше, обшивают сырою бараньею кожею, и оставляют в ней до замужества, когда муж разрезывает кинжалом баранью кожу, или корсет». А как в то время язык, на котором путешественник писал свое путешествие, был пронцаем только для зорких глаз канцеляриста, то и вышла суцая кутерьма: в гостиных петербургских нередко слышите восклицания чувствительных, прекрасных дам о бесчеловечном образе воспитания девушек у черкесов. Объяснимся.

Имея от природы здравый рассудок, поверят ли возможности девушке, с десятого года возраста до замужества пробить в сырой бараньей коже, как угодно было кому-то уверить Европу, ничему не верующую? Предложив мой вопрос, слышу ответ: «Мы верим!» Удивляюсь, и опишу вам подробно, в чем состоит дело.

Корсет черкешенок есть не что иное, как одежда, составляющая исключительно принадлежность девиц; женщины его не носят. Знатные девушки шьют корсеты иногда из красного сафьяна или бархата, обшивают серебряными и золотыми галунами; в таком случае он бывает с короткими полами и серебряными застежками на груди. Такой корсет, надеваемый сверх рубашки, под верхнюю одежду, есть праздничный и не в каждом племени употребительный. Настоящий, или будничный и везде употребительный, шьется из желтой мешины, преимущественно у девушек высшего класса, и из выделанной телячьей, или козлиной кожи, у девушек простого народа. Такой корсет бывает обыкновенно без пол, и едва доходит до оконечностей ребер, крепко зашнуровывается спереди и прикрывает всю грудь; две тоненькие дощечки, на всю длину корсета, засовываются спереди, и одна коротенькая сзади, отчего корсет сидит прямо, но, правду сказать, девушкам очень неловко сидеть от проклятых дощечек, и гораздо было бы лучше употреблять китовые усы, но такая роскошь моды еще не достигла Кавказа, и черкешенка лучше хочет мучиться от проклятых дощечек, нежели скинуть корсет: «Скинуть! избави Бог!». Впрочем, корсет снимают и моют очень

часто, но редко без него остаются целые сутки, и ночью спят в корсете, только вынув дощечки. Вот вам и корсет черкесский!^A Тут, кажется, нет никакой диковинки. С которого года начинают носить корсет, зависит от усмотрения матери или воспитательницы, и от сложения девочки, но вообще начинают довольно рано. Черкешенки имеют стройную талию, но она едва ли не следствие образа их жизни, нежели корсета. Напротив, корсет много способствует тому, что у черкесских девушек, даже очень зрелых, почти неприметны груди, что, по моему мнению, очень нехорошо. Что может быть восхитительнее белоснежной груди прекрасной девушки, когда, после томительного вальса, она волнуется, как пенный прибой моря! Ах! какая роскошь: смотреть на полные плечи, открытые по последней моде, и полуоткрытую грудь красавицы, опираясь на спинку кресел, на которых сидит она, ваша царица, в бесконечном котильоне, и слегка оборачивая свою головку, разговаривает с вами! Тут и самый скромный взгляд ее превращается в полувзгляд, который, как известно, имеет в себе более электричества, нежели весь земной шар. О, зачем я не утонул – не в пустословии гостиных, Боже меня сохрани! Нет! – в волнах электрических лучей из голубых глаз княгини N.! Одно воспоминание об этих голубых глазах – так и жжет сердце!

Простите отступление. Согрешил.

Вот вам и вся история корсета черкешенки.

«А конец корсета, т. е., когда перестают его носить?» – Какие вы любопытные! Но так и быть – опишу и этот великий период в жизни девушки-черкешенки.

Ночь; поздно; в ауле тишина; в отдельно стоящем домике блестит огонек, и слышен тихий шепот: там невеста в тревоге ждет жениха. Молча стоит она у стены, подле брачного ложа; прозрачная белая вуаль закрывает ее тревожное лицо; две девушки, ее подруги, подшучивают. Но, вот, за дверьми раздался шорох чьих-то шагов; подходят тихо два человека – один в бурке, с шашкою чрез плечо; кинжал и пистолет на его поясе, в руках у него две красивенькие подсошки, вместо трости. Это счастливец жених, и с ним его приятель, который входит в дом, чтобы предупредить находящихся там о приходе жениха. Он возвращается и вводит счастливца. Невеста одна; ее подруги убежали пред входом жениха. Она неподвижна и безмолвна как статуя. Жених садится на постель; его друг принимает от него оружие и вешает; снимает башмаки; огонек в камине закрывает золою и, пожелав доброй ночи, уходит тихо. Тут начинается церемония: жених сам подходит к невесте, и если она не в большом страхе, то сама снимает с себя верхнее платье, а в противном случае жених помогает ей. Перед рассветом новобрачные расстаются; они, может быть, и не хотели бы, но друг счастливца, прокараулив целую ночь, чуть заря покажется, стучит в двери, и не дает им наслаждаться сном. Между тем входят подруги новобрачной и с

---

^A У низовых черкесов корсеты называют: *подвязка груди* (бхетчапх), а кабардинцы дают другое название (фохшибе) (Прим. автора).

плутовскими улыбками бросаются сейчас к постели – и тут находят корсет, который и берут себе, если им нравится, и об нем уже нет более и поминки.

Новобрачная остается в том доме, где она простилась с корсетом и с девической свободой, довольно долго, и тут совершают первый период свадебного торжества, который оканчивается блистательным образом в доме ее мужа. Вот почему я намерен описать последний период свадьбы нашей героини потому именно, что первый уж совершился в том доме, где она соединилась узами супружества с любезным ее князем Джембулатом, и меня там не было.

День был прекрасный, как я уже сказал; светлое небо юга не омрачилось ни одною тучею темных облаков; небо, казалось, разделяло радость жанинцев. В обширном ауле княжны, или уже княгини, с нетерпением ждали открытие торжества. Толпы всходили на холмы и курганы, и смотрели на дорогу, по которой быстро скачущие вершники вздымали пыль. «Вот показались! Вот выезжают из леса!» – вскричали голоса. В самом деле, несколько сот конницы выехало на равнину, опоясанную полумесяцем густого леса. То был свадебный поезд. На татарской висячей колеснице, покрытой белою шелковою тканью, обитой внутри тою же шелковою материею, устланной богатыми коврами, ехала знаменитая жена князя Джембулата. С нею сидели ее воспитательница и хозяйка дома, где она так долго гостила. Почетнейшие старшины окружали колесницу и ехали с веселыми лицами и говором, но без иступленного крика и шума, раздававшихся позади них в толпе молодых наездников. Посреди этой толпы ехала арба на двух колесах, покрытая шелковою красною тканью, развевающеюся по ветру, как знамя. Вокруг двухколесной колесницы, необходимой принадлежности свадебного поезда, раздавалось громкое пение свадебных песен, в которых превозносят обыкновенно красоту, скромность, искусство в вышиванье золотом молодой супруги, славу и подвиги ее мужа. Мы должны, однако ж, заметить, что в песнях, сложенных для подобного случая, не называют никого по имени, но речи применяют намеками к разным лицам. Гром ружейных выстрелов вторил протяжным напевам песен, и дым туманом носился над поездом. В таком виде и порядке, или, справедливее, беспорядке, поезд приближался к аулу.

По мере приближения поезда в ауле суетились. Густые толпы народа поспешно вооружались длинными, как дротик бедуина, ловко гнувшимися дубинами, и высыпали навстречу приближавшемуся поезду, который, между тем, остановился, чтоб приготовиться ко вступлению в аул. Колесница, где сидела княгиня, отделилась от многочисленного поезда, и поехала тихо, в сопровождении старшин. Знаменитейшие жители аула встретили свою владелицу и проводили ее до ворот княжеского дома. Тут остановились конные, слезли с лошадей и смешались с толпою женщин, в пестрых нарядах выступивших навстречу княгине. От ворот ограды до дверей дома путь был устлан парчою, и хозяйка вступила в свой дом *по золоту и серебру*, которые, по обыкновению, достались пожилой женщине, сопровождавшей княгиню. При входе в дом ее осыпали сухариками и орехами, на которые ребятишки

бросились толпами; в доме поднесли молодой хозяйке мед с маслом и очищенными орехами; она, разумеется, не стала есть, но зато старухи, управлявшие обрядами, налагомили досыта. Тихое, хотя и церемонное вступление новобрачной в дом, где должна была начаться новая для нее жизнь, не так было занимательно, как другое зрелище, в то же время происходившее пред аулом – страшная потеха воинственного поколения. Мы опишем ее подробно.

Арбу с красным покрывалом окружили несколько сот конницы и двинулись с нею к аулу; надобно было арбу довести до княжеского дома в целости, а это трудно было сделать: пехота, вооруженная дубинами, высыпавшаяся из аула, намеревалась разбить арбу, сорвать покрывало – обыкновение, составляющее важную принадлежность свадебного торжества. Конница бросилась на пехоту, хотела смять, расстроить ее и, таким образом, открыть путь арбе. Пехота отчаянно защищалась, поражая без пощады длинными своими дубинами лошадей и даже самих всадников; она выдержала первый натиск кавалерии, но второй, последовавший за неудачей с великим ожесточением, прорвал ее средину, и колесница пронеслась. Наездники торжествовали победу, а пехота была в отчаянии, но торжество, как и отчаяние, были кратковременны: один из пеших нанес сильный удар дубиною по голове лошади в упряжке арбы, и бедное животное пало на месте. Тут пехота бросилась на опрокинутую колесницу, и во мгновение ока изорвала в куски шелковую ткань, которая так игриво развевалась на воздухе.

День прошел в такой потешной, но опасной битве и в последовавших затем угощениях и увеселениях. Наступила ночь, но не ночь покоя: в продолжение ночи несколько тысяч народа кипело, веселилось вокруг княжеского двора. Утреннее солнце озарило весь блеск свадебного торжества. Собрались на открытом воздухе музыканты, флейтчики и скрипачи с запевалами. Часть блюстителей порядка торжества пригласила наездников, а другая отправилась за дамами, и начались пляски, но не быстрый вальс и бешеная мазурка, как вы можете себе представить, и не неблагопристойное кривлянье, как можете предполагать, судя по пляскам восточных народов, но тихое, ровное движение, нечто вроде русского хоровода, более чинное, более любопытное, воинственное и великолепное. Представьте себе круг, образуемый несколькими десятками наездников в стальных кольчугах, горящих золотом на солнце, налокотниках и нарукавниках, и таким же числом прекрасных, стройных, как раина, черкешенок-девиц (замужние не танцуют и довольствуются только смотрением, и то издали) в богатых шелковых и бархатных нарядах, в шапочках, золотом шитых и перевитых платочками в виде чалмы; представьте, говорю, себе такой круг, тихо, в такт музыки движущийся, и тогда вы будете иметь понятие, по крайней мере, приблизительное, о пляске черкесов в благословенную старину. Подойдите к кругу, если только вас пропустят теснящиеся тут наездники на лихих лошадях, зрители пешие и блюстители порядка, с длинными палками, наблюдающие за

благопристойностью и порядком – тут увидите вы много занимательного, много милого и прекрасного. Красавицы с большим кокетством бросают взоры, незаметным образом, на наездников, а наездники ловят их взгляды, ловко подхватывают отрывистые их слова, и еще много бывает таких *мелочей*, которые заставят вас пуститься в пляску, хотя седины вились бы уже на вашей голове, как иней на ветке мерзлого дерева; в пляске так удобно красавице примолвить ловкое словцо, и прочее, и прочее. И не от того ли в старину у черкесов и седые головы любили плясать, хотя, правду сказать, и тогда уже седые головы в плясках пользовались вниманием не более как старомодные остатки – не более, что вовсе не занимательно для неутомимого танцора-старика. Во время подобных плясок общепринятое приличие требует, чтобы девица не танцевала слишком долго с одним кавалером, и потому вокруг танцующих беспрестанно мелькают красавицы, что увеличивает пестроту занимательного круга, над которым поминутно раздается стрельба – без звука оружия и забава не в забаву воинственному поколению! Пожилые женщины увиваются тут же, не выпуская из вида своих питомиц; музыканты оглушают воздух звуками, правду сказать, не очень стройными; пестрые толпы кипят. Но вот наступает пора угощения; напитки выкатываются в бочках, яствы разносят старшинам, развозят народу; пляска прекращается на время. Зато тотчас начинается страшная потеха.

Наездники садятся на коней; народ вооружается снова длинными палками, и бой готов завязаться. Густые толпы пехоты бросаются на наездников и, с криком поражая их, теснят; конница отступает без большого сопротивления на чистое, просторное место; пехота, поощренная удачею, с дерзким шумом преследует конницу, но вдруг конница останавливается и, поворотив лошадей назад, бросается быстро, как вихрь, на преследователей. Лихие наездники пробиваются сквозь народ, разгоняют толпы, и в пыли потешного боя перескакивают через высокие заборы, глубокие овраги и ямы, грудью коней опрокидывают арбы с бочками напитков, вывезенными для народа. Конница выигрывает победу, но и пехота не упадет духом и снова выступает. Являются старшины-посредники и прекращают игру, которую можно назвать битвою; в самом деле, люди и лошади нередко лишаются в ней жизни и подвергаются увечью, но приветная улыбка и внимательный взгляд красавиц вознаграждают отважных и в поле и в забавах наездников. И с каким удовольствием снова начинают они пляску; потешная битва подает тысячу предлогов перемениться двусмысленными словами с прекрасными плясуньями.

Три дня продолжались воинственные игры, а на четвертый день, вечером, богато одетый старик из числа блюстителей порядка вскарабкался на крышу княжеского дома, и его голос возвестил конец торжеству. Густые толпы народа мигом стеснились к дому. Старик, с напряженным усилием, бросил одну за другою три желтые мешины, налитые маслом, в волны народа, и – пошла потеха! Жители каждого отделения жанинского поколения составили особенную партию, и, таким образом, образовалось множество

партий, и все бросились на брошенные кожи, стараясь унести хоть одну из них к себе, в свое отделение, что составляет некоторым образом честь для каждого отделения, или аула, завладевшего трофеем. Борьба продолжалась гораздо за полночь; шум и крик оглашали окрестности обширного аула княгини. Но где же ее супруг, знаменитый князь Джембулат? Он был уже далеко в набеге, хотел славою отваги ознаменовать свою женитьбу – таков был обычай воинственного народа. Любезная старина! Разгульное время! Как все тогда кипело огнем отваги!

VI. [X]

Два наездника въехали в дремучий лес, покрывавший дикие, извилистые берега нагорной речки, бурно катившей по каменному дну светлые свои волны. В лесу была обширная поляна, а посредине ее непроходимая чаща терновника; тут остановились наездники. Проворно соскочили они с лошадей, достали походные, или седельные, топорики, прорубили небольшую тропинку до середины терновника, ввели туда своих лошадей и поставили под тенью дерева; снова принялись за работу; вырубленные терновники воткнули на прежние места, и, таким образом, *зашили*, как говорят черкесы, прорубленную тропинку. Кругом ненарушаемая ничем тишина. Наездники, уверенные, что их убежища никто не обнаружит, сняли с лошадей седла, а с себя оружие. Лошадям накосили кинжалом осенней травы; для себя вынули походную пищу. Младший почерпнул кожаным стаканом из чистых струй нагорного источника и подал товарищу. То были Джембулат и Теймбулат.

Теймбулат был угрюм и печален. Его взоры дико блуждали и тяжело падали на друга. Мрачная тоска давно не оставляла его задумчивого лица и иссушала сердце юноши. Он страдал, и как он переменялся! Джембулат тщетно старался вызнать тайну, отравлявшую душу юноши-друга, который убегал откровенного с ним разговора, редко бывал у его жены, избегал встречи с нею, и с тех пор, как счастье окружало и лелеяло знаменитых супругов, большую часть времени проводил в поле, в наездах.

Что с ним сделалось? Было время, когда он был вызываем живыми и мертвыми на пагубу друга, и все коварные замыслы раздроблялись о твердыню благородной души его, как волны моря о граниты, и он берег счастье друга-благодетеля, как свое око, а теперь благополучие друга, казалось, делало Теймбулата несчастным. Канлы, не оставлявший своих злобных намерений, коварно напоминал ему проклятия отца и матери. Но с прежнею твердостью он отвергал кровавые замыслы лицемера, хотя сам, в глубине души своей, ощущал неизъяснимую тревогу, каждый раз, когда вспоминал ночное посещение гробницы отца и матери, и часто во сне казалось ему, что тени их летают пред ним, поражая слух его проклятиями. В страшную для его памяти ночь семена злодеяния были брошены глубоко в грудь его и ждали только нового усилия страстей, чтобы вырасти и облиться кровью друга и благодетеля. Явилась страсть губительная и превратилась в

ужасную и преступную бурю. Прежде, нежели сделался поверенным любви друга, он любил княжну, но когда обстоятельства открыли ему сердечные узы, соединяющие Джембулата с княжною, Теймбулат решился без ропота пожертвовать своим счастьем благополучию друга: он надеялся заглушить в сердце своем пламя любви, и – обманывал себя... Не станем описывать всех его страданий, его борения с самим собою, его усилий преодолеть себя – не умолчим только об одном случае, показавшем торжество чувств святой дружбы и признательности и в минуты пылающей преступной страсти.

Однажды, поздно вечером, он проводил Джембулата в его дом. Прекрасная княгиня, некогда мужеством характера и пылкою речью одушевлявшая воинов, волновавшая народы, как посадница новгородская¹⁸⁰, теперь стыдливая, как сама невинность, стояла, потупя взоры, при входе мужа с другом его. Счастливый супруг, желая рассеять мрачную тоску грустного юноши, удержал его, против обыкновения, несколько времени, шутил с ним, советовал ему жениться. Княгиня также приняла участие в разговоре. Голос, улыбка, взоры княгини взволновали кровь несчастного юноши, оживили заглушенные несколько временем его чувства – раскрыли раны сердца. Он не мог говорить, не мог слушать равнодушно, что ему говорят; он был пробужден от благодетельного усыпления, и страсть его снова закипела с яростью бури. Несчастный юноша был вне себя.

«Невыносимо! Я не могу долее переносить нестерпимых мук, я паду наконец под ударами безмолвного страдания. Слышу ли ее голос, вижу ли ее улыбку, ее взор, несчастная страсть снова воспламеняется в груди моей и сожигает меня! Напрасно надеялся я преодолеть себя. Напрасны мои усилия: и время разлуки мне не в пользу! Днем, среди людей, томлюсь в унынии; ночью, в уединении, тоска терзает меня; бессонница отравляет обыкновенный покой смертных, да и самый сон для меня ужасен: во сне тень отца, кровью облитая, преследует меня, и проклятия матери раздирают мой слух. О, я несчастный!..»

Вот отрывистые слова, которые Теймбулат произносил, когда оставил дом своего благодетеля. Сильная рука человека, как тень, неприметно следившего во мраке шаги исступленного юноши, остановила его. То был известный князь Канлы: как голодный волк, он рыскал по ночам и жаждал крови. Он предложил юноше вызвать Джембулата, без оружия, под каким-нибудь предлогом. «Ночь темная; здесь никого не видать; всё спит, и если ты боишься крови, я выпью его кровь, чтобы только отмстить кровь твоего отца; ты предай лишь его в мои руки, и все кончено». Теймбулат остановил ужасного человека. «Как низка твоя душа!» – сказал он с благородным негодованием, и велел ему удалиться. Они расстались, разменявшись угрозами и укоризнами. Юноша провел ночь на страже своего благодетеля, но то была последняя услуга его другу, последняя минута, в которую держал он победу над обуревавшими дух его страстями; последовавшие дни страсти помрачили рассудок его ужасною решимостью, и злодейство восторжествовало над его совестью.

Возвратимся к друзьям. Они завтракали. Джембулат был весел, а

Теймбулат угрюм и дик.

«Здесь отдохнем, а между тем туман снимется, солнце просияет; тогда явимся мы перед аулом соперника, в виду жителей схватим юношу или девушку, и с добычею отваги немного замедлим в виду аула; если догонят нас – сразимся, а если нет, так не наша вина! То-то красавицы заговорят об отважном набеге нашем и запоют песни отваги и старины, а **красные башмаки**, которые неутомимы только в танцах, повесят носы!^А», – сказал весело Джембулат и с удовольствием посмотрел на почерневшие от стремян свои башмаки, сшитые руками знаменитой его жены. Он мечтал о славе отваги, о прелестях своей княгини, а товарищ его молчал угрюмо, и в беспокойных его взорах выражалась дикая свирепость: ужасные мысли волновали его душу.

Наездники подкрепили себя пищею, и Джембулат лег отдохнуть, положив голову на колени друга, у которого глаза засверкали, как у тигра, готового броситься на добычу. Вид его был ужасен!

«Кто, – спросил он Джембулата, – кто будет вестником твоей смерти, если я тебя теперь зарежу?»

Джембулат улыбнулся и отвечал, указывая на куст, подле него растущий: «Вот этот **тетеркон (перекати-поле)** может быть Божиим вестником». Он не договорил...

«Пусть же будет, если может!» – вскричал Теймбулат, и в его руках заблестал кинжал. Во мгновение ока благодетель его плавал уже в крови своей!..

* * *

Ночь была темна, как совесть преступника; дождь шел проливной; молния изредка страшно блистала; унылый вой ветра и перекаты грома довершали мрачную картину тревоги природы, которая согласовалась с мрачными мыслями и тревожными чувствами убийцы, когда он явился в аул князя Канлы. Коварные замыслы злодея были виною злодеяния некогда твердого в дружбе и великодушного юноши, но теперь – гнусного убийцы. Он шел к нему отдать отчет в своем кровавом злодеянии – отчет ужасный! В ауле все было тихо; все уже спали или скрывались в своих домах от непогоды, но в маленьком домике Канлы пылал еще огонь; он, с одним из ватаги своих удалцов, беседовал о замыслах своих и надеждах.

«Наконец, надеюсь, мои старания кончатся успешно, – говорил Канлы. – Сколько лет мучился я напрасно! Давно мог бы я погубить Джембулата, но тогда труды мои остались бы бесплодными; теперь его не станет, и не я, а тот будет его убийцею, который стал бы между мною и **ею** вечною преградой. Понимаешь ли? Я один на пути к сердцу княгини: одним ударом вырублю оба вредные мне корня».

---

^А Намек на щеголей черкесских, которые обыкновенно носят красные башмаки, и за то подвержены бывают насмешкам людей, презирающих такое щегольство (Прим. автора).

«Как же все устроилось так удачно?» – спросил равнодушно достойный собеседник Канлы.

«Устроилось так, как устраиваются все дела, когда примешься за них умно, да с терпением работаешь. Теймбулата долго уверял я, что его отец и мать и в могиле требуют смерти Джембулата, но это действовало плохо. Он отвергал все мои предложения. Я не торопился, а между тем вмешалась в дело любовь, и все пошло, как нельзя лучше. Видишь ли? Теймбулат влюбился в княгиню, и я не пропустил случая воспользоваться обстоятельствами: я уверил его, что он может жениться на княгине, когда мужа ее отправит к его предкам. Сначала он и слышать не хотел, а наконец решился. Желая доброго успеха, только не в женитьбе, а в убийстве! Нет, приятель! я не для тебя работал! (он засмеялся хохотом демона.) Впрочем, если он и тут станет упрямым, так мы найдем и ему дорогу, и – княгиня моя! Она поплачет, погрустит; пройдет год траура... Ах! скоро ли дождусь вести».

Тут кто-то постучал в двери и прервал раннее торжество ужасного человека.

«Кто там?» – спросил он. Убийца отозвался. Канлы, узнав его голос, так обрадовался, что выбежал к нему, забывши взять оружие, даже не взял кинжала. Так спешил он насладиться рассказом убийцы о последних минутах человека, которого козни его погубили во цвете лет, в счастливейшее время жизни! Два злодея отошли в сторону.

«Что, кончено?» – спросил Канлы торопливо.

«Да», – отвечал убийца и задрожал.

«Достойный сын славного отца! Дай мне тебя обнять!» – вскричал с восторгом Канлы.

«Теперь я достоин твоих объятий. Да, я достоин теперь твоих лобзаний, гнусный человек! – сказал убийца и голос его дрожал. – Одно убийство я совершил: мало! Я пришел совершить и другое, но оно, надеюсь, не будет преступлением. Да, я пришел, чтобы твою коварную душу отправить в ад, куда твои козни открыли дорогу моей душе! Но выслушай смиренно, или перестанешь слышать прежде, чем узнаешь, как я исполнил злодеяние, которому ты с таким усердием научил меня!..»

Руке отчаянного грешника как будто что-то придало необыкновенную силу. Он схватил за грудь князя Канлы, который в каком-то оцепенении стоял неподвижно.

«Слушай, – продолжал убийца, – я зарезал человека, которого имя ни твои, ни мои уста недостойны произносить. Да, я его зарезал – и ужас злодеяния, мною совершенного, лишил меня силы: дыхание в груди моей стеснилось, глаза потемнели, и я без чувств упал на труп великодушного человека. Тогда глазам моим представились страшные видения! Земля вокруг меня покрылась удушливым туманом; небо помрачилось, гром загрохотал, молния заиграла, ветер заревел. Надо мною разразился страшный удар, и с неба спустилась необъятная масса светлых туч. Они скоро рассеялись, а на месте их осталось лучезарное здание – то был рай, жилище блаженных. Я не

успел осмотреться вокруг себя, как раздался под землею удар, и земля поколебалась, расступилась, и открылось подле меня огненное жерло, из которого выходили пламенные столпы, тучи дыма, и показывались какие-то чудовища – то был ад!.. Между обителю блаженных и огненным жерлом ада явились два золотые столпа с висящими на них, блестящими весами – то были весы правосудия. Наконец раздался, казалось, с небесного свода, звук трубы, и миллионы народа возникли из земли, одни в белых покрывалах, другие в черных...

«Настал день правосудия! Идите отдать отчет перед Творцом в своих деяниях на земле!» – раздался голос. Миллионы двинулись, подходили к весам правосудия, и блаженных ангелы отводили в рай, а грешных чада тьмы – в ад. Богохулители, клеветники, убийцы, притеснители слабых, грабители, с ужасающею печатью страдания во взорах, проходили мимо меня в ад и звали меня с собою воплями, раздиравшими сердце, оглушавшими воздух. Между ними я видел и тебя, злодей: ты весь был облит кровью, и кровь на тебе горела пожаром – ты метался, как бешеный! Напрасно я отворачивался; везде ужасы поражали мои взоры! Я плакал, страдал ужасно, и отсюду адский хохот был мне ответом. С другой стороны начали проходить мимо меня блаженные в лучезарных нарядах – они шли в рай. Между ними я видел Джембулата... «Я тебя прощаю, и да простит тебя Бог!» – сказал он, проходя мимо меня. Я потупил глаза, я не мог встретить его взоров, хотел броситься к его ногам, но ужасное чудовище схватило меня и повлекло в ад; я загорелся от его прикосновения, усиливался призвать имя Бога на помощь и – пришел в память. Нет! То был не сон, а изображение ужаса, какой нас, грешных, ожидает там, где мы должны отдать отчет в наших преступных делах! О, как дорого заплатил бы я, если бы мог возвратить себе прежнюю чистоту моей совести! Но нет! я уже слишком далеко зашел, погибшее творение, недостойное милосердия Творца!».

Раскаяние терзало несчастного; невыразимая тоска тяготила его. Он дрожал; голос его был дик и страшен. Канлы, пораженный ужасом небесной казни, трепетал. «Но ты не должен более попирашь земли, тобою обесславленной; твоё дыхание не должно более заражать воздуха!» – воскликнул убийца. В его руках очутился роковой кинжал. Злодей исполнил второе убийство. «Лучшего дела я уже не мог совершить на земле!» – произнес он и, шатаясь, скрылся во мраке бурной ночи.

* * *

Вечернее солнце тихо догорало на закате; слабые лучи его розовою тенью разливались по снежным тучам облаков, медленно носившихся над горами, и чудной краской одевали их. Пред знакомым нам домом, в ауле князя-старшины жанинского поколения, забавлялся четырехлетний резвый мальчик в богатом наряде. В руках его был кинжал, которым рубил он дыни, и каждый раз, когда удачно рассекал их, то громко вскрикивал: «Так разрублю я голову убийце папеньки!». Молодая кровь в нем кипела – кровь

сына мщения и отваги, обреченного на месть. К нему подошли мужчина и женщина. «Маменька! Вот так рассеку я череп убийцы папеньки!» – вскричал маленький воин, раздваивая одним ударом большой арбуз. Женщина печально улыбнулась и поцеловала мальчика. «Милый сын! Он оправдывает свое имя», – сказала она, и на ее глазах навернулись слезы воспоминания. Кто была она? Знаменитая героиня жанинская, а мальчик – сын ее от Джембулата, коварно зарезанного; раннее чувство мести в ребенке утешало мать.

«Твой ранний Амхен^А думает, что и череп так легко рассекать, как арбуз, но бывают черепы очень крепкие», – заметил мужчина и нахмурил брови, как будто ранняя склонность к отмщению за отца не понравилась ему в ребенке. Кто был он? Убийца знаменитого Джембулата!

Время всесильно. Прошли годы. Теймбулат, обогранный священной кровью друга и виновною кровью Канлы, долго скитался, преследуемый совестью. Он объявил, что Джембулат убит неизвестно кем в набеге, тело его привез домой и с глубокою печалью предал земле со всеми обрядами, совершил и обыкновенные поминки и годовую по нем тризну; соорудил над прахом каменную гробницу, и мраморный памятник поставил на дороге, недалеко от гробницы, чтобы прохожие воссылали обычные мольбы о покойнике. Несчастливая вдова погибшего воина не была уже та женщина, которая твердостью характера некогда удивляла народы, которая считала себя лишеною слез, исключительно женщине данных утешений: она плакала неутешно день и ночь; ее рыдания раздавались в утренние и вечерние часы над могилою утраченного супруга. Так проходили годы. Убийца также плакал, и может быть, его слезы были слезы горького раскаяния, а не притворства. Она носила, разумеется, траур, даже и по прошествии обыкновенного времени, года, и никогда не хотела снимать его. Теймбулат также не снимал с себя траура. Вместе проливали они слезы, и обоюдная горесть сближала несчастную вдову и нечестивого убийцу. Она уже не находила на земле ни утешения, ни покоя, но злодей сделался для нее необходимым: он рассказывал ей замечательные случаи в жизни покойника – и плакал; так, сделавшись участником печали, Теймбулат заслужил ее доверенность, что было легко ему тем более, что он ни словом, ни видом не напоминал княгине о прежних своих чувствах к ней. Может быть, он и сам думал, что раскаяние и горесть, которые сильно его тяготили и угнетали, потушили в нем прежнюю любовь. И так прошли четыре года. Наконец, время снова воспламенило затаенную в его груди искру любви, и он решился соединить судьбу свою с судьбой несчастной вдовы. Избрав удобный случай, он открыл княгине с горестною убедительностию, что Джембулат, умирая, заклинал его именем дружбы посвятить ей остаток дней своих. Понять его было легко. Она заплакала, но исполнить последнюю волю покойника было необходимо, и по прошествии четырех лет княгиня стала женою убийцы

---

^А Такое имя черкесы обыкновенно дают мальчикам, родящимся после убитого отца; оно значит *кровоместник* (Прим. автора).

Джембулата. Все еще не переставала она оплакивать прежнего мужа; убийца делил ее горесть, и тем успел привязать ее к себе, по крайней мере, признательностью. Порой ему были тяжелы ее слезы, и теперь, когда она поцеловала сына и заплакала, в его душе вспыхнуло негодование, какого не обнаружил бы он, если б небесная казнь не висела над его преступной головою. Несчастливая княгиня заметила его негодование, и с грустью в сердце отошла в сторону, дать волю своим слезам...

Вдруг поднялся сильный вихрь и быстро прикатил к ногам убийцы роковое для него растение – *перекати-поле*. «А, Божий вестник! Опоздал, голубчик, опоздал!» – сказал он громко и захохотал, как безумный. Да, он обезумел и, забыв все, назвал убийцу Джембулата.

Признание сумасшедшего пронзило ядовитую стрелой истерзанное сердце бедной женщины. Слезы брызнули из ее глаз дождем; невольное рыдание вырвалось из груди... Она прижала в своих объятиях сына и возвратилась в дом в сильном волнении. Безумный муж последовал за нею и думал утешать несчастную гнусною своею любовью. Она была безмолвна. Вихрь снова поднялся и нес роковое *перекати-поле* в дом княгини... Она содрогнулась.

«Божий вестник!» – проговорила она, и убийственный кинжал очутился в ее руках... Тлевший в камине огонек отразил блеснувший клинок кинжала над погруженным в гробовой сон убийцею!..

* * *

Прошла ужасная ночь; наступившее утро было бурно; под небом волновались тучи, словно море в бурную погоду; солнце взошло, и кровавое море разлилось на восточном небе. Женщина, высокая и стройная, в черном наряде, вышла из мрачного оврага, покрытого вековым лесом. На лице ее отражались глубочайшее уныние, тоска, горесть, ужасы отчаяния, презрение к жизни и людям. Она взошла на вершину холма, увенчанного несколькими каменными гробницами, и поставила подле одной из них мальчика, которого взнесла она на холм на своих руках. «Мой друг! останься здесь – за тобою придут! – сказала она грустно, и прибавила тихо – Когда меня не станет», и ужасная тоска выразилась в ее взорах, устремленных на мальчика, беззаботно смотревшего на мать. «Счастливые лета!» – произнесла женщина и пошла в гробницу, но остановилась у самого входа и взглянула еще раз на сына. Она подняла руки к небу и сказала: «Боже! несчастная мать поручает Тебе невинного сироту!» Ее положение в ту минуту представляло страшную, но трогательную картину: сильный ветер развеивал ее длинные кудри и черное покрывало; лучи выглянувшего из-за туч солнца падали прямо на ее лицо, страшно измученное, но довольно спокойное; ее взоры выражали неизъяснимую тоску и падали на бедного ребенка. «Боже! на земле некому мне вверить сироту. Тебе поручаю его!» – произнесла она и вошла в гробницу.

«Родители мои! несчастная ваша дочь пришла теперь просить у вас покоя. Она, бедная скиталица, найдет, наконец, здесь, среди не чуждых ей

костей, спасительный покой. Кто властен над собою, кто может без трепета располагать жизнью своею, тот и в несчастьи находит залог утешения. Боже! прости преступницу...» Она вынула убийственное орудие... Но тут раздался за гробницу пронзительный крик мальчика. Несчастливая женщина, влекомая материнскими чувствами, бросилась из гробницы, и ее глазам представилась ужасная картина: голодный волк готов уже был растерзать ее сына, облитого кровью от первого прикосновения хищного зверя. Опасность возвратила истощенные силы отчаянной женщине; кинжал был в ее руках; она бросилась на зверя и заколола его, схватила сына и нежно, и со страхом осмотрела его раны; они не были опасны.

Мать задумалась, и долго стояла молча. «Я не успела еще поставить ноги в гроб, как бедный, беззащитный сирота едва уже не сделался жертвою зверя. А что будет с ним, когда меня не станет?.. На свете есть звери не голодом, но страстями бурными влекомые к преступлениям... На свете есть люди-звери. Нет! я должна жить для сына: само Провидение вызвало меня из могилы на сохранение его жизни... Но жизнь? Она будет для меня тяжким бременем, мучительным упреком совести... Жизнь моя не нужна мне более, но она необходима для сына, и я покоряюсь, Боже мой! Твоей воле...» Несчастливая женщина взяла на руки кровью облитого ребенка и тихо сошла с холма. «Простите, безмолвные гробницы родителей... Когда скроюсь я в спокойные, недоступные страстям недра ваши?» – произнесла она, с тоскою взглянув на гробницы, и скрылась в чаще леса.

Читатели! Вы узнали ее? К несчастью, обыкновенный порядок дел в нашем мире не чужд зла. Но утешимся. Высочайшая премудрость невидимою рукою, рано или поздно, наказывает злодеяния. Она казнила и убийцу Джембулата, а орудием справедливой казни избрала знаменитую его жену.

Х.Г.

Гривенский аул. 1839*.

---

* Пометка автора (Ред.).

ВЕРА, ПРАВЫ, ОБЫЧАИ, ОБРАЗ ЖИЗНИ ЧЕРКЕСОВ[§]

I. РЕЛИГИЯ

Единственное вероисповедание черкесских племен (за исключением весьма малого числа жителей внутри гор, и поныне придерживающихся язычества) есть мугаммеданское, суннитской секты. Беспokoйный образ жизни черкесов причиной тому, что они слабо исполняют обряды, сею религию предписываемые, хотя многие из них готовы отдать жизнь за малейшее оскорбление своего исповедания. Случалось мне видеть между ними людей, превосходящих и самих турков религиозным фанатизмом и прилежанием к исполнению правил вероисповедания, которым духовенство научает их. Черкесы единодушно говорят и веруют, что люди за грехи свои подвергнутся в будущей жизни наказаниям, соразмерно преступным их деяниям, но что, будучи мугаммеданином, человек не сделается вечною жертвою, а возвратится снова к блаженствам рая. Вот главный отличительный догмат веры черкесов.

Что касается до древнего их исповедания, ниспровергнутого введением между ними мугаммеданской религии, то оно было, как и везде, языческое. Черкесы верили многобожию, совершали празднества во имя грома, воздавали божеские почести существам тленным и многими другими поверьями идолопоклонства ознаменовывали свое заблуждение. Во времена язычества у черкесов главнейшие божества были:

1. *Мезитхх* (бог лесов). Они умоляли сие божество, располагавшее, по их мнению, судьбою зверей, об успехе на ловле. В нелепых поверьях они представляли его ездящим на золотошетиной свинье, веря, что его повелением олени сходятся на лугах, и что там какие-то девы доят их.

2. *Зейкутхх* (божество наездничества). Воображение черкесов создало

[§] Если и в описаниях родной Руси нашей находим мы беспрерывно ошибки г-д писателей, чего ожидать, когда они, хотя с самым добрым намерением говорить правду, описывают быт народа чуждого? Вот почему можно назвать драгоценною предлагаемую здесь статью: описание нравов и обычаев замечательного народа, живущего в Кавказских горах и вообще называемого *черкесами*. Статья сия не сбор заметок, часто непонятых и обезображенных: она принадлежит тому же автору, который в прошедшем году подарил «Русский вестник» повестью «*Черкесские предания*», и где в живой картине изображены были им также предания, быт и поверья черкесов. Черкесия – родина автора, обогатившего себя европейским просвещением, но не оставляющего ни веры, ни быта отцов своих, знаменитых между первейшими черкесскими князьями, хотя почтенный автор ознакомился с жизнью европейцев среди высшего петербургского общества. Нам остается просить его продолжать драгоценные заметки, которые, конечно, обратят на себя внимание не только русских, но даже иностранных ученых. А какой материал для поэтов! Надобно еще прибавить, что все описания почтенного автора относятся наиболее к черкесским племенам, живущим ближе к Кубани, Анапе и Черноморскому северо-восточному побережью, ибо при разделении черкесов на множество различных племен, и нравы их чрезвычайно разнообразны, как равно и наречия, или языки сих горных обитателей Кавказа. Р[едакция] Р[усского] В[естника] (Прим. ред. журнала «Русский вестник»).

сие божество, которое должно было покровительствовать знаменитое ремесло их – наезды, но предания не осуществляют его в формах.

3. *Пекоашь** (княгиня вод). Божество, повелевавшее водами. Если бы черкесы знали живопись, то, конечно, изобразили бы его в виде прекрасной богини, ибо их воображение представляло княгиню вод девицею.

4. *Ахин*. Это божество представляли существом весьма сильным, и надобно полагать, что почитали его особенно покровителем рогатого скота, потому что и поныне есть в горах одно семейство, которое в известное время осени обыкновенно выгоняет одну корову из своего стада к священной роще или дереву, привязав к рогам ее сыр и хлеб. Жители окрестностей сопровождают сию жертву, которую называют *самошествоющая Ахинова корова (Ахин и тчемьлерико)*, и по достижении священного места режут ее. Замечательно, что при совершении жертвоприношения, на месте заклания не сдирают кожи, а на том месте, где снимают кожу, не варят мяса, и где варят его, там не едят, но постепенно переходят с одного места на другое. В продолжение времени приготовления яств народ, собравшийся под древом жертвоприношения, пляшет с обнаженными головами, при громком пении особенных молитвенных песен. Уверяют, что корова из стада упомянутого семейства, при наступлении времени Ахинова праздника, сама идет к месту жертвоприношения, почему и получила она название *самошествоющей*. Во время разлития рек, народ, сопровождающий Ахинову корову, медлит на пути, обходя по вершинам рек, но корова переплывает реки и достигает сама до древа жертвоприношения. Там ждет она прибытия хозяина с народом. При сближении времени жертвоприношения, корова, Ахином избранная, ревом и разными движениями дает хозяину заметить, что она избрана в жертву Ахину. Само по себе разумеется, что все такие рассказы о сверхъестественности Ахиновой коровы не что иное, как нелепости, но то справедливо, что сему божеству приносили в прежние времена жертву с величайшим благоговением.

5. *Созерешь*. Это божество почиталось покровителем земледелия. Из дерева, черкесами называемого *хамихут*, обрубок с семью сучьями хранился у каждого семьянина в хлебном амбаре. По наступлении *Созерешевой ночи* (после уборки хлеба), каждое семейство, собравшись в своих домах, приносило идола из амбара и ставило его среди хижины на подушках. К сучьям его прилепляли восковые свечки и с открытыми головами совершали ему моление.

6. *Емишь*. Язычники почитали это божество покровителем овцеводства, и в честь его совершали праздник осенью, при случке баранов.

Однако ж все сии грубым заблуждением выдуманное божества, которых черкесы чтити, не мешали им постигать сущность Всевышнего Творца Вселенной. Говоря: *Тхаихо* (Великий Бог), кажется, они понимали Его. Также достойно замечания, что черкесы не приносили, подобно славянам и

---

* Ошибка переписчика. В «Записках о Черкесии», на основе которых сформирован данный очерк, имя богини Пскоашь более соответствует адыгскому оригиналу (Ред.).

другим язычникам, в жертву людей, не пили их крови и не делали из их черепов заздравных чаш.

Во времена язычества, черкесы, кроме божеств, имели и святых, **нартов**: в числе их Саусрук был чтим более всех; в определенную на то зимнюю ночь совершали в честь его пиршество, причем относили в гостиную комнату лучшую пищу и питье для Саусрука, а в конюшне приготавливали сено и овес для его лошади. Разумеется, Саусрук не являлся, но случайно заехавший гость заменял его, и каждый, почитая приезд гостя за хорошее предзнаменование, с радостью угощал его. Если не случалось приезжать никому в ту ночь, радость праздника не столь бывала торжественна. Таким образом, самое суеверие соделывало черкесов хлебосолами. Достоинно замечания, что в черкесской песне об этом мнимом святом упоминается о земле *Урис*, или *Русь*.

Кузнецы почитали какого-то *Леписа** своим покровителем, и, кажется, весь народ имел к нему особенное благоговение. И ныне при уходе за раненым, о чем скажем далее, поют песню, в которой просят Леписа о выздоровлении больного.

Языческих обрядов чрезвычайно много осталось в свежей памяти горных черкесских племен, и подробное описание их было бы весьма любопытно. Ограничимся сказанным здесь, но, однако ж, заметим еще, что по странному стечению обстоятельств, по принятии черкесами мугаммеданской веры, некоторые из старинных святых, или слывших такими во времена язычества, в особенности из **нартов**, обратились в знаменитых воинов и других богатырей аравийской истории. Так, например, рассказывают, что из нартов черкесских Альбечко-Тутариш был тот самый, который в повестях аравитян известен под именем *Хамзе-Пеглевана*, а первый халиф Абубекир был тот богатырь, которого называли черкесы **Орземед**, и халиф Алий, зять Мугаммеда, тот, который именовался у черкесов *Метерез*. Далее, что какой-то из египетских царей, или фараонов, был тот, которого называли черкесы Саусрук. Надобно думать, что черкесы, первоначально научившиеся истолкованию мугаммеданских книг, с умыслом, своих святых и богатырей времен язычества, которых тогда они еще не совсем переставали чтить, преобразили в знаменитые лица, в арабских сказаниях ими находимые.

Рассматривая остатки обрядов язычества у предков нынешних черкесов, находим и явные следы христианства. Так, например, у черкесов есть песня в честь **Святой Марии**, в которой поют слова: «Мария Великая, Великого Бога мать». Сохранились и христианские названия дней. Наконец, употребление изображения креста – несомненный знак христианского исповедания. Все удостоверяет нас в том, что предки нынешних черкесов были христиане. Но здесь кажется несколько странным то, что в остатках древнего исповедания черкесского народа являются признаки христианства и

---

* Искажение переписчиком формы «Лепш», в которой имя этого божества употреблено в «Записках о Черкесии» (Ред.).

идолопоклонства в одних и тех же религиозных обрядах. Такое обстоятельство заставляет думать, что не все черкесы были христиане, вопреки мнению некоторых писателей, но что лишь некоторые колена приняли христианское исповедание по влиянию греков, и когда греки не могли поддерживать введенной ими веры, она, ослабевая постепенно, обратилась в язычество, образовав особенную секту, обряды коей составились из обрядов прежнего идолопоклонства, смешанных с обрядами христианской веры. Таким образом, преобразившееся идолопоклонство, в которое были долгое время погружены предки нынешних черкесов, до принятия ими мугаммеданской веры, оставило между потомками ныне видимые, явные следы христианства и язычества, вместе смешанных. Впрочем, как раскрыть прошедшие вековые события там, где все минувшее поглощается в бездне неизвестности, где любопытство изыскателя тщетно внимает обманчивому эху темных преданий? Такова участь народов непросвещенных: их бытие и дела, преходя, теряются во мгле забвения.

Говоря о веровании черкесского народа, не излишне будет упомянуть о суевериях его. Предложим здесь описание некоторых предрассудков, оставшихся у черкесов от времен язычества.

Гадание на бараньей лопатке есть некоторым образом общее у черкесов обыкновение, как и у других азиатских народов. Смотря по чертам на плоскостях и выпуклостях бараньей лопатки, предсказывают они в скором времени предстоящие военные действия, голод, урожай в будущее лето, стужи, снега наступающей зимы и, словом, предвещают обо всех предстоящих благополучиях и бедствиях. Случайность подкрепляет верование народа в подобных прорицаниях. Вот пример, который черкесы рассказывают: черкесский князь, ночуя в одном ауле, за ужином смотрел на гадальную кость и сказал бывшим тут, что в наступавшую ночь будет тревога. Он лег спать, не раздеваясь. Действительно, в полночь партия разбойников из соседственного племени напала на аул, бывший близ места ночлега князя-прорицателя, который, будучи готов, пустился за партией разбойников и принудил их оставить захваченных ими пленников и искать спасения в бегстве, бросив тело своего убитого товарища. Не подозревая, что князь мог быть предупрежден о намерении неприятеля, или что его предсказание было случайное сцепление обстоятельств, все остались уверенными, что он предузнал нападение посредством гаданья. Рассказывают еще, что недавно жили два брата, гадатели по костям, которые предузнавали будущее. Однажды находились они оба в гостях в соседнем ауле и были в одной квартире. Вечером старший ужинал в гостинином покое соседа своего хозяина и, возвратясь, не застал брата на квартире. На вопрос о причине его отсутствия, хозяева отвечали, что брат его за ужином взглянул на гадальную кость, велел оседлать лошадь и поспешно уехал неизвестно куда. Старший брат спросил кость, на которую смотрел брат его, и, рассмотрев ее прилежно, со смехом объявил окружающим его, что кость показала его брату мужчину с его женою в его доме, почему он и поспешил туда ускакать, но что ревность ослепила его, ибо он не усмотрел, что

находящийся в его доме мужчина – малолетний брат его жены. Удивленные таким объяснением, хозяева послали нарочного вслед за братом прорицателя, и посланный возвратился с известием, что все точно так случилось, как было предсказано. Сей рассказ, конечно, явный вымысел какого-нибудь любителя подобных чудес, однакож, тем не менее, он утверждает в черкесах предрассудок сего рода.

Другого рода гадание производится на бобах, но им занимаются женщины и преимущественно старухи. Предсказания их бывают еще смешнее прорицаний по бараньей кости; несмотря на то, к ним часто прибегают при разных случаях.

Самое ужасное порождение суеверия у черкесов состоит в подозрении людей в сношениях с какими-то злыми духами, и оно у черкесов, как и у других непросвещенных народов, бывает источником жестоких гонений. Думают, что люди, имеющие связи с духами, могут превращаться в волков, собак, кошек, и ходить невидимо. Их называют *удди* и приписывают им медленные детские болезни, головную боль, внезапно случающуюся, падеж телят, ягнят и вообще скота, который они будто бы сглазывают. Наконец, несчастных колдунов подозревают даже в умерщвлении их собственных детей. Есть поверье у некоторых черкесских племен, что удди, в известную весеннюю ночь, слетаются на гору, которая называется *Сбр оаих* и находится в пределах шапсугского племени; они приезжают туда верхом на разных животных, домашних и диких. Там пируют они и пляшут всю ночь, а перед рассветом, расхватав несколько мешков, из которых в одном заключен урожай, а в других находятся разные болезни, разлетаются по домам; те, которым не досталось мешка, гоняются за другими. Из такого поверья можно догадаться, что все болезни, которыми весною страдают, приписываются уддам, и их в прежние времена нередко подвергали ужасам пытки: клали между двумя огнями связанного удди, секли его колючими розгами, и, терзаемые бесчеловечно, несчастные жертвы суеверия сознавались в преступлениях, разумеется, им самим неизвестных. Тогда принуждали их присягать, что впредь они не будут уже вредить другим. Киевские ведьмы – настоящие сестры черкесским уддам, как и все подобные предания у всех народов суть близнецы.

«Невежество, суеверие и обман всегда подают друг другу помощь, и везде, хотя в разных видах, но соединенными силами угнетают род человеческий», – сказал справедливо один из умных писателей*.

Каждый народ имел и имеет более или менее пагубные суеверия. Мы не будем здесь распространяться более о суевериях черкесов, а только скажем в заключение, что хотя со времени распространения в Черкесии мугаммеданской религии, суеверие мусульманского духовенства увеличило многие предрассудки народа, но зато дало им более человеколюбивое направление. Ныне не видно уже ни пытки, ни чего тому подобного против колдунов; молитвы и талисманы заменили все другие способы избавляться от

---

* См. у А. Левшина: [84, с. 68] (Ред.).

них.

II. ВОСПИТАНИЕ

Не слыхано в Черкесии примера, чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме, под надзором родителей; напротив, по рождении младенца немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, то есть, в руки человека, избранного в дядьки. Избранный нередко приезжает еще до рождения младенца в дом того, от которого получил согласие взять на воспитание его будущее дитя, и ждет разрешения от бремени матери будущего своего воспитанника. Потом, сделав приличное торжество в доме родителей, он возвращается к себе с новорожденным и воспитывает его до совершенного возраста.

Легко себе представить, что унесенный таким образом под чужой покров младенец, не умеющий еще различать предметы, придя в юношеские лета, только по слуху знает своих родителей, братьев и сестер, к которым естественным образом не всегда может питать нежную любовь. Отчужденный от дома родителей, он привыкает к тем людям, которые об нем имеют ежеминутное попечение; их почитает он своими родителями, а их детей почти всегда любит нежнее своих родных братьев и сестер. Такое обыкновение охлаждает некоторым образом и родительскую нежность отца к детям. Доказательством тому, и весьма явным, служит обстоятельство, что родители имеют более нежную привязанность к тем из своих детей, которые воспитываются у соседа, следовательно, под их надзором. Удивительно ли после того, что нередко дети оказывают нерасположение к родителям, которых они привыкли почитать, так сказать, людьми посторонними? Удивительно ли, что почти всегда братья, по привычке сделавшиеся детьми посторонних людей, питают взаимную ненависть, будучи к тому расположены отчасти ежедневными примерами, подаваемыми их воспитателями, которые, ища один перед другим расположения к себе сильного родителя своих воспитанников, друг к другу хранят вечную вражду? Наконец, удивительно ли, что дети одного родителя, в отрочестве и в юности, привыкшие друг к другу питать злобную ненависть, которую с молоком матери в себя всосали, придя в лета возмужалости, друг друга не щадят, как лютейшие звери? Вот источник вражды, раздирающей семейства высшего класса в Черкесии, и начало междоусобий, поглощающих счастье тысячей народа в том крае.

Причиною введения в обыкновение такого рода воспитания было, кажется, следующее: князья издавна, для увеличения своей силы, искали всех возможных средств привязать к себе дворян, а дворяне для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях, всегда желали более сближаться с князьями: бедные всегда и везде нуждаются в помощи богатых, а слабые в покровительстве сильных, могущество коих увеличивается обширностью влияния их на других. Для обоюдного сближения оказалось

вернейшим средством *воспитание детей*, которое, связывая два семейства, в некотором смысле, *кровным родством*, приносит обоюдные выгоды, следствия коих породили странное и вредное для народной нравственности обыкновение, принявшее ныне у черкесов силу закона, освященного временем и поддерживаемого вкоренившимся мнением народа, что князь, дети которого воспитываются в собственном его доме, слаб в отечестве своем, не имея связей. Такое мнение повредит его власти, да и кроме того, почли бы его за скрягу, что у черкесов считается величайшим стыдом. Во избежание подобного мнения, князья и значительные дворяне свято придерживаются введенного обыкновения, причина коего, кажется, таким образом легко объясняется.

Опишем образ воспитания черкеса. Воспитатель, или *аталык*, прилагает свои попечения о том, чтобы воспитанник его был ловок, учтив в обхождении со старшими, с младшими соблюдал приличие своего звания, и равно был неутомим в верховой езде и отважен в употреблении оружия. Аталыки ездят с воспитанниками в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомства. Когда воспитанник придет в совершенный возраст, воспитатель возвращает его в дом родителя с торжеством, которое состоит в том, что аталык с своим семейством, в сопровождении своих родственников и друзей, с арбами, наполненными яствами и напитками, является в дом родителей своего воспитанника, которого в тот день богато одевают и вооружают блестящими доспехами. Тут открывается *семидневное* пиршество; игры, забавы и пляски сменяются одни другими. При таком случае жена воспитателя пляшет, несмотря на запрещение женщинам плясать, ибо только девицы имеют на то право у черкесов. По окончании торжества отец воспитанника щедро дарит воспитателя и тех, кто был им приглашен на пир. После того аталык и друзья его возвращаются в свои дома. Такое точно торжество бывает еще до совершенного возвращения воспитанника в родительский дом, когда привозят его на показ к его матери.

Девочка, отданная на воспитание, воспитывается под попечением жены аталыка, или приемной матери. Она приучается к рукоделиям, приличному обхождению, словом, ко всему, что необходимо для будущей ее жизни в супружестве. Приемная мать ездит с нею на празднества, сопровождаемые плясками, и под ее надзором воспитанница проводит там время в пляске. При возвращении воспитанницы в родительский дом соблюдают те же обряды, какие исполняют при возвращении воспитанника.

Не только семейство воспитателя вступает в тесную связь с семейством воспитанника, но даже все родственники его и все подвластные поступают под защиту воспитанника.

Все, что мы сказали, относится к высшему званию; впрочем, соблюдается соразмерно состоянию каждого семейства. Что касается до простого народа, то и низшего звания люди, с хорошим состоянием, также весьма часто отдают на воспитание в чужие руки своих детей. Разумеется, беднейшие пользуются расположением богатых, и если бедный человек из

мелких дворян возьмет к себе на воспитание сына богатого из звания вольных земледельцев, то сей приемыш, гордясь такою связью, ничего не щадит для удовлетворения воспитателя. Он делается настоящий «мещанин во дворянстве»¹⁸¹, и за чванство часто становится предметом насмешек. Однакож, между простыми людьми домашнее воспитание почитается более приличным, и воспитание в чужих домах не такую сильную ненависть производит между братьями, как в высшем кругу.

Аталык не может иметь более одного воспитанника без неудовольствия со стороны первого питомца. Когда воспитанник из княжеского рода умрет, то воспитатель, в знак глубочайшей своей печали, иногда обрезывал себе в прежнее время концы ушей; ныне довольствуются годичным трауром.

Когда воспитанница выйдет замуж, то воспитательница получает из окупа, даваемого за девицу, большой подарок от супруга воспитанницы.

Вообще удивительно, как сильна бывает привязанность воспитателей к воспитанным ими детям, и тех к своим воспитателям.

Говоря об аталыках, кстати здесь сказать, что аталыка можно приобрести, будучи уже в годах мужества. Когда дворянин желает сблизиться с князем, то приглашает его к себе, совершает торжество и подносит ему подарки, которые обыкновенно состоят из оружия, с исполнением обычая, соблюдаемого при примирении, и состоящего в том, что надобно приложиться губами к сосцам жены того дворянина, который делается аталыком. В низших званиях народа соблюдаются сии обычаи, но гораздо реже. Знатный воспитанник может иметь несколько аталыков; в числе их полагается и тот, кто в первый раз брил голову молодому князю или дворянину и хранит его волосы.

III.

СУПРУЖЕСТВО И СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Молодые черкесы, имея с девицами свободное обращение, имеют случай понравиться друг другу и дать понять свои чувствования. После такого объяснения мужчина просит в жены себе избранную девицу у ее родителей чрез своих поверенных. Если родители согласятся, он делает отцу или брату девицы подарок, называемый *эуж*, что соответствует обручению, или сговору. После сего обряда выбранная девица принадлежит жениху ее. Потом делают условия о времени взноса выкупа вполне, или условленной части. Брат, или ближайший родственник вступающего в супружество, с многочисленными друзьями, по сему случаю приглашаемыми, является в дом невесты, где проводят несколько суток до сделки относительно платежа выкупа, причем приглашенные друзья жениха каждый что-нибудь платит за него. В продолжение сего времени нет шуток удалых и веселых, которым не подвергали бы приехавших за невестою. Всякую ночь молодежь собирается в доме, где расположены гости, и проводит в шуме, играх и шалостях всю ночь до света. Все хорошее платье с гостей снимают, обыкновенно отдавая им взамен самое изношенное, почему приезжающие за невестою нередко

одеваются в плохие и поношенные одежды.

Пред самым отъездом, один из числа приехавших за невестою должен, войдя в тот дом, где она находится, окруженная множеством женщин, коснуться ее платья, до чего находящаяся при невесте толпа женщин старается не допускать, в чем нередко и успевают. Во избежание такой борьбы делают подарки пожилым женщинам, которые при этом случае, так сказать, располагают церемониею, и после того жених свободно получает невесту. Такое обыкновение называется **выводом невесты**.

Если дом, назначенный для первоначального пребывания невесты, находится не в том же ауле, то она едет обыкновенно в арбе, запряженной парюю коней или волов. Конные толпы едут спереди и сзади арбы, напевая протяжные веселые песни, нарочно для свадебных случаев сложенные, и беспрестанно стреляя из ружей и пистолетов. Если кто встретится со свадебным поездом, обыкновенно к нему пристаёт, а в противном случае молодежь забавляется над неучтивыми путниками, простреливая у них шапки, сбрасывая их с седла и срывая с них одежду.

Во все время поезда продолжаются пение и стрельба. Невесту редко привозят прямо в дом жениха, а назначают обыкновенно дом приятеля, в дверях коего останавливается весь поезд. Невесту вводят в покои, а сопровождавшие ее разъезжаются, сделав еще несколько выстрелов, направленных обыкновенно в трубу дома, где находится невеста.

Во время пребывания в сем доме, невеста называется **тейше**. Здесь совершают и бракосочетание по обрядам мугаммеданской религии. Если муж новобрачной имеет родителей, или старшего брата, то обыкновенно удаляется в дом какого-либо своего приятеля и оттуда посещает молодую супругу по захождении солнца, в сопровождении одного молодого человека. Перед его приходом обыкновенно никого постороннего не бывает. Молодая жена стоит у постели в безмолвии, пока сопровождающий супруга ее не удалится из комнаты. Супруги обыкновенно расстаются до восхождения солнца.

Нередко и начало вступления новобрачной в дом, назначенный для временного ее пребывания, сопровождается празднеством, а конец ее там пребывания всегда ознаменовывают самым торжественным образом: хозяин дома, где молодая находится, приготовив все нужное к предстоящему празднеству, собирает народ. Девицы из окрестных аулов приезжают по просьбе его, торжество открывается плясками, которые продолжаются иногда три дня в доме, где живет молодая, а на четвертый день новобрачную отвозят в дом ее мужа. Она идет, окруженная многочисленною толпою женщин и девиц, при громком шуме и песнях. Шествие открывают несколько человек, сидящих в арбе, запряженной лошадьми или сильными быками. Арба бывает покрыта красною шелковою тканью, которую ветер развеивает при быстром движении. Народ преследует эту торжественную колесницу, стараясь сорвать покрывало, а те, кто сидит в арбе, стараются не допускать до того бегущих по сторонам, и для того, понуждая коней или быков, несутся быстро. Многочисленные толпы народа, бегущие за ними, производят

ужасный шум. У самой ограды мужнего дома, сопровождающие новобрачную останавливают ее. Тут родственники мужа должны разостлать на земле шелковую ткань, начиная от дверей ограды до дверей дома, для вступления по ней молодой супруги в дом, где начнется для нее новая эпоха жизни. Если молодая едет, то арбу, в которой она помещается, также покрывают тканью.

На пороге мужнего дома новобрачную осыпают сухариками, изготовленными нарочно, что и называется *осыпание*. Вслед за тем подносят ей блюдо с медом и маслом, или орехами. Старухи опоражнивают блюдо. Три дня продолжаются опять торжественные пляски и игры. И здесь, как у себя, прежний хозяин угощает народ. На седьмой день торжественных увеселений разъезжаются по домам, и хозяин, приглашавший гостей, благодарит почетнейших из числа посетителей особ. Перед тем, когда собранию уже пора разъезжаться, в народ бросают с возвышения большую, цельную желтую мешину, намазанную маслом или салом, и толпы, устремясь на нее, стараются, каждая наперерыв, перетянуть ее на свою сторону, чтобы успеть унести с собою в свой аул. Боренье продолжается иногда несколько часов и сопровождается шумом и криком толпы пеших и конных. Сия игра есть принадлежность только свадебного торжества, хотя, впрочем, она не везде употребительна.

Хозяин дома, где молодая супруга пробыла некоторое время, делается аталыком ее мужа, точно так, как воспитатели.

В сии дни радости и веселья, жители не только того аула, где происходит торжество, но даже и окрестных аулов, участвуют в нем. Только молодой супруг остается в уединении или отправляется в наезды и не прежде окончания свадебного торжества и всех обрядов, при том соблюдаемых, возвращается домой.

Свадебные обряды у простого народа согласуются с обрядами, сопровождающими свадьбы высшего звания, сообразно с состоянием каждого лица. Кто беднее, тот менее приглашает, как и везде это водится, гостей и проще угощает их.

Брак должен заключаться по равенству родов. Князья берут жен из княжеских родов и равномерно отдают дочерей только за княжеских сынов. Дворяне соединяются браком непременно с дворянками.

Когда родители девицы не согласятся отдать ее за того, который просит ее руки, то жених увозит невесту украдкою и вступает с нею в брак без воли родителей, что делается часто и потому, что выдавание девушек замуж для родителей или братьев их, сопряжено с значительными издержками: должно одеть невесту сколько возможно богаче, дать ей в прислуги служанку, и проч., чего всего при увозе невесты можно избежать. Потому черкесы смотрят на похищение девушек, так сказать, сквозь пальцы. Случается и то, что отец женит сына, не спрашивая его желаний, и на такой особе, которой он никогда не видал, что, впрочем, бывает весьма редко. Часто происходят свадьбы против воли девицы и ее родителей. Молодой человек, влюбленный в красавицу, собирает толпу молодых товарищей и друзей, и, избрав удобный

случай, схватывает девушку и отдает ее в дом уважаемого народом человека. Там вступает он, под его покровительством, в насильственный брак. Легко себе представить, какие несчастные последствия должны иметь для супругов столь бесчеловечное обыкновение и противное здравому рассудку супружество!

IV. ПРАЗДНЕСТВА, ИГРЫ, ПЛЯСКИ И ТЕЛЕСНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

Во время благоденствия народа, свободные от дел часы бывают обыкновенно посвящаемы удовольствиям. Напротив, с бедствиями, постигающими народ, и удовольствия его становятся реже. Черкесы, никогда не достигавши степени надлежащего благоденствия и подвергшись тяжким бедствиям, отчуждились ныне от многих игр и забав народных, некогда доставлявших им в праздные часы величайшие удовольствия.

Из всех народных игр, ныне почти забытых, примечательнее других называемая *диюр**. Весьма вероятно, что она осталась в народе от тех времен, когда смешивались обряды язычества и христианства (на наречиях некоторых черкесских племен *диюр* значит «крест»). Игру сию начинали с наступлением весны. Жители во всех аулах разделялись на две партии, *верховую* и *низовую*. Жилища в восточной части каждого аула назывались *верховьями*, а западной – *низовьями*, и сие разделение и ныне существует в больших и продолговато-расположенных аулах. Каждый брал в руки длинный шест, на верху коего прикрепленная корзина набивалась сухим сеном или соломою. Таким образом вооруженные партии выступали одна против другой, зажигали корзинки и с сими огромными факелами нападали одна сторона на другую, крича из всей силы: *диора, диора!* Игра обыкновенно начиналась с наступлением ночной темноты, и вид пылающих во мраке ночи огней производил весьма занимательное зрелище. Партии, взаимно одна на другую нападая, по мере возможности захватывали пленников, коих со связанными руками приводили в гостиный дом старшин, куда по окончании борьбы каждая партия собиралась отдельно. Тут вели переговоры между собою, обменивали пленных, а оставшихся затем каждая партия выкупала или отпускала на волю, взяв с них обещание доставить назначенный за них выкуп, состоявший обыкновенно из съестных припасов. Таким образом собранные припасы поручали одному из старшин партии, который готовил пиршество, звал других старшин аула к себе или в гостиный дом одного из них, куда приносили столы с яствами и напитки. Там пировали целый день или только вечер, проводя время в полной радости беззаботного веселья. Игру начинала с обеих сторон молодежь с корзинками, но к ним, как на тревогу, сбегались и пожилые люди, и даже старцы приходили, отчасти взглянуть на веселящихся и вздохнуть, вспоминая прошедшие годы

---

* Так в оригинале. Должно быть: «джор». Вероятно, ошибка переписчика (Ред.).

молодости, отчасти предпринимать меры предосторожности от пожара, что легко могли причинить корзинками, в безумии веселья быстро разносимыми из одного угла аула в другой. Старики часто попадались в плен, будучи немощны и не в состоянии противиться сильным молодым борцам, налагавшим на них ременные оковы. Впрочем, такие пленники дорого обходились победителям, а равно и той партии, у которой похищены были: для примирения с ними надлежало удовлетворить их, за то, что не уважая их седин, увлекли их в плен, и в сем случае виновники приготавливали яства и напитки, и примирение с старцами заключалось новым угощением.

Князья и дворяне, преимущественно во время пребывания в поле или на съездах, разделялись на две стороны, и одна объявляла на другую свои требования под каким-нибудь предлогом. Избирали судей, перед которыми ответчики защищались силою красноречия, а обвинители не щадили сильных выражений для победы своих противников. Таким образом, открывалось поле, где старшины, князья и дворяне показывали могущество своего красноречия и знание существующих узаконений народных и феодальных прав древних семейств своей нации. Забава сия, или, если можно так выразиться, упражнение в изустном красноречии, служила у черкесов школою, образовывавшею у них ораторов.

Вот еще игра: зимою, после уборки хлеба и сена, жители аула, разделясь также на две партии, нападают друг на друга. Сначала дерутся комами снега, потом доходит до рукопашной битвы, и тогда захватывают пленников, которых заставляют откупаться, после чего следует угощение.

В большом ауле, когда бывает съезд и соберется много молодых князей и дворян, нередко забавляются они таким образом: молодежь высшего звания, то есть князья и дворяне, составляют одну сторону, а молодежь вольных земледельцев – другую, и обе вступают в борьбу. Первая, сколько захватит пленников из второй, приводит их с связанными руками в гостиный дом одного из дворянских старшин аула; вторая приводит своих пленников в гостиную одного из своих старшин. Сия игра начинается также молодежью, но, однако ж, всегда дело доходит до стариков. Сторона высшего звания начинает захватывать старшин простого народа в их домах, а простолюдины нападают, в свою очередь, на старшин высшего звания и уводят их, нередко без всякой пощады и осторожности, в плен. Затем начинаются переговоры, обменивают пленных или выпускают на условиях. Дворяне дают за выкуп своих разные вещи, а земледельцы обязываются доставить овса для лошадей благородных юношей и тому подобные потребности, приличные месту их пребывания. Далее следуют удовлетворения почетных людей. Избирают посторонних, не участвовавших в игре старшин, которые определяют удовлетворение. Обыкновенно приговоры заключаются тем, что сторона простых, приготовив множество кушанья и напитков, является с покорною головою в гостиный дом старшего князя или дворянина, где все собираются и пируют, а князья и дворяне делают подарки старцам, которых, не уважая их седин, забрали в плен, и тем водворяется мир.

Черкесы играют в шахматы и в шашки, особливо шашки в большом

употреблении. О других играх, бывающих при поминках и на свадьбах, будем говорить при описании сих обрядов.

Пляски черкесов делятся на два разряда: одни называются *удчи* и пользуются предпочтением. Мужчины, взяв под руки девушек, становятся в кружок, в виде русского хоровода, и двигаются постепенно в правую сторону, притопывая каблуками. Иногда круг бывает так велик, что внутри его помещаются музыканты, скрипачи, флейтчики, посторонние лица, нередко и детей старшин вводят туда же, верхом на конях, когда пляшут на открытом месте. Все порядочные люди, исключая стариков, пляшут в больших собраниях, как-то: при женитьбе знатных особ, при рождении у них детей, отдаче их на воспитание и возвращении в дом родительский. В таких собраниях назначается несколько расторопных людей для наблюдения за порядком в кругу пляшущих. Их обязанность состоит в том, чтобы народ не теснил пляшущих, а равно, чтобы и конные наездники не слишком приближались. Кроме этих надзирателей, еще несколько человек, более почетных, назначаются по особому выбору хозяина, и их обязанность почитается важнейшею: они приводят девиц к пляшущим мужчинам, строго соблюдая принятые приличия, состоящие в том, чтобы приезжие гости не оставались без дам, и проч. Надобно заметить, что общественное мнение требует, чтобы девица не танцевала слишком часто и продолжительно с одним мужчиною, и напротив, почитается более приличным по очереди плясать со многими. Девица может оставить своего кавалера, или, правильнее, кавалеров, с обеих ее сторон находящихся, и перейти к другому, а также возвратиться в комнату, чтобы отдохнуть. Тогда ее сопровождают пожилые женщины, обыкновенно при княжнах и знатных девицах находящиеся, и когда они пляшут, то приставницы не сводят с них глаз, стоя в отдалении. Девиц сопровождают также при возвращении в комнату избранные для того особы и домашние друзья хозяина, дающего торжество. Мужчина среди пляски, напротив, отнюдь не должен оставлять своей дамы, но он может плясать и без нее.

Пляшущие свободно разговаривают с девицами, и девицы свободно и без робости им отвечают, разумеется, соблюдая все приличие: не хохочут, не говорят взаимно о том, что непристойно полу и званию; по крайней мере, так положено по общепринятому закону общежития, не следующие коему девицы почитаются дурно воспитанными, а мужчины грубыми и чуждыми знания приличий, свойственного дворянину. Во время пляски музыканты становятся против знатнейших девиц: скрипач играет подле нее, а напевающий, кричит во все горло, что «девица такая-то, пляшущая с таким-то, окружена» и что «у нее возьмут платок (обыкновенно заткнутый за пояс, которым плясунья отирает пот с лица)». Далее говорит: «Нет ли друзей у ее кавалера, которые могли бы откупить его даму?» Тогда являются друзья кавалера и дают какую-нибудь вещь, по большей части пистолет (и, отдавая его, обыкновенно стреляют на воздух). Помощник музыканта возглашает, подняв подаренную вещь, что «такой-то за такого-то сделал такой-то подарок», после чего подаренную вещь вешают на столбе,

поставленном для сего среди круга. Нередко даже и даримых таким образом лошадей вводят в круг и привязывают к поставленному в нем столбу, разумеется, когда пляшут на открытом воздухе, что всегда бывает, если погода не препятствует.

Когда круг большой и музыкантов в середине много, стрельба из даримых пистолетов неумолкаемо продолжается и дым носится над кругом пляшущих. Шум, говор, клики народа, теснящегося в кругу, сливаясь с звуками инструментов и выстрелами, оглашают воздух. Молодые наездники с красавицами, которые бывают предметами их вздохов, порою, погрузясь в сладостные мечты, предаются тогда приятным надеждам будущности и не упускают случая замолвить друг другу словцо о тех чувствах, которые в то время наполняют сердца. Таким образом, пляска продолжается сряду несколько часов, а потом заменяет ее игра, более шумная и весьма опасная. Пешие толпы, вооруженные огромными кольями, теснят конных наездников, готовых вступить в бой, чтобы показать проворство своих бегунов и собственную ловкость. Пешие бросаются на них густыми толпами с криком и бьют, как их, так и лошадей, без пощады. Наездники также, со своей стороны, не жалеют пеших, топчут их своими скакунами, бесстрашно бросаясь в середину толпы, безжалостно их поражающей. Нередко конные преодолевают пеших, разгоняют их под защиту стен домов, даже и в самые дома, причем разгоряченные удалыцы, на лихих бегунах, иногда перепрыгивают удивительно легко высокие заборы, разбивая грудью лошади слабые строения. Такие атаки продолжаются, пока одна сторона победит другую. Дело иногда доходит с обеих сторон до иступления, и тогда старики, вступая в посредничество, прекращают столь опасную потешную битву.

Легко себе представить, что несчастные случаи здесь почти неизбежны. Нередко убивают лошадей, даже и людей, или наносят тяжкие удары, перешибают у них члены. Недаром черкесы говорят, что «кому не страшно в день такой игры, тот не устрашится и в битве». В самом деле, безрассудная игра сия может некоторым образом показать храбрость и отвагу, качества, столь необходимые в сражениях.

После пляски и игр до усталости начинается пиршество. Гостям и почетнейшим особам разносят напитки и столы, отягощенные яствами. Народ собирается в разных местах, жители одного аула в одном, а другого в другом месте, и так далее. Кушанья разносят повсюду и раздают под надзором избранных, которые заботятся, чтобы старики и почетнейшие особы были прилично угощаемы, и чтобы молодые шалуны не расхищали кушанья, что нередко случается.

Подобные празднества продолжаются иногда несколько дней, и по окончании их хозяин, то есть, давший торжество, изъявляет свою благодарность почетнейшим особам, удостоившим его празднество своим присутствием, а народ расходится по домам, пресыщенный удовольствиями, пищею и напитками.

Музыканты получают подарки и, сверх того, в вознаграждение за свои

труды, берут себе кожи зарезанных на пире быков и баранов. Подарки, сделанные им во время пляски, возвращают они подарившим их, получив за каждый несколько зарядов пороха, а иногда князья дарят им особо разные вещи и лошадей.

Празднества сии и в простом народе производятся также, но они бывают тогда сообразны с состоянием и значительностью лиц, которые дают их.

Что касается до другого рода пляски, она состоит в том, что один, выступая на средину зрителей, пляшет, выделявая весьма проворно разные трудные движения ногами. Он подходит к одному из присутствующих, прикасается к его одежде рукою, и тогда тот заменяет его, и так далее. В сей пляске участвуют и девицы, но как они, так и мужчины, не делают неблагопристойных телодвижений, что бывает у других азиатских народов. Впрочем, такая пляска не в уважении.

Большие торжества вообще становятся ныне реже в Черкесии по причине беспрестанных беспокойств. К тому немало способствуют и проповеди духовенства, которое представляет противным мугаммеданской религии всякого рода публичные забавы в сообществе с женщинами, а в отсутствии прекрасного пола никакие публичные увеселения не могут уже быть оживлены удовольствием, даже и в полудиком народе.

Достойно замечания, что предки нынешних черкесов во времена язычества, призывая благословения боготворимых ими предметов, или изъявляя им свою признательность, плясали, что явствует из древних плясовых песен. Есть и ныне старики, неоднократно участвовавшие в подобных плясках, когда совершаемы были празднества в честь грома, и проч. Они говорят с сожалением, что благословенные времена старины имели много прелестей, которые ныне, среди буйных забот жизни, стали редки на их родине.

Во время паханья обыкновенно жители аула разделяются на две стороны: те из них, которые находятся в поле, составляют одну, а другие, остающиеся в ауле, другую. Первые, приходя в аул, схватывают шапку девицы знатного дома и относят ее в свои шалаши. Их преследуют, но редко успевают догнать, потому что они приходят и совершают свой набег скрытно. Спустя день или более, возвращают шапку, завернув ее в платок, и притом привозят с поля яства и напитки, для такого случая приготовленные, в дом девицы, и там нередко целую ночь пируют и пляшут, собрав всех жителей аула. По окончании увеселения, отец или брат девицы делает подарки, но по большей части молодые князья или дворяне, живущие в ауле, не допускают до того, а от себя щедро награждают похитителей.

Другая сторона, в отмщение противной, собравшись толпою, идет в поле; там, схватив ремень, которым плуг связан (он называется *вваше*), уносит его, защищаясь от преследующих. Для выручения ремня привозят яства и напитки в тот дом, где ремень положен и целый вечер проводят в забавах. При возвращении пахарей, другая сторона встречает их и начинается борьба; каждая сторона старается столкнуть другую в воду, в одеждах. Нередко женщин обливают водою или увлекают в реку. Эту забаву почитают

весьма важною, ибо есть поверье, будто ее должно совершить для урожая.

Подниманье тяжестей, метанье ядер и камней, борьба, беганье взапуски, конская скачка, прыганье через заборы и поднятые бурки, и проч., также у черкесов предметы забав, укрепляющие тело и полезные для здоровья. Но главнейший предмет телесных упражнений состоит в том, чтобы владеть с особенною ловкостью оружием и конем, в чем черкесы действительно неподражаемы. С неимоверною скоростью, на всем скаку самой быстрой лошади, они заряжают ружья и стреляют. Черкесы всегда носят ружья в чехлах, но хорошему наезднику надобен только один миг – ружье выхватить из чехла и выстрелить. Беспреданно стреляют черкесы из пистолетов и ружей, однако ж не всякий из них хороший стрелок, хотя те, кто славится искусством, достигают в нем до значительного совершенства. Нередко пробуют пущенною из лука стрелою пробить доску, довольно толстую, и есть такие, что с удивительною силою натягивают лук и стреляют из него. Словом, вся жизнь черкеса проходит в забавах и упражнениях более или менее воинственных.

V.

ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

По мере обширности знаний человека и круг его действий распространяется. Черкес, занятия коего ограничены предметами, необходимыми для его простой жизни, большую часть времени проводит в праздности или в упражнениях, праздностью изобретаемых. Высшие звания, состоящие из князей и дворян, почитают неприличным их достоинству упражнение в науках, доставляющих средство познавать страну, в которой живем, обычаи, нравы и занятия отдаленных народов, или их историю и, наконец, саму природу. Равномерно считают не только несоответственным своему званию, но даже постыдным жить спокойно дома, в неге, почему большую часть времени и проводят на коне в разъездах.

Весна и осень два времени в году, которые можно назвать у черкесов *наездническими*. Тогда князья, собрав партии молодых дворян, выезжают, как они говорят, в *поле* и, избрав удобное место, располагаются в шалашах на всю осень или весну. Здесь каждому из них открываются занятия, исправляемые ими с полным удовольствием. Служители и молодежь разъезжают по ночам в аулы за добычею, захватывают и пригоняют быков и баранов для пищи, что иногда, смотря по удобности, делают и днем, и посылая в близлежащие аулы за провизиею, которой нельзя приобретать молодецеством, как-то: за пшеном, молоком, сыром и проч. Между тем лучшие наездники отправляются в дальние племена. Там угоняют они табуны лошадей, захватывают людей и с добычею возвращаются к своим товарищам, которые, всякую ночь пируя на счет оплошных жителей окрестных аулов, с нетерпением ждут возвращения наездников. В то же время князь, предводитель партии, отправляет от себя своих узденей к князю другого племени, своему приятелю, и тот дарит щедро посланных. Нередко

сами князья ездят к другим князьям и принимают лично дары, которые в подобных случаях обыкновенно состоят в пленниках, или в табунах лошадей, насильственным образом захваченных. В таких разбойнических, но воинственных упражнениях проводят осень почти до наступления зимы, а весну до сильных жаров лета. Если такого рода ловля бывает удачна, то во все время пребывания в поле, можно сказать, без умолку черкесы поют песни и веселые клики оглушают воздух, а стрельба, знак удачи в наездах, сопровождает радость, и эхо лесов далеко вторит знаменам торжества.

Наконец, при наступлении времени разъезда по домам, обыкновенно пленников и лошадей, доставшихся в добычу, променивают на товары, и тут начинается дележ всего приобретенного, для чего избирают из среды себя людей, на беспристрастие которых полагаются. Они делят добычу на равные части, по числу людей, составляющих партию, и каждый, начиная с старшего летам, выбирает часть, которая ему более понравится. Таким образом, раздел добычи продолжается до конца. Здесь оказывается особенное уважение старости и вообще возрасту, так что каждый из партии, хотя был бы он просто повар, но старше князя летам, прежде князя своего имеет право выбрать часть из дележа, которая ему нравится. Впрочем, князь-предводитель, а равно и некоторые другие лица, получают независимо от дележа особливую долю. Если делимая добыча состоит из такого предмета, что те, у кого она отнята, открыв похитителей, могут требовать удовлетворения от предводителя их, в таком случае предводитель иногда предлагает партии получить только половину добычи для всеобщего дележа, а половину отдать ему, с тем, что он доставит удовлетворение в случае взыскания, или предлагает разделить все надлежащим образом поровну, с тем, чтобы в случае взыскания каждый внес полученную им часть, и проч. Такого рода условия подтверждаются нередко присягою.

Поварам предоставляются шкуры баранов и быков, съеденных в продолжение пребывания партии в поле.

По окончании дележа князь возвращается к себе, распустив партию по домам. Жители аулов поздравляют возвратившихся с поля наездников, и они обыкновенно делают подарки поздравляющим, в особенности старикам и пожилым женщинам.

В продолжение лета и зимы наездники остаются дома и откармливают любимых своих коней, приготавливают новые сбруи и оружия, или обновляют и украшают старые до наступления поры наездничества, когда опять пускаются в ремесло свое и предаются вольным занятиям, ища притом в них таких случаев, которые могли бы их прославить, вместе с тем доставляя и добычу. В промежутки времени между наездами, пользуясь удобным случаем и смотря по обстоятельствам, делают набеги, разбои, воровства и проч., а равно исправляют потребности домашних дел: ездят в собрания или на съезды народные, и посещают друг друга.

Старики и старшины, если преклонность лет и обстоятельства не позволяют им участвовать в предпринятых хищничествах, занимаются делами народными и своими домашними.

Так проводили время князья и дворяне в Черкесии, когда она более наслаждалась спокойствием. Одно зло искореняет или уменьшает другое. С тех пор, как черкесы подверглись непрерывным и всеобщим беспокойствам, буйное время наездничества, когда поселяне не знавали покоя от нападения партий наездников в поле, прошло, как все проходит в мире. Ныне черкесы стали реже проводить осень и весну в наездах, хотя, однакож, от того не слишком уменьшились опасности, ибо все еще по-прежнему дворяне ездят к князьям и служат при них целые годы, а князья по-прежнему делают взаимные посещения, сопровождаемые наездническими разбоями и воровствами. По-прежнему высшие звания проводят время на коне и в воинственных наездах, но дух жажды к славе наездничества, одушевлявший всех прежде, приметно уменьшился.

Что касается до простого звания земледельцев, они после посева хлеба весною до сенокоса занимаются приготовлением арб (телег на двух высоких колесах) и других домашних и земледельческих орудий. Иные, с дворянами и князьями, делят время в наездах и пользуются от них наградами, или скитаются сами, с целью где-нибудь и что-нибудь украсть. Толпами и поодиночке отправляются они на поиски, и страсть к воровству доходит в них до презрительной степени. Иные сидят дома, ничего не делая, и со страхом ожидают наступления времени уборки хлеба, то есть, времени рабочего. По окончании уборки снова предаются праздности, что опять пробуждает страсть похищать чужую собственность. С наступлением глубокой зимы, пользуясь санным путем, возят дрова на все лето, а после сей работы погружаются снова в праздность, которую изредка, на некоторое время прерывают заботы о домашнем скоте.

В Черкесии, как и везде, жители мест, где менее удобства для скудного их земледелия, бывают трудолюбивее обитателей прекрасных равнин и не вполне знают бесполезные *месяца праздности*, как называют последнее время от весеннего посева до начатия покоса и уборки хлеба. Эта поговорка доказывает склонность черкесов, жителей равнин, к праздной жизни, порождающей многие пороки.

Мы говорили о препровождении времени мужчин, скажем и о занятиях, в каких проводят время черкешенки, которые вовсе не любят праздности, или не имеют возможности быть праздными.

Женщины и девицы высшего звания беспрестанно занимаются рукодельями. Обязанность жены черкеса тяжка: она шьет мужу всю одежду, с ног до головы; сверх того, вся тягость домашнего управления лежит на ней; пища и питье, приготовляемые для ее мужа и гостей, должны быть ей известны, а равномерно она наблюдает и за чистотою.

Когда все кушанья готовы и уже на столах для отнесения в гостиный дом, хозяйке, в самом высшем звании, дают о том знать, и она идет в кухню осматривать чистоту и порядок, а потом возвращается в свое отделение. По окончании обеда или ужина, ей сказывают близкие домашние о том, были ли довольны ее супруг и гости.

Девицы, будучи ежедневными свидетельницами исполнения

обязанностей своих матерей, приучаются к тяжким службам, сопряженным с званием жены черкеса.

Относительно низшего звания прибавить должно, что сверх всех работ по управлению домом и воспитанием детей, жена простого земледельца помогает еще мужу и при уборке хлеба. Она ходит с ним вместе жать, складывать стоги хлеба, скирды сена, и проч. Словом, трудолюбие жен черкесов заменяет все недостатки, происходящие от праздности их мужей, и всю жизнь проводят они в занятиях, а в отраду за то, не чуждые свойственной повсюду прекрасному полу склонности любопытства, рады случаю сойтись поговорить и посплетничать.

VI. СОДЕРЖАНИЕ РАНЕНОГО

Обряды, соблюдаемые черкесами при содержании раненого, важнейшие остатки времен язычества черкесского народа и донныне неослабно и повсеместно, с маловажными различиями и изменениями, продолжаются. Раненого человека знатного происхождения, по большей части, помещают в доме владельца ближайшего к тому месту аула, где он ранен. Владелец аула, по долгу гостеприимства и по приличию общепринятому приглашает раненого к себе, и без особенных обстоятельств не отказывают принять предложения о приюте, ибо отказ может оскорбить.

Минуте внесения больного в дом, назначенный для его помещения, предшествует суеверие: порог дверей возвышают, прибавивши к нему толстую доску. Девица моложе 15-ти лет обводит вокруг внутренней стены дома черту коровьим калом, в надежде предохранить тем больного от вредного влияния *дурных глаз*, как говорят черкесы. У постели больного ставят чашку с водою и куриным яйцом, и тут же кладут железную соху, с молотом из того же металла. Посетитель, который в первый раз посещает больного, подойдя к нему, трижды ударяет молотом по сохе, потом слегка окропляет одеяло на больном из чашки, где положено яйцо, произнося: *Бог да соделает тебя здоровым!* Потом отступает он от постели больного и занимает приличное его летам и званию место.

Входящие в дом к больному и выходящие оттуда, осторожно переступают возвышенный порог, боясь задеть его ногою, что почитается неблагоприятным предзнаменованием. Посетитель всегда ударяет молотом по сохе так сильно, что звук бывает слышен всем, в доме находящимся. Есть поверье, что если посетитель братоубийца (*мехаадде*) или убийца невинного человека (*канлы*), то удар молота не произведет звука, а также, что от его прикосновения к чашке с водою лопнет яйцо, там положенное, что и служит доказательством преступлений посетителя. Замечают, что явные убийцы вовсе не касаются рукою воды, стараясь, однакож, скрыть такой поступок от взоров людей, тут находящихся.

Многие из посетителей постигают нелепость таких суеверных обрядов, но все без изъятия соблюдают их со всею строгостию. Предрассудки в

мнениях народа весьма сильно укореняются. Надобно, впрочем, сказать, что сии поверья из всех предрассудков, невежеством порожденных, вовсе не вредные! Сказывают, что в прежние времена явные братоубийцы и пролившие кровь невинных избегали посещений больного человека, ибо народ был уверен, что их присутствие может повредить больному, и ныне многие держатся сего мнения; а как явных убийц между посетителями бывает много, то их присутствию невежество присматривающих за больным приписывает дурные перемены состояния здоровья страждущего, доказывая сглажен^{*} тем, что яйцо, положенное в воду, находят треснувшим, вовсе не помышляя, что от воды, особенно зимнею порою, или от нечаянного прикосновения к чашке, оно само по себе могло лопнуть.

Как бы то ни было, добрые люди с презрением взирают на явных убийц, присутствующих у одра больного, и такие поверья, суеверные и смешные, доказывают, что предки нынешних черкесов более гнушались и боялись присутствия преступников, уважая добродетель до тех пор, пока сии чувства, в непроницаемой мгле невежества сиявшие, не были поглощены расстройством нравов.

После перенесения больного в дом немедленно призывают человека, пользующего раненых, который остается при больном до его излечения. Аул, где находится больной, делается сборным местом не только соседних, но даже дальних дворян и всего высшего звания из окрестных аулов. Каждую ночь к больному сходятся приезжие и остановившиеся в ауле, а также старики и молодежь всякого звания. Почитается приличным для отцов и матерей семейств, чтобы дочери их посещали больного, чему иногда предшествует приглашение от жен и дочерей хозяина дома, где больной находится. Но должно заметить, что женщинам строго воспрещается вход к больному, когда девицы даже поощряются к тому.

С наступлением сумерек начинают все собираться к больному и пение раздается под сводом его жилища. Посетители разделяются на две партии, и каждая старается превзойти другую. Поют сначала песни, для подобного случая сложенные, а потом переходят к обыкновенным песням, если больной находится вне опасности и весел; в противном случае продолжаются прежние песни до усталости. Прекратив пение, начинают разные увеселительные игры и забавы, в которых девицы особенно принимают участие. Из забав, при том бывающих, самая главная – *рукобитье*: один из посетителей начинает игру; подойдя к одной из девиц (разумеется, преимущественно выбирают хорошеньких), требует, чтобы она протянула руку; он бьет ее по ладони, после чего она, в свою очередь, подойдя к которому-нибудь из мужчин, ударяет его также по ладони, что и продолжается от одного к другому довольно долго, потому что никакая другая забава в сих сборищах не доставляет столько удовольствия мужчинам. Вероятно, и девицам не бывает неприятно позабавиться с молодыми наездниками, которые привлекают их внимание, потому что они играют в

---

* Так в тексте (Ред.).

рукобитель весьма охотно.

Потом начинаются разные другие игры, сопровождаемые криком, шумом, волнением и толкотнёю. Наконец все сии забавные шалости постепенно утихают, и песни, относящиеся к состоянию раненого, опять охриплыми голосами начинают петь, но уже недолго. К ужину являются столы, отягченные яствами и напитками в кувшинах для почетных гостей и в огромных кадках для народа. Девушки, в сопровождении друзей хозяина, возвращаются в женское отделение, а оттуда поутру расходятся по домам, и около сумерек опять собираются к больному.

По окончании ужина, пропевши еще несколько веселых песней, все, за исключением неотлучно находящихся при больном, удаляются до наступления другой ночи. Опять в сумерки все являются к больному, с новыми силами после отдохновения в течение дня, и многие с новыми замыслами против красавиц.

Такие сборища продолжаются до излечения больного или до его смерти. Разумеется, что если нет надежды на выздоровление, когда больной явно приближается к гробу, сборища бывают невеселы, следы уныния заметны на лицах посетителей, которые в таком случае немногочисленны и состоят по большей части из друзей больного и хозяина дома, его содержащего. Но песни не прекращаются и в последнюю ночь жизни больного.

Больной сам участвует в забавах и пении, нередко преодолевая несносную боль, и при входе почетного посетителя или девушек, каждый раз встает с постели. Если исполнить эту учтивость нет ему возможности, то, по крайней мере, он приподнимается с изголовья, несмотря на запрещения пользователя.

Я видел человека на одре смерти, до того близкого ко гробу, что не было уже никакой надежды, но при входе нашем, услышав, что мы приехали посетить его, он до того употребил усилие, что повредил перебитые кости и упал в обморок от ужасной боли. Жалостно было смотреть на судороги его, и чрез три дня после того он умер, превозносимый похвалами за мужественное терпение.

Если больной охает, морщится и не встает при входе посетителей, то навлекает на себя дурное мнение народа и подвергается насмешкам; такое обстоятельство делает черкесов терпеливыми в болезнях до невероятности.

В продолжение лечения родственники и близкие хозяина, а также больные и знакомые, нередко даже и вовсе посторонние, но живущие в близости дворяне, пригоняют и присылают скот на приготовление кушанья, и все напитки, нужные при содержании больного.

По выздоровлении раненого, хозяин дома, где он лечился, делает иногда пир выздоровевшему в его доме, причем подносит ему подарки, состоящие в оружии, и подводит ему лошадь со всею конскою сбруею. Лекарю, пользовавшему больного, также делает хозяин большие подарки, кроме того, что ему принадлежат все кожи быков и баранов, съеденных народом в доме, где содержался больной в продолжение его пользования.

Вылечившийся дарит женщину, которая мыла бинты, тряпки и проч. в

продолжение его лечения, как равно и тех, кто неотлучно находился при нем в услуге. Сверх того, он делает подарок и той молодой девице, которая обвела чертою внутренние стены дома, где он лечился. Впоследствии самому хозяину раненый, если он князь, иногда дарит семью людей или пленника, и дружба водворяется между ними.

Что говорили мы относительно содержания раненого, принадлежит людям знатным, высшего звания, а что касается до людей менее значительных, образ содержания их хотя и тот же самый, но с тою разницею, что сборы и угощения бывают сообразны с значительностью и состоянием раненого и хозяина дома, где он содержится, если он не в своем доме лежит, что, впрочем, редко случается и в простом народе.

В низшем звании также почти всегда торгуются с лекарями, которые берутся лечить раненого, что в высшем звании редко делается, ибо договариваться в таком случае дворянин, знающий приличия, почитает оскорбительным, и лекаря всячески подтверждают такое поверье, потому что не бывают от него в проигрыше.

Справедливость требует сказать в заключение, что бескорыстное соблюдение приличия производит иногда у черкесов поступки истинно великодушные. Молодой дворянин, или какого ни был бы звания воин, готовый пожертвовать собою для славы, догоняет неприятелей, сделавших неожиданный набег, и, несмотря ни на число их, ни на опасность, бросается на них, дерется и получает смерть или тяжелую рану. В случае смерти его, первый благородный человек, нашедший тело, по предании его земле на свой счет, совершает все, что религия предписывает родственникам покойного оказывать его памяти. Если он находит его раненого, то берет его к себе, содержит самым лучшим образом, платит врачу, который пользует его, и, наконец, по выздоровлении дарит ему прекрасную лошадь со всею конскою сбруею и полное на одного человека вооружение, даже одежду, и все делает из одной чести, не имея в виду никакого вознаграждения, кроме похвалы народной. Стремление прославиться нередко заставляет черкесов с истинным самоотвержением делать добро и защищать невинность, но сия благородная черта нравов, к сожалению, часто обезображивается косвенными понятиями черкесов о славе: нередко проливают они потоки крови, подвергают свою жизнь опасности, и все только для приобретения народной хвалы, не приносящей никакой пользы отечеству, отвергаемой и Богом и законами человечества.

VII. ПОГРЕБЕНИЕ И ПОМИНКИ

Со времени принятия черкесами мугаммеданской веры последовало много изменений в их коренных, древних обычаях. Ни в каком другом случае не проявляется это так разительно противоположно, как в обрядах, соблюдаемых при погребении умершего и при отправлении по нем поминок. Предлагаю подробное описание обрядов, при погребении и поминке знатного

человека наблюдаемых.

Едва больной испустит последнее дыхание, в доме поднимается плачевный вопль; мать, жена, дети, родственники, друзья и все находящиеся в доме оглашают воздух стенаниями. Женщины бьют себя в грудь и шиплют себе лицо; мужчины царапают себе лоб до крови, и синие пятна от ударов по телу остаются у них на долгое время, даже нередко бывают жестокие раны на изувеченных местах. Такие знаки глубочайшей горести оставляют на себе особенно жена, друзья и родственники покойного.

Все женщины аула сходятся умножить плач. Посторонние лица, приходящие к одру умершего, начинают испускать протяжный вопль еще не доходя дома, где лежит покойник, продолжая плач, входят в дом и, подойдя ближе к телу, остаются ненадолго, выходят вон из дома, но редко прежде перестают плакать, как уже на дворе. Те, кто желает более изъяснить знаков особенной горести, остаются в доме или, вышедши оттуда, останавливаются у стены дома и продолжают плакать.

Между тем старики, сами переставши плакать довольно скоро, распоряжаются приготовлением тела к погребению. Они увещевают близких покойника не слишком предаваться скорби и советуют им оказывать твердость душевную к перенесению удара судьбы. Пожилые женщины то же делают в отношении женщин.

Сперва призывают муллу, который моет тело покойника с помощью одного или двух своих учеников или помощников; моющие тело на руки надевают мешочки из той белой ткани, из коей шьют покойнику род савана, похожего на мешок, с обоих концов открытый, надеваемый на труп и называемый *кефин*. Тело вымывают тщательно, даже нередко обрезают ногти покойнику и сию обязанность некоторые из мулл исполняют с особенным усердием, что заставляет народ благоговеть перед ними.

Тело женщины моют и готовят к погребению старухи, точно так, как тело мужского пола. Где нет муллы, там знающие хотя несколько читать молитвы, заменяют его. Приготавливая тело к погребению, готовят и могилу. Не слыхано в Черкесии, чтобы когда-нибудь нанимали для того рабочих людей, и, напротив, все жители аула стекаются в дом покойника, откуда нужное число людей идут на кладбище и там копают могилу, наперерыв спеша один другого сменять в работе и считая рытье могилы обязанностью каждого. Тело умершего кладут на связанные доски, а по большей части на короткие лестницы, подмостив так, чтобы тело лежало неподвижно; сверху покрывают богатым парчовым одеялом и несут на руках из дома до кладбища. Родственники покойника с плачем сопровождают его останки, а также и женщины, которых почетные старцы нередко упрашивают возвратиться, не доходя до могилы. В продолжение шествия от дома до кладбища три раза останавливаются, и мулла читает молитвы. Сопровождающие тело наперерыв сменяют несущих покойника. Прежде нежели опустят тело в могилу, над ним совершают молитву; потом мулла принимает от родственников умершего приносимые ими дары, *искат*, причем делает *девир*, то есть несколько раз спрашивает о добровольном

приношении даров. Приступая к тому, предварительно спрашивает он: сколько лет было покойнику и какого он был поведения? Затем читает установленные молитвы. Приносители даров на могилу надеются уничтожить, или, по крайней мере, уменьшить ими грехи покойника. Наконец, опускают тело в могилу, головою к западу, и несколько наклоняют на правый бок, так, чтобы оно лежало наклонно к югу. В иных местах кладут в могилу рукописные молитвы.

Засыпая могилу, все попеременно работают, один другому уступая деревянную лопатку; никто не отдает ее в руки, а кладет на землю. Тут приносят в жертву барана, и мулла читает из Корана главу. Иногда людям, отпускаемым на волю по завещанию покойника или по собственному желанию его наследников и друзей, объявляется тогда свобода.

Обыкновенно по окончании всего обряда могилу поливают водою, и тогда все отступают от могилы на сорок шагов, а мулла, оставшись на могиле, читает молитву *талкин*, о которой суеверные рассказывают, что если покойник не отягчен грехами, то повторяет ее слово в слово за муллою. Мулла возвращается к ожидающим его и, еще совершив молитву, все идут домой. Тут присутствующие изъявляют родственникам покойника свое сожаление об их потере, а почетнейшие люди увещевают их быть твердыми, покорными Богу и не предаваться печали.

В ночь духовенство собирается в доме покойника; там, иногда до самого рассвета, проводят ночь в молитвах об успокоении души умершего и прощении ему грехов и после ужина расходятся по домам. Нередко три ночи сряду продолжают сие чтение молитв. На седьмой день делают первые поминки, а на сороковой день вторые. На поминки собираются духовенство и народ: первые читают Коран, получив за прочтение условленную плату, а вторые насыщаются пищею и питьем, для такого случая приготовленными. Третьи поминки нередко отправляют в шестидесятый день или на исходе года. Все обряды, здесь описанные относительно погребения и поминок, исключая обязанности протяжным воплем плакать без разбора всем лицам, терзания себя родственникам и друзьям, а равномерно бесплатной работы на кладбище, суть обычаи, введенные между черкесами мугаммеданским вероисповеданием.

Нынешним черкесам почти неизвестно, как хоронили тела их предков во времена язычества, но надобно полагать, что вместе с телом зарывали и оружие умершего, судя по тому, что поныне нередко находят в недрах земли оружия вместе с человеческими скелетами. Ныне оставшиеся от древнейших времен обряды *больших*, так называемых *поминок*, особенно любопытны.

Смерть отца семейства или значительного члена везде и во всяком народе повергает в горестное, если и не всегда душевное, по крайней мере, притворное уныние оставшихся в живых родственников умершего. Но такое уныние нигде не оставляет столь ужасных следов и столь продолжительных слез, как в Черкесии. Не только друзья и знакомые умершего, но даже и те, кто едва знал его, посещают его родственников для изъявления своего душевного участия в их потере. Подъехав к дому, где жена или мать

умершего находится, посетители слезают с коней, снимают с себя оружие, идут к дому и, приближаясь, начинают плакать, причем нередко треногами, а иногда и плетью, секут себя по открытой голове; в таком случае встречают их, удерживают удары, наносимые ими самим себе, и подводят их к дому. Если посетители не имеют в руках ремней, их не встречают, и они идут, тихо подвигаясь вперед и обеими руками прикрывая лицо. С воплем входят они в дом, где женщины отвечают им тем же; выходя из дома, являются они в гостиную и родственникам покойника изъявляют там, с печальным видом, но уже без плача, свое сожаление об их потере и уезжают. Когда посетители не плачут, входя в дом к женщинам, то и они в присутствии их не рыдают, но лишь только выйдет посетитель, оглашают воздух пронзительным воплем, чрезвычайно трогающим душу; особенно жалостный голос сирот потрясает сердце. Сироты нередко продолжают рыдать при посещениях почти до истечения года, следственно, и плачевное стенание в доме покойника не умолкает весьма долгое время. Те, кому важное обстоятельство помешало приехать для личного изъявления своей скорби, присылают людей, заслуживающих почтение. Разумеется, что не все плачущие потому плачут, что горесть их велика, но следуют общепринятым обыкновениям, несоблюдение коих лишает уважения народного и подвергает поношениям.

На могиле воспитанника ставится железный трезубец в виде вилки на шесте, к коему прикрепляют черную или красную ткань. В прежние времена вместо трезубца ставили железные кресты, также с тканью.

По воспитаннике носят годичный траур; жена также носит годичный траур по муже и в продолжение сего времени не спит на мягких постелях. Надобно заметить, что муж не плачет по жене, и если окажет печаль во время ее болезни или по смерти, неминуемо подвергается насмешкам.

Родственники и друзья покойника долгое время чуждаются увеселений и сохраняют печальный вид. Неисполнение всех сих обрядов почитается за стыд.

По прошествии года отправляют *большие поминки*, или *тризну*. Такие поминки, или тризна, по знатном человеке, наследники которого в состоянии поддержать приличия своего дома, начинаются тем, что, когда приблизится назначенный день, предпринявшие совершение поминок готовят чрезвычайно много яств и напитков. Близкие и даже посторонние лица, по принятому обыкновению, привозят готовые кушанья и напитки и пригоняют скот, назначенный на зарез. За несколько дней до наступления дня торжественных поминок посылают в соседние аулы приглашать народ. К почетным особам ездят просить удостоить тризну своим присутствием, а в случае, ежели обстоятельства не позволяют отлучиться, посылают к знатнейшим особам людей наиболее уважаемых, поручив им извиниться пред особами, коих приглашают, что сами не могли лично к ним явиться.

Накануне тризны съезжаются приглашенные лица к пригласившему или останавливаются в соседственных аулах. Собрания нередко бывают до того многочисленны, что помещение в одном ауле делается невозможным.

Торжество тризны открывается конскою скачкою. Еще до света

высылают скакунов на назначенное место. С ними отправляется почетный человек, который, поставив их в ряд, пускает всех вдруг. Первый приз получает первая прискакавшая к цели лошадь; второй приз – вторая, третий – третья; иногда и самой последней лошади назначают в награду какую-нибудь безделку. Конные толпы встречают возвращающихся скакунов и нередко надоедают им тем, что каждая партия подгоняет своих скакунов. После возвращения со скачки, почетнейшие из гостей собираются в гостиную, куда приносят столы, отягощенные яствами. Тут присутствующие духовные особы перед началом обеда читают молитву. Почитая, однакож, такие поминки, в коих одно игрище другим сменяется и весь народ является в торжестве, противными мугаммеданской религии, они не всегда посещают их. Другим гостям, которые располагаются на обед в ауле в своих квартирах, разносят столы с яствами и напитки в больших сосудах. Народ собирается на открытом воздухе, на дворе, под навесами и около строений толпами. Напитки и столы с яствами разносятся и народу, но чтобы никто не оставался ненакормленным и ненапоенным, хлеб, пироги и прочие сухие яства разносят в бурках и раздают всем без изъятия. Для соблюдения порядка назначают людей, которые смотрят, чтобы все делалось надлежащим образом. Напитки народу ставятся на открытом воздухе в бочках, и для надзора за ними находятся избранные люди.

Кто хочет, тот может подходить к напиткам и пить. Блюстители порядка имеют в руках палки, которыми потчуют молодых шалунов и тщательно смотрят, чтобы старики прилично были угощаемы.

В продолжение пиршества множество лошадей, накрытых разноцветными тканями, стоит на дворе; их приводят родственники, друзья и знакомые покойника посвящать его памяти. В прежние времена, посвящаемым памяти умершего лошадям отрезывали концы ушей, но ныне довольствуются одним их приводом в богатых покрывалах, называемых *шдянь*.

Толпы многочисленного народа, веселием оживленного, шум, говор, ржание коней, рядом поставленных, в богатых уборах, с разноцветными покрывалами, суетящиеся женщины, не упускающие случая показать себя мужчинам в блеске и иногда на них взглянуть лукаво – все это составляет зрелище весьма занимательное. В тот же день оружие и одежда покойника бывают разложены в доме. Молодые князья и дворяне с нетерпением ждут окончания трапезы, и в нетерпении не уступают им хорошие стрелки, проворная молодежь и мальчики всех званий, ибо каждому из них предстоят разные потехи.

Едва только перестанут насыщаться, тотчас наездники садятся на коней, окружают ездоков, сидящих на покрытых лошадях, и, дав им время разбежаться, пускаются за ними в погоню, а догнав, стараются вырвать у них покрывало, когда те стремятся ускакать от преследователей. Если в том успеют, то, повозив некоторое время развевающуюся ткань, бросают ее среди толпы пешего народа, между которым происходит от того борьба, и ткань в мелкие куски разрывается.

С другой стороны выскакивают в поле наездники в шлемах и панцирях, сплетенных из орешника, а за ними пускается сотня наездников; одни стараются как можно далее проскакать с своими трофеями, а другие поскорее отнять у них трофеи и самим увенчаться ими, когда третьи стремятся между тем наполнить свои карманы орехами. Если, наконец, из преследователей никому не удастся исполнить свое желание, то шлемы и панцири бросают среди толпы пешего народа, от чего начинаются шум и борьба. Стрельба в цель между тем не умолкает: одни стреляют пешие, на расстоянии от двух до трех сот шагов, и попавшие в цель получают призы; другие, верхом на всем скаку мимо цели стреляют обыкновенно из пистолетов, и попавший берет назначенный приз. В другом месте открывается зрелище особенное: поставлен бывает весьма длинный шест, к верхнему концу коего прибита круглая небольшая доска. Ловкие наездники, имея лук и стрелы наготове, летят на лихих скакунах один за другим, так чтобы лошадь заднего скакала за лошадью передового прямо; всадник не управляет поводьями, и только левая нога его остается на седле, а весь его корпус держится ниже гривы лошади. В таком трудном положении, несясь, как вихрь, мимо шеста (*кебек*), в то мгновение, когда лошадь на всем скаку сравняется с шестом, всадник спускает лук, и пернатая стрела вонзается в доску, наверху шеста прикрепленную, а иногда, разбив его, падает к ногам зрителей. Такая игра, или, лучше сказать, опыт необыкновенно ловкого наездничества, принадлежит самому высшему классу. Тогда же в другом месте проворные мальчишки толпятся около столба, чисто обструганного и намазанного сверху донизу салом. На верху сего весьма тонкого столба прикрепляется корзинка, наполненная разными вещами, и кто взлезет туда без всякой другой помощи, кроме своих рук и ног, берет себе все вещи. Каждый показывает тут свое удалство, один другого сталкивает, все шумят, бранятся, и хохот зрителей увеличивает шум. Хитрые мальчишки, наполнив свои карманы и пазухи золою или песком и обтирая ими столб, нередко добиваются до своей цели, но в случае, если все их усилия остаются тщетны, хорошие стрелки стреляют в палочку, которою на столбе прикреплена корзинка – она падает, и мальчишки и большие бросаются расхватывать вещи, при ужасной давке, свалке, шуме и крике.

Игры, стрельба, скачки по всему пространству поля и по аулу продолжают целый день. Пестрые толпы несутся с одного конца в другой; один другого срывает с коня, валяет на землю; все в безумии веселья кружатся. Легко себе представить, что часто жизнь наездников подвергается опасности, когда несутся они по оврагам и рытвинам через поля или понуждают лошадей перепрыгивать чрез плетни и ограды в ауле. Нередки примеры несчастий, случающихся от излишнего веселья, но зато ловких наездников вознаграждают одобрительные улыбки красавиц.

Шум, говор, крик, стрельба оканчиваются с окончанием дня, а с наступлением ночи, насыщенный удовольствиями зрелища, яствами и напитками, народ расходится и разъезжается по домам. Тишина ночи заступает место волнения дня тризны или торжественных поминок усопшего.

Мы говорили здесь о погребении и поминках людей высшего звания, но и простой народ тоже соблюдает, принимая, однакож, в соображение состояние и обстоятельства.

Заметим в заключение, что все сии обряды со дня на день уменьшаются в Черкесии, а в иных племенах и вовсе прекратились со времени усиления исламизма старанием духовенства и по причине увеличившихся беспокойств. Нельзя жителям Черкесии не упрекать в безрассудном изуверстве свое духовенство, если оно старается истребить все древние обычаи предков, как будто наружное смирение умягчает губительные страсти души. Нельзя черкесам не оплакивать нынешнего состояния своей родины, откуда междоусобия, война и ослабление нравов изгнали спокойствие и изобилие, а вместе с тем и веселые народные торжества.

Х.Г.*

---

* Пометка атора (Ред.).

КНЯЗЬ КАНБУЛАТ (Черкесское предание)*

Между черкесскими племенами хегатское¹⁸² занимало некогда важное место. Князя этого племени, Атвонук и Канбулат, родные братья¹⁸³, славились мужеством и щедростью. Старший, Атвонук, был собой очень дурен, а младшего, напротив, природа одарила необычайною красотой телесною. Канбулат был еще очень молод, Атвонук уже средних лет. Самому Атвонуку не приходила мысль о женитьбе, несмотря на советы и убеждения его друзей, но настойчивость последних расшевелила это равнодушие, и он решился, наконец, взять себе жену, с условием, однако же, чтобы и его брат последовал его примеру. Канбулат исполнил его волю; но с первого же дня своей женитьбы, как бы предчувствуя свои несчастья, повел себя в отношении жены своего брата совершенно вопреки обычаям родины – он никогда не показывался ей на глаза. Известно, что женщины и теперь пользуются у черкесов свободою, с которой незнакомы обитательницы гаремов; но в старину эта свобода стеснялась еще менее; и жены черкесские принимали гораздо более участия и в делах, и в сношениях общественных. Однажды, в отсутствие Атвонука, приехали к нему в гости родственники его жены. Канбулат был дома и гости попросили его провести их к его невестке. Приличие и вежливость не позволили Канбулату отказаться и, вопреки своего желания, он нашелся в необходимости побывать у жены своего брата. После обычной беседы и угощений гости оставили княгиню, которая, под предлогом поговорить будто бы о домашних делах, удержала на минуту Канбулата. С бесстыдством женщины, ослепленной страстию, она объявила ему, что если он не даст ей клятвенного обещания провести наступающую ночь с нею вместе, то она поднимет тревогу и объявит народу, что он хотел ее обесчестить. Слова свои она подтвердила целованием молитвенника, который висел, по обыкновению, в серебряном футляре на ее груди. Изумленный необычайною дерзостью и смелостью своей невестки, Канбулат дал ей требуемое обещание и подтвердил его также целованием ее молитвенника. Настала ночь; Канбулат явился к бесстыдной женщине; но объявил ей, что пришел не для того, чтоб быть участником задуманного ею преступления, а для того, чтобы исполнить только свою клятву, к которой тут же прибавил другую, что зарежет ее при первом ее нескромном слове или соблазнительной ласке, и в доказательство своей решимости положил между нею и собою обнаженную саблю. Невестка онемела от страха. С наступлением утренней зари, Канбулат оставил ненавистное ему ложе, но одна из трех стрел, с которыми хаживали тогда черкесы и дома, подкатилась под кровать. В душевной тревоге Канбулат не обратил на это внимания и, позабыв даже второпях, что у него было три стрелы, а не две, удалился поспешно!..

В первую же ночь, по возвращении своем, Атвонук случайно заметил

---

* Пометка автора (Ред).

стрелу, и, по необыкновенной ее длине, узнал, что она принадлежит Канбулату, оружие которого вообще отличалось и величиною и тяжестью. Оскорбленный муж и брат безмолвно вышел. «Чего я опасался, то и случилось...» – сказал он одному из своих друзей и, вместе с ним, выехал к крымским татарам, как оказалось после, но слух разнесся, что будто бы он погиб в одном из набегов в горах.

К юго-востоку от хегатского племени обитали жанинцы – поколение сильное, воинственное и страшное в то время. Смотря теперь на десяток или два бедных хижин на Каракубанском острове, кто поверит, что их владельцы составляют единственный остаток этого могущественного поколения, некогда выставлявшего тысяч десять отважных всадников, отличавшихся мужеством и отважностью? Эти жанинцы были тогда кровными врагами Канбулата за то, что в одном из набегов он собственною рукою убил сына их князя Хакушмука, владельца уважаемого и могущественного.

В одно утро, у ворот ограды маленькой кунацкой, или гостиной, князя жанинского остановился всадник на вороном коне. Князь куда-то выехал, и потому ограда и домик были совершенно пусты¹⁸⁴. Слуги разбрелись по аулу, радуясь случаю погулять на свободе. Приезжий поставил лошадь внутри ограды и вошел в домик. Одна из прислужниц княгини, собираясь привести в порядок комнаты, вошла туда же и, увидев там человека, лежащего на скамейке, была поражена необыкновенною его стройностию и красотою. Побежав тотчас же к госпоже своей, она объявила ей о незнакомце, говоря, что его плечи были столь широки, а талия так тонка, что кошка, проходя под боком, не задевала его пояса¹⁸⁵. Княгиня пошла в гостиный домик, полагая, что приезжий должен быть один из самых близких друзей ее мужа: в противном случае он остановился бы в большей гостиной, назначенной для обыкновенных гостей¹⁸⁶. Но предположение ее не оправдалось, только что успела она переступить за порог комнаты, как незнакомец вскочил с лавки, бросился к ней и, прижавшись к ее груди, сказал: «Будь моею восприемною матерью!»¹⁸⁷ Тут только княгиня разглядела гостя и узнала в назвавшемся сыне – Канбулата, убийцу ее родного и единственного. Княгиня вначале испугалась, потом прогневалась, но, уступив законам гостеприимства, согласилась взять его под свою защиту и, позвав одного из верных слуг своих, приказала поместить Канбулата в безопасном месте.

Хегатское племя занимало в это время все равнины близ устья Кубани. Следовательно, оно было близко к владениям крымских татар; но черкесы вообще имели мало тогда сообщения с крымскими ханами, и потому неудивительно, что Атвонук, удалившись в Крым, и забытый всеми, оставался несколько лет безвестным при Бахчисарайском дворе. Но Атвонук, однакож, жил там не даром: он склонял хана дать ему многочисленное войско для наказания Канбулата и, наконец, успел склонить. С жаждою мести в сердце, он повел отряды татар во владенья брата; но, чтобы врасплох захватить врага, он скрыл себя и научил татарского начальника объявить хегатцам, что идет противу отдаленных племен. Хегатцы поддались было обману, но приближенные Канбулата узнали в стане татар *пегую* лошадь

Атвонука и поспешили уведомить о том своего господина. Канбулат успел спастись, но семейство его и жена были захвачены татарами.

Ожесточенный Атвонук приказал поместить пленницу в особенной палатке и, с наступлением ночи, пошел к ней с целью насытиться чувством мести и самым гнусным образом... Жена Канбулата, женщина с твердым характером и пылким умом, была в это время беременна, тогда как бывшая жена Атвонука, виновница всех этих несчастий, не имела никогда детей. Это обстоятельство спасло честь невестки Атвонука и сохранило чистоту его собственной совести. Пленница с гордостью сказала вошедшему мстителю: «Наш повелитель (так величают черкешенки вообще старших братьев своих мужей)¹⁸⁸, ты торгуешь не совсем чисто; меняешь бесплодную корову на стельную...» Атвонук устыдился и тотчас же оставил свою невестку, сказав ей, что отныне он будет считать ее родною сестрою, и обратил весь свой гнев на подвластные аулы Канбулату.

Сам же Канбулат между тем находился под защитою жанинского племени и, в особенности, как мы видели, его владельницы. Чтобы расположить к тому же чувству покровительства и своего мужа, княгиня поступила следующим образом: в одну из отлучек мужа она приготовила пир и, собрав самых почетнейших старшин изо всего племени, поручила им просить князя, чтобы он дал ей слово исполнить одну из самых кровных и заветных просьб ее, скрыв, однако же, и от старшин, в чем она состояла. Князь по возвращении своем, не зная ничего о происходящем у себя дома, сидел вечером в своей кунацкой, как вдруг явились к нему старшины в сопровождении нескольких служителей, с посудами, полными разных кушаний и напитков. Князь принял старшин с некоторым удивлением, но скоро разговоры оживились, полные чаши стали ходить по рукам и общество развеселилось. Тогда старшины с твердостью объявили князю свое поручение. «Согласен, – сказал развеселившийся хозяин, – но с условием, чтобы она сама лично при всех открыла свою тайную просьбу».

«Конечно, она согласится на это условие, в ее и твоих летах, князь, тут нет ничего неприличного», – отвечали старшины, и двое из них отправились к княгине с ответом князя. При этом надобно заметить, что в старину у черкесов в высшем классе жена никогда не являлась к мужу в присутствии посторонних лиц и потому согласие княгини на условие мужа и вслед за тем ее появление в его кунацкой составляют самое замечательное исключение. Княгиня вошла за старшинами, но не одна; за нею следовал Канбулат. «Я прошу тебя оказать гостеприимство этому человеку...» – сказала она князю, показав на Канбулата, и тотчас же объяснила, каким образом она была принуждена принять его под свою защиту. Старшины, свидетели этой необычайной сцены, испугались, но князь, хотя и взволновался внутренне такою неожиданностию, но отвечал, однако же, с наружною важностью и спокойствием: «Конечно, я не могу мстить человеку, который в моем доме и ищет моего покровительства (на душе старшин стало легче), однакож, ты напрасно вздумала поить нас пред открытием твоей тайны, столь для нас приятной, мы могли бы забыться, и наш стыд пал бы тогда на тебя».

Княгиня не говорила ни слова, но дворяне, у которых, по выражению черкес[ов], языки длинны, т. е. мастера льстить и охотники позлословить, почти в один голос воскликнули: «Острые стрелы прошло, так перья не сделают вреда». *А в следствие того* они посоветовали княгине прислать еще бузы и браги. «Дельно! – прибавил князь. – Только послаще той, которую ты мне поднесла теперь...»

На другой день жанинский князь, чрез своих старшин, объявил Канбулату, что отныне считает его своим гостем; но, следуя обычаям предков, хочет получить от него установленную плату за кровь, прибавив, что, так как все богатство Канбулата теперь заключается в его оружии и лошади, то он удовольствуется и этим.

Канбулат исполнил требованье князя и тотчас же прислал оружие, оборонительное и наступательное, за исключением одной только сабли. Жанинский князь потребовал и саблю, вследствие чего принесли и ее. «Что сказал Канбулат, отдавая саблю?» – спросил князь. «Сказал только, что саблю он не считает драгоценностью, а оставил было ее для обороны от собак; тут у него на глазах, кажется, навернулись слезы...» – прибавил отвечавший старшина с грустью. «Он достоин и оружия и уважения! – воскликнул жанинский князь, – отнесите все обратно и скажите, что я хотел только испытать его... Хотел узнать, – продолжал князь, – принадлежит ли он к числу людей, которые служат основой умной поговорки наших предков: *храброго трудно полонить, но в плену он покорен судьбе, а труса легко взять в плен, но тут-то, когда уже нечего бояться, он и делается упрямым*. Скажите ему, что я раскаиваюсь в моем желании испытать его, и пока он мой гость, мое оружие, моя рука, все принадлежит ему». Старшины исполнили волю князя.

Изгнанник был более чем доволен великодушием своего врага-покровителя во все время пребывания у него, но по местным обстоятельствам ему нельзя было там оставаться слишком долго; и потому он потребовал, чтобы жанинский князь проводил его в бжедужское поколение, славившееся тоже храбростию.

Бжедужское поколение – одно из самых древних обитателей черкесско-кавказских гор. Оно сначала жило в самом недре горной цепи, но в эпоху рассказываемого предания выдвинулось уже к северным равнинам и занимало вершины речек Псакупс и Пшиш, впадающих в Кубань¹⁸⁹.

Бжедужские предводители были в это время в сборе, совещаясь о делах общественных, как вдруг явился жанинский князь вместе с своим гостем, вошел в собрание бжедухов и, в немногих словах объявив причину своего посещения, поручил Канбулата великодушию их поколения. Канбулат, обнажив по тогдашнему обычаю свою голову¹⁹⁰ и, обратившись к собранию, прибавил следующее к словам своего покровителя: «Бжедухи! Отдаюсь под защиту вашего поколения. Отныне по Богу на вас моя надежда. Не мои достоинства, а ваша честь и слава порукою мне в вашем великодушии».

Совещание кончилось, и совершенно в пользу Канбулата; с того же дня бжедухи объявили себя защитниками своего *гостя*. Началась самая

ожесточенная борьба между враждующими братьями, продолжавшаяся в течение семи лет со всеми ужасами опустошения и кровопролития. Наконец, защитники несправедливо гонимого Канбулата истожились; лучшие их воины пали на поле сражения; пламя мстительной войны опустошило их земли; народ уныл духом; словом, дела и Канбулата и великодушных бжедухов были в ужасном положении, как вдруг одно обстоятельство переменяло все и даже кончило эту борьбу мировую. Жена Атвонука, проживавшая у своего отца, вздумала сшить полный мужской наряд и послала его к Канбулату. Посланный вместо одного брата нечаянно попался в руки другого, в одном из его набегов на бжедухские аулы. Атвонук, узнав работу рук жены своей, расспросил, кому она была назначена и, желая выведать сношения Канбулата с преступною его женою, послал посылку с своим слугою, наказывая пригласить его на свидание с нею и намереваясь убить их обоих на месте преступления.

Слуга возвратился скоро и, к удивлению Атвонука, объявил, что Канбулат вместо ответа на его предложение изрубил в куски всю посылку и приказал в таком виде отвезти ее туда, откуда она прислана, прибавив, чтобы никто не смел вперед являться к нему с подобными поручениями, в противном случае он грозился первого посланного повесить на первом попавшемся дереве.

Этот случай послужил поводом к примирению знаменитых братьев; он внушил Атвонуку мысль, что Канбулат, может быть, не так еще виноват, как казалось ему. Начались переговоры, после которых было назначено и свидание между братьями. «Я знал, что невинность моя оправдает меня, – сказал при встрече Канбулат, – но ты не хотел видеться со мною лично, а я был готов скорее погибнуть, чем открыть кому бы то ни было несчастный случай, бесславивший наш дом».

Объяснение это прекратило все неприязненные сношения между ними; наступил мир после продолжительного кровопролития, и бжедухи, оплакивая свои потери, утешались славою, приобретенною ими во время благородной защиты гонимого¹⁹¹.

Здесь оканчивается собственно предание. Далее следуют некоторые отдельные эпизоды, между которыми любопытнейший – есть следующий: два брата из дворянской фамилии *Дендар* находились при враждебных князьях; старший при Атвонуке, а младший при Канбулате. В одной битве старший Дендар, смертельно раненный, лежал в овраге. По окончании дела младший Дендар, проезжая поле сражения, которое осталось за бжедухами, увидел истекающего кровью своего брата, на котором были белые штаны, и, обратившись к товарищу, сказал с язвительною насмешкой: «Здесь лежит дикая коза». Умиравший, услышав слова брата, отвечал с презрительною гордостью: «Нет, не коза дикая, а воин в белых штанах из такой шелковой ткани, какую твоя мать не подвязывала никогда и головы!.. Сними их скорее, пока еще они не выпачкались в крови...»^A

---

^A Они были от одного отца, но разных матерей (Прим. автора).

* * *

Кроме предания и частных вставочных эпизод[ов], есть еще и песня о том же предмете. Она носит имя *Канбулата* и чрезвычайно любопытна. Имена и подвиги участвовавших в битвах воспеты, даже чувства многих лиц изображены живо. Она служит основой *предания*, которое, в свою очередь, служит ей истолкованием¹⁹². Вот пример: предание говорит, что один князь приехал к бжедухам за собственными делами, по окончании которых собирался отправиться домой, но в то же время он узнал о приближении татар, предводительствуемых Атвонуком. Князь остался и присоединился к Канбулату, с которым не имел прежде никаких дружеских связей, и был убит в одном из сражений. Певец влагает в уста Канбулата, оплакивающего смерть этого князя, следующие слова: «Я не оказал ему благодарений, а он погиб за меня!»

(Из записок Хан-Гирея)*

---

* Примечание редактора издания (Ред).

МИФОЛОГИЯ ЧЕРКЕССКИХ НАРОДОВ[§]

Из предыдущей статьи* читатели видели, что первые семена христианства посеяны между народами Кавказа самими апостолами, и впоследствии, в разное время, были возобновляемы греками, римлянами, грузинами и русскими. В этом нельзя и сомневаться; но неизвестно, в какой степени усвоено христианство племенами Кавказа, какими именно и, просветило-ли оно только жителей равнин и предгорий, или даже проникло вглубь Кавказа? Всего вероятнее, что дикие и грубые поколения, живущие внутри гор, не имея сношений с обитателями равнин, никогда не переставали коснеть в язычестве. И когда влияние христианских держав на племена Кавказа прерывалось, в продолжении целых веков, то и учение Христово, не вполне утвердившееся, постепенно изглаживалось; а человек, хотя и дикий, по созданию своему долженствующий жить всегда под влиянием духовного мира, теряя зависимость духа из-под одной силы, стал подчиняться другой – язычеству соседей своих, язычеству, никогда совершенно не искоренявшемуся в горах. Напротив, при непрерывном движении, через перешеек Кавказский, диких народов, друг друга вытеснявших, каждый, оставляя на месте часть своего тела, сообщал прежде водворившимся и верования свои, которые умножали, усиливали язычество. Это-то и причиною, почему у горских народов такое разнообразное смешение религиозных обрядов, мифов, обычаев, законов. Укрытые в неприступных ущельях гор от цивилизации чужеземной, они сохранились чрез тысячелетия, в первобытном виде, до наших времен. В них-то должно искать элементов древнего мира.

Мы заимствуем, на первый раз, некоторые отрывочные сведения об этом предмете из записок просвещенного горца, который, трудясь в продолжении многих годов над собранием обычаев, поверий и исторических событий своей родины, оставил множество драгоценных материалов.

* * *

Древние черкесы поклонялись многобожию, и вместе с тем, чтити некоторых христианских святых. В семье их богов, первое место занимал *Зейкутх* – бог наездничества, покровительствовавший любимейшему их ремеслу. Время не сохранило ни идолов его, ни даже форм в предании народном. После всякого удачного набега, черкесы отделяли лучшую часть добычи из оружия на долю Зейкутха и относили ее в заповедные рощи, где и до сих пор находят на священных деревьях старинное оружие.

Мезитх – бог лесов, располагавший судьбою зверей, и к нему

[§] Из записок покойного флигель-адъютанта, полковника Султана Хан-Гирея (Прим. ред. газеты «Кавказ»).

* Имеется в виду статья Хицунова об истории христианства на Кавказе в этом же номере газеты «Кавказ» (Ред.).

обращались с молитвами об успехе ловли. В поверьях своих, черкесы представляли это божество едущее на золото-щетинистой свинье. По велению Мезитха, олени сходились на луга и божественные девы доили их.

Созереш – бог обилия и домашнего благоденствия. Каждый дом сохранял в амбаре истукана этого имени – деревянный обрубок с семью сучьями.

В установленный день для чествования Созереша, все члены каждого семейства собирались вечером в амбар, хозяин выносил идола с благоговением, с непокрытой головой, прикреплял к каждому его суку по небольшой зажженной восковой свечке и с торжеством, в сопровождении домашних, вносил в саклю и ставил его на подушки посреди комнаты. Все присутствующие, от мала до велика, взявшись за руки, окружали идола, и тогда хозяйка, громко произносила молитву: «Созереш! Благодарим тебя за урожай нынешнего лета, молим тебя, даровать и в будущие годы обильную жатву. Молим тебя, Созереш, охранять наши хлеба от кражи, наш амбар от пожара!» При всякой остановке, окружающие идола делали круг и в один голос кричали: «Аминь».

После этого молебствия, идола, без всякой уже церемонии, выносили обратно в амбар, где сохранялся он в покое, до праздника следующего года.

А между тем члены семейства садились за обильный ужин, и в честь Созереша испивали множество разных напитков.

Овцеводство имело покровителем какого-то **Емиша**. Из предания об этом божестве можно заключить, что между черкесами-язычниками были и такие, которые издевались над своими богами.

Каждое домашнее животное имело своего бога, за исключением лошадей, и по всему видно, что последние тогда еще у них не водились. Это подтверждает и следующее народное предание. Некогда, жители равнин напали на горцев; но эти, сделав засаду, разбили их, и в числе добычи, захваченной у неприятеля, досталось им несколько лошадей. Победители, не только не знали что делать с этими животными; но, полагая, что белая масть означает старость, при дележе отдавали трех белых коней и двух серых за одну гнедую. Предание говорит, что один старик, которому на долю досталась такая диковинка, обрадовавшись, что она заменит ему дряхлые его ноги, вскарабкался на свою лошадку, только лицом к заду и схватился за хвост, который показался ему самою удобною частью животного для управления им. Лошадь побежала и старик ударился оземь. «Если зайдут эти бескрылые журавли к нам в горы, то мы погибнем» – сказал несчастный наездник, когда очнулся от страшного падения, и тут-же, с общего согласия – зарезали всех лошадей. Кто бы отгадал в потомках этих черкесов теперешних лихих наездников?

Черкесы имели и богиню. Княгиню вод, **Псахокоашь**, воображали прекраснейшею девой. Ворожейки обращались к каким-то **божественным девам**.

Кроме того, каждое урочище, пещера, гора, речка и тому подобное, даже ремесла, имели своего духа и покровителя. Кузнецы почитали какого-то

Лепша, который делал сабли, рассекавшие целые горы железа.

Предание повествует, что на вершине снежного Эльбруса, за какие-то грехи, прикован один великан. Когда он пробуждается от оцепенения, то спрашивает у своих стражей: «растет ли еще на земле камыш и рождаются ли ягнята?» Безжалостные стражи отвечают: «камыш растет и ягнята рождаются». От такого ответа, великан приходит в бешенство, рвет свои оковы, и тогда земля дрожит от его движений, цепи брызжут молнии и грохочут громами; его тяжелое дыхание – порывы урагана; стоны – подземный гул; бурная река, с неистовством вырывающаяся из подножья Эльбруса – его слезы.

В честь какого-то *нарта Саусрука*, в зимнее время, черкесы задавали пиршества; в гостинный дом относили яства и напитки, а в конюшне, для его буланой лошадки, готовили ячмень и сено. Впоследствии, когда стало распространяться в Черкесии магометанство, в гостях, посылаемых Нартом вместо себя, не было недостатка. Магометане, в ночь Саусрука, отправлялись погостить к язычникам, и тем сохранили обычай гостеприимства.

В жизнеописательной песне Саусрука упоминается о стране *Урис*, что на черкесском языке означает Россия, страна руссов.

Черкесы-язычники, посвящали один день Святой Деве, называя ее *Великою Матерью Великого Бога*, и праздновали день грома.

* * *

Вот все, что мы имеем в настоящее время о мифологии черкесских народов; но смеем надеяться, что многие из образованных горцев поспешат дополнить эти любопытные сведения, и тогда мы их представим вниманию публики.

НАЕЗД КУНЧУКА[§] (Предание)*

Верстах в пяти от нынешнего Павловского поста¹⁹³, на левом берегу Кубани, среди глухого леса, в шалаше, толпа черкесской молодежи беззаботно веселилась и громко пела песню, порой заглушаемую звонким ударом нагайки или плеском воды:

«Красавицы гор, на порогах саклей, за рукодельем, поют про подвиги храбрых. На крутых берегах кипучей Лабы, питомцы брани вьют арканы; а Темир-Казак, с небес в ясную ночь – указывает им сакли врагов. И вот, не на ладьях, а грудью бурных коней рассекают Кубани шумные воды, и пустыни безбрежных степей пролетают падучею звездой. Вот, пред ними и древний Дон плещет и седые волны катит; над волнами стелется туман; в мгlistой выси коршун лишь чернеет, а по берегу лишь робкие лани бродят...»^{*} Вдруг, вблизи раздался чей-то голос. Певцы примолкли, вслушались и вздрогнули. Кто-то напевал известную битвоописательную песню Казбека¹⁹⁴, которую суеверные черкесы почитали зловещею¹⁹⁵.

«Подите и узнайте, какая это собака подошла к нам с таким зловещим воем?...» – с досадой воскликнул старшина; но, незванный гость уже был пред ними.

«Да умножится добыча ваша добром, отнятым у дальних народов! Могу ли к вам войти? – сказал незнакомец, спрыгнув с коня и остановясь на пороге шалаша. – Впрочем, – прибавил наездник гордо, – на мою скромность можно положиться – на мне еще никто не видел прожженной шапки¹⁹⁶, я дворянин!»

«Гостеприимство живет и в шалаше, но советую тебе впредь не петь зловещей песни, подъезжая к охранителям, которые с часу на час ждут возвращения своих из наезда!» – сухо отвечал старшина.

«Я не приехал сюда учиться, что мне делать и чего не делать! А о наездниках ваших знаю более, чем вы сами, и могу предсказать, что они не привезут и аршина ткани, не пригонят и жеребенка. Да что таить – не за тем и поехали! Прекрасная Гюль, быть может, давно в объятиях бородатого ногайца, и похитить ее – дело невозможное, дерзкое! Впрочем, Кунчук сам создан из дерзости, и как ему удалось пригнать табун шамхала из-за Казанища, схватить пленника из Джеметея¹⁹⁷, то он готов на хвосте черта переплыть через Азовское море».

В те времена наездничества, о которых и теперь старики не перестают вздыхать, Черкесия блистала красавицами, как небо звездами в ясную ночь, а

[§] Из сочинений покойного флигель-адъютанта, полковника Султана Хан-Гирея (Ред. газеты «Кавказ»).

^{*} Пометка автора (Ред.).

^{*} В черновом автографе «Наезда Кунчука» Хан-Гирея данный фрагмент представлен в виде стихотворных четверостиший (см. раздел IV настоящего сборника), однако последующие публикаторы представили его в прозаическом виде. Мы решили не отступать от устоявшейся традиции, сохранив, кроме того, в тексте песни знаки препинания в соответствии с публикацией в газете «Кавказ» (Ред.).

наездники, как метеоры, летали по ней, всюду оставляя за собой кровавые следы. Между тогдашними красавицами сияла, как полная луна среди звезд, – прекрасная Гюль, а между наездниками, подобно молнии, сверкал знаменитый Кунчук – и на них-то намекал незванный гость.

Он бы долго еще болтал и хвастал своим всезнанием, но старшина отвел его в сторону и долго разговаривал с ним тишком. Наконец, приезжий гость сел на коня и прямо въехал в воду.

«Бери выше! Брод наискось! Быстрина снесет ниже раскопа – рыбам будет праздник, кости воронам не достанутся!» – кричали ему с берега; но отважный наездник, не слушая советов, вздернул ноги выше потника, надел шашку на шею, приподнял саблю и, махнув рукой, поплыл напрямик. Волны бегали, плескались вокруг него; привычный конь грудью резал глубину вод, струи увивались за ним, как раздраженные змеи, пена брызгала, и вот, еще сажень – и раскоп, – гибель неминуемая; но удалой наездник ударил нагайкой по голове лошади, она взвилась, и в три скока вынесла бесстрашного на противоположный берег. Толпа черкесов ахнула от удивления.

Незнакомец спрыгнул с седла, закинул поводья за луку, засучил рукава, выжал воду из шерсти лихого скакуна, обтер ему глаза и лоб. Как будто чувствуя нежные заботы своего господина, конь играл и увивался вокруг наездника. Наконец, тот сел опять в седло, помчался вскачь, осадил, опять перекрестил несколько раз тропинку, извивающуюся по берегу реки и, как молния в темной туче, – исчез в чаще леса.

«Старый волк!» – проговорил старшина, возвращаясь в шалаш.

«Лета покрыли голову его сединами, а он еще не перестает скитаться одиноко, как вепрь в осеннюю пору», – подхватил другой.

«Пусть бы век свой скитался, что нам за дело, да к чему было перебивать наше пение зловещею песней!»

«Говорит, что у него лошадей увели из конюшни и след потерял в лесу, а потому, завидев наш огонек, приехал узнать, кто мы такие. Но Бог с ним, лучше запойте, дети, веселые песни наезднические. Прошла пора моей молодости, но сердце еще так и бьется от радости, когда услышу сладкий голос отваги».

* * *

Черные тучи висели над Азовом¹⁹⁸; порой вырывалась из них пламенная молния, небо вспыхивало и снова темнело; дождь накрапывал; гром рокотал глухо. Но город тихо засыпал; огоньки, одни за другим, погасали, и только оклик часовых на стенах крепости прерывал его могильное безмолвие; наконец и то стихло.

Сверкнула молния – и видно стало, как один из часовых спускал в ров лестницу. Сверкнула еще, – и вот он уже ползет осторожно, как змея. Яд змеи в миллион крат менее губелен и менее гнусен измены!

За холмами, вдали от крепости, сто человек панцирников лежат, притаившись к земле. За ними десять пеших держат их коней. Двадцать конных стоят в готовности для защиты.

Кто-то подполз к одному из ста, пошептал ему на ухо, и сто броней заскользило по траве, тихо, так тихо, что сама трава не слышала шелеста и звука кольчуг.

На краю города возвышался дом паша, обнесенный высокою стеной из сырцового кирпича. Болтовня лишь стражи на дворе нарушала глубокое полночное молчание.

«Зачем нас держит здесь паша, как цепных собак? – спросил новобранец товарища своего – старого янычара. – Кого боится и от кого мы оберегаем его?»

«Держит затем, что он может это делать. Нас, детей Бекташа¹⁹⁹, мало здесь, а силен он – ногайцами. Чего боится?.. Пэ! боится своей совести: отнял жену у Кунчука, того самого деребея²⁰⁰ черкесского, что дружился с ним, а тот не бык, чтобы вытягивать шею свою под ярмо. Паша и не персиянин, чтоб поцеловал полу его кафтана, когда этот скажет: твоя жена мне нравится».

«Неужели отнял?.. Да как это случилось?»

«Случилось очень просто: паша был в гостях у соседа Кунчука, где на ту пору справляли зиафет²⁰¹; а на зиафете, где у них, как у неверных, девушки пляшут и веселятся при мужчинах, – была и прекрасная черкешенка. Красотка, как бельмо, бросилась на глаза паше. «Кто она?» – «Невеста Кунчука», – отвечали. «Что стоит?» Громкий смех был ответом; паша покраснел; но знай, Бурабек, где смеются, там и плачут, где не продают явно, там торгуют тайно, и на этот раз вышло так же. Воз бархата, парчи, сукна и всякого добра тайком перешел из кладовой паша в собачью лачугу отца красавицы, и однажды поутру, когда его не было дома, входит к дочери черкес и говорит шепотом, что Кунчук требует скорого соединения, что отец ее – скряга, рад будет, если она убежит к жениху и тем избавит его от издержек свадьбы. Видишь ли, у этих собак обычай воровать жен: от непохищенного мяса у волка делается оскомины. Жених-то был молодец, и красотка только и ждала словечка, чтобы броситься в его объятия. День этот казался ей длиннее... длиннее... ну самой предлинной ночи, все посматривала на солнце, наконец, к ее радости, свет потух... как моя трубка... дай-ка огня!.. Когда ночь покрыла землю сорока покровами, а каждый из них был чернее совести нашего кадия, тогда человек десять подъехало к терновой ограде дома, где жила красавица, она вышла к ним навстречу и через несколько минут уже мчалась по степи. Сердце у нее билось от радости, что скоро увидит милого, и ты думаешь, что увидела? Нет, брат, если ты это думаешь, так ты глуп, братец; не жениховы то были посланцы, а наши ногаи от паша, и с ними тот черкес, что обманул ее. Он надеялся сделаться любимцем паша и разжиться первым богачом Азова, и ты думаешь, что он разжился и вошел в милость? Нет, братец, он его просто выгнал, а на ропот изменника чуть-чуть не зажал горло веревкой. – «Ты вчера продал свою госпожу, а завтра продашь и меня, если кто посулит тебе много золота, знаем вас!» – сказал паша. Изменник притих, как овечка, и уже служит паше, не при нем, а в страже, вот там на часах стоит».

«Туда-то бы и не принимать его, а не то, пожалуй, и город продаст. Пусть бы себе отворил врагам двери гарема паши, оно ничего, никто ни слезинки не проронит; но если город выдаст...»

«А нам что за дело? – прервал его старый янычар. – Если б и Стамбул сгорел, то у меня и одной рогожи не сгорит! Однако ж, жаль девушку! Я стоял на часах и подсмотрел: паша к ней, а она грозит кинжалом и клянется зарезаться, если он шаг к ней подступит. Ведь она волчьего племени. Да и паша сродни им – ногаец и, говорят, уже успел уласкать красотку; через неделю, сказывал садовник, будет свадьба. Но мне что-то худо верится, да и она-то бледна, как смерть, а смотрит чертом, тоскует, не спит; да посмотри, вот уже за полночь, а она отворяет окно...»

С последним словом старый янычар зевнул, как голодный волк, но уста его более уже не сомкнулись: из-за угла визгнула пернатая стрела черкеса и угодила прямо в рот рассказчика.

Изрубить стражу в куски, разбить двери гарема – было делом одного мгновения для отважной шайки удальцов.

Прекрасная Гюль очутилась в объятиях Кунчука.

Черкесы проворно хозяйничали во дворце паши и прибирали к рукам, что было поценнее. Кунчук, передав свою невесту в надежные руки, пошел искать пашу, чтобы отомстить за бесчестие. Черкес, обоим изменивший, следовал за ним.

«А, жирный пес, – с яростью воскликнул Кунчук, – ты не умел ценить моей дружбы, так умей почувствовать злобу мою!» – и обнажил свою саблю.

Паша гордо взглянул на него.

«Мы с тобой еще успеем разделаться, но прежде мне надо отдать долг за дружбу этому изменнику, – сказал паша, указывая пистолетом на черкеса, выстрел грянул – и тот покатился. – Вот награда ему за услуги, а теперь твоя очередь...» – Другой пистолет блеснул в его руке; но уже было поздно – сабля Кунчука тяжело опустилась над черепом паши, и раздвоенный повалился к ногам мстителя.

Между тем тревога кипела в городе, подожженном с другого конца. Партия Кунчука с его невестой, пленницами гарема и с богатой добычей спустилась по лестницам с крепостного вала в поле, товарищи их подскакали к ним с лошадьми, и удальцы умчались в степь.

Один Кунчук остался на кургане любоваться картиною дела, им совершенного.

Волны пламени, гонимые порывами сильного ветра, разбегались шире и шире по городу, обхватывали строения, вились и змеями исчезали в клубах черного дыма. Взрывы пороховых погребов потрясали землю, взбрасывая под небо горы камня и тысячи людей.

Кунчук любовался делом своей мести!

А между тем гроза на небе свирепела, гремели громы; казалось, раскатами своими говорили ему: смирись! Но сердце Кунчука не знало смирения, с гордостью торжествовало злодеяние.

«Гуляй, душа, упивайся кровью врагов! Славная месть!! Славная о ней

будет и память!!» – проговорил он с злобною радостью, надвинул шапку на глаза; удары нагайки, как град, посыпались на бока коня, и тот, быстрее вихря, умчал его в степь и соединил с семьей отважных удальцов.

Необозримая степь между Кубанью и Доном в эпоху нашего рассказа была опасной пустыней. Там не только не было дорог, но путник даже не находил тропинок, и в те времена наездники, прославившиеся отдаленными набегами, проезжали безграничную степь с отважностью, вполне достойною головорезов. Их партии, блуждая по необозримой пустыне, часто встречались между собой и нередко сильнейшие, истребляя слабейших, вместе с добычею вносили на родину пламя междоусобий и кровавого мщения. Не так опасны были нападения, как возврат: иногда, блуждая целые недели, месяцы, хищники подвергались погоне, настигавшей их следом. Опытность вожатых, имена которых и поныне живут в памяти народа, скитаясь по этим пустыням, свыкаясь с приметами, спасала их в подобных набегам. Ночью руководителем были: Полярная звезда (*Темир казек*) и Млечный Путь, называемый путем *прогона табунов*²⁰²; днем, в ненастье, осеннею порой: направление трав, ветров, постоянно дующих в ту пору года, курганы, на южной стороне которых скорее тает снег, сохнет трава, и многие другие подобные же приметы. Прославленные вожаки скрывали от толпы известные им признаки, и народ многих из них почитал людьми, имеющими связи с белыми и черными духами.

Однако же случалось, что и черные и белые духи не помогали, и отважные удальцы гибли в необозримой пустыне в самых ужасных страданиях. Один подобный случай ознаменовал последнее время наездничества. Партия хищников, предпринявши отважный наезд в позднюю осеннюю пору, долго рыскала по бесконечной степи между Кубанью и Доном. Наконец, захватив табун лошадей у донцов, возвращалась на родину, оглашая пустыню радостными песнями. Вдруг настали сильные морозы, и наездники, одетые по обыкновению весьма легко, подверглись жестоким мукам. На их беду подул пронзительный северо-восточный ветер (некой) с крупными охлопьями снега, и вьюга, метель покрыла страшным мраком пустыню. Наездники не вдруг решили бросить добычу и спастись: они старались превзойти друг друга в твердости и терпении, гнали захваченных лошадей, но бедные животные кружились, толпились в кучку и их принуждены были бросить. Пока у черкесов были седла, они могли еще хоть раз в сутки согреть себя огнем от зажигаемых орчаков; но когда и это спасительное средство исчезло, когда мороз и метель увеличились и уже не одного товарища недосчитывались, или замерзшего, или бежавшего, в надежде на свою лошадь и теплую одежду, вопреки чести и общему мнению, повелевающему уступить последнее более нуждающемуся, – тогда остальные, числом до сорока, спешась, составив круг, взявшись за руки, стали плясать, как обыкновенно пляшут на свадебных пиршествах.

Черкесы имеют множество плясовых песен, но при этой трагической пляске погибающие наездники стали петь не из числа старых, известных этого рода песен, а новую, сложенную ими в предсмертный час! В этой

песне, которая начинается обращением к ветру и снегу – стихиям, угрожавшим им гибелью, изложены их страдания, бедствия, твердость и слабость товарищей, и в словах, сквозь завесу скромности, пробивается честолюбивое желание – передать имена свои потомству! Некоторые даже намекают на любовь свою и ее предметы, и в какое время! Многие из певцов не дожили даже до конца слагаемой песни. Однако ж эта песня, показывающая характеристические черты черкесов, не погибла в пустыне, в завывании вьюги – семь человек спаслись и возвратились на родину, возвестили о гибели прочих и передали потомству песнь о страдальческой кончине своих товарищей²⁰³. Один из них, *Шебане-лаше*, дожил до наших дней. Я хорошо помню этого высокого, худощавого старца. Мы, дети, бывало, украдкой смотрим на глубокие морщины его чела и потом с каким-то неизъяснимым чувством поем песню страдальческой смерти наездников, несмотря на то, что и старшему из нас было не более шести лет. Не знаю, чем бы мы были, если б нам суждено было расти на родине; но помню, что вид этого старца, рассказы и песни о гибели его товарищей – воспламеняли ребяческое наше воображение искрами сильной страсти к промыслу разбойничества, потому что наездничество прежних черкесов в наше время превратилось в разбойничество. А между этими видами огромная нравственная разница. Наездничество покраснело бы от мысли уворовать у соседа лошадь, изменить своему слову; его цель была – слава, отвага; а теперешнее разбойничество, как развратница, не знает и тени стыда; его цель – корысть. Но возвратимся к нашему преданию.

Партия Кунчука, наконец, приблизилась к берегам родной Кубани, и когда вершины прибрежных деревьев показались взорам наездников, тогда выстрелы и радостные песни огласили безмолвную пустыню. Предводитель взмахом руки остановил партию.

«Вот и родные берега Кубани! Мы теперь дома. Остановимся же здесь и отдохнем, а не то, пожалуй, скажут, что мы бежим, не оглядываясь», – сказал Кунчук.

Наездники в ту же минуту соскочили с коней, стреножили их мигом, выстроили шалаш для красавицы, другой для предводителя и старались бодростью и веселостью превзойти друг друга.

Один только седой наездник не слезал с коня, угрюмо посматривал на окружающих его.

«Товарищи, можете отдыхать спокойно: Волк нас будет стеречь, а глаза у волка, говорят, зорки», – сказал один жанинский наездник, играя словами и лукаво поглядывая на конного товарища, которого звали Волком. Седой наездник вспыхнул:

«Не шути со мною, молокосос, а то выйдет шутка мыши с котом... Гордость вздула у вас, жанинцев, нос выше лба, так что и глаза не видят дальше его конца. Мы разорили целый город и возвратились, оставив всюду кровавый след. Как не видите погони на хвостах, так и думаете, что неприятель спит непробудным сном, и готовы запеть по нем *сагхеш!*²⁰⁴»

«Залейте ему горло холодной водой, не то я залью его уста свинцовою

иголкой! – отвечал вспыльчивый жанинец. – Или, лучше, завяжите ему глаза, заткните уши, чтобы он мог отдохнуть, а то ему, бедняжке, все чудится погоня и слышится топот неприятельских коней...»

Шутки превратились в угрозы и по обыкновению должны были окончиться оружием, но Кунчук предупредил кровавую сцену. «Полно тебе, Волк, беситься, когда дети шутят!» Седой наездник, ворча что-то про себя, отъехал в сторону, стреножил коня и лег отдыхать, не сняв, однако ж, оружия.

Ночь миновала спокойно и тихо. Кровавое солнце взошло на горизонте и вскоре сокрылось за густым туманом. Седой только Наездник один давно уже бодрствовал, а прочие его товарищи, утомленные невероятными трудами набега, еще спали спокойно.

Вдруг он вздрогнул, проворно взбежал на ближний курган, ни леса скрывали и самые ближайшие предметы; он припал к земле и долго прислушивался. «Это погоня!» – воскликнул он и бросился будить товарищей. Все вскочили, но сон усталого не скоро оставляет. Кто бросился к оружию, кто к лошадям, крик, беспорядок царствовали в стане отважных наездников. «Что же ты не спишь? – сказал Волк вчерашнему насмешнику. – Право, мягкая трава самая лучшая постель!» Вот погоня настигла, ударила, наездники кое-как успели собраться, но многих из них уже недоставало – неприятель рубил, черкесы падали, пал и Волк на трупы своих собратий. Кунчук не терял присутствия духа, храбро отбивался, заменяя личным мужеством малочисленность, и распорядился шайкой своих удалцов. Он послал невесту и пленниц к переправе, но было уже поздно, – неприятель, еще с вечера приметя расположение наездников, отделил часть войска к берегу Кубани, наперерез, захватил там караул, беспечно ожидавший возвращения товарищей, – и овладел переправой.

Кунчук, увидев опасность невесты, кинулся туда, где жребий кровавой сечи готов был предать в руки врагов его любезную, и там закипела страшная резня. Кровь полилась ручьями. Турки и ногайцы с ожесточением мстили за истребление своих жилищ; черкесы упорно защищали свою добычу, но число бесстрашных наездников с каждой минутой уменьшалось, а толпы врагов все росли и теснили храбрых. Черкесы не хотели уступать им, спешили, перекололи своих лошадей кинжалами, составили из тел их завал, дрались с отчаянием и один за другим гибли. Судьба берегла одного только Кунчука и его невесту. Напрасно он умолял ее оставить его, отдаться неприятелю, но она не хотела удалиться, хотела умереть прежде своего любезного, хотела защитить его своею грудью.

«Мои товарищи все пали до единого, как богатыри, и слава им!.. Я не могу тела их унести с собой, но умереть могу... А ты кому будешь принадлежать тогда?.. Спасемся!» – вскричал наконец отчаянный любовник, одной рукой обхватил ее стан, в другой заблистала страшная сабля, и, как лев разъяренный, прынул на толпы врагов. Изумленные расступились. Кунчук на берегу, – внизу кипят, бунтуют пенистые волны глубокой пучины, а позади мечи неистовых врагов – смерть или плен – и он с разбега бросился с

обрыва... Бездна разверзлась, брызги брызнули, и волны, по-прежнему бурно пенясь и клокоча, потекли обычным путем, схоронив в холодной груди своей трупы двух любовников.

С тех пор крутой мыс, который виден с восточной батареи Павловского поста вверх по течению Кубани, черкесы называют *Кунчуков спуск*.

БЕСЛЬНИЙ АБАТ

Из сочинений под заглавием: биография знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов и преданий, покойного флигель-адъютанта Хан-Гирея

Прежде всего изложим здесь некоторые подробности о *шапсугском* племени, подробности, сами по себе очень любопытные, необходимые для того, чтобы иметь достаточное понятие о ходе общественных дел на родине замечательного человека, имя которого мы выставили в заглавие этой статьи, и в которых принимал он так долго живое участие.

Шапсугское племя, в наше время, по многочисленности своей, самое сильное между черкесскими племенами, при водворении своем в горах состояло из пяти только союзных родов или *тдлако* (которых я буду называть *кланами*), бывших под предводительством Абата, родоначальника нашего героя. Эти кланы именовались: *Кобли*, *Схонте*, *Севотох*, *Натхо* и *Нетдахо*. Они разделились на две части, и первые три клана водворились на речке *Шапсхо* и были основателями шапсугского племени, которое, как полагают, от названия этой речки приняло нынешнее свое наименование. Впоследствии народонаселение в шапсугском племени до такой степени увеличилось от присоединившихся к нему жителей равнин, что оно принуждено было занять обширное пространство гор и ущелий, а, наконец, и выдвинуться к северным покатостям и равнинам.

Шапсугское племя, вероятно, и в прежние времена делилось, как и теперь, на *орк*, или дворян, на *тльфекотл*, которых мы назовем *вольными земледельцами* (не находим другого названия, которое вернее определяло бы значение этого многочисленного сословия черкесов) и на крестьян. *Дворяне*, облеченные преимуществами, образовали собою *господствующее* сословие; *вольные земледельцы* составляли *народ*, подчиненный дворянству на определенных не ясно, но тем не менее тягостных условиях, которые возникли от местных обстоятельств и утвердились временем. *Крестьяне* не все несли одинаковые обязанности: одни из них пользовались более значительными правами собственности и свободы, отбывали менее тягостные повинности; а другие, напротив того, не пользуясь равными с ними правами, работали на своих владельцев по мере возможности; впрочем, *условия водворения* обеспечивали и их собственность и жизнь; кажется, будет ближе назвать первых *оброчными*, а вторых *дворовыми*.

При быстром приращении населенности шапсугского племени, оно образовало *три* главные *союза* или *соприсяжничества*; первый из них, состоящий ныне, кажется, более чем из тридцати кланов, известен под общим названием *Кобли*; второй *Хохо-Севотох*, а третий *Сханте*; в каждом из последних двух союзов считается не менее *двадцати* кланов. Названия этих союзов доказывают, что народные предания об их основателях не суть вымыслы.

Нет никакой возможности верно определить число людей в кланах; также бесполезно распространяться и о подразделениях последних.

Шапсугские дворяне долгое время пользовались важными преимуществами; народ по привычке терпел, хотя и не без ропота, тягостные для него следствия такого положения дел; но между тем невидимо скоплялись обстоятельства, долженствовавшие изменить его судьбу и ниспровергнуть могущество господствующего сословия. Дворянство, гордясь своею древностию и сильное своими преимуществами, не хотело унижить себя родственными связями с людьми низкого происхождения, а народ, напротив того, принимал в свой круг каждого пришлеца и, так сказать, усыновлял его: пришлец присягал быть верным клану, к которому приставал, а тот, с своей стороны, также присягал охранять безопасность нового своего члена. Таким образом, клан увеличивался и, соединенный в одно целое общими выгодами и клятвами, составлял один союз, которого каждый член приобретал силу помощью *соприсяжников* (тхар-óг); следовательно, клан не мог подвергнуться совершенному раздроблению на части и расслаблению в своем составе. Здесь-то и должно искать причины развития понятий народа о свободе, следствием которых был упадок влияния и власти дворянства; но этот переворот совершился не вдруг, а постепенно и почти неприметным образом, без предварительного кем-либо соображения последствий.

И как свежие предания, заключающие в себе важнейшие события народных волнений, хотя и сохранили имена немногих старшин, более или менее имевших влияние на общественные дела, однако, мы не видим между ними сильных умов, которые управляли бы ходом дел, и потому думаем, что упадок власти и влияния дворянства и возникшая сила народа – было делом времени и инстинкта к обеспечению от насилий своей жизни и собственности, преимущественно проявляющихся у независимых народов.

Чувство собственного могущества редко не выводит человека из границ умеренности. Неудивительно, что и шапсугский народ, не довольствуясь тем, что разорвал уже оковы строгой покорности дворянству, захотел водворить между господствовавшим сословием и собою равенство; однако ж по привычке он все еще представлял дворянству некоторые поверхностные преимущества, во многих случаях значительные, и потому явного разрыва между бывшими господами и подвластными не было до тех пор, пока брожению умов последних не представилось свободное стремление.

Некоторые из самого сильного, и числом и связями, отделения шапсугских дворян *Шеретлуковых* разграбили проезжих торговцев, бывших под покровительством членов одного клана, и убили при этом случае двух защитников и покровителей. В прежние времена это ничего не значило: дворяне позволяли себе еще и не такие насилия; но теперь народ уже чувствовал свое могущество, решился отомстить и сильною массою напал на дом одного из дворян, разграбил его, захватил крепостную девушку и оскорбил мать дворянина грубыми словами и побоями. Это был почти первый пример посягательства народа на честь и права, присвоенные дворянину и его дому коренными обычаями. Шапсугские дворяне сильно оскорбились этою дерзостью народа, и тут началась между ними вражда, знаменитая своими последствиями.

Дворянин, которого дом был разграблен и оскорблена мать, принадлежал к *Шеретлуковым*, и потому все члены многочисленной этой фамилии, приняв непосредственно на себя обиду, нанесенную одному члену своего дома, как и должно было по обычаям и условиям родственных связей, решились кровью омыть это бесчестье, и для этого они покинули свою непокорную родину. Говорят, что к такому решительному поступку Шеретлуковы были подстрекаемы прочими шапсугскими дворянами, втайне желавшими избавиться от них, как от сильных совместников.

Любопытны переговоры Шеретлуковых пред выходом из своей родины с соседями, покровительства которых они искали.

Бжедугское поколение было тогда очень сильно. *Хамышейское* общество, в то время важнейшее отделение этого поколения, имело тесные общественные и частные сношения с шапсугами, своими соседями. *Шеретлуковы* просили чрез своих депутатов покровительства у дворянства этого племени. Старший князь хамышейский, к которому депутаты обратились, как к главе, отвечал: *что князя и дворяне соберутся, переговоят между собою, обсудят их просьбу и тогда уже дадут им ответ*. Депутаты изъявили желание дожидаться *съезда* и ответа. Князя и дворяне съехались и начали рассуждать. Первостепенный дворянин *Биихако Бореко*, один из почетнейших старейшин тогдашнего хамышейского дворянства, первый подал мнение, чтобы прежде чем принять под свое покровительство Шеретлуковых, вступить в посредничество между ними и шапсугским народом и примирить их своим влиянием и чрез то избежать напрасного кровопролития и разорительной войны.

Мнение не только рассудительное, но и справедливое, потому что хамышейцы были тогда в мире с шапсугами, следовательно, надо было иметь основательную причину, чтоб уничтожить существовавшие уже условия соседства, заключенные так недавно и с таким всеобщим желанием. Если бы шапсугский народ не оказал уважения к посредничеству хамышейцев, тогда уже должно будет защищать вооруженною рукою дело Шеретлуковых, – говорил умный старшина, но его предложение было отвергнуто самым нелепым образом. Один из молодых князей, человек храбрый, но вспыльчивый и грубый, с обидною насмешливостию возразил благоразумному старшине, что для него должно выстроить крепкую ограду, из которой шапсуги не в состоянии будут его взять, если случится война. Эта выходка была вовсе неуместна, тем более, что Бореко был воин, известный своею храбростию; но она выражала общее чувство молодых князей и дворян, жаждавших войны. Оскорбленный старшина высказал свое негодование сильными, но приличными словами. Таким образом, опрометчивость предпочла кровопролитие благоразумному убеждению, и ужасная война возгорелась; кровавые ее следы доселе еще не изгладились, хотя минуло уже более полувека.

Заметим здесь одну любопытную черту нравов, напоминающую лучшую эпоху Черкесии.

Депутаты Шеретлуковых, находившиеся на *съезде*, именем членов своей

фамилии объявили благоразумному Бореку, что, зная его любовь к спокойствию, ни один из них не станет беспокоить его просьбами о помощи; для них достаточно участия, принимаемого в их судьбе прочими дворянами по чувству собственного своего достоинства. Это было сказано очень вежливо, однако ж, по тогдашнему образу выражения, оно было сказано очень сильно, и для храброго старшины оскорбительнее грубой выходки вспыльчивого князя; он отвечал, что никогда не пожелает, чтобы они имели нужду в его помощи, но бжедуги увидят, из боязни ли он советовал отратить войну рассудительными и небесчестными переговорами.

Шеретлуковы, оставив буйное свое племя, водворились на время, как изгнанники, в бжедугском поколении. Сильным партиям своих покровителей они указывали сердце своей родины, и нападающие не щадили крови. Но два-три опустошительных кровавых их набега не могли усмирить мятежный народ. Шапсуги созвали многочисленное, дотоле невиданное в их земле ополчение. Страшное числом, а не воинственностью и исправностью вооружения, оно двинулось к хамышейским аулам с намерением истребить мечом и огнем покровителей изгнанников: мстительный дух народных старшин жаждал крови, а толпы стремились вслед за ними, в надежде добычи. Шапсуги поклялись не щадить ничего; а их противники горели нетерпением отомстить равною гибелью: раздражение и ненависть с обеих сторон были чрезвычайны.

Как могущественна сила воспоминания даже о том, что лишь слабо сохранилось в темных преданиях народных! Древняя песня о знаменитом изгнаннике, которому предки бжедугов с таким удивительным самоотвержением оказали покровительство, теперь раздавалась в устах их потомков, конечно, не достойных героев древних песен, но все еще храбрых, отважных, и возбуждала в них чувства народной гордости: теперь, как и в то громкое для их славы время, они решились на кровопролитную войну для защиты своих *гостей*.

Зная намерения врагов, бжедуги поголовно вооружились и, хотя не составляли и половины неприятеля, однако ж, пошли к нему навстречу. Это было с их стороны отважно, но должно сказать и то, что они презирали шапсугов и всегда побеждали их в открытом поле; к тому же, небольшой отряд казаков, пришедший к ним на помощь, поощрял их отвагу. Неприязненные ополчения встретились на берегах Бзийко, и тут произошло кровопролитие, в позднейшее время невиданное в междоусобных войнах черкесских племен. Шапсуги напали с ожесточением; их знаменосцы, обыкновенно стремящиеся вперед, не раз вскакивали в массы противников. Бжедуги употребили военную хитрость, которая вполне удалась, потому что неприятель горячился: они успели навести неприятельскую конницу на свою пехоту, скрытую в овраге, и ружейным залпом последней привели ее в замешательство; потом, в свою очередь, атаковали ее с такою стремительностью, что быстро опрокинули, и она, жестоко поражаемая, смяла часть собственной своей пехоты, на которую была опрокинута. Шапсугские старшины напрасно старались удерживать оробевших воинов;

напрасно храбрейшие из них, стыдясь бежать, смертью своею искупляли постыдную трусость товарищей: их усилия были тщетны! Пехота шапсугская некоторое время храбро сражалась еще после того, как конница была уже разбита, но тем сильнее было ее поражение: она не могла отступить в порядке и попалась между двух огней, потому что часть бжедугской конницы, возвращавшаяся с победы над неприятельскою, встретила ее, и тем кровопролитие еще сделалось ужаснее! Сама природа, казалось, благоприятствовала малочисленным победителям, карая гордых старшин непокорного народа: утро этого достопамятного дня было тихо, прекрасно; гряды легких облаков двигались плавно, как рать, и скоплялись под голубым сводом южного неба; ветер не шевелил вершин деревьев; летнее солнце великолепно взошло над прекрасною равниной, блиставшей серебристою росой и скоро долженствов[ав]шею обогреться кровью... Но незадолго до сражения горизонт покрылся мрачными тучами; изредка сверкала молния, подул сильный ветер и в самом начале сражения пошел проливной дождь, столь сильный, что в оврагах образовались быстрые глубокие ручьи. Конечно, такие перемены в атмосфере на гористых местах обыкновенны, но суеверие народное приписывает их, когда они случаются пред замечательными событиями, предзнаменованиям. Как бы то ни было, а этот случай был полезен малочисленным победителям тем, что огнестрельное оружие трудно действовало, в рукопашном бою ловкие проворные бжедуги много выигрывали пред грубыми своими врагами²⁰⁵.

Поле сражения было покрыто убитыми и ранеными; целыми толпами пригоняли пленных к сборному месту; добычу – оружие свозили туда же для дележа и, говорят, его навалили целые горы. Такая важная победа стоила дорого и победителям: они потеряли много отличных людей, в том числе и храброго князя *Батыр-Гирея*. Этот замечательный человек получил смертельную рану в самом начале сражения, когда не было еще известно, чем решится судьба этого достопамятного дня. Истекая кровью, лежал он на поле кровавого побоища и посылал вперед своих друзей, с рыданием и слезами останавливавшихся над ним: «Ступайте, ступайте! вы там нужнее!» – говорил он, и когда узнал, что враги его родины разбиты наголову, произнес с радостью, как римлянин: «Теперь я умру спокойно!..» – и душа благородная, величественная, как минута ее отхода в вечность, покинула землю...

О гордая, ненасытная обладательница наук! Ты, коснея сама в эгоизме, с презрением называешь варварами людей, которым и в полудиком состоянии доступно столь возвышенное, столь благородное чувство!..

В *плачевной* песне, сложенной после столь достопамятного дня²⁰⁶, три-четыре вялых стиха посвятили такому замечательному человеку – и только!

Участие малочисленного отряда казаков (Черноморского войска) было делом второстепенным, но оно принесло победителям важную пользу: несколько выстрелов из орудия, бывшего в этом небольшом отряде, должны были внушить сильный страх шапсугам; между тем как его присутствие одушевляло победителей. Бжедуги были благодарны казакам: в той песне,

посредством которой они хотели передать потомству свои подвиги, поместили и имя начальника казаков.

Потерю шапсугов верно определить невозможно; полагают однако ж, что *восемьсот* тел осталось на поле кровопролитного поражения. По крайней мере, шапсуги при всяком случае повторяют, даже и теперь: «Мы не забыли наши восемьсот тел!..», угрожая за них отомстить. Если бы подобное, сравнительно, событие совершилось в умной Европе, то всеведущие журналы привели бы в движение все политические умы, решающие на досуге и по своей милости судьбы царств, по газетным известиям. Но здесь оно почти уже забыто, и лишь изредка, может быть, полумирный оратай на берегах *Бзийка* – ручейка ничтожного, но давшего имя достопамятному дню (бзийко-заор), отрывая человеческие кости, вздохнув, произнесет: «Тогда погиб и мой отец!» – и глядит угрюмо на истлевающие останки собрата. Впрочем, для настоящего поколения *низовых* черкесов (тчах), *Бзийское* поражение составляет эпоху. Однажды я спросил *хамышейского* дворянина, сколько ему лет. «Во время *Бзийского* сражения я в состоянии был ездить верхом на лошади!» – отвечал он. Подобный ответ даст вам всякий бжедуг или шапсуг, которого голова уже довольно поседела. «Я помню, когда тело моего отца привезли, на нем все платье было в крови...» – прибавил дворянин, и видно было, что он гордится смертью своего отца. По образу мыслей черкесов, в этом случае, конечно, прекрасному, семейство, которого член не был убит или ранен в достопамятном сражении с врагами, вошедшими в пределы его родины, не может пользоваться уважением соплеменников. Я застал еще в живых одного из самых замечательных народных предводителей шапсугских того времени. Это был старик лет семидесяти или более, с мужественными чертами лица, на котором был большой рубец, напоминавший ужасный день Бзийского поражения. По черкесскому обыкновению, я был отдан на воспитание в дом почетного этого старшины, пробыл там три или четыре года, и теперь хорошо помню то глубокое уважение, которое оказывали ему все приезжавшие к нам, и патриархальную его власть над большим и богатым своим семейством. Он всегда был угрюм; огромный рост, большая палка, волчья шуба шерстью вверх, молчаливость и нависшие брови придавали этому народному предводителю какую-то дикую мрачность.

«Не бжедуги, а Бог нас истребил в наказание за нашу гордость!» – говаривал он, вспоминая бурные дни народного волнения, в котором сам играл важную роль. В самом деле, гордость непокорного народа доходила тогда до крайности; говорят, сотни шапсугов находились в ополчении, без оружия, имея при себе длинные веревки для увязывания богатых вещей, которых надеялись награть в аулах хамышейских; случилось, однако ж, так, что сами они были связаны теми же веревками, когда попались в плен, и приведены в те же аулы, в которых думали поживиться добычей. Везде так неверны расчеты человеческие!

Поражение достопамятное и ужасное, не смирило, однако ж, шапсугов, но еще более усилило их ненависть к победителям, и сильными ополчениями

вторгались они не раз еще в пределы бжедугов; не раз еще лилась кровь по делу шапсугских дворян выходцев. Замечательно, что шапсугские старшины и предводители дали себе слово не положить оружия до тех пор, пока не достигнут средоточия бжедугского поколения – и сдержали его. Однако ж, обе стороны до такой степени утомились и тяготились бедствиями непрерывной войны, что при последнем вторжении шапсугов не произошло сражения. «И так немало уже погибло людей!..» – говорили предводители обеих сторон и удерживали своих воинов от неприязненных действий.

Наконец, между шапсугским народом и выходцами завязались скрытные переговоры, следствием которых последние возвратились на свою родину поодиночке, неблагодарным образом в отношении своих покровителей, но на приличных по тогдашним обстоятельствам условиях. Главное дело примирения или водворения согласия между народом и дворянством последовало гораздо позже, на знаменитом *съезде*, известном под названием *Печатнико-зефес*, на котором ясною чертой разграничены *права* дворян и народа. Определенные на этом съезде пункты условий или узаконений (хабзе) утверждены были навсегда правилами или основаниями для руководства во всех делах частных и общественных; народ и дворянство присягою обязались не отступать от этих постановлений и не изменять их.

По чрезвычайной многочисленности *прав* и *преимуществ*, присвоенных разным сословиям в черкесских племенах вообще, мы не знаем ясно, в чем именно состояли до этого *съезда* преимущества шапсугского дворянства, которые народ оспаривал у него, ни права народа, признание которых он требовал от дворянства. Известно только, что шапсугское дворянство *господствовало* в своем поколении, защищало народ от чужеплеменного насилия, доставляло ему выгоды от сношений с соседними племенами, с которыми оно всегда имело дружественные связи, и таким образом, дворянство приобрело сильное влияние, которое можно было назвать властью; но пределы этой власти, кажется, не были с точностью и ясностью означены общественными условиями; и потому, часто упоминая о *правах* сословий шапсугского поколения, мы не объясняли, в чем они заключались: мы не могли этого и сделать. Но теперь можем дать достаточное понятие о правах, постановленных и утвержденных обоюдным согласием народа и дворянства на упомянутом *съезде*. Главнейшие пункты этих постановлений состояли в следующем:

Если убьют дворянина, платить за кровь (*тлевас*) *тридцать* голов (при подобном платеже, платимое считается *головами* (*сиха*), которые неодинаковой ценности, например: так называемая *первостатейная голова* (*сханерит*) стоит *четыре* души; обыкновенная, простая *одна* – посредственную лошадь и т. д.); а если ранят с повреждением кости – *половину* того; буде же без повреждения кости, – *четвертую* часть. Если у дворянина украдут, например, лошадь и вора откроют, то при возвращении той же самой лошади придать еще *две* в удовлетворение оскорбления, нанесенного ему тем, что посягнули на его собственность; буде же вор не возвратит ту самую лошадь, то взыскать с него *девять* лошадей. За кровь же

простолюдина, т. е. *тльфекотла*, которого мы назвали *вольным земледельцем*, положено *двадцать восемь* голов, следовательно, менее двумя. И в прочих случаях сделаны таким образом уменьшения в правах народа противу прав дворянства, например, за украденную у простолюдина лошадь, буде вор не возвратит ту самую, взыскать с похитителя *семь* лошадей; если же украденная лошадь будет возвращена, то одну в придачу, и т. д. Сообразно с этими главными пунктами постановлений, сделаны еще и другие, касательно различных случаев, какие только могли предвидеть старшины, дворянство и народ, например: касательно *гостей*, покровительства и проч. *Съезд* этот тем именно и знаменит, что определенные им постановления долго были единственными узаконениями, на основании которых решали все дела, и удивительно, как хорошо они были приспособлены своею краткостью и ясностью к местным обстоятельствам, всегда обуреваемого своевольством народа, воинственного, непокорного; даже и теперь, несмотря на распространившееся влияние исламизма, они еще имеют силу.

Как ни ясны были постановления *съезда* относительно будущих столкновений, но и тут не кончили старых дел, касавшихся до людей, которых мы назвали *оброчными*, отказавшихся от повиновения владельцам, хотя это и составляло главную потерю дворян. Народ прямо не вступался за этих людей; по крайней мере, он не требовал от дворянства решительного отказа от своих прав над ними; но между тем и не выдавал их владельцам, которые, будучи сами не в состоянии без помощи народа снова покорить их своей власти, потеряли их на самом деле, хотя и до сих пор не отказываются от прав над ними.

В истории или, справедливее, в исторических преданиях шапсугского племени знаменитый *Печатникский съезд* составляет важную эпоху, и мы, изложив здесь краткий очерк главнейших происшествий, имевших влияние на судьбу племени и основу общественных отношений между дворянством и народом шапсугским, от начала до этой эпохи, станем теперь говорить о замечательном человеке, которого биографию мы пишем, и жизнь которого в продолжение полувека от этой эпохи была предметом удивления, зависти и ненависти соотечественников: с того времени все замечательные происшествия на его родине имеют более или менее тесную связь с жизнью этого человека.

II

Бесльний Абат происходил, как мы говорили, от древних предводителей шапсугского племени. Отец его пользовался особенным уважением и вне своей родины, как доказывает воспитание его детей в отдаленных племенах. Человек, которого мнением дорожили и у которого искали дружбы, конечно, был значителен в своем кругу и в свое время. Из многочисленного его семейства наш *Бесльний* был старший по порядку рождения и воспитывался в *бесльниевском* племени, по названию которого и

дано было ему имя, сделавшееся впоследствии столь известным во всех черкесских обществах. Другой его сын был воспитан в *убыхском* племени и, как черкесы дают имена произвольно, назван тоже по имени поколения – *Убыхом*; прочие его дети не принимали участия в бурных происшествиях, ознаменовавших жизнь нашего героя; они и не дожили до них.

Если б Бесльний провел юность свою и на своей родине, то, конечно, рано или поздно обнаружил бы замечательные черты умственных способностей: что дано человеку природою, то редко погибает совершенно; однако ж, его пребывание в бесльниевском племени принесло ему немало пользы и оно рано развило его дарования: бесльниевцы того времени отличались между закубанскими черкесами общежительностию. Частое обращение с лучшими людьми Черкесии того времени придало ему особенную ловкость и приятность в обхождении и в разговоре, и он в высшей степени умел увлекать и друзей, и завистников своих и располагать в пользу предположенной им цели. Личное его участие в общественных делах началось около того времени, когда постановления знаменитого *съезда*, названные *правами*, приняли всю основную силу узаконений. По крайней мере, молодость его в особенности замечательна тем, что он и тогда вмешивался в дела общественные, предоставляемые, по туземным понятиям, только пожилым людям; это, кажется нам, было причиною, что он получил непреодолимую страсть к общественным делам, т. е. относящимся к целым племенам, даже к целому краю. Эта черта его характера в высшей степени замечательна для нас, привыкших видеть мелочное, одностороннее направление ума современных Бесльнию черкесов, за исключением немногих, имевших влияние на образ его мыслей. Впрочем, мы были бы несправедливы, если бы не заметили здесь, что Бесльний и в делах наездничества, столь прославляемых черкесами, не только не отставал от других, но даже нередко решался на самые опасные предприятия и до самой старости огонь отваги наезднической постоянно воспламенял его воображение; но мы займемся преимущественно теми только случаями его жизни, в которых обнаружилась деятельность вкрадчивого его ума, обширность его соображений, гибкость характера и отвага беспокойного духа, так часто подчинявшие ему обстоятельства и людей.

Первою жертвой тревожной деятельности этого замечательного человека сделалось общество *Хакутчо*. По преданиям, часть этого общества состояла из потомков *оброчных* людей, принадлежавших предкам Абатов, когда они обитали еще в тесных ущельях гор. *Хакутчо* окружено едва проходимыми ущельями, мрачными вековыми лесами и громадами утесистых гор; притом *хакутчицы* и соседние с ними общества воинственны. Но никакие затруднения не устрашали Бесльния. Он явился в *Хакутчо* и вкрадчивым умом и гибким характером подчинил могущественному своему влиянию лучших старшин общества; но этого еще далеко было недостаточно для достижения истребительной его цели, и он со всем своим семейством переселился из прекрасных равнин в мрачное ущелье и водворился там среди непокорного, воинственного общества, часть которого намерен был

истребить, и в котором имел только небольшое число едва ли надежных приверженцев, разделявших его желание, но не имевших сил способствовать ему, следовательно, тут малейшее подозрение, даже клевета недоброжелателя могли бы дорого стоить Бесльнию. Около двух лет жил он здесь, ни на минуту не забывая своего замысла. Наконец, успел составить себе сильную партию из людей, готовых на все предприятия, лишь бы поживиться добычею, – и в самом недре *Хакутцкого* общества приобрел новых друзей. Партия, им собранная, состояла из нескольких сотен пехоты; он ввел ее под предлогом набега на *убыхцев*, в *Хакутчо*, чрез которое пролегла туда тропинка, и уменье его так было велико, что захватил врасплох семейства, которые составляли предмет его продолжительных происков. С этою богатою добычей он переселился в абазехское племя, под прикрытием вызванных им оттуда стрелков и там оставался до тех пор, пока волнение шапсугского народа, встревоженного его решительными действиями, несколько не утихло.

Предприятие Бесльния было отважно, но его успех, беспримерный, показал, что этот человек может на все решиться и успеть во многом, и долго отзывался в ушах шапсугов; в особенности навел он страх на *оброчных*, освободившихся от власти дворянства.

Вообще, Бесльний не забывал утраченной власти своего сословия, но с ненавистью взирал на своевольства народа и, несмотря на гибкость своего характера, редко мог скрывать эти чувства.

«Ты, добрый мой приятель, вместо чернил намажь свою печать коровьим навозом: оно будет тебе приличнее», – сказал он однажды народному старшине, толковавшему при нем о своей печати, которую хотел приложить, по обыкновению, к бумаге, отправляемой по какому-то случаю к анапскому паше от имени всего народа. В другой раз он обнаружил еще резче свое патрицийское презрение к плебеям своего отечества. «У нас есть не менее, чем у *Бесльния*, сукна, серебра и шелку, но наши жены никак не могут сшить нам таких нарядов, какие у него бывают!» – сказал один богатый шапсуг, производивший довольно значительную торговлю с турками. Бесльнию это не понравилось. «Так ты непременно хочешь со мною во всем сравняться?» – спросил он и скоро доказал, что этот вопрос был сделан не без намерения: Бесльний самым ловким образом захватил этого гордого плебея и продал его в неволю, показав тем, что простолюдин, как бы он ни был богат, может быть продан и сделаться рабом.

Едва ли не большую часть времени Бесльний проводил между черкесскими племенами, зависящими от власти князей, имея там обширные связи; и едва ли в этих племенах происходило какое-нибудь значительное дело, в котором не принимал бы он явного или скрытного участия. Известная его отвага в предприятиях, необыкновенная ловкость в интригах, знание коренных обычаев, на основании которых у черкесов производятся разбирательства спорных дел, убедительность слова, увлекательность в обращении, замечательное уменье за все приниматься *вовремя*, – везде доставляя ему первенство в делах, как казалось, сделали его везде

необходимым человеком. Но успехи Бесльния вне его родины, шапсугского племени, и там увеличивавшие его влияние, немало способствовали тому, что он постепенно сделался предметом зависти дворян и недоверчивости шапсугов, которые опасались его. В самом деле, в независимом народе, не терпящем над собою ничьей власти, он часто поступал как князь в подвластном ему племени. В делах менее важных или более частных между черкесскими дворянами его времени были равные Бесльнию своим влиянием; но когда дела касались обширных предметов, тогда указывали на него, в особенности в последнее время, как на человека, могущего преодолеть и решаться на самые отважные предприятия. И самые враги Бесльния отдают справедливость похвальным чертам его характера и признают его достоинства, но в его жизни есть и кровавые, отвратительные пятна... Мы опишем одно из них и самое мрачное, характеризующее мстительный, жестокий дух Бесльния и, главное, изображающее нравы народа, который удивлялся успехам этого замечательного человека и прославлял его.

В *хатукайском* племени есть древняя фамилия С.²⁰⁷ Один из этой многочисленной фамилии отличался храбростью и другими качествами, прославляемыми черкесами. Он, как и все ему подобные люди в этой земле, имел много завистников и врагов; в числе первых был П.²⁰⁸, дворянин того же племени, человек с отличными качествами. Для ясности происхождения необходимо предварительно поместить краткое замечание о *покровительстве*, которое человек высшего происхождения должен оказывать всякому прибегающему под его защиту: это замечание будет интересно, как одна из главных основ общественного порядка у черкесов.

Человек, совершивший преступление, следовательно, опасющийся преследования или желающий на всякий случай обеспечить себя защитой сильного, является к такому-то лицу, которого покровительство может доставить ему желаемую защиту и помощь, и, коснувшись рукою полы его платья, произносит: «Отдаюсь под твое покровительство»²⁰⁹, и проч. После этого коренные обычаи, т. е. законы черкесские, уполномачивают, скажу более, обязывают покровителя вступаться во всяком случае за предавшегося его защите. Ни тот, ни другой тут ничего не теряют; напротив того, оба в выигрыше: покровительствуемый приобретает сильную подпору, а покровитель, в случае обид, нанесенных его клиенту, имеет право взыскивать значительный штраф – *право*, которое должно почитать одним из важнейших преимуществ князей, и они пользуются им с особенною готовностью; оно доставляет им вещественные выгоды, между тем как в нравственном отношении князь, допустивший безнаказанно такого рода обиду, теряет народное уважение. Впрочем, это право, должно прибавить, могущее по видимому сильно способствовать общественной безопасности, составляет источник частых распрей.

Храбрый дворянин С., как мы сказали, был предметом зависти многих; и потому, желая сколько-нибудь обеспечить свое положение, поручил себя, следуя вышеприведенному обычаю, *покровительству* тчемиргойского князя

Мисоста Айтекова. В таком положении были дела, когда в одну темную ночь постучались к нему в двери домика, в котором он проводил ночи вместе с своею женою. С. никогда не выходил из дома без оружия, но на этот раз, говорят, поступил против своего обыкновения, потому что жена, по какому-то предчувствию, боясь за него, сказала, чтобы он взял пистолет. Как бы то ни было, а он вышел без оружия, вышел и не возвратился: его зарезали завистники и враги, которыми управлял П. Говорят, что этот последний был в дружественных отношениях с несчастною жертвою гнусного злодеяния и потому он вышел с доверчивостию на зов ложного друга и заплатил за то жизнью. Но нам кажется это невероятным; С. не мог иметь полной доверенности к П., хотя бы они и назывались друзьями (сшевог) или оказывали друг другу приятельские (блегаг) услуги; закоренелое соперничество их предков должно было оставить в их сердцах враждебное чувство, которое никогда не угасает у черкесов.

Убийство С. – дело ужасное, но, к сожалению, весьма обыкновенное в этой земле – впоследствии было предано забвению, обыкновенным порядком: убийцы примирились с наследником жертвы, удовлетворив его на основании древних обычаев. П., как главный участник убийства человека, состоявшего под покровительством Айтекова, оказав должное удовлетворение этому князю²¹⁰, сблизился с ним и, в надежде обеспечить себя, вверился его *покровительству*, точно таким же образом, как это было сделано несчастным С., участь которого, казалось бы, не должна была допустить его полагаться на покровительство кого бы то ни было; но люди, окруженные опасностями, как-то привыкая к ним безотчетно, предаются судьбе. П., полагаясь, с одной стороны, на свои связи, а с другой – на покровительство Айтекова, поселился на земле, почитаемой принадлежностью князей тчемиргойских, и его аул, пользуясь обширными выгодами местности, скоро разбогател.

На воинственном пути черкесской деятельности встретились: герой нашего рассказа и храбрый П., два человека, которые по характерам своим и положению в обществе не могли ужиться; причина их несогласия была ничтожна: Бесльний требовал, чтобы П. оказал удовлетворение какому-то *хатукайскому* простолюдину, бывшему под покровительством Абата. Справедливое замечание П., что хатукайцы и без посредничества пришлеца могли бы решать свои дела, привело в негодование раздражительного Бесльния, и он во время *съезда* (съезды редко обходились без него) подъехал верхом к квартире своего противника, вызвал его и, не слезая с лошади, объявил ему, что если он не удовлетворит им покровительствуемого человека, то отныне будет его врагом. «Теперь выбирай мою приязнь или вражду; а что то и другое чего-нибудь стоят, то я это докажу!..» – прибавил он с надменностью. П. не уступил бы угрозам, но тут нашлись посредники; он удовлетворил требования Бесльния, и они примирились, т. е. не имели уже более явного предлога к ссоре. Но причина несогласия этих двух человек была неискоренима; она происходила от зависти: П., гордый и самолюбивый, неприязненно смотрел на успехи Бесльния везде, а этот, с удивительною

гибкостью характера, умея угождать высшим себя по происхождению, не терпел в равных ни гордости, ни соперничества, а малейшее оскорбление самолюбия оставляло навсегда в мстительной его душе враждебные чувства.

В возгоревшейся междоусобной войне Айтековых²¹¹ Бесльний и П. были на стороне одного из них; а в тот день, когда ополчения враждующих братий сошлись, на них лежала обязанность по распорядительной части (шухатий) в партии князя, которому они оба служили. П. крайне хотелось, чтобы неприязненные ополчения сразились; а Бесльний, напротив того, старался не допустить до того и в этом успел с помощью старшин, желавших предупредить кровопролитие. При этом случае П. издевался над старанием Бесльния и произносил на счет этого колкие шутки. Его слова были переданы Бесльнию с обыкновенными преувеличениями – как везде водится. Черкесские дворяне, заметим мимоходом, большие охотники ссорить людей. «Тут я решился показать ему, что я не из тех людей, над которыми безнаказанно можно издеваться!..» – говорил после Бесльний. И действительно, скоро после того принялся с обыкновенною своею деятельностью и ловкостью за кровавый замысел противу П., давно в его коварном уме созревавший; но мы оставим на минуту его замыслы и расскажем здесь два-три случая, бросающие яркий свет на нравы черкесов.

В продолжение переговоров ополчения враждебных князей однажды сошлись очень близко, как мы говорили; тут едва не произошло сражения: некоторые партии и молодые наездники с обеих сторон выезжали, с развевающимися знаменами, но старшины разгоняли их. В это время П., как распорядитель, обскакивал толпы всадников, – приверженцев своего покровителя, говорил, что у него много друзей, когда дело идет получать от него богатые подарки, но настоящие его друзья сегодня сделаются известными. «Готовьтесь к сражению», – прибавлял он. Когда подскакал он, произнося эти слова, к малочисленной толпе всадников, состоявшей из *бжедугов* и *жанинцев*, давнишних между собою союзников, тогда жанинский дворянин *Девлет-Черий*, человек, известный своею храбростию и удивительною ловкостью владеть оружием на коне, выступил вперед и с обыкновенною гордостью своего поколения возразил: «*Бжедуги* и *жанинцы* давно привыкли к битвам, а ты лучше ступай учить своих, как им сражаться!» Гордый жанинец прибавил еще несколько грубых шуток насчет соотечественников П. Тут бжедугский князь *Ногой*, предводительствовавший в этот день своими и жанинцами, для изъявления своего удовольствия защитнику национальной их чести, велел подвести ему прекрасную свою заводную лошадь с богатою сбруею.

Этот истинно княжеский поступок *Ногоя* напоминает нам одну благородную черту его жизни, носящую на себе признак рыцарского великодушия, описанием которой надеемся доставить читателям удовольствие.

Один из молодых жанинских князей застрелил двоюродного брата *Ногоя*. Родственники убитого требовали удовлетворения за кровь, но жанинский князь *Нендахоко*, как старший из этого племени, располагавший

делом, под разными предлогами медлил исполнением их требования. Это вдвойне оскорбило кровоместников, и они искали случая убить его. Однажды Непдахоко, проводив отъезжающих гостей, один возвращался к себе домой и тут встретился с *Ногоем*, поджидавшим его в лесу с двумя своими братьями. Жанинский князь был почти без оружия, – он имел на себе одну только шашку, но у него лошадь была отличная, следовательно, бегство, может быть, спасло бы его; но бежать, конечно, было постыдно, и он, своротив с дороги, остановился лицом к кровоместникам; правая его рука лежала на рукояти шашки. Братья Ногоя схватились было за оружие, чтобы застрелить врага, так неосторожно попавшегося им в руки. Жизнь жанинского князя висела, что называется, на волоске, но бжедугский князь остановил готовую месть, с упреком сказав своим братьям: «Мы не приехали убить *голозо* (т. е. невооруженного) человека!» Не довольствуясь этим, Ногой приветствовал его, как старшего летами, проводил на некоторое расстояние и, великодушный мститель, пожелав ему доброго пути, возвратился домой. После этого поступка кровоместников жанинский князь поспешил доставить им удовлетворение, на которое он прежде не соглашался. Судя по правам и обычаям черкесов, поступок Ногоя в этом случае в высшей степени достоин похвалы.

Рассматривая вообще нравственную сторону черкесов, находим у них *идеи* высокие, благородные, истинно рыцарские; находим в делах их *поступки* великодушные, достойные похвалы. Но, должно признаться, гнуснейшие следствия необузданной свободы помрачают нравственную жизнь этого народа, воинственного, одаренного сильными способностями ума. Для примера тому, приведем кровавое окончание происшествия, о котором мы говорили сейчас.

Убийца брата *Ногоя* беспокойным характером своим впоследствии навлек на себя неудовольствие жанинцев; к тому же, его храбрость и влияние, которое он начал было приобретать, вооружили противу него зависть жанинских князей, – и они составили противу него гнуснейший замысел. *Комеб*, – так звали этого молодого князя, – был довольно набожный человек, хотя, правду сказать, это не мешало ему производить разбои, потому что князь, не делающий в его лета набегов, не может быть и князем. В ту минуту, когда он совершал вечернюю молитву (ахшам – намаз) на бурке и в поле, на него напали его товарищи, с которыми он было предпринял сделать набег на шапсугские пределы; эти товарищи состояли из жанинских князей и... его родственников, должны мы прибавить с ужасом! *Комеб* лишили свободы. Это случилось во время поста (рамазана). Под предлогом греха соблюдать пост в то время, когда едешь на разбой, спутники *Комеб* разговелись еще до захождения солнца, а в самом деле они не решались совершить задуманное злодеяние в продолжение поста. Это замечательно: в душах закоренелых этих злодеев оставалась еще хоть тень Божьего страха. Так могущественна сила религиозных идей! «Народу необходима религия», – говорил Наполеон. Это не отвлеченная, а явная истина, но между тем были люди, которые думали иначе!..

Несчастливого Коме́о отвезли связанного на назначенное место убийства – в лес и дали о том знать *Ногою*. Этот князь не забывал еще смерти брата, впрочем, более из желания показать силу своего мщения, чем из скорби. Он явился к связанной жертве; с ним был один из его союзников, человек ничтожный до крайности и готовый за малейшую плату... быть палачом. Гнусное это животное выстрелило в Коме́о из пистолета, заряженного двумя пулями. Пули попали в грудь несчастного, но он имел еще столько твердости духа, что улыбнулся и, взглянув с презрением на испугавшегося от его движения подлого убийцу и обратись к Ногою, который стоял тут же, сделал гордое замечание, что напрасно не выбрали, по крайней мере, храброго человека для совершения над ним убийства. Эти слова, показывающие удивительное присутствие духа в жертве подлого мщения, привели Ногою в сильное негодование, и он, обнажив с ругательством шашку, нанес удар умирающему Коме́о!..

Я был свидетелем погребения тела этого храброго князя и, хотя прошло с тех пор более двадцати лет, но помню хорошо – с каким презрением говорили тогда о гнусном участии, принятом в его убийстве *Ногоем*. И какая ужасная разница между *князем*, которого восхищала национальная гордость жанинца, и подлым *убийцею* храброго, связанного человека! Между великодушным врагом Непдахока и презренным палачом *Коме́о*! И кто бы мог предполагать в одном и том же человеке два столь противоположные характера?

Заметим, наконец, что тело Коме́о предали земле, как тело человека, погибшего за святое дело (шагод); а теперь говорят, что земля на его могиле имеет целительное свойство в различных недугах. Подобное верование, конечно, может принести некоторую пользу для массы народа, но в этой прекрасной и несчастной земле одни только гражданские неумолимые законы могут прекратить подобные преступления и убийства.

Пора, однако ж, нам возвратиться к Абату.

Бесльний был в дружественных сношениях с Айтековым, как со всеми лучшими людьми своего времени и края, а как его намерения касательно ненавистного ему П. не могли быть исполнены без согласия этого князя, то он обратился к нему. Бесльний знал хорошо дело, за которое принимается, знал и характер людей, с которыми должен был иметь сношения в этом кровавом предприятии. Как ловкий продавец запрашивает двойную цену за свой товар, а потом уступает за полторы цены, так и Бесльний сначала потребовал от Айтекова прямого, непосредственного его участия в погублении П.; потом напомнил ему убийство С. и тем нанесенное ему, Айтекову, а в лице его и всем князьям, оскорбление; наконец удовольствовался тем, что князь после многих отговорок *согласился не мешать его намерениям*. Замечательнейшая черта правил Бесльния была – направлять свои убеждения на образ мыслей людей, которых содействие нужно было ему для достижения его предложений; и этому уменью должно приписать бóльшую часть его успехов на кровавом и часто мрачном пути черкесской деятельности.

По соглашению Айтекова, Бесльнию оставалось только приготовить орудия предположенного замысла, а за этим недолго стало бы дело; людей, готовых быть исполнителями самых мрачных преступлений, к несчастью, очень много в этой, волнуемой страстями необузданного своевольтва стране; стоит только назначить цену за гнусные их услуги. Но мстительный дух Бесльния готовил более обширное поле истребления: он хотел искоренить и ветви дерева, под которое с такою жаждою мщения подкапывался. За Кубанью не осталось ни одного порядочного человека, не сделавшегося участником тайны кровавой драмы, подготавливаемой Бесльнием; он, как демон-искуситель, являлся ко всем и объявлял свое предположение, потребовав предварительно, как водится у черкесов, клятвы – скрывать все в глубокой тайне. К сожалению, весьма немногие отказались принять участие в намерениях Бесльния... Это доказывает, что П. был уже предметом ненависти почти всех, сколько-нибудь значительных, людей. Говорят, причиною этой общей ненависти была его гордость. Может быть, это и правда: между черкесами человек самого *высшего сословия*, сделавшись гордым, навсегда вооружает противу себя *общую* ненависть; но если человек *среднего* или *низшего* класса делается заносчивым, то непременно возбуждает *общее* негодование, которое тем более бывает сильно, что начинается с высших, оскорбленное самолюбие которых увлекает большую массу людей.

Почтенный старец *Клич-Оглы*, который пользовался в Дагестане большим уважением и, как депутат, или посланец, посетил столицы России, Турции и Персии, однажды сказал известному своим нетрезвым поведением и буйствами Аслан-Хану Казыкумыкскому²¹²: «Твое счастье, что в Дагестане есть обыкновение спрашивать: *чей он сын?*» Это обыкновение есть и у черкесов, и что прощают человеку высшего происхождения, то вменяют в преступление людям низшего сословия.

Таким образом, все знали предуготовляемую Бесльнием кровавую драму; один несчастный предмет его интриг и коварных замыслов ходил, как бы оглушенный неизбежною судьбою, среди толпы, готовившей ему ужасный конец. К чести его заметим, что один из его друзей открыл ему составляемый против него замысел, но он не послушал его советов. «Если все мои друзья, кроме тебя, мне изменили, то пусть погибну!» – отвечал П. К сожалению, имя этого человека я забыл. Какие бы причины ни побуждали его к такому поступку, но его поведение в этом деле, в котором было столько измен и дружбе и клятве, достойно похвалы. Между тем неутомимый в интригах Бесльний, приготовив все к исполнению ужасного злодеяния, сам не хотел лично участвовать в остальном и уехал. Но без него, без личного руководства ничто не шло вперед: ни те, которым поручено было схватить обреченную жертву (этих отвратительных злодеев называют *тльубит*, т. е. *человеколовцами*), ни те, которые готовы были сделаться добровольными палачами (*тльтуч*), не соглашались в вознаграждениях за гнусные свои роли в предстоящем злодеянии. Словом, ни в чем не могли успеть, когда коварный дух, управлявший этими порождениями ада и безначалия, их оставил. За ним

послали гонца, и как только он возвратился – все пришло в движение... Но здесь мы должны заметить одну характерическую черту.

Бесльный по возвращении своем предложил Айтекову для скорейшего окончания пригласить к себе П. «Я отзову его в сторону, ты дай мне только одного человека, я схвачу его за руки, он не станет кричать, он дворянин; мы его возьмем с *оружьем*, а на безоружного не хочу нападать!..» – сказал Бесльный, но Айтеков не согласился. «Мне *неприлично* такое дело!» – отвечал князь и не хотел, чтобы в его *доме*, после его *хлеба-соли* арестовали человека, которому готовят смерть. Заметьте, один не хочет нападать на *безоружного*, а другой не допускает совершить в своем доме *постыдное* дело. Оба они, движимые злобою мести, решаются на злодеяние ужасное, но чувствуют всю его гнусность, и в словах их, которыми они прикрывают отвратительность поступка, видна какая-то смесь позорных действий с зародышами высоких, рыцарских понятий. Утешимся, по крайней мере, тем, что всеблагое Провидение заронило в человеческую природу начала возвышенных чувств, на благодетельной почве которых зарождаются всеобщие идеи, сияющие, как полярная звезда, и среди бурь невежества; и эти идеи спасительны для человечества: они заставляют невидимую силою и *полудиких* народов отвергать, презирать в *душе* гнусные дела, хотя совершают их, обуреваемые дикими страстями, и это одно из множества доказательств необходимости законов гражданских.

Один человек, с которым П. имел сношения, давно привыкший к измене и убийствам, согласился завлечь несчастного П. к себе в дом и выдать убийцам. Случилось так, как предполагали и хотели злоумышленники: П. остановился ночевать у этого гнусного человека, и эта ночь была последнею его свободы. Бесльный, знавший уже каждый шаг несчастного, явился туда с шайкою злодеев, и эту шайку составляли – *князья и дворяне!*.. В полночь эти ужасные люди вошли в дом, где ночевал предмет кровавого их замысла, напали на спящего, после сильного сопротивления схватили его и, связанного, отвезли в назначенное место... За несколько дней перед тем Бесльный успел, посредством неистощимых своих хитростей, отправить сына П. под благовидным предлогом за несколько десятков верст, и там его тоже схватили, как только прискакал гонец от Бесльния с вестью, что отец уже в его руках; тут не замедлили совершить страшное преступление... Прекрасный юноша, светлая надежда несчастного отца, погиб насильственной смертью...

Признаюсь, невольный ужас и негодование овладевают душою, когда описываешь подобные происшествия! Но избегая этих кровавых картин, мы не представили бы ни верного очерка нравов, ни дела, в котором со всею энергиею духа действовали люди, мною изображаемые.

Между тем соумышленники Бесльния собрали несколько сот конницы, и он, располагая их движениями, повел эти толпы для разграбления богатого аула П., но жители успели скрыться в отдельное укрепление, потому что они уже знали угрожающую им опасность. Бесльный было и тут прибег к хитрости, с помощью которой так часто успевал в своих предприятиях: он

вступил в переговоры с жителями, обещал им возвратить их владельца, находившегося еще в живых, если они возвратятся из укрепления в свои жилища. Один Бесльний только мог надеяться столь несообразными обещаниями ослепить людей, которым угрожала очевидная опасность: храбрый и горделивый П. не такой был человек, которому можно было бы возвратить свободу после столь оскорбительного унижения; но Бесльний знал хорошо всю обаятельную силу своего красноречия, и действительно, и в столь крайних обстоятельствах успел было убедить жителей, но, к счастью своему, они скоро опомнились и опять возвратились в укрепление, из которого Бесльний было склонил их выйти, удалив приведенные им толпы всадников на некоторое расстояние от аула, который после сделался бы жертвою грабежа привлеченных надеждою добычи; но те, которые сделались орудиями Бесльния, в надежде вознаграждения, большею частию обманулись в своих ожиданиях; один Бесльний вполне достиг своей цели: он восторжествовал над человеком, которого ненавидел, над препятствиями, которые трудно было преодолеть, а такое торжество составило величайшее наслаждение для этого страшного существа.

Во все это время несчастного П. держали в оковах. Бесльний поспешил к нему, чтобы насытить мстительную свою душу. Жертва коварных его усилий лежала в камыше. Удалив стражу, он предстал перед страдальцем и сказал ему: «Теперь узнал ли ты, кто из нас могущественнее, ты или я!..» Конечно, глаза Бесльния, так резко выражавшие сильные его ощущения, воспламенились в эту минуту огнем удовольствия достигнутого мщения и злобной ненависти. П. был, как мы уже говорили, человек храбрый и гордый, и нам приятно прибавить, что он и тут не изменил своему характеру. Говорят, что он встретил торжествующего врага грубыми ругательствами; может быть, это и правда, хотя не ругательства, а горделивая твердость была в его положении прилична человеку сильного духа. О последнем свидании этих двух соперников рассказывают различно, как это и должно ожидать. Сам Бесльний говорил мне (и его слов нельзя не предпочесть рассказам многих: по крайней мере, он отдавал полную справедливость похвальным качествам и твердости духа несчастной жертвы своей ненависти), что он предлагал П. свободу с условием, если он даст клятвенное обещание не мстить людям, которых Бесльний употребил в орудие его несчастий. На это П. отвечал, что он *не станет под мечом просить пощады*; однако ж, согласясь наконец на его предложение, сказал, что он примет все условия, на которых ему дадут свободу, *если только эти условия будут приличны дворянину* (благородному человеку). Какая прекрасная, возвышенная черта характера! Бесльний мог на словах предлагать ему свободу, но невероятно, чтобы он решался на самом деле освободить человека, столь смелого и столь сильно пострадавшего, следовательно, имеющего неоспоримое право мщения. Как бы то ни было, а храбрый этот воин погиб от рук наемных убийц, подлых друзей злобной ненависти Бесльния. «Он был моим недоброжелателем, завистником, озлословил меня, и я погубил его; но он погиб как дворянин, не жалуясь на судьбу и с твердостью, – я не хочу

клеветать, отдаю ему справедливость», – говорил Бесльний, и его глаза блистали удовольствием воспоминания о своем торжестве. В самом деле, твердость, с которой выражал горделивые свои чувства соперник страшного в интригах Бесльния на краю могилы, достаточна, чтобы люди, уважающие возвышенные качества души, сожалели искренно о несчастной его судьбе.

Признаюсь, с отвращением слушал я Бесльния, когда рассказывал он подробности дикой свирепой жестокости, с которой приготовили и совершили это страшное, отвратительное злодеяние, и, удивляясь умственным способностям Бесльния, жалел, что судьба не предоставила этому замечательному человеку лучшего поприща в благоустроенном, просвещенном обществе, которого гражданские постановления предохранили бы его от преступлений, и тогда он своими дарованиями, своею деятельностью принес бы много пользы своему отечеству, своим согражданам.

III

Коварная мстительность и успехи в интригах Бесльния должны были всех заставить не доверять ему ни в чем. И действительно, с некоторою боязнью вступали с ним в сношения; но тем более удивительно, что везде искали его расположения, нигде ничего важного не происходило без его скрытного или явного участия; а там, где он действовал, другие были слепыми орудиями его намерений. Но этот человек и среди своих успехов не находил душевного спокойствия: он был один из тех странных, часто непонятных созданий, которым судьба, кажется, определила быть вечными искателями чего-то несбыточного; эти люди, занимая в обществе своем завидную для других степень значения, не бывают довольны своею судьбою: невидимые причины служат для них источниками мучений, немногим понятных, и они, если судьба сегодня поласкает исполнением беспокойных надежд их и желаний, завтра уже страдают; такие люди в самих себе носят свое несчастье.

Беспокойный, ненасытный, честолюбивый характер, ум, сжатый местными обстоятельствами, но обширный в намерениях, терзали нашего Бесльния во всю его жизнь. Ему необходима была непрерывная деятельность; но что всего удивительнее было в этом замечательном человеке, это его страсть к обширным делам! Эта страсть заставила его, кажется, около 1825 года, отправиться с несколькими старшинами в Константинополь. Его цель была обратить внимание Дивана на черкесские дела. Он говорил и действовал там от имени всех племен черкесских. Тогдашнее положение этого края действительно некоторым образом к тому его уполномочивало; кроме того, лучшие люди в этих племенах, точно предоставили ему и его спутникам полную свободу действовать по своему усмотрению в их пользу. Это было в то именно время, когда деятельность турецкого правительства, так долго дремавшая, была наконец пробуждена твердою решимостью Махмуда. Бесльний и его спутники благодаря новой

жизни, которую кровавый переворот дал Дивану²¹³, не остались без внимания: следствием их ходатайства в Анапу назначен был новый комендант на место старого и корыстолюбивого паши, и прислан важный сановник для управления краем в звании главнокомандующего (сераскира). Это был знаменитый в сношениях Турции с этой страной – *Хаджи Хассан-паша*²¹⁴, человек, судя по последствиям кратковременных его здесь действий, государственный, с большими способностями ума, каких не показывал еще до тех пор ни один иноземный сановник в этой части кавказского края.

Надежда и желание Бесльния, вероятно бы, исполнились, если бы недоверчивость Дивана не вызвала обратно деятельного и дальновидного сераскира и последняя война России с Турцией не положила конца усилиям этой державы распространить и утвердить власть свою над Черкесиею. Тогда надежды Бесльния угасли, однако ж, он и тут решился узнать настоящее положение дел Турции, и действительно ли черкесы остались по Адрианопольскому миру за Россию. С этою целью снова отправился этот беспокойный человек в Константинополь, в числе депутатов шапсугских, посланных, разумеется, по его внушениям. Переплыв Черное море на одном контрабандном судне, депутаты остановились в Трапезунде, где бывший анапский сераскир, живший там, по неудовольствиям подозрительного Дивана, без должности, принял старых своих знакомцев радушно и отправил их с рекомендательными письмами в столицу. Депутация была принята в Константинополе весьма ласково и отправилась обратно, осыпанная подарками и обещаниями. Диван по расчетам политики, в этом случае не слишком проницательной, вероятно, не хотел сознаться в том, что воля победителя предписала ему условия мира, и восточный берег Черного моря уступлен им навсегда могущественной России. Но прозорливый наш Бесльний понял то, что от него скрывали. Он постиг всю слабость Порты, борющейся с внутренними волнениями, для искоренения которых властелин ее отрубил сорок тысяч голов. Абат выехал из Константинополя уже без надежды на Турцию. Чего хотел этот неутомимый человек? Что было целью двукратной его поездки в Константинополь? Бесльний разрешал эти вопросы очень простым объяснением: единственная цель, к которой стремились все его желания и действия, было *водворение порядка в Черкесии*. Одна эта мысль, возвышенное направление его ума и духа ставит Бесльния выше его соотечественников, искателей ничтожных дел, и гибнущих в низких интригах мелких побуждений.

В Трапезонте Хассан-паша снова ласково принял Бесльния и его спутников и со слезами на глазах высказал ему свое искреннее сожаление, что не может содействовать пользам их страны. Желая сделать приличные подарки старым своим знакомцам и зная, между тем, обычай их земли, паша советовался с Бесльнием, можно ли предложить одинаковой цены подарки депутатам из дворян и депутатам из народа. Бесльний, по расчетам, не слишком привязчивый к наружным преимуществам, и по гибкости характера предпочитавший всему средства к достижению своих предположений, хотел, чтобы подарки были сделаны всем одинаковые; но депутаты из дворян,

проведав это, почли для себя оскорблением быть сравненными с народными депутатами и решились отказаться от даров паши; тогда Бесльний принужден был, вопреки собственному желанию и мнению, согласиться на перемены в подарках. Перемена эта сделалась известною народным депутатам, и они изъявили неудовольствие, а один из них с запальчивостию высказал ему свое негодование. Этот человек был облагодетельствован Бесльнием, не раз оказывал к нему искреннюю преданность, за что был им любим. Бесльний, чрезвычайно вспыльчивый, не мог равнодушно видеть, как забывается пред ним человек, им же выведенный в люди; однако ж он старался с кротостию объяснить депутатам, что перемены в подарках сделаны противу его желания; уговаривал их не ссориться и объявил, что дворяне, если и получили больше их, то не привезут домой более, чем они. «Им прилично, как дворянам, сделать вам и от себя подарки, и я беру это на себя», – прибавил он. Но все было тщетно: строптивые народные старшины не унимались, более всех шумел тот, кто так много был обязан Бесльнию. Это вывело Абата из терпения, и он в пылу негодования бросился на него с ножом, бывшим у него в руках в эту минуту. Его удержали, но он отобрал от дерзкого подарка паши, говоря, что он, народный старшина, его слуга, а потому дать или не дать, зависит от доброй его воли; и чтобы показать бескорыстие в этом поступке, отобранные вещи разделил другим. При обратном плавании депутации старшины примирили Бесльния с бывшим его любимцем, и он возвратил ему отобранные вещи, сверх того, сделал приличный подарок для восстановления прежнего их согласия и чтобы предать забвению случившееся между ними неудовольствие, и оно казалось уже забытым. Но этот любимец Бесльния вырос в его школе, и в мстительной его душе осталась навсегда самая неукротимая, дикая ненависть, следствия которой сократили дни Бесльния, как увидим далее.

IV

Весною, кажется, 1830 года был послан по повелению фельдмаршала²¹⁵, офицер генерального штаба для обозрения некоторых мест за Кубанью²¹⁶. Родной брат Бесльния, Убых, взялся провести этого офицера, переодетого в черкесский наряд, из Анапы по направлению на восток, чрез черкесские племена, к вершинам Кубани и взялся, должно прибавить, за дело очень опасное в шапсугском племени, но исполнил его весьма удачно. Скоро, однакож, шапсуги проведали, что русский чиновник проехал чрез их земли, «измерил расстояние, вызнал дороги», прибавляли к этому известию те, которые хотели поджигать пламенный раздор. Народ взволновался, буря готова была разразиться над Абатами. Если бы кто-нибудь, совершенно не имеющий никаких связей, ни сношений с Бесльнием, сопровождал русского офицера, то волнение народа утихло бы само собою, без всяких особенных последствий. Но *брат Бесльния* сопровождал его, и потому это дело, конечно, известно и ему, следовательно, тут есть что-нибудь важное, да и может ли быть иначе, когда *Бесльний* показывает русским земли

шапсугские? Так толковал народ потому, что он воображал видеть во всем, к чему примешивалось имя маленького *Абата волишебника*, как называли шапсуги нашего героя, что-нибудь важное, опасное.

Бесльний ничего не знал о намерении своего брата, но когда тот объявил ему о том, тогда уже было поздно переменить что-нибудь в этом деле, русский офицер уже находился в средоточии шапсугских земель. «Ты поступил чрезвычайно безрассудно, взявшись за дело, которое может взволновать народ, наделать нам тысячи неприятностей!.. Но делать нечего; ты обещал русским, так должен исполнить обещание; к тому же, теперь поздно загладить твою ошибку, опрометчивость: куда ни проводи русского-офицера – все равно для шапсугов, и дело не обойдется без шума и тревог...» – сказал Бесльний своему брату и советовал ему спешить в дорогу. Вот все участие Бесльния в проезде русского офицера, но этот случай заронил семена тревожной деятельности в беспокойную его душу и взволновал ее множеством предположений и соображений, как увидим далее.

Предсказания Бесльния сбылись очень скоро: народ взволновался, толпы стекались, хотели разграбить дом *Убыха*, но по внушению старшин народ разошелся с тем, чтобы снова собраться по его возвращении. Эта неприятная весть дошла до Убыха, когда он возвращался из Пятигорска, куда проводил русского офицера. Убых был хороший наездник, человек храбрый и неглупый, но не был, как его брат, способен к дальновидным соображениям и только последствия могли показать ему всю опасность его поступка. Он поспешил к своему брату просить его советов: Бесльний в это время находился в черченейском племени, чрез земли которого пролегал путь Убыха. Здесь увиделись братья и, поговорив, расстались, чтобы возвратиться домой разными дорогами. Как только Абаты приехали к себе, поднялась тревога: многочисленными толпами народ спешил к жилищу Убыха, угрожая ему огнем и мечом. Бесльний возвратился позже своего брата и, решаясь разделить с ним опасности, поехал к нему (они жили не в дальнем расстоянии один от другого) с оружием в руках; он начал вести переговоры с народом, волнение которого достигло уже высшей степени раздражения; народные старшины, ненавидевшие Бесльния, поджигали исступление буйной воинственной черни.

Обвиняя Убыха в явном злонамерении противу шапсугского племени, подозревая и Бесльния в скрытном участии в предприятии своего брата, народ требовал, чтобы они явились к суду духовному (шариату). Бесльний изъявил готовность судиться и подвергнуться приговору этого суда и требовал, с своей стороны, чтобы народ назначил двух или более судей (кадий), к которым хотел присоединить и с своей стороны столько же; но не соглашался явиться теперь, уже среди собравшейся наскоро толпы, где господствовали голоса и мнения личных его недоброжелателей, а находившиеся между ними духовные лица были преданы или им, или не могли из боязни следовать внушению совета, ни точному смыслу закона. Требование Бесльния было справедливо, но его отвергли: страсти работали уже сильно, а предлог к нападению на Бесльния был таков, что личные его

враги могли воспользоваться им с успехом; случай редкий, которого они прежде и не ожидали, зная всю силу влияния этого замечательного человека. Преданные Бесльнию люди известили его о намерениях его врагов, намерениях кровавых: они хотели и надеялись погубить его, если он только явится среди раздраженной, неистовой черни. Переговоры продолжались несколько дней, и в течение этого времени дом **Убыха** находился в осадном положении; народ угрожал ворваться туда; Абаты, решась дорого продать жизнь свою, стояли с оружием в руках, а люди, преданные им, показывали готовность разделить их жребий. Переговоры производились обыкновенным порядком, т. е. через избранных почетных старшин, которые передавали требования народа Бесльнию и его ответы народу. Наконец вспыльчивый, нетерпеливый и решительный Бесльний, выведенный из терпения упорством своих врагов, решился подвергнуться всем опасностям, являсь среди раздраженной, несправедливой толпы, которая хотела быть его судьей и палачом. «Пусть я погибну, требуя именем Бога суда духовного!..» – вскричал он; это значило идти на верную смерть. Старшины, передававшие Бесльнию требования народа, отказались ввести его в собрание, в котором они не надеялись доставить ему справедливого суда и удержать чернь в границах умеренности, а быть его **убийцами не хотели**. Поступок благородный, достойный похвалы.

Принужденный крайностию обстоятельств, Бесльний решился, наконец, удалиться на время из своей родины, и вместе с братом своим ночью оставил пределы шапсугского племени, но они покинули там свои семейства. Это была величайшая ошибка, через которую остальные годы жизни Бесльния, по собственному его выражению, сделались **мрачными**. За эту ошибку последовала другая: он удалился к русским, что поддержало влияние его врагов; напротив того, удались он к натухайцам, тогда мог бы без больших затруднений выручить свое семейство, а потом легко было бы ему исполнить свое предположение переселиться под покровительство русского начальства.

Братья-изгнанники отправились к фельдмаршалу, находившемуся в то время в Пятигорске. Здесь представляется нам любопытное обстоятельство, показывающее, отчасти, обширность соображений, к которым был способен наш Бесльний.

Когда по заключении мира между Турциею и Россиею Анапа осталась за последней, умные и несколько знакомые с соседними народами черкесы (которых число, впрочем, было уже незначительно) уверились, что судьба их края предоставлена России. Бесльний по возвращении своем в последний раз из Константинополя более других был убежден в этой истине. По собственным его словам, ровесникам его, пользовавшимся некоторою известностью, оставалось тогда избрать одно из следующих трех предположений: **первое** – удалиться в Турцию, в «землю мусульман» и там, в служении Богу, ждать смерти; **второе** – поселиться в ущельях, отдаленных от беспокоаемых гор, и, не вмешиваясь уже более в общественные дела, провести остаток дней; и **третье** – предаться покровительству России и там искать прочного обеспечения семейным своим делам. Первое и второе из

этих предположений несообразны были с духом Бесльния; ни то, ни другое не могло доставить пищи деятельному, беспокойному его уму, и он изнемог бы от тоски, если б пришлось ему жить спокойно и уединенно; последнее, напротив того, обещало более выгод, – а главное, оно согласовалось как нельзя более с его жаждою тревожной деятельности: по крайней мере, он мог надеяться принимать тогда постоянное, живое участие в делах черкесских племен вообще и своей родины в особенности. Эта надежда сильно увлекала его в соображениях насчет будущего. Однако ж, он не решался еще ни на что по двум причинам, любопытным по образу его изъяснения: *во-первых*, он боялся *медленного течения дел* у городских людей (сигер-тциф), а потому думал иногда не предпринимать ничего решительного, в надежде дожидаться смерти без особенных, сильных перемен в положении, в котором находилась тогда его родина (мысль, заметим, часто обнаруживаемая известными ровесниками Бесльния) и, *во-вторых*, ему необходим был какой-нибудь особенно благоприятный, по крайней мере, *заметный* случай, чтобы решиться на последнее из трех предположений, о которых мы говорили. Гонения, которым подверглись Бесльний и Убых за услуги русскому начальству, и пребывание фельдмаршала в Пятигорске он почел таким случаем, какой был необходим ему по его расчетам. Эти соображения Бесльния объясняют нам его поведение при объявлении ему Убыхом о скрытном путешествии русского офицера.

Между тем, как изгнанные Абаты были задержаны на пути к фельдмаршалу карантинными учреждениями, волнение шапсугов разразилось над их семействами; толпы бросились на их жилища, разграбили имение, а семейства подвергли плену. Слух о последнем случае поразил изгнанников: они не ожидали, чтобы волнение народа приняло столь насильственный характер. Наконец, Бесльний с братом своим явился к фельдмаршалу, находившемуся уже на Кубанской линии, и высказал подробности своих несчастий; главнокомандующий успокоил изгнанников обещанием своего покровительства и щедрым назначением им содержания.

В это время фельдмаршал предпринимал экспедицию противу неприязненных черкесов²¹⁷. Один отряд под личным начальством главнокомандующего вступил в пределы шапсугов; другой, пройдя часть земли абадзехов, присоединился к нему. Экспедиция не была продолжительна, но шапсуги чрезвычайно были встревожены движениями этого сильного отряда, прозванного испуганным народом *косвенным*, потому, вероятно, что он боковыми движениями захватывал в одно время несколько пунктов. Шапсуги приняли появление русских войск за следствия изгнания Бесльния и Убыха и разграбления их достояния. Бесльний находился при главнокомандующем; Убых провел часть отряда через земли абадзехов и успел их удержать от всякого неприязненного действия. Следовательно, этого довольно было, чтобы внушить шапсугам такое предположение, из которого они в состоянии были извлечь для себя, по крайней мере, ту пользу, что могли требовать от *Абатов* удовлетворения за все убытки и потери, понесенные народом от действий русского отряда.

Из влияния этой экспедиции на шапсугов Бесльний не извлек для себя никакой пользы, хотя он ожидал совсем других последствий. По возвращении отряда, фельдмаршал, движимый чувством справедливости, оказал Бесльнию и Убыху, так сильно пострадавшим за русских, значительное денежное пособие в вознаграждение потери их имений.

Известно, что похвала сильному похожа на лесть; но есть обстоятельства, в которых боязнь, что наши слова почтут ложью, должна уступать место истине, которую *совесть* нам внушает, а *общая польза* вменяет в обязанность высказать всенародно. К тому же, не знаю, мог ли бы я когда-нибудь взяться за перо, хотя бы Провидение одарило меня величайшими талантами писателя, если бы не в состоянии был говорить, когда совесть мне это внушает: «этот поступок благороден, великодушен, принес пользу и достоин похвалы; а этот внушен честолюбием вредным, гнусным любостыжанием и достоин презренного злодея...»

Как бы то ни было, а мы скажем, что великодушное внимание русского главнокомандующего к изгнанникам Абатам произвело столь сильное впечатление на умы черкесов, что если бы вы тогда потребовали именем его величайших личных пожертвований от каждого значительного между ними лица, то ни один не отказался бы исполнить ваше требование. Между закубанскими черкесскими племенами не было ни одного значительного человека, который не питал бы дружеского или неприязненного чувства к *Бесльнию*; следовательно, его судьба в это время сильно занимала целый край, и потому оказанное ему фельдмаршалом столь милостивое внимание удостоверяло каждого из них, что, полагаясь на великодушие русского главнокомандующего, можно, по образу их мыслей, решиться на все пожертвования в пользу России. Притом, горцы давно уже знают цену пустозвонному красноречию, и фельдмаршал не пышными словами, не обещаниями заоблачного блага, но щедротою на *деле*, ясностию и определенностию своих требований от покоряемых России горских народов и, что кажется нам всего важнее, умением применять эти требования к образу мыслей и жизни туземцев и соединением с требуемою покорностию очевидных выгод, или для сильнейшего сословия, которое своим влиянием может увлечь вслед за собою остальную массу жителей, или для большей части всего народонаселения: этими важными и совершенно необходимыми в начальнике Кавказского края соображениями фельдмаршал успел внушить кавказским народам полную доверенность к своим действиям. В доказательство наших слов (говоря о таких обстоятельствах, во многих отношениях столь важных, мы всегда основываемся на убедительных, по крайней мере, в наших глазах доказательствах) приведем здесь одну черту доверенности горцев к фельдмаршалу.

Тчемиргойский князь *Джембулат*²¹⁸, человек, известный своею храбростию и воинственною жизнью, был одним из тех людей на Кавказе, которые оказывали сильную фанатическую вражду к русским; его имя долго было сигналом сбора больших партий, производивших часто опустошительные набеги на Кубанской линии; сверх того, его влияние в

абадзехском племени, в котором, как и в шапсугском, народ не терпит власти высшего сословия, – было замечательным. Фельдмаршал изъявил желание видеть этого князя, и Джембулат, тот, который питал доселе постоянную ненависть к русским, явился к главнокомандующему с готовностью принять условия покорности, какие угодно будет ему на него возложить! Джембулат вверился великодушию фельдмаршала, полагаясь на его слова, и не обманулся в своих надеждах: он был принят с лестным для него вниманием, в котором видны глубокие соображения о пользах границы, которые можно было извлечь из влияния этого человека в той части Черкесии, где играл он столь важную роль. Так государственный человек с внимательностью обращает свои взоры на все, что только может принести сколько-нибудь пользы или причинить сколько-нибудь вреда той части управления, которая вверена государем его заботам.

По отъезде фельдмаршала обстоятельства переменились... и Джембулата (который сохранил с тех пор верность к России) не стало: он погиб... насильственной смертью²¹⁹.

V

Бесльний и Убых остались на линии черноморских казаков (граница которых соединяется с пределами шапсугов) для изыскания средств к избавлению от плена своих семейств; но и враги Бесльния также не дремали: их ненависть, достигшая уже отвратительной степени озлобления, не знала границ своему ожесточению, и они решились нанести ему неизгладимое оскорбление, гнуснее которого нельзя было и придумать. Несчастная жертва предположенного с зверским бесстыдством насилия находилась уже в доме человека, состоявшего в числе врагов Бесльния, перемещенная туда под предлогом вернейшего ее обеспечения. Беззащитная несчастливица... сделалась жертвою мести подлеишего человека, которого имя мы гнушаемся произнести! Этот человек был тот самый народный старшина, с которым, как мы видели, Бесльний ссорился в Трапезонте: ничто не могло погасить чувства мщениия в злобной душе этого презренного создания. Враги Бесльния торжествовали невозвратное его унижение: он жив еще, но его женою владеет ненавистный ему человек! Это было ужасным ударом для Бесльния и оскорбило всех, в ком только было чувство уважения к самому себе. Шапсугские старшины, в порыве первого негодования, съехались для рассуждения о случившемся, доселе неслыханном в их земле происшествии. Тут положили – обеспечить несчастную жену Бесльния; переместили ее в дом надежного человека и поручили его надзору. Но уже было поздно, и бодрый дух Бесльния в первый раз должен был изнемочь под тяжестью изменившей ему судьбы. Получив убийственное известие, он был оглушен на несколько мгновений и, казалось, лишился чувств, но твердость духа, до этой минуты никогда не оставлявшая его, скоро возвратилась к нему, как ангел-утешитель, и он оправился. Вестником невозвратного унижения Бесльния был родной его брат Убых, для которого он часто бывал подпорю и

защитником и который сам, увлекшись корыстью, был виною всех несчастий Абагов, но, несмотря на все это, в глазах его, по словам Бесльния, отражалось удовольствие в ту минуту, когда он роковою вестью поражал в самое сердце своего брата-благодетеля! Это ужасно, но оно не покажется невероятным тому, кто хорошо знает, как сильна у черкесов зависть вообще и у ближних в особенности.

С наступлением ночи Бесльний, не внимая молениям друзей, не взирая и на запрещение постового начальника на границе, был уже в пределах враждебных ему шапсугов, хорошо вооруженный, на отличной лошади и с одним преданным ему человеком. В ту же ночь проскакав довольно значительное расстояние, он очутился на дворе дома, где находилась оскорбленная его жена, и когда постучался в двери, вышел хозяин дома. Приставив дуло пистолета к груди вышедшего к нему, он объявил, что застрелит его, если он осмелится произвести тревогу. Устрашенный хозяин исполнил все требования отчаянного всадника, вызвал его жену и допустил его видеться с нею наедине, сам оставаясь на это время подле спутника Бесльния. Свидание мужа с женою было коротко: назначив ей время, в которое явится, чтобы увезти ее, он удалился, а хозяину дома сказал, что приезжал с тою только целью, чтобы лично узнать из ее уст все случившееся с нею и что обесчещенная женщина не будет уже его женою, а потому оставляет ее навсегда, собственной ее судьбе и произволу бесчестных врагов, которые посрамляют себя, нападая на беззащитную женщину.

Настало Бесльнием назначенное время, и он является к ней; она ждала его. Бесльний сажает ее на свою лошадь и пускается в опасную дорогу. Между тем наступило утро.

Он думал было провести день в лесу, а ночью продолжать свой путь, но погоня открыла его. Удалив от себя своего спутника, жителя шапсугского, который мог бы погибнуть вместе с ним, если бы имел мужественный дух знаменитого в преданиях *Kauma*, но не спас бы его; пустился в путь, преследуемый толпою всадников, собравшихся на тревогу. Отстреливаясь, он продолжал чудный свой побег до тех пор, пока не подстрелили под ним лошадь. Казалось, сама судьба ожесточилась противу шестидесятилетнего старика, отомщая за кровавые успехи, которые сама же доставила ему на тревожной, деятельной стезе воинственной жизни черкеса! Жена умоляла его покинуть ее на произвол судьбы, умоляла, чтобы он искал спасения; но Бесльний был неумолим и с гневом приказал ей молчать: он решился умереть, защищаясь. «Я хотел, – говорил он после, – умирая, и ее заколоть!» Но судьба отсрочила день его гибели. В массе, окружившей Бесльния, не все желали его смерти и потому вступили с ним в переговоры, представляя ему невозможность противиться несоизмерной силе, а он отвечал, что даром не отдаст жизни. Некоторые говорили, что Бесльний должен был умереть в этот день, и, казалось, отвага, решительность и самолюбие его были слишком велики, чтобы он предпочел оскорбленную жизнь славной смерти; но эти люди не знали всей силы чувства мщения, кипевшего в душе Бесльния, который, оставаясь в живых, мог еще надеяться отомстить своим врагам, и

эта *надежда мщения* действительно привязывала его к жизни. Когда дело пошло на переговоры, Бесльний решил отдать в руки противников с условием судить его духовным судом (шариатом). Тут на него наложили оковы...

Скоро распространился слух об этом происшествии, и народ стекался посмотреть на *Абата волшебника*: так были велики удивление и боязнь, внушенные Бесльнием простолюдинам своего племени! «Ты думал нас проглотить, а теперь сам попался в наши руки!..» – сказал ему один старик и прибавил обыкновенную черкесскую поговорку, что народ счастливее волка, пожирающего его стада, т. е. обжорливый волк рано или поздно попадает в волчью яму. «Так думаешь ты потому, что у тебя вместо ума одни глаза, но я переживу тебя и буду еще на твоих поминках», – отвечал Бесльний, весело улыбаясь. В самом деле, случилось, что старик скоро умер, а этого уже довольно было, чтобы суеверный народ принял случайные слова *Абата волшебника* за предсказание. В числе всадников, которые взяли Бесльния в плен, находился сын известного своим остроумием народного старшины *Бжаве* и в этом деле играл важную роль: он имел значительное влияние в своем кругу. Пленного поместили в доме одного из родственников этого человека, а потому его влияние в деле Бесльния еще усилилось. На нем лежала, как говорят черкесы, кровь Шеретлуковых: за несколько лет перед тем он убил одного из этой фамилии, а брат убитого Пшьмаф не соглашался принять от него обыкновенное удовлетворение – плату, а желал кровью убийцы погасить чувство мщения. Однако ж, когда Бесльний попался в опасный плен, он, Шеретлуков, движимый чувством *дворянина*, как говорят черкесы, благородно решил освободить его пожертвованием своих чувств мщения и объявил убийце своего брата, что согласен принять от него обыкновенную плату за кровь, если он освободит Бесльния на каких бы то ни было приличных обстоятельствах условиях. Убийца охотно согласился употребить свои усилия, и Бесльний получил свободу, дав обещание явиться на суд духовный, когда народ потребует того; в исполнение же Бесльнием данного обещания, поручился *Ногой Харате*, один из имевших важное влияние народных старшин шапсугских.

Здесь мы должны упомянуть об одном случае. Когда Бесльний был взят в плен и содержался в кандалах, собралась сильная партия для отмщения за него; эту партию составляли лучшие князья и дворяне разных черкесских племен²²⁰; она достигла ночью окрестности жилища самого непримиримого врага Бесльния, и праведное наказание готово было разразиться над преступною головой этого гнусного человека, но, по несчастию, всегда сопровождающему большую массу людей, не подчиненных воле одного предводителя, по несогласию и нерешительности характера двух-трех лиц, эта партия была приведена в замешательство и отступила, не сделав ни одного выстрела! По крайней мере, предприятие это показывает обширность связей Бесльния и уважение, которым он пользовался во всех племенах своего края.

Освобождение Бесльния встревожило его врагов и под их влиянием

начали собираться толпы народа с целью – преследовать вообще *Абатов*. При начале гонения на Бесльния и Убыха, их родственники Абаты, которых было около десяти дворов, не были единодушны; даже некоторые из них со всею родственною ненавистью действовали противу них; потом, когда Бесльний с своим братом явился в отряде фельдмаршала, и все остальные принуждены были отказаться от них: этого требовал народ, если они не согласятся отвечать за них. Впоследствии, однако ж, когда Бесльний был взят в плен, они соединились единодушно, за исключением двух или трех, приставших к народу, и вступились за него, требовали от народа справедливого суда, соглашаясь выдать его даже на казнь, если приговор шариата будет таков, но вместе с тем требуя и удовлетворения за все обиды, которым подвергнули Бесльния и Убыха наглость и сила народа. Разобрать судебным порядком столь запутанные дела казалось чрезвычайно затруднительным, но все-таки это было возможно; но враги Бесльния искали его гибели, а не справедливого окончания тревожного раздора. Абаты, предуведомленные заблаговременно о намерении своих врагов – напасть на них неожиданно, собрали свои семейства в один двор, укрепили его, решаясь защищаться в нем до последней крайности. Густые массы народа, предводимые врагами Бесльния, расположились около этого укрепления с намерением взять его силою или хитростию. Народные толпы подступали не раз к укреплению, вызывали крепостных людей Абатовых, обещая им свободу, объявляя их владельцев отступниками веры. На эти крики ответствовали из укрепления язвительными насмешками; приступы тоже не имели успеха; далее, осаждающие прибегли к хитрости: одни толпы показали намерение атаковать укрепление, другие, казалось, удерживали их, а в самом деле хотели только своим посредничеством привести осажденных в оплошность и вдруг ворваться в укрепление; но и это не удалось: осажденные не щадили никого, стреляли и по мнимым посредникам. Наконец осаждающие привезли пушку, сделали из ароб движущуюся батарею и под ее прикрытием снова начали подступать к укреплению. Осажденные, однако ж, не робели, отразили и это усиленное нападение. Но гром пушки и ядра приводили в ужас женщин и детей в тесном укреплении, а действие сырости и спертого воздуха в ямах, вырытых для укрытия семейств от ядер, стали оказывать вредное влияние на здоровье женщин и, в особенности, детей. В этой крепости наш Бесльний с свойственною ему решительностию и самоотвержением объявил, что для *личного своего спасения* не намерен долее подвергать опасностям и страданиям семейства Абатов и хочет отдаться снова народным старшинам. Абаты, к чести своей, не хотели и слышать о намерении Бесльния и решительно отказались от всякого сношения с народом, если он не отступит от укрепления: *из одной боязни они уже не хотели покоряться силе*. Наконец, нашлись посредники истинные, и они удалили народные скопища от укрепления, уговорив и Абатов положиться на суд шариата. Бесльний, наложив на себя собственными руками оковы, снова отдался в руки народных старшин, поручившихся доставить ему разбирательство духовного суда, приговора

когого он не отказывался.

Скоро собрался народ, созвали и духовных судей, или кадиев, чтобы судить Бесльня, обвиняемого в намерении разорить шапсугское племя, – помнили еще участь хакушцев и ставили ему в вину потери, понесенные народом от действия отряда фельдмаршала. Враги Бесльня надеялись, что духовный суд, руководимый религиозными идеями, осудит его на казнь, как предавшегося «неверным» и действовавшего противу «мусульман». И друзья его то же самое полагали и боялись за него; Бесльний один думал иначе, он надеялся на себя. И действительно, как только духовные судьи приступили к делу, сила его влияния и закаленная в интригах вкрадчивость оказали обыкновенное свое действие, и на этот раз удары их были неотразимы; с ними в союзе было всеильное золото, к которому шаткая совесть бородатых истолкователей шариата очень благосклонна, как часто бывает и у судей безбородых и... с очками на широком носу; а Бесльний в состоянии был нагрузить весы шаткого их правосудия.

Враги Бесльня, упорные в своем намерении погубить его, увидели, что невозможно им достигнуть посредством осуждения смерти человека, столь сильного даром слова и влиянием, и составили другой заговор; они предположили потребовать Бесльня, закованного в железо, на место суда, под предлогом соблюдения какой-то судебной формы, тут броситься на него и... убить. Друзья Абаатов открыли этот кровавый замысел и дали им знать. Это было поздно вечером; оставалось немного времени для спасения Бесльня. К счастью, Абаты все находились в сборе; они, решась противустать заговорщикам, поспешили к своим семействам для удаления их в безопасное место. Между тем один из них, *Магомет Биясланеко*, человек с достоинствами, отправился к *Хорету*, охранявшему Бесльня, и открыл ему замыслы врагов. Этот решительный народный старшина поступил здесь великодушным образом: он снял с Бесльня оковы и *вторично* освободил его на свой страх.

Но Бесльний был один из тех людей, которые более привязаны к возвышенным, по образу мыслей своей нации, идеям, чем к спокойствию, безопасности и жизни, и которые не перестают и в самых крайностях думать о том, что скажет об них потомство; а потому отказался от свободы. «Нет! Для спасения своей жизни я не соглашусь подвергнуть моих друзей опасностям, от которых могут пострадать сильно: они поручились доставить меня пред суд духовный и, не сдержав слова, подпадут гонениям народа, который решился пить мою кровь; нет, этого я не сделаю, я остаюсь в оковах – *пусть совершится то, что написано на моей судьбе!...*» – сказал Бесльний с решительностью человека, который не дорожит уже более собою, и его слова были искренни. Он снова наложил на себя оковы, и ни просьбы, ни слезы Магомета не могли убедить его оставить пагубное намерение. К счастью, *Хорет* был еще более тверд в своей решительности. Он утверждал, что заговор врагов Бесльня освобождает поручителей его, давших клятвенное обещание доставить ему справедливый суд, от обещания народу – держать Бесльня в оковах до окончания дела; напротив того, этот заговор

обязывает их стараться теперь о сохранении жизни человека, за безопасность которого вне законов они поручились и клялись именем Бога. Он снова снял оковы с Бесльния и принудил его настоятельными требованиями удалиться в безопасное место. Таким образом, Бесльний был обязан свободою, а может быть, и жизнью решительности характера этого народного старшины; но Бесльний так боялся за безопасность своих поручителей, которым раздраженный народ мог отомстить за их дружбу к нему, что, говорят, хотел еще раз подвергнуться добровольному плену, но его удержали от этой верной гибели.

VI

Абаты водворились в пределах натухайцев, соседственного с шапсугами и одного с ними происхождения племени. Здесь они были безопасны от нападения своих врагов. Они стали заботиться о возвращении себе что только можно было из потерянного во время волнения шапсугов и старания их не были безуспешны; дворянство шапсугское и натухайское в оскорблении Абаатов видело собственное свое унижение и потому помогало им сколько могло. Вообще должно заметить, что черкесские дворяне часто друг друга ненавидят, из ненависти предаются самой дикой злобе, но там, где чернь угнетает, оскорбляет дворянина, попирает привилегии высшего сословия, чувство патрицийское сближает их, и плебеи становятся для них ненавистными.

Таким образом, Абаты снова казались уже опасными врагами, и в особенности всех тревожила известная деятельность Бесльния. Шапсуги снова учредили *съезд* для рассмотрения и окончания всех дел, возникших между народом и Абатами, и породивших столь бурные волнения. Собрание потребовало и Абаатов, и они явились, но расположились несколько в отдалении от народного сборища. Бесльний также был с ними, но не как пленник, а свободный и с оружием. Говорят, что он в это время обнаруживал не столько деятельности, как прежде, и оказал род упадка духа. Не мудрено! Труды и унижения, перенесенные им в последнее время, могли нанести сильное уныние и на человека, менее раздражительного, самолюбивого, чем он, притом в силе и здоровье, а ему было уже за шестьдесят лет! Предлог *съезда* был и теперь, как и прежде, разбирательство и суд; но враги Бесльния, составлявшие скрытные пружины и душу этого съезда, намерены были до этого не допустить; они составили опять кровавые замыслы, так сильно было их озлобление, подстрекаемое отчасти и опасением мщениия со стороны Абаатов и Бесльния в особенности, и они хотели истребить их всех в одно время и тем положить решительный конец бурной и продолжительной распри. С этою страшною целью распространили в стане, на рассвете, глухую молву, что по проискам Бесльния сильный русский отряд вступил в пределы шапсугов и что Абаты присоединятся к отряду, который идет напасть на стан народного сборища. Эта молва взволновала чернь, всегда и везде слепое орудие хитрейших. Толпы раздраженного народа, предводимые врагами

Бесльня, бросились к их шалашам. Абаты, которые ничего не знали о происходящем в сборище врагов, но встревоженные их волнением и шумом, поспешно хватались за оружие и приготовились защищаться до последней капли крови. Случайно прибывший на съезд в минуту тревоги и, говорят, скакавший впереди нападающих, не зная сам куда, знаменитый *Кзильбеч*²²¹ остановил нападение, когда узнал его цель. Такой странный и невероятный случай мог встретиться только с этим замечательным человеком, и мы должны познакомить с ним читателя, потому что многие черты его характера нам кажутся любопытными.

Кзильбеч происходил из Шеретлуковой фамилии; с самых молодых лет отличался храбростью и грубыми приемами. Не почитавшись никогда ни умным, ни общественным человеком, он пользовался, однако ж, удивительным влиянием на шапсугов в тех случаях, когда надобно было действовать вооруженною рукой. Тогда как для предводителей шапсугских необходимы были крайние усилия, чтобы собрать несколько сот всадников, стоило только разослать гонцов *от имени* Кзильбеча, и тысячи стекались под его предводительство. Несколько удачных набегов на линию черноморских казаков, более полувека уже борющихся в кровавых схватках с шапсугами, сделали имя его сигналом сборищ для подобных предприятий, а несчастные случаи с другими шапсугскими предводителями утвердили суеверный народ в том мнении, что без Кзильбеча никакое военное предприятие не может кончиться *счастливо*. Страшная гибель шапсугов в Калаузском лимане немало способствовала к поддержанию этого суеверного мнения. Это случилось в 1821 году.

Многочисленная масса шапсугских всадников ворвалась в пределы черноморских казаков. По внушению анапского паши, Кзильбеч не только отказался участвовать в этом набеге шапсугов, но даже уговаривал их не предпринимать его. Они не послушали. Между тем командовавший черноморскими казаками генерал Власов приготовился встретить неприятеля, и его распоряжения показывали в нем человека распорядительного и искусного в подобной войне, хотя он незадолго пред тем только прибыл на Кубань. Он раздробил отряд свой на части: одной приказал следовать к переправе чрез реку, как только неприятель перейдет ее; другой – идти по следам шапсугов, когда откроет их движение, а с остальною сам предположил наблюдать за пунктами, на которые по расчетам вероятности неприятель направит свое движение.

Как только неприятель перешел границу и углубился довольно далеко в пределы Черноморья, по условленному знаку гром пушек раздался во всех частях отряда распорядительного генерала, и маяки, обвитые сеном, которыми усеяно все протяжение линии, запылали яркими огненными столбами, освещая мрачную осеннюю ночь. Это было совершенно ново для шапсугов, и они оробели, смешались, а к довершению их несчастья и ночь была очень темная. Напрасно предводители и более опытные старшины старались ободрять оробевшие толпы: никто их не слушал. Густые массы долго толпились на одном месте, наконец двинулись и вошли в Калаузский

лиман, при берегах неглубокий и нетопкий, но по обширности своей непроходимый, и вошли никем не преследуемые! Передовые всадники, не видя конца воды, хотели воротиться, но это было уже невозможно: за ними вслед стремились в воду остальные, и никакая сила не могла их остановить – все они шли вперед, тщетно надеясь достигнуть берега и... погибли. Между тем казаки удивлялись, не зная, куда исчез неприятель. Настало утро, и казачий отряд по следам шапсугов пришедший к необозримому лиману, увидел их гибель, самим Провидением посланную и более страшную, чем обыкновенное поражение: *более тысячи двухсот* человек, как полагают, погибло в лимане, войдя туда без выстрела; тела людей и лошадей плавали на поверхности мутной воды грудями, как бы отверженные останки покойников, брошенные живыми в болото – на поругание.

В продолжение нескольких лет, после страшного этого происшествия, трудно было собирать шапсугов для набега на казачьи станицы; но имя *Кзильбеча* все еще сзывало толпы: так было велико их доверие к его счастью. Смерть сыновей Кзильбеча, убитых казаками, множество ран, даже старость не отучали его от любимого ремесла, от войны и набегов. По настоянию Хасан-паши он съездил в Мекку, но и звание *хаджи*, священное для мусульман, не наставило Кзильбеча на путь правоверных: во всю свою жизнь он остался грубым шапсугом старого покроя. Огромный рост, громкий голос, дерзкие и грубые ухватки, словом, все в нем соответствовало бурной, беспечной, удалой жизни, которую вел этот знаменитый предводитель шапсугский, и для которой казался созданным. Кзильбеч был уже стар, когда получил рану, от которой и умер в 1839 году, оставив по себе множество рассказов.

Шапсугские дворяне, оскорбляемые дерзостью непокорного народа, однажды упрекали Кзильбеча в дружественных связях с простолюдинами (тльфекотлами). «Я мщу им за вас всех: вожу их к русским, и там их убивают сотнями!..» – отвечал он. По какому-то делу один армянин требовал от него суда по шариату. «Принесите мне мой меч, которым я делаю расправу с *неверными!*» – вскричал Кзильбеч. Когда-то ему заметили, что в его преклонных летах непристойно принимать участие в плясках (удчи), приличных только юности. «Я до гроба не откажусь от пляски! И в рай не хочу, если там не пляшут!..» – возразил этот поклонник удовольствий старинной шапсугской жизни, грубой, но раздольной. Чрезвычайно любил он лесть. Зная эту слабость, часто хвалили его в глаза: и он, как дитя, радовался похвалам, хотя некоторые не без шуток произносили их. Жизнеописательная песня, в которой воспеты его подвиги, сложена еще при его жизни, хотя это не одобряется скромностию черкесских нравов. Величайшим наслаждением для него было, если пели при нем эту песню, которая имеет все недостатки новейших песен черкесских, однако ж не лишена любопытных выражений и пышных сравнений. В ней часто упоминается об «обнаженной сабле» героя. Это подало повод одному остроумцу к довольно колкому замечанию, которое рассердило старика. Кзильбеч даже и по смерти своей не перестает еще занимать воображение суеверных шапсугов: они рассказывают, что в

жарких их схватках с русскими гарнизонами небольших укреплений в шапсугских пределах он являлся «на белом коне и в белой одежде». Возвратимся к нашему Бесльнию.

Когда обнаружались на последнем съезде кровавые замыслы врагов Бесльния, все удостоверились, что распри между Абатами и народом шапсугским не могут быть прекращены судебным порядком. Тогда Бесльний решился оставить навсегда шапсугское поколение, которое должно было ему казаться ненавистным. Он переселился в пределы черноморских казаков, куда и остальные Абаты перешли впоследствии. Бесльний, вызывая их, обещал ходатайствовать у русского начальства о назначении им содержания или вознаграждения их потерь во время гонения, а если в этом не успеет, то станет с ними делиться тем, что уже сам получает по назначению фельдмаршала. Это великодушное с его стороны предложение принесло ему впоследствии самые горькие неудовольствия, и на старости лет расстроило последние его планы и надежды.

VII.

В 1834 году по Высочайшему соизволению были присланы в Петербург с Кавказа малолетние горцы для воспитания в кадетских корпусах. Вместе с детьми приехали в столицу и почетные старшины различных племен, в том числе и наш Абат. Это доставило мне случай познакомиться с этим замечательным человеком. Впрочем, я был знаком с ним и прежде, но *не знал его* в более обширном значении слова.

Какие бы заботы о собственных делах ни тревожили Абата, деятельный и, должно прибавить, беспокойный ум его всегда занят был *политикою*, конечно, черкесскою, но более обширною, чем Черкесия, хотя к ней одной относились все его помышления. Я ожидал в Бесльние, с именем которого мы привыкли с детства соединять тревоги и истребления, видеть человека раздраженного до крайности и готового, как разъяренный тигр, разрушать родную берлогу, что казалось мне весьма естественным, судя по бедствиям, которые он потерпел от шапсугского народа. Каково же было мое удивление, когда я нашел в нем человека, который, напротив того, забывая личные свои отношения, подавляя чувство личной мести, рассуждает о благе родины! В его суждениях о будущей судьбе этой страны, т. е. Черкесии закубанской, мне показалось самым замечательным то, что он помышлял и о том, чтобы соединить будущее *ее благополучие с выгодами России*, от действий которой зависело ее спасение или гибель и которой в том и другом случае она будет стоить дорого. «Надобно же, – говорил он, – чтобы *пожертвования*, в нашу пользу приносимые, *вознаграждались благодарными* плодами: иначе они не будут ни прочны, ни продолжительны...» Признаюсь, слушая его, я не совсем верил своим глазам – неграмотный, почти не полудикий ли Бесльний сидит предо мною, или то говорит человек просвещенный, опытный в делах государственных!

Бесльний, между прочим, рассуждал часто о Турции; тут он вычислял ошибки ее правительства и меры, какие Дивану надлежало принять для

приобретения и удержания обширной и прочной власти над черкесскими племенами и их страной; высказывал недостатки и достоинства турецких сановников, бывших в Анапе. Сильное негодование обнаружилось в его словах, когда он говорил о Хассан-паше; негодование, относившееся к константинопольским министрам, не отличавшим, по его словам, правду сказать, не совсем учтивым – человека *мужественного и умного от скота и дурака*. Не зная предположенной цели Дивана, я не позволяю себе судить о *мерах* к ее достижению; и потому я не могу судить – основательны ли были мнения Бесльня о турецких делах, относившихся до Черкесии.

Были и другие предметы, о которых рассуждал он с большим жаром, чем о сановниках анапских; и, сказать по совести, тут многое в его суждениях было любопытно своими соображениями с последствиями, увлекательно своею оригинальностью. А что более всего изумило меня, это *применения* к событиям, которых мы уже были свидетелями, делаемые им как бы для доказательства основательности своих суждений и мнений. (Замечательно, что некоторые его предсказания, или, справедливее, опасения, уже сбываются пред нашими глазами). Что же было бы, думал я всякий раз, когда Бесльний изумлял меня своими умными, резкими суждениями, – если бы он при своих в высокой степени замечательных способностях ума, решительности характера и жажде деятельности получил европейское просвещение, так сильно развивающее способности человека.

Охотно исполняя убедительную просьбу Бесльня, я показывал ему некоторые достопримечательности столицы, и теперь я хорошо помню его замечания при наших посещениях некоторых мест. Однажды мы были в Зимнем Дворце, но не одни: с нами приехали туда горцы, человек двадцать, которые громко выражали свое удивление при виде бриллиантов и других драгоценностей. Один Бесльний не удивлялся ничему. Мы вошли в портретную залу; тут он спросил о причине собрания портретов; я удовлетворил его любопытству. «Как это хорошо! – сказал он громко. – Конечно, многих из этих генералов нет уже в живых, а другие устарели; дети умерших, когда бывают они здесь, с удовольствием смотрят на изображения отцов, и это придаст их чувствам более духа; а старики утешаются воспоминанием о славных делах, которых они были свидетелями и участниками: мы, старики, любим поговорить о прошедшем – будущее же нам не льстит...» Тут Бесльний улыбнулся. «А знаешь ли, – продолжал он, немного подумав, – наши черкесы, ей богу, храбрее всех народов на свете и безрассуднее; никто их не посылает на войну противу их воли, а сами они спешат навстречу опасности, сражаются, умирают добровольно! Ранят ли их – нет награды; убьют ли – их семейства никто не призрит; за все, если скажут «храбрый» – вот и награда для них! За это одно слово они идут навстречу верной гибели! У других народов совсем не то: там велят, там поневоле идут на войну; награды же так велики, что и трус делается на время храбрым; а наши *галунные князья* говорят еще с важностью: «мы служим России...», да они просто для себя служат!..» При словах: *галунные князья*, я засмеялся: мне известно, что это значило в его устах. Мы подошли к углу залы, и тут я

показал Бесльнию портрет г. Е. «Как похож!» – сказал он, смотря на изображение человека, пользующегося столь громкой известностью²²². Здесь Бесльний нашел повод рассуждать о двух человеческих качествах – об *уме* и *мужестве* и рассуждал, конечно, по-своему, но его мысли показались мне любопытными по оригинальности, с которой он их выразил, и я, после, вечером, записал его слова в своей памятной книжке. В это-время подошел к нам генерал Н., человек превосходный не по одному титулу, в моральном отношении часто ничего не означающему; генерал, который умел вежливым и умным обращением внушать каждому, что в жилище царей русских надменность не обитает, ласково расспрашивал Бесльния и, со вниманием выслушав его ответы, мною переводимые, сказал: «Старик, видно, *бывалый*».

Из дворца я повез Бесльния в Академию, где была в это время выставка. «Как эта река называется?» – спросил он, когда мы подъехали к Неве; я сказал ему название реки и, зная его страсть к старым сказаниям, прибавил несколько слов о герое *Невском*²²³. Тут Бесльний закричал кучеру: «Послушай, послушай!» Это единственное русское слово, которое он произносил хорошо, и потому повторял его при всяком случае. Я велел кучеру остановиться. С легкостью юноши Бесльний выскочил из коляски и пустился к реке! «Что ты делаешь!» – кричал я, когда он стал черпать рукою холодную воду и пить. Привыкши в Петербурге часто повторять: «как ваше здоровье, какая дурная погода!» – я подумал только о здоровье старика, в дурную погоду черпающего руками холодную воду: в то время холодная вода еще не затеивала в Петербурге процесса с аллопатиею и не выживала премудрую гомеопатию; я никак не подозревал, чтобы мой спутник пил холодную воду не потому, что ему хочется пить, а с благою целью залить странное свое честолюбие! «Ни отец мой, как его ни хвалили, и ни один из моих предков не пил *невской* воды!» – сказал Бесльний весело: он гордился тем, что видел страну, которую ни один из его предков не посетил и о которой есть много «старых сказаний». Это было в духе черкесов лучшей эпохи их отечества.

На выставке ненарушимое ничем равнодушие постоянно оттеняло лицо моего спутника. Это меня удивило, и я спросил его о причине столь холодного его внимания. «Я удивляюсь всему, что мы видим, потому что ничего подобного мне не случалось нигде встречать, но стараюсь это скрыть от русских, а то они, пожалуй, подумают, что мы вышли из пещеры и ничего не знаем», – отвечал он; из этого видно, что Бесльний, при обращении с иностранцами помышляет и о том, что они подумают о нашем крае. Вообще в его словах обнаруживалось какое-то чувство национальности. Однажды мы разговаривали о происхождении и настоящем положении *шапсугов* и *натухайцев*; тут кто-то сказал, что такая-то река служит границею между этими племенами. «Неправда, неправда! Эта река наша, шапсугская, мы только позволили там поселиться нескольким *беднякам натухайцам!*» – вскричал Бесльний из другой комнаты, где он лежал больной, страдая сильно. Но что замечательнее, – это его старания делать заключения о

способностях ума, характере и других качествах иностранных сановников, с которыми ему случалось иметь дело. Конечно, он большею частью ошибался, но поверят ли, что бедному полудикарю нередко удавалось открывать пустоту там, куда и всемогущие усилия просвещения не могли бросить ни одной яркой идеи; где природа не заронила семени, там действия лучей солнца не оплодотворят почву. Как бы то ни было, а в разговоре с Бесльнием необходимы были некоторые предосторожности, чтобы не подвергнуться едким замечаниям насмешливого и раздражительного старика.

В Академии я спросил моего спутника, как он станет рассказывать о чудесах, виденных им в столице? «Я уже об этом думал несколько раз и решил не говорить ничего, потому что рассказать все, что мы видели, очень трудно, а если и расскажем, никто не поверит; так лучше молчать». «Это хорошо в отношении молодежи, но старики обидятся», – заметил я. «О, порядочным людям я приготовил что сказать!» – возразил он с чувством. Мне любопытно было узнать, что он станет рассказывать людям, которых называл порядочными. «Я скажу им, – отвечал Бесльний, – что в Петербурге все русские вообще вежливы, но *большие люди* (вельможи) ласковее других; что здесь к визирям (министрам) гораздо доступнее, чем у нас (т. е. на Кавказе) к какому-нибудь *писцу с темляком...*» Я засмеялся. «Ей Богу, правда!» – прибавил он и сам смеялся, вычисляя свои приключения с *писцами* с темляком, как он называл маловажных, по-видимому, лиц, однако же часто имеющих влияние на решение начальника. Бесльний был веселого характера, любил умные шутки, забавные анекдоты, и сам никого не щадил; но его шутки были слишком язвительны, даже грубы, если их возбуждал человек, которого он не любил. В последние годы в особенности он ненавидел людей, которых обыкновенно называл «галунными князьями». Это *дворяне* черкесские, которых число, впрочем, невелико, знающие русский язык и между русскими с глупою спесью называющие себя *князьями*. Ни летам, ни общему уважению, которым пользовался Бесльний, не соответствовали столь язвительные его насмешки насчет людей, достойных одного только презрения. Впрочем, должно сказать и то, что об ощипанной вороне Крылова, которая, «натывавши себе павлиньих перьев в хвост, с павами пошла гулять спесиво» – смешно было бы говорить с важностью и достоинством римского сенатора.

Из Академии мы возвратились на квартиру, и какая радость ожидала моего спутника. Он узнал, что фельдмаршал прибыл из Варшавы²²⁴. Благородный старик не мог дожидаться утра: так ему хотелось броситься скорее, как он выражался, к ногам своего благодетеля. Признаюсь, такая благодарность, живая, искренняя, в моем земляке меня радовала: у нас, как и везде, много неблагодарных... На другой день, очень рано утром, Бесльний был уже в Шепилевском дворце, и фельдмаршал так милостиво принял его, что бедный старик был тронут до глубины сердца.

Приближался день отъезда Бесльния и его спутников, и я получил приказание привезти их в Царское Село, где Высочайшая фамилия имела тогда пребывание.

На другой день по приезде нашем в Царское Село Бесльний и его спутники были у г. Б.²²⁵ Здесь наш Бесльний высказал все, что тяготило его сердце, тревожило деятельный ум, и чего он не хотел унести на родину или, может быть, в могилу.

С лестным для него вниманием граф выслушал его слова, которые я переводил по возможности буквально. Тоскующее сердце Бесльния совершенно успокоилось, когда граф сказал ему, что, по всем вероятностям, не будет отказано в его просьбе, столь важной для блага его родины... Граф повел Бесльния и его спутников во дворец, где они имели счастье представиться Государю Императору и видеть августейшее семейство. Его Величество изволил говорить с нашим Бесльнием, и, Боже мой, как был счастлив он, этот умный и благонамеренный старик: искры уверенности в исполнении далеких надежд зажглись в пламенной его душе... Вечером мы возвратились в Петербург, но утро это – я никогда не забуду!.. Не знаю, допустит ли меня Провидение когда-нибудь высказать чувства и мысли, которые ношу с тех пор в душе моей? Если нет, по крайней мере, это желание пребудет во мне во всю мою жизнь. Впрочем, человек, для которого величайшее благодеяние на земле – независимость от воли своих недоброжелателей, который литературу избрал целью остальной жизни своей, может и в состоянии говорить свободно, тем более, когда у него нет ни чувств, ни мыслей, за которые не мог бы гордиться, а его слова ни один честный человек не почтет ни лестью, ни внушением несправедливости... Но не о том речь.

Настал день отъезда Бесльния из Петербурга на Кавказ, и я проводил его до Средней Рогатки. Здесь я простился с ним и, навсегда, как оказалось впоследствии.

Однажды, после обеда, мы играли в шахматы. Это было в Петербурге, весною 1837 года. Входит один из наших. «Получены, – говорит, – с Кавказа письма, и пишут, между прочим, что Бесльний Абат умер...» При этой вести, сильно меня огорчившей, я бросил игру и задумался...

Что за жалкое создание человек, Боже мой! Он сдвигает в уме своем громады событий и надеется видеть минуту их свершения, – и что же? Смерть следит по его пятам, и вот – его не стало! Сегодня он уже бесчувственная глыба земли, а вчера в нем кипели надежды, волновались желания и в одно мгновение, создание всесильное на земле, исчезло, как тень! «Умер» – это такое простое, обыкновенное слово, что даже не поражает нас торжественностью минуты, в которой совершается таинственный процесс, но больно его слышать, когда оно напоминает нам, что не стало человека, в голове которого рождались и развивались светлые мысли и могущественные идеи!.. Что могло быть существеннее смерти старика, измученного страданиями духа и тела, растерзанного враждебными гонениями, но я не мог скоро свыкнуться с вестью о смерти нашего Бесльния: эта весть казалась мне каким-то зловещим, тревожным явлением во сне – и мне не хотелось ей верить!.. Привыкший, однако ж, объяснять свои предчувствия видимыми причинами, я стал и тут размышлять, и самые

простые факты открыли мне глаза. Подобные Бесльнию люди, умные, *бесстрашные в делах самоотвержения, благонамеренные, склонные к порядку*, чрезвычайно важны и, в некоторых отношениях, необходимы для блага нашей страны, а между тем, таких людей там уже нет!.. Ясно, что мое недоумение было не сон, а дело *существенное*; но я сожалею, право, что русские книги рассеяли туман суеверия, некогда меня окружавшего: мне легче было бы верить даже в... честность людей, для которых первейшая цель в службе – *личные собственные выгоды*, людей отвратительно хитрых, но успевающих во всем и везде, даже и в волшебной стране, о которой упоминает Фирдуси в знаменитой «Книге царей»!..²²⁶

VIII

Бесльний был роста небольшого, но хорошо сложен; его физиономия вообще выражала ум и хитрость: глаза у него отличались живостию и быстротою; он говорил чрезвычайно свободно, без всякого приготовления, о самых многосложных предметах; трудно найти человека, который менее его уделял бы времени сну. Ему было за шестьдесят лет, когда он умер, но до последней минуты сохранил бодрость духа и тела; а сколько перенес он трудов физических и нравственных! Несмотря на значительность степени, которую занимал в своем кругу, он не был горд. Молчаливую важность, которую при известных случаях обыкновенно сохраняют ровесники Бесльния, он презирал, не имея нужды в маске для прикрытия своих умственных недостатков. Жестокость его доходила до зверской свирепости, если какая-нибудь личность подстрекала мстительный его нрав; но по видам корысти он не делал преступления. Щедрость, гостеприимство, учтивость, постоянная любовь к славе, как понимают черкесы этот всеобщий кумир человечества, – прославили имя Бесльния во всех черкесских племенах, где ни один *дворянин* не пользовался в его время столь повсеместною известностию, как он. При всем уме своем, гибкости характера этот замечательный человек не был уживчив и был чрезвычайно беспокойного нрава; малейшие случаи приводили его в раздражение, а кто думал противоречить его намерениям, тот делался предметом его ненависти: даже в самых маловажных случаях он до того не терпел противоречия, что его обхождение в собственном своем семействе становилось нестерпимым; впрочем, он легко сознавался в своей вине, и так был ловок и увлекателен, что все без ропота сносили его капризы, странности и беспокойные привычки, которые оставили множество интересных анекдотов.

Однажды он был разгневан на своих людей и начал их наказывать тем, что созвал мужчин и заковал всех в кандалы, а женщин всех согнал в один дом и запер, чтобы продержат их там суток двое без пищи; при этом никто не избежал его палки; угрозы и брань сыпались из его уст. В то время у него были гости, которые, обидясь подобным поступком в их присутствии, стали требовать, чтобы он прекратил свои проделки. Это увеличило его досаду – он побил жену и детей своих. Гости хотели уехать, негодуя на раздраженного

Бесльния, но тут явился почтенный жанинский дворянин *Магамчерий*, которого Бесльний очень любил и уважал, и кончил все миролюбиво: он взял огромную дубину и, предлагая ее Бесльнию, сказал: «Ты бьешь крестьян, как будто учеников, маленькою хворостинкою – этим их не напугаешь; но вот эту дубиной поколоти-ка их хорошенько, тогда увидишь, как они станут проворно и охотно делать все, что им прикажешь!..» Бесльний сердито взглянул на почтенного жанинца и сказал: «Ты с ума сошел!.. Хочешь, чтобы я убил своих людей, вместо того, чтобы меня удержать!..» «Вот еще, стану я удерживать! Ты хоть зарежь их – мне какая нужда: не я их покупал!..» Бесльний рассердился еще пуще, но в пользу своих крестьян: «Ты тоже с ума сошел!» – сказал он с досадою своему другу, и пошел сам снимать кандалы с закованных людей; распустил и женщин. Тут все стали смеяться над ним; он еще был несколько минут угрюм, а потом смеялся и сам над своим поступком.

В другой раз он рассердился на своего сына и стал его бить небольшою палочкою, которую обыкновенно держал в руках. Выведенный из терпения, покорный сын схватил старика и бережно посадил его на подушки, на которые обыкновенно он его саживал, и опять стал с прежнею почтительностию на свое место, безмолвно ожидая новой бури. «Вот сильный пес!..» – сказал Бесльний с улыбкою и с тех пор ласковее обходился с ним.

Другой подобный же случай напоминает нам древнего героя, который стал вязать руки своим сыновьям, и когда один из них выхватил кинжал, чтобы заколоть отца, который хотел лишить его свободы, – он вскричал с дикою радостью: «Вот кто отомстит за меня!..» За какое-то мнимое нерадение Бесльний однажды бил свою жену; младший его сын, бывший свидетелем жестокости отца, схватился за ружье: «Я застрелю его и тем успокою его и всех к нему близких!..» – вскричал молодой Абат, взводя курок. Его удержали. Бесльний грозно поднял палку на мятежного сына – и остановился. «Из него будет человек!..» – сказал он с движением, обличавшим в нем дикую воинственную надежду; и с того времени стал любить этого непокорного сына более других детей своих, и когда он умер, Бесльний обнаружил сильное отчаяние.

Странно, что этому человеку, который так усердно старался о водворении порядка в своем отечестве, очень нравился непокорный дух шапсугов. Однажды, разговаривая о своих предположениях, Бесльний сказал одному народному старшине, что он испросит у русского правительства грамоту на владение прекрасною *Аумесскою* равниною и там водворится. «Тогда-то мы разбогатеем с тобою!..» – прибавил он весело. «Вот еще выдумал!.., я не привык жить на чужой земле – выпрошу и *сам* грамоту! Разве я не равен тебе?» – отвечал старшина сердито. Бесльний посмеялся над самолюбием старшины, но ему нравилось такого рода самолюбие и, говоря о непокорном духе своих земляков, с какою-то гордостью прибавлял: «Наши шапсуги – мужественный народ!..»

Но вот и самый характеристический анекдот, который, вымышленный

ли он или истинный, доказывает, отчего поступки Бесльния не скоро забудутся в народе.

Рассказывают, что Бесльний имел любопытное свидание с Дюком де Ришелье, бывшим начальником Новороссийского края²²⁷. Это было предвступлением в шапсугские пределы русских войск под личным начальством благодетеля Одессы. Ришелье с горячностью сказал шапсугским старшинам, что он, если они не покорятся, не оставит камня на камне, словом, не пощадил угроз. Бесльний, бывший между депутатами шапсугскими, молчал, когда военачальник говорил; потом отвечал, указывая на отдаленные горы, которых снежные вершины терялись в осенних тучах: «Вот наши крепости!.. Мы не богаты, у нас каждый имеет ружье, но не все по одной жене и корове; жен и коров мы отошлем в горы, а с ружьями засядем в лесу: идите, у нас вам взять нечего!..» Говорят, Ришелье так понравился смелый ответ Бесльния, что, обласкав его, сделал ему и приличный подарок. Может быть, ничего этого не было: Ришелье, человек государственный, облеченный высоким саном, имел без всякого сомнения над собою столько власти, чтобы не показаться горцам, им же самим вызванным, до такой степени вспыльчивым. К тому же, устранив депутатов, нельзя было произвести *выгодного* впечатления на народ, что, конечно, знал он, как просвещенный и умный начальник, изучающий заблаговременно предмет своего предприятия. Как бы то ни было, а Бесльний в состоянии был давать такие ответы всякому, кто бы вздумал силою угроз исторгнуть у него согласие на то дело, на которое не соглашался он по рассудку. По крайней мере, я не знал человека более смелого, неуступчивого в подобных случаях, и здесь приведу одно, хотя не совсем ясное тому доказательство.

Видеть общественные дела и не рассуждать, если уж не в его власти было в них вмешиваться, для Бесльния было делом невозможным; а известно, что тот, кто рассуждает, часто ошибается и сам, но находит ошибки в действиях других, – не одобряет их и не всегда соглашается с мнениями других. И с Бесльнием было то же самое, и этого он и скрывать не хотел. Ему никогда не были известны обстоятельства, по-видимому, *второстепенные*, но одни лишь самые важные: по необходимости, на них должно было рассчитывать исполнение всех предположений. Впрочем, чтоб быть точным и справедливым к памяти этого замечательного человека, мы должны сказать, что он очень хорошо понимал эти обстоятельства, но только относительно своих соотечественников и не умел применять их к людям других наций. Я советовал ему оставить без внимания некоторые дела; это было в Царском Селе. Он горячился, не хотел слушать. «Чего бояться? – вскричал он. – Скажи все – я отвечаю за свои слова; я не из тех людей, которые, боясь лишиться куска хлеба, молчат! Пусть N. отнимет данное мне содержание, – я все-таки говорить буду правду! Я везде найду пропитание: *живая голова не остается без шапки; моя борода поседела не между бабами и не перед очагом*; я жил между людьми, и меня знают; и теперь живы мои ровесники, и я должен возвратиться отсюда, зная, что сказать им, если спросят!..»²²⁸ Вот его слова, сказанные с запальчивостью – и не один я

слышал их. Бесльния уже нет в живых, но да будет мне позволено в эту минуту, когда воспоминание об нем оживляется в моей памяти, сказать, что утешительные надежды, внушенные ему внимательностию, с которою граф выслушал его в Царском Селе, так сильно, так благородно высказанные им чувства, – были единственным сиянием, озарявшим печальные дни последних двух-трех годов жизни умного, замечательного старца; эти надежды поддерживали еще утомленный, угасающий его дух. Повинуясь совести и предположенной себе цели, я осмеливаюсь сказать здесь то, что каждый из нас чувствует и говорит в кругу своем, именно: что не один Бесльний из уроженцев кавказских находил утешение в отеческом внимании графа; не один он с успокоенною надеждами душою возвращался из Петербурга на родину свою, обязанный всем его доброте и снисходительности; осмеливаюсь прибавить еще, что искренняя, общая их благодарность к нему перейдет к потомству, ибо они уже не те, что были лет за десять, за пятнадцать тому, когда и благодарность и ненависть их к людям, имевшим влияние на судьбу их родины, умирали никем не слышимые, как эхо в пустынном ущелье: теперь, благодаря щедрой власти, они чувствуют и мыслят иначе, чем их отцы и, главное, в состоянии сохранить посредством книгопечатания позднему поколению священные для них имена благодетелей дикой еще, но прекрасной их родины, и ненавистные имена... если бы только они знали такие имена, – *сохранят* их, если не с такою энергиею, как это мог бы сделать наш Бесльний, то с большею любовью к истине, что уже само по себе составляет достоинство.

Бесльний обладал характером чрезвычайно гибким и в состоянии был давать самые благоразумные советы, а между тем, по удивительному смешению его качеств нравственных, он часто не мог внимать убеждению очевидно благоразумному, когда дело шло о *личных* его выгодах; результатом столь резкого противоречия характера было то, что наш Бесльний был человек в высшей степени способный на величайшие личные пожертвования для достижения предположенной себе цели, или того, что он почитал своею обязанностию. После этого можно ли думать, что в действиях природы, всегда нам тайных, нет добра там, где зло нам кажется так очевидным.

IX

Характерические черты жизни замечательных людей во всяком народе любопытны в высшей степени, но в таком народе, каков черкесский, мало известный, почти полудикий, внимательный, отличающийся сильными способностями ума – они имеют двойной интерес: выражая собою дух, нравы, образ мыслей – словом, нравственную жизнь целого народа и общественный его быт, – они заслуживают наблюдения просвещенного человека; между тем их описания весьма любопытны и как простое чтение. По крайней мере, так казалось мне, когда я охотно собирал сведения о жизни замечательных людей земли, мне довольно знакомой. Эти люди похищены

уже смертию, но их или мы помним сами, или из уст живых еще свидетелей их дел получили эти сведения. Тем не менее, однако ж, собрание этих сведений дело более трудное, чем кажется с первого взгляда: люди, которые должны быть предметом вашего труда, жили недавно; искры уважения и ненависти еще таятся в сердцах современников – их друзей и врагов; семейные и общественные их отношения еще свежи; и потому рассказы о их делах, характерах, подвигах и преступлениях – один другому противоречат и в важнейших случаях с очевидными преувеличениями, не говоря уже о том, что подобные рассказы по необходимости должны носить различные оттенки. Впрочем, ни многосторонность, ни противоречия этих рассказов не уменьшают в моих глазах цену их, не вредят ни цели, ни плану, мною себе предположенным для руководства при составлении моих статей: неверные рассказы в народе о каком-нибудь замечательном событии едва ли не больше знакомят нас с образом мыслей, направлением духа и понятий и нравами этого народа, чем голая истина самого происшествия.

Как бы то ни было, но вот пред нами раскрыты теперь главные черты жизни и характера одного из замечательнейших черкесов преходящего поколения; какие же утешительные или горестные истины можем извлечь из жизни этого человека, бывшего зачинщиком или предметом стольких волнений народных, главным действующим лицом стольких кровавых драм в земле прекрасной, но брошенной судьбою на произвол тревог и кровавых бурь безначалия?.. Не много утешительного!.. Однако ж, если вы имеете дурную привычку размышлять о причинах и следствиях того, что поражает наш ум, или увлекает ваше воображение, то жизнь знаменитого Абата, может быть, остановит ваше внимание на размышлениях о судьбе народа, к которому принадлежал он, и тут невольно предложите себе вопросы, которых ни угадывать, ни разрешать здесь мы не намерены...

КНЯЗЬ ПШЬСКОЙ АХОДЯГОКО

Из сочинения под загл[авием] «Биографиии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов» покойного флигель-адъютанта Хан-Гирея[§]

I

БЖЕДУГИ И ИХ КОЛЕНА. БЖЕДУГСКИЕ КНЯЗЬЯ

Бжедуги – самое древнее племя черкесское. Судя по народным преданиям, другие черкесские племена, при своем переселении, застали бжедугов в северо-западной части Кавказских гор, на юг от Кубани лежащих, как коренных туземцев. По крайней мере, не подлежит сомнению то, что они, за несколько веков до нас, жили на верховьях речки **Тдоанс** (Туапсе), протекающей из гор в Черное море, где и теперь не изгладились следы их пребывания, как доказывают названия многих мест. Вследствие постепенного прироста народонаселения бжедуги должны были искать более привольных долин: обитаемые ими ущелья были уже недостаточны для них, между тем как прекрасные равнины, раскинутые у северных покатостей гор, представляли много выгод; к тому же и войны с усиливающимися соседями, вероятно, их стесняли, – и они подвинулись к этим равнинам и поселились на реке **Пишишь**, не выходя, однакож, из гор, с которыми долговременная привычка их сроднила; да и защита, доставляемая укрепленной природою местностью, была важна для них; кроме того, пророчество старцев, предсказывавших им гибель, если они переселятся на равнины, так устрашала суеверных бжедугов, что они поклялись никогда не покидать гор.

Четыре брата, князья бжедугские, разделили племя на четыре части или удела, более или менее равные. Эти князья назывались: **Черчан**, **Хмиш**, **Бегорсеко** и **Бастеко**. Впоследствии возникшие между их потомками несогласия были причиною, что уделы последних двух князей подвинулись – один на восток, другой на запад, и, таким образом, там основались отдельные колена, получившие названия: **мехош** и **вепсн**. Первые же два удела, напротив того, сохранили между собою связь и удержали свое древнее наименование **Бжедуг**, хотя каждый из них известен стал под собственным названием, принятым по имени своего князя: удел Черчана назвался **Черчанай**, а Хмиша – **Хмиший**.

Постепенно выдвигаясь на северные равнины, которым естественною границею служат – на юг цепь гор, на северо-запад и восток реки: **Кубань**,

---

[§] Другие известные труды Хан-Гирея:

1) Князь Канбулат. Черкесское предание (Русский Вестник, 1844).

2) Мифология черкесских народов (Кавказ, 1846, №35).

3) Наезд Кунчука (Кавказ, 1846, №37 и 38).

4) Бесльний Абат (Кавказ, 1847, №42-47. Сбор. газ. Кавказ, 1847, II полугодие, с.128-207).

Настоящая статья передана мне для напечатания в Сборнике А.Н. Греном.

Л[еонтий] Л[опатинский] (Прим. ред. СМОМПК).

Шхакоаше (Псекуапс)* и *Адвинс* (Афипс), бжедуги, т.е. племена *черченайское* и *хмшейское*, заняли их, построили себе селения (коадь) и занялись хлебопашеством и скотоводством, с которыми давно уже были знакомы, тем более, что новые их земли, весьма удобные к возделыванию, представляли большие выгоды и вознаграждали с избытком труд земледельца.

Баснословные предания о родоначальнике бжедугских князей очень любопытны: они показывают, с какою силою народные предания проникают из одной страны в другую и сливаются с поэзией, совершенно чуждою и языку и нравам народа. В отдаленное время между черкесскими племенами были люди, известные под названием *нартов*, составлявшие, по-видимому, особенные общества; образ жизни, характер и нравы этих людей, так резко сохранившиеся в преданиях, показывают какое-то сродство между ними и рыцарством средних веков. Один из этих знаменитых воинов, по имени *Дяндеко-Севай*, был родоначальником бжедугских князей²²⁹. Похищенный, скоро после рождения, огромным соколом *Шамгуром*²³⁰, он был воспитан этим пернатым хищником на вершине исполинского дуба, который гордо возвышался на горе, презирая тучи и грозы. В одной *нартской* песне, сложенной девушкою, говорится об этом воспитаннике сокола:

«В одной половине его дома солнце ярко светит,
А в другой трещит мороз!..»

Потомки бжедугского князя *Черчана*, основателя *черчанейского* племени, разделились впоследствии на две главные отрасли – *Мисост* и *Пшьсевокан*, которые опять раздробились на разные колена, принявшие имена своих основателей.

II

КНЯЗЬ АХОДЯГОКО; ЕГО ВНЕШНОСТЬ И ХАРАКТЕР; ПЕРВЫЕ ЕГО ПОДВИГИ

Знаменитый воин, которого имя мы выставили в заглавии нашей статьи, происходил из дома *Аходягоко*, принадлежавшего к *пшьсевоканскому* колену черченайских князей. Я не видал человека с более выразительной физиономией: лицо бледное; глаза серые, с выражением чрезвычайно смелым; лоб открытый, высокий и широкий, с глубокими морщинами. Он был роста среднего, но сложен хорошо, стройно; широкие плечи, жилистые руки показывали его силу; живая походка и чрезвычайная ловкость – упругость его членов. Вообще вид этого замечательного человека был таков, что, встретившись с ним в лесу, в ущелье Кавказа, вы приняли бы его за смелого наездника, привыкшего проливать кровь и не давать пощады врагу; но в кабинете – в стране цивилизованной – за одного из людей, способного проводить новые идеи.

---

* Возможно, ошибка переписчика. Шхакоаше и Псекуапс – названия разных рек; в «Записках о Черкесии» они указаны под номерами 187 и 233 соответственно (Ред.).

Природа не была скупа к нему: в дополнение к вышесказанным физическим качествам, она одарила его душою пламенною и неустрашимую, духом предприимчивым, сильным даром слова и необычайною увлекательностию, которая была разлита в его взоре и улыбке и смягчала суровость его взгляда. Но судьба – мачеха: она расточила свои дары человеку, родившемуся среди народа, образ мыслей которого должен был заставить его устремиться со всею пылкостью души на путь кровавых деяний.

Долго не выступал он из темной неизвестности. Но вот случай представил ему возможность отличиться и обратить на себя общее внимание.

Он остановился поздно вечером в одном черченейском ауле. Ужин состоял, как обыкновенно, из свежей баранины. За ужином стали рассматривать баранью лопатку, по выпуклостям и пятнам которой черкесы делают разные заключения о предстоящей судьбе; такие гадатели называются *блеххоапль*. Наш князь, несмотря на природный свой ум, был очень суеверен и считал себя понимающим многие признаки, по которым отгадывают, как думал он, тайны природы, непостижимые для обыкновенных людей: он взял баранью лопатку и, рассматривая ее со вниманием, сказал, что в наступающую ночь будет тревога. В самом деле, его предсказание сбылось.

Наступившая ночь была бурна, как и готовившееся под мрачною ее завесою событие, в котором наш герой должен был играть столь счастливую для него роль. Ветер страшно шумел в лесу; дождь лился; перекаты грома повторялись часто и молния сверкала, на мгновение рассекая густой мрак. Между тем, сильная партия абедзахских всадников напала на двор, расположенный отдельно от аула, у опушки леса.

Абедзахи разбили ворота и двери, ворвались в дом и, захватив добычу – женщину, девушку и мальчика, пустились в обратный путь. Два-три ружейных выстрела достаточны были для поднятия тревоги по соседству двора, сделавшегося жертвою набега. Дом нашего князя не слишком далеко отстоял от места происшествия; Аходягоко поспешил туда с двумя товарищами, которые, впрочем, скоро отстали от него, догнав неприятельскую партию и действовал при этом случае с такою решимостию и отвагою, что один он привел в ужас абедзахов и принудил их бросить на пути несчастных пленниц. Князь был вооружен луком и стрелами, которыми умел действовать с необычайною ловкостию. Одна его стрела пробила насквозь человека огромного роста, которого тело осталось на пути бегства абедзахов; другая убила наповал лошадь. Вообще, лук и стрела – страшное оружие, а в руках подобного наездника, каков был наш герой, при преследовании бегущего врага, оно несравненно лучше всякого огнестрельного оружия. В эту ночь победитель употребил и военную хитрость: умея говорить на всех наречиях черкесского языка, он кричал абедзахам на собственном их наречии, что они потеряют во мраке из виду друг друга, а чтобы этого не случилось, то не мешало бы им сомкнуться теснее. Принимая опасного врага за своего товарища, оробевшие абедзахи

послушались его, сдвинулись теснее, между тем как он пускал в густую толпу всадников смертоносные стрелы. Если бы это продолжалось долго, он истребил бы много людей, но между абедзахами находился один черченейский дворянин по имени *Биярках*, человек храбрый; он был личным врагом победителя: неотомщенная кровь его брата, убитого нашим князем, взывала к мщению. Узнав по голосу своего врага, Биярках вывел абедзахов из опасного для них заблуждения, заставил их защищаться, а сам вступил с ним в бой и убил его лошадь.

Поражение сильной партии одним наездником прославило победителя, – и с этого дня его имя прогремело повсюду: в самых отдаленных племенах рассказывали о подвиге нашего князя, описывали его изумительную силу и ловкость, необыкновенные качества его оружия, – одним словом, только и было разговоров, что о страшном наезднике Аходягоко. В эту счастливую для него ночь он застрелил лошадь под хатукайским князем, находившемся в разбитой партии, который после говорил победителю: «Не приведи я абедзахов, ты умер бы в безывестности, а теперь – с изумлением смотрят на твое оружие, о тебе только и говорят, а всем этим ты обязан мне; заплати мне за лошадь!..» Герой подарил ему прекрасного коня: остроумные шутки хатукайского князя доставляли величайшее наслаждение его самолюбию.

III БЖЕДУГСКИЙ ЗНАМЕНОСЕЦ. КОЕ-ЧТО ИЗ ПРАВОВ БЖЕДУГОВ. БЖЕДУГСКИЙ РАЗБОЙНИК ДОНЕКЕЙ

Мы говорили сейчас о черченейском дворянине *Бияркахе*, своею находчивостию спасшем от гибели разбитую партию абедзахов. Он подает нам повод сделать небольшое отступление и привести любопытные черты черкесских нравов. Воспользуемся этим случаем.

Этот храбрый дворянин происходил из фамилии, которой присвоена древними обычаями обязанность – носить на войне знамя своего племени²³¹. Эта фамилия замечательна еще и тем, что многие ее члены отличались отвагою и свирепым характером. Сам Биярках был необыкновенно раздражителен. Он застрелил жену свою за какое-то ничтожное противоречие, на которое она, по неосторожности, дерзнула, хотя знала бешеный нрав его; но потом, терзаемый угрызениями совести, он сделался унылым, диким, задумчивым и, наконец, зимою, кажется, 1819 года, погиб при следующих обстоятельствах. Враждебные горцы густою массою ворвались в пределы черноморских казаков; он был по обязанности в числе их, со знаменем в руках. Вся одежда на нем была как снег белая; панцирь, против своего обыкновения, он не надел в этот раз, из чего все догадывались об его цели – умереть, цели которой он и достиг²³². Действия горцев ограничились сожжением нескольких скирд сена и небольшою перестрелкою; но Биярках не хотел возвратиться на родину и бросился, с развевающимся в руках знаменем, в средину отряда казаков – и там его

закололи пиками. Таким образом, он кончил добровольно беспокойную свою жизнь: муллы своими проповедями убедили его, что такую смерть можно искупить все преступления. Черкесы, уважающие храбрость, как высочайшее достоинство человека, очень сожалели о нем. При этом упомяну об одном случае, характеризующем настроение черкесов. Когда его тело приволокли казаки к кордону, где находилось человек двести князей и дворян черкесских, приверженцев *Мугаммед-Гирея*²³³, то хищная сойка бросилась на тело и острым клювом вырвала один глаз; черкесы – очевидцы этого случая – поклялись не щадить этой кровожадной птицы – и в течение зимы несколько сотен соек пало, пронзенные пулями. Мы сами помним, какое впечатление производили на массу рассказы об этой мелочной подробности, как будто бы она была важнее потери храброго воина.

Брат этого знаменосца черченейского, *Ногойзий*, отличался еще более странным характером: какая-то непостижимая жажда сделаться чем-нибудь известным не давала ему покоя! Встретит ли, бывало, аробников, завязших в болоте, он бросится к ним на помощь; остановится ли обоз во время переправы чрез реку, на берегу которой он жил, он спешит к ним, – нередко переплывает реку даже в самое позднее время осени, когда поверхность ее была уже покрыта плавучими льдинами; встретит ли поблизости торговых людей, приглашает их к себе и делает им неожиданные подарки. И всякий раз, после таких услуг, он говаривал: «Знаете ли вы человека, который для вас трудился с таким усердием? Если нет, так знайте же, что меня зовут *Ногойзием*, и когда возвратитесь к себе, рассказывайте обо мне всем, кого ни встретите, – больше мне ничего не нужно!» Веселые, остроумные шутки, сопровождавшие его услуги, придавали им еще большую цену и предохраняли его от насмешек, которым хвастливые люди обыкновенно подвергаются. Однажды пришлось этому искателю случая прослыть чем-нибудь проезжать чрез обширный лес, в котором часто скрывался знаменитый разбойник *Донекей*, наводивший на всех ужас. Ногойзию советовали объехать окольную дороною этот страшный лес, но он, презирая такие меры предосторожности, поехал прямо чрез темную чащу, которую все избегали, и там, погарцевав на коне, произнес громко: «Донекей, если ты здесь, в лесу, и ищешь добычи со славою, то я, Ногойзий, к твоим услугам!» В самом деле, случилось, что предводитель отважной шайки находился в лесу; высланные им люди, услышав эту похвальбу, дали ему знать о наезднике и пересказали его слова. «Не трогайте его: он храбрый человек!» – сказал Донекей и, уважая отвагу наездника, пропустил его, а впоследствии изъявил желание познакомиться с ним лично. Щедрость и отвага – лучшее у черкесов средство приобрести известность, и Донекей, конечно, и прежде знал по слуху храброго дворянина.

IV

СТРАХ, ВНУШАЕМЫЙ ДОНЕКЕЕМ. СВИРЕПОСТЬ ЕГО ПРАВА. НАПАДЕНИЕ НА ТУРЕЦКОЕ СУДНО

При воспоминании об этом знаменитом разбойнике невольно оживает в моей памяти целый ряд ярких картин и отвлекает меня еще далее от главного лица, которому посвящен мой рассказ.

Однажды – это было очень давно – мы проезжали чрез тот же самый лес – *Тхатчех*, обширный и мрачный. Мы были на пути к бесленеевцам. Нас было человек тридцать. Впереди ехали старики, а за ними молодые всадники, шумною толпой. Прекрасный день, яркое весеннее солнце, тихий свежий ветерок, налитый ароматом цветов, вселяли радостное настроение и придавали всем необычайную бодрость. Приближаемся в лесу; умолкли песни, обыкновенно распеваемые черкесами и так приятно сокращающие путь. Старики приказали всем спрятать нагайки, вынуть ружья из чехлов и ехать тихо, молча, пока не выедем из леса. Я не понимал, что все это значило, но мне досадно было, когда взяли у меня нагайку, поставили подле меня двух всадников, приказали молчать, и все это было сделано со всею строгостью суровым стариком – моим дядькою²³⁴, который в это время казался самым несносным из всех дядек в мире. Да, я едва ли забуду его; и теперь, кажется, вижу нависшие его, хмурые брови, суровое, изборожденное глубокими морщинами лицо и слышу угрозы из молчаливых его уст, которые, казалось мне, размыкались для того только, чтобы делать мне строгие замечания и наставления, – одним словом, мой добрый *Хассан* был самый попечительный и оттого самый скучный дядька, но действительно *добрый*: я и теперь помню, как он плакал, когда я захворал на пути, и какую заботливостью окружал меня при переправах чрез быстрые и опасные горные потоки и шумные речки. Повторяю: досаден был мне строгий приказ доброго старика – молчать и ехать тихо; в это утро дали было мне проворную, а главное, послушную лошадь, и мне хотелось поскакать, порыскать: прежде у меня был такой упрямый конь, что я никак не мог справиться с ним: мне не было еще и двенадцати лет. Мы проехали безмолвно мрачный лес. После я узнал, что старики опасались нападения знаменитого Донекея и отважной его шайки, которая, по слухам, находилась тогда в окрестностях страшного леса, и потому распорядились так, чтобы проехать опасное это место без шума и в готовности сражаться, в случае нападения. По возвращении нашем домой, я рассказывал своим ровесникам все, что слышал у бесленеевцев о славном разбойнике, которого имя пользовалось громкою известностью между всеми адыге. Наше детское воображение увлекалось этим именем!.. Победителей в наших детских играх – в борьбе и метании камней обыкновенно называли *Донекеем*.

Донекей происходил из горного шапсугского клана *Дзжи*. Как простолудин (тльфекотль), своею известностью он нимало не обязан своим предкам. С юных лет Донекей отличался расторопностью, дерзкою отвагою и смелою предприимчивостию. Человеческая жизнь и кровь были ему нипочем: главная, если и не единственная цель, к которой он стремился с такою отчаянною отвагою, была – *слава*, как ее понимают черкесы. Его имя наводило страх на путников, которым приходилось проезжать чрез те места,

где он временно располагался со своей шайкою. У нас в ауле жил добрый старик, родом грек, который лично был знаком с Донекеем. Производя небольшую торговлю в горах, этот старик проезжал однажды в сопровождении горца, под покровительством которого он состоял, ущельем, покрытым густым лесом. Вдруг они видят толпу вооруженных длинными винтовками людей, отдохавших под тенью широко раскинувшихся вековых дубов. Путники наши догадались, что это за люди, и покровитель грека подъехал к ним один. Возвратясь, он объявил своему товарищу, что это Донекей отдыхает на возвратном пути из набега. Грек содрогнулся от ужаса, но успокоенный своим спутником и желая приобрести покровительство столь страшного в горах человека, он поднес ему двенадцать свертков серебра, из которого черкешенки с большим искусством ткнут галуны. Донекей милостиво принял подарки и обещал греку свое покровительство. «Не слишком, однакож, полагайся на мою дружбу – я и старым друзьям иногда не даю пощады. Так, по крайней мере, говорят...» – промолвил с улыбкою знаменитый разбойник – искатель славы. Он был, по словам грека, роста небольшого, но хорошо сложенный; казался сильным и ловким, со свирепым выражением лица. Приведем здесь один страшный случай, вполне выражающий зверский характер Донекея и его сподвижников.

Небольшое турецкое купеческое судно бросило якорь у берегов шапсугских. Накануне свирепствовавшая буря лишила его одной мачты. Турки поспешно занялись починкою своего корабля. Незнакомый берег их страшил, и они хотели, как можно скорее, от него удалиться и плыть к Геленджикскому заливу, где намерены были пристать для меновой торговли, под защиту своих туземных друзей-покровителей²³⁵. Донекей жил недалеко от места, где турки занимались починкою корабля, и ему немедленно дали знать о богатой добыче, которую буря, не раз уже доставлявшая ему свою дань, пригнала к берегу. Донекей, как морской пират, держал при устьях речек довольно большие лодки²³⁶; следовательно, ему не долго было готовиться. Со своими сподвижниками, людьми отчаянными и готовыми на все, знаменитый разбойник явился к берегу. В полночь спустили на воду три лодки, в которые поместилось человек по пятнадцати вооруженных, и на рассвете атаковали купеческое судно. Турки защищались с упорством, которым они так отличаются в оборонах. Пять или шесть человек горцев пали, сраженные пулями и кинжалами, и едва ли не половина остальных была переранена, в том числе и сам их предводитель. Но, тем не менее, пираты одолели турок. Донекей взобрался на палубу первый. Богатая добыча – шелковые и бумажные ткани достались в руки победителей. К полудню, когда добыча не была еще разделена между ними, старшины окрестных жителей собрались к ним, и тут завязался жаркий спор об участи пленных турок. Старшины утверждали, что эти пленные рано или поздно, переходя из рук в руки, возвратятся в Турцию, и тогда правительство, узнав об участи, постигшей его подданных, пришлет флот и войско отомстить за них; или, по меньшей мере, по праву возмездия, захватит шапсугов, посещающих Трапезунт и Константинополь по торговым делам; или, наконец, – вовсе

прекратит с ними торговлю. Судили, рядили и, наконец, они порешили не брать пленных, чтобы некому было жаловаться – и несчастные пленники, числом семь, погибли под ударами гнусных убийц!.. Очевидец этого происшествия, который жил впоследствии также у нас в ауле, рассказывал, что, когда происходили эти споры и убийства, Донекей, одетый и вооруженный, несмотря на свои раны, лежал на одной бурке, а другую держали над ним для предохранения его от солнечного зноя, между тем как вокруг него стояли его приверженцы в полном вооружении: у него было много врагов, и потому боялись, чтобы в него не выстрелили во время спора.

V

БЖЕДУГСКИЕ СОСЛОВИЯ. СУДЕБНОЕ УСТРОЙСТВО, УПРАВЛЕНИЕ ПЛЕМЕНЕМ. СЪЕЗДЫ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Многие черты характера Аходягоко служат только выражением вековых нравов его соотечественников, и потому они очень любопытны; вот почему я главу эту посвящаю исключительно особенностям бжедугского племени.

С незапамятных времен князья и дворяне в бжедугском племени составляли господствующее сословие. Князья пользовались одинаковыми правами и властью, за исключением преимуществ, предоставленных коренными обычаями в пользу старших летам в роде. Дворяне, напротив того, разделялись на две степени, с различными правами. *Первостепенных*, или *больших* (оркишхо), в обоих коленах: хамышейском и черченейском было только по две фамилии. Это были княжеские вассалы со столь значительными правами, что они ограничивали власть самих князей. Замечательно, что в большей части черкесских племен существовали две только фамилии дворян этой степени, что дает нам повод думать, что князья чувствовали стеснение своей власти от преимуществ этого сословия и потому не желали его увеличения, хотя, по-видимому, гордились иметь у себя вассалов, равных с ними прав. *Второстепенных* дворян было много и делились они на два разряда, с маловажными различиями в преимуществах. Это, можно сказать, посредники между князьями и первостепенными. Один из разрядов носил название – *княжеская охрана* (пшьчеу); этот разряд мы назвали бы третьестепенным, если бы решились давать каждому предмету особенную нумерацию²³⁷. Еще были дворяне, которых мы назовем здесь, для ясности, *беспоместными* или *безаульными*. Они жили в аулах других, под непосредственною властью князей и дворян первостепенных, на известных условиях зависимости; впоследствии число этого разряда дворян умножилось вновь принятыми из других племен и возведенными в это сословие.

По коренным обычаям и по образу мыслей народа, князья были обязаны предохранять подвластное им колено от чужеплеменного насилия и внутреннего беспорядка; в противном случае, их подвластные уходили к

другим племенам или другим образом искали себе защиты. Во избежание этого, князья, владельцы аулов – одним словом, господствующее сословие – доставляло удовлетворение пострадавшим, и это была единственная нить, связывающая общество, удерживающая и самобытность колена. Тем не менее, многосложность и неопределенность феодальных *прав* князей, как, например: захват скота, даже людей, под предлогом домашних надобностей, для удовлетворения которых древние обычаи дают им право прибегать к подобного рода насильственным займам²³⁸; взыскание штрафов (швоах) за малейшее, иногда и мнимое, оскорбление княжеского достоинства и другие прерогативы были источниками непрерывных волнений, беспорядков, междоусобных распрей, нередко сопровождавшихся кровопролитием, для прекращения которого частые общие *съезды* (зефеси) делались необходимыми. Все это, сверх бедствий неурожая, подвергало бедный народ большому разорению: за постой и продовольствие обыкновенно ничего не платили.

При этом нельзя не упомянуть об *обязанностях* некоторых дворянских фамилий, которые были наследственные, из рода в род переходящие, например: *носить на войне знамя, возвещать распоряжения съездов народу* (хгоу), *наблюдать во время больших пиров за порядком* и т. п. Заметим, однакож, что первостепенные дворяне не имели подобных обязанностей, которые они почли бы унижительными для себя. Князья имели еще и привилегированных слуг (биеколь); это сподручники князей, грабившие во имя их несчастный народ.

Еще более любопытны и достойны особенного внимания подробности внутреннего управления и внешних сношений племени.

Из среды дворян избирали несколько почетнейших лиц, которые производили суд и расправу; после избрания их обыкновенно приводили к присяге – и они должны были произносить приговоры по крайнему разумению, не увлекаясь ни приязнью, ни злобою, ни корыстолюбием и страхом, но по *внушению Бога* и по *справедливости*. Постоянных присутственных мест не было, а сзывали судей туда, где их присутствие было необходимо. Старшие в роде князья, пользуясь и другими преимуществами, были и главными лицами управления: они вместе со старшинами дворянскими делали общественные распоряжения, о которых глашатаи возвещали народу. Эти распоряжения касались, например, запрещения вывоза хлеба за пределы племени в случае опасения голода или сообщения с зараженными чумою местностями; наряда караулов и всеобщего вооружения жителей и т. п. Приведение в исполнение приговоров ограничивалось единственным средством, бывшим в руках старшин, но очень хорошо соответствовавшим нравам народа, – наложением более или менее тяжкого штрафа (ккоди) на ослушников. Весь штраф предоставлялся в пользу тех, которые, по назначению старшин, должны были его взыскать. Последнее обстоятельство побуждало исполнителей общественных приговоров сильнее обязательств присяги – исполнять данное им поручение, не разбирая ни лица, ни звания подвергшихся штрафование. Два времени

года, весна и начало зимы, обыкновенно избирались *для съездов*, на которых рассуждали о делах племени или колена, внутренних и внешних, доставляли удовлетворение обиженным, мирили враждующих, вели переговоры с соседями, заключали мир, объявляли войну и проч. Вот основной порядок управления племенем, который и применялся к управлению аулом.

Мы говорили, что в тяжёбных и спорных делах присяжные судьи произносили приговоры и решали дело; но должно прибавить, что, вместо присяжных судей, можно было тяжущимся сторонам приглашать своих приверженцев, по равному числу, и этим дозволением, большею частию, все пользовались. Выслушав словесные объяснения тяжущихся – сперва жалобы, а потом возражения, – судьи удаляли спорящие стороны и, по обсуждению дела, объявляли свой приговор, взяв предварительно с тяжущихся клятвенное обещание, которое иногда заменялось поручителями, – исполнить их приговор. У бжедугов не было писаных законов, но некоторые обыкновения или правила в судопроизводстве получили с незапамятных времен характер узаконений. Так, например, *подозреваемый* даже и в важном преступлении, может быть оправдан, если он даст очистительную присягу, т. е. присягнет в невинности своей, и два человека *честных правил*, указанные его обвинителями, но которые отнюдь не должны были быть явными недоброжелателями обвиняемого, подтвердят клятвою его слова. Эти правила судопроизводства сделались до такой степени ясными и удобопонятными, что всякий, сколько-нибудь сведущий в народных обычаях, мог предугадать приговор судей раньше его произнесения. Соображаясь с такими правилами, временем освященными, и руководствуясь внушением совести, судьям легко было решать дела, даже самые запутанные.

Мы уже говорили о разделении дворянства на степени; к этому должны прибавить несколько слов о делении низшего сословия на классы.

Самый многочисленный класс народа в бжедугском племени составляют, как и в других племенах черкесского народа, так называемые *тльфекотлы*, которых мы для большей ясности называем в наших статьях *вольными земледельцами*. И самый богатый владелец аула имеет не более пяти или шести семей крестьян, между тем как его аул состоит иногда из ста и более дворов *вольных земледельцев*; следовательно, они и составляют почти всю массу населения. Прежде бжедугские *вольные земледельцы* платили известную подать натурою своим владельцам, но, тем не менее, они пользовались большею свободою, чем другие крестьяне и несли менее обязанностей. Условия их зависимости от владельцев заключались в следующем. При разделении имения между братьями *тльфекотль* обязан был дать своему владельцу столько волов, сколько дворов или дымов составилось из одного семейства; при выдаче замуж дочерей – пару волов; после уборки хлеба – восемь или более мерок проса; когда владелец весной выжигал пастбище (пускал пал), ему давали по ягненку от каждого семейства, занимающегося овцеводством. Владелец взыскивал с них штраф или *швах* (собственно, значит *ошибка*) за разные случаи, – например, если вольный земледелец на охоте добыл оленя и не принес владельцу известную

часть мяса (бго) и проч. Замечательно, что, если не вся, то большая часть платы вольных земледельцев владельцу предназначалась в пользу старшего летами во владельческом семействе или роде.

Из этого видно, что и *тльфекотлы* были не что иное, как крестьяне, которые несли некоторые обязанности. Собственно же *крепостные* (пшьтлы) делились на разряды. Так, одни из них, имея и собственное свое хозяйство, работали для себя и на господ своих; другие работали только, по мере возможности, на владельца и кормились на его счет. Первые назывались *рабочими* (ог), вторые – *дворовыми* (внутренними – дехефстейт). Крестьяне пользовались правом собственности: данные им при их водворении *права* (хабзе), скрепленные посредством поручительства посторонних лиц (кодог), предохраняли безопасность их жизни, свободы и собственности от произвола владельца; в случае несогласия между господином и крестьянами поручитель становился посредником и прекращал несогласие; удерживал владельца от тиранства, а крестьянина принуждал к должной покорности. Вообще, *посредничество* и *ручательство* были обычаями, регулирующими многие общественные отношения.

Во всех случаях, требующих мер наказания, налагались штрафы: о телесном наказании не имели и понятия.

Все эти подробности племенной или аульной администрации, обычного права, отношений между сословиями народа, с некоторыми гарантиями, предохраняющими не только преимущества высших сословий, но и обеспечивающих низший класс от произвола первых, носят[§] следы более совершенных и унаследованных от предков культурных задатков, из чего нельзя не вывести заключения, что черкесские племена стояли прежде на более высокой ступени цивилизации, но потом, с течением времени, одичали, сохранив только в общих чертах свои общественные устои.

VI

ИЗМЕНЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЫЧАЕВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРИНЯТИЯ МАГОМЕТАНСТВА. ОТНОШЕНИЕ НИЗОВЫХ ЧЕРКЕСОВ К ПАДИШАХУ

Бжедуги были в глубокой древности язычниками. Распространившееся впоследствии христианское исповедание, которого следы видны и поныне в их языке и обычаях, было посеяно слабою рукою. Магометанская религия, не очень давно принятая ими, легко вытеснила языческие предания и слабые зачатки христианских идей, насажденных греческой церковью. Новое исповедание, однако, долго не имело никакого влияния на народные и общественные их дела. Таким образом, бжедуги, как и все низовые черкесы, по вере магометане, оставались во всем язычниками, т. е. придерживались

[§] Не следует забывать, что все сказанное относится ко времени, когда писалась статья Хан-Гирея, – к сороковым годам настоящего столетия, задолго до выселения черкесов (Прим. ред. СМОМПК).

унаследованных от предков обычаев. Однако, торговые и другие сношения с Турцией постепенно развили дух исламизма до того, что магометанские гражданские законы начали проникать и в общественную жизнь. Духовные лица из туземных уроженцев наиболее тому способствовали: разбирательство частных и общественных дел на основании магометанского шариата доставляло им и влияние, и вещественные выгоды. Несмотря на это, однакож, в низовых племенах (тчах) из ста дел едва ли и пять решались духовным судом: так мало низовые черкесы были расположены отступать от вековых своих обычаев. Что же касается до политического влияния Турции, то оно было ничтожно: одни духовные идеи были причиною того, что черкесы вообще, как единоверцы с турками, признавали главенство *наместника Пророка*; но это было только *на словах*, а *на самом деле* они не оказывали его власти ни малейшей покорности. Впрочем, религиозное чувство и торговые связи могли бы, естественным образом, послужить более деятельному правительству сильным орудием для распространения и утверждения своей власти над закубанскими черкесами, но турецкое правительство, давно уже потерявшее свое могущественное положение среди других европейских держав, разлагающееся внутри и унижаемое извне, не могло извлечь для себя никакой пользы из добровольного признания черкесами его гегемонии, хотя оно хорошо знало всю важность для Турции этого прекрасного края и не раз обращало сюда свои жадные взоры. В таком положении были сношения Турции с низовыми черкесами до начала преобразования Турецкой империи Махмудом II, которого, может быть, история назовет Великим, как начинателя великого дела просвещения страны, богато наделенной от природы, но страдавшей под игом невежества.

Этих несколько слов нужно было для разъяснения положения, в котором очутился наш герой пред лицом событий, разыгрывавшихся среди бжедугов.

VII
ДЕЯТЕЛЬНЫЙ ТУРЕЦКИЙ ПАША В АНАПЕ.
ЕГО НЕУДАЧА СРЕДИ ШАПСУГОВ.
ПАША ВЫХОДИТ В ОТСТАВКУ.
ХАРАКТЕРИСТИКА ХАСАН-ПАШИ.
ЕГО ОТНОШЕНИЯ К АХОДЯГОКО. ПОДАРКИ СУЛТАНА

Около 1826 года константинопольский Диван, под влиянием политического пробуждения прислал в Анапу важного сановника: трехбунчучного пашу, в звании сераскира. Предоставив неограниченную почти власть этому сановнику, правительство поручило ему исполнение обширных предначертаний, но не предоставило в его распоряжение достаточных средств для достижения цели. Правда, анапский гарнизон был усилен набранным в Анатолии ополчением, назначен и другой комендант на место корыстолюбивого и неспособного Сеид-Ахмета; но эти распоряжения не придавали сераскиру существенной силы, и ему оставалось решить трудную задачу – ничтожными средствами преодолевать громадные

трудности. Счастливый выбор Дивана, как оказалось впоследствии, заменял хотя отчасти недостаток материальных средств, находившихся в распоряжении турецкого правительства, озабоченного к тому еще предстоявшею войною с Россиею.

И на самом деле, анапский паша, действуя с удивительным искусством, сумел могуществу Турции, в этом крае только воображаемому, придать более осязательные формы.

Первыми признали авторитет анапских пашей довольно многочисленные в этом крае ногайцы и те закубанские черкесы, которые сохранили неприкосновенным свое феодальное устройство. Это признание заключалось в том, что они покорились паше фактически: *единодушно присягнули на будущее время руководствоваться во всех делах своих, общественных и частных, – алкораном, оставив навсегда древние юридические обычаи*. Конечно, это было только начало, но с задатком на дальнейший успех. Затем паша потребовал исподволь, чтобы черкесы приняли духовных судей (кадиев) для производства суда, на что они согласились; далее, он установил, на основании алкорана, отдавать в пользу казны десятую часть собираемого с полей хлеба; наименовал старших князей *валиями*²³⁹ и поручил им верховную власть; в более отдаленные племена послал каймакама (правильнее, кайму-мекам), т. е. своего наместника, и взял аманатов. Впрочем, аманатов и присягу на подданство Турции сераскир почитал делом второстепенной важности, выходя из той точки зрения, что подданство должно основываться на более прочных связях, каковыми полагал безусловное повиновение *шариату* и исполнение всего, что религия магометанская требует от правоверного; а это значило, другими словами, – полное повиновение власти наместника пророка, Махмуда II-го. Этими результатами, достигнутыми сераскиром в короткий срок – в продолжение года приблизительно, Турция обязана, разумеется, влиянию религиозных идей, окрепших к этому времени среди черкесов.

Следует, однако, заметить, что пока сераскир имел дело с черкесами, которые сохранили феодальное устройство и, поэтому, были более расположенными к признанию власти Стамбула, или с натухайцами (натхокоадь), издавна привычными к торговым сношениям с Турциею, хотя и не имеющими дворянства, то все улаживалось довольно быстро, ограничиваясь только небольшими смутами; но когда дело коснулось до шапсугов, то тут вполне обнаружилась невозможность преодолеть непокорный дух этого воинственного народа. Сераскир, окруженный приверженцами-черкесами и почетною стражею из турецкого гарнизона, шел из Анапы на восток, приводил к присяге окрестных жителей и уговаривал их жить по шариату. Но как только вступил он в пределы шапсугов, народ с оружием в руках преградил ему дальнейший путь. После тщетных переговоров сераскир принужден был возвратиться в Анапу. Оскорбленный и раздраженный, он тогда потребовал от своего правительства сорок тысяч войска для примерного наказания непокорных и дерзких шапсугов, но Диван отказал ему в этом. Тогда сераскир, как человек с характером, не хотел

оставаться долее начальником страны, где не имел возможности достигнуть цели своего назначения, и просил дозволения возвратиться в Турцию, – ему дозволили, и он уехал в Трапезунт, где скоро и умер.

Все черкесы, знавшие сераскира лично и по слухам, с восторгом говорят об его достоинствах. Хаджи-Хасан-паша Трапезунтский (Терпезан-ли, или из Трапезунта), был уже стар, но бремя шестидесяти лет, по-видимому, его не тяготило: живой, ловкий и проворный, он был неутомим, что удивляло до крайности черкесов, привыкших видеть турецких сановников всегда погруженных в лень и беспечность; он был роста небольшого и крепкого сложения; обходился с черкесами чрезвычайно ласково, но умел в то же время внушать им к себе такое почтение, какого они не оказывали никогда его предшественникам; турки – чиновники, солдаты, купцы и вообще все жители Анапы – боялись его как самого строгого сановника, который требовал от них безусловной покорности и за малейшее ослушание жестоко наказывал. Но из всех об нем сведений, сообщенных мне лично его знавшими людьми, всего любопытнее то, что он старался узнавать малейшие подробности о крае, для управления или, вернее сказать, покорения которого был прислан; он расспрашивал о местных обычаях и, как это ни странно, о древних песнях и преданиях, которые, по его словам, и весьма основательным, должны иметь сильное влияние на дух воинственного народа, лишенного писаной истории. По всей вероятности, воспоминания о своем происхождении внушали ему это любопытство: прозвание *Чечен-оглы* показывало, что его отец или дед был из Кавказских гор. По крайней мере, он сказал однажды, что на его доброжелательство к черкесам *турки* будут смотреть *не без подозрений*. Кроме того, он, как хороший администратор, наводил справки о том, каких сортов хлеб произрастает на землях различных племен, употребляется ли там удобрение или нет; расспрашивал о размерах скотоводства, о путях сообщения и, наконец, о сельской промышленности. Признаюсь, слушая рассказы людей, по-видимому, хорошо его знавших и сообщивших мне эти подробности, я не совсем верил им и думал, что они многое слишком преувеличивают. Да и вообще, по многим обстоятельствам кратковременного его пребывания в Анапе, ясно видно, что этот прозорливый сановник, с самого начала своего назначения на нашу окраину, старался не впасть в заблуждения своих предшественников, которые – Бог их накажи! как говаривал *Бесльний*[§], – в невежестве своем предполагали большие реки там, где протекают едва заметные ручейки, и города в местах, где сгруппировано было несколько хижин, или кочующие племена там, где о кочевой жизни и понятия не имеют и рассказы о ней принимаются за диковинные вымыслы досужих людей. Никто из окружающих его лиц не имел заметного влияния на мнения паши и его действия: он был человек самостоятельный, качество чрезвычайно важное в начальнике края, где второстепенные лица более или менее доступны искушению подкупа и

[§] *Бесльний-Абат* – один из выдающихся шапсугских главарей, жизнеописание которого напечатано Хан-Гиреем в фельетоне «Кавказа» за 1847 год (Прим. ред. СМОМПК).

мелких интриг. Следующий случай отчасти служит тому доказательством.

Ногайский *каймакам* написал сераскиру, что два человека из князей этого народа, пользуясь среди своих значительным влиянием, препятствуют распространению власти правительства; поэтому он находит необходимым их удавить или повесить, для чего и советовал пригласить их под благовидным предлогом в Анапу. Паша, прочитав донесение своего наместника, с гневом сказал: «Что́ за грязь есть этот каймакам!», и бросил на пол изорванное в куски донесение. Тем не менее, он стал расспрашивать исподволь о разных подробностях, касающихся закубанских ногайцев и их князей, и узнал, что оба князя, о казни которых ходатайствовал человеколюбивый каймакам, люди, достойные уважения во многих отношениях и полезны для правительства; впоследствии открылось, что ненависть каймакама была возбуждена одним из них – *отказом подарить ему борзую собаку*, а преступление другого было и того меньше. А будь на месте *Хаджи-Хасана* глупый сановник, игрушка подчиненных, – и два человека, преданные своему правительству и могущие быть ему полезными, погибли бы позорною казнью!

Сераскир, по прибытии своем в Анапу, разослал по всем племенам объявление о своем назначении главнокомандующим над ними и приглашал к себе князей, дворян, духовенство и старшин народных для совещания и приведения в исполнение воли *наместника Пророка* – утвердить в их стране порядок и силу религии, чтобы народ благоденствовал *здесь* и обрел бы и *там* спасение. По первому его призыву начали стекаться в Анапу князья и дворяне толпами; один только человек не являлся долго – это был наш князь. Между тем как он медлил, его завистники, находившиеся уже в Анапе, изображали его пред сераскиром самыми черными красками; говорили, между прочим, что он, предавшись всею душою русским и участвуя в их экспедициях против шапсугов и абедзахов, проливал кровь мусульман. Паша сначала было поверил им и обещал прекратить зло, причиняемое опасным этим человеком, даже истребить его самого, если это окажется необходимым, но когда увидел, что *правоверные* князья слишком уж интересуются судьбой их соотечественника-*отступника*, сказал: «Надобно этого человека узнать покороче: об нем что-то много говорят!..»

Наконец, явился в Анапу и наш герой. «Как я слышал, князь, ты усердно служишь *неверным*: из преданности к ним проливаешь кровь *мусульман!*» – сказал ему сераскир резким голосом, сверкая своими гневными глазами; но тот, к кому относились его слова, не испугавшись угроз, сказал: «Да! я служу русским потому, что они покровительствуют мне; сражаюсь с врагами русских, для них убиваю и мусульман, не щажу и себя – я дал слово все это делать и не перестану делать, пока останусь под их покровительством; то же самое буду делать и для *надишаха*, если ты призовешь меня на его службу; но не хочу обманывать: если мне не будешь оказывать приличествующего мне уважения, если не будешь меня ценить, как этого я заслуживаю, то не буду ни служить, ни повиноваться; ни для кого не намерен я унижать себя; не стану ни за что наравне с теми, которые уступают мне в достоинствах!..» –

отвечал гордый наш герой, и при последних словах сердито взглянул на князей, своих завистников, стоявших тут молча, в смущении. Смелый его ответ понравился сераскиру, и с этого дня храбрый и красноречивый князь сделался предметом его особенного уважения. Паша отправил его в Константинополь, со своим представлением о необходимости присылки войск. Однако, его поездка уже не могла иметь никакого успеха: Диван уже давно решил судьбу достойного лучшей участи сановника. Впрочем, посол был принят с особенными знаками милости: ему дали чин полковника вновь учрежденного регулярного войска и форменную одежду нового образца от имени Махмуда II, которому два раза он представлялся; показывали ему все достопримечательности столицы; осыпали его богатыми подарками и отпустили, уверив в особенно милостивом расположении падишаха к черкесским племенам. Слава есть кумир, которому люди везде поклоняются; но ложное о ней понятие большею частью делает их смешными рабами тщеславия; наш герой был до крайности тщеславен, и потому легко себе представить, до какой степени льстили его самолюбию оказанные ему в Константинополе милости и внимание, о которых, по возвращении своем, он с гордостью рассказывал, преувеличивая их до невероятной степени, как мы позволяем себе думать, судя по следующему его поступку.

В Анапе он нагрузил две арбы большими сундуками и ящиками, в которых он будто вез подарки султана. Однако, эти сундуки и ящики были большею частью пустые, и все это можно было поместить в одной арбе, с тою только разницею, что тогда не так громко говорили бы *о бесчисленном множестве драгоценностей, подаренных ему из казнохранилища султана.*

Как ни был он доволен милостями и вниманием царьградских министров, однако неблаговоление Дивана к Хасан-паше, которому он был предан всею душою, сильно его опечалило. Князь возвратился из Константинополя в Анапу накануне отъезда паши, и при отъезде сераскира, провожая его до пристани, сказал ему при всей массе старейших князей, тут же находившихся: «Ты подложил под нами костер, зажег его – а сам уезжаешь!» Паша, со слезами на глазах обнимая своего приверженца, отвечал: «Жаль мне расставаться с друзьями, но благодарю Бога, что уезжаю: без сил, без пособий, что бы я сделал с непокорным вашим народом? На старости лет я посрамил бы себя, если бы остался здесь долее, в неблагоприятной стране идолопоклонников!..» Намек сурового приверженца паши на зажженный костер не был пустым упреком: он основывался на страшной правде, которая требовала кровопролития для своего погашения, как мы сейчас увидим.

VIII

ШАРИАТ ОКАЗЫВАЕТ ВЛИЯНИЕ НА ОТНОШЕНИЯ СОСЛОВИЙ МЕЖДУ СОБОЮ.

ВОЗМУЩЕНИЕ БЖЕДУГСКОГО ПРОСТОНАРОДЬЯ. СЛУЧАЙ С ХАМЫШЕЙСКИМ КНЯЗЕМ.

ПАДЕНИЕ КНЯЖЕСКОГО АВТОРИТЕТА. АХОДЯГОКО БЕРЕТ НА СЕБЯ ЗАЩИТУ ДЕЛА ДВОРЯНСТВА

Мы уже сказали, что Хасан-паша обязан своими успехами религиозным идеям магометанства, проповедуя которые он требовал, чтобы черкесы исключительно руководствовались при разбирательствах частных дел и при общественных распоряжениях *шариатом*. О шариате, или *духовном суде*, мы будем говорить далее, а здесь заметим, что один пункт этого суда, или магометанского гражданского законодательства, возжег пламя раздора между дворянством и народом в бжедугском племени: это пункт о разделении жителей на классы, касающийся отчасти прав, присвоенных различным классам. Слово *ххур*, означающее человека свободного состояния, не имеющего над собою владельца, вскружило голову бжедугским *тльфекотлам*, т. е. классу людей, которых мы называли *вольными земледельцами*. По наущению или влиянию духовных, принадлежащих по происхождению к этому сословию, они признали себя «ххурами» и совершенно отвергли всякую власть дворянства, ссылаясь на то, что все классы без изъятия присягнули сераскиру руководствоваться *шариатом*, а так как шариат признает их ххурами, то они, как свободные люди-магометане, признают над собой только власть наместника Пророка и будут повиноваться лишь начальникам, от него поставляемым. Одни говорят, что сераскир сам старался возбудить раздор, чтобы извлечь из него выгоды для своих обширных предположений, а другие думают, что паша вовсе не желал этого мятежа, который, естественным образом, возгорелся от проповедуемых им правил шариата. Если хорошенько сообразить последствия, которые могли произойти от такого события, то первое предположение нам покажется более основательным. Как бы то ни было, но этот сановник не имел уже времени воспользоваться плодами посеянной им смуты.

Возмутившееся простонародье решилось подражать дворянству, соединясь тесно – и все присягнули: уважать старших членов своего сословия и повиноваться их определениям для общего блага. Мятежные старшины учредили *съезды*, на которых рассуждали об общественных делах; положили – не повиноваться более дворянству, даже не оказывать отдельным лицам из его среды каких бы то ни было приятельских услуг и, наконец, постановили, что всякий простолюдин (тльфекотль), убивший князя или дворянина, *потеряет только свой заряд*: народ общею силою будет отвечать за него, даже платить за кровь (тлевас), если бы и пришлось платить. Это еще теснее соединило народ и подорвало значение дворянства. В таком положении дел князья и дворяне присмирели – жили молча и, покорясь необходимости и нередко угождая бывшим своим полурабам, безмолвно смотрели на народные съезды, где народные старшины пользовались уважением и, в некоторых случаях, даже властью, принадлежавшими прежде исключительно одному дворянству. Кстати, расскажу об одном случае, доказывающем, до какой степени пал авторитет

князей и дворян.

Хамышейский князь Магомет, человек храбрый и решительный, но недейтельный, по наущению старого Алкаса, известного читателям наших статей^{A240}, захватил мальчика из одного хамышейского аула в виде наказания за какое-то ослушание. Это возмутило народ, и человек пятьсот всадников обступило аул князя, требуя немедленной выдачи захваченного мальчика. Удивительно, что народ при этом показал умеренность, вступив в переговоры, следствием которых была немедленная выдача пленного. Жители княжеского аула доставляли в стан возмущившихся крестьян провизию и угощали их предводителей: одни и те же выгоды, одна цель соединяла их; все это заглушало не совсем еще потухшую привязанность в сердцах аула к своему князю.

Одним словом, казалось, что права и власть дворянства в бжедугском – хамышейском и черченейском коленах – погибли безвозвратно. В столь затруднительных обстоятельствах наш герой решился, во что бы то ни стало, потушить волнение народа, смирить его предводителей. Его действия носят печать отваги и хитрости. Во время волнения некоторые дворяне смирением и потворством народу уживались еще кое-как в своих аулах, между тем как другие были изгнаны и искали убежища в других местах. Наш князь вошел в сношения с теми из первых, которые могли сколько-нибудь помочь ему своим нравственным влиянием; последние же и без того были готовы повиноваться ему, как человеку, на которого возлагали все свои надежды.

IX

АХОДЯГОКО ИЩЕТ ПОДДЕРЖКИ У АБЕДЗАХОВ И ЯВЛЯЕТСЯ ЛИЧНО НА НАРОДНЫЙ ИХ СЪЕЗД. УСЛОВИЯ АБЕДЗАХОВ.

ШАРИАТ ИСТОЛКОВЫВАЕТСЯ НА ПОЛЬЗУ ДВОРЯНСТВА. АХОДЯГОКО НАПАДАЕТ НА ВОЗМУТИВШИХСЯ КРЕСТЬЯН И ОБЕСПЕЧИВАЕТ СЕБЕ СОДЕЙСТВИЕ КАЗАКОВ

Желая найти поддержку у соседей и отрезать, вместе с тем, ресурсы мятежников, Аходягоко удалился со своими приверженцами к абедзахам. С его стороны это было смело: в абедзахском племени, как и в шапсугском, состоящем из кланов, народ не признает власти над собою высшего сословия, по крайней мере, не почитает его прав ненарушимыми; кроме того, многие абедзахские кланы, которых члены были убиты или ограблены нашим князем, пылали к нему чувством мести; следовательно, он предался некоторым образом в руки своих врагов. Впрочем, он имел среди абедзахов, как и во всех племенах, друзей влиятельных в своем кругу; к тому же, это было, как увидим далее, единственным средством лишить мятежных бжедугов помощи со стороны абедзахов, с которыми они состояли в родственных связях и которые, по духу независимости, могли сильно

---

^A Князь Алкас был известен своей хитростью и вероломством (Прим. автора).

содействовать народу, стремящемуся к сословной равноправности.

С помощью своих друзей он успел устроить дела так, что абедзахи созвали *съезд* (зефеси), куда явился и сам наш смелый князь.

«Абедзахи! – сказал он собранию. – Я принес к вам свою *голову, шапку* и *душу* и прошу у вас покровительства (он снял при этих словах шапку и потом снова надел)²⁴¹. Издревле подвластный мне и моим братьям-князьям народ не повинуется уже более нам! Он надеется на вашу помощь, обманывая вас, будто бы он равен вам – свободному народу. Вы – народ, с которым мы издавна ведем и дружбу и связи, а они – рабы наши! Но я не прошу у вас помощи истребить их, а только доставить мне Божий (шариат) или человеческий суд и по приговору законов удовлетворение – возратить нам права и власть наших отцов. Они отступники от веры: не хотят судиться шариатом (кто отказывается от суда шариата, тот не признается мусульманином), и потому, помогая им, вы помогаете *неверным* (гяурам); покровительствуя же мне, защищаете мусульманина и дело правое. Вот просьба, с которой я прибегнул к вашему покровительству. Теперь выслушайте меня: я хочу говорить о делах, лично до меня касающихся. Абедзахи! между вами у меня много врагов, которые имеют право на мою кровь, на мою жизнь: я убил родственников одних, разграбил достояние других; теперь предстою пред ними и готов удовлетворить их по законам человеческим, готов подвергнуться и приговору Божьей книги (алкорана); я на все готов – делайте, что вы считаете более приличным для себя и что Бог вам внушит!..» При последних словах он снова снял с себя шапку.

Собрание безмолвствовало. Наконец, один из народных старшин сказал, что абедзахи слышали слова князя и, подумав хорошенько и посоветовавшись между собою, дадут ответ. Князь остался со своими приверженцами, а старшины абедзахские отошли на некоторое расстояние и долго рассуждали, принять ли его под свое покровительство или поддержать восставших бжедугов. Большинство абедзахского народа скорее одобрило бы мнение поддержать мятежный народ бжедугский: оно более согласовалось с непокорным духом абедзахов и образом их мыслей; но более влиятельные старшины на съезде, увлеченные красноречием князя, благоприятствовали его желаниям; кроме того, духовенство было на его стороне. Наконец, *съезд* абедзахских старшин объявил князю свое решение, состоявшее в следующем: абедзахский народ принимает его под свое покровительство; обещает употребить все меры посредничества, чтобы доставить ему суд и разбирательство по шариату с бжедугским народом; если же возмутившийся бжедугский народ отвергнет приговор шариата или вовсе не согласится судиться им, то он будет признаваем отступником от религии и тогда каждому абедзаху предоставляется свобода следовать за знаменем князя – гостя абедзахского народа²⁴², чтобы наказать мятежников и принудить их к суду шариатом и исполнению его приговора; наконец, абедзахи отказываются теперь требовать от него всякого удовлетворения за прежние его поступки и считают это дело вопросом его чести – и он может, после благополучного окончания дел, оказать удовлетворение абедзахским кланам,

им оскорбленным, и тогда никто не скажет, что абедзахский народ *ограничил своего гостя*²⁴³. Таким образом, *абедзахский народ* разрешил всякому участвовать в неприязненных действиях против мятежников, *если* эти последние не захотят судиться *Божьей книгой*; следовательно, этого было уже слишком достаточно, чтобы покровительствуемый князь-гость нашел многочисленных союзников среди абедзахов.

По буквальному смыслу шариата, как думают черкесы, крепостных людей-магометан нельзя иметь; даже рабам определен восьмилетний срок рабства, после которого они уже свободны. Следовательно, *бжедугские тльфекотлы* (вольные земледельцы, как мы называли этот класс), должны быть по шариату причислены к совершенно свободному состоянию (ххур) людей, подчиненных одному лишь правительству, в качестве его подданных. В черкесских племенах органом исламизма служит духовенство, а так как оно состоит почти исключительно из простолюдинов (дворянину, по образу мыслей черкесов, неприлично быть муллою), то оно душою расположено, по черкесской пословице – *ударить домашнего вола, у лесного оленя трясутся рога* – к низшему сословию народа. Сообразив все это, не покажется ли удивительным, что наш герой требовал суда на основании того же шариата, по-видимому, столь противного интересам его дела? Для разрешения этого вопроса мы должны обратить внимание на магометанское судопроизводство: это будет тем более кстати, что о *шариате* мы на Кавказе часто имеем ложное понятие.

Четыре *судебные книги* (хукубм-китаби), или *собрание законов*, наиболее известные черкесским духовным лицам и которыми руководствуются они, суть следующие:

Садр-шериз или *Шархэ-викая*, составленное *муллою Убейдуллахом*, относится ко временам более отдаленным; *Дурер*, составленная *муллою Хусрава* (дурер-сагиби), современником Тамерлана, причисляется к собраниям законов позднейших времен (мутеаххирин). Две последние книги – *Беззазия* и *Кказихан* составляют весьма важные собрания законов, как доказывают пословицы, вошедшие в употребление между духовными: «Если не будет Беззазия, судья не делается известным; если не будет Кказихана, судья не должен получать царского жалованья». Несмотря на всю их важность, последние два сборника чрезвычайно редки; напротив того, первые два – *Садр-шерэ* и *Дурер* – служат почти единственным руководством у черкесских *кадиев*, или духовных судей, и юноши, посвящающие себя законоведению, изучают их. Другие обширные сборники законов, как например: *Дежами-эррумиз* здесь известны едва ли не по одному только названию.

Законы, содержащиеся в этих сборниках, должны бы, если не сплошь, то в главнейших чертах прямо противоречить древним черкесским обычаям, основанным на идеях феодализма, несовместных с шариатом, который не знает, по-видимому, не только крестьянского сословия, но и бессрочного рабства. Но хотя буква закона шла, так сказать, вразрез и с интересами дворянства, некоторые пункты шариата допускали различное толкование,

которое можно было повернуть и в пользу высшего сословия. Прежде всего следует принять во внимание то, что само разбирательство по шариату имеет свои особенности.

Кади, или судья, лицо духовное, не приступая еще к разбирательству тяжёлого дела по *шариату*, обязан употребить все средства, чтобы склонить тяжущихся к решению дела посредством *маслахата*, т. е. словесного суда, основанного на *обычаях* (канун-адет) *и совести*. Это нечто вроде третейского суда, состоящего из людей, пользующихся доверием тяжущихся. А так как один из пунктов шариата предписывал не уничтожать ни под каким видом решения *маслахата* (эль-урфе-арифин, кель-мешруэ-шарьин) и, другой – советует руководствоваться тем постановлением шариата или обычая, который может, судя по местности и обстоятельствам, более способствовать к сохранению порядка в крае, то становится понятным, почему князь, с своей точки зрения, не боялся шариата, на который крестьяне возлагали свои надежды.

Понимая закон в буквальном смысле, старшины бжедугов, при первом предложении, изъявили готовность решить дело шариатом; но едва приступили к обсуждению дела, для всех стало ясно, что приговор духовного суда будет противен их интересам: на основании сейчас приведенных нами пунктов шариата, кадии могли и должны были восстановить существовавший несколько веков порядок. Народ стал волноваться и решился противиться силою домогательством дворянства.

Герой кровавой драмы, уже неизбежной, этого и ожидал. Он собрал сильный отряд абедахов, напал на мятежников, разбил одну партию, отбил скот, при чем перебил несколько человек. Такое начало предвещало мятежникам грозу; но первый удар, как он ни был решителен, их не испугал, напротив того, как казалось, еще более ожесточил: они сильною толпою бросились на зимовье самого страшного своего врага, нашего князя, захватили его стадо овец и разделили между собою. Нет сомнения, что если бы бжедуги обитали в гористых местах, как шапсуги, то никогда уже более не подчинились бы власти дворянства, но, живя на равнине, они были доступны нападению²⁴⁴. Князь собрал снова еще более сильную партию, разграбил аул мятежников, побил несколько человек и объявил, что будет преследовать крестьян до тех пор, пока не водворится мир и спокойствие и не получат удовлетворения дворяне, пострадавшие от смут. Предводители восставших крестьян, отрезанные столь удачно от абедахов, со стороны которых так естественно было им ожидать опоры, готовы были покориться всякому, кто только предложил бы им свое содействие, а так как Россия была в то время в войне с Турциею, то пограничное русское начальство могло, по соображениям нашего князя, обратить в свою пользу такое настроение бжедугского народа и утвердить свою власть над обоими коленами без всякого кровопролития. Желая предупредить и с этой стороны всякую попытку воспользоваться смутами среди бжедугов, он убедил одного из черченейских князей поселиться на самом берегу пограничной Кубани, отделяющей черноморских казаков от черкесских племен, против менового

двора и войти в сношения с казаками. Он научил этого князя распространить слухи, что и русские обещают помочь бжедугскому дворянству для возвращения ему прежней власти над мятежными крестьянами. Этот князь находил средство часто проводить ночи у казаков на пикете и однажды, возвратясь оттуда, рассказал, что он был вызван генералом в город для совещания по делам важным и секретным. У черкесов нет ни почт, ни газет, но вести с удивительною быстротою распространяются по стране. «Какие вести?» – вот первое, после обыкновенного приветствия, слово, которым черкес встречает путника или приезжего, и тот спешит рассказать, что ему удалось слышать или видеть. Неудивительно поэтому, что, в смутное время, когда с каждым утром ждали новых вестей, распускаемые по поручению нашего князя слухи скоро сделались известными в бжедугских аулах и привели народ в большое смущение. Таким образом, обеспечив себя ложными слухами и с этой стороны, наш герой с большею, чем прежде, смелостью, продолжал преследовать мятежников.

X ВОЗМУТИВШЕЕСЯ ПРОСТОНАРОДИЕ ПРЕДЛАГАЕТ АХОДЯГОКО ВЕРХОВНУЮ ВЛАСТЬ. КАДИИ ВЫСКАЗЫВАЮТСЯ В ПОЛЬЗУ ДВОРЯН

Не все князья оставались праздными зрителями в этой борьбе; некоторые из них помогали ему советами, а другие, ободренные его примером, и вооруженною рукою. Старик Алкас, оставив свои козни, умолял его не шадить крестьян; черченейский князь *Мгам-Черий Кунчкоко*, пользовавшийся большим авторитетом среди дворян, помогал ему своими советами и влиянием; князь *Индар*²⁴⁵, умный и решительный, содействовал ему также всеми средствами. Одним словом, бжедугское дворянство становилось все смелее и решительнее, между тем как мятежный дух крестьян, уstraшенных угрозами и слухами, начал упадать. В таком положении были дела, когда предводители мятежников предложили своему противнику *остаться одним у них князем*, сделавшись главою народа со званием *валия*; они предлагали еще дать присягу повиноваться ему, составить для него из всех аулов телохранителей, готовых исполнить малейшее его желание, и платить ему из произведений почвы определенную шариадом часть; одним словом – они хотели его сделать единственным повелителем своей земли. Какая участь должна была ожидать других князей, об этом мятежники не говорили, но и самое их молчание объясняет остальное. Еще лет за двадцать до этой эпохи султан Мугаммед-Гирей²⁴⁶ предлагал оставить по два человека из четырех родов бжедугских князей, а остальных всех отослать в Константинополь с тем, чтобы они содержались там; таким образом, он хотел избавить бжедугское племя от лишних людей без всякого кровопролития. Теперь же народ был в сильном волнении, страсти кипели и, конечно, участь князей была бы весьма жалкая. К счастью, честолюбие нашего князя ограничивалось желанием возвратить бжедугскому

дворянству права его, подчинив ему на прежних условиях *покорности* мятежных крестьян. Если бы, однако, Аходягоко захотел взять себе образцом кабардинского князя *Асланбека*, прозванного *Великим* за свои решительные действия и смелые затеи, который имел обыкновение говорить: «Между этими двумя морями (Каспийским и Черным) и *одному князю тесно*»²⁴⁷, то и он бы покрыл, подобно тому, бжедугскую землю злодеяниями ценою достижения верховной власти.

Наконец, народ бжедугский, уstraшенный собиравшею[ся] над ними грозою, изъявил готовность судиться шариатом и покориться его приговору: народ все еще надеялся, что приговор шариата будет сколько-нибудь в пользу его свободы. Мы уже сказали, что оно должно было и быть так, но смысл нами приведенных пунктов законоположений, неутомимая деятельность и даже *подкуп* и *страшные угрозы*, употребленные Аходягоко еще до *суда*, подчинили *судей* его влиянию – и приговор духовного суда был исключительно в пользу победителей: народ должен был по его приговору признать над собою по-прежнему власть дворянства, его права и привилегии; дворянство же обязывалось с своей стороны уменьшить платежи и облегчить участь крестьян; с обеих сторон должны были получить удовлетворение пострадавшие во время смут. На основании последнего пункта примирения Аходягоко не забыл и о себе: взыскал за каждую овцу, захваченную, как мы видели, в начале междоусобной войны, по *девяти* штук и, сверх того, в виде штрафа двести или четыреста штук коров.

XI КНЯЗЬЯ ОКАЗЫВАЮТ АХОДЯГОКО ПОЧЕТ ЗА ЕГО ЗАСЛУГИ. ЕГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ ХАМЫШЕЙЦЕВ

Хотя князья, обязанные ему всем, его возненавидели, но все-таки на первых порах они оказывали ему почет. Между прочим, он удостоился публичного чествования: в собрании князей и дворян обоих колен почти столетний Алкас, *встав* с места (старшие летами князья, в особенности старики, не встают в собраниях для приветствия младших) и, сняв с себя шапку, благодарил его в немногих, но сильных выражениях за возвращение дворянству прав его предков. После этого князья и дворяне подходили к поле верхней одежды нашего героя.

Влияние Аходягоко осталось во всей силе не только среди его соплеменников, но и у соседей. Расскажу о следующем случае.

Хамышейское колено, до крайности пострадавшее от кровавых и продолжительных войн с абедзахами, пришло в большое расстройство вследствие несогласия князей и дворян и еще более – недавних распрей между народом и дворянством. Престарелый князь Алкас, о котором мы так часто упоминали, давно уже намерен был переселиться со всем хамышейским коленом, в котором он, по праву лет, был главным лицом, в

другое место, более отдаленное от гор и горных племен, чтобы восстановить во всей силе древние права и власть дворянства. Не успевши в этом, он один с семейством переселился ближе к тем местам, куда давно стремились его желания, и, находясь там, не переставал до самой смерти своей помышлять о переселении туда и целого колена. Большая часть князей и дворян были согласны с престарелым князем и тайно условились с ним о средствах исполнения его желания. Неутомимый старец со своими соумышленниками обратился к начальнику Кавказской линии с просьбою о помощи и испросил повеление командовавшему Черноморской линиею – оказать ему, по возможности, пособие в предполагаемом переселении хамышейских аулов, расположенных против этой линии. Все это было сделано без участия Аходягоко; от него даже старались все скрывать, что, конечно, не могло не оскорбить самолюбия человека, оказавшего такие заслуги, – и он решился один противиться всем и принял немедленно свои меры. Он вступил в тесные связи с одним хамышейским князем, который оставался, после переселения старого Алкаса, в ладу с народом и с частию дворян хамышейских; привлек также на свою сторону и народных старшин этого колена и заключил даже перемирие с абедзахами, незадолго перед тем разбитыми бжедугами наголову (абедзахи оставили около *сорока* тел и много пленных в руках победителей). Хитрый старец Алкас, с прискорбием видя его успехи, прибегнул к последнему средству – к содействию русского пограничного начальства. Почти все князья и дворяне обоих племен большою массою явились к командовавшему Черноморскою линиею; туда потребовали и молодого хамышейского князя, союзника Аходягоко, и приступили к нему с требованием, чтобы он не только последовал со своим семейством за Алкасом, но содействовал бы всеми своими средствами мерам переселения туда и хамышейских аулов. Молодой князь, принужденный настоятельным требованием русского начальника, согласился на все; но его союзник не дремал: как только ему дали знать о критическом его положении, он поспешил к нему на помощь и успел еще вовремя.

Входя в залу, по своему обыкновению, быстрыми шагами, он с грубостию расталкивал толпу дворян и молодых князей, приверженцев главных его противников. С его появлением все умолкло. В коротких словах, но ясно и подробно он объяснил генералу, что его обманывают, утверждая, будто переселение хамышейского племени полезно для России и необходимо для переселяемого народа; наконец, он прибавил в негодовании, что он будет всеми средствами противиться подобному переселению. Кончив свои объяснения с генералом, он осыпал сильными укоризнами старца Алкаса, упрекая его в том, что родина не видала в нем не только *князя, умеющего охранять свой народ, но и воина, могущего защищать его*. Далее он обратился с ругательствами и угрозами к одному черченейскому князю, содействовавшему этому предприятию. Наконец, Аходягоко ушел, преследуемый смущенными взорами врагов-завистников, уводя с собою и своего молодого союзника со всеми его приверженцами. В эту минуту сильного гнева он часто гладил левою рукою свои усы, держа правую

рукоять кинжала, а это у него значило – *сейчас в кровь по колено!* Темиргойский князь, бывший в этом собрании, говаривал впоследствии: «Для разрушения всех общих наших усилий достаточно было ему – потряхнуть волчьей своею шубою (на нем была волчья шуба, шерстью вверх) – и мы, как испуганное стадо овец, умели только... молчать!» Престарелый князь Алкас, так выразительно прозванный *двуязычным*, с душевным прискорбием повторял несколько раз: «Вот был день, в который надо было решиться... на все, если бы было кому!..» Кто знал кровавую жизнь этого старца, воина не слишком отважного, но интригана смелого и коварного, тот поймет вполне смысл невольно сорвавшегося с его языка восклицания. В самом деле, после все удивлялись, как это никто из его врагов в эту минуту не обнажил своего оружия!

Этот случай мы описали с подробностью потому, что он показывает, как много может сделать человек с характером отважным, в стране, кипящей необузданными страстями, и непокорной, какова была Черкесия того времени. Умный генерал А. А. Н. понимал это и говаривал о нашем герое: «Да, он может все сделать, если только... захочет!»

XII ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ АВТОРА С АХОДЯГОКО. НАРОДНАЯ ЧЕРКЕССКАЯ ПЛЯСКА. СМЕРТЬ АХОДЯГОКО

За два месяца до своей смерти он приезжал ко мне. Это было в 1838 году. Давно одержимый страшною болезнью, видимо, приближавшей его к гробу, он все еще был бодр духом. Дней десять пробыл он со мною, – и, признаюсь, это доставило мне величайшее наслаждение: я находил отраду в беседе с таким человеком, в устах которого оживлялись родная старина, рыцарский быт народа и пламенные геройские песни древних черкесов.

Его суждения о многих предметах были весьма оригинальны; но в его словах, действиях, даже движениях видна была какая-то, так сказать, поспешность: он торопился во всем; оттого в последнее время внушения высокого его духа нередко уступали порывам раздражительности, – он готов был с одинаковою поспешностию на величайшие дела самоотвержения и кровавые злодеяния! Благородные поступки и мужественные подвиги приводили его в восторг, а всякая низость и подлое малодушие – в сильное негодование; между тем, сколько собственных дел его запечатлено черными пятнами! Недаром черкесы говаривали: «На широких его плечах сидят бесы!» Противоположности в его характере выступали в особенности на склоне его лет.

В заключение приведем одно любопытное его замечание.

На открытом воздухе, во дворе дома, где мы жили тогда, происходила национальная черкесская пляска: народ шумел по обыкновению, заглушая звуки музыки. Это общее веселие, которому виною было мое возвращение из Петербурга, после семи или восьми лет отсутствия, вовсе меня не занимало,

и я был бы рад отклонить его, если бы это можно было сделать, не возбуждая неудовольствия. Чтобы избавиться, по крайней мере, от шума, я расположился в самой отдаленной и глухой комнате, и тут записывал содержание одной, по-видимому, очень древней песни. Отворяются двери и он входит: «Ты слишком ленив – это признак преждевременной старости; вот я уж и стар (ему было около 60 лет) и больной, но еще не устаю. Пойдем смотреть на пляску!» – сказал он. Нечего было делать – я с ним пошел. Пляска шла очень шумно: «Смотрите, смотрите на этого молодца!» – вскричал князь, указывая на оборванного детину – бедного крестьянина, ростом маленького, очень некрасивого лицом, который, однакож, танцевал, имея по обеим сторонам и держа за руки двух прекрасных девушек, дочерей черкесских дворян, офицеров русской службы и хорошего состояния. Надобно заметить, что во время пляски девушки стараются казаться неразборчивыми, т. е. не отдающими предпочтения кому бы то ни было: таков обычай! «Я был в Константинополе, – продолжал князь, – видел и европейцев, но только мы, *черкесы*, – *люди*: там и у тех вельможи и богачи – это полубоги, а простолюдины и бедные – *скоты*, которых они презирают, между тем как у нас крестьянин, раб или слуга, даже и нищий – все тот же *человек*. Мы покупаем дорогою ценою жену, Бог дарует нам дочь, воспитываем ее, лелеем, украшаем всем, что имеем лучшего, – а вот, во время веселия, они – *наши крестьяне* пляшут с ними, как будто они с нами на равной ноге!» – повторил князь в заключение. Я не хотел огорчить больного моего гостя возражением, не совсем и не во всем согласным с его мнением, но и не мог удержать улыбки, вспомнив в эту минуту, как короток бывал суд этого князя с несчастными простолюдинами, которых судьба бросала в его железные лапы, и как часто ни во что ставил он и жизнь и кровь человеческую.

На другой день он уехал к себе домой – и больше мы уже с ним не виделись: он умер чрез два месяца. И враги, и друзья, со всех концов закубанской Черкесии толпами стекались, чтобы пролить на могиле воина несколько слез: одни – слезы притворной, другие – искренней скорби; но и те и другие единодушно говорят, что равного ему теперь нет и, по-видимому, не будет уже – он был последним из мужественных князей черкесских, предания об отважных подвигах которых волнуют сердца потомков.

Отчего это всякий раз, когда вспоминаешь эту быль, невольно становится грустно?.. Точно так же путник не может без сожаления, без участия взирать на родные места, опустошенные уже грозой неумолимой судьбы, но кипевшие некогда силою и блиставшие дарами природы дикой, но величественной!..

РАЗДЕЛ III. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ*

1. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ФЛИГЕЛЬ-АДЬЮТАНТА ПОЛКОВНИКА ХАНА-ГИРЕЯ от 19 мая 1837 года*

Господину военному министру, Его Сиятельству
графу Александру Ивановичу Чернышеву.

Ваше Сиятельство объявить мне изволили, что Государю Императору благоугодно отправить меня на Кавказ для склонения Горских племен к присылке Депутатов.

Такое Высочайшее внимание поставляя для себя совершенным счастьем, я считаю обязанностью донести Вашему Сиятельству следующее:

Из Горских народов, против которых ныне войска наши действуют, как известно Вашему Сиятельству, Черкессы занимают важнейшее место как по числу населенности, равно по важности занимаемой ими страны. С одной стороны это обстоятельство, с другой и то, что сей народ и занимаемый им // (л. 187 об.) край более других мне известны, заставляют меня исключительно говорить сначала об нем:

Черкесский народ разделить можно в отношении их правления, на две главные отрасли, а именно:

а) Племена, состоящие под управлением князей и подвластных им дворян и обитающие на северных* равнинах, и

б) Племена, не признающие над собою никакой власти, имеющие правление похожее на демократическое*, или народное, и живущие отчасти у

---

* В данном разделе мы посчитали целесообразным сохранение без изменений орфографии и стиля публикуемых документов, с исправлением в ряде случаев заведомых (грамматических) ошибок, допущенных переписчиком (Ред.).

* В оригинале документ не имеет заголовка, каковой приведен нами по архивной описи XIX века (Ред.).

* Напротив строк, содержащих слова «и подвластных им ... на северных» на полях помета «NB». Здесь и далее пометы, выделение текста (подчеркивание слов, строк и предложений, отчеркивание текста на полях), словесные замечания выполнены простым карандашом и предположительно принадлежат адресату докладной записки – военному министру Чернышеву (Ред.).

* Напротив строки «правление, похожее на демократическое» на полях помета «NB» (Ред.).

подножья гор, а большею частью в самых горах.

Племена первых суть:

1) Кабардинское, состоящее из пяти обществ и расположенное на разных реках // (л. 188) и речках, впадающих в Малку и Терек, с южной и юго-восточной стороны. Это племя Черкесского народа состоит ныне, если не в совершенном, то более других удовлетворительном распоряжении Кавказского Начальства. Я говорю не в совершенном, потому, что ныне в нем господствующее спокойствие легко может быть нарушено при требовании от его жителей прочнейшего условия покорности. Населенность этого племени полагаю, основываясь на сведениях, некогда мною собранных, простирается примерно до 25 тыс. * душ²⁴⁸.

2) Бейсленейское²⁴⁹, расположенное за рекою Кубанью, на реках Лабе, Федзе и в них впадающих речках. Это племя более // (л. 188 об.) всех Черкесских племен, состоящих под управлением князей и подвластных им дворян, неприязненно к нам, и самое временное замирение при нынешнем его устройстве не надежно, по причине отдаленности расположения его аулов от нашей границы, соседства враждебного к нам сильного Абедзахского племени, и всегдашнего почти пребывания в его аулах беглых абреков, волнующих умы народа. Населенность этого племени примерно можно полагать до 7 тыс. душ.

Между Бейсленейцами и соседними с ними племенами живут рассеянно ушедшие за Кубань Кабардинцы, которых число, при переселении их туда, примерно полагать можно было до // (л. 189) 12 тыс. душ.

3) Мохсхошское*, расположенное на реках: Фарзе, Псфр и Ккель. Небольшое это племя как по тем причинам, которые предыдущее делает неприязненным к нам, так по слабости своей будучи принуждено следовать примеру соседей — Бейсленейцев и Абадзахов, оказывало всегда вражду к нашей границе; и его замирение так же ненадежно, как и Бейсленейцев. Его

---

* Здесь и далее в оригинале статистические показатели представлены в виде дроби (25/т. и т.д.) (Ред.).

населенность простирается примерно до 2 тыс. душ.

4) Тчермгойское, расположенное преимущественно на реках Лабе и Шхакоаше; это довольно сильное племя более или менее привержено к нам, когда междоусобие его князей не нарушает эту приверженность, которая, впрочем, удовлетворительно не прочна. Сильное волнение его соседей — Абедзахов и, в особенности, Бейсленейцев может увлечь его часть, в особенности ту, которая всегда в связях с первыми²⁵⁰. Его населенность можно полагать около 6 тыс. душ.

5) Ххатикоайское, расположенное на реках Шхакоаше, Пшише, Лабе и Кубани. Менее сильное предыдущего, но довольно значительное между другими; это племя почти всегда было и есть в отношении к нам, в одном положении с Тчермгойцами. Его населенность простирается*, полагаю, примерно до 3 тыс. душ.

6) Черченейское, расположенное на реках, впадающих в Кубань, между // (л. 190) рекою Шхакоашем и речкою Псакупсом, противу границы Черноморских казаков. Значительнейшее после Кабардинского, это племя подобно Тчермгойскому, большею частию оказывало к нам приверженность, а частию согласовалось с Абадзехами, но теперь его князья и дворяне более или менее вообще преданы к нам, но народ им подвластный, еще не успокоенный после мятежа, произведенного Хасан-пашою²⁵¹, более на стороне нам неприятельных Абадзахов и Шапсугов, с которыми он в родственных связях, хотя явными действиями такое нерасположение не показывает. Населенность его можно полагать до 7 тыс. душ.

7) Хамшейское, расположено западнее предыдущего противу // (л. 190 об.) границы Черноморского Казачьего войска. В отношении простого народа, в этом колене можно сказать все, что сказано в рассуждении предыдущего; но что касается до высшего сословия, то оно вполне предано к нам, чему лучшим примером служить может кровавая ненависть этого

---

* Так в тексте. Имеются в виду махашевцы (Ред.).

* Напротив строки «положении ... простирается» на полях вопросительный знак (Ред.).

сословия к неприязненным к России своим соседям — Абедзахам. Населенность его можно примерно полагать до 4 тыс. душ.

Все эти племена, за исключением Кабардинского, как изволите Ваше Сиятельство усмотреть, в нынешнем их положении, не состоят под благодетельною зависимою нашего Правительства, и самое их замирение, или прекращение неприязненных действий // (л. 190-а) противу нашей границы, непрочны; следовательно, таковое положение не может быть удовлетворительным; несмотря на то, однакож эти племена одни менее других, но все вообще, находятся более в мирных и приятных сношениях с нами, в сравнении с тремя следующими племенами Черкесского народа, имеющими правление вроде демократического или народного.

Племена их суть:

1) Абедзахское, обитающее в горах по вершинам рек Псфр, большой и малой Лабы, Шхакоаши, Пшиши, Псакупсы и других. Судя по местоположению им занимаемому и населенности, простирающейся, полагаю, примерно до 10 тыс. дворов, весьма важное в // (л. 190-а об.) этом крае и было всегда в неприязненных действиях противу наших границ, и теперь более нежели когда-нибудь в вражде с нами.

2) Шапсугское, обитает в горах пониже предыдущего. Ни одно Горское племя не причиняло границе нашей столько вреда, и его неприязненные действия противу нас, и теперешняя вражда известны. Оно сильнее всех колен, имея населенность, простирающуюся примерно до 12 тыс. дворов.

3) Натхокоадьское, занимающее на запад от Шапсугов, горы до берегов Черного моря, хотя населенностию, которую можно полагать примерно до 8 тыс. дворов, уступает // (л. 191) двум предыдущим, но не менее их важно, занимая побережье Черного моря. Это племя в прежние времена оказывало более миролюбивое расположение, что впрочем происходило от склонности его к мирным и сельским занятиям, как-то, хлебопашеству, скотоводству и отчасти торговле, которые следствием мирных сношений с Турками были, так сказать, привиты к образу жизни его жителей; к тому же на такое их

расположение нельзя сказать, чтобы не имело отчасти влияние и действие бывшего попечителя над Керченскою торговлею^{*252}. В настоящее же время и это племя находится в таком же положении к нам относительно не- // (л. 191 об.) приязненности и вражды, в каком Шапсуги.

Из этого краткого обзора очевидно, что всякого рода сношения с первыми, т. е. с коленами, состоящими под управлением князей и подвластных им дворян, будут несравненно успешнее, нежели с последними, т. е. с племенами, имеющими правление, похожее на демократическое, или народное. Почему полагал бы я, для исполнения Высочайшего соизволения Его Императорского Величества в рассуждении приглашения депутатов, как Ваше Сиятельство изволили мне объявить, за лучшее действовать таким образом: // (л. 192)

Сообразно с Высочайшею волею, которую Ваше Сиятельство изложить изволите в Инструкции тому, кому будет поручено исполнение этого дела, вначале обратиться к Кабардинскому племени, созвать в Нальчике старших князей и старшин дворянства и народа, объявить им то, что Вы изволите поручить, и взять от них депутатов, стараясь, чтобы назначены были такие люди, которые более всех имеют вес в независимых горных племенах, соседственных с Кабардинцами.

Кабардинское племя ныне состоит под полным влиянием местного нашего Начальства, следственно тут не может встретиться никаких препятствий, // (л. 192 об.) их депутаты явятся с покорностию; а таковое успешное начало послужит надежным орудием к исполнению дальнейших предположений. Я сказал, что Кабардинцы состоят ныне под полным влиянием местного Начальства, но это не значит, что власть нашего Правительства над ними непоколебима: ибо в таком случае не было бы нужды в их депутатах; напротив того, я полагаю, то прочное устройство Кабардинцев необходимо тем более, что они как одно из сильнейших племен,

---

* Строки, содержащие слова «к тому же ... Керченскою торговлею» отчеркнуты на полях; напротив этих же строк на полях знак «NB» (Ред.).

неминуемо послужит спасительным примером для прочих.

По приведении в исполнение предположения относительно кабардинских // (л. 193) депутатов, обратиться к тем из упомянутых семи племен, на которых пограничное Начальство, по близости их жительства, имеет более влияния, дабы успехи в сношениях с первыми, могли иметь влияние на других; и действовать так же, как предположено в Кабарде, т. е. созвать старших князей и старшин дворянства и наконец окончив в одном племени, обратиться к другому и так далее до последнего.

В продолжение же переговоров с одним племенем, должно для вернейшего успеха, посылать к другим почетных людей из племен, изъявивших согласие, для предварительного склонения там значительней- // (л. 193 об.) ших лиц к принятию предлагаемого им отправления депутатов.

Готовность, с которою Кабардинцы назначат своих депутатов, и содействия местного пограничного Начальства, *при уменье* действовать на умы туземцев, обеспечат успех к достижению желания и в отношении прочих племен Черкесского народа, состоящих под управлением князей и подвластных им дворян.

Но такого успеха нельзя ожидать в сношениях с тремя упомянутыми племенами, имеющими правление народное, или, так сказать, демократическое. Эти племена, как известно Вашему Сиятельству, ныне // (л. 194) не признают власти дворянства в них обитающего, повинуются, или лучше сказать, соглашаются, лишь с своими старшинами, следовательно, не с дворянством преимущественно должно иметь дело, но с народом. При всем том однакож дворянство это хотя после многих потрясений народа, лишилось прежней власти над ним, но сохранило некоторое влияние на его умы и дела; следовательно, чтобы вызов депутатов из этих племен имел полезные следствия, должно, чтобы оные были от обоих классов, т.е. от дворянства и народа. Действуя же для достижения этой цели, должно остерегаться, чтобы между им и народом не возбудить ссоры и междоусобия. // (л. 194 об.)

Местные обстоятельства яснее укажут предосторожности, какие необходимы в сношениях вообще с Горцами, но здесь замечу, что для избежания последнего случая, т. е. ссоры между дворянами и народом в племенах, в особенности имеющих Демократическое Правление, посланный с Инструкциями от Вашего Сиятельства для вызова депутатов, кажется мне, должен внушить народным старшинам, что приглашение депутатов от их дворянства имеет единственную целью — общее их спокойствие, а отнюдь не выгоды исключительно или преимущественно какому-либо классу, ибо, как известно, дворянство этих племен неоднократно обращалось к // (л. 195) Турецкому Правительству с просьбою о содействии к возвращению утраченной власти оною над народом и неоднократно обещания в помощи вселяли в народе недоверчивость, и можно сказать, ненависть к Дивану^{*253}.

Все, что я говорил до этого, относится исключительно до Черкесского народа; что же касается до прочих Кавказских независимых Горских народов, то я, по недостаточной известности мне образа их правления, местностей их жительства и настоящего их расположения к Правительству, не могу делать относительно сношения с ними здесь предположений, ибо в верности оных не могу быть убежден; однакож полагал бы я действовать и с ними // (л. 195 об.) так же, начиная с тех из них, на которых ближайшее пограничное Начальство имеет более влияния, так, чтобы соглашение одних внушало другим благоприятные для предположенного дела влияния. Действуя таким образом, можно надеяться иметь успех и в сношениях с этими племенами; в особенности с Осетинскими коленами, соседственными с Кабардинцами. Но здесь заметить должно, что для сношения со всеми этими народами, в особенности обитающими ближе к восточной части Кавказа, к Дагестану, два с половиною или три месяца времени совершенно недостаточно, и потому не благоугодно ли будет Вашему // (л. 196) Сиятельству предположить так, чтобы депутаты от племен Черкесского

---

* Строки, содержащие текст от слов «для вызова депутатов» до конца абзаца, отчеркнуты на полях; напротив них же на полях знак «NB» (Ред.).

народа и соседственных с ним Горских племен были отправлены в Вознесенск, а депутаты от прочих Горских народов в Тифлис или Владикавказ*. Такое распоряжение, мне кажется, не будет неуместно, тем более, что Черкесский народ, занимающий прекраснейшую часть Кавказа, простирающуюся вдоль нашей границы около 700 верст, т. е. почти две трети длины всего Кавказа, заключающий в себе до трехсот тысяч народонаселения доселе непокорного, не говоря об упомянутых его соседних горных коленах, и о том, что сильнейшие действия наших // (л. 196 об.) войск ныне происходят противу него, заслуживает особенного внимания, ибо пример его успокоения непременно должен иметь действительно спасительные следствия для независимых Горских народов.

Также было бы желательно, чтобы депутаты были и от самых отдаленных внутри гор обитающих племен, которые почти вовсе не имели и не имеют никаких сношений с нами: ибо они возвратясь на родину, распространили бы по своим горам слух о благодетельном к Кавказским народам внимании Всемиловейшего Государя.

Изложив таким образом покорнейшее // (л. 197) мнение мое, как действовать должно для исполнения Высочайшего Его Императорского Величества повеления о вызове депутатов, я долгом поставляю сказать несколько слов относительно условий покорности и требований нашего Правительства.

В тех из племен, которые состоят под управлением князей, хотя еще признаваема власть и права высшего сословия народом, а у других, имеющих правление похожее на демократическое, хотя и соглашаются они на распоряжения старшин, но несмотря на то, ни у тех ни у других, как известно Вашему Сиятельству, нет ни единодушия в об- // (л. 197 об.) щественных делах, ни положительного порядка в управлении: ибо в противном случае нельзя бы и предвидеть никакого затруднения в приглашении депутатов в

---

* Строки, содержащие текст «соседственных ... Владикавказ» отчеркнуты на полях; напротив них же на полях знак «NB». Слова «Вознесенск», «Тифлис» и «Владикавказ»

деле, прямо клонящемся к собственному их благу. Напротив того, как у одних, равно и у других, предано все, более или менее, безначалию, междоусобиям и раздорам: следовательно, требуя от такого народа условий покорности, очевидно нельзя ожидать удовлетворительного исполнения оных: ибо условия, которые примут сего дня хотя бы и действительно с общего согласия старшин и владельцев и с готовностью // (л. 198) исполнить, завтра могут быть нарушены несколькими неблагонамеренными людьми; результат тот же: после замирения разрыв, и опять кровопролития; и это может только быть отвращено единственно устройением у них *внутреннего* положительного порядка; следовательно, первое необходимое условие, по моему мнению, есть доведение их до того, чтобы они могли *исполнять* условия, которых Правительство от них потребует и на которые владельцы и старшины согласятся; а для этого необходимо учреждение положительного управления там, где это возможно сделать; ибо этим только можно достигнуть, чтобы условия, требуемые Правительством и принимаемые с готовностью // (л. 198 об.) туземцами, исполнялись; а требования условий, которые примут, но не исполняют, есть только вредное отлагательство*.

Такое учреждение есть дело возможное у Черкесских племен, состоящих под управлением князей, имея и ту выгоду, что неприязненные племена увидят спокойствие, которое водворится у покорных нам, следствием учрежденного у них Правительством порядка, согласно с их верою и обычаем; ибо досель положение мирных племен, не в пример бедственное состояния неприязненных, что последние приписывают влиянию на первых нашего Начальства, хотя это ложно: ибо оно происходит от их междоусобия // (л. 199) и безначалия*; однакож это обстоятельство замечательно тем, что в самом деле Горские племена, состоящие в вражде с

подчеркнуты (Ред.).

* Строки, содержащие текст от слов «исполнить, завтра» (т.е. от начала л. 198) до конца абзаца отчеркнуты на полях; напротив отчеркнутого фрагмента на полях знак «NB»; слова «есть только вредное отлагательство» подчеркнуты (Ред.).

* Текст «согласно с их верою ... междоусобия и безначалия» подчеркнут; напротив выделенного фрагмента на полях знак «NB» (Ред.).

нами доселе не видят выгод быть нам преданными и покорными, говоря это о целых племенах, хотя начинающееся ныне благосостояние* покорных нам Кабардинцев, по-видимому, могло бы такое их мнение искоренить.

Здесь можно заметить, что уже несколько лет продолжаются военные действия наших войск противу Шапсугов и, преимущественно, Натхокаадцев; на их земле устроены укрепления, проложены дороги; их селения сожжены, им причинен значительный вред; они уверились, что противу их предпринимаются решительные // (л. 199 об.) меры, и нельзя сказать, чтобы между ними не были люди, постигающие невозможность им устоять противу наших сил, однакож* из них почти ни одно семейство не перешло к мирным племенам*. Это доказывает незавидное состояние последних, которое если бы было упрочено благотельным устройством*, то естественным образом имело бы существенно полезные для нас следствия; между тем как люди несемейные, одинокие, оставивши в неприязненных нам племенах ближних, переходят к нам и служат в наших войсках: ибо они видят милости Правительством осыпаемые на частных лиц, их соотечественников; но чтобы целые* // (л. 200) семейства или аулы переходили к нам, надо, чтобы они видели, где могут обрести спокойствие и благоденствие*. В самом деле нельзя же ожидать перехода к нам наших врагов, когда они ничего не видят у нас для себя утешительного: мы от них

---

* Напротив слов «начинающееся ныне благосостояние» на полях замечание «важное обстоятельство!» (Ред.).

* Строки, содержащие текст от слов «и безначалия» (т.е. от начала л. 199) до «противу наших сил, однако ж» отчеркнуты на полях; напротив выделенного фрагмента на полях знак «NB» (Ред.).

* Фраза «из них почти ни одно семейство не перешло к мирным племенам» подчеркнута (Ред.).

* Напротив слов «упрочено благотельным устройством» на полях замечание: «все это весьма основательно и доказывает необходимость лучше заняться устройством сих племен и доставлением им очевидных выгод: предмет, на который местное начальство, кажется, не обращает достаточного внимания» (Ред.).

* Строки, содержащие слова «между тем как ... но чтобы целые» (т.е. до конца л. 199 об.) отчеркнуты; напротив выделенного фрагмента на полях знак «NB» (Ред.).

* Фраза «надо, чтобы они видели, где могут обрести спокойствие и благоденствие» подчеркнута (Ред.).

требуем покорности, подвод, вспоможения и многого подобного; обещаем старания о их благосостоянии; требования наши в настоящем, а обещание в будущем, тогда как Горские народы, как известно Вашему Сиятельству, вообще живут, можно сказать сегодняшним, не заботясь нисколько о завтрашнем; и потому я, не смея утверждать моего мнения, полагаю однакож необходи- // (л. 200 об.) мым для верного, очевидного обеспечения благосостояния тех племен, которые окажут готовность нам покориться, учреждение у них положительного порядка, которое одно только может упрочить благодетельную цель Правительства в отношении спокойствия этого края, тем более, что это дело если не везде, то во многих местах возможно вполне исполнить*.

Г. Командир Отдельного Кавказского Корпуса предписал следующие условия:

- «1) Прекращение всех враждебных против нас действий.
- 2) Выдача всех наших пленных и беглых.
- 3) Немедленное содействие // (л. 201) нам против других непокорных племен.
- 4) Ответственность за безопасное пребывание и проезд чрез их земли всякого русского подданного, имеющего на то приказание или дозволение Начальства.
- 5) Содействие людьми и подводами к разработке дорог и устройству укреплений, кои признаны будут нужными Начальством.
- 6) вспоможение воинским командирам, следующим чрез их земли.
- 7) Полное повиновение тому Начальству, которое Правительством над ними установлено будет.
- 8) Правительство с своей стороны обязывается употреблять всевозможные средства к обеспечению безопасности, спокойствия и // (л. 201 об.) благоденствия покоряющихся нам племен».

---

* Строки, содержащие текст от слов «В самом деле» до конца абзаца отчеркнуты на полях; напротив выделенного фрагмента на полях знак «NB» (Ред.).

Если и согласятся Горцы на эти условия без исключения, будучи доведенные до совершенной крайности, то немногие из означенных племен исполнят оные, кроме первого и третьего пунктов сих условий, и то едва ли надолго и удовлетворительным образом.

В отмену сих условий, предвидя невозможность склонить на оные Горцев, Г. Командующий войсками на Кавказской линии предполагает следующие, которые были предписаны Чеченцам в 1832 году:

- «1) Прекратить все враждебные противу нас действия.
- 2) Выдать Аманатов по нашему назначению. // (л. 202) Дозволяется чрез четыре месяца переменять их другими, но не иначе как по назначению Русского Начальства.
- 3) Выдать всех находящихся у них наших беглых и пленных.
- 4) Не принимать непокорных на жительство в свои аулы без ведома Русского Начальника и не давать пристанища абрекам.
- 5) Лошадей, скота и баранов, принадлежащих непокорным жителям, в свои стада не принимать, и если таковые где-либо окажутся, то все стада будут взяты нашими войсками и сверх того, покорные жители подвергнутся за то взысканию.
- 6) Ответствовать за пропуск чрез их земли хищников, учинивших злодеяния // (л. 202 об.) в наших границах: возвращением наших пленных и заплатою за угнанный скот и лошадей.
- 7) Повиноваться поставленному от нашего Правительства Начальнику, и
- 8) Ежегодно при наступлении нового года должны они переменять выданные им охранные листы.

Не исполнившие сего будут почитаться непокорными и не будут пощажены нашими войсками»* .

Эти условия действительно, как полагает Г. Командующий войсками на Кавказской линии, довольно снисходительны и почти не противны

---

* В оригинале начало цитаты не обозначено кавычками (Ред.).

обычаям Горцев, за исключением 7-го пункта, и потому самому могут быть более или менее применены вообще ко всем Горским непокорным // (л. 203) народам. Однакож верование в подобные условия, кажущиеся обещающими открыть с течением неопределенного времени возможность облегчить достижение прочнейшего устройства края, охлаждается опытностью минувших лет: ибо сколько раз ни были предписываемы подобные условия, результат тот же, что спустя немного времени Начальство находит себя снова в необходимости действовать вооруженною рукою. И теперь тоже можно ожидать, если ближайших и преданнейших к нам из Горских племен не доведем до того, чтобы они могли содержать условия даваемые ими, учреждением у них положительного внутреннего порядка. О подробностях мер, для сего нужных, и несомненных выгодах для нас от такового действия я не смею // (л. 203 об.) здесь более распространяться, не имея на то приказания Вашего Сиятельства*. Впрочем, с прибытием к Его Императорскому Величеству депутатов от упомянутых племен удобнее и очевиднее можно будет видеть все обстоятельства, касающиеся до них.

В заключение я приемлю смелость просить Ваше Сиятельство довести до сведения Государя Императора, что вполне чувствуя благодетельные следствия Высокой мысли Его Императорского Величества для блага моей родины, чувствуя и цену Высочайшего ко мне внимания, я готов всеми мерами стараться исполнять на меня возлагаемые поручения для достижения Высочайшей воли Его Императорского Величества.

Флигель-адъютант полковник Хан-Гирей

Мая 19 дня 1837 года

---

* Напротив слов «распространяться, не имея на то приказания Вашего Сиятельства» на полях вопросительный знак (Ред.).

2. ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ГОРСКИМИ НАРОДАМИ

Командующему Войсками на Кавказской Линии и в Черномории, господину генерал-лейтенанту и Кавалеру Вельяминову

Флигель-адъютанта
Его Императорского Величества,
гвардии полковника Хана Гирея

Рапорт

Из представляемого при сем Проекта Положения об Управлении Горскими народами, Ваше Превосходительство усмотреть изволите, что согласно с благотворною волею Государя Императора, объявленной мне предписанием г. Военного Министра от 25-го мая, за №199, мои предположения имеют целью сохранить коренные обычаи горцев и утвердить над ними просвещенное влияние Русского Начальства, сколь можно непосредственное, по современным обстоятельствам.

Учреждение Главного Духовного Магометанского Правления – нововведение в Черкессии, // (л. 84 об.) которое я предложить смею, по внутреннему убеждению в пользу подчинить невежественных мулл высшей духовной особе, по личным достоинствам облеченной доверенностью Начальства. Предполагаемые Окружные суды суть звенья соединяющие Черкесс с Русским Начальством главною потребностью человеческих обществ, потребностью правосудия. Попечительство Горских племен Кавказа – краеугольный камень, скрепляющий здание предстоящего им благоденствия.

Предположения мои объемлют преимущественно мирные Черкесские общества за Кубанью живущие.

В Кумыкской земле учрежден Андреевский городской суд, в Большой Кабарде – Временный суд. Горские племена, состоящие в ведении Владикавказского Коменданта, управляются на основании Высочайше

утвержденной в Декабре месяце 1836-го года Инструкции.

Покорные Чеченцы, Мало-Кабардинцы, Дигорцы и другие незначительные племена от Командующего Кабардинскою Линиею зависящие, не имеют положительного устройства.

Не имея достаточных сведений о внутреннем состоянии этих племен, не мог я включить их в Проект. Ваше Превосходительство усмотреть изволите в какой мере // (л. 85) мои предположения удобоприменяемы к ним.

Г. Военный Министр предписал мне Проект Положения для Управления Горскими народами представить на Высочайшее усмотрение чрез Ваше Превосходительство, и заняться составлением его благовременно так чтобы к прибытию Государя Императора на Кавказ, Проект мог быть подробно рассмотрен Вашим Превосходительством и Вами представлен на утверждение Его Величества, тотчас после приезда Государя Императора во вверенный Вашему Превосходительству край.

Я лишен был возможности исполнить в точности предписание Г. Военного Министра, по следующим причинам. С половины Августа месяца одержим я болезнью и почти совершенно лишен движения в правой руке. Ротмистр Барон Вревский²⁵⁴, выдержав сильную желчную горячку теперь только получил некоторое облегчение.

О сем честь имею почтительнейше донести Вашему Превосходительству.

Флигель-адъютант Полковник Хан-Гирей
Адъютант Военного Министра Гвардии ротмистр Барон Вревский

№77
15 сентября 1837 г.
Екатеринодар

ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ГОРСКИМИ НАРОДАМИ

Проект Положения об Управлении Горскими народами объемлет

преимущественно Черкесские Закубанские общества, изъявившие покорность Русскому Правительству^А.

Ныне состоят они в ведении Главного Пристава, непосредственно подчиненного Командующему Кубанскою Линиею – кроме Хамышейцев и Черченейцев, которые, обитая против границы Черноморской Области, относятся в своих нуждах к Исправляющему Должность Наказного Атамана Войска Черноморского.

Общественный порядок совершенно чужд этим племенам. Распри, раздоры, разбирательства по причиненным обидам – безконечны. Не только в одном племени род с родом, но в одном семействе брат с братом враждуют. Узденья недовольны Князьями, подвластные ропщут на Владельцев – потому что взаимные отношения различных // (л. 86 об.) сословий не определены положительным образом. Все основано на древних обычаях и преданиях, которые часто заменяются произволом и насилием. Эти племена покорствуют России, потому что живут на равнинах и страшатся оружия нашего; но выражая преданность в растянутых и пышных речах, они в сердце имеют мало искренности. Есть, конечно, исключения.

Кратко показав бедственное состояние, до которого безначалие довело мирные Черкесские общества, приступаю к изложению моих предложений о водворении порядка и постоянного управления в Закубанском крае.

Разделение Закубанских обществ*

1. Закубанские общества распределяются по округам по усмотрению Главного местного Начальства.

2. В каждый округ назначается Пристав или Воинский Начальник // (л.

---

^А «Проект Положения об Управлении горскими народами, составленный флигель-адъютантом полковником Хан-Гиреем, основан на тех же началах, как и Предположение, которое имел я счастье представить Его Императорскому Величеству» (Общее прим. А.А. Вельяминова к тексту проекта Хан-Гирея [26, л. 71]).

* В оригинале заголовки разделов Проекта расположены в левом поле страницы; номера параграфов находятся выше соответствующих им текстов, располагаясь по центру страницы (Ред.).

87) из расторопных обер-офицеров – который подчиняется ближайшему Начальнику Кордонной Линии.

3. Все округа соединяются под ведением Главного Пристава или Военного Начальника, который непосредственно подчиняется Командующему Кубанскою Линиею^А.

Примечание. По перенесении Линии на Лабу соединение округов представит большие удобства.

4. Военным Начальникам полагаются столовые деньги.

5. Каждый округ подразделяется на участки.

6. Несколько аулов составляют один участок.

7. Каждый участок подчиняется по назначению Главного Начальства благонадежному и преданностью известному Князю или первостепенному Узденю, который доносить должен о всех происшествиях окружному // (л. 87 об.) Начальнику – принимая и исполняя его приказания.

Учреждение Главного Духовного Черкесского Правления

8. Учреждается Главное Духовное Правление из Главного Кадия и двух почетных Эфендиев – по назначению Начальства, основанному на учености, отличной нравственности и испытанной преданности их Русскому Правительству.

9. Главный Кадий и Эфендии получают жалование.

10. Духовному Правлению подчиняется все Черкесское Духовенство.

11. Духовное Правление непосредственно подчиняется местному Начальству, которое назначает место, в коем ему присутствовать.

12. Построение при Духовном Правлении благовидной и просторной мечети показало бы горцам, что Русские уважают вероисповедание их.

13. Весьма полезно было бы учредить // (л. 88) при Духовном Правлении Училище для образования мулл и имамов, чтобы постепенно

---

^А «Все округа не могут соединены быть под ведением одного Главного Пристава. Значительное пространство земель тому препятствует. Нужно несколько Главных

заменить невеж, не понимающих и криво толкующих Коран, людьми несколько просвещенными и воспитанными в чувствах преданности Русскому Правительству^А.

14. Главному Кадию и двум Эфендиям, присутствующим в Духовном Правлении, вменить в обязанность составление Черкесского Алфавита и перевод Корана на Черкесский язык.

Примечание. Когда содержание этой книги будет доступно каждому, то политическое влияние духовенства уничтожится. Кроме того, по составлении народного Алфавита, Турецкий язык, на котором переписываются теперь Черкесы посредством мулл, выйдет из употребления.

Порядок судопроизводства. Военный суд.

15. Уголовные преступления подвергаются строгости и законам военным.

Духовный суд.

16. Духовенство не мешается в разборе дел гражданских. // (л. 88 об.)

17. Разбирательству Духовного суда, т.е. суда по Корану или Шариату, принадлежат:

- а) дела до совести и веры касающиеся.
- б) дела по несогласию между мужей и жен.
- в) дела между родителей и детей.

Третейский суд.

18. За исключением уголовных и вышеупомянутых дел, все прочие решаются Третейским судом, по древним обычаям.

Приставов» (Прим. А.А. Вельяминова к пар.3 [26, л. 71 об.]).

^А «Училище без сомнения полезно; но оно должно быть предметом особенного учреждения. Относительно училища нужно разрешить вопрос, должно ли оно быть в ведении министерства просвещения, или зависеть от какой-нибудь другой власти, подобно как наши духовные училища зависят от епархиальных архиереев и от Синода» (Прим. А.А. Вельяминова к пар. 13 [26, л. 71 об.-72]).

19. Если тяжущиеся лица изъявят общее согласие избрать духовную особу для разбирательства дела, то это не воспрещается.

20. Недовольные решением Шариата или Третейского суда должны перенести дело в Окружной суд^А.

Окружной суд.

21. В каждом округе учреждается суд, по примеру Временного Кабардинского, и составляется из Князей, первостепенных Узденей и одного // (л. 89) почетного Эфендия или Кадия – по назначению Начальства^В.

22. Члены Окружного суда получают жалованье.

23. Они собираются ежемесячно или чаще, в случаях особенной надобности, по приглашению Военского Начальника, к назначенному пункту ближайшего к ним участка Кордонной Линии.

Примечание. Черкесс нельзя далеко и на продолжительное время отвлекать от мест их жительства. Это тягостнейшее для них принуждение.

24. Окружной суд разбирает все тяжёбые дела между всеми состояниями народа, как то: Владельцами, Узденьями и простолюдинами в спорах, обидах и претензиях.

25. В случаях спорных дел между Владельцами и подвластными

---

^А «Решение Третейского суда не должно подвержено быть ничьему пересмотру. На решения Шареата достаточно жаловаться Начальнику Кавказской Линии и потом Главноуправляющему в Грузии. Дела будут оканчиваться скорее, а это составляет необходимую потребность для горцев, которые даже неправильное решение предпочитают медленности» (Прим. А.А. Вельяминова к пар.20 [26, л. 72]).

^В «При суде Третейском и при Шареате Окружной суд был бы по крайней мере бесполезен. Для разбирательства дел по правилам Алкорана члены его были бы в совершенной зависимости от кади, потому что один он в состоянии читать Алкоран. Для разбирательства по народным обычаям необходимо предоставить тяжущимся избрание судей своих, потому что этот суд основан на доверенности спорящих к судьям. Все статьи, относящиеся до Окружного суда, выходят бесполезны. В округах нужны распорядительные собрания, как объяснено в представленном мною Предположении.

Для понуждения неповинующихся к выполнению судебных приговоров Хан-Гирей полагает употребить вооруженных людей из горцев на содержании владельцев. Это избавило бы казну от значительных издержек, но представляет то неудобство, что исполнительная сила будет более в руках владельцев, а не Правительства. Сверх того, способ этот будет совершенно недостаточен между теми народами, которые князей не имеют» (Прим. А.А. Вельяминова к пар.21 [26, л. 72-73]).

Узденьями и простолюдинами, приглашаются в суд для совещания и суждения со стороны сих последних, // (л. 89 об.) люди по летам и приобретенному уважению избранные народом в депутаты для этих дел.

26. Все дела решаются по древним обычаям.

27. Признается полезным предоставить Воинскому Начальнику право присутствовать в суде, не вмешиваясь в совещания судей, но наблюдая за благочинием и порядком производства дел, допросом свидетелей и пр.

28. За присуждением виновного к удовлетворению обиженной стороны, суд налагает на него штраф, который поступает в ведение Воинского Начальника и записывается в шнуровую книгу.

Власть Русского Начальства

29. Приговоры суда представляются на утверждение Начальника Кордонной Линии.

30. Он утверждает приговоры с правосудием согласные; но удостоверившись, // (л. 90) что народные обычаи были недостаточны для решения дела по справедливости, или что оно решено под произвольным влиянием личных страстей – Начальник Кордонной Линии уничтожает приговор суда и решает дело Русскими законами.

31. Приговор суда Начальником Линии утвержденный или решение дела по Русским законам производятся в исполнение Окружным Начальником, как объяснено будет ниже.

32. Тяжущиеся лица, недовольные окончанием дела, имеют право жаловаться командующему войсками на Кавказской Линии и в Черномории и жалобам их должны местные Начальники дать свободный ход.

33. Командующему войсками на Кавказской Линии и в Черномории представляются ежемесячные ведомости по данной форме составленные, делам, решенным Окружными судами. // (л. 90 об.)

34. Так как на основании вышеизложенных правил, каждый Черкес должен быть уверен, что справедливые его притязания будут удовлетворены

законным образом – то наистрожайше воспрещаются всякие насильственные самоуправства, за которые виновные подвергнутся суду.

Исполнение судебных приговоров посредством вооруженной силы из туземцев образованной

35. Исполнение судебных приговоров возлагается на Окружного Начальника.

36. Находясь по должности в непрерывных сношениях с Владельцами, он склоняет их мерами убеждения иметь всегда в готовности несколько вооруженных людей из подвластных.

37. Если Князь или Уздень, присужденные к удовлетворению обиженной стороны и к штрафу, отказываются или медлят исполнить объявленный им приговор, то, смотря по важности случая, силе // (л. 91) и влиянию в народе упорствующего, один Владелец или два и более, Окружным Начальником назначенные, собрав подвластных, принуждают бунтовщика к повиновению законным властям.

38. Таким же образом арестуются Черкессы, совершившие уголовные преступления.

39. Для поощрения Владельцев к беспрекословному исполнению требований Русского Начальства, часть взысканного с него штрафа или даже весь штраф получают они в награду. Кроме того, отличившиеся постоянною готовностью ехать на экзекуцию представляются ближайшим Начальством к особенным наградам.

Участие мирных Черкесс в военных действиях против непокорных

40. Мирные Черкесские племена, освобождаясь от податей и иного рода повинностей, участвуют в набегах и экспедициях против непокорных, по приглашению Начальства.

Примечание. Сближая их с нами, эти действия поселят выгодную для нас вражду между ними и неприязненными горцами. // (л. 91 об.)

41. В действующем отряде Воинский Начальник предводительствует Черкессами округа, ему вверенного и объявляет им приказания командующего отрядом^А.

42. Часть баранты или добычи отдается им по распоряжению командующего отрядом.

43. Добыча, которую сами захватят, принадлежит им кроме пленных.

44. Пленные поступают в ведение Русского Начальства, и Черкессам назначается приличное вознаграждение, чтобы удержать их от убийства беззащитных.

45. По окончании похода Князьям, Узденьям и подвластным раздается некоторая сумма денег в виде жалованья за службу.

46. Кроме того, отличившиеся неустрашимостью и совершившие // (л. 92) похвальные подвиги, представляются к наградам^В.

Примечание. Полагать должно, что на этих основаниях мирные Черкессы весьма охотно пойдут в действующие отряды.

Аманаты

47. Если признано будет нужным иметь аманатов от покорных Черкесских обществ (в аманаты обыкновенно отдаются дети почетных лиц), то вместо того, чтобы содержать их в пограничных крепостях, на дурной пище и почти без всякого призрения – полезно для этих невинных созданий и для будущности Черкессии поместить их в Ставропольскую гимназию и в Екатеринодарское училище, при которых иметь мулл для преподавания им Магометанского закона, независимо от обучения Русской грамоте,

---

^А «Воинский Начальник или Пристав округа не всегда может быть при Черкесах в военных действиях. Нередко обстоятельства потребуют, чтобы он оставался в округе. Это не может быть предметом учреждения, а должно зависеть от распоряжений местного Начальства. Нельзя также поставить правилом, чтобы Воинский Начальник или Пристав, находящийся в отряде с Черкессами вверенного ему округа, начальствовал ими. Это должно зависеть от распоряжений отрядного Начальника» (Прим. А.А. Вельяминова к пар. 41 [26, л. 73]).

^В «Эти параграфы не должны, кажется, входить в общее учреждение; они могут быть предметом особенных распоряжений, которые подвержены изменениям, смотря по

арифметике и пр.^А

Примечание. Возрастающее поколение должно быть вообще предметом неусыпных попечений. // (л. 92 об.)

Попечитель Горских племен Кавказа.

48. Водворение общественного порядка и благоустройства между племенами дикими, невежественными, непостоянными встретит некоторые затруднения и требует близкого познания местностей края и его обывателей. По этой причине и по тому уважению, что управление мирными Черкессами по непосредственному соседству их с непокорными, сопряжено с военными действиями для обороны границы, наказания и покорения хищников и с возведением крепостей – Командующему Войсками на Кавказской Линии и в Черномории присваивается звание Попечителя всех Горских племен Кавказа.

49. Попечитель непосредственно исполняет благотворные предначертания Государя Императора о даровании горцам спокойствия и благоденствия и представляет прямо военному министру о нуждах и потребностях края, для доклада Его Императорскому Величеству^В. // (л. 93)

50. Обязанности Попечителя состоят:

- а) в наблюдении за точным исполнением Положения об управлении Горскими народами, которое удостоится Высочайшего утверждения.
- б) в утверждении власти России над горцами, независимо от мер кротости и убеждения, посредством возведения крепостей.
- в) в прекращении внутренних раздоров Черкес, в особенности

обстоятельствам» (Прим. А.А. Вельяминова к пар.45 и 46 [26, л. 73 об.]).

^А «Аманаты содержатся обыкновенно в укреплениях ближайших к тем народам, от которых они выдаются. Это делается по желанию их родственников, которые находят таким образом удобства чаще видеть их. Содержание аманатов конечно скудное; но более изобильное потребовало бы значительных издержек. В укреплениях, в которых содержатся аманаты, можно бы учредить училища, но едва ли будут они полезны. Аманаты довольно часто переменяются и потому успехов в учении ожидать нельзя» (Прим. А.А. Вельяминова к пар.47 [26, л. 73 об.-74]).

^В «Попечитель по званию Командующего Войсками и Начальника Области подчинен командиру Отдельного Кавказского корпуса; и потому прямые сношения с военным министром были бы противны общему порядку» (Прим. А.А. Вельяминова к пар.49 [26, л.

Владельцев.

г) в постепенном развитии образованности народа.

д) в смягчении его нравов.

е) в сближении его с Русским населением края.

ж) в поощрении хлебопашества, промышленности и торговли.

51. Попечитель возлагает на частных командиров Кордонной Линии следующие обязанности:

а) собрание подробных и положительных сведений о древних обычаях и обрядах Горских племен, для составления постоянных правил, коими, по рассмотрении и // (л. 93 об.) утверждении Попечителя, имеют руководствоваться Окружные суды, для единообразного судопроизводства.

б) приведение в известность податей или иного рода повинностей, отбываемых подвластными и холопьями в пользу Владельцев и Узденей, а равно и духовенства.

Примечание. Эти правила, быв представлены Попечителю и впоследствии времени лучше соображены и утверждены, доставят обоюдную пользу Владельцам, Узденьям и подвластным и послужат к отвращению всех случаев недоразумения и взаимных неудовольствий.

52. Многосложные обязанности Попечителя требуют большею частью денежных расходов. На этот предмет предоставляется в распоряжение его экстраординарная сумма.

53. Для особых поручений по управлению горцами назначаются к Попечителю один штаб-офицер и один обер-офицер. // (л. 94)

54. Им полагаются столовые деньги.

Флигель-адъютант полковник Хан-Гирей.

Адъютант военного министра гвардии ротмистр барон Вревский.

В дополнение к проекту Положения об управлении горцами, полагаю необходимым иметь при Главном Приставе или Военском Начальнике несколько старшин наиболее в народе уважаемых и подчиненных почетнейшему из них. Это способствовать будет к будущему соединению всех мирных Закубанских обществ в одно целое и должно, по мнению моему, облегчить приведение в исполнение вышеизложенных предположений^А.

Флигель-адъютант полковник Хан-Гирей.

---

^А «Мне кажется, что в этом предположении Хан-Гирей ошибается. Если из соединения старшин, предполагает он, сделать собрание распорядительное, то в нем кроме бесконечных споров и несогласий между старшинами ничего ожидать нельзя. Народные вражды будут иметь слишком большое влияние на дела. Если, думает он, сделать из этого собрания место судебное, то оно не может быть согласовано ни с учреждением Третейского суда по народным обычаям, ни с Шариатом. Во всяком случае подобное собрание кажется лучше отложить до времени» (Прим. А.А. Вельяминова к дополнению Хан-Гирея к основному тексту проекта [26, л. 71-71 об.]).

3. КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ О ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ К УСТРОЙСТВУ ЗАКУБАНСКИХ МИРНЫХ ПЛЕМЕН

Командиру Отдельного Кавказского Корпуса, Его Превосходительству
Евгению Александровичу Головину 1-му

В бытность Вашего Превосходительства в Ставрополе, Вам угодно было удостоить меня лестным для меня приказанием: изложить некоторые мои мнения об устройстве Закубанских мирных народов и представить на благоусмотрение Ваше при Вашем посещении Кавказской Линии.

Желая исполнить, по крайнему моему разумению, Ваше приказание с вниманием я рассматривал настоящее положение Закубанских мирных Племен и доселе существующий образ наших пограничных действий в отношении сих Племен и сопредельных с ними Горцев, и соображал предметы, которые бы могли быть положительно прочною и достойною *целью* действий высокого Правительства: ибо прежде всего я почитаю необходимым предположить *цель* действий, а потом изыскивать *меры* к достижению оной.

Какая бы ни была окончательная *цель* Правительства относительно мирных Племен, из моих соображений местных обстоятельств я заключил что:
// (л. 5 об.)

1) Закубанских мирных Племен не должно оставлять на дальнейшее время в настоящем их положении – *без прочного основания внутреннего управления*: ибо теперешнее их положение противно выгодам Правительства и выгодам самых Племен, которые, оставаясь в нынешнем их состоянии, постепенно истребятся от тех разорительных беспокойств, которые бывают следствием, с одной стороны, поведения самых Племен, а с другой, пограничных действий с нашей стороны.

2) Устройство внутреннего управления мирных Племен зависит единственно от доброй воли Начальства: ибо местные обстоятельства не представляют слишком затруднительных препятствий.

3) Отлагать устройство порядка внутреннего управления Закубанских мирных Племен до покорения Абедзахов, Шапсугов и Натхокоадцев, или до

совершенного обеспечения Черкесских берегов на Черном море от посещения Контрабандных Судов – значит действовать без всякой основательно обдуманной цели, сообразной с положением Края.

4) Судя по положению Края и по характеру народа, Правительство может предположить в // (л. 6) отношении мирных Черкесских Племен только две основательные и удобоисполняемые цели, из коих одно есть дело важное, государственное и самое выгодное для Правительства, и благодетельное для самих этих Племен: *ибо следствием достижения этой цели** Правительство будет иметь в случае войны в Европе многочисленную и отличную конницу, которой содержание будет обходиться Казне недорого как содержание казачьих полков; самим же племенам доставит прочное благоустройство и спокойствие; однако ж достижение этой *цели*, хотя удобоисполнимо, но представляет многие затруднения, требует чрезвычайную деятельность от Начальства, и значительные пожертвования от Правительства. Вторая же *цель*, а именно: *прикрыть мирными Племенами пограничную Линию*, – есть дело тоже выгодное хотя не столько прочное и полезное, но зато и менее представляет затруднений и требует пожертвований. Обе эти цели, хотя бы даже Правительство одобрило их должны быть отложены, на значительное время: потому что обеим должны предшествовать *предуготовительные // (л. 6 об.) действия*, о коих я упомяну ниже; и потому о обеих этих целях не нахожу нужным более распространяться здесь.

5) Еще можно предположить целью – сближать мирные Племена постепенно и исподволь с казачьими поселениями на Кавказе, и, наконец, обратить их в казаки как Бабуковцев²⁵⁵, но это предположение окажется совершенно несбыточным, и, не только самое исполнение этой цели, что, повторяю, совершенно невозможно, но и самое предположение, если оно обнаружится, будет вредно для Правительства и пагубно для Племен; наконец

---

* На полях, напротив подчеркнутых автором слов – текст «В чем же состоит эта цель?» (Ред.).

б) Какую бы *окончательную цель* не предположило Правительство относительно Закубанских мирных Племен, достижению таковой цели должны предшествовать, как я сказал выше, предуготовительные действия, кои заключаются в трех предметах, которые в настоящем положении Края заслуживают особенное внимание Начальства. Эти предметы *предуготовительных действий* суть следующие:

1) Подчинить Закубанские мирные Племена более полной зависимости от нашего Началь- // (л. 7) ства; и упрочить эту зависимость.

2) Устройство внутреннего состояния сих Племен довести до того, чтобы большая часть жителей оных находила явные свои выгоды в той зависимости от Начальства. и

3) Вооружить мирные Племена противу неприязненных к нам Горцев – Абедзахов и Шапсугов, и тем причиняя сим последним разорения заставить их почувствовать выгоды положения мирных Племен.

Эти предуготовительные действия тем более основательны, что они, с одной стороны, удобоисполнимы без больших пожертвований, а с другой, не только не могут остаться напрасными предприятиями и трудами какая бы ни была теперь или впоследствии *окончательная цель* Правительства относительно Закубанских мирных Племен, но, напротив того, сии предуготовительные действия будут способствовать всякому предположению относительно *прочного* устройства сих Племен; даже и во всяком случае необходимы, а потому, и не находя из местных моих соображений противуречие сему мнению, я // (л. 7 об.) имею честь представить при сем на благоусмотрение Вашего Превосходительства особое краткое изложение о предварительных действиях и мерах к устройству Закубанских мирных Племен.

В заключение я не могу не присовокупить, что если б я не был убежден в основательности всего изложенного в сих записках, то я не представил бы их на благоусмотрение Вашего Превосходительства, однакож я, без сомнения, мог, не с настоящей точки зрения смотреть на предметы и ошибиться в предположениях, и потому я приемлю смелость покорнейше просить Ваше

Превосходительство: если Вы изволите признать полезным немедленно приступить к устройству положения Закубанских мирных Племен, что я полагаю необходимым, но найдете нужным удостовериться в основательности мною излагаемых мер, то не благоугодно ли будет Вашему Превосходительству подвергнуть оные суждению частных Начальников Кавказской Линии, долговременным служением в здешнем Крае приобретших опытность в делах оною, но с тем однако ж, чтобы их суждения происходили в присутствии Вашем и я находился бы тут для того, чтобы я мог убедить- // (л. 8) ся в неосновательностях, которые они найдут в моих предложениях, или, напротив того, доказать основательность, пользу, даже и необходимость оных²⁵⁶. Снисходительность, которую Ваше Превосходительство окажете в этой моей просьбе, я почту для себя истинною милостию.

Флигель-адъютант полковник Хан-Гирей

№30-й

20 июля 1838-го [года]

Екатеринодар

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ О ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ К УСТРОЙСТВУ ЗАКУБАНСКИХ МИРНЫХ ПЛЕМЕН

1) За Кубанью противу Черноморской Линии, на р. Псакупсе или Пшише, построить одно укрепление.

2) В ведении Начальника сего укрепления состоять Племенам: Хамышейскому и Черченейскому и части Тчемргойского известной под именем Адемий, – составляющим всего около 60 аулов.

3) Другое укрепление построить на Белой, или на Лабе, в средоточии Племен Бесленеевского, Мохошского, Тчемргойского и Хатикосийского.

4) В ведении Начальника оною состоять всем четырем в предыдущем пункте поименованным племенам, в коих заключается около 82 аулов.

5) Закубанским: Ногайцам, Кабардинцам и Абазинцам состоять в ведении

одного Начальника, который должен иметь местопребывание, впредь до перемещения в более удобное место, в небольшом укреплении, построенном на левом берегу // (л. 9 об.) Кубани против Невинномысской Станицы.

6) Постройка укреплений должна производиться в рабочее время года, когда народ занят сенокосом или снятием хлеба, следовательно, летом: ибо весною легко может случиться возмущение в племенах, а осенью нельзя успеть окончить укрепления и строения, которые должны быть в оных.

7) Все три Начальника укреплений, ведению коих подчиняются таким образом составляемые три Округа*, состоят под непосредственным Начальством*: первый - командующего Черноморскою, а остальные два - Кубанскою Линий.

8) Начальники трех укреплений, вместе* с тем и составляемых Округов, именуются Комендантами*, а не приставами.

9) При каждом из них полагается – один письмоводитель, знающий турецкую и русскую грамоты, один словесный переводчик и один писарь.

10) Начальники Линий, коим подчинены Коменданты укреплений, сзывают Старшин подведомственных оным аулов, и объявляют им:

11) Что Высшее Начальство учредило укрепление и назначило Коменданта с целию доставить жителям // (л. 10) аулов их все возможные выгоды, и потому они имеют [право] обращаться к нему во всех своих делах, по которым нужно им обратиться к русскому Начальству.

12) Что Комендант не будет вмешиваться ни в религиозные и семейные их дела, но имеет обязанность во всяком случае доставить защиту притесненному, удовлетворение обиженному, когда таковые к нему обратятся, не иначе, однакож, как на основании Шариата и обычаев их духовных лиц, владельцев и Старшин.

13) Что дабы Комендант, по незнанию их обычаев и Шариата, не

---

* Слова «три Округа» подчеркнуты (Ред.).

* Слово «начальством» подчеркнуто (Ред.).

* Слова «Начальники трех укреплений, вместе» подчеркнуты (Ред.).

поступал противно оным, они, владельцы и Старшины, должны избрать из среды своей несколько почетных людей, к коим имеют более доверенности, и чрез коих Комендант будет действовать в случае надобности по тяжбым и другим спорным делам, требующим его содействия и разбирательства.

14) При избирании сих лиц Начальники Линий не испрашивают, однако ж, общего согласия Племена или целых сословий, но узнают от них тех лиц, к коим в настоящее время обращаются // (л. 10 об.) в своих делах, и из этих лиц назначают приличное местным обстоятельствам число присяжных и духовных Судей.

15) Этими Судьями производятся судебные дела, требующие разбирательства Коменданта; впрочем и тут тяжущимся представляется право избирать собственно от себя Судей и разбираться по обычаям или Шариатам.

16) Комендант представляет каждому свободу разбираться и судиться коренными обычаями или Шариатом, но если один из тяжущихся требует разбирательство Шариатом, то и дело решается оным преимущественно.

17) Комендант не вмешивается ни в какие тяжбы и т.п. дела, когда ни одна сторона из тяжущихся не обратится к нему с просьбою, за исключением, однако ж, тех случаев, когда дело может нарушать общественное спокойствие.

18) Все дела при Коменданте или по его вмешательству решаемые, вносятся в журнал на турецком и русском языках для справок в случае надобности.

19) Людям свободного звания преимущественно способным производить торговлю и рукодельные ремесла, // (л. 11) Комендант оказывает особенное покровительство в том случае*, когда бы они изъявили желание поселиться близ укрепления и под покровительством Начальства.

20) При этом, однако ж, Коменданту вменяется в обязанность строго наблюдать, чтобы поселяющиеся люди были совершенно свободные, а не такие, которые под каким-нибудь предлогом ищут свободу или находятся на

---

* Слова «Округов, именуются комендантами» подчеркнуты (Ред.).

* Слова «оказывает особенное покровительство в том случае» подчеркнуты (Ред.).

свободе.

21) Выходцам из неприязненных Горцев представляется право поселиться там, где они пожелают между мирными Племенами; поселиться же при укреплении и под особенным покровительством Начальства позволяется только семейным и тем одиноким людям, которые найдут поручителей между прежде поселившимися; в противном случае им представляется выбирать себе местожительства между мирными аулами.

22) Коменданту представляется право, с согласия Старшин подведомственных ему Племен, приглашать с других мест* эфендиев и мулл, буде в них предстоит нужда. // (л. 11 об.)

23) В случае заразительных болезней в горах или в соседних Племенах, равно буде предвидится недостаток хлеба в народе, также частые воровства внутри Племени, Комендант может делать, посоветовавшись с владельцами и Старшинами и сообразно обычаев туземцев, разные запретительные распоряжения, налагая на ослушание штрафования*.

24) Взыскиваемый штраф отдается, на основании коренных обычаев, тому, кому представлено взыскание оно, однако ж он не может ни отменять штрафа, ни прощать ослушника.

25) При каждом укреплении учреждаются базарные дни для удобства и распространения* меновой торговли.

26) На сей предмет при каждом укреплении находится достаточное количество разных товаров, нужных для меновых оборотов*.

27) Сия часть поручается особому чиновнику, которому дается полное наставление*.

28) Цена товарам, отпускаемым и получаемым, устанавливается Высшим

---

* Слова «приглашать с других мест» подчеркнуты (Ред.).

* Слова «запретительные распоряжения, налагая на ослушание штрафования» подчеркнуты (Ред.).

* Слова «При каждом укреплении учреждаются базарные дни для удобства и распространения» подчеркнуты (Ред.).

* Слова «товаров, нужных для меновых оборотов» подчеркнуты (Ред.).

* Слова «полное наставление» подчеркнуты (Ред.).

Начальством, и такса*, на языках турецком и русском, прибавается под сатовкою²⁵⁷ так, чтобы всякий желающий мог его видеть. // (л. 12)

29) Комендант надзирает за исполнением в точности все установленные части меновой торговли.

30) Приезжающие в укрепление для мены в установленные дни, должны предъявлять от владельца аула записки, каковые за подписом Коменданта выдаются в достаточном количестве владельцам аулов.

31) Если владелец или Старшина аула, которому выданы от Коменданта записки, снабдит жителя другого аула или неприязненного, запискою, то подвергается взысканию штрафа на сей предмет определенного.

32) Комендант сзывает владельцев аулов и по несколько Старшин от каждого аула и объявляет им установленный порядок меновой торговли, при чем выдает в каждый аул копию с утвержденного Начальством такса*.

33) Начальники Линий объявляют мирным Племенам, что добыча, захватываемая теми* из них, которые, находясь ли в наших отрядах или сами по себе при набегах на неприяз- // (л. 12 об.) ненных Горцев, отдается в собственную их пользу*.

34) Во всех экспедициях, производимых нашими войсками, брать сколько можно побольше мирных Черкес*.

35) Награждать их за услуги и храбрости оказываемые противу неприятеля во время экспедиций наших войск, - как это и ныне делается, - чинами, орденами и преимущественно денежными наградами.

36) Эту милость оказывать и в тех случаях, когда они окажут замечательные поступки, отражая нападения неприятеля на их аулы, также и при своих набегах на неприязненных Горцев, равно вдовам и сиротам убитых неприятелем.

---

* Слово «такса» подчеркнуто (Ред.).

* Слова «начальством такса» подчеркнуты (Ред.).

* Слова «добыча, захватываемая теми» подчеркнуты (Ред.).

* Слова «отдается в собственную их пользу» подчеркнуты (Ред.).

* Слова «побольше мирных черкес» подчеркнуты (Ред.).

37) В случае больших сборищ в неприязненных Племенах для нападения на мирных, давать сим последним помощь*.

38) Установить правилом, что все, взятое у неприязненных Горцев мирными Племенами, остается без возврата, хотя бы неприязненные впоследствии покорились или примирились.

39) Мирные Племена не делают набегов на тех жителей в пределах неприятеля, преданных // (л. 13) нам, которые будут указаны Начальством.

40) Во избежание неясностей по сему предмету Начальство немедленно указывает мирным Племенам неприязненных, на которых они могут нападать, и приязненных, которые не принадлежат сему разрешению.

41) Начальство старается иметь в каждой значительной речке, по коим живут неприязненные Горцы, по два и более лазутчиков, дабы знать все там происходящие движения.

42) Частных лиц, проживая между неприязненными Горцами желающих быть с нами в мирных сношениях, за исключением тех для сказанного в предыдущем пункте цели, стараться вызвать на жительство в мирные Племена, составляя из них аулы, или поселять их в других аулах; почетнейшим из выходцев оказывать сообразные с обстоятельствами вспомоществования.

43) Строжайше запрещать жителям мирных Племен под страхом взыскания штрафа передавать под каким бы то ни было предлогом неприязненным Горцам – соль, // (л. 13 об.) железа, ткани и прочие предметы торговли, производимой с нами.

44) Необходимый отпуск товаров в неприязненные к нам Племена чрез преданных нам и там проживающих лиц - ограничить.

45) При каждом укреплении построить мечеть, при коем имеет находиться мулла для отправления духовных треб в базарные и другие дни, когда туземцы посещают укрепление.

46) Аманаты - дети, которые могут быть взяты от жителей разных частей Края, должны быть содержимы прилично и обучаемы русской и турецкой

---

* Слова «давать сим последним помощь» подчеркнуты (Ред.).

грамотам, для чего мулла при мечети должен постоянно жить в укреплении, а при Коменданте полагается учитель.

47) Если частные лица окажут неповиновение распоряжениям Коменданта, то они наказываются взысканием штрафа на сей предмет определяемого.

48) Если сопротивление будет оказано целым аулом, то посылаются отряды для наказания виновников, однако ж*, в таком только случае, когда необходимость того потребует, и то с разрешения Высшего Начальства. // (л. 14)

49) Вообще в сношениях с неприязненными Племенами стараться растроивать общественные их согласия в неприязненных действиях или расположении противу нас.

Выше сего изложенными предметами ограничиваются *предуготовительные действия* впредь до учреждения порядка управления мирными Племенами на основании *окончательной*, относительно сих Племен, *цели* Правительства.

К №30-му

20 июля 1838 г.

Флигель-адъютант полковник Хан-Гирей

---

* Слова «отряды для наказания виновников, однако ж» подчеркнуты (Ред.).

РАЗДЕЛ IV. НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ФРАГМЕНТЫ, ЧЕРНОВЫЕ АВТОГРАФЫ

В IV разделе настоящего издания помещены документы, представляющие собой черновые автографы различной степени завершенности.

Отличительной особенностью любого черновика является динамика текста, демонстрирующая стиль авторской работы, методику шлифовки текста и дающая возможность позднейшему исследователю воочию наблюдать овеществленное отражение хода авторской мысли.

Одной из самых сложных задач, стоящих перед публикаторами черновых автографов, является адекватная передача всех особенностей авторского текста. В нашем сборнике черновые автографы воспроизводятся посредством следующей системы обозначений: фрагменты текста, зачеркнутые автором, передаются зачеркнутым шрифтом; подчеркнутые места при воспроизведении также подчеркиваются; вычеркнутый, а затем восстановленный автором текст обозначается подстрочным пунктиром; авторские вставки в основной текст (это могут быть как надстрочные вставки, так и обширные фрагменты текста, переносимые с полей документа) печатаются курсивом; вставки во вставляемый текст передаются также курсивом, но шрифтом, отличным от базового; пропущенные автором буквы и недописанные окончания слов (иногда – вследствие дефекта бумаги) помещены в квадратные скобки; не поддающийся прочтению текст вследствие неразборчивости почерка обозначается многоточием, заключенным в квадратные скобки; восстанавливаемый по смыслу текст помещается в квадратные скобки и сопровождается вопросительным знаком.

Для удобства работы исследователей над документами окончательная редакция авторского текста (т.е. вариант, на котором остановился автор в момент окончания работы над текстом) выделена полужирным шрифтом; прочий текст набран шрифтом меньшего размера.

Наличие в нашем распоряжении фрагментов черновых автографов опубликованных работ Хан-Гирея («Наезд Кунчука» и «Бесльный Абат») позволяет отразить не только процесс авторской работы над текстом, но и ее окончательный результат, отраженный в газетной публикации (не исключая, впрочем, и вероятность вмешательства в текст редактора печатного издания). Для наглядности нами одновременно печатаются оба варианта текста.

СЕРАСКИР СУЛТАН МУГАММЕД-ГИРЕЙ

I.

Султан Мугаммед-гирей, бесспорно, принадлежит к ограниченному числу самых замечательных людей нашего края: ни один из уроженцев этого края не пользовался здесь, со времени покорения Россией Крыма, ни столь громкою известностью, ни столь обширным влиянием и властью как он. Кто хорошо знает нашу страну и дух народа, среди которого судьба определила явиться этому замечательному человеку, тот удивится важности положения, до которой он смел достичь своими дарованиями.

Султан Ислам-гирей, или правильнее, Ислам-гирей султан (1)*, потомок одного из Крымских Ханов, которого изменчивая судьба двукратно взводила на престол Крымский, из Румелии переселился в Черкесию и был основателем дома султанов Ислам-гиреевых, из которого происходил наш Мугаммед-гирей, более известный под именем Ислам-гиреева, столь им прославленным в новом отечестве его предка ( )*. Видно из преданий, что Ислам-гирей был храбрый человек и ума замечательного, как мы должны заключить по его делам, которых коснемся здесь хоть слегка: они показывают, что человеку везде и во всяком состоянии свойственна забота о судьбе своего потомства. Крымские султаны, жившие между черкесскими племенами, нередко пользовались обширною властью в этой стране и влиянием, но это проистекало или от поддержки со стороны Крыма, как мы объясним далее, // (с.2) или следствием особенно выгодного их положен[ия,] напр. связей дружеских и достаточного состояния, и во всяком случае основывалось на личные их достоинства — ума, щедроты и мужества, а как знатность происхождения, сильно способствующая человеку с дарованиями к возвышению, не может

---

* Ссылка автора. Тексты ссылок отсутствуют (Ред).

* Ссылка автора. Номер ссылки отсутствует (Ред.).

однакож повелевать природою, единственную раздавательницею талантов, то многие султаны оставались беднее и униженнее и самых Князей черкесских, у которых по крайней мере были пристанища: у них были свои племена, в которых правá их предков, правá столь же древние, как и самые племена, доставляли им какое-нибудь господство и при бедности и слабости одинаково неизменное, а при способностях и успехах взводившее их на значительную степень владельцев; Султаны же, напротив того, в слабости и бедности оставались при одной знатности *своего* происхождения, которая если охраняла их от посягательства на их личность, это уже было мног[o.] Их правá в этой стране были основаны на силе, следовательно, они при бедности и слабости сами собою исчезали, и сила только могла их снова поднять и возстановить; при таком положении дел, обедневшие султаны по необходимости должны были оставаться под тенью оскорбительной снисходительности Черкесских Князей тех племен, в которых *они* жили. Ислам-гирей сообразил, что в счастии его потомки успеют возвысить власть свою, *разширить* и круг своих действий и влияния, и потому лутчше принять меры противу бедствий, которым они как люди всегда могут подвергнуться. Для этого ... [обрыв текста фрагмента №1] // (с.3)

<...> щественного по населенности своей и воинственности, и водворился в нем на ~~условьях,~~ *следующих ~~двух трех четырех~~ главных условиях, заключенных с Князьями этого воинственного ~~плем~~ и древнего племени.*

I*. Во всех ~~делах,~~ *случаях,* касающихся до внутренних *дел* племени, ~~обстоятельствах~~ *равно и в сношениях с иноплеменниками по общественным делам,* Султану Ислам-гирею ~~стоять~~ и его потомкам стоять на челе *Хамышейских Князей и их потомков.* ~~и пользоваться внутри племени равными иными правами.~~

---

* Нумерация условий договора была добавлена автором позднее. В оригинале условия договора перечислены сплошным текстом без разбивки на абзацы (Ред.).

2. Ему и его потомкам пользоваться ~~внутри~~ ~~внутри~~ Хамышейского племени всеми правами *владения и власти* Хамышейских Князей.

3. Несмотря на этот пункт, сравнивающий его и его потомков с Князьями *и их потомками* ~~и их потомками~~ племени, и в случае важных происшествий между ими самими, Ислам-гирей и его потомки сохраняют в относительно чинопочитания ~~и~~ в обхождении преимущества своих предков — *потомков* Ханов Крымских, и первенствуют между Князьями и их потомками.

4. В делах вне Хамышейского Племени, и в сношениях своих с другими племенами, или народами, Ислам-гирей и его потомки пользуются ~~обычн~~ ~~ыми~~ ~~и~~ *преимуществами* и правами своих предков, а Хамышейские Князья *и их потомки* следуют за ними, поддерживают ~~его~~ ~~их~~ не в качестве равного с ним, а ~~подчиненности~~ *младших союзников*.

Протчие ~~условь~~ статьи условий были второстепенные, имевшие с большею или меньшею видимостию целью не распространить власть Ислам-гирей и его потомков внутри Хамышейского племени далее *черты*, определенной ~~черты~~ выше приведенными пунктами условий. ~~черты~~. // (с.4)

В это время Крымское Ханство ~~было~~ ~~быстр~~[о] приближалось к разрушению, мятежи и междоусобия обуревали его, а семейская вражда, о которой мы будем говорить далее, не позволяла Ислам-гирею ожидать какую либо помощь из Крыма, Турция же тоже *была* немного в лучшем положении, ~~Крыма~~, следовательно Ислам-гирей довольно благоразумно поступил обеспечив, ~~таким~~ сколько это было возможно, [...] * таким образом будущность своего семейства при самом начале своего водворения в Черкесии. Как бы то ни было а он был основателем дома Султанов Ислам-гиреевых. * ~~в котором до всегда был был всегда, [до нас?],~~ один замечательный человек, его поддерживавший.

Человек, *Султан Мугаммед-гирей*, которого жизни посвящена

* Одно слово вставлено простым карандашом (Ред.).

* Предложение подчеркнуто красным карандашом (Ред.).

предлагаемая нами статья, ~~был~~ *был по прямой линии* пятым потомком Султана Ислам-гирея, ~~по прямой линии~~. Его отец Аслан-гирей, которого имя, в новом его отечестве, он возвысил до высшей степени. Его отец, *Отец Мугаммед-гирея*, Султан Аслан-гирей, пользовался ~~особенным~~ уважением в своем кругу большим уважением как храбрый воин, умный и степенный человек. ~~Аслан-гирей~~ *Он посетил* Румелию, был и в Константинополе, где его приняли с большою внимательностию, даже ~~имен~~ представляли повелителю правоверных, а эта честь редко *уже* кому оказывалась. Из Константинопольского Казнохранилища, т.е., оружейной палаты, пожалованные ему вещи доселе хранятся у его ~~потомков~~ внуков. Он *Аслан-гирей* был и прежде религиозный человек, но по возвращении своем <...>

[конец текста фрагмента №2]

НАЕЗД КУНЧУКА

Текст из архива АРИГИ	Опубликованный текст (Кавказ. 1846. №37).
<p>“... по порядку. — “Развешай уши! справо по одному тихим шагом марш! Стой!... а кто впереди? “Предание!” и вот судари мои я расскажу вам это предание²⁵⁸.</p> <p>Красавицы гор на тенистых порог[ах] За рукодельем подвиги храбрых поют: “На крутых кипучей Лабы берегах Питомцы войны арканы вьют</p> <p>Не на ладьях — грудью бурных коней Разсекают Кубани шумные струи; Пустыни безбережных степей Пролетают падучей звездой.</p>	<p>В верстах пяти от нынешнего Павловского поста, на левом берегу Кубани, среди глухого леса, в шалаше, толпа черкесской молодежи беззаботно веселилась и громко пела песню, порой заглушаемую звонким ударом нагайки или плеском воды:</p> <p>“Красавицы гор, на порогах саклей, за рукодельем, поют про подвиги храбрых. На крутых берегах кипучей Лабы, питомцы брани вьют арканы;</p> <p>а Темир-Казак, с небес в ясную ночь – указывает им сакли врагов.</p> <p>И вот, не на ладьях, а грудью бурных коней разсекают они Кубани шумные воды, и пустыни безбережных степей пролетают падучею звездой.</p>

От стуж и непогод их хранит,
 Кипящая в них богатырская кровь
 Темир Казак с небес им кажет
 В ясную ночь сакмы²⁵⁹ врагов.

Вот пред ним и Дон древний шум[ит],
 Плещет и седые волны катит.
 И туман над ним угрюмо спит

И дикая лань тихо его *воды* пенит.”

Так пела молодежь в чаще леса на северном берегу Куба[ни], отсудово, от Павловского по[ста] // в четырех ~~или пяти~~ верстах вверх по ее течению. Звонкий удар нагайки и шум всплеска воды перервали пенье веселой толпы молодежи в шалаше, и никто еще не успел взглянуть на реку как подъехал наездник на

Вот, пред ними и древний Дон
 плещет и седые волны катит;
 над волнами стелется туман;
 в мгlistой выси коршун лишь чернеет,
 а по берегу лишь робкие лани бродят...”*

Вдруг, вблизи раздался чей-то голос. Певцы

* В отличие от рукописи, в газетной публикации текст песни записан в строку (Ред.).

изнуренной ~~лм~~ коне с луком на шее. Он разсеяно пел известную ~~н~~битво-описательную песню Карбека, которую суеверные черкесы почитают несчастною зловещею. Все в шалаше вздрогнули разслушав несколько слов невидимого певца, а на лице старшего в толпе страх предразсудка провел ~~нен~~беспорядные черты досады и неудовольствия.

“Подите, — узнайте, что это за собака подошла к нам с такою ~~им~~ кровожадным зловещим воем?..” сказал старшина, но наездник - незванный гость, был уже на пороге.

“Да умножатся ваши добычи отваги добром дальн[их] народов! Могу ли войтти к вам?” сказал он [и] [обрыв текста]

примолкли, вслушались и вздрогнули. Кто-то напевал известную битво-описательную песню Казбека, которую суеверные черкесы почитали зловещею.

“Подите и узнайте, какая это собака подошла к нам с таким зловещим воем?..” — с досадой воскликнул старшина; но, незванный гость был пред ними.

– Да умножится добыча ваша добром отнятым у дальних народов! Могу ли к вам войдти? сказал незнакомец <...>

БЕСЛЬНИЙ АБАТ

Текст из архива АРИГИ	Опубликованный текст (Кавказ. 1847. №47).
<p>...относились ~~до~~ к людям, которые ему не нравились, – были слишком язвительны и нередко даже грубы; он не мог равнодушно говорить о тех, в особенности, из них, которых называл обыкновенно <u>галунными Князьями</u>. Это черкесские <u>дворяне</u> (оркк), знающие русский язык и ~~между русскими, называющие себя Князьями~~ (которых ~~число~~ <i>впрочем [и немного,?]</i>) и, с глупою спесью, ~~называющие~~, между русскими, себя <u>называющие Князьями</u>. Бесльний вероятно [н]е знал, что <u>фальшивая монета иногда принимается за настояще</u>, ~~хотя пока не обнаружится обман, и обманщи~~ но он, конечно, и не воображал, что с помощью ~~более~~ <i>сиятельного титула, хотя и изрядно фальшивого можно иногда превыгодно жениться ... на сотнях душ</i>. Бесльний конечно не знал, что при блестящем титуле ~~Княжеском, хотя с сам[ой]ым~~ подлым малодушием ворованном, можно иногда превыгодно жениться ... на <u>сотнях душ</u>.</p> <p>Из Академии мы возвратились прямо домой — и какая радость ожидала Бесльния: он узнал, что фельдмаршал прибыл из Варшавы! Благодарный старик не мог дожидаться утра — так ему <i>хотелось</i> скорее броситься, ~~но собствен~~ как</p>	<p><...> его шутки были слишком язвительны, даже грубы, если их возбуждал человек, которого он не любил. В последние годы в особенности он ненавидел людей, которых обыкновенно называл “галунными князьями”. Это <u>дворяне</u> черкесские, которых число, впрочем, невелико, знающие русский язык и между русскими с глупою спесью называющие себя <u>князьями</u>. <...></p> <p>Из Академии мы возвратились на квартиру, и какая радость ожидала моего спутника. Он узнал, что фельдмаршал прибыл из Варшавы. Благодарный старик не мог дожидаться утра: так ему хотелось броситься скорее, как он выражался,</p>

он выражался, к ногам своего благодетеля, который, когда свет Божий сделался для него мраком, возвратил ему зрение: “Между живыми я уже был мертв, но он возвратил мне жизнь доставив [мне?] средства, с которыми я надеюсь достигнуть мои желания!” говорил он исчисляя мне благодеяния, фельдмаршалом ему оказанные. Признаюсь, такая благодарность — живая, искренняя, в землячке моем сильно меня радовала: у нас, как и везде, так много неблагодарных людей... виноват! я хотел сказать: животных; а я почитаю олицетворенною подлостью два рода животных[:] неблагодарных и ... но о животных последнего рода, я намерен на досуге издать целую Книгу, и потому здесь не стану об них говорить.

Ночь, предшествовавшая утру, в котором Бесльный был у фельдмаршала, он провел без сна. В 9. часу он был уже в Шепилевском дворце²⁶⁰ и, при виде своего благодетеля, хотел броситься к его ногам, но фельдмаршал поднял его, и так милостиво обошелся с старым своим знакомцем, что бедный старик совершенно был счастлив. // (с.73)

“Блажен тот, кто свой язык на привязи может держать” сказал прославленный *славный русский* поэт²⁶¹, и теперь повторяют кстати и некстати его слова, с которыми, однакож, я не совсем согласен: по крайней мере, мне кажется, что тот еще более блажен, кто не имеет нужды привязывать свой язык; и зачем, *уд* о боже мой!

к ногам своего благодетеля.

Признаюсь, такая благодарность, живая, искренняя, в моем землячке меня радовала: у нас, как и везде, много неблагодарных...

На другой день, очень рано утром, Бесльный был уже в Шепилевском дворце, и фельдмаршал так милостиво принял его, что бедный старик был тронут до глубины сердца.

привязывать его, когда можешь говорить во всеуслышание, лишь бы мы говорили не противу своей совести, как человек, и не противу долга, как *подданный* и член общества? Вот этого я уже и не понимаю. Как бы то ни было, и я ~~не стараюсь~~ редко ~~не стараюсь~~ никогда удерживать свой язык не скрою теперь ~~не скрою~~ мысль, которая пришла мне, когда я говорил о благодарности Бесльния. Этому благодарному старику никогда и не ~~пришла бы в голову мысль~~ *вообразилось бы* что он, падая к ногам своего утешителя, мог заставить другого европейца, видом изъявления своей благодарности, принять ~~его~~ *себя* за низкого человека и подлого льстеца. Да, говорят, между европейцами встречаются люди, которые считают бедных азиатцев какими-то отверженными детьми человечества. Слава богу, число таких европейцев невелико, и они составляют самый ничтожный класс* в обществе, презираемый умными, истинно просвещенными европейцами, которые [...] вменяют себе в обязанность прежде исследовать [вещ?] качество вещи, которой хотят дать имя, узнать причины поступка человека, а потом [...] осудить его. Вид старика-азиатца у ног вельможи изъявляющего [...] благодарность, произвел бы на лице таких европейцев знаки презрения, а из уст [из] их вырвал бы замечания о низости азиатцев. Да, это могло случиться, и вы — предполагаем, с вашего

* Может быть прочитано и как «клан» (Ред.).

позволения, что вы простосердечны — подумали бы, что эти люди дышат честью душевною, т.е. внутренним сознанием собственного своего достоинства, и презирают в душе своей все, что только носит признаки нравственной низости. Не торопитесь, ~~м.ф.~~ однакож, вашим заключени[ям] [обрыв текста]

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКЛАД О ПОЛОЖЕНИИ ГОРЦЕВ
1837-1840 ГОДАХ И О МЕРАХ К УМИРОТВОРЕНИЮ ИХ*

<...> Пяти обществах²⁶² ѓб населенность простирается до «14,000» душ мужескаго пола. Оно состоит в распоряжение и повиновении Начальства, но хотя доселе требования Начальства от жителей более или менее ограничиваются сохранением внутри Племени спокойствия, и потому по-видимому, при перемене сего обстоятельства и спокойствие может быть нарушено; в землях оногo находится до 20 укреплений, а ныне учреждают [x x x]*.

Для управления Большою Кабардою учрежден, еще во время командования генерала Ермолова, временной Суд, состоящий из Князей и Дворян, туземцев, и имеющий пребывание в кр. Нальчике, которая находится построеной в средоточии Большой Кабарды. Малая Кабарда имеет пристава, но в важнейших делах обращаются к Суду временному, Начальник Кабардинской Линии имеет ~~силу~~ *который состоит под веданием Начальника Кабардинской Линии, имеющего сильное влияние на дела, в Суде производящиеся. В суде дела разбираются преимущественно Шариатом, разумеется, за исключением уголовных дел; на коренных же обычаях, мало производят суд, ибо Кабардинцы с давнего времени питающие религиозные идеи, в своих вообще делах предпочтительно следуют правилам Алкураана. Уголовные же дела предают русским законам. Состав временного Суда очень хорошо приурочен к положению народа. Как в аулах обществах, так и в аулах, нет особенного устройства управления кроме издревле существующих обычаев, на основании коих владельцы управляют владельческими аулами, князья состоят в связях с дворянами и т.д. ~~что~~ При всем том, однакож, как и в обществах, так и в*

* Название документа приведено по заголовку, надписанному на первой странице сохранившегося фрагмента красным карандашом (Ред.).

* Мысль не закончена (Ред.).

* В оригинале предлог «в» написан два раза подряд (Ред.).

аулах ~~еущее~~ сохраняется порядок и спокойствие, за исключением экстренных происшествий, ~~благодаря влиянию~~ временного Суда, который как средоточие управления, при- // (л. 1 об.)* ~~носит существенную пользу как Правительству Начальству, так и народу. Сие племя подчиняя оному [на все?] народ, и народу по малосложности образа управления, своего состава и образа действий.~~

Жители сего племени, пользуясь продолжительным спокойствием и выгодами попечительности Начальства заметным образом приобретают благосостояние — скотоводство у них вообще увеличивается, хлебопашеством ~~они~~ занимаются они довольно прилежно, ~~и имея и имея свободные и удобные для покупки и мены всего [нужн.?] сношения с жителя[ми] Кавказской области не нуждаются ни в чем, что подобно другим горек своим соплеменникам. Они ~~состоят~~ Земли их ныне ограничены к западу р. Малкою, [...]~~ и как они имеют довольно большие табуны лошадей и стада овец, ~~как а~~ земли, лежащие ~~на~~ за Малкою, к западу, которыми они прежде владели, весьма удобные для пастбищ, то и нуждаются в них землях, ~~которые могут~~ могущие им доставлять привольные пастбища. // (л. 2)

~~На~~ Пространство, лежащее между Малкою, границею Кабарды к западу, ~~до~~ и вершиною Кубани, ныне отделяет ~~ее~~ кабардинское племя от остальных Черкесских племен. Сие пространство к северу ~~или~~ к северу отчасти занято казачьими поселениями, ~~или~~ а к югу лежит пустопорожнею; горы же, между вершинами Малки и Кубани, Карачаевским племенем. Следовательно Кабардинцы ~~Большой и Малой или преимущественно~~ с разрешения Начальства только могут иметь удобные сношения с закубанскими племенами, ~~или чрез горы~~ ибо сообщение чрез гор [чре.?] очень затруднительно. Между На этом пространстве, между вершинами Малки и Кубани, находятся и несколько аулов Ногайских и Абазинских. ~~Горные племена~~ Кабардинцы, большой и малой Кабарды, в

* Документ нумерации страниц не имеет (Ред.).

случае возмущения *народа* и решительного намерения удалиться ~~вне~~ ~~в-зем~~ ~~вне~~ нашей власти, ~~могут~~ предпримут переселиться только к закубанским ~~горны~~ черкесам, обитающим в горах, ибо в ущельях гор, за ними лежащих, они не найдут убежища на продолжительное время, переход же ~~к~~ за Кубань в нынешнее время для них чрезвычайно затруднителен даже почти невозможен и с поте- // (л. 2 об.) [рею] всего движимого имения; и потому можно предполагать, что Большая и Малая Кабарда пребудут спокойно если Правительство *и* решится им дать переобразование более прочное. При всем том ~~не должно, однакож,~~ *однакож, не должно*, выпустить из виду ~~и~~ что ~~они~~ небольшие требования наши, например, доставка леса в *укрепления* за известную плату из казны, ~~и~~ и проч. ~~их~~ ~~приводит~~ смущает их умы и приводит в сомнение, а из этого явствует что если переобразование, ~~какое~~ *которое бы [...]* им Правительство не даст, не будет обеспечивать их выгоды, соразмерять обязанности с их состоянием, и не будет применено к нравам их и обычаям, то ~~и~~ они могут подвергнуться возмущениям, для них бедственным. В заключение должно прибавить, что ~~их~~ ~~недоверч~~ ~~шаткость~~ и неуверенность в твердости и ненарушимости своего положения, их приводит в шаткость, ибо они естественным образом ~~видят~~ не верят, чтобы их навсегда оставили без ~~и~~ каких-либо обязанностей, а ~~какие~~ а недоуменья какие это будут обязанности, невежество, легко верующее ложным слухам, их тревожат. // (л. 3)

После Кабардинского племени следующие, в показанном выше порядке, 7 племен, ~~находятся~~ а именно: Бейсленеевское, Мохошское, Тчемиргоевское, Хатикоайское, Черченейское и Хамышейское, — сходятствуют в нынешнем своем положении как и прежде, и потому все, что можно сказать об одном, то характеризует ~~дру~~ остальных, за исключением мелочных несходств. Их аулы расположены ~~и~~ ~~на-р~~ [...] на равнинах между Кубанью и гор имея протяжение от востока к западу в таком порядке как они здесь поименованы, на реках: ~~Лабе~~ Уоарпе, Лабе, Шхакоаше, Пшише, Псекупсе, и других речках. Первые более отдалены

от Кубани и близки к а последние отчасти живут на самом берегу Кубани. Населенность всех этих племен примерно полагается от 35 до 40/т. душ; впрочем верно нечи это э сие исчисление нельзя почитать верным. Между ними Бесленевское, Тчерргоевское и Черченевское самые сильные. В сих племенах высшее сословье состоит из Князей и Дворян; послед- // (л. 3 об.) ние подразделяются на первые и вторые степени и мелких; низший класс народа состоит из свободных земледельцев хлебопашцев и крепостных на разных условиях. Подробности нрав коренных обычаев, на коих основаны права выеши и обязанности сословий, можно видеть из “Записок о Черкесии” некогда мною представленных на благоусмотрение Начальства. [...] В духовное звание могут поступають из каждого сословья; духовные лица вообще пользуются большим уважением в народе. В сих племенах Князья и Дворяне, - хотя их власть в некоторых племенах уменьшилась по проискам Хасан-Паши, - пользуются и поныне правами владельцев. Образ правления, подробности коего здесь неуместно помещать, и поныне те же тот же, какою были и преже издревле. Дела разбирают преимущественно на основании коренных обычаев, и к шарияту, или к духовному разбирательству, неохотно при- // (л. 4) бегают; впрочем когда и разбираются оным, то духовные судьи или кадии, применяются к поня более или менее к образу мыслей к смыслу коренных обычаев, ибо без таких применений в сих племенах Шариат не имел бы большого влияния. Коренные же обычаи относительно разбирательства тяжёбных дел вообще были бы очень удобны, так как третейский суд есть их основание, но если бы родовые права выеши в высшем классе не уничтожали часто еправедливость суда их очевидную пользу. Покорность нашему начальству сих племен, в настоящем их положении, самая ненадежная; при малейшем страхе, [н?] даже недоверчивости к частным начальникам, они целые из них племена могут удалиться к неприязненным к нам горным племенам, за ними в горах обитающим,

чему ~~у~~ были *уже* примеры и бывают. Конечно [...] ~~их~~ уход *некоторых из них* нам не приносит *большого* вреда но их самих разоряет, а между тем бывает причиною недовер- // (л. 4 об.) чивости остальных к нам и непрерывным тревогам, которые ~~не~~ ~~видимому~~ и [...] не позволяющим предаваться каким нибудь ~~зан~~ постоянным и полезным занятиям, а все это в совокупности ведет их, по видимому, к постепенному истреблению. Следствием ~~военной деятельности Начальника Кубанской Линии в последние годы~~ племена живущие на Лабе умирены.*

~~Эти~~ племена Каждое из сих племен потерпело неоднократно разорения от сильного Абадзехского племени, занимающего протяжения гор противу *их* жительства; Абадзехи так в свою очередь неоднократно подвергались поражениям от жителей сих племен; следствием этого ~~хотя~~ неприязненные чувства ~~между ими никогда не~~ ~~нет~~ ни у тех ни у других никогда не истребляется хотя они *и* заключают между собою мирные условия и ~~живут~~ *живут* несколько спокойно. Из этого очевидно, что немногого нужно для вооружения племен, обитающих на равнинах *и мирных к нам*, противу жителей гор, *к нам* неприязненных ~~к нам~~. // (л. 5)

Остальные три племени черкесского народа, а именно: Абадзахи, Шапсуги и Натхокоадь, занимают горы начиная от вершин Псфира, (речки впадающей в Лабу) до берега[в] Черного моря, в таком порядке к[ак] здесь они поименованы; а вдоль *же* берегов моря до земель, обитаемых абхазски[ми] коленами Убых, Саше и проч. живут Натхокоадьцы и Шапсуги смешанно. Определить число жителей этих трех племен нет никакой возможности даже приблизительно; [...] полагают, однакож, их населенность примерно до 30/т. дворов. Между ними Шапсуги самое сильное и воинственное племя. ~~Абадзахи~~ В сих племенах есть, разумеется, лица пользующиеся уважением народа, но ~~нет~~ никто не имеет ~~никак~~ подобно *как князьям и дворянам* в пре[д]ыдущих

---

* Напротив вычеркнутого предложения на полях карандашная помета «отнести к почину» (Ред.).

племенах, власти за исключением той, которо[ю] имеющие крепостных людей пользуются над ними; Дворянство, в прежние времена, пользовавшиеся ~~в~~ правами и властью лишены ~~евои~~ их; до известного переворота, Хасан пашею произведенного пред последнею России с Турциею войною, коренными обычаями ~~р~~ преимущественно руководствовались при разбирательстве дел, ныне же ~~в~~ ~~не~~ и коренные обы- // (л. 5 об.) чай, и Шариат в некоторых частях этих племен одинаково служат руководителями в делах, а в большей части Шариат преимущественно господствует.

Равни~~ны~~нами, лежащи~~е~~ими между Кубанью и ~~г~~орами, шапсугскими горами, ~~ныне~~ ~~покрыты~~ и представляющ~~е~~ими тучные пастбища и большие удобства для хлебопашества, Шапсуги свободно ныне не пользуются по случаю частых действий наших отрядов, что приметным образом стесняет жителей северных покатоствей и ущелья шапсугских гор; Натхокоадьцы еще более стеснены и подвергнуты разорениям по случаю ~~несте~~ занятия нами Анапских окрестных равнин; относительно же Абедзахов этого нельзя сказать, хотя набеги ~~генер~~ наших легких отрядов и их держат в некотором страхе. Отношения сих *племен* к нашему Правительству неприязненны; Шапсуги с упорностию по сие время отвергают всякие условия покорности; Натхокоадьцы, более потерпевшие, казалось бы несколько склонны к переговорам о примирении, но Шапсуги [и их?] // (л. 6) не допускают силою и убеждениями; впрочем ~~о~~ ~~желании~~ ~~прими~~ *по изъявляемому* ныне Натхокоадьцами по видимому желанию примирения ~~вовсе~~ ~~не~~ ~~может~~ заставить* *нельзя* думать, что они до[б]ровольно согласятся признать себя подданными России.

Отношения же их с другими Черкесскими ~~племенами~~ и Абхазскими племенами, *мирные или союзные*, также *нельзя* почитать

---

* Фрагмент текста «вовсе не может заставить» вычеркнут карандашом; вместо него карандашом же вписано «нельзя» (Ред.).

положительными и прочными; однакож в последние годы Шапсуги возобновили Натхокоадьцы возобновили прежние общественные свои связи с Убыхами и заключили между собою род союза: старшины убыхские объехали Шапсугские жительства в сопровождении старшин шапсугских и все жители дали присягу что единодушно будут предпринимать все [предприятия?] противу русских — зае вести ли с нами переговоры, заключать ли условия примирения, и в том даже, как мне объе рассказали почтенные горцы, что до последней невозможности будут сопротивляться России и не станут признавать себя принадлежащими России. *С ~~мирными~~ так называемыми мирными племенами живущими на равнинах, [...]* состоящими под нашим влиянием, они не имеют такого рода условий союза, *несмотря на то, однакож, ~~даже~~ невзирая на частые междуусобия, они и с сими племенами сближаются таким образом, чтобы ~~внушить им общую пользу~~^{*} убедить их в чем общая их польза потребует единодушно сопротивляться нам.* Как в этом так и в той строгости, с которою [...] они воспрещают жителям сближаться с нами взыскивая с ослушников шт- // (л. 6 об.) рафы, доказывает, что в сих демократических племенах, несмотря на отсутствие ~~внутренн~~ общественного благоустройства, ~~есть~~ повинуются [...] определениям старшин и имеют понятия о необходимости единодушия в мерах сопротивления нам. К сему должно присовокупить, что в последнее время к их ~~понятиям~~ *прежнему образу мыслей* привиты ~~прежде~~ *доеле* этого чуждые им, ~~образ~~ понятия о [мечтательных?] правах и свободе народов, даже невыгодные мнения о России. Это обстоятельство должно приписывать влиянию Европейцев в особенности живущих в Константинополе. // (л. 7)

В продолжение командования моего Л.-Гв. Кавказско-горским Полуэскадроном имел я многократно случай удостовериться видеть

---

* Фрагмент текста «внушить им общую пользу» вычеркнут карандашом; вместо него карандашом же надписано: «убедить их в чем общая их польза потребует» (Ред.).

благодетельные намерения Правительства относительно Кавказских ~~горских народов, горских народов~~ племен, из коих некоторые довольно коротко мне известны. Народ, из коих народов, из коих племена, составляющие Черкесский народ, ~~довольн~~ во многих отношениях самый важный, довольно коротко мне известны. И самое звание командира упомянутого полуэскадрона, составленного из разных горских племен, осыпаемого столь щедро милостями Государя, окруженный ~~его~~ постоянно ~~отечес~~ ласковою заботливостию Начальства, ~~должно было внушить мне мысль что заставить меня~~ *вменяло мне в обязанность* и помышлять о последствиях сформирования оногo, которое я почитал как *великою* милостью, оказанною Его Величеством кавказским наро- дам, ~~ибо служба горцев в гвардии дам;~~ но независимо от этого были еще более сильные обстоятельства, которые ~~должны были естественным образом должны были а~~ именно: личные мои чувства признательности и преданности к Престолу, и любви // (л. 7 об.) к земле, где [м?] я получил жизнь, где обитают мои *многочисленные* родственники и близкие люди, — обстоятельства, которые естественным образом должны были внушить мне постоянное желание видеть [неремен?] благоденствие сей земли под благотворною властью Монарха могущественнейшей Империи, от влияния которой сия земля должна, ~~б~~ по обстоятельствам, или получить благоустроенное существование, или, ~~рано или поздно,~~ погибнуть. Желание сие, постоянно занимавшее мои помышления, [было я?] обнаруживал я неоднократно пред на Вашим сиятельством представлениями моими о вызове из горских племен ~~б~~ на службу в Полуэскадрон более достойных людей, о доставлении на воспитание в столицу малолетних горцев и, наконец, представлением на благоусмотрение Ваше, по крайнему моему разумению, составленные мною, ~~книги.~~ Записки о Черкесии. Во всех этих случаях, я не был никогда самонадеянность никогда не руководила мною и я не почитал мои мнения неизменно основательными, но представлял их

начальству в той уверенности [х х х]* // (л. 8)

При постоянном ~~еем~~ помышлении об одном и том же предмете естественным образом представлялись моему соображению следующие обстоятельства*:

1-е) Для России необходимо водворение спокойствия и порядка в землях, ей доставшихся по Адрианопольскому трактату с Турциею; следовательно природные жители сих земель необходимым образом должны присоединиться к подданным Его Величества *Государя Императора*.

Примечание:* Устройство, им данное когда не будет прочно, то следствием этого пограничное наше Начальство принуждено будет действовать силою оружия для прекращения ....*

2-е) Одна часть из сих жителей, обитающая в ущельях гор, в местах крепких, трудно-доступных, не может быть покорена иначе как чрезвычайными усилиями и продолжительным временем, за следствия которых определить *трудно если не невозможно*.

3-е) Другая часть, обитающая на северных равнинах, ~~еже~~ ~~не~~ ~~необходимости~~ *скоро* будет в зависимости от Правительства, но ~~от~~ ~~как~~ ~~прочное~~ ~~ее~~ ~~устрой~~ и примененное к обстоятельствам положение сей части жителей, *благоустройство* этой зависимости ~~будет~~ будет основой их благоденствия, так противный сему порядок *их* устройства сделает источни- // (л. 8 об.) постепенного но неизбежного их* истребления.

* Мысль не закончена (Ред.).

* На полях приведен другой вариант данного отрывка: «**При внимательном рассмотрении настоящего положения горских племен, входящих в состав Черкесского народа, моему соображению представляются следующие обстоятельства:**

1-е Черкесские племена, занимая большое пространство » (Ред.).

* Текст примечания вынесен автором в конец документа (Ред.).

* Мысль не закончена (Ред.).

---

* В оригинале слово написано два раза подряд (Ред.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

**ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ****РАЗДЕЛ I. ЗАПИСКИ О ЧЕРКЕСИИ.**

«Записки о Черкесии» – самое значительное произведение Хан-Гирея – были созданы в петербургский период его жизни и деятельности, в годы службы в Кавказско-горском полуэскадроне, командиром которого Хан-Гирей был назначен в 1832 г. Появлению «Записок о Черкесии» способствовал целый ряд обстоятельств.

Завершение очередной русско-турецкой войны 1828-1829 гг. изменило расстановку политических сил на Северном Кавказе. Согласно Адрианопольскому договору 1829 г., Османская империя «уступила» России Северо-Западный Кавказ – т.е. территории, которыми турецкий султан никогда реально не владел.

Подавляющее большинство адыгов отказалось признать договор, заключенный без их участия, столь казуистическим способом лишавший их независимости, что автоматически перевело их в разряд «немирных горцев», прямых противников России. И только небольшая часть адыгов, занимавшая главным образом равнинное, легкодоступное левобережье Кубани и уже имевшая неоднократно печальный опыт знакомства с российской военной машиной, предпочла принести присягу императору. Двусмысленность положения данной категории адыгов заключалась не только в вынужденном характере присяги – аристократия равнинных княжеств, формально признавая Николая I своим верховным сюзереном, на деле воспринимала свои отношения с Россией как некую форму покровительства, ревниво оберегая свое право на самоуправление и не испытывая ни малейшего желания поступиться собственными политическими и юридическими прерогативами.

Для императора стратегические приоритеты кавказской политики были совершенно ясны: «немирных» необходимо было привести к покорности силой оружия или угрожая уничтожением, введя затем в покорившихся районах российское управление, которое со временем должно было осуществить постепенное вхождение местных народов в правовое пространство империи и наполнить понятие подданства реальным содержанием. Естественно, что этот двоякий подход «работал» не только в Закубанье, будучи актуален и для других районов Кавказа – и для покоренной уже Кабарды, со времен Ермолова подчиненной Временному Суду, и для востока региона, где набирал силу третий имам Чечни и

Дагестана Шамиль.

Решение первой проблемы – «замирения горцев» – император намеревался ускорить своим личным присутствием в регионе в ходе запланированного вояжа на Кавказ. Для осуществления же грандиозной программы социально-политического переустройства кавказских обществ у российского правительства не было ни осмысленной и гибкой программы действий, ни владения ситуацией на местах, ни знания особенностей столь мозаичного в этническом и конфессиональном отношении региона.

Для российских же разведчиков и штабных офицеров, собиравших материалы о местных народах для военно-политического руководства империи, Северо-Западный Кавказ по-прежнему оставался *terra incognita*. Так, описания Потемкина (1803), Буцковского (1812), Щербачева (1830), Бековича-Черкасского и Гасфорта (1830), Новицкого (1829, 1830, 1931), Аша (1830, 1831), Палавандова (1831), Бларамберга (1834), Торнау (1835) и др. фрагментарны, изобилуют фактологическими и статистическими ошибками и зачастую противоречат друг другу.

Выбор императором Хан-Гирея в качестве создателя очередного описания кавказских народов легко объясним как особым статусом самого Хан-Гирея, так и его личными качествами.

В кругах петербургской аристократии Хан-Гирей был известен в качестве не только командира элитного подразделения, но и как всесторонне образованный человек, увлеченный собиратель и знаток разнообразных сведений о народах Северного Кавказа (прежде всего – адыгах). Сам Хан-Гирей обладал завидным служебным рвением и здоровыми амбициями, чтобы без опаски взяться за это непростое поручение, способное снискать ему как монаршее благоволение, так и царскую немилость. Принадлежность Хан-Гирея к высшему слою российской военно-служилой знати и неоднократно доказанная им верность престолу были порукой тому, что поручение императора будет исполнено со всевозможной тщательностью и в установленный промежуток времени.

Немаловажно, что предписанные монархом сроки – «через два месяца или даже через шесть недель» – небывало короткие для столь большой работы – могли быть реализованы только при наличии у Хан-Гирея систематизированных и положенных на бумагу материалов. Видимо, труд Хан-Гирея создавался на основе уже существовавшего чернового варианта и по заранее разработанному автором плану, первоначально содержавшему ряд так и не написанных впоследствии глав (главу XVII отделения 4-го I-й части и главы I-III отделения 4-го II-й части «Записок о Черкесии»). В работе над «Записками» большую помощь Хан-Гирею оказали литераторы Н.И. Греч и В.П. Бурнашев, вычитывавшие текст и приводившие его в соответствие с грамматическими нормами русского языка [22, с. 38-39]. Впоследствии этот правленный вариант «Записок», сохранившийся у автора, будет использован Хан-Гиреем при написании его прозаических трудов.

Крайний недостаток времени, отведенный для написания и правки «Записок» ощущается и в многочисленных погрешностях и разночтениях,

встречающихся в тексте, обилии несогласованных фраз (особенно – в заключительной главе, которую, возможно, Н.И. Греч и В.П. Бурнашев уже не вычитывали).

Хан-Гирей, кроме введения в оборот разнообразных по характеру материалов, успешно апробировал и собственный вариант адыгской письменности на кириллической основе, посредством которой зафиксировал в работе местную ономастику и культурную лексику.

Из разбросанных по тексту «Записок» (и особенно – предисловию) намеков ясно, что Хан-Гирей еще до официального поручения царя собирался представить свое сочинение на благоусмотрение начальства, а позднее, если позволят обстоятельства, и напечатать. Тем самым Хан-Гирей получил прекрасную возможность (и успешно воспользовался ею!) вынести свой труд на суд самого государя. При этом, на что обратили внимание еще первые издатели «Записок» В.К. Гарданов и Г.Х. Мамбетов, гигантский труд Хан-Гирея служил лишь обоснованием, прелюдией к ключевой, по мнению автора, заключительной главе II-й части о «приведении черкесского народа в гражданственное состояние, кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития». Однако к окончанию предписанного срока эта глава еще была не завершена и представлена императору с некоторым опозданием. Будучи переплетена отдельной книгой, она фактически превратилась в самостоятельную третью часть «Записок о Черкесии».

Таким образом, заказанная императором записка «о горских кавказских племенах» на деле вылилась в масштабное историко-этнографическое исследование адыгского (черкесского) народа, не имевшее аналогов в кавказоведении первой половины XIX в.

Титанический труд Хан-Гирея, а также его потенциальные возможности в составлении проектов были по достоинству оценены монархом. «Черкесский Карамзин», как полушутя стал именовать автора Николай I, в январе 1837 г. был возведен в звание полковника, а в апреле того же года, в преддверии кавказской миссии Хан-Гирея, был назначен флигель-адъютантом императора [132, л. 2 об., 3 об.].

По распоряжению Николая I, «Записки о Черкесии», включавшие уже все три книги, были направлены для отзыва генералам, осуществлявшим российскую политику на южных рубежах империи – командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории А.А. Вельяминову, а затем – командующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту барону Г.В. Розену.

Генерал-лейтенант А.А. Вельяминов дал отрицательный отзыв о работе Хан-Гирея, сочтя первые две ее части компиляцией чужих трудов, а предложения о гражданском переустройстве черкесского общества «кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития» нашел преждевременными и несоответствующими историческим реалиям – что было неудивительно для этого убежденного сторонника исключительно военных методов утверждения России на Кавказе [81, с. 15-16].

В критике Вельяминовым «нового порядка управления» можно

усмотреть и личные мотивы, поскольку детально разработанный план Хан-Гирея предусматривал пост «попечителя над просвещением и образованием черкесского народа», подотчетного только главнокомандующему на Кавказе и облеченного беспрецедентно большими полномочиями, что в случае реализации проекта фактически вырывало бразды правления из рук местной военной администрации (в данном случае – самого Вельяминова).

Судя по всему, предвзятое мнение генерала тоже сыграло свою негативную роль в судьбе книги. По решению военного министра А.И. Чернышева «Записки о Черкесии» были отнесены к категории секретных сведений и почти на 120 лет оказались сокрыты от исследователей. Неоднократные попытки Хан-Гирея получить обратно свой труд для публикации оказались безрезультатны, причем решающим стал прямой запрет самого императора [81, с. 21-23].

История разыскания и публикации «Записок о Черкесии» имеет длительную и непростую историю.

Долгое время эту работу, известную по упоминаниям современников Хан-Гирея и по официальной переписке 1830-1840-х гг., обнаружить не удавалось. Не привели к успеху и целенаправленные поиски загадочной рукописи, которые осуществлял в ленинградских и московских архивах профессор М.О. Косвен – фактический основатель современного хангирееведения [7, с. 199-200].

Как оказалось впоследствии, неудача объяснялась «тривиальными» нюансами архивного хранения. В.К. Гарданов и Г.Х. Мамбетов подробно проследили судьбу основной части «Записок о Черкесии»: «Рукопись Хан-Гирея, находясь по распоряжению Николая I на хранении в библиотеке Генерального штаба, продолжала числиться за Департаментом военных поселений, после упразднения которого в 1857 г. она была передана в архив Управления иррегулярных войск. Затем она оказалась в библиотеке Московского отделения Общего архива Главного штаба. Поэтому она не была учтена описями Военно-ученого архива (ВУА), который впоследствии вошел в состав Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА; ныне – РГВИА), а попала в библиотеку этого архива» [139, с. 32], где и была в 1958 г. случайно обнаружена научным сотрудником ЦГВИА В.А. Дьяковым [43]. При этом оказалось, что в архиве хранились только первые две части «Записок», судя по оформлению – оригинала, изготовленного для Николая I. Судьба третьего тома императорского экземпляра, содержавшего заключительную главу «Записок», осталась неизвестной.

Однако на этом злключения труда Хан-Гирея не закончились. Машинописная и фотографическая копии «Записок о Черкесии» были переданы в Адыгейский НИИ, планировавший уже в 1958 г. при сотрудничестве с ЦГВИА и выдающимся кавказоведом М.О. Косвеном подготовить и сдать в производство «двухтомный сборник этнографических, исторических и литературных работ Хан-Гирея» [102, л. 12; 101, л. 4, 15, 34]. Данная работа вплоть до 1961 г. неизменно включалась в издательские планы института [103, л. 21, 23]. Однако в силу препон идеологического характера

труды потомка крымских Гиреев в Адыгее так и не были напечатаны [7, с. 200-201].

В итоге только в 1978 г. «Записки о Черкесии», предварявшиеся энциклопедической по охвату проблем вступительной статьей В.К. Гарданова (зав. сектором народов Кавказа Института этнографии АН СССР) и Г.Х. Мамбетова (зав. отделом этнографии Кабардино-Балкарского НИИ), увидели свет в Нальчике.

Заключительная часть «Записок о Черкесии», считавшаяся безвозвратно утерянной, была обнаружена в 1984 г. преподавателем кафедры истории СССР КБГУ М.Б. Нагоевым в фонде Г.В. Розена в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). В 1992 г. состоялось переиздание теперь уже полного варианта «Записок о Черкесии». 3-е издание, приуроченное к 200-летию со дня рождения Хан-Гирея, было выпущено в Нальчике в 2007 г. В эту публикацию вкралась досадная неточность – из текста выпало упоминание о приоритете М.Б. Нагоева в разыскании и введении в научный оборот заключительной части «Записок».

Одной из последних значимых находок в сфере хангирееведения является обнаружение фрагментов второго экземпляра «Записок о Черкесии». В 2008 г., разыскивая в рамках настоящего проекта описанную М.Б. Нагоевым заключительную часть труда Хан-Гирея, зав. отделом истории АРИГИ А.Д. Панеш выявил в фондах ОПИ ГИМ переплетенные отдельным томом заключительные главы второй части «Записок» («Образ воевания», «О содержании раненого», «Погребение и поминки», «Анекдоты», а также примечания 1-18 ко второй части)*. Тексты идентичны соответствующим главам экземпляра из РГВИА, за исключением незначительных погрешностей, допущенных переписчиком при копировании. Заметим, что это не избранные главы «Записок», а именно идущие по порядку и завершающие третье отделение второй части главы IX-XII. Судя по идентичному оформлению переплета и бумаге из одной партии, данный том некогда составлял единое целое с финальной главой «Записок», обнаруженной М.Б. Нагоевым. В то же время, эти же определяющие археографические показатели четко дистанцируют вышеуказанные материалы из ОПИ ГИМ от двух частей основного текста «Записок о Черкесии», хранящихся в РГВИА. Т.о., можно рассматривать фрагменты «Записок о Черкесии», отложившиеся в разных архивах, как разные экземпляры этого труда Хан-Гирея.

Вышесказанное ставит на повестку дня вопрос об обстоятельствах и причинах изготовления второго экземпляра.

Можно предположить, что «Записки о Черкесии», требовавшие экспертизы высшего генералитета Кавказского корпуса, были скопированы еще в Петербурге; вероятно, для удобства транспортировки рукопись была «разбита» на целый ряд небольших томов (судя по объему Д.74 и 75 – не

* Данный том в описях значится перед заключительной главой «Записок».

менее десяти), два из которых сохранились в личном архиве Г.В. Розена после его отставки с поста главнокомандующего российскими войсками на Кавказе в 1837 г. Однако в этом случае мы должны допустить, что Г.В. Розен, не вернув документ по принадлежности, явно превысил свои полномочия. Более вероятной нам представляется версия М.Б. Нагоева, еще в 1986 г. предположившего, что заключительная глава «Записок о Черкесии» является частью копии, которую Г.В. Розен снял с присланного ему на отзыв труда Хан-Гирея «для использования в практической деятельности по управлению Кавказом, а оригинал отослал по назначению» [89, с. 172]. В пользу этого предположения свидетельствует факт наличия в личном архиве Г.В. Розена копий и других документов, связанных с его служебной деятельностью на Кавказе (в т.ч., и «Проекта Положения об управлении горскими народами», представленного Хан-Гиреем в 1837 г. [76, с. 193]).

Следует отметить, что первые издатели «Записок о Черкесии» не смогли избежать самоцензуры, в силу чего в труде Хан-Гирея появились лакуны – из текста были исключены ритуальные славословия автора в адрес императора, а также ряд некорректных, по мнению издателей, высказываний в адрес конкретных (черкесов и др.) народов.

В настоящем издании текст «Записок о Черкесии» воспроизводится без каких-либо купюр.

**«Записки о Черкесии»:
экземпляр из Российского государственного
военно-исторического архива (РГВИА)**

Рукопись состоит из двух частей, каждая из которых переплетена в отдельную книгу.

Место хранения:

Часть I – Ф.38. Оп.7. Д.5.

Часть II – Ф.38. Оп.7. Д.6.

Обе части рукописи имеют полистную нумерацию. Титульные листы, оглавления и предисловие обеих частей пронумерованы римскими цифрами, основной текст и примечания – арабскими. Все отделения имеют заглавные листы. Все главы начинаются с новой страницы.

Содержание Д.5: лл. I (форзацный) + II (титульный лист «Записок о Черкесии») + III (титульный лист части I) + IV, IV об., V, V об. (оглавление части I) + VI, VI об., VII, VII об. (предисловие) + VIII (заглавный лист отделения первого) + 1-251 (основной текст; л. 251 об. чистый) + 252 (заглавный лист примечаний к части I) + 253-268 (примечания к части I; л. 268 об. чистый) + б/н (форзацный).

Содержание Д.6: лл. I (титульный лист «Записок о Черкесии») + II (титульный лист части II) + III, III об., IV (оглавление части II; л. IV об.

чистый) + 1-152 об. (основной текст) + 153 (заглавный лист примечаний к части II) + 154-159 (примечания к части II).

Текст выполнен коричневыми чернилами крупным писарским почерком, отличным от авторского.

Средняя ширина полей: левое – 35-40 мм (в таблицах – 5 мм); правое – 5 мм; верхнее – 35 мм; нижнее – 40 мм.

Бумага плотная писчая белая с кремовым оттенком формата примерно 32 × 20 см со штемпелем императорской Петергофской бумажной фабрики в правом верхнем углу листа.

Переплет: картон в сафьяне зеленого цвета, украшенной рельефным художественным тиснением. На лицевой стороне обложки – золотое тиснение (широкая орнаментальная рамка, внутри которой – другая рамка, выполненная тонкими прямыми линиями; в центре рамки – текст: «Записки / о / Черкесии / Х. Г. / Часть Первая [Часть Вторая] / 1836»). Этот же текст посредством золотого тиснения выполнен на корешках обоих томов.

На лицевой стороне обложки обоих томов наклеены квитки с нумерацией «Секретного архива Департамента Генерального штаба» и «Военно-топогр[афического] депо». На последнем надписана позднейшая нумерация советского периода.

Сохранность: текст, бумага и переплет в хорошем состоянии.

«Записки о Черкесии»:

экземпляр из Отдела письменных источников
Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)

Рукопись состоит из двух фрагментов текста «Записок о Черкесии», каждый из которых переплетен в отдельную книгу.

Место хранения:

Глава IV отделения четвертого части II «Записок о Черкесии» – Ф.6 (Фонд Г.В. Розена). Д.74.

Главы IX-XII отделения третьего части II «Записок о Черкесии» – Ф.6 (Фонд Г.В. Розена). Д.75.

Переплет: картон синего цвета с кожаными корешками и наугольниками.

Бумага плотная писчая белая с кремовым оттенком формата примерно 318 × 205 мм. Филигрань «ВФ//КИ» с белой датой «18//36» (идентифицируется по альбому С.А. Клепикова под №162 [71]). Форзацные листы: филигрань «КФ//ЕБ» с белой датой «18//34» (идентифицируется по альбому Клепикова под №370 [71]). Рукопись формата in folio (т.е. составлена в виде тетрадей из сфальцованных вдвое листов).

Текст выполнен коричневыми чернилами однотипным писарским

почерком, отличным от авторского.

Оба тома имеют двойную (полистную и постраничную) нумерацию арабскими цифрами.

Содержание Д.74: лл. форзацный + 1 (с.1; опись книги, составленная и подписанная Г. Розеном; л. 1 об. (с.2) чистый) + 2 (с.3; заглавный лист главы IV; л. 2 об. (с.4) чистый) + 3-37 об. (с.5-74; основной текст главы) + 38 (с.75; заглавный лист примечаний к главе IV; л. 38 об. (с.76) чистый) + 39-53 (с.77-103; текст примечаний [прим. 20-35]; л. 53 об. (с.104) чистый) + [54, 55] (с.105-108; чистые) + форзацный.

В полистной нумерации пропущен №41; на лл. 54 и 55 полистная нумерация не проставлена. Постраничная нумерация не прерывается и продолжается до стр.108.

Средняя ширина полей: левое – 50 мм; правое – 13 мм; верхнее – 30 мм; нижнее – 33 мм.

Содержание Д.75: лл. форзацный + 1 (с.[1]; опись книги, составленная и подписанная Г. Розеном; л. 1 об. (с.[2]) чистый) + 2-26 (с.3-51; основной текст; л. 26 об. (с.52) чистый) + 27 (с.53; заглавный лист примечаний к части II «Записок о Черкесии»; л. 27 об. (с.54) чистый) + 28-31 об. (с.55-62; текст примечаний [прим. 1-18] к части II «Записок о Черкесии») + [32] (с.63-64; чистый) + форзацный.

Л. 32 полистной нумерации не имеет; на л. 1 постраничная нумерация не проставлена.

Все главы начинаются с новой страницы и заглавных листов не имеют.

Средняя ширина полей: левое – 40 мм; правое – 10 мм; верхнее – 30 мм; нижнее – 30 мм.

Сохранность: текст, бумага и переплет в хорошем состоянии.

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Пережив крах политической карьеры, разочаровавшись в возможностях государственной службы и осознав иллюзорность своих планов по переустройству адыгского общества под эгидой российских властей, Хан-Гирей выходит в отставку и навсегда покидает Петербург.

Этот вынужденный шаг, тем не менее, позволяет Хан-Гирею по возвращении домой полностью сосредоточиться на занятиях наукой и литературной деятельности.

Справедливости ради следует отметить, что работа над историко-этнографическими трудами началась задолго до выхода в отставку и осуществлялась не только в Петербурге, но и во время пребывания в годичном «домовом отпуску» (с апреля 1840 по апрель 1841 гг.), а также в ходе продолжительной кавказской командировки 1837-1839 гг. Достаточно вспомнить свидетельство Хан-Гирея о его пребывании в 1838 г. в родном ауле, где он в ходе празднества, устроенного в его честь, занимался записью

фольклорных текстов (большинство исследователей сходится во мнении, что речь идет о Гривенно-Черкесском селении на правом «русском» берегу Кубани). Здесь же, в 1839 г., судя по авторской пометке к «Черкесским преданиям», он и завершил работу над этой повестью.

Первые две работы Хан-Гирея – «Черкесские предания» и «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» увидели свет, как известно, при жизни автора, еще пять трудов были изданы посмертно.

Целый ряд произведений так и не дошел до отечественного читателя. Так, утерянным считается «собрание древних черкесских песен и преданий», над рукописью которого трудился Хан-Гирей. Неизвестно также, сколько очерков из биографической серии успел написать Хан-Гирей, однако относительно недавнее обнаружение фрагментов «Сераскира Султана Мугаммед-Гирея» подтверждает вероятность существования и других очерков наряду с двумя ранее напечатанными («Бесльный Абат» и «Князь Пшьской Аходягоко»).

Безусловно, заслуживает упоминания и использованием Хан-Гиреем в своих трудах материалов и обширных фрагментов из «Записок о Черкесии». Таким образом, автор сумел обойти фактический запрет, наложенный императором на публикацию этого самого значительного произведения Хан-Гирея. В свою очередь, историко-этнографические труды Хан-Гирея стали источником неоднократного цитирования и переложения в работах позднейших дореволюционных авторов, обращавшихся к адыгской тематике – Л.Я. Люлье, В.А. Потто, Н.Ф. Дубровина и др.

Черкесские предания

«Черкесские предания» стали первым произведением Хан-Гирея, увидевшим свет еще при его жизни. Повесть была напечатана в журнале «Русский вестник» в 1841 г. (Т.2. Кн. 4 и 5) и в этом же году отрывки из нее были изданы в Берлине на немецком языке [135, с. 166]. Как явствует из подзаголовка, предпосланного повести редактором «Русского вестника» Н.А. Полевым, «Черкесские предания» представляют собой «отрывки из рукописи», связанные единством замысла. В настоящее время уже не представляется возможным установить, являются ли сюжетные пробелы результатом редакторской выборки, или таков был замысел автора, отдавшего в печать фрагменты явно более пространный по объему труда, на тот момент еще не завершённого. Существует и точка зрения, что наличие в повести Хан-Гирея слабо связанных друг с другом, драматизированных сцен характерно для традиций русского романтизма, влияния которого не избежал автор [135, с. 180, 184]. Во всяком случае, сам Хан-Гирей говорит о повести, как о «моих отрывках».

Повесть написана по мотивам черкесского фольклора. Исследователи творчества Хан-Гирея четко выделяют два предания, лежащие в ее основе – о мести молодого горца и «Перекасти-поле» (Тэтэркон) [135, с. 180]. Вполне

вероятно, что одна из сюжетных линий – о юноше, ставшем слепым орудием кровной мести – использована и в повести М.Ю. Лермонтова «Каллы» [6]. Некоторые эпизоды, связанные с пребыванием главных героев в крымском плену, по мнению литературоведов, навеяны поэмой А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» [154, с. 28-30; 135, с. 176-177]. Повесть насыщена яркими этнографическими деталями, реалиями черкесского быта, многие из которых стали анахронизмами уже в эпоху Хан-Гирея (языческие мифология и суеверия, похоронно-поминальная и свадебная обрядность), богатейшим песенным фольклором, носителями и, в значительной степени, творцами которого были адыгские песнетворцы-джэгуакЮ.

Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов

Вторая прижизненная публикация Хан-Гирея. Очерк был опубликован в журнале «Русский вестник» в 1842 г. (Т.5. Кн.1). Произведение представляет собой выборку отдельных глав из более обширного труда Хан-Гирея – «Записок о Черкесии». Автор сохранил за I, II, IV, V и VII разделами очерка названия соответствующих глав «Записок», названия III и VI разделов незначительно изменены.

Поскольку тексты, извлеченные из «Записок о Черкесии», изобиловали многочисленными погрешностями, они подверглись тщательной правке (возможно, редакторской) с целью приведения их в соответствие с нормами русского литературного языка. Наряду с этим, осуществлена и авторская правка текстов: исключены повторы, ряд выражений и терминов заменен на синонимичные им, как более адекватно отражающие реалии адыгского быта. Текст дополнен авторскими вставками, точнее передающими смысл излагаемых сюжетов. Адыгские термины, зафиксированные в «Записках о Черкесии» при помощи созданной Хан-Гиреем своеобразной системы записи, в очерке максимально приближены к русскому звучанию.

Князь Канбулат

Первая посмертная работа Хан-Гирея. Место публикации – журнал «Русский вестник» (1844. Т.2).

В основу повести «Князь Канбулат» положен распространенный в адыгском фольклоре сюжет о противоборстве двух братьев, творчески переосмысленный Хан-Гиреем. Данное предание неоднократно воспроизводилось и в позднейших публикациях (например, В.П. Желиховской в 1886 и 1901 гг. и Жантиевой в 1929 г.). (См.: [154, с. 30, 51; 135, с. 192]).

Другой вариант этого же предания мы находим у Ш.Б. Ногмова в «Истории адыгейского народа» [97, с. 109-110]. В нем неизменным остается мотив вражды из-за жены / наложницы одного из братьев, следствием чего стало их ожесточенное противостояние с вовлечением в конфликт крымцев.

Распространенность данного сюжета обусловила, по мнению

литературоведов, использование некоторых его мотивов в повести М.Ю. Лермонтова «Аул Бастунджи» [6].

Мифология черкесских народов

Статья была помещена в №35 газеты «Кавказ» за 1846 год и перепечатана в сборнике этого же издания за 1846 г.

Текст статьи включает обширное предисловие редактора, из которого явствует, что данная работа представляет собой *«отрывочные сведения ... из записок просвещенного горца, который, трудясь в продолжении многих годов над собранием обычаев, поверий и исторических событий своей родины, оставил множество драгоценных материалов»*.

Основной текст статьи фактически представляет собой редакторское переложение избранных фрагментов из «Черкесских преданий» и очерка «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов», что придает авторству Хан-Гирея во многом номинальный характер. Об этом же говорит и начало перечисления адыгских божеств с бога наездничества, видимо, для усиления образа черкеса-«хищника», а также нехарактерные для Хан-Гирея излишнее упрощение и некоторая вульгаризация опубликованных им материалов.

В то же время, ряд эпизодов не исключает участия самого Хан-Гирея в написании данной работы. Так, в частности, имена некоторых богов (Лепш, Псахокоаш) воспроизведены не по прежним публикациям Хан-Гирея, а приближены к адыгскому звучанию. Безусловной новацией является изложение ранее не встречавшегося в адыгской историографии сюжета о великане, прикованном к вершине Эльбруса.

Впрочем, данное обстоятельство может быть объяснено и использованием каких-то не дошедших до нас трудов Хан-Гирея.

Наезд Кунчука

Повесть впервые была напечатана в газете «Кавказ» в 1846 г. (№37-38), в том же году перепечатана в «Русском инвалиде» (№228-229) и помещена в сборнике газеты «Кавказ» за II полугодие 1846 г. Более полувека спустя повесть была опубликована в кубанском журнале «На Кавказе» (1909. Т.1. Вып.2), куда она была препровождена адыгским краеведом и общественным деятелем С. Довлет-Гиреем²⁶³ (внучатым племянником автора). Публикации 1909 г. предшествует редакторская сноска:

«Автор этого предания Султан Хан Гирей [умер] в 1842 г. в Екатеринодаре и погребен в родовом имении «Султанский курган», в 10 верстах от Екатеринодара. В последние годы своей жизни Султан Хан Гирей состоял флигель-адъютантом, командиром конвоя Е. И. В.

Предание это доставлено нам одним из родственников его автора Султаном Довлетом Гиреем при следующем письме:

“М[илоственный] г[осударь] г-н редактор! Исполняя Ваше желание, посылаю Вам при этом одно из наиболее популярных преданий черкесского народа. Передаваемое в предании событие произошло недалеко от г. Екатеринодара, как об этом говорится в тексте. Автор этого произведения

– мой родственник. Герой предания также мой родственник по матери, а именно: моя мать его правнучка.

Я намеревался доставить Вам фотографический портрет последнего Кунчука – правнука героя предания, но портрет этот пришлю впоследствии.

Приветствую от души начало выхода в свет редактируемого Вами журнала и постараюсь доставлять имеющийся у меня материал, дабы по возможности внести разнообразие в содержание выпускаемых его номеров.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности. Ваш покорный слуга Султан Довлет Гирей. Екатеринодар, 23 апреля 1909 г.» Редакция».

Не исключено, что последний, являясь близким родственником Хан-Гирея, мог располагать не только печатной версией 1846 г., но и рукописью «Наезда Кунчука». Возможно, что именно этим, а не только редакторской правкой, объясняются мелкие расхождения в публикациях 1846 и 1909 гг.

В настоящем издании текст воспроизводится по первой публикации (газета «Кавказ», 1846 г.).

Повесть* основана на предании топонимического характера, раскрывающем историю происхождения географического названия «Кунчуков спуск». Лирическая линия сюжета разворачивается на фоне непростых взаимоотношений адыгов и Османской империи, пытавшейся подчинить Северо-Западный Кавказ, в т.ч. и при помощи опорных пунктов в Восточном Приазовье. Предание повествует о мести молодого наездника, разорившего османскую крепость Азов (Аскаль) за похищение своей невесты азовским пашой. В финале предания возлюбленные, спасаясь от погони, погибают в волнах Кубани.

В повести автор затрагивает идеологию и практику наездничества, являвшегося неотъемлемым элементом военного быта адыгов.

Бесльний Абат

Очерк увидел свет в газете «Кавказ» в №№ 42-47 за 1847 г. и был перепечатан в сборнике газеты «Кавказ» за II полугодие 1847 г.

Судя по подзаголовку «Бесльния Абата», эта работа является частью запланированной Хан-Гиреем жизнеописательной серии, включавшей также очерки «Князь Пшьской Аходягоко» и, предположительно, «Сераскир Султан Мугаммед-Гирей».

Очерк посвящен известному политическому деятелю Западной Черкесии, шапсугскому дворянину Бесленею (Бесльнию) Абату.

Активная вовлеченность Бесленея в бурные события первой трети XIX в. позволяет автору подробно описать исторический контекст, в который была вписана политическая биография главного героя очерка.

Ожесточенное межсословное противостояние, одним из этапов которого стала знаменитая Бзюкская битва, привело к кардинальным

* В издании 1909 г. она названа преданием.

изменениям общественных отношений у «демократических» адыгов, аристократия которых утратила свои многочисленные феодальные привилегии. Бесленей Абат становится выразителем интересов знати, стремившейся к реставрации прежнего социального строя. Будучи незаурядным политиком и опытным дипломатом, Бесленей пытается опереться на внешнюю силу, налаживая контакты сначала с османами, а в послеадрианопольскую эпоху стремясь заручиться поддержкой российской военной администрации. В этом отношении глубоко символичным выглядит эпизод с тайным проводом российского разведчика Новицкого по территории Черкесии, итогом чего стало окончательное размежевание братьев Абатых и подавляющего большинства населения Шапсугии. Необратимость эгалитарных тенденций у «демократических» адыгов и неспособность российского правительства в условиях разгорающейся Кавказской войны повлиять на социальные процессы в Черкесии предопределили крах надежд Бесленей и явились причиной его внутренней трагедии.

В основе очерка – впечатления от личных встреч автора с Бесленеем Абатом, а также детские воспоминания Хан-Гирея о пребывании в Шапсугии, историей которой он не переставал интересоваться и в зрелом возрасте.

Следуя заявленному жанру биографического очерка, автор создает портретные зарисовки знаковых персонажей – современников главного героя: прославленного военного лидера шапсугов Кызбеча Шеретлукова, представителей адыгских княжеских династий, фельдмаршала Паскевича, турецкого коменданта Анапы Хаджи-Хасан-паши и др.

Хан-Гирей подробно описывает социальный строй феодальной Черкесии, зафиксированные в адатах права и обязанности сословий. Автор знакомит читателя с особенностями функционирования важнейших институтов адыгов, обеспечивавших стабильность общественных отношений: покровительства, сословно-представительных собраний, уделяет внимание судебной системе, показывает особую роль в жизни адыгов форм искусственного родства (аталычества и побратимства). Восхищаясь идеальными, «истинно рыцарскими» нормами поведения адыгского дворянства (благородством, великодушием, мужеством, этикетной утонченностью), Хан-Гирей откровенно описывает нивелировавшие их нравы, царившие в среде аристократии – непомерное самолюбие, интриги, кровожадную мстительность.

Внутренний посыл работы, нашедший отражение и во всей серии биографических очерков – неспособность аристократии, обобщенным образом которой является Бесльней Абат, в конкретных условиях (войны, социального конфликта, отсутствия государства) преодолеть политический эгоизм и нормализовать общественные отношения ко всеобщему благу и процветанию народа. Тем самым, по мнению автора, единственный путь, исторически оправданный – подчинение России, способной даровать всем сословиям гражданские права и направить адыгов на путь просвещения и прогресса.

Тем самым, этот очерк является отражением генеральной концепции

Хан-Гирея о неизбежном вхождении адыгов в состав империи, сложившейся в его сознании во время нахождения на российской службе. В период написания «Бесльния Абата» Хан-Гирей еще не полностью утратил свои иллюзии о возможности достижения этой стратегической цели «кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития». Однако перелом в его мышлении, связанный с неудачей миротворческой миссии, опалой и игнорированием властью его проектов уже ощущается в трудах Хан-Гирея. Так, в финальных строках «Бесльния» он фактически подводит итог своей политической карьеры, констатируя свою дальнейшую неспособность «ни угадывать, ни разрешать» важнейшие вопросы «о судьбе народа».

Князь Пшьской Аходягоко

Очерк был напечатан в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» за 1893 год (Вып. 17) – почти полвека спустя после выхода в свет «Бесльния Абата» – предыдущей работы Хан-Гирея из биографической серии.

Текст очерка был предоставлен главному редактору «Сборника ...» Л.Г. Лопатинскому А.Н. Греном²⁶⁴.

Очерк посвящен одному из самых влиятельных политиков Западной Черкесии – бжедугскому князю Пшекую Ахеджакову*.

Пик политической деятельности князя Ахеджакова приходится на вторую половину 1820-х годов – один из знаковых, поворотных эпизодов в истории Бжедугии. Находясь в состоянии перманентного конфликта с «демократическими» адыгами, пережив кратковременный период разрушения и реанимации сословного строя, «примерив на себя» мусульманскую систему права, Бжедугия в лице ее правящей элиты осуществляет мучительный поиск своего места в новом мироустройстве постадрианопольской эпохи.

Хан-Гирей рассматривает политическую биографию главного героя в более широком контексте истории Бжедугского княжества, послужившего автору в качестве модели общественного устройства адыгов с «аристократической» формой правления. Работа охватывает обширный круг аспектов политической и правовой культуры: от этногенетических преданий бжедугов и родословных легенд местной знати до юридического оформления межсословных взаимоотношений и их трансформации в ситуации социального конфликта. Одной из центральных тем очерка является сословно-классовое противостояние в Бжедугии 1828 года, ставшее очередным эпизодом в процессе демократизации общественного строя Западной Черкесии и отразившееся в сфере судопроизводства и правовой

---

* Искажение имени вероятнее всего произошло вследствие небрежности переписчика, поскольку у Хан-Гирея даже при его неустоявшейся системе записи варианты имени его героя в «Записках о Черкесии» имеют незначительные расхождения – Пшекуй, Пшекой, Пшьккуй.

практики.

Постепенное расшатывание основ сословного строя, по мнению Хан-Гирея, стало следствием дальнейшего движения адыгов по пути исламизации под воздействием османского правительства, а успех миссионерской деятельности Хаджи-Хасан-паши объясняется автором совпадением эгалитарных устремлений крестьянской массы и мусульманской доктрины всеобщего равенства.

Показательно, что подмеченная Хан-Гиреем весьма вольная трактовка исламских догматов в силу избирательного и поверхностного восприятия народными массами мусульманского вероучения и шариатского правосознания, позволяла не только решать стратегические задачи старшинам фокотлей, но и, вопреки желанию последних, добиваться главному герою очерка реставрации традиционных привилегий знати. Другим важнейшим инструментом восстановления статус-кво в Бжедугии становится институт покровительства, к которому прибегает главный герой, испрашивая при этом военную помощь абадзехского ополчения.

Демонстрируя нравы той эпохи, Хан-Гирей вплетает в ткань повествования яркие, образные эпизоды, посвященные конкретным личностям – бжедугским дворянам Бияркаху и Ногойзию, разбойнику Донекею, османскому эмиссару Хаджи-Хасан-паше.

Источниковой базой для написания очерка в значительной степени послужили собственные впечатления Хан-Гирея о Бжедугии, ставшей второй родиной для его предков. Немаловажным является и личное знакомство автора с его героем, с которым Хан-Гирей был связан узами родства (Ахеджаков был женат на родной сестре Хан-Гирея).

Для Хан-Гирея князь Ахеджаков – символ уходящей в прошлое традиционной Черкесии, разрушаемой социальными конфликтами и гибнущей в горниле Кавказской войны. Как и в «Бесльние Абате», истинные чувства Хан-Гирея прорываются в заключительных строках очерка, где он говорит о невозможности «без сожаления, без участия взирать на родные места, опустошенные уже грозой неумолимой судьбы». Это «крик души» человека, испытывающего окончательный крах надежд, которые он ранее связывал с российской властью – надежд на мирный финал кавказской драмы, предполагаемый (и столь желаемый!) сценарий которого он с такой тщательностью и детализацией выписывал в своих проектах. С лета 1837 года практически безотлучно находясь на Кавказе, Хан-Гирей воочию наблюдает ужесточение российской политики по отношению к адыгам, переход к открытой военной конфронтации. Все это должно было породить в совестливой душе Хан-Гирея обостренное чувство вины человека, причастного к трагедии своего народа, так близко стоявшего у кормила власти и не сумевшего направить события в иное русло. Груз моральной ответственности за происходящее, принятый на себя Хан-Гиреем, оказался для него непомерно тяжел. Российская составляющая его личности, с которой он некогда связывал столько надежд, медленно угасала, подрывая и без того неидеальное здоровье Хан-Гирея...

РАЗДЕЛ III. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА флигель-адъютанта полковника Хан-Гирея от 19 мая 1837 года*

Документ относится к петербургскому периоду деятельности Хан-Гирея и был создан незадолго до его отъезда на Кавказ для выполнения особой миссии по распоряжению императора.

Учитывая, что официальное предписание об отправке на Кавказ Хан-Гирей получил только 25 мая, возможно, что данная докладная записка явилась следствием устного распоряжения военного министра А.И. Чернышева, став результатом всей предшествующей работы по подготовке миссии. Не исключено, что к моменту создания записки окончательные цели поездки еще не были сформулированы – именно поэтому Хан-Гирей говорит лишь о присылке депутатов и условиях покорности и не упоминает о проекте управления мирными горцами, вероятно, вписанном в окончательную редакцию предписания. Существует мнение Т.Х. Кумыкова, что записка Хан-Гирея оказала влияние на предписание военного министра от 25 мая 1837 г. [81, с. 32]

Данная записка должна была, по всей видимости, еще раз продемонстрировать осведомленность автора о современном состоянии адыгов в контексте кавказской политики России и тем самым подтвердить безошибочность выбора императором Хан-Гирея в качестве исполнителя миссии.

Свободное владение материалом, разносторонность видения проблемы, подробное и скрупулезное описание собственных предполагаемых действий, а также оперативность создания записки свидетельствуют о продолжительных размышлениях автора на данную тему. Возможно, что в докладной записке нашли отражение и какие-то материалы Хан-Гирея, не вошедшие в основной текст «Записок о Черкесии» и предназначенные им для создания до сих пор не обнаруженных (и, скорее всего, не написанных) параграфов IV-го отделения II-й части.

О существовании документа впервые упомянул основатель современного хангирееведения М.О. Косвен [76, с. 190.].

Документ был введен в научный оборот Я.А. Гординым [36, с. 207-210].

Место хранения публикуемого документа: РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 187-203 об.

Текст написан чернильным пером писарским почерком на плотной писчей бумаге формата 315 x 203 мм, на обеих сторонах листа. Текстом

---

* В оригинале документ не имеет заголовка, каковой приведен нами по архивной описи XIX века.

заполнена только правая часть листа, широкие поля (около 10 см) занимают почти всю левую его половину. Правые поля отсутствуют.

В правом верхнем углу листа – штемпель императорской Петергофской бумажной фабрики.

Сохранность бумаги и текста удовлетворительная.

Нумерация полистная, проставлена арабскими цифрами. Вследствие реорганизации архивных фондов и соединения трех частей дела, в документе имеется старая локальная (с Л.6; нанесена чернильным пером; цифры перечеркнуты)* и новая сквозная (187-203, включая Л.190-а; нанесена карандашом) нумерация.

Авторская датировка текста – 19 мая 1837 г. На первой странице документа проставлена другая дата (вероятно, регистрации при получении) – 20 мая 1837 г.

Текст имеет многократные подчеркивания отдельных слов и предложений, на полях отчеркнуты отдельные строки и целые абзацы, на полях же часто встречается знак NB, вопросительные знаки и изредка – текстовые комментарии. Все пометы и выделения текста выполнены простым карандашом и предположительно сделаны рукой адресата докладной записки – военного министра графа А.И. Чернышева или даже (точка зрения М.О. Косвена [76, с. 190]) – самого Николая I.

2. ПРОЕКТ положения об управлении горскими народами.

Документ относится к кавказскому периоду деятельности Хан-Гирея.

В конце мая 1837 г. командир Кавказско-горского полуэскадрона Хан-Гирей через посредство военного министра А.И. Чернышева получает распоряжение Николая I об отправке на Кавказ с особой миссией. В преддверии визита императора на Кавказ, на Хан-Гирея возлагалась исключительно сложная (и заведомо невыполнимая) задача.

Хан-Гирей должен был вступить с контакт с народами Северного Кавказа (прежде всего – теми, кто в соответствии с Адрианопольским договором 1829 г. отныне рассматривался Петербургом в качестве подданных – т.е. с западными адыгами). Особое внимание он должен был обратить на «немирных» адыгов (натухайцев, шапсугов, абадзехов), которые, говоря канцелярским языком документов того времени и, как, в частности, сказано в предписании военного министра, «обольщаемые несбыточной надеждой противостоять оружию российскому, или ... предпочитающие дикую свободу свою выгодам благоустроенного управления, упорно отвергли мирные предложения, им сделанные» российским правительством [114, л. 209 об.].

Хан-Гирею вменялось в обязанность побудить политических лидеров

---

* До реорганизации ряда архивных фондов РГВИА интересующее нас дело имело иную нумерацию: Ф.4. Оп.4. Д.176. Ч.3. Л.6-23 об.

различных групп адыгов направить своих представителей на встречу с прибывающим на Кавказ императором, в ходе которой депутаты должны были изъявить покорность и принять на себя определенные обязательства перед российским правительством, озаботиться составлением которых заблаговременно полагалось также Хан-Гирею [114, л. 211-212].

Кроме того, для тех, кто готов был поступиться независимостью, Хан-Гирей должен был начертать «проект Положения об управлении, которое в покоряющихся горских обществах установлено быть может». Данный проект, после отзыва генерала А.А. Вельяминова должен был быть представлен на утверждение императору в ходе запланированного на осень 1837 г. августейшего визита на Кавказ [114, л. 212, 213 об.].

Несмотря на все усилия Хан-Гирея, его миссия закончилась провалом. «Демократические общества» адыгов, составлявшие бóльшую часть населения Закубанья, ради «замирения» которых и планировалась кавказская эпопея Николая I, просто проигнорировали визит российского императора.

Вторая составляющая поручения императора – проект «Положения об управлении горскими народами» – ввиду внезапной болезни автора был завершен с опозданием и в сопровождении рапорта Хан-Гирея за №77, датированного 15 сентября 1837 г., был представлен на рассмотрение командующему российскими войсками на Кавказской Линии и в Черномории генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову [147; 110]. Копии этих же документов (рапорт и Проект) 30 сентября 1837 г. были направлены военному министру графу А.И. Чернышеву вместе с пакетом дополнительных материалов (копиями донесений императору за 18 и 29 сентября, именными списками горских депутатов и статистическими сведениями «о горских племенах Кавказа, изъявивших покорность России»).

После рассмотрения проекта Хан-Гирея, генерал А.А. Вельяминов, в свою очередь, пересылает его барону Г.В. Розену вместе со своими критическими замечаниями [26]. Розен также изучает проект Хан-Гирея, сопоставляя его с поданными несколько ранее «Правилами для управления покорными горцами северных покатостей Кавказа» генерала Вельяминова [27], высказывает собственные замечания [48], а затем препровождает весь пакет документов в Петербург, для вынесения императором окончательного вердикта, о каковом 23 декабря 1837 г. военный министр А.И. Чернышев извещает генерала А.А. Вельяминова (Г.В. Розен к этому времени был уже смещен со своего поста). Ничего не упомянув о дальнейшей судьбе детища Хан-Гирея, Николай I перечислил только не устраивавшие его положения проекта. Так, в частности, император счел излишним звание главного попечителя над горцами; не была одобрена концентрация власти над мирными горцами в руках одного главного пристава; не нашла поддержки идея Хан-Гирея о встраивании местной знати в структуру управления посредством делегирования ей власти на участках (поскольку округи, подконтрольные приставам, не должны были дробиться на участки); были отвергнуты предложения о выделении мест при Ставропольской гимназии для обучения детей горцев – этой цели должны были служить кадетские

корпуса и школы при штабах казачьих и армейских подразделений Отдельного Кавказского корпуса; вместо предположенных Хан-Гиреем во главе Духовного Управления кадия и двух эфендиев полагалось ввести пост муфтия и т.д. [99]. В этом же документе генерал-лейтенанту Вельяминову предписывается продолжить работу над проектом положения для управления горскими народами. Хан-Гирей при этом даже не упомянут, что свидетельствует о резком падении его статуса в глазах императора.

О существовании «Проекта положения об управлении горскими народами» Хан-Гирея впервые упомянул М.О. Косвен [76, с. 193]. Более подробно содержание документа осветил Т.Х. Кумыков, процитировавший и некоторые его положения в одной из своих ранних работ [81, с. 46-51.]

Место хранения публикуемого документа: РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176.

Содержание публикуемого документа: лл. 83 (Титульный лист с заголовком: «Проект Положения о управлении горскими народами») + 84-85 (л.85 об. чистый; рапорт от 15 сентября 1837 г. за №77) + 86-94 (л.94 об. чистый; текст Проекта).

Все составные части документа являют собой единое целое, что подтверждается бумагой из одной партии и единым почерком переписчика.

Текст написан пером коричневыми чернилами писарским почерком на плотной писчей белой бумаге с кремовым оттенком формата 349 x 228 мм, на обеих сторонах листа. Правые поля отсутствуют; левые поля в тексте рапорта шириной около 50 мм, в тексте проекта – около 30 мм.

Бумага каких-либо тиснений или водяных знаков не имеет.

Нумерация документа полистная, арабскими цифрами. Наряду с новой сквозной нумерацией (83-94; нанесена карандашом) на листах видна уже недействительная локальная пагинация (47-58; нанесена чернильным пером; цифры перечеркнуты), относящаяся к периоду деления дела на три части.

Сохранность бумаги и текста документа удовлетворительная.

В этом же архивном деле содержатся «Замечания на Проект положения об управлении горскими народами, составленный флигель-адъютантом полковником Хан-Гиреем», представленные генерал-лейтенантом Вельяминовым [26]. Эти замечания публикуются нами в сносках к тексту публикуемого документа.

3. Краткое изложение о предварительных мерах к устройству Закубанских мирных племен.

Документ относится к кавказскому периоду деятельности Хан-Гирея.

Вследствие неудачного исхода дипломатической миссии, Хан-Гирей был оставлен на Кавказе в распоряжении генерала А.А. Вельяминова.

Согласно директиве Петербурга местная кавказская администрация должна была в числе прочих проектов подготовить и соображения, на каких

основаниях должны управляться покоряющиеся горские народы. Однако кончина опытейшего военачальника и администратора генерала А.А. Вельяминова в начале 1838 г. прервала эту работу. После отставки Г.В. Розена в конце 1837 г. пост главнокомандующего на Кавказе занял генерал Е.А. Головин, не имевший никакого опыта в этом отношении. И вполне логичной представляется попытка Е.А. Головина привлечь Хан-Гирея к составлению соответствующего проекта.

20 июля 1838 г. Хан-Гирей отправляет Е.А. Головину свой новый проект – «Краткое изложение о предварительных мерах к устройству закубанских мирных племен» [144], одновременно препровождая копии министру А.И. Чернышеву и занявшему пост А.А. Вельяминова генералу П.Х. Граббе. Император был поставлен в известность об этом 19 августа того же года. Но еще 11 августа А.И. Чернышев отправил предписание Е.А. Головину с требованием высказать свои соображения по предмету. Головин поручил «генерал-лейтенанту Граббе, созвав в Ставрополь местных начальников Кавказской линии и Черномории, в присутствии полковника Хан-Гирея обсудить предположение сего штаб-офицера и заключение представить мне» [108, л. 15-15 об.]. Департамент военных поселений, в ведении которого находился проект, неоднократно на протяжении 1839-1842 гг. тщетно вопрошал Кавказскую администрацию о судьбе проекта, неизменно получая ответ, что «предположение о устройстве закубанских мирных черкес должно вскоре придти к окончанию».

Тем не менее, несмотря на неопределенную судьбу проекта, Хан-Гирей получил возможность вернуться в Петербург, куда он прибыл 19 ноября 1839 г.

О существовании проекта впервые упоминает М.О. Косвен [76, с. 194]. Несколько большее внимание уделяет ему Т.Х. Кумыков [81, с. 52-53].

Место хранения публикуемого документа: РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176.

Содержание публикуемого документа: лл. 5-8 (л. 8 об. чистый; сопроводительный рапорт Хан-Гирея генералу Е.А. Головину от 20 июля 1838 г. за №30) + 9-14 (л. 14 об. чистый; текст проекта).

Рапорт и проект не имеют какого-либо титульного листа (как, например, у вышеупомянутого «Проекта положения ...»). Составные части документа являют собой единое целое, что подтверждается бумагой из одной партии и единым почерком переписчика.

Документ представляет собой писарскую копию с собственноручной подписью Хан-Гирея.

Текст документа написан пером коричневыми чернилами писарским почерком на плотной писчей белой бумаге с кремовым оттенком формата 320 x 200 мм, на обеих сторонах листа. Правые поля отсутствуют; левые поля шириной около 50 мм. В правом верхнем углу листа – штамп императорской Петергофской бумажной фабрики.

Сопроводительный рапорт и текст проекта содержат выполненные

пером (скорее всего, самим автором) подчеркивания некоторых слов и фраз.

Текст «Краткого изложения ...» имеет выполненные карандашом многократные подчеркивания отдельных слов и предложений. Текст сопроводительного проекта имеет единственную карандашную пометку на полях. Данные пометы предположительно сделаны рукой адресата – генерала Е.А. Головина.

Нумерация документа полистная, арабскими цифрами; нанесена чернильным пером. В отличие от двух предыдущих публикуемых документов, нумерация «Краткого изложения» одинарная, поскольку документ входил в состав Ч.1 архивного дела и слияние частей никак на нумерацию не повлияло.

Сохранность бумаги и текста документа удовлетворительная.

Листы документа были сложены пополам (заметны следы продольного сгиба), вследствие чего слово «Копия» отпечаталось и в правом поле листа.

РАЗДЕЛ IV. НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ФРАГМЕНТЫ, ЧЕРНОВЫЕ АВТОГРАФЫ.

Публикуемые в данном разделе документы были в 1998 г. обнаружены М.Н. Губжоковым в архиве АРИГИ (фонде Ибрагима Наврузова), о чем было сделано сообщение на научной сессии института, посвященной 190-летию со дня рождения Хан-Гирея (Майкоп, 22 декабря 1998 г.). В том же году первые три документа были введены в научный оборот [38].

Публикуемые в настоящем сборнике документы представляют собой рукописные фрагменты четырех самостоятельных произведений, два из которых никогда ранее не вводились в научный оборот, а два остальных являются отрывками рукописей уже издававшихся работ.

Три документа из четырех имеют записи (текстовые, нумерацию) красным и простым карандашами, выполненные по правилам дореволюционной орфографии одним и тем же неидентифицированным почерком, отличным от авторского, что косвенно подтверждает их изначально совместное местонахождение в общей подборке, архиве и т.д., и, следовательно, их соседство в папке И. Наврузова не является случайным.

Появление бумаг Хан-Гирея в архиве И. Наврузова – одна из самых больших загадок его собрания документов. Как нам кажется, наиболее вероятным источником их происхождения является архив Султана Довлет-Гирея – человека, родственного Хан-Гирею не только по крови, но и по духу; интеллектуала, способного понять ценность унаследованных им от старшего родственника документов [20]. Не случайно, что именно от Довлет-Гирея поступила в печать работа «Наезд Кунчука» – последняя дореволюционная публикация Хан-Гирея. После трагической гибели Довлет-Гирея судьба его архива неизвестна, однако не исключено, что какие-то бумаги, в т.ч. и рукописи Хан-Гирея, могли через посредство общих знакомых осесть в архиве И. Наврузова [37].

1. «Сераскир Султан Мугаммед-Гирей»

Данная работа, как следует из названия и краткого предисловия автора, посвящена отцу Хан-Гирея, однако на имеющихся в нашем распоряжении страницах излагается биография не самого Мугаммед-гирея, а его предков. При этом основателем рода бжедугских Гиреев указан султан Ислам-гирей, переселившийся в Черкесию еще до падения Крымского ханства и чьим потомком в пятом поколении и являлся Мугаммед-гирей. Жизнеописание его предков обрывается на Аслан-гирее, отце главного героя очерка.

Большая часть сохранившегося текста очерка посвящена статусу султанов в адыгском обществе, а также описанию тех условий, на которых Ислам-гирей “водворился” среди бжедугов-хамышеевцев. Особенный интерес вызывает четвертый пункт условий, ставящий местных князей и их потомков в подчиненное по отношению к пришлому султану и его потомкам положение “младших союзников”.

Видимо, эти данные следует рассматривать в общем контексте политических воззрений Хан-Гирея, а также в русле его представлений о месте султанов в адыгском обществе и о его собственной роли в русско-адыгских отношениях.

Первая же ассоциация, которая напрашивается после ознакомления с текстом “Мугаммед-гирея”, это до сих пор окончательно не проясненная история с поездкой Хан-Гирея в Петербург в 1829 г. и отказом бжедугских владетелей признать его фактическим главой хамышеевского удела вопреки их же первоначальному согласию (см. введение к настоящему сборнику). Сейчас уже невозможно установить, было ли это стремлением скомпрометировать молодого хануко, политической игрой бжедугских князей, не пожелавших делегировать ему роль посредника между адыгами и российским командованием, некогда заслуженно принадлежавшую отцу Хан-Гирея. Или же следует расценивать этот эпизод как первую, неудачную попытку использовать свой сословный статус как ресурс получения на его базе определенных политических дивидендов?

Видимо, из желания предать забвению эту историю и не желая пробуждать у своих высоких покровителей ненужные ассоциации, Хан-Гирей старается отныне не афишировать родословные предания. Семь лет спустя он вполне осознанно отказывается от упоминания султанов даже там, где их присутствие было вполне логичным – в своем энциклопедическом труде «Записки о Черкесии» (см. коммент. 49). Показательно, что в заключительной главе этого труда (а затем и в «Проекте Положения об управлении горскими народами») им предусматривается пост Попечителя с беспрецедентными полномочиями, который (как явствует из текста документов) должен был занять человек из туземной среды. Не является ли это зримым свидетельством окончательного выбора Хан-Гирея в пользу удачно складывавшейся служебной карьеры, потенциальные возможности которой явно превышали «династический ресурс» и в перспективе позволяли ему занять высокое место в структуре колониального управления?

Литературное творчество, которому Хан-Гирей посвятил последние годы своей жизни, стало для него не только средством самовыражения, но и своего рода психологической компенсацией, жизненно необходимой после крушения карьеры: внезапный выход в отставку фактически сделал его изгоем, «застрявшим» меж двух политических культур – российской и традиционной адыгской. И обращение к образу отца, ставшего героем биографического очерка, вероятно, символизировало для Хан-Гирея постепенный возврат к ценностям адыгского мира, основанным на традиции, родословной памяти, почитании аристократии, соблюдении сословных ролей и стереотипов.

Очерк «Сераскир Султан Мугаммед-Гирей» необходимо рассматривать не просто как очередной образец художественной прозы Хан-Гирея; вероятно, что для самого автора он стал нереализованной попыткой напомнить о себе русскому читателю. Это и своеобразный политический манифест, обоснование своего особого положения в структуре адыгской знати, отражение отчаянной попытки Хан-Гирея в очередной раз найти свое место в мире, опять сузившемся до размеров Черкесии, но не ставшим от этого более близким и менее сложным.

Документ с большой долей вероятности может быть отнесен к серии «Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов», из которой были опубликованы «Бесльний Абат» и «Князь Пшьской Аходягоко». Как явствует из названия самой серии и еще целого ряда косвенных свидетельств, авторский замысел явно не исчерпывался только этими двумя произведениями.

Очерк «Сераскир Султан Мугаммед-гирей», начальной частью рукописи которого мы располагаем, судя по подзаголовку «Статья вторая», готовился к публикации в серии именно под этим номером.

Неоспоримым свидетельством принадлежности данной работы Хан-Гирею является то, что две страницы очерка написаны на обороте черновика уже изданной работы — «Бесльний Абата».

Авторская датировка – 1 января 1841 (пометка на полях 1-й страницы).

Текст представляет собой фрагменты чернового автографа, содержит многократные авторские исправления и вставки.

Содержание текста:

1) фрагмент №1: л.1 с оборотом. Авторская нумерация первой страницы – арабская цифра «1». Имеется и параллельная нумерация, сделанная красным карандашом – арабская цифра «1». Номер оборотной страницы утрачен ввиду дефекта бумаги. Текст имеет незначительное число исправлений, что приближает его к чистовому автографу.

На с.2 на полях простым карандашом, почерком, отличным от авторского, по правилам дореволюционной орфографии сделана пометка «Положение султанов в среде черкесского народа».

2) фрагмент №2: лл.2 и 3 с оборотами. Текст очерка продолжается после некоторой лакуны. Фрагмент текста содержится на лицевой стороне

лл. 2 и 3 (авторская нумерация страниц – «3» и «4» арабскими цифрами), на обороте которых – черновой автограф очерка «Бесльный Абат» (см. ниже). Текст имеет значительное число исправлений, что, несмотря на кажущуюся сквозной нумерацию фрагментов №1 и №2, позволяет отнести последний к более раннему периоду работы над текстом, чем фрагмент №1.

На полях с.3 сделаны вертикальные, направленные снизу вверх, пометки: 1) «О Магомет-гирей-Исламе» (красным карандашом) и 2) «Его положение и права среди черченеевских князей» (простым карандашом).

На полях с.4 красным карандашом сделана вертикальная, направленная снизу вверх, пометка «Ислам Магомет гирей». Фраза «Как бы то ни было ... Ислам-гиреевых» подчеркнута красным карандашом.

Тексты указанных фрагментов написаны чернильным пером, крупным почерком на плотной сероватой писчей бумаге форматом примерно 235 x 365 (л.3 – 375) мм. Левые поля варьируются в пределах 5-6 см, отчеркнуты простым карандашом. Бумага никаких особых знаков (водяных или тиснений) не имеет.

Сохранность: текст в удовлетворительном состоянии; листы потрепаны.

2. «Бесльный Абат»

Текст представляет собой фрагмент чернового автографа.

Две страницы текста (авторская нумерация – арабские цифры «72» и «73»), написаны на обороте С.3 и С.4 соответственно текста очерка «Сераскир Султан Мугаммед-гирей» (см. выше).

Текст имеет многократные авторские исправления и вставки.

На полях с.72 красным карандашом сделаны вертикальные, направленные снизу вверх, пометки: «О Бесленее Абате» и дважды – «Напечатано». В верхнем правом углу красным карандашом арабскими цифрами нанесена нумерация «25».

На полях С.73 красным карандашом сделаны вертикальные (направленные снизу вверх) пометки: «Беслиней Абат» и «Напечатано». Этим же почерком сделаны отметки в тексте черновых автографов «Мугаммед-гирея» (см. выше) и «Официального доклада» (см. ниже док. №4). В верхнем правом углу красным карандашом арабскими цифрами нанесена нумерация «26».

Обе страницы в верхнем поле с правой стороны имеют многократные исправления нумерации, сделанные рукой автора: на с.72 – перечеркнутые арабские цифры «70», «74», «71», идущие справа налево; на с.73 – цифры «71», «75», «72» справа налево.

Текст написан чернильным пером, крупным почерком на плотной сероватой писчей бумаге форматом примерно 235 x 365 (л.3 [с.73] – 375) мм. Левые поля варьируются в пределах 5-6 см, отчеркнуты карандашом. Бумага никаких особых знаков (водяных или тиснений) не имеет.

Сохранность: текст в удовлетворительном состоянии; листы потрепаны

и имеют местные загрязнения.

3. «Наезд Кунчука».

Текст представляет собой фрагмент чернового автографа.

Объем текста: один лист с оборотом. Нумерация выполнена арабскими цифрами, проставленными простым карандашом, почерком, отличным от авторского: лицевая страница – «6» исправлено на «7»; оборотная страница – «7» исправлено на «8».

Текст фрагмента написан чернильным пером, крупным почерком на листе плотной сероватой писчей бумаги размером примерно 232 x 367 мм. Поле листа разделено пополам вертикальной карандашной линией, текст размещен в правой части.

Бумага никаких особых знаков (водяных или тиснений) не имеет.

Сохранность: текст – в удовлетворительном состоянии, чернила несколько выцвели; листы потрепаны.

4. Официальный доклад о положении горцев 1837 – 1840 годах и о мерах к умиротворению их.

Текст представляет собой фрагмент чернового автографа, начало которого, вероятно, утрачено еще до оседания доклада в коллекции И. Наврузова.

Название документа приведено по заголовку, надписанному на первой странице сохранившегося фрагмента красным карандашом.

Текст документа, представляющего собой прошитую суровыми нитками тетрадь из 8 листов, выполнен скорописью чернильным пером на двойных листах плотной писчей бумаги формата примерно 217 x 355 мм, на обеих сторонах листа.

Текст, занимающий правую половину листа, отделен от полей следом продольного сгиба, хорошо различимым на всех листах тетради.

Текст документа содержит многократные авторские исправления и вставки, часть из которых расположена на полях.

Нумерация листов отсутствует.

Сохранность: текст и бумага – в удовлетворительном состоянии; некоторые листы имеют местное загрязнение.

Автор (Хан-Гирей) и адресат (граф А.Х. Бенкендорф) доклада устанавливаются по тексту документа: автор упоминает свою должность и место службы («в продолжение командования моего л.-гв. Кавказско-горским полуэскадром»), демонстрирует отношения непосредственной подчиненности адресату, обладателю высокого сословного статуса («обнаруживал я неоднократно пред Вашим сиятельством представления моими»), упоминает эпизод передачи вышестоящему начальнику своего труда («представлением на благоусмотрение Ваше <...> составленные мною

«Записки о Черкесии»»), при этом дважды позиционирует себя в качестве автора упомянутого труда (второй раз, когда характеризует обычное право адыгов, подробности которого «можно видеть из «Записок о Черкесии» некогда мною представленных на благоусмотрение Начальства»).

Вероятно, что этот документ был создан по завершении кавказской миссии Хан-Гирея, поскольку доклад содержит информацию, которой автор не обладал в период работы над «Записками о Черкесии». Так, в докладе упомянуты убыхи, ранее не выделявшиеся Хан-Гиреем из числа народов Северо-Западного Кавказа; имеется намек на военные действия генерала Засса; упоминаются иностранные политические агенты, с деятельностью которых Хан-Гирей познакомился уже пребывая на Кавказе (заметим, что задержание британских эмиссаров Белла и Лонгворта также было вменено в обязанность Хан-Гирею).

Документ может быть датирован не позднее начала 1840 года, поскольку Хан-Гирей, описывая процессы политической и военной консолидации у горных адыгов, не упоминает о боевых действиях на Черноморской береговой линии (имевших место в феврале - марте 1840 г.).

В докладе описываются адыгские субэтнические группы — сначала кабардинцы, затем закубанские княжества и в последнюю очередь — горские общества «демократов». Указывается их внутреннее устройство, социальная структура, особенности судопроизводства, взаимоотношения их между собой и с российским военным командованием и дальнейшие перспективы российской политики в отношении адыгов

Общий список источников и литературы:

1. Archiv fur Wissenschaftliche Kunde von Russland. Berlin, 1841. S.423-495.
2. Cameron Poulett G. Personal Adventures and Excursions in Georgia, Circassia and Russia. In 2 volumes. Vol. 1. London, 1845.
3. Адаб баксанского культурного движения / Подгот. к печати З.М. Налоев. Нальчик, 1991.
4. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик, 1974. 636 с.
5. Алоев Т.Х. Хаджреты в исследовательском дискурсе Хан-Гирея // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. С.310-327.
6. Андреев-Кривич С.А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве М.Ю. Лермонтова. Нальчик, 1949.
7. Аутлев М.Г. Биография моего современника. Майкоп, 2000.
8. Аутлев П.У. Адыгея в хронике событий. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1990. 144 с.
9. Аутлев П.У. Очерк истории пчеловодства в Адыгее // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С.3-36.
- 10.Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- 11.Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.
- 12.Бгажноков. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
- 13.Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.
- 14.Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991. 192 с.
- 15.Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005. 432 с.
- 16.Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Часть I: Роль среды / Пер. с франц. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- 17.Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. С.-Пб., 1895.
- 18.[Броневский С.] Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823.
- 19.[Броневский С.М.] Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т.1, т.2 / Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И.К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 464 с. («Архив российского востоковедения»).
- 20.Бузаров Аз.К. Давлет-Гирей Султан // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С.929-930.

21. Бузаров Аз.К. Отклики джадидизма на Северном Кавказе и генезис черкесской новометодной школы // Информационно-аналитический вестник отдела истории АРИГИ. Вып.5. Майкоп, 2002. С.302-306.
22. Бурнашев В.П. Из воспоминаний петербургского старожила // Заря. СПб., 1871. №4. Апрель.
23. [Буцковский] Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части подп. Буцковским // РГВИА. Ф.414. Д.300.
24. Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов: в 2-х тт. Т.1. Нальчик, 2007. 408 с.
25. Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. С.349-455.
26. Вельяминов А.А. Замечания на проект положения об управлении горскими народами, составленный флигель-адъютантом полковником Хан-Гиреем // РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 71-74.
27. Вельяминов А.А. Правила для управления покорными горцами северных покатоствей Кавказа // РГВИА. Ф.405. Оп. 6. Д. 2176. Л.95-102 об.
28. Вершигора А.Д. Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 156 с.
29. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
30. Вопросы кавказской филологии и истории. Сборник статей. (Посвящается С.Хан-Гирею) / Составитель А.М. Гутов. Выпуск 2. Нальчик, 1994. 204 с.
31. Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Вестник Ленинградского университета. 1989. Сер.2. Вып.1.
32. Гадло А.В. Тмуроканские этюды. II. Держава Инала и его потомков // Вестник Ленинградского университета. 1989. Сер.2. Вып.2.
33. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в. М.: Наука, 1967. 332 с.
34. [Гильденштедт И.А.] Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. С.-Пб., 1809.
35. Гирей. Замечания на статью «Законы и обычаи кабардинцев» // Кавказ. 1846. №11.
36. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. 464 с.
37. Губжоков М.Н. Архив Ибрагима Наврузова: поиски и открытия // Архивы и общество. 2007. №1. С.136-142.
38. Губжоков М.Н. Новые данные о творческом наследии Хан-Гирея (по материалам из архива АРИГИ) // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1998. С.28-39.

39. Губжоков М.Н. Хан-Гиреем невоспетые герои: к интеллектуальной истории адыгов XIX века // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. С.294-309.
40. [Дебу И.] О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. С.-Пб., 1828.
41. Докладная записка флигель-адъютанта полковника Хана Гирея военному министру графу А.И. Чернышеву от 19 мая 1837 г. // РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л.187-203 об.
42. Думанов Х.М. Краткий словарь этнографических терминов кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 216 с. (на каб. яз.)
43. Дьяков В.А. «Записки о Черкесии», сочиненные Хан-Гиреем // История СССР. 1958. № 5. С.173-178.
44. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. 1902. Кн. XXII. Вып. 1. С.1-50.
45. Дьячков-Тарасов А.Н. Горячий Ключ и его минеральные воды // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1902. Вып. III. С.1-63.
46. Жемухов С.Н. Мировоззрение Хан-Гирея. Нальчик, 1997.
47. Жемухов С.Н. Жизнь Шоры Ногма. Нальчик: Эльбрус, 2002. 192 с.
48. Замечания генерал-адъютанта барона Розена на Проект Положения об управлении горскими народами полковника Хан-Гирея // РГВИА. Ф.405. Оп.6. Д.2176. Л.103-116.
49. Зафесов А.Х. Адыгейско-русско-турецкий историко-этнокультурный краткий энциклопедический словарь / Пер. М.С. Енамуко. Майкоп, 2006.
50. Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч.1-4. С.-Пб., 1834-1835.
51. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
52. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.
53. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
54. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. 720 с.
55. Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. 552 с.

56. Кажаров В.Х. Адыгский феодализм // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С.130-168.
57. Кажаров В.Х. «История адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова и катастрофы его времени // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 2. С. 326–344.
58. Кажаров В.Х. Колониальный статус Кабарды и кризис традиционного феодального общества // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 236-267.
59. Кажаров В.Х. О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Вестник КБИГИ. 2006. Вып. III. С.398-425.
60. Кажаров В.Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60-90-е гг. XVIII в. // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып.IV. С.218-271.
61. Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 440 с.
62. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Характер адыгских песен // Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик, 1987. С.222-236.
63. Калоев Б.А. История записи и публикации нартовского эпоса // Нартовский эпос. Орджоникидзе, 1957.
64. Каменев Н. Бассейн Псепкупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. №5, 14 и др.
65. Кандор Р.С. Трансформация традиционной системы управления западных адыгов (черкесов) (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2009. 216 с.
66. Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: Исследования и материалы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. 496 с.
67. Карамзин Н.М. История государства Российского. Изд. 4-е. С.-Пб, 1833-1834.
68. Карпов Ю.Ю. Мужские союзы в культуре и общественной жизни горцев Кавказа // Россия и Кавказ. СПб.: ЗАО Журнал «Звезда». «Довлатовский фонд», 2003. С.64-84.
69. Кафоев А.Дж. Адыгские памятники. Нальчик, 1969.
70. Клепиков С.А. Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVIII – XX вв. М., 1959.
71. Клепиков С.А. Филигрani на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М.: Наука, 1978.
72. Кожев З.А. Адыги и народы Северного Кавказа // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С.373-404.
73. Кожев З.А. Кавказская война (1763-1864) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С.204-221.
74. Кожев З.А. Политическая история Черкесии (с начала XV в. до 1763 г.) // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева,

2006. С.168-203.
- 75.Константин Багрянородный. Об управлении империей. Изд. 2-е, испр. М.: Наука, 1991.
- 76.Косвен М.О. Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей // Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. С.184-208.
- 77.Кто есть кто // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С.867-1122.
- 78.Кук А.С. Мифические образы адыгского эпоса «Нартхэр» // Мир культуры адыгов / Сост. Р.А. Ханаху. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея». С.47-62.
- 79.Кук Дж. Путешествия и странствования по Российскому государству, Татарии и по части Персидского королевства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост., редакция переводов, введение и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.174-178.
- 80.Культура адыгов. Нальчик, 1993.
- 81.Кумыков Т.Х. Хан-Гирей (жизнь и деятельность). Нальчик, 1968.
- 82.Лавров Л.И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию // Советская этнография. 1936. №4.
- 83.Лавров Л.И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик. 1954. Вып.3. С.193-207.
- 84.Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 3. Этнографические известия. СПб., 1832.
- 85.Лонгворт Дж. Год среди черкесов. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 544 с.
- 86.Марзей А.С. Черкесское наездничество – «ЗекIуэ» (из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века). Москва, 2000. 356 с.
- 87.Мижаев М.И. Хан-Гирей как фольклорист // Вопросы кавказской филологии и истории. Вып.2. Сб. статей. С.57-69.
- 88.[Мотре де ла А.] Путешествие господина А. де ла Мотре в Европу, Азию и Африку... // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост., редакция переводов, введение и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.119-147.
- 89.Нагоев М.Б. Ценная находка (о вновь найденной рукописи Хан-Гирея) // Актуальные вопросы Кабардино-Балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С.170-175.
- 90.Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978.
- 91.Налоев З.М. О придворном джегуако // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1980. С.121-142.
- 92.Народные песни и наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1986. Т.III. Ч.1. 264 с.
- 93.Народные песни и наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1990. Т.III. Ч.2. 488 с.

94. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. 128 с.
95. [Новицкий Г.В.] Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапа до истока реки Кубани. Записка штабс-капитана Новицкого, составлена 15 сентября 1830 года // Кубанские областные ведомости. 1884. №34, 36, 38, 40.
96. Ногма Ш.Б. Филологические труды: В 2 тт. Т.1. Нальчик: Кабардинское кн. изд-во, 1956. 308 с.
97. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1982. 168 с.
98. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.
99. Отношение военного министра графа А.И. Чернышева командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову от 23 декабря 1837 г. // РГВИА. Ф.405. Оп.6. Д.2176. Л.149-151 об.
100. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Сост., редакция переводов, введение и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С.179-202.
101. Переписка АНИИ с АН СССР, институтами союзных и автономных республик и др. // НАРА. Ф.1127. Оп.1. Д.40.
102. Планы работы АНИИ на 1957-1958 годы // НАРА. Ф.1127. Оп.1. Д.32.
103. Планы работы АНИИ на семилетку (1959-1965 годы) // НАРА. Ф.1127. Оп.1. Д.41.
104. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.
105. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 192 с.
106. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Т.2. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 688 с.
107. Прасолов Д.Н., Губжоков М.Н. Численность населения Черкесии в XVI – первой половине XIX в. // Адыгская (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С.128-130.
108. Рапорт Командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанта Головина 1-го военному министру Чернышеву от 13 ноября 1838 г. // РГВИА. Ф.405. Оп.6. Д.2176. Л.15-15 об.
109. Рапорт начальника Правого фланга Кавказской линии ген.-майора Ковалевского командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории ген.-лейтенанту Заводовскому // РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.488. Л.5-6.
110. Рапорт флигель-адъютанта гвардии полковника Хана Гирея

- командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову от 15 сентября 1837 г., №77 // РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л.84-85.
111. Рапорт флигель-адъютанта полковника Хан-Гирея командиру Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головину 1-му от 20 июля 1838 г. // РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л.5-8.
112. Рапорт штабс-капитана Г.В. Новицкого генерал-фельдмаршалу графу И.Ф. Паскевичу, от 5 декабря 1830 г. // АКАК. Т.7. Тифлис, 1878. С.895-897.
113. [Рошешуар де]. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. С.340-348.
114. Секретное предписание военного министра А.И. Чернышева флигель-адъютанту гвардии полковнике Хан-Гирею от 25 мая 1837 г., №199 // РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л.209-215.
115. [Сестренцевич-Богуш С.] История о Таврии, сочиненная на французском языке Станиславом Сестренцевичем-Богушем, преосвященным митрополитом римско-католических церквей в России, архиепископом Могилевским, председательствующим в Римско-католической духовной коллегии. СПб., 1806. Т.I-II.
116. Сиюхов С.Х. Поход в Хакуж (к 40-летию начала обучения на черкесском языке) // Этюды по истории и культуре адыгов: Сб. ст. Майкоп, 1998. С.21-27.
117. Сказания о Жабаги Казаноко. Сборник текстов на адыгских, абазинском, карачаево-балкарском языках. Нальчик, 2001.
118. Скальковский А. Нападение черкесов на Дюка-де-Ришелье 5 сентября 1809 года // Кубанские областные ведомости. 1891. №46.
119. Сокуров В.Н. Об изменении династической идеологии адыгских князей и возведении рода к Ною // Архивы и общество. 2007. №1. С.59-76.
120. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т.21. Отд.2. С.53-173.
121. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера // Секретная миссия в Черкесию русского разведчика Ф.Ф. Торнау. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С.39-414.
122. Туганов Р.У. Страницы прошлого (заметки краеведа). Нальчик, 1989.
123. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик, 1996.
124. Тхагапсова Г.Г. Народная медицина адыгов. Майкоп, 1996.
125. Унарокова М.Ю. Флористический элемент в системе питания адыгов // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1998. С.103-135.

126. Унарокова М.Ю. Этническая культура адыгов [Электрон. ресурс].-Режим доступа: <http://www.aripk.ru/mo/doc/conf/speech/unarokova.dok>
127. Унарокова Р.Б. Кяхское культурно-просветительское движение начала века // Проблемы адыгейской филологии и фольклора. Майкоп, 1995. Вып.9. С.217-229.
128. Унарокова Р.Б. О некоторых аспектах изустной истории Бзиюкской битвы // Проблемы Бзиюкской битвы: история и современность (материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 200-летию битвы). Майкоп: Меоты, 1998. С.94-113.
129. Унарокова Р.Б. Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 216 с.
130. Унарокова Р.Б. Формы общения адыгов. Майкоп: Меоты, 1998. 128 с.
131. Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. 1883. Кн.3.
132. Формулярный список о службе и достоинстве командира лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона полковника Хана Гирея // ГАКК. Ф.332. Оп.1. Д.23.
133. Формулярный список о службе и достоинстве числящегося при собственном Его Величества конвое полковника Хана Гирея (362.083) // Формулярные списки Гг. штаб и обер-офицеров лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона и команд лезгин и мусульман, собственного Его Императорского Величества конвоя за 1841 год // РГВИА. Ф.409. Оп.2. Д.38880.
134. Хаджимуков Т. (Н.Н.) Народы Западного Кавказа // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Избранные произведения. Нальчик, 1991.
135. Хакуашев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик: Эльбрус, 1978. 260 с.
136. Хан-Гирей С. Бесльный Абат // Кавказ. Тифлис, 1847. № 42 – 48.
137. Хан-Гирей С. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Русский вестник. СПб., 1842. Т. 5. Кн. 1.
138. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии / Вступительная статья и подготовка текста к изданию Гарданова В.К. и Мамбетова Г.Х. Нальчик, 1978.
139. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии / Вступительная статья и подготовка текста к печати Гарданова В.К. и Мамбетова Г.Х. Нальчик, 1992
140. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии / Вступительная статья и подготовка текста к печати Гарданова В.К. и Мамбетова Г.Х. Нальчик, 2008.
141. Хан-Гирей С. Избранные произведения / Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1974.
142. Хан-Гирей С. Князь Канбулат // Русский вестник. СПб., 1844. Т.

- 2.
143. Хан-Гирей С. Князь Пшьской Аходягоко // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1893. Вып. 17.
144. Хан-Гирей. Краткое изложение о предварительных мерах к устройству Закубанских мирных племен // РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л.9-14 .
145. Хан-Гирей С. Мифология черкесских народов // Кавказ. 1846. № 35.
146. Хан-Гирей С. Наезд Кунчука // Кавказ. Тифлис, 1846. №37-38.
147. Хан-Гирей. Проект Положения об управлении горскими народами // РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л.86-94.
148. Хан-Гирей С. Черкесские предания // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 2. Кн. 4 и 5.
149. Хан-Гирей С. Черкесские предания / Вступительная статья, составление и общая редакция Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1989.
150. Хан-Гирей С., Вревский П.А. Именной список горским депутатам, назначенным иметь счастье представляться Его Императорскому Величеству в Екатеринодаре // РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 2176. Л. 69-69 об.
151. Хапсироков Х.Х. Пути развития адыгских литератур. Черкесск, 1968.
152. Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители и Пушкин // Хашхожева Р.Х. Избранные статьи. Нальчик: Эльбрус, 2004. С.56-64.
153. Хашхожева Р.Х. Некоторые спорные и неизвестные страницы биографии Хан-Гирея // Вопросы кавказской филологии и истории. Сборник статей. (Посвящается С.Хан-Гирею) / Составитель А.М. Гутов. Выпуск 2. Нальчик, 1994. С.7-40.
154. Хашхожева Р.Х. Хан-Гирей. Жизнь и деятельность // Хан-Гирей. Черкесские предания / Вступительная статья, составление и общая редакция Р.Х. Хашхожевой. Нальчик, 1989. С.3-51.
155. Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 552 с.
156. Хотко С.Х. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников: Вступительная статья // Старые черкесские сады. Ландшафт и агрикультура Северо-Западного Кавказа в освещении русских источников 1864-1914: в 2 т. / Составление, вступительная статья и примечания С.Х. Хотко. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. Т.1. С.8-36.
157. Хотко С.Х. Цивилизация Кабарды. СПб., 2008.
158. Ципинов А.А. «Культурный герой» в мифо-эпической традиции адыгов // Вопросы кавказской филологии и истории. Вып.3. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С.95-116.
159. Чочиев Г.В. Северокавказская диаспора в Турции: социально-политические аспекты этнической эволюции (вторая половина XIX – XX вв. // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С.406-422.

160. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. П-И. М.: Наука, 1977. 224 с

---

¹ Как явствует из текста «Записок» и других трудов Хан-Гирея, автор фактически ставит знак равенства между понятиями «черкесы» и «адыги», хотя в его время существовала и другая тенденция – расширительного толкования термина «черкесы» до пределов едва ли не всего населения Северного Кавказа. Хан-Гирей отказался и от компромиссной версии, не включив, как это делали некоторые авторы, в число черкесов абазин и убыхов, отнеся последних к

«абхазским коленам» (см. «Официальный рапорт ...» из раздела IV настоящего издания).

² *все погрешности <...> исправлены двумя моими знакомыми* – автор имеет в виду Н.И. Греча и В.П. Бурнашева, приведших текст «Записок о Черкесии» в соответствие с нормами литературного русского языка [22, с. 38-41].

Вероятно, что заключительную главу «о мерах и средствах» Хан-Гирей завершал уже самостоятельно, в пользу чего говорят многочисленные грамматические и стилистические погрешности в тексте. Следует при этом отдать должное языковым способностям и трудолюбию Хан-Гирея, который пять лет спустя в своих литературных трудах демонстрирует более чем достойное владение как образной русской речью, так и правилами русской грамматики (см. раздел IV настоящего издания).

³ *пользовался сочинениями: Дебу и, в особенности, Броневского, и все заимствованное <...> старался оставить в первоначальном виде* – обобщающий характер труда Хан-Гирея с неизбежностью требовал обращения к трудам его предшественников на ниве кавказоведения. Не случайно, что большинство таких обращений приходится на главы, содержание которых требовало специальных знаний (например, в сфере географии Кавказа или древней истории региона). Однако обилие подобных заимствований отнюдь не делает труд Хан-Гирея компилятивным – вспомним, что именно в этом видел главный недостаток «Записок о Черкесии» генерал А.А. Вельяминов, имевший репутацию образованного и начитанного человека. Справедливости ради следует отметить, что классические труды эпохи становления кавказоведения все в той или иной степени компилятивны – весьма показателен один из подзаголовков работы С.М. Броневского: «Отрывки о физических качествах северной стороны Кавказа, взятые большею частью из замечаний Гильденштета и Палласа». Хан-Гирей, не имевший, в отличие от других ученых, времени для детальной проработки первоисточников, был вынужден прибегать к цитированию и переложению обширных фрагментов трудов предшественников.

⁴ *по беспокойному образу жизни туземцев* – здесь и далее в своих трудах Хан-Гирей неоднократно пишет о потрясавших Черкесию «беспокойствах», считая их следствием ожесточенного социального противостояния и княжеских междоусобиц. Естественно, что такая интерпретация фактов была неизбежна в связи с заказным характером труда и соображениями государственной лояльности, заставлявшими автора умалчивать о российском факторе, все более и более ответственном за «беспрестанные беспокойства», «буйные заботы», «тревоги» и «кровавые бури», приближавшие гибель страны адыгов.

⁵ *просвещенного путника сожалеть о народе, чуждом хозяйственного трудолюбия и не наслаждающемся прелестями роскошной природы, не умея пользоваться благотворными ее дарами* – подобные пассажи, многократно встречающиеся в трудах Хан-Гирея и значительно понижающие уровень развития адыгов, связаны с нежеланием автора признать самодостаточность адыгской культуры и объясняются его европоцентристскими взглядами, согласно которым модель государственного устройства, существующая в России (а вкуче с ней и экономика, городская культура, система образования, социальные отношения и т.д.), изначально прогрессивнее, чем традиционное адыгское общество.

⁶ *о славных нартах или богатырях-героях народных их преданий* – первое

упоминание о нартах в кавказоведении. Приоритет Хан-Гирея в деле собирания, записи и оценки нартских сказаний признан и осетинскими учеными [63]. К нартской тематике Хан-Гирей неоднократно обращается как в «Записках о Черкесии», так и в других своих произведениях.

⁷ Термин «*племена*», используемый Хан-Гиреем и российскими учеными того времени для характеристики внутриэтнической структуры адыгов, не соответствует ни историческим реалиям XIX века, ни, тем более, современным представлениям. То же относится и к понятиям «*колена*» или «*поколения*», в данной работе синонимичным тем же «*племенам*». Правильнее говорить о субэтнических группах адыгов.

⁸ *Малочисленный наш отряд* – здесь и далее неоднократно отождествляя себя с российской стороной («*наш отряд*», «*наши войска*», «*наше правительство*» и т.д.), Хан-Гирей говорит о черкесах в третьем лице («*их страна*», «*их воинство*», «*их язык*» и т.д.). Подобные извлечения из текстов «*Записок о Черкесии*» и официальных документов, вышедших из-под пера Хан-Гирея, отчетливо демонстрируют сложное взаимодействие различных пластов его сознания – адыгского (когда речь идет об информационной наполненности его трудов) и российского (когда автор задается целью соответствующей интерпретации фактов по принципу «*мы*» – «*они*») [5, с. 314; 39, с. 298-299.]

⁹ *Анапа пала <...> после упорной осады* – Хан-Гирей являлся непосредственным участником описываемых им событий, при осаде Анапы российской армией «*состоя при командовавшем осадными войсками генерал-адъютанте князе Меньшикове в должности адъютанта*» [133, л. 5].

¹⁰ *Геленчикский залив <...> От этого залива на юго-восток же расстояние до границы Черкесии с Абхазиею простирается около 30 верст* – воспроизводя здесь сведения С.М. Броневского, Хан-Гирей противоречит собственным материалам, по которым юго-западный рубеж расселения адыгов на побережье находился в районе р. Ордане.

Причина, видимо, заключается в многозначности термина «*абаза*», который, при его расширительном толковании, распространялся и на группы безусловно адыгского корня, но в социальном и культурном плане занимавшие промежуточное положение между равнинными адыгами и собственно абхазо-абазинами. При этом, хотя указанная Броневским граница между Черкесией и Большой Абхазией практически не изменилась с XVII в., когда ее зафиксировал Эвлия Челеби, у шапсугов, натухайцев и абадзехов к началу XIX в. (хотя их по традиции еще именовали абазами) общеадыгское самосознание стало доминирующим [72, с. 398-400].

¹¹ *два теплых источника на реке Псакупсе <...> действие их чрезвычайно целительно* – благотворное воздействие на организм горячих минеральных вод хорошо было известно в традиционной адыгской медицине, в силу чего серно-щелочные, йодо-бромистые, углекислые псекупские источники района *Псыфаб* (ныне – известный курорт Горячий Ключ) круглогодично использовались для лечения страдающих от ревматизма, кожных и различных внутренних болезней [44, с. 6-7; 45, с. 1]

¹² *принуждающее их сблизаться с соседями в торговом отношении* – в ходе Кавказской войны российское командование сделало соль инструментом политического шантажа, продавая ее только лояльно настроенным к России

обществам. На Центральном Кавказе превращение соли в стратегический товар для экономического и политического давления на Кабарду имело место уже по окончании строительства Кавказской линии 1777-1778 гг., когда кабардинцы оказались лишены свободного доступа к соляным озерам [60, с. 254].

¹³ **Нефтяные <...> источники** – наличие таковых в земле адыгов (зихов) известно еще с X в. [75, с. 273].

¹⁴ **просо** являлось основной и ведущей земледельческой культурой, придававшей особое своеобразие не только адыгской кулинарии, но и культуре полеводства в целом; способствовало доведению принципа разумной достаточности и минимального насыщения в культуре питания адыгов до общенационального этического идеала, а также содействовало формированию эстетического идеала физической красоты [125, с. 103-105]. Отсутствие в списке Хан-Гирея кукурузы объясняется тем, что в описываемую эпоху данная культура еще не перешла из числа огородных в разряд полевых.

¹⁵ **в изобилии растут в горах** – имеются в виду знаменитые черкесские лесосады, средоточие культурных насаждений, перечисленных Хан-Гиреем, многие из которых еще в древности были одомашнены именно здесь, на Кавказе, где до сих пор сохранились их дикорастущие формы [156, с. 18-24].

¹⁶ **шелковичные или тутовые деревья** – по свидетельству ряда авторов, производство шелка было налажено уже к середине 1830-х гг., в частности – в ряде прибрежных пунктов южнее Пшады [24, с. 185; 15, с. 143], что можно расценить как попытку шире использовать местные ресурсы и восполнить недостаток сырья для производства тканей, вызванный разорением хозяйственных отраслей воюющей Черкесии.

¹⁷ **Остатки старинного города Татар-Туна** (совр. – городище Верхний Джулат) – город и поликонфессиональный религиозный центр эпохи Золотой Орды. При археологических раскопках обнаружены остатки трех мечетей и трех христианских церквей. Татартуп являлся местом глубокого почитания и суеверного поклонения народов Центрального Кавказа [53, с. 201].

¹⁸ **Дуукко-хе-ясин <...> кому воздвигнут памятник, неизвестно** – адыгский просветитель Ш.Б. Ногмов связывает создание Этокского памятника с преданием о «Баксане, сыне Дауове» [97, с. 62-64]. Дискуссию о памятнике см.: [69].

¹⁹ **исполинские древние орудия** – вероятно, речь идет об адыгских саблях, обнаруживаемых археологами на всей территории средневековой Черкесии (в курганах белореченского и кабардино-пятигорского типа) и действительно достигавших 120-130 см в длину и по своим конструктивным характеристикам значительно отличавшимся от холодного оружия адыгов XVIII – XIX вв.

²⁰ **Во время командования полковника Коцорова** – вероятно, речь идет об одном из эпизодов боевых действий в Кабарде в начале 1822 г. [106, с. 361-370]

²¹ **построенный князем Асланбеком Ккаитокковым** – в урочище Кашкатау находилась укрепленная ставка Асланбека Кайтукина – лидера кашкатауской «партии», противостоявшей баксанской коалиции в период княжеских междоусобиц в Кабарде. В 1720 г. Асланбек Кайтукин и его сторонники успешно выдержали многомесячную осаду урочища Кашкатау крымскими войсками хана Саадет-Гирея и союзными ему «баксанцами» [53, с. 28-29]. См. также о нем коммент. 247.

²² **«Ночное нападение»** – песня присутствует в ряде современных фольклорных

собраний; в ней отражено одно из сражений военной кампании 1779 г., в ходе которой кабардинцы потерпели ряд поражений и потеряли лучших представителей аристократии. В итоге кабардинцы были вынуждены смириться с аннексией северной части Кабарды, к тому времени отрезанной укреплениями Кавказской линии, что означало дальнейшее ограничение политического и территориального суверенитета Кабарды [60, с. 256-260]

²³ *Убин <> на берегах сей реки назад тому около 40 лет происходило между российским отрядом и черкесами сражение* – вероятнее всего, имеется в виду Бзюкская битва 1796 г. между шапсугским ополчением и дворянскими дружинами бжедугов, в которой принимал участие и небольшой казачий отряд; произошла на правом берегу Афипса близ впадения в нее р. Бзюк.

²⁴ *это происшествие соделалось у туземцев эпохою* – кровопролитная Бзюкская битва, во многом изменившая ход политических процессов в Западной Черкесии, действительно стала для кубанских адыгов точкой отсчета в потоке времени (к этому тезису Хан-Гирей еще раз обращается в биографическом очерке «Бесльный Абат»).

²⁵ *Псччетикко* – на этой реке в 1803 г. состоялся законодательный съезд (Псычетыкьо ээфэс – по П.У. Аутлеву [8, с. 31]), утвердивший новую систему межсословных взаимоотношений, сложившуюся в результате «демократического переворота» у горных адыгов на рубеже XVIII – XIX вв. Данный топоним (в искаженной переписчиком форме Печетнико или Печетикко) неоднократно встречается в трудах Хан-Гирея. См. также коммент. 61.

²⁶ *нефтяной источник, от чего оба получили и названия* – от адыгского «кудэ» (нефть).

²⁷ *населенность Черкесии* – статистические данные по адыгам первой трети XIX в. весьма противоречивы [107].

После опустошительной эпидемии чумы и боевых действий против царских войск, численность кабардинцев сократилась десятикратно и к моменту написания «Записок о Черкесии» составляла, по разным оценкам, около 30 – 40 тыс. чел. Исключительно противоречивы данные по Западной Черкесии. Так, К.Ф. Сталь оценивает численность западных адыгов к началу 1850-х гг. в 262 224 чел. [120 с. 83-95]; Ф.Ф. Торнау доводит эту цифру до 0,5 млн. чел. (вместе с убытками и ушедшими за Кубань кабардинцами) [121 с. 173-174]. Однако ясно, что численность западных адыгов в эпоху Хан-Гирея никак не могла быть меньше официальных (значительно заниженных) 471 тыс. чел., выселенных в пределы Османской империи по итогам Кавказской войны. Гораздо большими цифрами оперировали другие авторы, в частности, Г.В. Новицкий оценивал население Западной Черкесии в 1 082 200 чел. [95, № 38].

²⁸ *От них произошли сии шайки козаков* – вероятно, что данная версия возникла у Броневского не без влияния более ранних трудов В.Н. Татищева и И.Н. Болтина, опиравшихся на летописные свидетельства об участии черкесов (черкасов) в этногенезе казачества.

²⁹ *основали в Египте славную династию султанов под именем Боржитов или Черкасов, коих родоначальником был султан Баркок* – имеется в виду династия черкесских мамлюков-бурджитов (башенных), виднейшим представителем которой являлся султан Баркок (Баркук) [155, с. 260-279].

³⁰ *принудили черкесов просить защиты от царя Ивана Васильевича*

Грозного и покориться его державе в 1552 году – в восприятии самих адыгов их взаимоотношения с Московским царством Ивана Грозного представляли собой некую форму покровительства. Так, кабардинцы, принуждаемые к покорности после сокрушительного поражения 1779 г., заявляли российскому командованию, что «с самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были российскими подданными, а находясь так, как кунаки (гости или приятели), в покровительстве, что и ныне желают покориться на тех же условиях» (Цит. по: [60, с. 257]).

³¹ *убедительностью своего красноречия* – по представлениям адыгов, ораторское искусство относилось к числу неотъемлемых качеств идеального политического лидера, а британский автор Дж. Лонгворт неоднократно повторяет в своих мемуарах очаровавшую его формулу: «острый меч, сладкий язык и сорок столов» – т.е. «храбрость, красноречие и гостеприимство» – три выдающихся качества, дающих право на известность в Черкесии [85, с. 150, 154, 412].

³² *Магомет эфендий* – имеется в виду Шеретлук Хаджи-Нотаук — основоположник адыгского Просвещения и просветительской мысли, создатель одной из первых версий адыгской грамматики и письменности на арабской графической основе. Получил духовное образование на арабском Востоке. По возвращении в Черкесию открыл учебное заведение на р. Богундыр и приступил к составлению адыгского букваря. Труд не получил завершения — существует легенда, что автор сам предал огню свою работу по волеизъявлению высших сил [105, с. 103-105]. С.Н. Жемухов интерпретирует эти события как сознательный отказ Нотаука от своей деятельности, угрожавшей цивилизационным основам традиционной бесписьменной культуры [47, с. 33-38]

³³ *Шоре Некуме* (Шора Ногмов) (1794 - 1844) – выдающийся адыгский просветитель, историк, фольклорист, литератор. Создатель одного из первых вариантов адыгской письменности (Хан-Гирей упоминает ее более раннюю версию на арабской графической основе). На основе собранных им народных песен и преданий впервые в адыговедении попытался проследить исторический путь черкесов от эпохи античности вплоть до современных ему событий (работа под названием «История адыгейского народа» была издана в 1861 г. Ад. Берже).

³⁴ Косвенное подтверждение того факта, что Хан-Гирей начал сбор фольклорных текстов задолго до начала работы над текстом «Записок о Черкесии».

³⁵ *возможность приобретения азбуки для черкесского языка <...> нет никакого сомнения, что это событие <> совершится в наше время* – сознательное культивирование Хан-Гиреем своей общероссийской идентичности привело к тому, что он, похоже, искренне разделял те идеи, которые правительством только декларировались, но воплотиться в жизнь в условиях тогдашних кавказских реалий не имели ни малейшего шанса. Будучи очарован идеей просветительства, он надеялся на плодотворный симбиоз культур, страстно желал писать не только для русского читателя, но и «для своих», т.е. соплеменников. Его славословия в адрес императора в «Записках о Черкесии» – не просто ритуальные фразы, а свидетельство неподдельной веры в возможности монарха огромной державы не только привести черкесский народ «в гражданственное состояние», но и обеспечить его переход на уровень письменной культуры. Надеждам Хан-Гирея не суждено было осуществиться. Массовое просвещение на родном языке началось только в начале XX века, благодаря усилиям адыгской интеллигенции, по учебникам, изданным в Османской империи

активистами Черкесского общества единения и взаимопомощи [3; 127; 116; 21; 159].

³⁶ *своих святых и богатырей времен язычества <...> преобразили в знаменитые лица, в аравийских сказаниях ими находимых* – вероятно, что описанные Хан-Гиреем факты – отражение известной тенденции – трансформации божеств и фольклорных персонажей эпохи язычества под воздействием образов, привносимых мировой религией и имеющих сходство в функциональной сфере либо в жизнеописаниях. См. также коммент. 165.

³⁷ См. подробнее об этом сюжете в очерке Хан-Гирея «Князь Пшьской Аходягоко».

³⁸ *на теме клок длинных волос* – исключительно архаичный элемент воинской культуры адыгов. В случае ранения или гибели воина, соратники подхватывали его, удерживая за прядь волос (якІэ) и ляжку гетра (лъэхъстэн къопсыр), и выносили с поля боя [49, с. 187]. На закате своих дней старые воины совершали обряд «якІэ упсыжь» (сбривание якІэ), что символизировало прекращение ими активной воинской деятельности [86, с. 52].

³⁹ *людскость* – это устаревшее русское слово, по мнению Б.Х. Бгажнокова, соответствует адыгскому понятию «цІыху хэтыкІэ», т.е. «искусство находиться среди людей», что, в свою очередь, означает «умение достойно жить и вести себя в обществе, поднимая авторитет человека и взрастившей его культуры» [11, с. 53].

⁴⁰ *которым могут служить образцами* – немаловажно, что элементы военной культуры адыгов, так же, как и манеры поведения, этикет, правовые нормы, являлись предметом ревностного подражания для других народов региона, в силу чего роль адыгов на Кавказе как генераторов культурных идей может быть сравнима с аналогичным статусом французов в Европе.

⁴¹ *Черкесам неизвестно прививание оспы* – действительно, во времена Хан-Гирея практика оспопрививания была адыгам неизвестна. Однако еще в середине XVIII в. английский дипломат и путешественник Абри де ла Мотрэ и английский врач-хирург Джон Кук подробно описали эффективные методы, применявшиеся адыгскими знахарками для профилактики оспы [88, с. 142-144; 79, с. 178]. Именно адыгский способ вариоляции, со временем распространившись по Европе, стал достоянием профессиональной медицины, что и позволило знаменитому французскому философу Гельвецию в работе «Об уме» (1758) воспеть мудрость и прозорливость черкешенок, отдавая им пальму первенства в изобретении самого метода борьбы с этим смертельно опасным недугом [80, с. 184-185]. Парадоксально, что, познакомив Европу с методикой вариоляции, у самих адыгов эта практика была со временем и за ненадобностью (после успехов, сделавших целое поколение невосприимчивым к оспе) забыта [124, с. 19-24]

⁴² *Чумная зараза <...> производила в разные времена ужасные опустошения* – о влиянии пандемии чумы сер. XIV в. на демографическую картину и политические процессы на Кавказе и сопредельных территориях см.: [157, с. 192-195]. Катастрофические последствия эпидемии чумы 1804-1809 гг., десятикратно сократившей население Кабарды и в значительной степени предрешившей ее политическую судьбу, неоднократно становились предметом осмысления в кавказоведении. О восприятии этой национальной трагедии ее современниками см.: [57, с. 326-344.]. См также коммент. 99.

⁴³ *отличаются от других благородными понятиями и вкусом. И эти-то*

люди – просвещеннейшие в этом народе – т.о., согласно Хан-Гирею, именно лица, следующие нормам традиционной этики, являют собой неформальную элиту адыгского общества. Сл., даже Хан-Гирей, сторонник европоцентристских взглядов на культуру и просвещение, не смог не констатировать самоценности и самодостаточности кодекса адыгэ хабзэ, составлявшего морально-этическую основу адыгской цивилизации.

⁴⁴ *Князья и дворяне редко обучаются грамоте, почитая такое занятие неприличным своему званию* – неприятие военно-рыцарским сословием всего, что выходит за пределы собственно военной культуры – общемировая тенденция. У адыгов это явление закреплялось тем, что грамота была неразрывно связана со сферой мусульманской религии, служение которой выбирали, как правило, представители «неблагородных сословий». Отсюда и популярная у адыгских дворян поговорка: «Чем перебирать четки, лучше раз пройтись по мушке-прицелу» [86, с. 32].

⁴⁵ *эпохами у них служат необыкновенные в природе явления <...> также кровопролитные сражения и другие знаменитые события* – в биографическом очерке «Бесльный Абат» Хан-Гирей приводит пример подобной системы отсчета времени: «Во время Бзийкского сражения я в состоянии был ездить верхом на лошади».

⁴⁶ Первая в адыговедении классификация народных песен и других жанров народной словесности.

⁴⁷ Первое в адыговедении описание ряда народных музыкальных инструментов.

⁴⁸ *в гостиных играют сами князья и дворяне* – наиболее известный пример подобного рода – прославленный адыгский предводитель эпохи Кавказской войны Магомет-Аш Атажукин, оставшийся в народной памяти и как талантливый исполнитель и импровизатор на шичепщине.

⁴⁹ *черкесский народ разделяется на пять главнейших следующих классов* – отсутствие султанов (хануко) в этой классификационной схеме, видимо, неслучайно. Вероятно, что Хан-Гирей избегал любых действий, которые в контексте истории 1829 г. (см. вводную статью С.Н. Жемухова к настоящему сборнику) могли бы быть расценены как напоминание о высоком статусе предков Хан-Гирея и, сл., как завуалированные претензии на власть в Черкесии. Характерно, что из первоначального плана «Записок о Черкесии» по мере их написания выпадает глава XVII «Описание крымских ханов, живущих между черкесами» – под явно надуманным предлогом недостатка информации. И только на закате своей карьеры он пишет посвященный отцу очерк «Сераскир султан Мугаммед-Гирей», где вновь обращается к теме положения Гиреевичей среди адыгов.

⁵⁰ Термин «оркъ / уэркъ» мог употребляться не только в социальном смысле, но и как синоним человека, являющегося средоточием всех лучших качеств, ценившихся адыгами. См. напр.: [82, с. 133].

⁵¹ *принуждены были признать над собою власть нынешних их владельцев* – примером подобного плана является история рода Тамбиевых, представитель которого – Кабард – согласно преданию, привел одну из групп адыгов на территорию Центрального Кавказа. Впоследствии Кабард делегировал функции управления Иналу, при потомках которого Тамбиевы остались в ранге первостепенных дворян.

⁵² *Эфендий* (эфенди) – уважительное обращение к человеку, известному своей образованностью; в более узком смысле – шариатский судья или преподаватель медресе.

⁵³ *Кадий* – мусульманский судья, осуществляющий судопроизводство на основе шариата.

⁵⁴ *Мулла* – духовное лицо, священнослужитель невысокого разряда.

⁵⁵ *Казы-Мулла* (Гази-Магомед) – первый имам Чечни и Дагестана (1829-1832), идеолог, духовный и военно-политический лидер кавказского мюридизма – учения, направленного на преобразование социума по канонам ислама и в условиях российской экспансии принявшего на вооружение доктрину священной войны с неверными. Учитель Шамиля – будущего третьего имама, главы теократического государства (имамата). Придерживался наступательной тактики, штурмовал российские крепости, вторгался на территорию горских обществ, лояльных России, захватил г. Кизляр. В 1832 г. погиб во время штурма сел. Гимры российскими войсками генерала Г.В. Розена.

⁵⁶ *Вольные земледельцы в княжеских владениях* – данная категория существовала только в княжествах Западной Черкесии. В Кабарде эта сословная группа была закрепощена.

⁵⁷ *наследники умершего отпускают обыкновенно людей на волю. Это обыкновение <...> распространилось между ними по неутомимой деятельности духовенства* – в реальности ислам лишь легитимизировал вышеописанное социальное явление, издревле существовавшее у адыгов и основанное на идее «псапэ» – одной из краеугольных категорий адыгской этики [11, с. 34]. См. также коммент. 101.

⁵⁸ *отпускали на волю крепостных людей, на условиях <...> жить там, где и господин будет находиться* – освобождаемый крепостной крестьянин, приобретая статус азата, тем не менее не мог покидать селения, где проживал его бывший владелец [61, с. 75].

⁵⁹ *установленные на бывшем там назад тому около тридцати трех лет съезде или собрании народном* – состоялся в 1803 г. (см. также коммент. 25 и 61).

⁶⁰ *Алкоран* (Коран) – священная книга мусульман. Присяга на Коране – свидетельство определенного идеологического воздействия ислама на сознание западных адыгов. Характерно, что сами правовые нормы, утвержденные на съезде, еще основываются на обычном праве.

⁶¹ *... внутренние беспокойства этих племен, производимые спорами о правах родовых ...* Имеются в виду социальные потрясения у «демократических» адыгов 1790-х гг., разрушившие прежнюю систему обычного права. Новая система, сложившаяся после съезда 1803 г., значительно сократила ранее существовавшие у дворянства привилегии, сделав их преимуществами фактически номинальными и сохранив их только в сфере этикета (знаково-семиотической сфере) и военного лидерства.

⁶² *в виде насильственного займа* – комментируя этот обычай, другой адыгский просветитель, Казы-Гирей, писал: «Никто из князей не имеет права взять у своих подвластных какую-либо собственность, им принадлежащую <...>. Но бывают случаи, когда при отпуске гостей отдаленных мест, при плате цены крови и калыма на срок, словом, при всех, требуемых обстоятельствами издержках, превышающих средства владельца, он поставлен в крайность самовластно распорядиться

имуществом зависимых от него; но тогда ни он, ни его подвластные не сознают в этом законности прав: первый лишь уступает необходимости, а вторые безропотно переносят это беззаконие собственно из уважения к стеснительным обстоятельствам князя, невольно признавая, что это есть единственная мера к поддержанию чести рода их владельца, а вместе с тем и их собственной. Все взятое таким образом должно быть непременно возвращено хозяевам при первой возможности князя и то не по его благоусмотрению, а по их благоусмотрению, в противном случае он может остаться без подвластных» [35].

⁶³ *успевают примириться с ним* – один из вариантов аталычества – воспитание за кровь, когда похищаемый ребенок становится связующим звеном между враждующими (вплоть до кровной мести) семьями.

⁶⁴ *почитается за стыд подаренное взять назад* – тем не менее, подобные эпизоды имели место. По материалам В.Х. Кажарова, в Кабарде такие случаи получили распространение в период краха традиционной феодальной системы, когда наличие подвластных дворян, некогда подчеркивавшее престиж владельца, начинает восприниматься как обуза. И если ранее часть мелкого дворянства рекрутировалась за счет крестьянства, то в новых исторических условиях стал заметен обратный процесс. В свое время, возводя освобожденного крепостного в дворянское сословие, владелец, получая выкупную цену (как правило, все имущество крестьянина), тут же «возвращал» ее в виде «узденской дани». Теперь же, возврат уорктына не только разорял бывшего вассала, но и фактически возвращал его в крепостное состояние [61, с. 189-194].

⁶⁵ *князь-старшина* – здесь Хан-Гирей буквально переводит адыгский термин (в его кабардинском варианте) «пщы-тхъэмадэ». Одним из важнейших элементов традиционной политической культуры адыгов являлся институт старшего (верховного) князя – пщы-тхъэмадэ, пщышхуэ, поздн. уэлий – функционировавший в каждом из княжеских владений Черкесии.

Пщышхуэ возглавлял исполнительную власть в своем княжестве, осуществлял командование вооруженными силами, являлся гарантом соблюдения норм обычного права и олицетворением незыблемости сословного строя.

Избирался из числа представителей местной правящей династии и пожизненно наделялся своими полномочиями на заседании княжеско-дворянского собрания (хасэ). Наследование титула старшего князя происходило по боковой линии, от одного брата к другому. Институт пщышхуэ изучен главным образом по материалам Кабарды XVI – XVIII столетий, в которой, по мере ее дробления, прежний порядок передачи верховной власти был существенно трансформирован – теперь на пост старшего князя поочередно претендовали представители образовавшихся уделов. Однако реально избрание старшего князя зависело от сиюминутной расстановки политических сил в Кабарде, ожесточенного соперничества и временных альянсов политических партий, наличия внешних союзников и покровителей и т.д. [56, с. 140-153].

⁶⁶ *старшины вольных земледельцев (льфекотлов), если обстоятельства требуют их присутствия* – вероятно, что присутствие старшин «простых черкес» на заседаниях хасы – новация, вызванная социальными потрясениями в Кабарде (в сер. XVIII в.) и в Западной Черкесии (на рубеже XVIII-XIX вв.).

⁶⁷ *съезды <...> назначаются на границах владений, даже иногда и в деревнях соседственных племен.* О пространственной организации хасы на примере

Кабарды см: [61, с. 240-247]. В этом же источнике указывается и на учет адыгами дней недели, считавшихся несчастливыми, в которые проведение важных мероприятий исключалось [61, с. 247]. Немалое значение, видимо, имел и сакральный характер места, избираемого для съезда: так, причерноморские адыги неоднократно проводили свои собрания на р. Адагум, у «могилы Колубат-бея», т.е. почитаемого политического деятеля Калеубата Шупако.

⁶⁸ *Заваливают дороги <...> нередко строят укрепления* – все это отчетливо видно на материале Кавказской войны, в ходе которой жилищно-поселенческий комплекс адыгов приобретает откровенно военизированный характер.

⁶⁹ *взыскивают с виновных приговоренное ими штрафование* – в эпоху Хан-Гирея, т.е. в период политической консолидации «демократических» адыгов и заключения ими оборонительных пактов, штрафные санкции в массовом порядке применялись к лицам, осуществлявшим какие-либо контакты с российской стороной – от торговых операций до осведомительства военных властей.

⁷⁰ *янычары* – корпус регулярной пехоты, один из основных столпов османской армии на протяжении XIV – XVII вв. Постепенно утрачивали боеспособность и к началу XIX в. стали источником смут и мятежей, неоднократно угрожавших стабильности султанской власти.

⁷¹ *по истреблении этого грозно-мятежного войска* – янычарский корпус был ликвидирован султаном Махмудом II в 1826 г. после очередного бунта.

⁷² *Махмуд II* – османский султан (1808-1839). Осуществил целый ряд реформ в сфере государственного управления, армии, права, культуры и образования. С именем Махмуда II связана и активизация кавказской политики османов, нашедшая отражение в трудах Хан-Гирея.

⁷³ *Диван* – Совет при главе государства в Османской империи и Крымском ханстве; состоял из высших сановников.

⁷⁴ *трехбунчужный* – имеющий по рангу три бунчука. Бунчук – знак власти у османских пашей, польских и украинских гетманов. Представлял собой длинное древко с шаром или острием, конскими хвостами и кистями на конце. Количество бунчуков (от одного до трех) зависело от статуса паши.

⁷⁵ *Хасан-пашиа* – более подробно см. о нем в очерке Хан-Гирея «Князь Пшьской Аходягоко».

⁷⁶ *шариат* – религиозно-правовая основа мусульманской идеологии.

⁷⁷ *война 1828 года решила навсегда участь Черкесии* – согласно Адрианопольскому договору, завершившему русско-турецкую войну 1828-1829 гг., Османская империя уступила России «весь берег Черного моря от устья Кубани до крепости Св. Николая включительно» [52, с. 47-48]. И хотя эти территории не принадлежали османам, Петербург отныне рассматривал не только побережье, но и всю Западную Черкесию как неотъемлемую часть Российской империи. Естественное нежелание адыгов и убыхов признать политическую игру двух империй и провал планов блицкрига в отношении Черкесии, вынашивавшихся кавказскими администраторами, вынудило российское руководство к поиску иных средств закрепления на «приобретенной» территории. К числу таких средств и относилась кавказская миссия Хан-Гирея 1837 г.

⁷⁸ *в настоящем положении дел в Черкесии шариат и древние обычаи относительно судопроизводства находятся в соразмерности* – система полиюридизма, установившаяся в описанный Хан-Гиреем период,

просуществовала у западных адыгов до конца Кавказской войны.

⁷⁹ О личности *Инала*, прародителя адыгских княжеских династий см.: [31; 32].

⁸⁰ *... действительно ли предки кабардинского поколения <...> были аравитяне?* – об обстоятельствах создания «аравийской» версии родословной адыгских князей см.: [119].

⁸¹ *жизнь Инала можно отнести к VII веку* – о примерной датировке деяний Инала см. у Гадло [31; 32].

⁸² *После смерти Инала его потомки с подвластными своими разделились на две части* – формирование адыгского этноса протекало на базе разноплановых и зачастую разнонаправленных этнических процессов. Отделение бесленеевцев от кабардинцев может служить примером субэтнической парциации или сепарации, когда новая группа создается в результате раздела некогда единого этнополитического образования (в данном случае – между потомками владетеля), сопровождаемого территориальным дистанцированием. По этой же модели происходило отделение хатукаевцев от темиргоевцев, сохранивших память о единстве происхождения, а также разделение Бжедугии на два удела. В Бесленее, где конкурировали две ветви князей Каноковых – Шолоховы и Бекмурзины, тенденция к разделу была только обозначена.

⁸³ *уделов или частей, получивших свои наименования от имен упомянутых князей* – достаточно типичное явление для адыгской ономастики, когда названия субэтнических групп и этнополитических единиц образуются от имен эпонимов – своих легендарных или реальных отцов-основателей.

⁸⁴ *все ужасы междоусобных войн <...> Княжеские и многие дворянские фамилии вовсе были истреблены, а другие <...> искали спасения под чуждым небом и в покровительстве иноплеменников* – судя по тексту примечания (прим. 34), Хан-Гирей имеет в виду события XVI – начала XVII в., когда выезд князей и дворян на службу в иные государства мог быть зачастую связан с их фактическим изгнанием политическими оппонентами. Позднее, в эпоху кровавых междоусобных войн 1720-1750-х гг. нормой стала система, согласно которой князья-изгои, вытеснявшиеся из Кабарды, находили убежище у западных адыгов или в Крыму. Наиболее известным же случаем гибели княжеской династии, сохранившимся в преданиях, стало поголовное истребление княжеского рода Шогенуковых (которое В.Н. Сокуров называет «главным содержанием политической истории Кабарды конца XVII – начала XVIII столетия») [119, с. 73].

⁸⁵ *несмотря на бедствия, кабардинцами претерпенные, не переставали они брать дань от многих соседственных с ними горских племен* – сторона, потерпевшая поражение в ходе междоусобного конфликта, лишалась права взимать с подвластных ей народов феодальную ренту, которая, в свою очередь, перераспределялась в пользу победившей княжеской коалиции [72, с. 387].

⁸⁶ *крымский хан Каплан-Гирей, с сильным войском шедший для завоевания Кабарды, был разбит кабардинцами* – Канжальская битва 1708 г., одна из самых значимых военных побед в истории феодальной Кабарды [66].

⁸⁷ *не колебали верности их к российскому престолу* – здесь и далее, воспроизводя текст И. Дебу, Хан-Гирей невольно (или сознательно?) вводит в заблуждение главного адресата «Записок о Черкесии» Николая I, пытаясь акцентировать внимание на якобы неизменной лояльности кабардинцев России (показательно, что цитируемая глава у И. Дебу именуется «Услуги, оказанные ими

[кабардинцами] в разные времена России»). В реальности же строительство Кавказской линии вызвало ожесточенное сопротивление кабардинцев, вылившееся в масштабные боевые действия. Об особенностях восприятия Хан-Гиреем темы Кабарды (в т.ч., и о причинах искажения Хан-Гиреем кабардинской истории и о месте Кабарды в его политических планах) см.: [5].

⁸⁸ *родовой расправочный суд <...> махчематство* – следом за И. Дебу Хан-Гирей не только неверно датирует указанные им события, но и искажает смысловое содержание основных этапов трансформации (или, точнее, ломки) судебной системы в Кабарде. Введение в 1793 г. «родовых судов и расправ» взамен существовавших духовных судов, стало одним из средств установления полного военно-административного и судебного контроля над Кабардой, что лишало ее даже остатков политической самостоятельности. Развернувшееся шариатское движение в Кабарде продемонстрировало категорическое неприятие кабардинцами новых судебных институтов и со временем привело к их упразднению российским правительством. В 1807 г. духовные суды (мехкеме) были восстановлены в несколько реформированном виде [59].

⁸⁹ *переселилась за р. Кубань к бесленевцам и другим закубанским черкесам* – после покорения Кабарды генералом Ермоловым, значительная часть кабардинцев ушла в еще неподвластные России Закубанье и Чечню, где продолжила героическое сопротивление. Первоначально именно к ним, как к людям, покинувшим родные места во имя свободы, во имя сохранения религиозных ценностей, и относился термин «хъэжрэт / хъаджрэт» или «мухаджир», впоследствии распространенный на всю кавказскую эмиграцию послевоенного периода. Западный путь ухода кабардинцев был неоднократно апробирован в эпоху противоборства княжеских коалиций XVI – XVIII, в ходе которых проигравшая сторона уходила в Закубанье, откуда могла вернуться в случае изменения политической ситуации в Кабарде. В отличие от этих событий, уход хаджиретов был вызван экспансией извне и являлся преимущественно однонаправленной миграцией.

⁹⁰ *это благоразумное устройство кабардинцам не понравилось потому только, что названо русским словом «суд», а не арабским «махчеме»!..* – в реальности суть происходивших событий, конечно же, заключается не в смене названия. Учреждение Кабардинского Временного суда, поставленного под полный контроль российского военного командования, означало ликвидацию суверенитета Кабарды и ее окончательное включение в административно-политическую структуру Российской империи [58, с. 237].

⁹¹ *бейсленейцы постоянно не зависели ни от турок, ни от татар, хотя, по обстоятельствам, и соглашались в мнениях с первыми и по временам покорствовались и платили дань последним, но нередко и противу войск их совокупно с кабардинцами действовали* – адыгская правящая элита столетиями сохраняла независимость Черкесии не только силой оружия, но и умелым политическим лавированием между интересами соседних держав. При этом князья использовали доступный им обширный арсенал средств: оформление военно-политических союзов, заключение династических браков, установление аталыческих отношений с могущественными сюзеренами и др. В зависимости от конкретной ситуации эти взаимоотношения могли иметь не совсем равноправный характер, являя собой некую форму покровительства или даже временного

вассалитета. В данном контексте, по описаниям Хан-Гирея, бесленеевцы предстают как проводники традиционной политической линии с ситуативным выбором союзников и внешних патронов. Достаточно упомянуть политическую инициативу князей Коноковых 1552 г., итогом которой стало расширение числа потенциальных союзников адыгов за счет Московского царства (России); в то же время регулярные аталыческие связи Бесленея с Крымом привели к восприятию таких отношений как едва ли не исключительной прерогативы бесленеевцев и, в свою очередь, породили народную этимологию этнонима «бесленей», якобы восходящего к татарскому «беслемек» (воспитатель).

⁹² **покрыто тьмою совершенной неизвестности** – здесь уместно привести версию о происхождении термина «кемиргой» (кІэмыргуей, в его кабардинском варианте) от названия киммерийцев [83, с. 193-207], возможно, принявших участие в этногенезе адыгов. Вероятно, что отголоском этих этнических процессов является одно из самых ранних упоминаний темиргоевцев в русских источниках XVI века в форме «кумирганские черкесы» [29, с. 40].

⁹³ **предков тчемргойского колена почитают пришлецами, впоследствии к ним присоединившимися** – имеется и другая версия, изложенная Н. Каменевым, согласно которой бжедуги, которых Хан-Гирей относит к числу «природных жителей» Северо-Западного Кавказа, перевалив с Черноморского побережья на северный склон Кавказского хребта, отвоевали долину р. Псекупс у темиргоевских князей Болотоковых, которым она издревле принадлежала [64, № 5].

⁹⁴ **их называют вообще Айтекькко-р, от имени одного из потомков их родоначальника Болотокка** – характерный для адыгов пример, когда имя предка (как правило – в третьем поколении) приобретает эпонимический характер и начинает фигурировать наряду с общепринятой фамилией.

⁹⁵ О песне *Карбеча* см. также **коммент. 160.**

⁹⁶ **Князь Байзркко <...> убит был абедзахами** – князь Безрук Болотоков погиб в ходе экспедиции 1808 г., которую равнинные князья предприняли против абадзехов при поддержке российского военного контингента.

⁹⁷ **г. Броневский <...> принял часть тчемргойцев за особое колено, не включил ее в это число** – в статистических выкладках С.М. Броневского адамиевцы показаны как самостоятельная, хотя и зависимая от темиргоевцев, группа [18, ч. 2, с. 67].

⁹⁸ **Междоусобие – бич народов, поражающий ужасно черкесские племена, и их не пощадило: князья тчемргойские, хотя одного дома и малочисленны, но не были согласны** – важнейшей причиной конфликта, фактически расколовшего Темиргой на два удела, стало отношение местных князей к России – если Мишеост Болотоков предпочитал поддерживать мирные отношения с кордонными властями, то его двоюродный брат Джамбулат не желал мириться с усилением позиций России в регионе, в т.ч. пытаясь оказать помощь кабардинцам если и не в восстановлении их прежних позиций, то хотя бы в переселении на территорию Западной Черкесии [65, с. 61-63]. Джамбулат нередко опирался на поддержку абадзехов, с которыми был связан аталыческими узами.

⁹⁹ **морская язва чрезвычайно ослабила это владение** – катастрофические последствия эпидемии чумы начала XIX в. достаточно хорошо изучены на примере Кабарды, но для историков Северо-Западного Кавказа этот фактор по сей день остается незамеченным. Демографическая динамика населения Темиргоя нам

неизвестна, но, вероятно, она была сравнима с аналогичными процессами у соседних групп адыгов. Например, по данным Буцковского на 1812 г., «бесленейцы, лишившись большей части народного населения до сих пор еще продолжающиеся между ими язвою, ныне не более 1000 воинов вооружить могут... Бедствие сие из закубанцев их более всех потрясло» [23, л. 83]. См. также коммент. 42.

¹⁰⁰ *Декузие-хе <...> По словам г. Броневского, супруга царя Иоанна Васильевича Грозного Мария Темрюковна была из сей фамилии* «Между темиргойцами есть княжеский род, называемый Довкжиев, достойный примечания: к оному принадлежат предки царицы Марии Темрюковны, второй супруги царя Ивана Васильевича» [18, ч. 2, с. 68-69]. Пока трудно сказать что-либо определенное о возникновении данной версии – является ли она результатом неверного толкования некой информации, почерпнутой С. Броневским у адыгов или следствием сознательной мистификации последними своего прошлого. Не исключено и использование С. Броневским непроверенных данных других авторов: так, в созданном синхронно с трудом С. Броневского описанием подп. Буцковского (датировано 1812 г.) приводится та же версия [23, л. 85].

¹⁰¹ *по смерти его отпустить на волю, согласно с правилами, предписываемыми религиею* – о идее псапэ в адыгской этической системе см. коммент. 57.

¹⁰² *Переселение ххатиккоайцев <...> последовало после того времени, как г. Броневский собирал свои сведения о Кавказе* – переселение хатукаевцев на восток, в междуречье Лабь и Кубани, произошло в 1802 г.

¹⁰³ *Хасан-паша <...> князь Пшекуй, Ахедякова дома* – о событиях 1820-х гг. в Западной Черкесии, в которые оказались вовлечены эти незаурядные политики, см. в очерке Хан-Гирея «Князь Пшьской Аходягоко».

¹⁰⁴ *кончил он дни свои в изгнании из своей родины* – потерпев неудачу с переселением хамышеевцев в Темиргой (см. об обстоятельствах этого в очерке Хан-Гирея «Князь Пшьской Аходягоко»), князь Алкас Хаджимуков был вынужден покинуть Бжедугию и в 1833 г. осел с небольшим числом подвластных на земле темиргоевского владетеля Таусултана Болотокова [65, с. 71-73, 80].

¹⁰⁵ *Сефербей был взят военнопленным при покорении крепости Анапы* – имеется в виду князь ассимилированных нутухайцами хегаков Сефербей Заноко, в 1828 г. являвшийся офицером турецкой службы. В дальнейшем Сефербей становится одним из виднейших деятелей эпохи Кавказской войны, долгие годы являясь представителем воюющей Черкесии в Османской империи. Сын Сефербея Карабатыр впоследствии стал одним из лидеров Великого черкесского меджлиса, созданного адыгами и убыхами на заключительном этапе Кавказской войны.

Достоинством упоминания является и факт былой принадлежности района Анапы именно княжескому роду Заноко, представитель которого Магомет-Гирей, отец Сефербея, в конце XVIII в. уступил часть своих родовых земель туркам под строительство крепости.

¹⁰⁶ *самобытное их существование исчезло* – трагедия жанеевцев, разыгравшаяся в исторически обозримое время, позволяет нам воочию представить, какими путями уходили в небытие некогда крупные этнические единицы, размещавшиеся авторами прошлых веков на карте Северо-Западного Кавказа. История жанеевцев, изложенная Хан-Гиреем, демонстрирует весь спектр

негативных факторов, способствующих депопуляции и этнической дезинтеграции: кровопролитные междоусобицы и войны с внешними врагами, эпидемические болезни, вероятнее всего приходившие по «крымскому каналу» и др. Не исключен также и механизм дробления по типу этнической парциации или сепарации, когда сокращение численности происходит за счет отделения неких групп, ранее скрывавшихся под общим этнонимом «жанэ». В итоге, к началу XIX в. от многочисленного и мощного княжества Жанэ, некогда устанавливавшего отношения с Иваном Грозным, осталась небольшая группа, после ее погрома казаками в 1802 г. фактически рассеявшаяся по всей Черкесии.

¹⁰⁷ *Жанинцы вели долгое время кровавую войну с крымскими татарами* – более подробно жанинскую тему Хан-Гирей развивает в «Черкесских преданиях».

¹⁰⁸ *адыги и абазы вместе явились после аланов в начале христианской эры* – последовательность появления этнонимов в источниках отнюдь не является отражением реальной истории заселения того или иного региона: автохтонность адыгов и абазин, предки которых обитали на Кавказе задолго до прихода сюда алан, специалистами сомнению не подвергается.

¹⁰⁹ *предания о начале шапсхгцев и натххоккоадыцев* – в отличие от «арабской» версии происхождения адыгских князей, аналогичный по смыслу мотив, описанный ниже Хан-Гиреем, практически не исследован.

¹¹⁰ *состоя все под предводительством упомянутого Абата, который был родом из кабардинских владельцев или предводителей* – вероятно, легенда более позднего происхождения. О связи абазских дворян с якобы кабардинскими прародителями, сподвижниками Иналовичей см.: [64, № 14].

¹¹¹ *до осени [18]18-го года, в которую лучшее их воинство погибло в Калаузском лимане* – более подробное описание этого злосчастного похода 1821 (а не 1818) г. содержится у Хан-Гирея в очерке «Беслый Абат».

¹¹² *Туссен-Лувертюр* – один из лидеров освободительной войны гаитян против европейских колонизаторов (1791-1803). Став правителем Гаити, отменил рабство. Любопытно, что деятельность Туссен-Лувертюра протекала практически синхронно социальным преобразованиям на Центральном и Северо-Западном Кавказе.

¹¹³ *пристав* – чиновник, возглавлявший одно из звеньев приставской системы – одной из форм непрямого управления, вводившихся на территориях, формально включавшихся в состав Российской империи. Появление приставской системы объяснялось невозможностью быстрой и безболезненной адаптации новых подданных России к ее административно-судебному законодательству. На Центральном Кавказе приставская система впервые была апробирована в Кабарде в 1769 г., а на Северо-Западный Кавказ привносилась по мере усиления здесь позиций империи. Система предусматривала сохранение ряда прерогатив за местными владетелями, а назначенный пристав, подчинявшийся военным властям, осуществлял полицейские функции, контролируя сферу судопроизводства и надзирая за умонастроениями подопечного населения. На деле же пристав (а в его лице и российская администрация) имел столько власти, сколько ему были готовы делегировать местные князья. При этом реальное влияние пристава зачастую зависело от его личных качеств, такта и знания местных обычаев, ввиду чего он мог привлекаться в качестве посредника в решении наиболее запутанных, спорных дел. Введение приставской системы предусматривалось во многих проектах по

управлению народами Кавказа, в т.ч. и принадлежащих перу Хан-Гирея (см. раздел III настоящего сборника). Приставская система была ликвидирована в 1850-начале 1860-х гг. с образованием военно-народных округов.

¹¹⁴ *Название <...> русскими нередко употребляемое, <...> есть татарское и черкесами никогда между собою не употребляемое* – здесь и далее, приводя в своей работе иноязычные эквиваленты адыгских понятий, Хан-Гирей обращает внимание на факт утверждения как в кавказоведении, так и в официальном делопроизводстве терминов тюркско-татарского происхождения. Данное явление объясняется как широкой распространенностью этих языков на Кавказе, делавших их языками межнационального общения (как, например, кумыкский из числа тюркских языков), так и относительно легким произношением и фиксацией при помощи русской графики.

¹¹⁵ Шейх *Мансур* (Ушурма) – мусульманский проповедник, яркий представитель обновленческого движения в исламе. Пытался под флагом ислама добиться политического объединения народов Северного Кавказа в их противостоянии с Россией. Движение шейха Мансура, начавшееся в 1795 г., привлекло к нему чеченцев, ряд кабардинских и кумыкских владельцев, часть жителей Нагорного Дагестана. Неудачные боевые действия заставили его перенести свою деятельность на Северо-Западный Кавказ. В 1791 г. был захвачен в плен при штурме российскими войсками крепости Анапа. Умер в Шлиссельбурге [73, с. 210-211].

¹¹⁶ *имам* – духовный глава мусульманской общины; имамом высшего уровня являлся глава имамата – военно-теократического государства, созданного в Чечне и Дагестане в годы Кавказской войны.

¹¹⁷ *Это обыкновение, употребительное между самими князьями, служит связью и охранением в Черкесии между классами* – институт покровительства (в описанной Хан-Гиреем форме поручительства) обеспечивал реальную и действенную защиту каждого члена социума в конфликтной ситуации.

¹¹⁸ *Абреки* в первоначальном смысле этого слова – люди, находящиеся вне правового поля, изгои. В период Кавказской войны термин получил расширительное толкование и стал синонимом любого «немирного горца», поставленного вне российских законов. В частности, под абреками российское командование понимало кабардинцев, переселившихся в Закубань [61, с. 337-339].

¹¹⁹ *В горах же нередко строят и срубленные дома* – подмеченная Хан-Гиреем особенность является отражением более широкой проблемы – неправомерности перенесения культурных реалий равнинных адыгов на горную часть Черкесии.

¹²⁰ *прекрасные стихи знаменитого русского певца кавказского пленника* – отрывок из поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник», написанной под впечатлением его первой поездки на Кавказ летом 1820 г. Поэма была с интересом встречена читающей публикой, еще незнакомой с Кавказом и его обитателями. Сам А.С. Пушкин считал описание кавказской природы и черкесских нравов лучшей частью своей поэмы. В «Записках о Черкесии» Хан-Гирей мог использовать любую из первых трех публикаций поэмы – 1822, 1828 или 1835 гг.

¹²¹ *Во всех племенах Черкесии более или менее занимаются пчеловодством* – по мнению специалистов, пчеловодство можно считать третьей по значимости (после земледелия и скотоводства) отраслью адыгского хозяйства [9]. Пейсонель упоминает мед в числе важнейших статей черкесского экспорта [100, с. 196]

¹²² *Пейсеноль* (Пейсонель) Карл (1727 - 1790) – французский ученый и дипломат; ряд лет находился на консульской службе в различных пунктах Причерноморья, в том числе – в Крыму (1753 - 1757). Автор ряда трудов по экономике стран черноморского региона и Персии; его перу принадлежит и использованный С. Броневским двухтомный «Трактат о торговле на Черном море» (1787), в котором, в частности, подробно охарактеризована структура экспорта и импорта Черкесии середины XVIII в.

¹²³ *младенца немедленно отдают <...> в руки человека, избранного в дядьки* – пробуждая ассоциацию у своего потенциального читателя, Хан-Гирей использует русский термин, означающий воспитателя, приставленного к ребенку в аристократической семье.

¹²⁴ *Не только семейство воспитателя поступает в тесную связь с семейством воспитанника, но даже все родственники первого и их подвластные поступают под защиту воспитанника* – свидетельством расширительного толкования взаимных обязанностей лиц, связанных узами родства является, на примар, упоминание Н.Ф. Дубровиным, что все абадзехи называли себя аталыками темиргоевского князя Джембулата Айтекова.

¹²⁵ Описанные Хан-Гиреем игрища отчетливо демонстрируют особое карнавальное мироощущение, для которого характерна временная отмена сословной и возрастной иерархии, а вместе с ней и всех этикетных норм, жестко регламентирующих поведение людей в обыденной (внекарнавальной) жизни. См.: [10].

¹²⁶ *стрельба неумолкаемо продолжается и дым пороха носится над танцующим кругом* – невозможно не привести цитату А.-Г. Кешева, посвященную адыгскому свадебному игрищу: «Черкесские танцы, устраиваемые под открытым небом, сопровождаемые залпами выстрелов, окруженные толпами вооруженных всадников, с шашками и пистолетами на танцующих мужчинах, походили скорее на шумное празднование победы в военном лагере, чем на мирное проявление обыкновенного веселья. В свадебном веселье еще ярче выступала воинственная черта. Героиня торжества, невеста, играла здесь пассивную роль победного трофея, несмотря на весь почет и рыцарское уважение, которыми ее окружали» [62, с. 234].

¹²⁷ Здесь Хан-Гирей кратко характеризует все основные разновидности и мотивы брака умыканием, выделяемые кавказоведами: 1) насильственное похищение — вопреки воле девушки и ее родных; 2) увод невесты с ее согласия и против воли родителей; 3) уход невесты или фиктивное похищение по соглашению всех заинтересованных сторон.

¹²⁸ *Анекдоты* – напомним, что в русской литературной традиции эпохи Хан-Гирея под анекдотами понимались некие поучительные рассказы, нередко – назидательного характера. По оценке М.И. Мижаева, по жанру приводимые Хан-Гиреем тексты являются хабарами – народными новеллами [87, с. 58].

¹²⁹ Упомянутые песня и предание в современных собраниях адыгского фольклора не представлены.

¹³⁰ Предание входит в фольклорный цикл о братьях Ещанокowych, сохранившийся до настоящего времени.

¹³¹ Предание в современных собраниях адыгского фольклора не представлено; вероятно, некогда входило в обширный цикл хабаров (один из них записан Ш. Ногмовым [97, с. 109]), послуживший для Хан-Гирея основой сюжета очерка

«Князь Канбулат», вошедшего в настоящее собрание его трудов.

¹³² Предание в современных собраниях адыгского фольклора не представлено.

¹³³ *всех укреплений в Черкесии (закубанской) будет числом семь* – не перечисленные Хан-Гиреем, но уже существовавшие к моменту написания «Записок о Черкесии» (1836) три укрепления в глубине Закубанья – Георгие-Афипское (заложено в 1830 г.) Абинское (в 1834 г.) и Николаевское (в 1835 г.). В этот список по ряду причин не вошли: Ивано-Шебшское укрепление (построено в 1830 г., разрушено два года спустя, как не имеющее стратегического значения), Геленджикское (1831 г, расположено на черноморском берегу) и Алексеевско-Мостовой тет-де-пон (1830 г., прикрывал переправу через Кубань).

¹³⁴ *Тчемргойский князь Мсост Айтеков, собрав множество князей и дворян Тчемргойского и окрестных владений, отправился за невестой младшего своего брата князя Шумафа Айтекова* – Хан-Гирей описывает торжество, посвященное выдаче замуж его сестры Алимкосетан за темиргоевского князя Шумафа Айтекова в начале 1822 г. [28, с. 40, 55].

¹³⁵ *Напрасно я уверял Хаджи в несправедливости слухов о Тугановых и бабуковцах <...> и что правительство России не имеет никакой нужды ни в чужой собственности, ни в обращении в казаки горцев* – в данном случае Хан-Гирей абсолютно неправомерно пытается обелить российское военное командование, на самом деле крайне нуждавшееся в численном увеличении казачьего сословия. Подобного результата обычно добивались, записывая в казаки государственных крестьян. Однако военные администраторы, неудовлетворенные уровнем эпизодического сотрудничества «мирных горцев» с кордонными властями, неоднократно рассматривали различные проекты оказачивания горцев, различавшиеся только предполагаемыми масштабами и скоростью этого процесса. История с бабуковцами являет собой неудачную попытку насильственного оказачивания туземцев. В 1821 г. Бабуков аул, в 1790 г. основанный кабардинцами и абазинами, был преобразован в Бабуковскую станицу с отбыванием ее обитателями соответствующей воинской повинности. Несмотря на ряд дарованных им льгот, бабуковцы неоднократно под разными предлогами стремились добиться освобождения от казачьего звания и военной службы. Однако только в 1861 г. это право было им предоставлено, чем не преминула воспользоваться бóльшая часть бабуковцев, расселившаяся по другим аулам. Следует отметить, что на протяжении всего периода Кавказской войны «запись в казаки» являлась для горцев главным пугающим последствием утраты независимости, и бабуковская эпопея, получившая широкую известность по всему Кавказу, только усилила их опасения.

¹³⁶ *Хаджа, который действительно имел много ума природного, ничего так не боялся, как цифры на плечах (т.е. номера, нашиваемые на эполетах казаков)* – отвращение, которое внушали Хаджи цифры на казачьих погонах, не несли в себе какого-то мистического смысла, а воспринимались как зримый символ несвободы.

¹³⁷ *одежды убитого князя* – здесь и далее Хан-Гирей подробно воспроизводит ритуалы годовых поминок, более схематично описанные им в главе «Погребение и поминки» «Записок о Черкесии» и в одноименном разделе очерка «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов».

¹³⁸ *веселился славой наездника и презирал добычу* – по представлениям адыгов, основным побудительным мотивом военных походов являлось

приобретение репутации храброго и удачливого наездника. Чем продолжительнее и опаснее был поход, тем большей была слава его участников. Захват добычи не был самоцелью и не способствовал накоплению материальных благ, поскольку в соответствии с идеологией рыцарского аскетизма, практически все привезенное наездниками из похода щедро раздаривалось ими родственникам, друзьям, неимущим членам общины, что, в конечном счете, также работало на создание образа идеального героя.

¹³⁹ *Лов* – локальный вариант адыгской породы лошадей

¹⁴⁰ *Каждому из них отрезали концы ушей* – пережиток эпохи язычества, напоминание о временах, когда лошадей приносили в жертву и погребали вместе с хозяином. Однако и этот обряд – посвящение коня памяти умершего с символическим пролитием крови – как и многие другие языческие обряды, благодаря стараниям мусульманского духовенства, постепенно выходил из употребления, будучи, по данным Н. Дубровина, в последний раз в полном объеме выполнен в 1820-х гг. на поминках темиргоевского князя Мисоста Болотокова

¹⁴¹ *«У кого теперь ума не достало», – сказал известный поэт* – несколько перефразированный отрывок из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» («Но чтоб иметь детей, кому ума не доставало?»). Далее следует продолжительный пассаж, в котором Хан-Гирей бичует кичливую глупость, которая еще более неприглядна, когда прикрывается словами поэта. К началу литературной деятельности Хан-Гирея комедия Грибоедова была широко известна и еще до ее издания в 1833 г. ходила по стране в списках.

¹⁴² *улемы знаменитого Махмуда* – богословы и законоведы, осуждавшие султана Махмуда II (правил в 1808 – 1839 гг.) за «безбожные» реформы, привнесшие светские элементы в систему образования и в повседневную жизнь османских подданных; были солидарны с янычарами, выступавшими против реорганизации армии. Тем не менее, улемы были вынуждены в 1826 г. благословить уничтожение янычарского корпуса, мятеж которого подрывал основы государственной власти.

¹⁴³ *выпить богатырский бокал* – обычай, прослеживаемый еще со времен нартской эпохи, согласно которому прославленному герою вручают рог или чашу с хмельным напитком. «Батырыбжьэ» являлся констатацией заслуг человека в ратном деле, успехов в военно-спортивных играх или совместном труде [14, с. 134; 49, с. 26; 42, с. 17].

¹⁴⁴ *который был в набегах за Волгой. «Давно наша молодежь, занятая войной, не имеет возможности познакомиться с загорными странами <...>»* По представлениям адыгов, слава, приобретенная во время дальнего набега, не уступала заслугам, проявленным при обороне родной земли, а иногда и перевешивала их (См. напр.: [91, с. 131]).

¹⁴⁵ *Он был друг знаменитого Айдемира и с ним находился при разорении Астрахани* – имеется в виду Айдемиркан (Андемиркан) – прославленный воитель, герой многочисленных адыгских песен и преданий. Имя Айдемиркана упоминается в песне о крымском походе кабардинцев (состоялся около 1523 г. [74, с. 175]). Участник взятия Астрахани кабардинцами в 1533 г., когда хан Касым был убит, а на астраханский престол возведен хан Ак-Кубек, связанный родственными узами с правящей династией Кабарды [94, с. 102].

¹⁴⁶ *Не зная, кто меня зовет, явился я на место свидания* – распространенный

в фольклоре сюжет, когда герой, откликаясь на чей-либо зов (близкого друга, врага либо совершенно незнакомого человека), покидает дом и отправляется к назначенному месту встречи. Интересоваться при этом причиной вызова и личностью вызывающего считалось неприличным.

¹⁴⁷ *мир уже был заключен между родственниками и убийцами твоего отца, и ты, еще дитятею, был отдан в руки Джембулата* – один из вариантов примирения кровников – когда виновный в убийстве (в конкретном случае – его родственник) не выплачивал «цену крови», а в качестве компенсации брал на воспитание ребенка убитого им человека.

¹⁴⁸ *кровью убийц хотел оросить его могилу* – подобные случаи убийства кровника на могиле им убитого имели место еще и в середине XIX века, однако в правовой практике они воспринимались уже как архаика, реликтовое явление [61, с. 402-403].

¹⁴⁹ *носить оружие, а не ножницы* – гендерный знак, иногда изображался даже на могильном камне.

¹⁵⁰ *Донекей* – к образу этого разбойника Хан-Гирей возвращается и в биографическом очерке «Князь Пшьской Аходягоко», а в «Записках о Черкесии» дает понять, что Донекей был реальным историческим лицом.

¹⁵¹ *пери* – в мусульманской традиции – женские волшебные персонажи, чаще благосклонно настроенные к человеку и нередко становящиеся женами фольклорных героев, наделяя их необыкновенными качествами.

¹⁵² *в ту самую минуту, когда я совершал молитву, напали на меня, безоружного <...> и лишили меня свободы* – здесь Хан-Гирей усиливает драматизм ситуации, поскольку героя захватывают не просто безоружным (что само по себе уже считалось бесчестным), но и во время молитвы, совершая тем самым двойной грех. Ср.: аналогичная ситуация описана Хан-Гиреем в очерке «Бесльный Абат».

¹⁵³ *Шумноковы* (Шумануковы; Шумнеко – в «Записках о Черкесии») – дворянская фамилия бжедугов-хамышеевцев; владели аулом Энем.

¹⁵⁴ *он владел чарами и был лукав* – действительно, в отличие от других эпических героев, Сосруко зачастую побеждает своих врагов хитростью и при помощи магической помощи своей матери Сатанай-гуацэ.

¹⁵⁵ *песни Тасса* – Тассо Торквато, итальянский поэт эпохи Возрождения, для произведений которого были характерны эпический размах, образность речи, обращение к героическому прошлому, возвышенное описание рыцарской культуры.

¹⁵⁶ *Янинский паша* (Али-паша Янинский) – албанский феодал, правитель области на Балканах с центром в г. Янина, фактически независимой от османского султана. Был известен своей жестокостью даже по отношению к близким родственникам.

¹⁵⁷ *Паллас* Петр Симон (1741 - 1811) – российский ученый германского происхождения, действительный член Российской Академии наук. С 1766 г. работал в России; посетил Северный Кавказ в рамках разработанной им программы изучения производительных сил страны. Результаты этой поездки отражены в книге «Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.»; в ней Паллас подробно описал социальную структуру, быт и традиционную культуру народов региона. Особое внимание уделил кабардинцам,

сравнив образ жизни их аристократии с рыцарской культурой феодальной Европы.

¹⁵⁸ **Напев песни был положен на ноты одним моим знакомым** – композитор Дж. Хаупа, редактировавший музыкальные материалы Хан-Гирея для первого издания «Записок о Черкесии», обратил внимание на сопровождавшие нотную запись штрихи – фиксации звуков, характерный для исполнителей на смычковых инструментах. Согласно версии Дж. Хаупы, адыгские мелодии были положены на ноты виолончелистом М. Вильегорским, входившим в круг общения Хан-Гирея.

¹⁵⁹ **ноты и прочее пока для меня потеряны, и об них остались у меня одни только неприятные воспоминания** – речь идет о нотном фрагменте, наряду с другими вошедшем в состав главы «Поэзия и музыка» «Записок о Черкесии». Минорный настрой Хан-Гирея объясняется его безуспешными попытками получить свой труд для издания.

¹⁶⁰ **знаменитые песни Солох, Карбеч, Канболет** – песни о князьях Шолохе и Карбече бытовали еще в XX веке, будучи записаны фольклористами в 1950-1970-х гг. [92, с. 180-189; 93, с. 18-22, 458-460]. Текст песни о князе Канбулате известен только благодаря Ш. Ногмову [96, с. 105-107; 97, с. 109-110].

¹⁶¹ **песни Ккурее, Кештейво, Бзиеккозогор** – песни о ночном нападении кабардинцев («Къэбэрдей жэщтеуэм и уэрэд») и о Бзюкской битве (бжедугская версия песни «Бзыикъо заом иорэд») известны в большом количестве вариантов [92, с. 225-250; 128, с. 94-113].

¹⁶² **в числе так называемых мирных** – в официальных российских документах эпохи Кавказской войны адыги разделялись на две условные категории. «Мирные» адыги (главным образом, равнинные княжества), дававшие присягу императору, формально сохраняли самоуправление. «Немирные» («неприяженные» или «непокорные») являлись прямыми противниками России. Грань между «мирным» и «немирным» состоянием была весьма зыбкой, и переходы из одного лагеря в другой, придававшие своеобразие войне, были обычным явлением. Характеризуя этот феномен, Я.А. Гордин писал: «“Мирные” горцы – категория трагическая. Добровольно никто из них – за очень небольшим исключением – не подчинялся русским властям. Будучи вынуждены к этому карательными акциями, голодом в результате блокады, страхом за аманатов, находящихся у русских, “мирные” горцы оказывались между двух смертельно враждующих сил. Если они не помогали своим немирным соплеменникам, то становились жертвами набегов. Поэтому – как по искреннему чувству, так и из страха перед мстью, от которой русские штыки их защитить не могли, – они в критических ситуациях принимали сторону немирных» [36, с. 167-168].

¹⁶³ **выдали закоренелых старообрядцев** – эпизод демонстрирует явное отступление от императивов адыгского гостеприимства и покровительства, идеальные нормы которых были известны российскому командованию: «Один из обычаев, наиболее и со всей строгостью исполняемый закубанскими народами, заключается не только в невыдаче преступников из среды себя по требованию русского правительства, но даже подобного защищают всеми силами до последнего издыхания, какого бы он народа не был, даже беглого русского ...» [109, л. 5]. Однако в ситуации противостояния двух цивилизационных систем конфликт ценностей разрешался не в пользу адыгской стороны – целенаправленное разрушение общественных институтов, несоответствующих имперской правовой системе, становилось необратимым. Данное явление исследовано В.Х. Кажаровым

на материалах Кабарды: [61, с. 317-383].

¹⁶⁴ **генерал А. А. В.** – Вельяминов Алексей Александрович (1789 - 1838), сподвижник А.П. Ермолова, при котором занимал должность начальника Отдельного Грузинского (с 1820 – Кавказского) корпуса, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории (1831 - 1838). Сторонник исключительно жесткой политики по отношению к народам Кавказа. Автор многочисленных проектов и записок, в которых, подобно Ермолову, отстаивал идею постепенного продвижения России вглубь Кавказа, сочетая средство военного и экономического давления с казачьей колонизацией (план принят не был, однако уже в самом конце войны именно данная стратегия позволила российскому командованию победоносно завершить столетнюю кавказскую эпопею). Дважды давал отрицательный отзыв на препровождавшиеся ему проекты Хан-Гирея – «Записки о Черкесии» (1836) и «Проект Положения об управлении горскими народами» (1837).

¹⁶⁵ См. **коммент. 36.**

¹⁶⁶ **певцы нередко были необходимы, как хранители событий** – Р. Унарокова приводит слова сказителя Пазада Ачегу: «Наша история – это наши песни» [129, с. 27]. Близкое по смыслу изречение вкладывается в уста последнего уали Кабарды Кучука Джанхотова: «Наша история – это наши старики» [90, с. 148].

¹⁶⁷ **Песня Теймр-кап** (или Темир-капу – «Железные ворота») – песня о взятии Дербента; записана Ш. Ногмовым под названием «Гуртатская битва» [96, с. 51-52] и в «Истории адыгейского народа» отнесена к эпохе аварского присутствия на Северном Кавказе [97, с. 67-68].

¹⁶⁸ **Походная пища (гьомыл)** – специальные блюда длительного хранения, использовавшиеся в походе. «Питаться походной пищей» или «разделять походную пищу» – достаточно распространенные выражения в фольклоре, характеризующие достоинства истинного воина-наездника.

¹⁶⁹ **Джамбулат** – главный герой «Черкесских преданий» Хан-Гирея.

¹⁷⁰ **Луван** – видимо, герой ненаписанного или ненайденного пока еще труда Хан-Гирея. Вероятно, что под этим именем скрывается Лиуан Бжихатлоко – кабардинский мудрец и провидец, живший в XVI в. Фольклористами зафиксирован ряд преданий, некогда входивших в обширный цикл о нем. С именем Лиуана связан ряд поразительных предсказаний о неизбежности прихода русских на Кавказ [117, с. 285-295; 90, с. 190-191], вполне согласовавшихся с генеральной концепцией самого Хан-Гирея. Обращение к XVI веку, эпохе Лиуана и русско-адыгского союза, позволило бы Хан-Гирею, в очередной раз умолчав о судьбе оккупированной Кабарды, затронуть тему исторической предопределенности вхождения адыгов в состав России.

¹⁷¹ **Магмет-Гирей** – вероятно, собирательный образ крымского хана, в котором можно обнаружить совпадения с личностями каждого из ханов, носивших это династическое имя. Ожесточенное соперничество внутри клана Гиреев при активном вмешательстве Турции заставляло едва ли не каждого правителя Крыма испытать «превратности судьбы», на которые намекает автор «Черкесских преданий», нередко завершавшиеся низложением и / или насильственной смертью.

¹⁷² **Хаким-баши** – придворный врач.

¹⁷³ **Гинвиз** – предп. Генуя. В пользу этой версии говорит текстологическое совпадение фрагментов «Черкесских преданий» и поэмы А.С. Пушкина

«Бахчисарайский фонтан» (влияние которой на творчество Хан-Гирея является признанным фактом в литературоведении [135, с. 176-177; 152, с. 62-64]): «Иль, что Гинвиз коварный хитрит пред тобою, как лиса» (Хан-Гирей) и «Страшится ли народов гор иль козней Генуи лукавой?» (Пушкин). Кроме того, в этой же главе «Черкесских преданий» Заира перечисляет те же внешние силы, что и в песне: Генуя, Стамбул, Русь и ляхи.

¹⁷⁴ **Ор-Капу** (Ор-Капу) – город-крепость на Перекопском перешейке, защищавшая Крым со стороны континента.

¹⁷⁵ **Мугридар** (мюхюрдар) – хранитель государственной (ханской) печати.

¹⁷⁶ **Хазнадар** – казначей хана.

¹⁷⁷ **Диван-эфенди** – секретарь (делопроизводитель) Дивана.

¹⁷⁸ **Великий Лукман** – легендарный мудрец древне-аравийской истории, после принятия ислама арабами вошедший в число почитаемых ими праведников. Образ Лукмана (Локмана) воспринят и фольклорной традицией народов Кавказа.

¹⁷⁹ **Кизляр-ага** – главный смотритель ханского гарема.

¹⁸⁰ **посадница новгородская** (Марфа-Посадница) – вдова посадника И.А. Борецкого; в 1471 г. в преддверии поглощения Новгородской земли Московским княжеством возглавила движение, отстаивавшее сохранение вечевых вольностей.

¹⁸¹ **мещанин во дворянстве** – персонаж одноименной комедии Ж.-Б. Мольера; олицетворение непомерного тщеславия и готовности на любые жертвы во имя принадлежности к «благородному» сословию.

¹⁸² **Хегатское племя** (хегаки или шегаки) – одна из субэтнических групп адыгов, некогда проживавшая в низовьях Кубани, на Тамани и в окрестностях современной Анапы. В результате постоянных войн с крымскими татарами и эпидемии чумы, численность хегаков катастрофически сократилась. Разрозненные их группы постепенно утратили самобытность. Так, небольшая группа хегаков, к концу XVIII в. еще остававшаяся в районе Анапы и признававшая власть князей из рода Зан (Заноко), постепенно слилась с окружающими ее натухайцами, в силу чего представители этой династии в русских источниках нередко именуются «натухайскими князьями». Согласно версии Хан-Гирея, Заны были династией изначально хатукаевского происхождения (См. «Записки о Черкесии», Ч.1, Отд.4, Гл.Х).

¹⁸³ **Князя этого племени, Атвонук и Канбулат, родные братья ...** – В источниках конца XV – начала XVI вв. упоминается ряд исторических персонажей, которые могут быть отождествлены с героями черкесского предания. Возможно, что в нем сохранилась память о жанеевском князе Антононе, в 1489 г. призвавшем крымские войска для борьбы со своими политическими оппонентами. Другие вероятные прототипы – хатукаевские князья Антонук и Алегук, против которых в 1551 г. крымским ханом Сахиб-Гиреем была предпринята военная экспедиция. Согласно турецкому хронисту Реммал-ходже, братья укрылись у союзных бжедугов; в ходе военной кампании адыги потерпели поражение, а Антонук попал в плен к татарам [94, с. 70, 110].

Небезынтересна и версия барона Гаммера, на которую обратил внимание читателей еще первый публикатор трудов Ш.Б. Ногмова А. Берже. В труде «История османских царств» немецкий историк описывает борьбу за власть («сан владельца черкесов») между братьями Антонак-бегом и Хакашмак-бегом. Это противостояние, отнесенное Гаммером к 1644 г., завершилось победой Антонака,

заручившегося поддержкой крымского хана. [135, с. 191-192]. Этот источник по целому ряду аспектов занимает промежуточное положение между версиями Хан-Гирея и Ногмова (см. историко-литературный очерк) и, вероятно, тоже основан на фольклорных материалах.

¹⁸⁴ *князь куда-то выехал и потому ограда и домик были совершенно пусты* – вопреки устоявшимся стереотипам, кунацкая предназначалась не только для приема гостей. Ю.Ю. Карпов уже писал о гостевых домах как своеобразных мужских клубов [68]. М.Ю. Унарокова отмечала, что кунацкая (хьакIэш) являлась местом, где протекала социальная жизнь действующего главы семьи. Здесь с его участием проходило обсуждение вопросов внутрисемейной, хозяйственной и общественной жизни, здесь он занимался необременительными повседневными делами (например, ухаживал за оружием), а также принимал пищу. В этом, в частности, находил свое выражение принцип раздельного питания, сформулированный М.Ю. Унароковой, в соответствии с которым адыгская семья делилась на группы потенциальных сотрапезников, при этом место трапезы каждой группы строго фиксировалось [126].

¹⁸⁵ *его плечи были столь широки, а талия так тонка, что кошка, проходя под боком, не задевала его пояса* – распространенная в фольклоре метафора, использовавшаяся для описания внешности эпических героев.

¹⁸⁶ *в противном случае он остановился бы в большей гостиной, назначенной для обыкновенных гостей* – кроме обычной кунацкой, имевшейся на каждой адыгской усадьбе для размещения гостей, некоторые князья строили и другой дом, подальше от ворот, предназначенный исключительно для близких родственников и друзей [33, с. 309].

¹⁸⁷ *и, прижавшись к ее груди, сказал: «Будь моей восприимчивой матерью!»* – обряд усыновления – одной из форм искусственного родства – предусматривал прикосновение к груди приемной матери. Фольклорные герои, как исторических преданий, так и волшебных сказок, нередко в крайней ситуации, для спасения жизни, прибегают к описываемому Хан-Гиреем приему.

¹⁸⁸ *Наш повелитель (так величают черкешенки вообще старших братьев своих мужей)* – о табуировании имен близких родственников в адыгской культуре см.: [12, с. 122-123].

¹⁸⁹ *Бжедугское поколение ... сначала жило в самых недрах горной цепи, но в эпоху рассказываемого предания выдвинулось уже к северным равнинам и занимало вершины речек Псакупс и Пишишь* – здесь Хан-Гирей следует этногенетическим преданиям бжедугов об их постепенной миграции с побережья Черного моря на северный склон Кавказского хребта и далее в направлении Кубани

¹⁹⁰ *Канбулат, обнажив по тогдашнему обычаю свою голову* – более подробно об обряде отдачи под покровительство см. также в очерке Хан-Гирея «Князь Пшськой Аходягоко».

¹⁹¹ *бжедуги, оплакивая свои потери, утешались славой, приобретенной ими во времена благородной защиты гонимого* – по представлениям адыгов, положительная репутация, приобретенная в соответствии с понятиями рыцарской чести, при защите слабого, перевешивала все материальные и людские потери, понесенные при этом покровителем.

¹⁹² *Песня <...> служит основой предания, которое, в свою очередь, служит ей истолкованием* – фольклористы неоднократно подчеркивали характерную

особенность адыгской песни: она изначально мыслится как единое целое с комментирующим ее преданием [90, с. 102-107; 129, с. 27].

¹⁹³ ... *от нынешнего Павловского поста* – располагался на правом берегу р. Кубань напротив нынешнего а. Глюстенхабль. Неподалеку от поста, на правом берегу находился хутор Магомет-Гирея, отца Хан-Гирея [28, с. 22].

¹⁹⁴ *битвоописательную песню Казбека* – возможно, ошибка редактора издания 1846 г. В черновом автографе очерка говорится о песне Карбека (см. раздел IV настоящего издания).

¹⁹⁵ *которую сами черкесы почитали зловещею* – Одним из элементов военной магии, направленной на обеспечение удачного исхода предприятия, были песни, посвященные подвигам прославленных героев, участников сражений и набегов. Хан-Гирей приводит образчик одной из таких походных (или, по его же классификации, наезднических) песен.

При этом песни, повествовавшие о несчастливой судьбе, трагической или бесславной гибели исторических персонажей, не могли считаться приносящими удачу, и их исполнение считалось дурным предзнаменованием. К числу таковых (по Хан-Гирею, «зловещих») может быть отнесена и песня Карбека, повествовавшая о «продолжительных страданиях» героя, умершего от тяжелой раны. Об этой же песне см. в «Черкесских преданиях» Хан-Гирея.

¹⁹⁶ *на мне еще никто не видел прожженной шапки* – см. авторскую сноску к «Черкесским преданиям».

¹⁹⁷ *пригнать табун шамхала из-за Казанища, схватить пленника из Джеметей* – имеется в виду широкая география набегов главного героя. Казанище – селение в Дагестане, во владениях шамхала Тарковского; Джеметей (адыг. Джэмэтый) – местность на берегу Черного моря близ Анапы.

¹⁹⁸ *Азов* (Азак) – турецкая крепость в устье Дона; до 1475 г. итальянская фактория Тана. Восточный берег Азовского моря, где находились черкесские селения (в частности, владение Кремух, согласно итальянскому автору сер. XV в. И. Барбаро, располагавшееся в трех днях пути от Таны), был оставлен адыгами на рубеже XV - XVI вв., вероятно, с началом крымской экспансии. Однако на протяжении последующих трех столетий Азовское направление было одним из излюбленных маршрутов дальних походов черкесов.

¹⁹⁹ *дети Бекташа* (образн.) – одно из самоназваний янычар, считавших своим покровителем Хаджи Бекташа, основателя дервишского ордена. После уничтожения янычарского корпуса (см. коммент. 70 и 71) была запрещена и деятельность тесно связанного с ним ордена Бекташи.

²⁰⁰ *деребей* – независимый феодал.

²⁰¹ *Зиафет* – угощение, пиршество.

²⁰² ... *млечный путь, называемый путем прогона табунов* ... – “Шъэфыль гьогу”/“Шыхульагъуэ”.

²⁰³ *передали потомству песнь о страдальческой кончине своих товарищей* – песня в современных собраниях адыгского фольклора не представлена.

²⁰⁴ ... *готовы запеть по нем сагхеш* ... – погребальная песня.

²⁰⁵ ... *в рукопашном бою ловкие проворные бжедуги выигрывали пред грубыми своими врагами* ... Профессиональные воины – дворяне имели несомненное преимущество перед крестьянами – ополченцами.

²⁰⁶ *В плачевной песне, сложенной после столь достопамятного дня* –

бжедугская (в отличие от шапсугской) версия песни о Бзюкской битве; известна в большом количестве вариантов [128, с. 99].

²⁰⁷ С. – Собай.

²⁰⁸ П. – Педис (Падисовы).

²⁰⁹ *коснувшись рукою полы его платья, произносит: «Отдаюсь под твоё покровительство»* – ритуал просьбы о патронате; его различные варианты Хан-Гирей воспроизводит в очерках, посвященных Канбулату и Пшекую Ахеджакову.

²¹⁰ *главный участник убийства человека, состоявшего под покровительством Айтекова, оказав должное удовлетворение этому князю* – по адатам покровитель имел право мстить за своего клиента либо получить с убийцы «цену крови».

²¹¹ *В возгоревшейся междоусобной войне Айтековых* – см. об этом [коммент.98](#)

²¹² *Аслан-хан Казыкумыкский* – правитель Кюринского ханства (Дагестан), с 1820 г. – объединенного Кюра-Казыкумухского ханства. По воспоминаниям современников рисуется образ мелкого деспота, стремившегося сохранить свои владельческие права усердной службой российской стороне. Возбуждал у российских властей необоснованные надежды на переход в православие, демонстративно не расставаясь с подаренной ему Библией и употребляя алкогольные напитки в месяц мусульманского поста. См., напр.: [25, с. 431; 36, с. 131, 133].

²¹³ *Диван* – см. [коммент. 73](#)

²¹⁴ *О Хаджи Хассан-паше* см. подробнее в очерке Хан-Гирея «Князь Пшьской Аходягоко»

²¹⁵ *фельдмаршал* – князь Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782 - 1856), возглавивший войска Отдельного Кавказского корпуса после отставки А.П. Ермолова в 1827 г. Близкий друг императора Николая I, был облечен его особым доверием, в т.ч. и в сфере стратегического планирования покорения Кавказа.

²¹⁶ *офицер генерального штаба для обозрения некоторых мест за Кубанью* – имеется в виду вторая экспедиция поручика Г.В. Новицкого, предпринятая им при содействии братьев Абатовых (первая была совершена в 1829 г.). Информация, собранная Новицким в ходе этого вояжа, была оформлена в виде докладной записки, опубликованной спустя полвека в газете «Кубанские областные ведомости» [95] (см. также [коммент. 27](#)). Современники Новицкого (в частности, Г.И. Филипсон) подвергали сомнению его статистические выкладки по адыгам, считая, что всю информацию он получил от сотрудников миссии Скасси К. Тауша и Л. Люлье, много лет проживших среди адыгов, а также от братьев Абатовых.

²¹⁷ *В это время фельдмаршал предпринимал экспедицию противу неприязненных черкесов* – в отличие от своего предшественника А.П. Ермолова, учитывавшего местную специфику и настроенного на долголетнюю «осаду» Кавказа, И.Ф. Паскевич в угоду Николаю I разработал грандиозный проект, обещавший в считанные месяцы 1830 г. привести к покорности все народы Северного Кавказа. План предусматривал одновременное начало боевых действий российскими отрядами, которые посредством силы или угрозой ее применения должны были принудить местные народы к принятию присяги императору.

Многообещающий проект кавказского блицкрига завершился полным фиаско. В частности, экспедиция в Закубанье под личным командованием Паскевича (12

октября – 1 ноября 1830 г.) принесла ничтожные результаты, будучи сведена к разорению селений, оставленных шапсугами и абадзехами.

²¹⁸ *Тчемиргойский князь Джембулат* – Джембулат Болотоков, «последний представитель рыцарского поколения прежних черкесских князей» [120, с. 84], пользовавшийся огромным авторитетом среди адыгов. В 1830 г. принес присягу российскому императору и прекратил военные акции против кордонной линии. Строго соблюдал мирные условия, не давая никакого повода российскому командованию для разорения его подвластных. См. о нем также **коммент. 98**.

²¹⁹ *Джембулата (который сохранил с тех пор верность к России) не стало: он погиб... насильственной смертью* – в октябре 1836 г. Джембулат Болотоков был предательски убит, причем как народная молва, так и российские и иностранные авторы прямо или косвенно возлагали вину за это преступление на командующего Кубанской линией генерала Засса, которому была исключительно выгодна смерть влиятельного князя в преддверии переноса кордонной линии на Лабу и ожидавшихся в силу этого столкновений с темиргоевцами. Видимо, разделяя эту точку зрения, Хан-Гирей вскользь, не называя имен, ограничился констатацией самого факта гибели Джембулата.

²²⁰ *эту партию составляли лучшие князья и дворяне разных черкесских племен* – вероятно, именно об этой кавалерийской партии, возглавлявшейся князьями Джембулатом Болотоковым и Мамед-Гиреем Кончукоко, доносил в рапорте И.Ф. Паскевичу Г.В. Новицкий в начале декабря 1830 г. [112, с. 896-897.]

²²¹ *Кзильбеч* – Тугужуко Кызбэч (1777 - 1840), прославленный адыгский предводитель эпохи Кавказской войны. Предположительно, оказал влияние на образ лермонтовского Казбича, хотя и не являлся его прямым прототипом.

²²² *г. Е.* – генерал Алексей Петрович Ермолов (1777 - 1861), командующий Отдельным Кавказским корпусом в 1816-1827 гг. Одна из знаковых фигур Кавказской войны. В отечественном хангирееведении с подачи В.П. Бурнашева длительное время функционировал миф об особом участии Ермолова в воспитании юного Хан-Гирея [22, с. 37], ныне опровергнутый А.Д. Вершигорой [28, с. 49].

²²³ *о герое Невском* – русский князь Александр Ярославич, в 1240 г. разбивший шведский экспедиционный корпус на берегу Невы.

²²⁴ *фельдмаршал прибыл из Варшавы* – биография бывшего командующего Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевича-Эриванского была тесно связана не только с Кавказом, но и с Польшей: за подавление польского восстания 1830-1831 гг. он получил титул светлейшего князя Варшавского, с 1831 г. являлся наместником царства Польского.

²²⁵ *Б.* – граф Александр Христофорович Бенкендорф (1781 - 1844), шеф корпуса жандармов, начальник III отделения императорской канцелярии. Являлся непосредственным начальником Хан-Гирея. Покровительствовал Хан-Гирею, способствовал возвращению попавшего в опалу Хан-Гирея с Кавказа в Петербург; по просьбе Хан-Гирея в конце 1839 г. пытался добиться возвращения автору «Записок о Черкесии» его труда для опубликования.

²²⁶ *Фирдуси* (Фирдоуси) – классик персидско-таджикской литературы, автор грандиозной поэмы «Шахнаме» («Книга царей»).

²²⁷ *Дюк де Ришелье* – французский эмигрант, в 1805-1814 гг. генерал-губернатор Новороссийского края (Херсонской, Екатеринославской и Таврической губернии). В период русско-турецкой войны 1806-1812 гг. неоднократно посещал

причерноморские районы Черкесии в качестве одного из начальствующих российскими войсками лиц. Описанный Хан-Гиреем эпизод мог иметь место в 1807 г., когда, по воспоминаниям мемуаристов, отряд дюка (герцога) Ришелье, приняв участие во взятии Анапы, затем предал огню окрестные черкесские селения, либо в 1811 г., когда боевые действия переместились в район Суджук-Кале [113, с. 340-345, 347-348, 529-531.]. Столь же, если не более, вероятной датой встречи Ришелье и Бесленея Абатова является 1809 г., в августе которого, прибыв в повторно взятую российскими войсками Анапу, Ришелье «призывал туда знатнейших князей черкесских и старался внушить им благие намерения правительства» [118].

²²⁸ *Я советовал ему оставить без внимания некоторые дела <...> Я должен возвратиться отсюда, зная, что сказать им, если спросят!..* – свидетельство принятой на себя Бесленеем привычной для него роли дипломата, на этот раз – представителя адыгской аристократии, еще уповавшей на реставрацию сословных привилегий под эгидой военных властей. Именно от оглашения этого вопроса и пытался отговорить Абатова Хан-Гирей, лучше, чем кто-либо, сознававший всю иллюзорность и беспочвенность этих надежд.

²²⁹ *Один из этих знаменитых воинов, по имени Дяндеко-Севай, был родоначальником бжедугских князей* – наряду с преданиями о нартах, как предшествовавшей людям цивилизации, существовали и предания, включавшие нартов в число предков адыгов – видимо, эту фольклорную версию и озвучивает в данном случае Хан-Гирей [158, с. 105.].

²³⁰ *Шамгур* (Самгур) – мифическая птица, способная одним глазом видеть прошлое, другим – будущее [78, с. 61-62].

²³¹ *носить на войне знамя своего племени* – по полевым материалам Б.Х. Бгажнокова, у черченейцев данной привилегией обладала дворянская фамилия Хакуй [13, с. 75].

²³² *Вся одежда на нем была как снег белая* – белый, праздничный цвет одежды соответствовал представлениям адыгского дворянства о сражении как празднике, в день которого дозволительно одеваться сколь угодно броско и даже вычурно (см. об этом в главах «Одежда и вооружение» и «Образ воевания» «Записок о Черкесии» Хан-Гирея). С другой стороны, белая одежда на фоне горно-лесных пейзажей демаскировала воина, бросавшего вызов судьбе, и символизировала его презрение к смерти.

²³³ *... дворян черкесских, приверженцев Мугаммед-Гирея ...* Странники пророссийской ориентации, проживавшие в хуторах правобережья Кубани (и, в том числе, в поселке Магомет-Гирея, отца Хан-Гирея).

²³⁴ *суровым стариком – моим дядькою* – см. [коммент 123](#).

²³⁵ В небольшом отрывке Хан-Гирей проиллюстрировал практически весь спектр существовавших вариантов адыгского покровительства: наемное куначество (торговец-грек и его покровитель); ситуативное куначество и способ его приобретения (встреча с Донекеем); покровительство по отношению к иностранцам (сюжет с турецкими купцами). См. подробнее об этом в главе «Гостеприимство, покровительство и дружество» «Записок о Черкесии».

²³⁶ *Донекей, как морской пират* – о черкесском пиратстве см: [155, с. 143-160].

²³⁷ *если бы решились давать каждому предмету особенную нумерацию* – следует отметить, что обширный круг интересов Хан-Гирея и научный склад его мышления обусловили конструирование им многочисленных классификационных

схем (в т.ч. – и социальной структуры Черкесии), по сей день не утративших своего значения для адыговедения.

²³⁸ *древние обычаи дают им право прибегать к подобно рода насильственным займам* – см. об этом [коммент 62](#).

²³⁹ *Вали* – в османской служебной иерархии – правитель административной единицы (вилаята). В адыгской политической культуре понятие «уэлий» уже в сер. XVIII в. функционировало в значении «старший» («главный» или «верховный») князь [[56, с. 144](#)]. В случае, описанном Хан-Гиреем («*наименовал старших князей валиями*») мы наблюдаем не рождение нового термина или субъекта, а попытку встраивания уже существующих властных структур в систему управления Османской империи.

²⁴⁰ *Алкаса, известного читателям наших статей* – непонятно, что имел в виду автор. В известных нам работах Хан-Гирея Алкас упоминается только в «Записках о Черкесии», так и не изданных при его жизни. Вероятнее всего, речь идет об одном из очерков той же биографической серии, – возможно, о статье «Сераскир Султан Мугаммед-Гирей» (см. раздел IV настоящего сборника), которая, по замыслу автора, готовилась к изданию под 2-м номером, и в которой Хан-Гирей не мог не затрагивать истории взаимоотношения султанов и бжедугских князей.

²⁴¹ *он снял при этих словах шапку и потом снова надел* – один из вариантов ритуала отдачи под покровительство, когда традиционная формула просьбы о помощи («мыр сшхъэ, мыр сипаЮ») сочетается с самоуничижительным жестом – символическим обнажением головы [[130, с. 26](#)]. См. также аналогичный по смыслу ритуал в повести «Князь Канбулат».

²⁴² *гостя абадзахского народа* – понятие «хъакІэ» имело в адыгском языке два значения – «гость» и «покровительствуемый». В данном случае, исходя из контекста речи абадзехских старшин, оно употреблено во втором смысле. В то же время, сам Хан-Гирей в другой своей работе («Записках о Черкесии») отмечал, что «черкесы под названием “гость” в обширном смысле понимают и людей <...> прибегающих к покровительству постороннего владельца» ([С. ... настоящего сборника](#)).

²⁴³ Речи Аходягоко и абадзехских старшин – великолепный образец политической лексики.

²⁴⁴ *Нет сомнения, что если бы бжедуги обитали в гористых местах, как шапсуги, то никогда уже более не подчинились бы власти дворянства* – этот тезис в развернутом виде получил воплощение в трудах представителей школы «Анналов», задававшихся вопросом о влиянии природно-географической среды на социум. В глазах «анналистов» горы – территория свободы, где торжествует архаика и где преобладает гораздо менее жесткий в сравнении с низинами социальный строй, а власть принадлежит самоуправляемым коммуна-микросоциальностям, противящимся распространению на них «достижений» городской цивилизации. Это страна воинственных горцев, пассионариев, зачастую не дающих покоя своим соседям; но в случае внешней экспансии горы принимают беженцев с равнины и становятся последним оплотом борьбы за независимость. См. напр.: [[16, с. 33-60](#)].

²⁴⁵ *Князь Индар* – в Бжедугии эпохи Хан-Гирея это имя носили два известных политических деятеля: черченеевский князь Индар Ельбуздуков (Бешкоко) и

хамышеевский князь Индар (Инжар) Крымчериико, которые с равной степенью вероятности могут претендовать на упоминание Хан-Гиреем. Оба Индара, как и упомянутый Хан-Гиреем Мгам-Черий Кончукоко, входили в состав делегации от Бжедугии, представлявшей Николаю I в Екатеринодаре. В списке депутатов, составлявшемся Хан-Гиреем и Вревским, отмечено, что вышеуказанные князья «люди влиятельные, благонамеренные и владеющие аулами» [150, л. 69].

²⁴⁶ **Султан Мугаммед-Гирей** – отец Хан-Гирея, влиятельный политик, поддерживавший отношения как с турецким правительством, так и с российскими военными администраторами на Кавказе. Нижеупомянутое предложение, видимо, является отголоском некой реформаторской деятельности, к которой он был готов приступить под эгидой Османов (не будем забывать о предложении «принять на себя начальствование над всеми закубанскими народами», в свое время сделанном ему турецким правительством). На сохранившихся страницах очерка Хан-Гирея, посвященного его отцу «Сераскир султан Мугаммед-Гирей» (см. раздел IV настоящего сборника) содержатся некие смутные намеки на делегированные ему властные полномочия (видимо, отсюда и звание «сераскир», вынесенное в название очерка). См. также о нем коммент. 233

²⁴⁷ ... **кабардинского князя Асланбека, прозванного Великим** ... – Асланбек Кайтукин, старший князь Кабарды в 1737-1746 гг. В памяти адыгов остался как амбициозный, несговорчивый и неуступчивый политик [77, с. 959]. См. также о нем коммент. 21.

²⁴⁸ Здесь и далее цифры несколько отличаются от итоговых данных, приведенных Хан-Гиреем в гл. «Народонаселение» «Записок о Черкесии».

²⁴⁹ Обращает на себя внимание факт употребления Хан-Гиреем в ряде официальных документов адыгских этнонимов в форме, апробированной им в «Записках о Черкесии» (тчемргой, натхокоадь, ххатикоай и пр.), невзирая на то, что в официальном делопроизводстве уже существовали устоявшиеся формы написания адыгских субэтнических групп (темиргоевцы, натухайцы, хатукаевцы и т.д.), до сего дня используемые в русскоязычном кавказоведении.

²⁵⁰ См. также коммент. 98.

²⁵¹ **после мятежа, произведенного Хасан Пашою** – имеются в виду события, более подробно изложенные Хан-Гиреем в «Записках о Черкесии» и в биографическом очерке «Князь Пшской Аходягоко».

²⁵² **бывшего попечителя над Керченскою торговлею** – имеется в виду Рудольфо Скасси, с 1822 по 1829 г. возглавлявший «Попечительство керченской и бугазской торговли» («миссию Скасси»). Являлся убежденным сторонником мирного сближения России с адыгами посредством торговли, в силу чего кардинально разошелся во взглядах с А.П. Ермоловым, апологетом жесткой линии во взаимоотношениях с народами Северно Кавказа.

²⁵³ **Диван** – турецкое правительство. О деятельности представителя Дивана Хаджи-Хасан-паши см. в очерке Хан-Гирея «Князь Пшской Аходягоко».

²⁵⁴ **ротмистр барон Вревский** – адъютант военного министра А.И. Чернышева, включенный в состав кавказской миссии по личному распоряжению императора. В секретном предписании, выданном главой военного ведомства Хан-Гирею, П.А. Вревский аттестован следующим образом: «Офицер сей, употребленный с большою пользою к действиям Закубанского отряда в 1835 и 1836 годах, хорошо ознакомился с местными обстоятельствами края и с его обитателями, и он в

особенности будет Вам необходим для облегчения всех Ваших сношений с местными властями» [114, л. 214-214 об.]. По завершении кавказской миссии П.А. Вревский продолжил службу в военном министерстве, канцелярию которого впоследствии возглавил.

²⁵⁵ *мирные племена <...> обратить их в казаки, как Бабуковцев – См. коммент.135.*

²⁵⁶ *но с тем однако ж, чтобы их суждения происходили в присутствии Вашем и я находился бы тут для того, чтобы я мог убедиться в неосновательностях, которые они найдут в моих предложениях, или, напротив того, доказать основательность, пользу, даже и необходимость оных* – эту меру предосторожности Хан-Гирей предпринимает, чтобы обезопасить себя от заочного осуждения его проекта, как это дважды уже было с «Записками о Черкесии» и с «Проектом Положения об управлении горскими народами». См. об этом также историко-литературный очерк.

²⁵⁷ *Сатовка* – торговля / место для торговли. Термин приобрел широкое хождение в эпоху Кавказской войны. Тюркское заимствование, возможно, воспринятое русскими через посредство адыгского языка (в форме «сатыгу»). См.: [160, с. 57].

²⁵⁸ *Стой!... а кто впереди? “Предание!” и вот судари мои я расскажу вам это предание* – фраза, не вошедшая в окончательный вариант «Наезда Кунчука». Ср. с аналогичной по смыслу и близкой по стилю фразой из «Черкесских преданий»: «Над ними парит предание, и вот что оно видит там:».

²⁵⁹ *сакма* – тюркизм, получивший большое распространение в лексике казачества и военнотружущих российской армии в эпоху Кавказской войны и означавший след, оставленный противником. [Необъяснимая замена терминов привела к принципиальному искажению смысла первоначального авторского текста] Как видим, произвольная замена терминов издателями принципиально искадила смысл авторского текста.

²⁶⁰ *Шепилевский дворец* – в 1740-х гг. построен архитектором Б. Растрелли для сановника Д.А. Шепелева; после смерти последнего приобретен казной и в конце XVIII в. перестроен для нужд императорского двора. До настоящего времени не сохранился. Вероятно, что Шепелевский дворец являлся местом официального пребывания Паскевича в периоды нахождения его в Петербурге

²⁶¹ *«Блажен тот, кто свой язык на привязи может держать»*, – сказал *славный русский поэт* – перефразированные Хан-Гиреем строки из поэмы А.С. Пушкина «Домик в Коломне»: «Тогда блажен, кто крепко словом правит // И держит мысль на привязи свою». Строки, являющиеся символом пушкинской самоцензуры, были актуальны для всего творчества Хан-Гирея.

²⁶² *пяти обществах* – вероятно, в утраченной части доклада речь шла о Кабарде, деление которой на пять уделов Хан-Гирей отразил и в «Записках о Черкесии».

²⁶³ *Султан Довлет-Гирей* (1875 - 1918) – выдающийся деятель адыгской культуры начала XX в. Один из основателей Черкесского благотворительного общества, член ОЛИКО, ученый, писатель, журналист. Проживал в родовом селении Гиреев ауле Глюстенхабль [20]. Специалисты не исключают возможности, что именно в его распоряжении находился архив Хан-Гирея, из которого и была в 1909 г. направлена в печать рукопись «Наезда Кунчука» [153, с. 36].

²⁶⁴ *Грен* Алексей Николаевич (1862 - ?) – востоковед, специалист в области языка, фольклора, истории и этнографии народов Кавказа и коми-зырян. Личность А.Н. Грена издавна привлекает внимание хангирееведов [Косвен. С.198]. Р.Х. Хашхожева считала, что рукопись очерка «Князь Пшьской Аходягоко» могла быть обнаружена А.Н. Греном в архиве Кубанской области [153, с. 35]. Не менее вероятным является и «тифлисский канал» происхождения рукописи, поскольку именно с этим городом на какое-то время была связана деятельность А.Н. Грена, за несколько лет до публикации «Аходягоко» занимавшего должность инспектора народных училищ Тифлисской губернии. Не в архиве ли тифлисской газеты «Кавказ», неоднократно публиковавшей труды Хан-Гирея, А.Н. Грен обнаружил упомянутую рукопись?

